

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
УО «Минский финансово-экономический колледж»
Международная компания «AMIR Technic Services LLC»

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ
РЕГИОНА: ЧЕЛОВЕК И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Материалы
Международной научно-практической конференции
(Красноярск, 26 февраля 2026 г.)

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2026

УДК 332.1:004
ББК 65.04я43
С69

*Рекомендовано к публикации на основании приказа Красноярского филиала Финансового университета
при Правительстве РФ №7/о от 12.01.2026 г.*

Рецензенты: **Смирнова Валентина Петровна**, канд. экон. наук, зам. директора по УВР Красноярского филиала ОУП ВО «АТиСО»;
Шестакова Нина Николаевна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Бухгалтерского учета и статистики» Красноярского государственного аграрного университета

Редакционная коллегия: **Авдеева Светлана Анатольевна**, руководитель службы Красноярского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
Шпет Татьяна Александровна, главный специалист проектной лаборатории Красноярского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Социально-экономический ландшафт региона: человек и цифровая трансформация:
С69 материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 26 фев. 2026 г.) / науч. ред. Т. А. Шпет; Красноярский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. – Чебоксары : Среда, 2026. – 329 с. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-908083-63-8

В сборнике представлены научные публикации, посвященные вопросам социально-экономического ландшафта региона. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области. Предназначен для широкого круга читателей.

Статьи представлены в авторской редакции.

Минимальные системные требования:

PC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; 256 Мб (RAM) ; Microsoft Windows, MacOS ; дисковод CD-ROM ; Adobe Reader

УДК 332.1:004
ББК 65.04я43

ISBN 978-5-908083-63-8
DOI 10.31483/a-10836

© Красноярский филиал ФГОБУ ВО
«Финансовый университет
при Правительстве Российской
Федерации», 2026
© Международная компания «AMIR
Technic Services LLC», 2026
© УО «Минский финансово-экономический
колледж», 2026
© Издательский дом «Среда», 2026

Предисловие

Красноярский филиал ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» совместно с УО «Минский финансово-экономический колледж», Международная компания «AMIR Technic Services LLC» проводят Международную научно-практическую конференцию **«Социально-экономический ландшафт региона: человек и цифровая трансформация»**.

В сборнике представлены научные публикации, посвященные вопросам социально-экономического ландшафта региона. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных исследований представителей научного и образовательного сообщества в данной области.

По содержанию публикации разделены на основные направления:

1. Цифровая экономика и новые бизнес-модели региона
2. Финансовые технологии (FinTech) и трансформация банковско-страхового сектора
3. Цифровая юриспруденция и правовое регулирование виртуальной среды
4. Технологическое ядро: инфраструктура, данные и кибербезопасность
5. Цифровое управление логистическими потоками.

Авторский коллектив сборника представлен городами (Москва, Санкт-Петербург, Брянск, Бузулук, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Краснодар, Красноярск, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Самара, Стерлитамак, Уфа, Чебоксары, Челябинск) России, Республики Беларусь (Минск), Республики Кыргызстан (Бишкек).

Среди образовательных учреждений выделяются следующие группы: академические учреждения (Военная орденов Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации), университеты и институты России (Волгоградский государственный технический университет, Институт социального образования, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Кубанский государственный технологический университет, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Кубанский государственный университет, Московский государственный университет геодезии и картографии, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева, Российский государственный гуманитарный университет, Российский государственный университет туризма и сервиса, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Самарский государственный социально-педагогический университет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Сибирский государственный университет путей сообщения, Уфимский университет науки и технологий, Уфимский юридический институт МВД России, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)) и Республики Беларусь (Белорусский государственный экономический университет), Республики Кыргызстан (Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина, Международный университет Кыргызстана).

Участники конференции представляют собой разные уровни образования и науки: доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, аспиранты, магистры, студенты, преподаватели вузов, соискатели, научный сотрудник.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность нашим уважаемым авторам за активную жизненную позицию, желание поделиться уникальными разработками и проектами, публикацию в сборнике материалов Международной научно-практической конференции **«Социально-экономический ландшафт региона: человек и цифровая трансформация»**, содержание которого не может быть исчерпано. Ждем Ваши публикации и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Научный редактор
главный специалист
проектной лаборатории,
Красноярский филиал ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации»
Т. А. Шпет

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И НОВЫЕ БИЗНЕС-МОДЕЛИ РЕГИОНА

<i>Авдеева С.А.</i> Экономические факторы, влияющие на финансовое поведение молодежи	8
<i>Баласников И.И.</i> Региональная практика цифровизации отрасли экологии и природопользования: сравнительный анализ Брянской и Орловской областей	10
<i>Бобкова И.А.</i> Цифровая трансформация налогообложения как фактор повышения инвестиционной привлекательности и сбалансированного развития регионов	17
<i>Григорян Д.А.</i> Эволюция форм государственного управления на территории России: от Киевской Руси до современности	20
<i>Гулева А.О.</i> Новые бизнес-модели на основе цифровых платформ в сфере агропромышленного комплекса Красноярья	22
<i>Гусейнова Г.М., Быкова А.А., Мойсиева С.М.</i> Влияние особенностей налогообложения субъектов малого и среднего предпринимательства на инвестиционную активность в высокотехнологичных секторах экономики	25
<i>Давлетова А.К., Зделюева А.Н.</i> Аудит и учет основных средств организации: методологические аспекты и практические рекомендации	28
<i>Давлетова А.К., Зделюева А.Н.</i> Аудит основных средств: методология, проблемы и направления совершенствования	31
<i>Диканова В.В., Ермоленко В.А.</i> Искусственный интеллект как фактор инвестиционной конкурентоспособности региона	35
<i>Ильина Н.В., Павлова А.П.</i> Особенности учета и налогообложения деятельности малого предприятия в сфере туризма в условиях цифровизации экономики	39
<i>Карпова А.М.</i> Предоставление государственных и муниципальных услуг МФЦ	43
<i>Каштанова Е.А.</i> Лингвистические маркеры цифровизации в профессиональном дискурсе предпринимателей Красноярского края	45
<i>Каштанова Е.А.</i> Лингвистический анализ рекламных текстов в цифровой среде как фактор успешного позиционирования региональных брендов (на примере Красноярского края)	50
<i>Каштанова Е.А.</i> Язык цифровой среды как индикатор социально-экономического ландшафта региона (на материале Красноярского края)	54
<i>Клементьева А.Е.</i> Цифровая экономика и новые бизнес-модели ЯНАО	57
<i>Кузнецова С.В.</i> НДС-2026: удар по малому бизнесу или невидимая угроза для исполнения бюджета?	63
<i>Кузнецова С.В., Саражаскова К.А.</i> Умный бюджет: от контроля отчетности к контролю результата. Цифровой след государственных закупок и инфраструктурных проектов в Красноярском крае	66
<i>Кузнецова С.В., Щавелева О.С.</i> Цифровизация взаимодействия налоговых органов и налогоплательщиков Оренбургской области	63
<i>Кыялбекова А.К.</i> Будет ли цифровой рубль удобен для малого бизнеса в Красноярске	71
<i>Леньшин М.И.</i> Адаптивные модели роста стратегического развития компании в современных условиях	76
<i>Маткулова Ю.В.</i> Применение цифровых платформ для поддержки малого и среднего бизнеса в экстремальных климатических условиях Ямала	80
<i>Окружко В.В.</i> Антропологический кризис в эпоху цифровизации: идентификация проблемы	87
<i>Окружко В.В.</i> Сознание и искусственный интеллект: актуализация темы человеческой идентичности	90
<i>Окружко В.В., Петерс Е.С.</i> Трансформация психических процессов под влиянием новых технологий	93
<i>Олейник О.В.</i> Применение цифровых технологий для развития комфортной городской среды на примере Челябинской области	96
Социально-экономический ландшафт региона: человек и цифровая трансформация	

Полтавец О.А. Цифровая экономика: драйвер трансформации производственных отраслей	101
Потанина А.Д., Шапкина К.Р. Роль агропромышленного комплекса в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации	104
Развин И.Д. Концептуальная модель процессного подхода к управлению стратегическими изменениями в организациях малого бизнеса	108
Расторгуева Л.В. На пути к зеленой экономике в текстильной промышленности Беларуси	112
Рубашиников Т.О. Активизация инструментов взаимодействия органов государственной власти с общественными организациями (на примере Министерства финансов Челябинской области)	115
Серова А.В. Экосистемный подход к управлению рисками в квантовой отрасли: интеграция архитектуры и процессного моделирования	117
Суверин А.А. Кадровая политика предприятий общественного питания в условиях расширения практики применения цифровых технологий	123
Суржиков М.А., Гулов М.В. Особенности механизма управления производственными процессами	127
Суржиков М.А., Гулов М.В. Применение инновационных технологий в управлении производственными системами зарубежными и российскими компаниями	129
Тишкова В.С. Цифровые платформы: новый взгляд на бизнес и технологии	131
Хайруллин Р.Р. Институциональные и политико-экономические факторы развития молодежного предпринимательства: сравнительный анализ российского и зарубежного опыта	137
Чеботарева С.А. Тренды в контенте: что предпочитают зумеры и миллениалы на цифровых платформах: анализ популярных форматов и жанров контента	140
Чопчиц И.Н. Проблемы цифровой трансформации на рабочем месте	145
Шабанов Н.Т. Внешнее рейтинговое управление как стратегический ресурс региональной системы энергообеспечения на примере Волгоградской области	149
Штейникова В.О. Инвестиции в устойчивое развитие: тренды и прогнозы для предприятий	153
Шумский А.М. Криптовалюта глазами обычного человека: от шутки до цифровой финансовой реальности	156
Якушенков К.А. Экономика цифровых маркетплейсов локальных товаров: региональные особенности	159

ФИНАНСОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ (FINTECH) И ТРАНСФОРМАЦИЯ БАНКОВСКО-СТРАХОВОГО СЕКТОРА

Аникин В.С. Фьючерсы: инструмент трейдера или способ хеджирования?	162
Гурулева А.А., Никитина Д.А. Развитие страхового рынка в условиях внедрения ИТ	166
Илиндеева М.В. Будущее российского страхования в цифровой экосистеме	168
Илиндеева М.В. Политика снижения неравенства и роль страхования в социальной стабильности	171
Киселевич Т.А. Влияние системы быстрых платежей на транзакционные издержки крупного бизнеса в РФ после 2022 года	173
Краснова С.А. Использование финансовых технологий на предприятиях военно-промышленного комплекса в современных условиях	177
Кыялбекова Э.К. Короткое видео как главный канал FinTech маркетинга и драйвер трансформации	180
Лежнин А.А. Государственный контроль РФ за торговлей в национальных валютах со странами – членами БРИКС	183
Машикина М.А. Финансирование развития городской инфраструктуры с помощью муниципальных займов	186
Сивова А.В. Система кредитных данных в России – роль, регулирование и современные тенденции развития	191

<i>Углянская О.А., Лигейда В.А., Жданова Д.А.</i> Финансовые технологии в области инвестирования.....	194
<i>Фокина А.А.</i> Гиперперсонализация финансовых услуг как драйвер развития необанкинга в регионах России.....	196
<i>Хубутия Н.В.</i> Инвестиционное обеспечение модернизации инфраструктурных объектов России: риск-ориентированный отбор и интегральная оценка финансовых решений	199
<i>Хубутия Н.В.</i> Эволюция финансовой устойчивости в условиях цифровой трансформации ..	204
ЦИФРОВАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ	
<i>Батталова А.Н.</i> Роль синтаксиса юридических текстов в цифровой юриспруденции	209
<i>Батталова А.Н.</i> Юридический текст в цифровой среде	211
<i>Блинова Е.А., Иргалиев А.К.</i> Формы регулирования муниципального контроля: системный анализ и правовые тенденции	213
<i>Блинова Е.А., Пономарев М.С.</i> Институт единственного поставщика в корпоративных закупках: правовое регулирование и риски злоупотреблений.....	216
<i>Гаврилова Т.С., Кузнецов А.Ю.</i> Применение искусственного интеллекта в судебной практике.....	219
<i>Гаркуша В.М., Игнатьев С.М.</i> Международно-правовые проблемы борьбы с кибертерроризмом: квалификация, юрисдикция и применения права самообороны	222
<i>Гурулева А.А., Кыялбекова Э.К.</i> Правовое регулирование донатов и стримов: новые риски и взгляд поколения Z в городе Красноярске.....	225
<i>Каковина В.И.</i> Электронный документооборот как инструмент налогового контроля.....	228
<i>Китаригло А.Г.</i> Цифровизация как фактор трансформации права и правового сознания	232
<i>Плетнёв Д.С.</i> Защита несовершеннолетних в цифровом пространстве: правовые механизмы и превентивные меры.....	234
<i>Русакова К.В.</i> Правовые вопросы регулирования платформенной экономики.....	238
<i>Угрюмов В.А.</i> Цифровая юриспруденция: трансформация права в эпоху виртуальных сред ..	240
<i>Шемет В.С.</i> Цифровое государство: сущность и особенности реализации функции обороны.....	243
<i>Шерстнева Т.В.</i> Гражданско-правовые споры и альтернативные способы их разрешения в виртуальной среде	246
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ЯДРО: ИНФРАСТРУКТУРА, ДАННЫЕ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ	
<i>Александрова Ж.П., Говорухина М.О., Колодяжная А.М.</i> Современные подходы к обеспечению безопасности и конфиденциальности данных в условиях роста цифровых угроз.....	249
<i>Вершинина Н.А., Ерышева Е.А.</i> Цифровая трансформация бухгалтерии: потенциал блокчейна для региональной экономики (на примере Самарской области)	251
<i>Губанова А.В.</i> Влияние интернет-зависимости на личность подростка.....	255
<i>Гурулева А.А., Никифорова Я.О.</i> Цифровая безопасность в условиях прогрессирующих киберпреступлений	260
<i>Егоркин А.И.</i> Современные тенденции развития кибербезопасности в РФ	262
<i>Красовская Л.В., Пчелинцева С.В., Насиров Ш.В.</i> Машинное обучение и AI решения в цифровых продуктах	266
<i>Кыялбекова Э.К.</i> «Темная сторона» данных новые риски и взгляд поколения Z в Красноярске.....	269
<i>Салишев С.Н., Алияскарова М.У., Сеюбергена Д.С.</i> Анализ ключевых рисков в сфере защиты информации	273
<i>Салишев С.Н., Алияскарова М.У., Сеюбергена Д.С.</i> Теоретические концепции информационной безопасности: модели и подходы.....	279

<i>Салишев С.Н., Сеюбергенова Д.С., Алияскарова М.У.</i> Теоретико-правовые концепции и подходы информационной безопасности	284
<i>Трухан В.Н.</i> Технологическое ядро: инфраструктура	291
ЦИФРОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИМИ ПОТОКАМИ	
<i>Ашуркина Д.С.</i> Искусственный интеллект на маршруте: как нейросети оптимизируют процессы логистики	295
<i>Григоренко О.С., Новоятлева К.А.</i> Цифровые инструменты отслеживания грузов: влияние на удовлетворенность клиентов и прозрачность логистических цепочек	298
<i>Гуцал Н.М.</i> Красноярский край в условиях глобальной цифровой трансформации: развитие распределенных команд и фриланс-экономики как ответ на вызовы удаленности	300
<i>Кузьмина А.М.</i> Логистические тупики Самарской области: проблемы пассажирских перевозок (на примере Хворостянского района)	303
<i>Максимова Е.В.</i> Влияние цифровых технологий на конкурентоспособность турагентств.....	306
<i>Мареге Самба</i> Цифровое управление логистическими потоками в системе спортивного менеджмента	309
<i>Минаков А.В.</i> Использование цифровых систем в управлении грузовыми автомобильными перевозками.....	312
<i>Русакова К.В.</i> Интеграция современных технологий искусственного интеллекта в деятельность транспортно-логистического сектора	319
<i>Рябова П.А.</i> Разработка математических моделей оценки привлекательности сельского поселения для экотуризма и релокации городских жителей методами факторного анализа	321
<i>Шестакова М.В.</i> Платформы онлайн-доставки и электронная коммерция: влияние логистических платформ на рост e-commerce	326

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И НОВЫЕ БИЗНЕС-МОДЕЛИ РЕГИОНА

Авдеева Светлана Анатольевна

руководитель службы

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые экономические факторы, определяющие финансовое поведение российской молодежи в 2024–2025 гг. Выделены основные внешние и внутренние детерминанты, влияющие на потребительские и инвестиционные стратегии молодого поколения. Дана характеристика роли финансовой грамотности и цифровизации в формировании специфического потребительского менталитета. Обоснована значимость долгосрочного целеполагания как основного механизма обеспечения финансовой устойчивости молодежи в условиях макроэкономической неопределенности.

Ключевые слова: финансовое поведение, молодежь, финансовая грамотность, общество потребления, инвестиционная активность, макроэкономические показатели, финансовое целеполагание, цифровизация.

В условиях глубокой трансформации современных экономических процессов молодежь выступает не просто как демографическая группа, а как «основной драйвер потребительской активности», который не только воспроизводит существующие модели поведения, но и задает новые тренды, влияющие на экономику всего общества [2]. Формирующаяся сегодня экономическая культура молодых людей представляет собой сложный сплав из накопленных знаний, ценностей и практик управления ресурсами, которые в 2024–2025 годах подвергаются серьезному испытанию рыночной парадигмой потребления. В этой среде потребление превращается в инструмент социальной идентификации, когда приобретение статусных гаджетов или брендовых вещей воспринимается не как удовлетворение материальных нужд, а как способ «демонстрации статуса, принадлежности к определенной субкультуре или даже выражения личных ценностей» [2]. Активное воздействие маркетинговых технологий и цифровых платформ через лидеров мнений приводит к возникновению специфического потребительского менталитета, где символическая ценность товара превалирует над его реальной функциональностью, формируя почву для иррациональных финансовых решений [2].

Этот социально-культурный фон накладывается на конкретные макроэкономические показатели развития страны. Согласно данным 2025 года, российская экономика продемонстрировала высокую устойчивость к внешним шокам: рост ВВП по итогам 2024 года составил порядка 4%, при этом основным драйвером стала обрабатывающая промышленность, прибавившая 8% [4]. Однако экспертные прогнозы на 2025 год более осторожны и указывают на возможное замедление темпов роста ВВП до 1,6% (в ряде сценариев до 1–2,4%), что связано с исчерпанием механизмов экстенсивного роста первых лет геополитического противостояния [4]. Для молодежи это означает изменение условий на рынке труда: политика «военного кейнсианства» и дефицит кадров привели к рекордному росту заработных плат, особенно в нестоличных регионах, однако высокая инфляция и жесткая денежно-кредитная политика Банка России в 2025 году ограничивают возможности для дешевого кредитования и стимулируют переход к сберегательной модели поведения [4].

Несмотря на рост номинальных доходов, финансовая устойчивость молодых людей остается под угрозой из-за низкого уровня грамотности в вопросах управления личным бюджетом. Исследования показывают, что более 60% молодежи в возрасте до 25 лет испытывают хронические трудности с распределением доходов, а около 40% имеют опыт использования кредитных карт или микрозаймов без четкого плана погашения [2]. В условиях, когда «оформление кредита занимает считанные минуты, а реальные последствия могут проявиться лишь спустя годы», цифровая доступность финансовых услуг становится ловушкой для тех, кто не обладает навыками долгосрочного планирования [2]. В этом контексте «финансовая грамотность» или «рациональное финансовое поведение» начинают официально признаваться «важными компонентами культурных требований, предъявляемых к современным людям», сопоставимыми по значимости с навыками владения компьютером [1].

Инвестиционная активность молодежи в 2024–2025 годах также демонстрирует уникальные черты, резко отличающие это поколение от более старших возрастных групп. Социологические опросы фиксируют, что 23% респондентов в возрасте от 18 до 22 лет уже совершают инвестиции, в то время как среди населения России в целом эта доля составляет всего 11% [3]. Молодые инвесторы демонстрируют выраженную склонность к краткосрочным и высокорисковым стратегиям, отдавая предпочтение криптовалютным активам, акциям роста и ETF-фондам, в то время как традиционные банковские депозиты пользуются у них значительно меньшим спросом. Такое поведение подпитывается эффектом FOMO (страх упущенной выгоды) и активным влиянием инвестиционных блогов в социальных сетях, что нередко приводит к принятию импульсивных решений при отсутствии базовых знаний о риск-менеджменте.

Фундаментальным разделом в финансовом поведении молодежи становится наличие или отсутствие осознанного целеполагания. Исследования 2024 года подтверждают, что существует прямая статистическая зависимость между горизонтом планирования и финансовым здоровьем: так, в группе молодых людей с финансовыми целями на срок более 10 лет «подушку безопасности» имеют 90% участников, в то время как среди тех, кто не практикует планирование, этот показатель составляет всего 44%. Аналогично, практика инвестирования среди тех, кто ставит долгосрочные цели, распространена в 65% случаев, тогда как в группе без целей она едва достигает 16% [5]. Очевидно, что «чем больше горизонт целеполагания, тем более здоровые финансовые модели проявляют респонденты», что становится критически важным фактором в условиях макроэкономической нестабильности.

Подводя итог анализу экономических факторов, можно спрогнозировать, что в 2026 году финансовое поведение молодежи будет определяться процессом вынужденной рационализации. На фоне прогнозируемого роста ВВП в 2026 году на уровне 1,7% [4] и сохраняющейся высокой ключевой ставки, молодые люди будут вынуждены отказываться от модели «потребления в долг» в пользу накопления капитала. По нашему мнению, в ближайшие годы мы увидим массовый переход молодежи к инструментам коллективных инвестиций и долгосрочным программам сбережений под государственным управлением. В 2026 году ключевым трендом станет «осознанный минимализм»: символическое значение брендов начнет уступать место ценности финансовой независимости, а цифровая среда из инструмента провокации трат превратится в пространство для автоматизированного управления личным капиталом. Основной задачей для государства и образовательных институтов станет интеграция практических навыков риск-менеджмента в повседневную жизнь молодежи, чтобы предотвратить рост долговой нагрузки в условиях замедляющейся экономики.

Список литературы

1. Давоян К.Г. Финансовая грамотность Российской молодежи в современных условиях / К.Г. Давоян // Современное образовательное пространство: актуальные вопросы, достижения и инновации: материалы всероссийской научно-практической конференции (Волгоград, 13 декабря 2023 года). – Курск: Университетская книга, 2024. – С. 196–199. – EDN FSICNJ.

2. Маяцкая О.Б. Экономическая культура молодежи в обществе потребления / О.Б. Маяцкая, В.Ф. Ковров, А.Ж. Егамедиева // Дискуссия. – 2025. – №2(135). – С. 41–46. – DOI 10.46320/2077-7639-2025-2-135-41-46. – EDN REKQUY.

3. Перьянова А.С. Инвестиционное поведение российской молодежи / А.С. Перьянова, В.М. Павлюк, О.Г. Журавлева // Экономические проблемы России и региона: ученые записки. – Ростов н/Д.: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2025. – С. 56–61. – EDN IKZMQC.

4. Песоцкий А.А. Экономика России против санкционных угроз: взгляд из 2025 года / А.А. Песоцкий // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – №4 (141). – С. 125–131. – DOI 10.24158/per.2025.4.16. – EDN LDNPDC.

5. Солодухина А.В. Влияние финансового целеполагания на финансовое поведение населения / А.В. Солодухина, Е.А. Блискавка // Финансы и кредит. – 2024. – Т. 30. №7 (847). – С. 1527–1548. – DOI 10.24891/fc.30.7.1527. – EDN PKPMZB.

Балясников Илья Игоревич

студент

Брянский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
г. Брянск, Брянская область

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ ОТРАСЛИ ЭКОЛОГИИ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БРЯНСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Аннотация: статья посвящена вопросу анализа процессов цифровизации отрасли экологии и природопользования на региональном уровне на примере Брянской и Орловской областей. Рассматриваются действующие нормативные правовые основы цифровой трансформации экологического управления, роль федеральных и региональных информационных систем, а также практики использования цифровых инструментов в сфере экологического мониторинга, обращения с отходами и обеспечения открытости экологической информации. Особое внимание уделено сравнительному анализу региональных подходов к формированию электронных моделей территориальных схем обращения с отходами, публикации государственных докладов о состоянии окружающей среды и развитию механизмов открытых данных. Сделан вывод о том, что результативность цифровизации определяется не столько наличием цифровых платформ, сколько степенью их интеграции в управленческие процессы и качеством используемых данных.

Ключевые слова: цифровизация, экология, природопользование, региональное управление, экологический мониторинг, обращение с отходами, открытые данные, Брянская область, Орловская область.

Цифровизация экологии и природопользования на региональном уровне в Российской Федерации развивается не как «отдельная ИТ-модернизация», а как практический механизм исполнения публичных полномочий субъекта РФ в сфере охраны окружающей среды, рационального природопользования и обеспечения экологической безопасности. В случае Брянской и Орловской областей цифровая трансформация проявляется прежде всего в трех взаимосвязанных контурах:

- 1) данные и мониторинг (сбор, верификация, межведомственный обмен);
- 2) управление и контроль (регулирование, надзор, разрешительные процедуры, реагирование на инциденты);
- 3) публичность и сервисность (электронные услуги, открытые данные, обратная связь, вовлечение населения).

При этом региональная практика объективно зависит от федеральной нормативной рамки и федеральных государственных информационных систем, а различия между субъектами чаще выражаются не в «наличии/отсутствии цифровизации», а в степени зрелости данных, организационной связности ведомств, полноте цифровых контуров по отдельным направлениям (отходы, воздух, вода, ООПТ, лес, недра), а также в том, насколько цифровые решения реально встроены в управленческие циклы [5, с. 309].

Нормативную правовую основу цифровизации в рассматриваемой сфере формируют, во-первых, природоресурсное и природоохранное законодательство, закрепляющее обязанности по мониторингу, учёту, контролю, информированию и планированию (включая общие требования к государственному экологическому мониторингу и формированию информационных ресурсов). Существенное значение имеет действующий порядок осуществления государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды), поскольку он прямо ориентирует систему на функционирование наблюдательных сетей и информационных ресурсов подсистем единой системы мониторинга, а также на создание и развитие федеральной государственной информационной системы состояния окружающей среды; при этом в мониторинг вовлекаются как федеральные органы, так и исполнительные органы субъектов РФ в пределах компетенции. Во-вторых, цифровизация обеспечивается общими актами «цифрового» и административного законодательства (в части доступа к информации, электронного взаимодействия, межведомственного обмена, предоставления услуг в электронной форме, использования электронной подписи, защиты персональных данных и т. п.), которые задают унифицированные требования к цифровым каналам государства. В-третьих, отраслевые направления цифровизации «приземляются» в федеральных и региональных документах планирования и в обязательных цифровых инструментах по отдельным сегментам, прежде всего по обращению с отходами: нормативная модель реформы ТКО предполагает наличие территориальной схемы, её постоянное обновление и ведение электронной модели, а в федеральном контуре развивается ФГИС учета твердых коммунальных отходов, закреплённая на уровне федерального закона как государственная информационная система, включающая электронную модель федеральной схемы обращения с ТКО [4, с. 12–13].

Если рассматривать «цифровизацию отрасли» как управленческую систему, то ключевым продуктом здесь выступают данные: регулярные наблюдения и статистика (качество воздуха, воды, состояние почв, радиационная обстановка, биоразнообразие), технологические реестры (источники негативного воздействия, объекты размещения отходов, пункты наблюдений), пространственные данные (ГИС-слои по источникам воздействия и экологическим ограничениям), а также документы стратегического и текущего управления (госдоклады, территориальные схемы, программы, планы природоохранных мероприятий). При этом практическая ценность цифровизации определяется тем, насколько эти данные:

- собираются по единым методикам;
- сопоставимы во времени;
- доступны для межведомственного использования;
- верифицируемы и воспроизводимы;
- публично раскрываются в той степени, которая допускается законом и действительно повышает доверие и управляемость [9, с. ист].

На уровне Брянской области цифровой контур экологии можно описать как сочетание:

- 1) региональных ведомственных ресурсов и публикаций;
- 2) встроённости в федеральные подсистемы мониторинга и контроля;
- 3) развивающихся механизмов открытости (публикации докладов, открытые данные, электронные модели).

В публичном измерении показателна устойчивая практика подготовки и размещения государственного доклада о состоянии окружающей среды области: например, «Природные

ресурсы и окружающая среда Брянской области» за 2023 год размещается в виде электронного документа (PDF), что обеспечивает воспроизводимость выводов, сопоставимость по годам и возможность использования данных в управленческих и научных целях. Сам по себе формат ежегодного доклада важен как «витрина данных», потому что в нём агрегируются сведения разных источников (наблюдательные сети, отчётность, результаты контроля, данные по природным ресурсам), а цифровое размещение повышает доступность и снижает транзакционные издержки для муниципалитетов, организаций и граждан [3].

Отдельный зрелый сегмент цифровизации в Брянской области связан с обращением с отходами: на профильном региональном ресурсе размещается территориальная схема обращения с отходами, включая электронную модель территориальной схемы. Это принципиально важный элемент, поскольку электронная модель, в отличие от «статичного» текста, позволяет оперативнее обновлять сведения об источниках образования отходов, контейнерной инфраструктуре, потоках, объектах обработки/размещения и логистических маршрутах, а также облегчает интеграцию с федеральными системами учёта и контроля, включая ФГИС УТКО. Фактически именно в «отходном» контуре цифровизация чаще всего имеет наглядный прикладной эффект: она влияет на планирование мощностей, тарифные решения, обоснование инвестиций и контроль исполнения территориальной схемы.

Ещё один показатель системности – наличие региональной инфраструктуры открытости данных. На официальном сайте Брянской области ведётся реестр наборов открытых данных, что позволяет рассматривать открытые данные как регулярный управленческий инструмент, а не разовую публикацию. Для сферы экологии это важно не только с точки зрения прозрачности, но и как «сырьё» для аналитики: публичность реестра стимулирует стандартизацию форматов, дисциплинирует владельцев данных и облегчает межведомственные запросы, особенно в задачах территориального планирования и оценки экологических рисков [2].

Мониторинговый контур (воздух, вода, загрязнение окружающей среды) в реальности строится как многоуровневый: часть наблюдений и методических функций закреплена за федеральными структурами (прежде всего Росгидромет и его территориальные подразделения), часть – за региональными органами исполнительной власти, а также за организациями, эксплуатирующими объекты воздействия и выполняющими производственный экологический контроль. В этой архитектуре цифровизация выражается в интеграции региональных данных с федеральными информационными ресурсами мониторинга и в использовании унифицированных форм отчётности и обмена сведениями, что прямо согласуется с действующим порядком государственного экологического мониторинга. Практический смысл для области – не «создать всё своё», а обеспечить сопоставимость и управленческую пригодность данных: чтобы региональные решения по природоохранным мероприятиям, режимам использования природных ресурсов и реагированию на загрязнения принимались на основе проверяемых массивов и могли быть обоснованы в межведомственном и контрольном взаимодействии [1, с. 202].

Орловская область демонстрирует сходную базовую архитектуру, но имеет и отдельные особенности публичных цифровых практик, наиболее заметные в сегменте отходов и в опоре на территориальные и федеральные источники мониторинга. Для Орловской области в публичных сообщениях о территориальной схеме обращения с отходами прямо фиксировался факт размещения электронной модели в открытом доступе (в соответствующий период указывался адрес специализированного ресурса электронной модели). Дополнительно важно, что сама территориальная схема Орловской области документально связана с работами по корректировке и модернизации электронной модели (что отражается в материалах о внесении изменений), то есть электронная модель рассматривается не как «приложение для галочки», а как объект постоянного обновления. По управленческой логике это означает более тесную связку

между планированием инфраструктуры ТКО, актуализацией реестров и контролем исполнения [7].

Мониторинговый блок Орловской области в значительной мере опирается на систему Росгидромета: функционирование Орловского центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды как территориального элемента государственной системы наблюдений объективно формирует основу для данных о состоянии и загрязнении окружающей среды, прежде всего в части атмосферного воздуха и сопутствующих наблюдений. В отличие от «сервисной цифровизации», где основной показатель – удобство интерфейса, здесь ключевым является качество данных (плотность сети наблюдений, регулярность измерений, методическая сопоставимость, полнота временных рядов). На региональном уровне цифровизация проявляется в доступности и включаемости этих данных в управленческие документы и публичные материалы, включая статистические и аналитические сборники территориальных органов государственной статистики, где отдельными блоками представлены сведения об окружающей среде и природных ресурсах региона [6].

Публичный контур открытости данных в Орловской области также формируется на институциональной основе: ряд ресурсов области поддерживает разделы, посвящённые открытым данным и условиям их использования, что важно для выстраивания воспроизводимых практик публикации машиночитаемых наборов и их повторного использования. В прикладном смысле это облегчает общественный контроль и аналитическое сопровождение экологической политики (например, сопоставление динамики показателей по муниципалитетам, выявление территорий повышенного риска, оценка эффективности природоохранных мер), однако результативность зависит от полноты именно «экологического» наполнения открытых данных, а не только от наличия раздела на сайте.

Если перейти от описания контуров к сравнительному анализу, то общими для Брянской и Орловской областей выступают, во-первых, зависимость от федеральной архитектуры мониторинга и контроля (что нормативно закреплено действующим порядком государственного экологического мониторинга), во-вторых, приоритет цифровизации сегмента обращения с ТКО как наиболее стандартизированного и «оцифровываемого» направления, в-третьих, развитие публичных форм представления экологической информации через ежегодные доклады, официальные сайты и элементы открытых данных. При этом различия проявляются в степени институционализации и «видимости» отдельных цифровых практик. Для Брянской области более отчётливо просматривается традиция регулярной публикации региональных экологических докладов в удобной форме (с архивностью и возможностью сопоставления), что делает доклад важным узлом региональной «экологической витрины данных». Для Орловской области в публичной плоскости более акцентирован «проектный» и инфраструктурный аспект цифровизации отходов, включая публичное позиционирование электронной модели территориальной схемы и документируемую работу по её модернизации при внесении изменений в схему.

С точки зрения управленческого цикла «данные → решение → контроль → коррективка», наиболее зрелым направлением в обоих регионах является обращение с отходами, что объясняется сразу несколькими факторами. Во-первых, отрасль ТКО реформируется по унифицированной федеральной логике, где территориальная схема и её электронная модель выступают обязательным инструментом планирования и контроля. Во-вторых, именно в отходах существует относительно чёткая объектная база (контейнерные площадки, маршруты, объекты обработки и размещения), которая естественным образом ложится на ГИС-модели. В-третьих, развивается федеральный цифровой контур ФГИС УТКО, ориентированный на консолидацию и сопоставимость данных по субъектам РФ, и региональные электронные модели должны быть технологически и организационно совместимы с этим контуром. Поэтому сравнительная оценка здесь должна опираться не на декларации, а на признаки «встроенности»:

регулярность обновлений, публичность электронной модели, пригодность данных для управленческих решений (например, для расчёта потребности в мощностях и для контроля соответствия фактических потоков плановым).

В мониторинговом блоке (воздух, состояние и загрязнение окружающей среды) основная «точка напряжения» цифровизации для регионов состоит в том, что данные формируются множеством участников и должны быть сопоставимы. Действующий порядок государственного экологического мониторинга прямо задаёт модель единой системы, включающей подсистемы и информационные ресурсы, а также предусматривает развитие федеральной государственной информационной системы состояния окружающей среды. На практике это означает, что регионы выигрывают не столько от создания множества разрозненных витрин, сколько от выстраивания устойчивого межведомственного контура: чтобы экологические сведения (по воде, воздуху, почвам, радиации, биоразнообразию) стекались в согласованные массивы и использовались в принятии решений – от природоохранных мероприятий до территориального планирования и оценки рисков. Орловская область в этом контуре опирается на возможности территориальных подразделений Росгидромета (например, регионального ЦГМС), Брянская – на аналогичную федерально-региональную архитектуру и на собственные ведомственные и аналитические публикации, в том числе государственные доклады.

Отдельного внимания заслуживает публично-сервисный контур цифровизации, то есть цифровые каналы взаимодействия граждан, бизнеса и власти по экологическим вопросам. В современной модели публичного управления экологией регион не ограничивается «учётом природы»; он обязан обеспечивать доступность информации, возможность обращения, фиксацию сигналов о проблемах, а также принятие управленческих мер. В цифровом выражении это обычно реализуется через официальные сайты уполномоченных органов, электронные приёмные, публикацию документов, а также через межведомственные и общегосударственные механизмы (включая интегрированные каналы обратной связи). В контексте Брянской области наличие специализированного регионального органа в сфере природных ресурсов и экологии и его официального интернет-ресурса является базовым инфраструктурным условием для цифрового взаимодействия и публикаций отраслевых материалов (в том числе по отходам). В Орловской области сервисный контур во многом поддерживается общими региональными ресурсами открытых данных и профильными документами по отходам, а мониторинговая составляющая – данными федеральной наблюдательной системы.

Проблемы и барьеры цифровизации в обоих регионах в целом типологически схожи и обусловлены не «нехваткой сайтов», а ограничениями управленческой и данных-ориентированной зрелости. Наиболее распространённый барьер – фрагментация данных: разные ведомства и организации собирают сведения по своим задачам и в разных форматах, а сквозная интеграция требует и регламентов обмена, и унификации справочников, и постоянной верификации. Второй барьер – разрыв между «публикацией» и «управлением»: данные могут быть размещены, но не встроены в регулярные управленческие процедуры (планирование природоохранных мероприятий, контроль исполнения, оценка эффективности). Третий барьер – кадрово-организационный: цифровизация требует компетенций работы с ГИС, данными, аналитикой, а также способности выстраивать межведомственные процессы. Четвёртый барьер – неоднородность цифровизации по направлениям: отходы цифровизируются быстрее, тогда как комплексные направления (экосистемные услуги, биоразнообразие, cumulative impact, интегральные оценки риска) требуют более сложных моделей данных и межведомственного участия. Пятый барьер – качество первичных данных: без достаточной плотности наблюдений и строгих методик цифровая форма лишь «упаковывает» неопределённость, а не снижает её.

Сравнительная перспектива Брянской и Орловской областей позволяет сделать важный управленческий вывод: наиболее рациональная стратегия региональной цифровизации

экологии – не «создание параллельных систем», а укрепление регионального слоя в рамках единой федерально-региональной архитектуры, где регион отвечает за полноту, актуальность и управленческую применимость данных на своей территории, а федеральные подсистемы обеспечивают сопоставимость, методическую устойчивость и межрегиональную интеграцию. Действующий порядок государственного экологического мониторинга прямо задаёт такой подход, указывая на участие субъектов РФ в функционировании наблюдательных сетей и информационных ресурсов подсистем единой системы, а также на развитие федеральной государственной информационной системы состояния окружающей среды. При этом «прикладные» сегменты (как ТКО) должны технологически сопрягаться с федеральными системами (как ФГИС УТКО) и одновременно обеспечивать региону возможность оперативного управления на основе электронной модели территориальной схемы.

В качестве обобщающего результата сравнительного анализа можно зафиксировать следующее.

Брянская область демонстрирует более выраженную практику регулярной цифровой публикации аналитических материалов о состоянии окружающей среды (государственные доклады как «единая витрина» региональных экологических данных) и имеет публично обозначенные элементы цифровой инфраструктуры в отходном контуре (территориальная схема и электронная модель на профильном ресурсе), а также институционализирует открытость через реестр наборов открытых данных на официальном сайте области.

Орловская область, при сопоставимой базовой зависимости от федеральной системы мониторинга (через территориальные структуры Росгидромета), публично акцентирует развитие электронной модели территориальной схемы обращения с отходами и её модернизацию при актуализации схемы, а также поддерживает элементы инфраструктуры открытых данных на региональных ресурсах.

В обоих случаях дальнейшая результативность цифровизации определяется не количеством цифровых «витрин», а тем, насколько устойчиво выстроены управленческие цепочки:

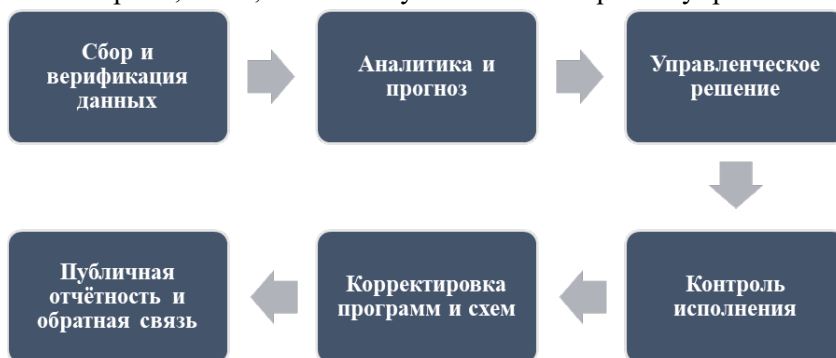

Рис. 1

Логика практических направлений совершенствования для обоих регионов вытекает из этой оценки.

Во-первых, целесообразно укреплять единые региональные «шины данных» (регламентированный межведомственный обмен, унификация справочников, контроль качества данных), чтобы экологическая информация становилась пригодной для быстрых решений на уровне правительства области и муниципалитетов.

Во-вторых, необходимо расширять «управленческое использование» электронных моделей территориальных схем по отходам: электронная модель должна быть инструментом контроля фактических потоков и инфраструктурных ограничений, а не только формой публикации.

В-третьих, следует повышать плотность и прозрачность мониторинговых массивов, в том числе через увязку региональной аналитики (госдоклады, отчёты, статистические сборники)

с данными федеральных наблюдательных подсистем и с результатами производственного экологического контроля.

В-четвёртых, развитие открытых данных должно смещаться от «количества наборов» к «управленческой ценности» – публикации экологически значимых, сопоставимых по муниципалитетам и времени показателей, пригодных для независимой проверки и общественного анализа.

Реализация этих направлений позволит Брянской и Орловской областям перейти от фрагментарной цифровизации отдельных процессов к более целостной, данных-ориентированной модели регионального экологического управления, соответствующей действующей федеральной архитектуре мониторинга и цифрового учёта в сфере природопользования.

Список литературы

1. Акаев А.С. Практический опыт применения 3D лазерного сканирования для геоэкологического анализа городской среды (на примере города Москвы) / А.С. Акаев, В.В. Вершинин // Международный агрокультурный журнал. – 2025. – №1. – С. 198–216.
2. Годовые доклады о состоянии окружающей среды в Брянской области. – URL: <https://kpl32.ru/special.php?page=316> (дата обращения: 18.01.2026).
3. Департамент природных ресурсов и экологии Брянской области: официальный сайт. – URL: http://www.kpl32.ru/agency_cat/section.php?ID=274 (дата обращения: 18.01.2026).
4. Заславская Н.М. Общая характеристика экологического законодательства в контексте цифровизации государственного экологического управления / Н.М. Заславская // Экологическое право. – 2023. – № 6. – С. 10–16. DOI 10.18572/1812-3775-2023-6-10-16. EDN GILXSR
5. Применение дистанционного зондирования и географических информационных систем управления твердыми коммунальными отходами / Д.А. Массеров, А.В. Кирюшин, Н.А. Вавилин [и др.] // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – №11 (161). – С. 307–314.
6. Открытые данные Орловской области – Реестр наборов открытых данных. – URL: <https://datacatalogs.ru/items/recWZTD79SZR0w8MK/> (дата обращения: 18.01.2026).
7. Постановления и документы по государственной программе Орловской области «Охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов и экологическая безопасность Орловской области». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/473705320/titles/292QIAB> (дата обращения: 19.01.2026).
8. Сатаева Т.Ю. Цифровизация экологического мониторинга: правовые аспекты / Т.Ю. Сатаева // Экологическое право. – 2024. – №4. – С. 16–19. DOI 10.18572/1812-3775-2024-4-16-19. EDN PIQPLQ
9. Умнова-Конюхова И.А. Цифровые технологии в экологическом правовом регулировании и управлении охраной окружающей среды в Китае: преимущества и риски / И.А. Умнова-Конюхова, Я. Тен // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 18. №4. – С. 220–241.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ И СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Аннотация: актуальность исследования обусловлена нарастающим дисбалансом между цифровизацией бизнес-моделей и архаичными подходами к региональному налоговому администрированию. Цель работы – обоснование концепции «умного налогообложения» как драйвера инвестиционной привлекательности субъектов РФ. В статье применены методы системного, сравнительно-правового и экономико-статистического анализа. Выявлено, что традиционные налоговые льготы утрачивают эффективность в условиях платформенной экономики, уступая место сервисным и технологическим факторам. Автором предложена модель цифровой налоговой экосистемы региона, включающая блокчейн-регистрацию сделок, налоговый скоринг инвестпроектов и механизм «регуляторных песочниц». Доказано, что трансформация налоговых органов из фискальных в проактивные сервисные структуры способствует не только росту собираемости налогов, но и притоку высокотехнологичного бизнеса. Результаты могут быть использованы при разработке региональных стратегий цифровой трансформации и инвестиционных паспортов территорий.

Ключевые слова: цифровая экономика, региональное налогообложение, инвестиционный климат, налоговое администрирование, блокчейн, большие данные, платформенная занятость, регуляторные песочницы, сбалансированное развитие.

Традиционная реакция региональных властей – ужесточение контрольных мероприятий – демонстрирует низкую эффективность в цифровой среде. Более того, избыточное фискальное давление стимулирует уход бизнеса в «серые» схемы либо смену юрисдикции. Назревает необходимость смены парадигмы: отказ от восприятия налоговой системы исключительно как инструмента изъятия средств и переход к модели «налогового сервиса», где цифровые компетенции фискальных органов становятся конкурентным преимуществом территории.

Цель настоящего исследования – разработать теоретико-прикладную модель цифровой трансформации регионального налогообложения, ориентированную на повышение инвестиционной привлекательности. В задачи входит: выявление современных вызовов налогового администрирования; анализ влияния цифровых сервисов ФНС на инвестиционные рейтинги; обоснование институциональных и технологических решений для регионального уровня.

Экономика совместного потребления, удаленная занятость, краудфандинг и NFT-рынки демонстрируют взрывной рост. Ключевая причина – применение устаревших критериев «места осуществления деятельности». Налоговый кодекс РФ продолжает ориентироваться на понятия «юридический адрес», «местонахождение имущества» и «территория оказания услуг», тогда как цифровой бизнес оперирует в виртуальном пространстве.

Данная проблема известна в зарубежной литературе как «синдром бесплатного пассажира» (free-rider syndrome): бизнес пользуется региональной инфраструктурой, но не участвует в ее содержании.

Анализ инвестиционной политики субъектов РФ показывает, что основным инструментом привлечения инвесторов остаются налоговые льготы: пониженные ставки по налогу на прибыль, освобождение от налога на имущество, инвестиционный налоговый вычет.

Цифровой бизнес в меньшей степени нуждается в освобождении от налога на имущество (так как у него зачастую нет значительных основных средств) и в большей степени – в предсказуемости и оперативности налогового администрирования. С точки зрения инвестиционной привлекательности, две недели ожидания возмещения НДС являются более серьезным барьером, чем ставка налога на прибыль, превышающая среднюю по округу на 1–2%. Таким образом, качество налогового сервиса становится весомее фискальных преференций.

Федеральная налоговая служба РФ объективно является лидером цифровой трансформации среди органов власти.

Однако данный потенциал крайне неравномерно используется на региональном уровне. Разрыв в цифровой компетенции между УФНС по г. Москве и управлениями в депрессивных регионах сохраняется. При этом инвестор, рассматривая локацию, оценивает не федеральные достижения ФНС, а конкретный опыт взаимодействия с местной инспекцией.

Проведенный автором корреляционный анализ по 40 субъектам РФ выявил умеренную положительную связь между индексом «цифровой зрелости» и объемом инвестиций в высокотехнологичные сектора.

Регионы-лидеры цифровизации (ХМАО, Татарстан, Калужская область) демонстрируют устойчивый приток высокотехнологичных компаний даже при отсутствии эксклюзивных льгот, тогда как субъекты с высокими формальными преференциями, но слабой налоговой сервисной инфраструктурой (ряд республик Северного Кавказа) остаются аутсайдерами по объему частных инвестиций.

На основе проведенного анализа представляется возможным предложить архитектуру цифровой налоговой экосистемы региона, включающую три взаимосвязанных компонента.

Ключевым направлением видится переход к автоматическому исчислению налоговых обязательств на основе данных операционных систем налогоплательщиков. В отношении налога на профессиональный доход (НПД) такой подход уже реализован, однако он должен быть масштабирован на иные режимы налогообложения. Предлагается формирование региональных блокчейн-платформ для фиксации сделок с цифровыми активами, что позволит привязать налогообложение к месту фактического потребления услуги, а не к месту регистрации продавца.

Для бизнеса данное нововведение снизит издержки на налоговый учет, для региона – обеспечит справедливое распределение доходов от цифровых платформ.

Представляется целесообразным закрепление на региональном уровне института «налоговых песочниц» (регуляторных экспериментальных режимов). Инвестор, реализующий инновационный проект на территории региона, получает гарантию неизменности условий налогообложения на срок до 3 лет, а также право применять экспериментальные способы исчисления налогов (например, налог с оборота вместо налога на прибыль для платформенных компаний). Данный механизм уже апробирован в Москве и Сколково и должен быть тиражирован на иные территории.

Одновременно необходима трансформация работы инспекций: внедрение системы предиктивного анализа рисков. Налогоплательщик получает в «Личном кабинете» уведомление не о задолженности, а о потенциальной ошибке до момента сдачи отчетности. Это снижает вероятность санкций и формирует партнерскую модель отношений.

Развивая сервисную модель, региональные власти могут предложить инвесторам услугу налогового скоринга – автоматизированной оценки налоговых последствий реализации проекта, расчета оптимальной структуры юрлиц и режимов налогообложения. Такой сервис может быть реализован как совместный продукт УФНС и Корпорации развития региона. Его внедрение позволит сократить срок вхождения инвестора в проект и повысить прогнозируемость налоговых потоков для самого бюджета.

Предлагаемая модель позволяет достичь синергетического эффекта:

- прямой фискальный эффект: рост собираемости налогов за счет вывода «серых» зон цифровой экономики в легальное поле, сокращение недоимки;
- инвестиционный эффект: рост собираемости налогов, сокращение издержек инвестора, снижение межрегионального неравенства;
- эффект сбалансированности: перераспределение налоговых доходов от цифровых платформ в пользу регионов непосредственного присутствия потребителей и работников способствует снижению межрегионального неравенства.

Основным риском цифровизации налогообложения остается вопрос защиты персональных данных и коммерческой тайны. Минимизация данных рисков видится в принятии региональных кодексов этики использования данных налогоплательщиков и общественном контроле за работой алгоритмов.

Цифровая трансформация налогообложения перестает быть узкотехнической задачей и превращается в ключевой фактор регионального развития. Проведенное исследование позволяет утверждать, что инвестиционная привлекательность территории в современных условиях определяется не столько масштабом предоставляемых льгот, сколько способностью налоговых органов обеспечить прозрачный, быстрый и удобный сервис взаимодействия.

Внедрение блокчейн-регистрации сделок, налоговых песочниц и сервисов предиктивного консультирования формирует качественно иную среду для ведения бизнеса. Для государства такой подход означает не потерю доходов, а их прирост за счет расширения легального сектора, для бизнеса – снижение издержек и рисков, для населения – повышение качества общественных благ, финансируемых за счет налогов.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон №146-ФЗ: принят 31 июля 1998 года: ред. от 28.11.2025 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС «Консультант-Плюс».
2. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 №7. – Документ утратил силу // СПС «КонсультантПлюс».
3. Паспорт национального проекта «Экономика данных» утв. протоколом заседания президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию от 28.12.2024 №36 // Правительство России: официальный сайт. – URL: <http://government.ru> (дата обращения: 11.02.2026).
4. Козырин А.Н. Налоговое администрирование цифровых платформ: вызовы и правовые решения / А.Н. Козырин, С.В. Трофимов // Финансовое право. – 2025. – №3. – С. 22–29. – ISSN 1813-1220.
5. Лю Ц. Возможность создания налоговой платформы на основе технологии блокчейн для оптимизации международного налогообложения в контексте инициативы «Пояс и путь» / Ц. Лю, Н. Г. Петрукович // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Т. 13. № 12А. – С. 144–152. – ISSN 2222-9167. DOI 10.34670/AR.2024.71.22.016. EDN PTKHTL
6. Лютова О.И. Цифровая трансформация принципов налогового права / О.И. Лютова // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2. №1. – С. 163–180. – DOI: 10.21202/jdtl.2024.9. – URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/639700818/> (дата обращения: 11.02.2026). EDN ZUAIHN
7. Сергеев Л.И. Цифровая экономика: учебник для вузов / Л.И. Сергеев, Д.Л. Сергеев, А.Л. Юданова; под ред. Л. И. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 437 с. – ISBN 978-5-534-15797-0. – URL: <https://urait.ru/bcode/588254> (дата обращения: 10.02.2026).

Григорян Давид Артурович

студент

Научный руководитель

Александрова Жанна Павловна

канд. социол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный

технологический университет»

г. Краснодар, Краснодарский край

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ: ОТ КИЕВСКОЙ РУСИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: в статье проводится комплексный анализ становления государственного управления Российского государства в период существования Киевской Руси до современного этапа развития Российской Федерации. Цель исследования заключается в выявлении ключевых особенностей механизмов власти на различных исторических этапах и установлении преемственности между ними. Изучение эволюции государственного управления в России является важным элементом понимания современной политической системы.

Ключевые слова: государственное управление, историческое развитие России, эволюция, государственность, централизация власти.

Формирование системы государственного управления в России проходило в условиях постоянных внутренних и внешних вызовов. Историческое развитие характеризуется усилением централизации власти, усложнением административного аппарата и адаптацией институтов власти к новым условиям.

Ранние формы управления, сформировавшиеся в Киевской Руси, сочетали княжескую власть, опиравшуюся на военную дружину, с элементами народного самоуправления через вече-вые собрания. Зарождение писаного права, воплотившееся в «Русской Правде», заложило основы правовой традиции. Последующий период феодальной раздробленности сменился централизацией вокруг Московского княжества. Московское царство утвердило модель самодержавной власти, подкреплённую развитой приказной системой и поместным войском. Соборное Уложение 1649 года стало кульминацией этого этапа, юридически оформив крепостное право и сословную структуру, что закрепило централизованно-иерархический характер управления [3; 6].

Кардинальный разрыв с традиционной московской моделью произошёл в эпоху Петра I, построившего имперскую бюрократическую машину по европейским образцам. Замена приказов на коллегии, создание Сената и Синода, введение Табели о рангах и губернская реформа создали основу для абсолютной монархии, обслуживаемой профессиональным чиновничеством. Однако социально-политическая система оставалась архаичной, что в XIX веке породило серию реформ и контрреформ. Великие реформы Александра II, особенно отмена крепостного права, судебная и земская реформы, впервые ввели элементы правового государства, разделения властей и местного самоуправления. Но эти институты так и не получили полноценного развития в условиях сохранявшегося самодержавия, что стало одной из причин системного кризиса, усугублённого Первой мировой войной и приведшего к революции [1; 2].

Советский период ознаменовался созданием принципиально новой, идеократической модели управления. Формально провозглашённая власть Советов на деле была подменена монополией Коммунистической партии, которая через свои структуры (Политбюро, ЦК) осуществляла тотальный контроль над государством, экономикой и обществом. Жёсткая централизация

и плановая экономика сочетались с масштабной социальной мобилизацией. Несмотря на декларируемый федерализм, реальное управление было сверхцентрализованным [7].

История российского государственного управления демонстрирует устойчивую преемственность и стремление к сильной централизованной власти, выступающей гарантом территориальной целостности и политической стабильности. Менялись формы правления, идеологические основания и институциональные механизмы, однако ключевая роль государства в организации общественной жизни сохранялась. Осмысление данного исторического опыта позволяет глубже понять особенности современной модели управления и перспективы её дальнейшей трансформации.

Распад СССР привёл к становлению новой российской государственности в постсоветский период. Принятие Конституции 1993 года зафиксировало переход к президентской республике, федеративному устройству и рыночной экономике. Первое десятилетие характеризовалось ослаблением государственной вертикали, конфликтом центров власти и болезненными экономическими преобразованиями. С начала 2000-х годов вектор развития сместился в сторону укрепления управляемости, централизации власти и построения «вертикали» исполнительной власти. Современная система управления сочетает сильный центр, формальные демократические институты и адаптацию исторически укоренённых практик к условиям глобализации, демонстрируя преемственность в стремлении к единому и стабильному управлению [4].

Важным аспектом эволюции государственного управления в России является соотношение традиций и модернизационных заимствований. На протяжении всей истории российская власть неоднократно обращалась к зарубежному опыту, однако его адаптация происходила с учётом специфики социально-политического развития страны. Это проявлялось как в петровских реформах, так и в институциональных преобразованиях конца XX – начала XXI века. При этом ключевые управленческие решения, как правило, реализовывались «сверху», что укрепляло роль государства как основного субъекта модернизации. Подобная модель обеспечивала относительную устойчивость политической системы, но одновременно ограничивала развитие автономных институтов гражданского общества и механизмов горизонтального управления [10].

История российского государственного управления демонстрирует устойчивую преемственность и стремление к сильной централизованной власти.

Список литературы

1. Анисимов Е.В. Государственные реформы Петра I / Е.В. Анисимов. – В 2 т. – М.: Наука, 2018. – 450 с.
2. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – 288 с. EDN ZTTWJP
3. Исаев И.А. История государства и права России / И.А. Исаев. – М.: Проспект, 2021.
4. Конституция Российской Федерации. – М.: Инфра-М, 2021. – 70 с. – URL: <http://znanium.com/read?id=376842> (дата обращения: 26.01.2026).
5. Русская Правда. – М., 2010. – URL: <https://histrf.ru/read/articles/russkaya-pravda> (дата обращения: 26.01.2026).
6. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. / Т.П. Коржихина, А.С. Сенин. – М.: РГГУ, 1994. – 418 с.
7. Краснов М.А. Система высших органов государственной власти России: диалектика переходного периода / М.А. Краснов // Общественные науки и современность. – 1998. – №4. – С. 45–58.
8. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / Б.Н. Миронов. – 3-е изд., испр. и доп. – В 2 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 583 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002402044/ (дата обращения: 26.01.2026). EDN QOTNBH
9. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе / А.Н. Медушевский. – М.: РОССПЭН, 1998. – 650 с. EDN RVBRET
10. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы / И.В. Побережников // Экономическая история. Обозрение. – Вып. 8. – М., 2002. – С. 149–166.

НОВЫЕ БИЗНЕС-МОДЕЛИ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В СФЕРЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА КРАСНОЯРЬЯ

Аннотация: в статье исследуется процесс цифровой трансформации агропромышленного комплекса Красноярского края, рассматриваемый через призму формирования новых бизнес-моделей. Целью работы является анализ и классификация платформенных решений, внедряемых в региональном АПК, и оценка их влияния на экономику отрасли. В качестве ключевого примера региональной инициативы детально анализируется государственная информационная система «Субсидия АПК 24», которая трансформирует модель взаимодействия сельхозтоваропроизводителей с государством. Отдельное внимание уделяется внедрению технологий точного земледелия на базе беспилотных авиационных систем (БАС) и перспективам интеграции региональных наработок с создаваемой Единой цифровой платформой АПК Российской Федерации. Автором выделены основные типы возникающих бизнес-моделей: платформы оптимизации транзакционных издержек, платформы управления производственными процессами на основе данных и образовательные платформы. Сделан вывод о том, что Красноярский край выступает в качестве одного из регионов-драйверов цифровизации агросектора, формируя основу для масштабирования успешных практик.

Ключевые слова: цифровая экономика, бизнес-модели, цифровые платформы, агропромышленный комплекс, Красноярский край, «Субсидия АПК 24», беспилотные авиационные системы, точное земледелие, государственная поддержка, цифровая трансформация.

В условиях становления цифровой экономики трансформация традиционных отраслей происходит на основе внедрения платформенных решений. Агропромышленный комплекс (АПК) как один из ключевых секторов экономики Красноярского края, обеспечивающий продовольственную безопасность макрорегиона, переживает фазу активной цифровизации. Согласно данным Министерства сельского хозяйства края, регион стабильно лидирует по сбору зерна в Сибирском федеральном округе (более 2,5 млн тонн в 2025 году), однако для сохранения позиций требуется не только экстенсивное развитие, но и рост производительности труда [3].

Цифровые платформы в АПК меняют сложившиеся бизнес-модели: они сокращают транзакционные издержки, обеспечивают прозрачность цепочек создания стоимости и позволяют перейти к управлению агроактивами на основе больших данных. Цель данной статьи – выявить специфику формирования новых бизнес-моделей на базе цифровых платформ в агропромышленном секторе Красноярского края и оценить их экономический потенциал.

Основные результаты.

1. Региональные платформенные решения: опыт ГИС «Субсидия АПК 24».

Наиболее показательным примером успешной реализации платформенной бизнес-модели в регионе является создание и внедрение государственной информационной системы «Субсидия АПК 24». Запущенная в 2024–2025 годах по инициативе Губернатора Михаила Котюкова в рамках федерального проекта «Государство для людей», эта система представляет собой цифровую платформу для взаимодействия государства и бизнеса (G2B) [2; 6].

К декабрю 2024 года все 68 мер государственной поддержки, доступные аграриям края, были переведены в электронный вид. Это коренным образом изменило бизнес-процесс

получения финансирования. Если ранее фермеры были вынуждены тратить время на сбор бухгалтерских документов и личные визиты в министерство, то теперь весь процесс – от подачи заявки до получения отчета – реализован удаленно [6]. Как отмечает фермер из Большеулуйского района А. Береговой, «днем работаю фермером, а вечером сажусь, обрабатываю информацию и заношу все данные... Единственное, что нужно, – доступ в интернет» [2; 6].

Система насчитывает около 2200 пользователей, включая крупные агрохолдинги, малые хозяйства и владельцев ЛПХ [1]. Ключевым эффектом новой бизнес-модели стало не только удобство, но и снижение административной нагрузки на бюджетный процесс. Функционал платформы расширен за счет сбора отраслевой отчетности (сводки по надоям, посевным кампаниям), что позволяет министерству видеть объективную картину в режиме реального времени [1; 6].

В 2025 году система получила федеральное признание, став финалистом премии «Прорыв года» и победителем конкурса управленческих инноваций [1]. Технологический суверенитет платформы подтверждается ее уникальной интеграцией с федеральной ГИС «Электронный бюджет» – Красноярский край стал единственным регионом, добившимся такого сопряжения [6].

2. Платформы управления производством: интеграция БАС и данных дистанционного зондирования

Другим важнейшим направлением формирования новых бизнес-моделей является внедрение технологий точного земледелия, основанных на использовании беспилотных авиационных систем (БАС) и спутниковых данных. В 2025 году вопрос интеграции беспилотников в агропромышленный комплекс стал одной из ключевых тем на встречах губернатора с аграриями и учеными [3].

Бизнес-модель здесь строится на переходе от управления полем «в среднем» к управлению каждой точкой поля (spot farming). Аграрии Красноярья используют цифровые карты полей с отслеживанием индекса урожайности NDVI и химического состава почвы [8]. Беспилотники применяются для мониторинга посевов, внесения удобрений и обработки растений, что позволяет оптимизировать использование ресурсов и повышать урожайность [3].

Данный подход требует создания единой информационной среды, объединяющей данные с техники, спутников и дронов. Поставленная губернатором задача по формированию совместного плана действий для увеличения эффективности агросферы через такую интеграцию свидетельствует о движении региона к созданию распределенной платформы управления производственными активами [3]. Экономический эффект этих решений выражается в росте урожайности (до 33,4 ц/га в 2025 году) и общем объеме производства продукции АПК, который к 2027 году должен достигнуть 279,5 млрд рублей [3; 7].

3. Новые форматы агрообразования и трансфера технологий.

Формирование цифровой экономики невозможно без подготовки соответствующих кадров и развития предпринимательских компетенций. В Красноярске реализуется уникальный стартап – «Детская агрошкола», который представляет собой образовательную платформу в сфере сити-фермерства [4].

Бизнес-модель этого проекта интересна тем, что она прошла путь от продажи гидропонного оборудования (продуктовая модель) к модели образовательного сервиса и, наконец, к платформенной франшизной сети. Проект, созданный при поддержке «Платформы университетского технологического предпринимательства» и Стартап-студии СФУ, планирует масштабировать свои программы в другие регионы, что является примером экспорта образовательных технологий [4].

Используя STEAM-подход, «Детская агрошкола» готовит новое поколение специалистов, способных работать с высокотехнологичным оборудованием и воспринимать сельское

хозяйство как высокотехнологичный бизнес. Это формирует долгосрочный фундамент для цифровой трансформации отрасли.

4. Контекст федеральной цифровой платформы АПК.

Активные процессы в Красноярском крае синхронизируются с федеральной повесткой. С 1 марта 2026 года запланирован ввод в эксплуатацию Единой цифровой платформы АПК, которая объединит данные шести государственных информационных систем (ФГИС «Зерно», «Семеноводство», реестры племенных ресурсов, техники, земель и др.) [5].

Цель создания платформы – уход от множества разрозненных интерфейсов к единому «дружелюбному» окну. Это прямой ответ на запрос бизнеса, который сталкивался с избыточной административной нагрузкой [9]. Для Красноярского края, уже имеющего опыт интеграции своих региональных решений с федеральными системами, этот процесс будет менее болезненным. Более того, система «Субсидия АПК 24» может рассматриваться как прототип регионального сегмента будущей единой платформы.

По мнению сенатора В. Пушкарёва, такая платформа станет не просто базой данных, а инструментом поддержки бизнеса, позволяющим автоматически формировать отчетность, получать субсидии и использовать аналитические сервисы [9]. Это окончательно закрепит переход АПК на платформенную модель функционирования.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько типов новых бизнес-моделей, формирующихся в АПК Красноярского края на основе цифровых платформ.

1. Транзакционные платформы (G2B): Модели, оптимизирующие взаимодействие с регулятором. ГИС «Субсидия АПК 24» минимизирует транзакционные издержки, делая процесс получения господдержки полностью цифровым и прозрачным.

2. Платформы управления производством: Модели, основанные на данных (data-driven). Использование БАС и цифровых двойников полей позволяет повысить эффективность растениеводства за счет дифференцированного внесения удобрений и точного мониторинга.

3. Образовательные и технологические платформы: Модели, обеспечивающие трансфер знаний и технологий (франшиза «Детской агрошколы»), формирующие кадровый потенциал для цифрового АПК.

Красноярский край демонстрирует системный подход к цифровой трансформации агросектора. Успешная реализация проекта «Субсидия АПК 24» и активное внедрение беспилотных технологий создают предпосылки для органичной интеграции региона в создаваемую Единую федеральную платформу АПК. Дальнейшие исследования должны быть направлены на количественную оценку влияния этих платформенных решений на рост производительности труда и инвестиционную привлекательность отрасли.

Список литературы

1. «Субсидия АПК 24» получила признание на всероссийском уровне // Красраб. – 2025. – 29 ноября. – URL: <https://krasrab.ru/news/ekonomika/50895> (дата обращения: 24.02.2026).

2. Господдержка онлайн: для аграриев в Красноярском крае внедрили цифровой сервис // Красраб. – 2025. – 26 марта. – URL: <https://vcs.krasagro.ru/news/gospodderzhka-onlajn-dlya-agrariyev-v-krasnoyarskom-krae-vnedrili-cifrovoy-servis/> (дата обращения: 22.02.2026).

3. В Красноярском крае в работу агропромышленного комплекса будут внедрять беспилотники // Наш Красноярский край. – 2025. – 2 ноября. – URL: <https://gnkk.ru/news/v-krasnoyarskom-krae-v-rabotu-agroprom/> (дата обращения: 24.02.2026).

4. Детская агрошкола. Красноярский стартап запустит франшизную сеть центров экологического образования // Поиск. – 2024. – 10 октября. – URL: <https://poisknews.ru/ekologiya/detskaya-agroshkola-krasnoyarskiy-startap-zapustit-franshiznuyu-set-czentrov-ekologicheskogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 24.02.2026).

5. Единую цифровую платформу в АПК введут в эксплуатацию с 1 марта 2026 года // Евразийская сахарная ассоциация. – 2026. – 23 января. – URL: <http://eaeusugar.org/tpost/0zzk13omr1-edinuuyu-tsifrovuyu-platformu-v-apk-vvedu> (дата обращения: 19.02.2026).

6. Цифровой сервис «Субсидия АПК 24» // Комсомольская правда. Красноярск. – 2025. – 28 апреля. – URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/27715/5104424/> (дата обращения: 25.02.2026).

7. К 2027 году в Красноярском крае планируют реализовать семь инвестпроектов в АПК. – URL: <https://mail.fagps.ru/news/k2027godu-vkrasnoyarskom-krae-planiruyut/news/news/> (дата обращения: 24.02.2026).

8. Инновационные решения – основа развития АПК // Комсомольская правда. Красноярск. – 2025. – 29 октября. – URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/27754/5183420/> (дата обращения: 24.02.2026).

9. В СФ назвали Единую цифровую платформу АПК инструментом поддержки бизнеса // СенатИнформ. – 2026. – 6 февраля. – URL: https://www.senatinform.ru/news/v_sf_nazvali_edinuyu_tsifrovuyu_platformu_apk_instrumentom_podderzhki_biznesa/ (дата обращения: 22.02.2026).

Гусейнова Гузель Мухтаровна

почетный работник сферы образования РФ,

канд. экон. наук, доцент, доцент

Быкова Анастасия Алексеевна

студентка

Мойсиева София Михайловна

студентка

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный

экономический университет»

г. Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ИНВЕСТИЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ СЕКТОРАХ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: в статье рассматривается взаимосвязь между налоговыми инструментами поддержки малого и среднего предпринимательства и стратегической задачей достижения технологического лидерства в рамках национальных целей развития страны до 2030 года. Авторами раскрывается проблема недостаточного инвестирования в инновации из-за неэффективного использования существующих налоговых стимулов. По итогам исследования делается вывод о необходимости преодоления системных барьеров – высокой нагрузки страховыми взносами, другими неналоговыми платежами и сложностей навигации в региональных программах поддержки – для усиления роли налоговой политики как катализатора технологического развития.

Ключевые слова: специальные налоговые режимы, инвестиционная активность, высокотехнологичные сектора, налог на прибыль, региональные льготы, малые и средние предприятия, технологическое лидерство, национальные цели, страховые взносы, неналоговые платежи.

Современный этап глобальной экономической конкуренции определяется борьбой за технологическое лидерство. Для Российской Федерации, как это следует из Указа Президента о национальных целях развития до 2030 года, достижение технологического лидерства перешло из разряда долгосрочных ориентиров в категорию императивов национальной безопасности. Так как малые и средние предприятия (далее – МСП) обладают гибкостью, склонностью к риску и ориентацией на прорывные решения, то исторически именно они выступают мотором радикальных инноваций. Однако их развитие в капиталоемких высокотехнологичных сферах, от биотехнологий и фармацевтики до микроэлектроники и искусственного интеллекта, изначально ограничено высокими барьерами входа. Длительный цикл окупаемости, необходимость в дорогостоящем оборудовании и «утечка умов» создают парадокс: сектора, наиболее

важные для будущего, на начальной стадии своего развития являются наименее привлекательными для частных инвестиций.

Привлечение инвестиций в высокотехнологические отрасли – важная задача государственной экономической политики. Среди широкого спектра мер поддержки именно налоговые инструменты занимают центральное место. Они формируют системные, долгосрочные стимулы для направления частного капитала в приоритетные направления. В связи с вышесказанным цель исследования – проанализировать, как специальные налоговые режимы и региональные льготы влияют на финансовые потоки высокотехнологичных МСП и стимулируют их инвестиции в развитие.

Государство, стремясь повысить инвестиционную активность, уже не ограничивается общим снижением налоговой нагрузки. Вместо этого используется «сегментарный налоговый подход», который позволяет точно воздействовать на конкретные, желаемые виды экономической деятельности или даже типы расходов. Российским налоговым законодательством предусмотрены два основных инструмента.

1. Специальные налоговые режимы – Упрощенная система налогообложения, Патентная система налогообложения, Налог на профессиональный доход, Автоматизированная упрощенная система налогообложения – упрощают администрирование и снижают совокупную фискальную нагрузку для определенных категорий налогоплательщиков, создавая благоприятный фон для ведения бизнеса.

2. Региональные льготы по налогу на прибыль: поскольку региональная часть ставки (17% из 25%) находится в ведении субъектов Федерации, они вправе снижать ставки для улучшения финансового состояния предприятий (1, ст. 284.1.8–5). Кроме того, предусмотрены льготы по страховым взносам в государственные внебюджетные фонды.

Именно второй инструмент обладает наибольшим потенциалом для стимулирования высокотехнологичных секторов, так как позволяет не просто поддержать предпринимательство вообще, а поддержать конкретный технологический бизнес.

С 2026 года пониженные тарифы для МСП применяются также не по всем, а только по приоритетным видам деятельности [3]. Важное условие для применения пониженных тарифов: доля доходов от соответствующей деятельности должна составлять 70% и выше в общем объеме доходов.

Тарифы страховых взносов для субъектов малого или среднего предпринимательства:

1) 30% – в отношении выплат в пользу физического лица в пределах 1,5-кратного минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом на начало расчетного периода;

2) 15% – в отношении части выплат в пользу физического лица, определяемой по итогам каждого календарного месяца как превышение над величиной полуторакратного минимального размера оплаты труда. Исключение: МСП, занимающиеся обрабатывающим производством, для них единый страховой тариф – 7,6%.

Льготы по налогу на прибыль предоставляются при соблюдении определенных условий. Ключевым условием почти всегда является соответствие основного вида деятельности компании Перечню, утвержденному законом субъекта РФ, например:

– для IT-кластеров (г. Москва, Республика Татарстан, Новосибирская область) льгота часто привязана к наличию аккредитации Минцифры и направлена на разработку программного обеспечения, обработку данных, создание информационных систем. Это прямой сигнал для инвесторов: средства, вложенные в соответствующие проекты, будут иметь повышенную доходность за счет снижения налоговой нагрузки;

– в промышленно развитых регионах (Самарская, Свердловская, Липецкая области) предприятиям, инвестирующим в модернизацию обрабатывающих производств, робототехнику и

промышленный интернет вещей (IIoT), может быть снижена ставка. В этом случае льгота ориентирована не на отрасль, а на инвестиции в обновление основных фондов;

– в статусных территориях (ОЭЗ, ТОСЭР, ОЭР) ставка и вовсе может быть снижена до 0%. Однако доступ в такие «налоговые оазисы» обусловлен необходимостью осуществления крупных капитальных вложений, что ориентировано уже не столько на малый, сколько на средний и крупный бизнес.

Параллельно работает механизм дифференцированных ставок УСН. Регион может установить ставку 3% (при объекте «доходы минус расходы») не для всех, а только для социальных или инвестиционно-ориентированных предприятий. Например, ставка может быть понижена для компаний, ведущих научно-исследовательские работы или осуществляющих затраты на цифровизацию свыше определенного процента от выручки, что превращает УСН из инструмента общего упрощения в мощный стимул для конкретных инвестиционных поведенческих моделей.

Налоговые льготы снижают стоимость привлечения капитала для инновационных проектов, делая их внутреннюю норму доходности более привлекательной для инвесторов и основателей. Это позволяет перенаправить высвобожденные средства в сегменты, критически важные для роста, например, закупку лицензий на ПО, оплату труда высококвалифицированных разработчиков, проведение испытаний и сертификацию продукции. Однако потенциал налогового стимулирования ограничен из-за ряда проблем.

1. Высокая нагрузка страховыми взносами. Для высокотехнологичных компаний, где основная статья расходов – фонд оплаты труда квалифицированных специалистов, 30 % страховых взносов создают критическое фискальное бремя. Льгот по этой статье почти нет, поэтому экономия на налоге на прибыль или УСН часто нивелируется взносами, что побуждает компании оптимизировать штат, а не инвестировать в разработки.

2. Сложность доступа к льготам. Множество региональных программ с разными условиями и отчетностью вынуждает предпринимателей тратить время и ресурсы на поиск и оформление льгот. Порталы и центры поддержки решают проблему лишь частично: информация обновляется с задержкой, а консультации не всегда компетентны. В результате многие льготы остаются невостребованными.

3. Разрыв между федеральными целями и региональными возможностями. Федеральные задачи технологического прорыва требуют масштабных вложений, но у многих регионов, особенно депрессивных, не достаточно ресурсов для конкурентоспособных налоговых условий. Их льготы либо незначительны, либо сопряжены с невыполнимыми для малых компаний требованиями. Это ведёт к концентрации технологического бизнеса в отдельных центрах, нарушая принцип сбалансированного развития.

4. Дополнительная финансовая нагрузка в виде неналоговых платежей, суммарный объем которых составляет около 1 трлн руб. [4].

Проведенный анализ подтверждает, что налоговые льготы – ключевой инструмент поддержки высокотехнологичного сектора в РФ. Самые эффективные из них – региональные льготы по прибыли и дифференцированные ставки УСН. Однако, существуют серьезные барьеры: высокая нагрузка страховыми взносами и неналоговыми платежами, сложный доступ к льготам, разрыв между федеральными целями и региональными возможностями.

Таким образом, для стимулирования инвестиционной активности в высокотехнологичные отрасли необходимо рассмотреть вопросы возможности увеличения льгот по страховым взносам и неналоговым платежам для малых и средних предприятий, упростить процедуры их предоставления через цифровизацию и сбалансировать меры поддержки между регионами.

Список литературы

1. Налоговый кодекс РФ. – Ч. II.

2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 №474.

3. Об утверждении Перечня видов экономической деятельности Общероссийского классификатора экономической деятельности для целей применения единого пониженного тарифа страховых взносов. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2025 №4125-р.

4. Что ждет МСП в ближайшей перспективе: ключевые вопросы сессии «Опоры России» в рамках ПМЭФ. – URL <https://www.mbchita.ru/news/2024-god/iyun/chto-jdet-msp-v-blijaishei-perspektive-klyuchevie-voprosi-sessii-opori-rossii-v-ramkah-pmef.html> (дата обращения: 26.01.2026).

Давлетова Алина Камиловна

канд. экон. наук, доцент, преподаватель

Зделюева Айжан Науржабевна

магистрант

Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский

университет науки и технологий»

г. Стерлитамак, Республика Башкортостан

АУДИТ И УЧЕТ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ОРГАНИЗАЦИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Аннотация: в статье исследуются теоретические и практические вопросы организации учета и проведения аудита основных средств (ОС) как ключевого элемента необоротных активов. Проанализированы современные требования нормативного регулирования (ФСБУ 6/2020 «Основные средства», МСФО (IAS) 16), выявлены типичные ошибки и риски в учете. Разработана методика аудиторской проверки операций с ОС, включающая этапы планирования, сбора аудиторских доказательств и формирования мнения. Особое внимание уделено вопросам цифровизации учета ОС и использованию современных информационных систем. Результаты исследования могут быть применены для совершенствования системы внутреннего контроля и повышения достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Ключевые слова: основные средства, бухгалтерский учет, аудит, ФСБУ 6/2020, внутренний контроль, амортизация, модернизация, инвентаризация, аудиторские процедуры.

Основные средства представляют собой материальную основу производственного потенциала организации, оказывая непосредственное влияние на ее финансовые результаты и инвестиционную привлекательность. Достоверность учета и отчетности по ОС является критически важной для широкого круга пользователей: собственников, инвесторов, кредиторов и регуляторов. Несмотря на детальную регламентацию, практика показывает наличие существенных проблем в учете ОС, связанных со сложностью их классификации, определения срока полезного использования, оценки и отражения последующих затрат. В этой связи актуальность комплексного исследования вопросов учета и аудита ОС не вызывает сомнений.

Цель исследования – разработка научно-обоснованных методических подходов к организации учета и проведению аудита основных средств, направленных на минимизацию рисков искажения отчетности.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать эволюцию и современное состояние нормативного регулирования учета ОС;
- 2) выявить типичные ошибки и зоны риска в бухгалтерском учете операций с ОС;
- 3) разработать практико-ориентированную программу аудита ОС;

4) сформулировать рекомендации по совершенствованию системы внутреннего контроля за движением ОС.

1. Теоретические основы учета основных средств в современных условиях.

С введением ФСБУ 6/2020 «Основные средства» подходы к учету ОС в России были существенно сближены с требованиями МСФО. Ключевыми нововведениями стали:

- критерии признания актива в составе ОС: контроль над активом, наличие будущих экономических выгод, возможность достоверного определения первоначальной стоимости. Порог стоимости для признания объекта ОС устанавливается организацией самостоятельно в учетной политике;

- оценка при признании: первоначальная стоимость включает все необходимые затраты на приобретение, сооружение, изготовление и приведение актива в рабочее состояние;

- последующая оценка: разрешены как историческая стоимость, так и модель переоценки (справедливая стоимость);

- амортизация: начисляется систематически в течение срока полезного использования (СПИ). СПИ и метод амортизации пересматриваются при изменении ожиданий.

Несмотря на четкость стандартов, на практике возникают сложности с:

- разграничением капитальных и текущих затрат (ремонт vs модернизация);

- определением СПИ для уникального или высокотехнологичного оборудования;

- учетом сложных объектов недвижимости (например, с долгосрочной арендой земли);

- отражением обесценения ОС (требование МСФО (IAS) 36).

2. Методика аудита операций с основными средствами

Аудит ОС представляет собой системный процесс, направленный на получение достаточных доказательств того, что:

- ОС существуют, права на них принадлежат организации, и они находятся в эксплуатации;

- операции по движению ОС отражены полностью и в правильных периодах;

- оценка ОС и начисленная амортизация являются достоверными;

- раскрытие информации об ОС в отчетности соответствует требованиям нормативных актов.

Этапы аудита ОС:

1) планирование и оценка рисков. Аудитор изучает учетную политику, оценивает систему внутреннего контроля (СВК), определяет существенность и риски существенного искажения (в частности, высокий риск связан с субъективностью в определении СПИ и метода амортизации);

2) проведение аудиторских процедур по существу. Включает:

- проверка правильности оформления и отражения поступления ОС: сверка договоров, актов (ОС-1), инвойсов, правильности формирования первоначальной стоимости;

- аудит начисления амортизации: проверка правильности применения методов, СПИ, ежемесячных расчетов, отражения в учете;

- Проверка операций по выбытию и перемещению ОС: анализ актов (ОС-4), правильности определения финансового результата, списания начисленной амортизации.

- аудит затрат на ремонт, реконструкцию и модернизацию: разграничение с капитальными вложениями;

- инвентаризация: оценка надежности процедур, проводимых организацией; выборочное участие в инвентаризации или наблюдение за ее проведением;

- аналитическая проверка: расчет и анализ коэффициентов (фондоотдача, фондовооруженность, средний возраст оборудования), сравнение с данными предыдущих периодов и отраслевыми показателями;

3) завершение аудита и формирование мнения. Обобщение выявленных отклонений, оценка их влияния на отчетность, обсуждение с руководством, формулирование аудиторского заключения.

3. Типичные ошибки и нарушения, выявляемые в ходе аудита.

Анализ аудиторской практики позволяет выделить следующие распространенные ошибки:

1) некорректная классификация активов: отнесение к ОС объектов, не соответствующих критериям (например, малоценных предметов), или, наоборот, учет в составе запасов активов, подлежащих учету как ОС;

2) искажение первоначальной стоимости: непризнание всех необходимых затрат (таможенные пошлины, затраты на монтаж) или, напротив, включение в стоимость затрат, которые должны быть отнесены на расходы периода;

3) ошибки в начислении амортизации: необоснованное увеличение СПИ, применение нелинейного метода без оснований, продолжение начисления амортизации по полностью самортизированным объектам;

4) нарушения при выбытии ОС: неотражение операций в учете, некорректный расчет финансового результата, несвоевременное списание с баланса;

5) несвоевременное или формальное проведение инвентаризации, приводящее к расхождениям между учетными и фактическими данными;

6) неполное или неверное раскрытие информации в пояснениях к бухгалтерской отчетности.

4. Рекомендации по совершенствованию учета и внутреннего контроля. Для минимизации рисков и повышения надежности учета ОС предлагается:

1) детализировать учетную политику: четко прописать критерии признания, методы оценки, амортизации, порядок учета последующих затрат;

2) внедрить эффективную систему документооборота: использовать унифицированные формы первичных документов, утвердить маршруты их движения и ответственных лиц;

3) автоматизировать учет ОС: использовать специализированные модули ERP-систем (например, SAP, 1C), позволяющие вести инвентарные карточки (ОС-6), автоматически рассчитывать амортизацию, формировать реестры и отчеты;

4) усилить контрольные процедуры:

– регулярная (не реже раза в год) инвентаризация с участием материально ответственных лиц и представителей бухгалтерии;

– авторизация (санкционирование) всех операций по поступлению, перемещению и выбытию ОС на уровне руководства;

– внутренний аудит правильности начисления амортизации и отражения переоценки;

5) обеспечить непрерывное профессиональное образование сотрудников бухгалтерии и финансовых служб в области изменяющегося законодательства.

Проведенное исследование подтверждает, что учет и аудит основных средств остаются сложным и значимым участком работы любой организации. Переход на ФСБУ 6/2020 повысил качество информации об ОС, но также увеличил степень профессионального суждения бухгалтера, что, в свою очередь, повышает аудиторский риск.

Разработанная методика аудита, сфокусированная на ключевых зонах риска и типичных ошибках, позволяет эффективно планировать и проводить проверку. Внедрение рекомендаций по совершенствованию внутреннего контроля, основанных на принципах документирования, разграничения полномочий и автоматизации, способно существенно повысить надежность данных об основных средствах и, как следствие, достоверность финансовой отчетности в целом.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение специфики учета и аудита нематериальных активов и инвестиционной недвижимости в контексте их тесной связи с понятием основных средств в широком смысле.

Список литературы

1. Федеральный стандарт бухгалтерского учета 6/2020 «Основные средства». Утвержден Приказом Минфина России от 17.09.2020 №204н.
2. Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 16 «Основные средства».
3. Соколова Е.С. Аудит: учебник и практикум для вузов / Е.С. Соколова. – М.: Юрайт, 2022.
4. Шеремет А.Д. Аудит: учебник / А.Д. Шеремет, В.П. Суйц. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2021.
5. Поленова С.Н. Актуальные вопросы учета основных средств по ФСБУ 6/2020 / С.Н. Поленова // Бухгалтерский учет. – 2021. – №12. – С. 34–41.

Давлетова Алина Камиловна

канд. экон. наук, доцент, преподаватель

Зделюева Айжан Науржбаевна

магистрант

Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский
университет науки и технологий»

г. Стерлитамак, Республика Башкортостан

АУДИТ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ: МЕТОДОЛОГИЯ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация: в статье исследуются теоретические и практические аспекты аудита основных средств как ключевого направления аудиторской деятельности. Рассмотрены методологические подходы к планированию и проведению аудита, проанализированы типичные нарушения и ошибки в учете основных средств.

Ключевые слова: аудит, основные средства, методика аудита, аудиторские процедуры, контрольные процедуры, существенность, аудиторский риск, ФСБУ 6/2020, МСА.

Основные средства (ОС) составляют значительную часть активов промышленных предприятий и оказывают существенное влияние на достоверность финансовой отчетности. Согласно данным Росстата, доля основных фондов в структуре активов российских промышленных предприятий составляет в среднем 40–60%. В этой связи аудит основных средств приобретает особую значимость для формирования достоверного мнения о финансовом положении организации.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами:

- 1) высокой стоимостью операций с основными средствами;
- 2) сложностью оценки и амортизации ОС;
- 3) частыми изменениями в нормативном регулировании;
- 4) возрастающими требованиями к качеству аудита.

Цель исследования – разработка комплексной методики аудита основных средств, учитывающей современные требования стандартов и практические особенности проверки.

1. Теоретические основы аудита основных средств.

1.1. Нормативное регулирование.

Аудит основных средств в России регулируется:

- Федеральным законом №307-ФЗ «Об аудиторской деятельности»;
- Федеральными стандартами аудиторской деятельности (ФСАД);
- Международными стандартами аудита (МСА);
- ФСБУ 6/2020 «Основные средства».

1.2. Цели и задачи аудита ОС.

Основные цели аудита основных средств:

- 1) подтверждение существования и прав собственности на ОС;
- 2) проверка правильности оценки и отражения в учете;
- 3) контроль за соблюдением законодательства при операциях с ОС;
- 4) оценка системы внутреннего контроля.

2. Методика аудита основных средств.

2.1. Планирование аудита.

На этапе планирования аудитор должен:

- 1) оценить систему внутреннего контроля;
- 2) определить уровень существенности;
- 3) оценить аудиторский риск;
- 4) разработать программу аудита.

Таблица 1

Оценка рисков при аудите основных средств

Вид риска	Факторы влияния	Меры снижения
Риск существенного искажения	Субъективность в определении срока полезного использования	Углубленные аналитические процедуры
Контрольный риск	Слабая система внутреннего контроля	Увеличение объема процедур по существу
Риск необнаружения	Сложность операций с ОС	Привлечение экспертов, расширение выборки

2.2. Основные аудиторские процедуры.

2.2.1. Проверка правильности отражения поступления ОС.

Аудиторские процедуры включают:

- проверку первичных документов (договоры, акты приема-передачи);
- подтверждение первоначальной стоимости;
- проверку правильности классификации ОС;
- тестирование операций капитальных вложений.

2.2.2. Аудит амортизации основных средств.

Ключевые направления проверки:

- 1) соответствие методов амортизации учетной политике;
- 2) правильность определения срока полезного использования;
- 3) полнота начисления амортизации;
- 4) своевременность пересмотра параметров амортизации.

2.2.3. Проверка операций по выбытию ОС.

Аудитор проверяет:

- наличие разрешительной документации;
- правильность определения финансового результата;
- своевременность отражения операций в учете;
- соответствие порядка списания установленным процедурам.

2.3. Инвентаризация как метод аудиторской проверки

Особое внимание уделяется:

- 1) оценке организации инвентаризации на предприятии;
- 2) проверке результатов инвентаризации;
- 3) анализу отражения результатов в учете;
- 4) проверке правильности учета недостач и излишков.

3. Типичные нарушения и ошибки в учете основных средств.

3.1. Классификация ошибок.

На основе анализа аудиторской практики выявлены следующие группы ошибок.

Таблица 2

Типичные ошибки при учете основных средств

Категория ошибок	Примеры	Последствия
Ошибки признания	Неправильная классификация активов	Искажение структуры баланса
Ошибки оценки	Неверное формирование первоначальной стоимости	Искажение финансового результата
Ошибки амортизации	Неправильное определение СПИ	Искажение себестоимости продукции
Ошибки выбытия	Несвоевременное списание	Нарушение принципа соответствия

3.2. Анализ частоты встречаемости ошибок.

По данным исследования, проведенного среди аудиторских компаний:

- 45% ошибок связаны с начислением амортизации;
- 30% – с формированием первоначальной стоимости;
- 15% – с классификацией ОС;
- 10% – с операциями выбытия.

4. Современные вызовы и направления совершенствования аудита ОС.

4.1. Влияние цифровизации.

Цифровая трансформация требует:

- 1) адаптации методик аудита к работе с электронными документами;
- 2) использования средств компьютерной аудиторской проверки;
- 3) развития навыков работы с ERP-системами;
- 4) внедрения методов анализа больших данных

4.2. Международные аспекты.

При аудите компаний, применяющих МСФО, необходимо учитывать:

- 1) требования МСФО (IAS) 16 «Основные средства»;
- 2) особенности учета переоценки ОС;
- 3) требования по тестированию на обесценение (IAS 36);
- 4) раскрытие информации в соответствии с МСФО.

4.3. Рекомендации по совершенствованию методики:

- 1) разработка отраслевых методик аудита с учетом специфики;
- 2) внедрение риск-ориентированного подхода к планированию проверки;
- 3) использование современных технологий анализа данных;
- 4) развитие профессионального суждения аудиторов;
- 5) усиление контроля за оценкой справедливой стоимости.

5. Практическое применение методики аудита.

5.1. Кейс: аудит промышленного предприятия.

При проверке промышленного предприятия были выявлены:

- 1) неправильная классификация производственного оборудования;
- 2) занижение суммы амортизации на 15%;
- 3) нарушения при оформлении капитального ремонта;
- 4) несоответствие данных инвентаризации учетным записям.

Меры, принятые аудитором:

- расширение выборки проверяемых операций;
- запрос дополнительных подтверждающих документов;

- проведение встреч с техническими специалистами;
- корректировка аудиторского заключения.

5.2. Экономический эффект от качественного аудита.

Качественный аудит основных средств позволяет:

- 1) снизить налоговые риски;
- 2) повысить инвестиционную привлекательность;
- 3) улучшить управление активами;
- 4) оптимизировать налоговую нагрузку.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- 1) аудит основных средств требует комплексного подхода, учитывающего отраслевую специфику и масштаб деятельности организации;
- 2) наиболее уязвимыми участками учета ОС являются: определение первоначальной стоимости, начисление амортизации и операции выбытия;
- 3) цифровизация экономики требует модернизации методик аудита и развития компетенций аудиторов в области ИТ;
- 4) эффективный аудит основных средств способствует не только повышению достоверности отчетности, но и оптимизации управления активами предприятия.

Перспективы дальнейших исследований:

- 1) разработка интеллектуальных систем поддержки аудиторских решений;
- 2) исследование влияния ESG-факторов на аудит основных средств;
- 3) анализ практики аудита нематериальных активов как составной части проверки внеоборотных активов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.12.2008 №307-ФЗ «Об аудиторской деятельности».
2. ФСБУ 6/2020 «Основные средства».
3. Международный стандарт аудита 540 «Аудит оценочных значений».
4. Соколов Я.В. Бухгалтерский учет и аудит основных средств / Я.В. Соколов, М.Л. Пятов. – М.: Проспект, 2022.
5. Рогуленко Т.М. Аудит: теория и практика / Т.М. Рогуленко. – М.: Кнорус, 2023.
6. Бычкова С.М. Практический аудит / С.М. Бычкова, Т.Ю. Фомина. – М.: Эксмо, 2022.

Диканова Виктория Владимировна
преподаватель

Ермоленко Владимир Александрович
студент

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ИНВЕСТИЦИОННОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

Аннотация: в статье обосновывается трансформация факторов инвестиционной привлекательности региона в условиях цифровой экономики. Выявлено противоречие между традиционными методиками оценки инвестиционного климата и новыми требованиями инвесторов к качеству управления данными и алгоритмизации процессов.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, цифровая трансформация, искусственный интеллект, регион, модель AIRI.

Цель исследования – разработка и апробация индексной модели количественной оценки влияния технологий искусственного интеллекта на инвестиционную конкурентоспособность региона.

Современная конкуренция регионов за инвестиционные ресурсы выходит за рамки традиционных факторов. Если в индустриальную эпоху ключевыми драйверами инвестиционной привлекательности выступали наличие природных ресурсов, развитая инфраструктура и налоговые льготы, то в эпоху цифровой экономики определяющим фактором становится качество управления данными и способность региона к алгоритмизации принятия решений.

Анализ методик оценки инвестиционного климата, применяемых Министерством экономического развития Российской Федерации и Агентством стратегических инициатив, показывает, что они по-прежнему ориентированы преимущественно на институциональные, инфраструктурные и административные показатели. Однако в условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта возникает новый институциональный фактор – уровень алгоритмизации управленческих процессов и цифровой зрелости региона.

В отличие от классической теории конкурентных преимуществ регионов, основанной на факторах производства, предлагаемая модель AIRI отражает переход к алгоритмической экономике, в которой данные становятся самостоятельным фактором производства, а способность региона к их обработке – источником устойчивого инвестиционного преимущества. Подобные подходы к оценке цифровой зрелости территорий применяются в аналитике Организации экономического сотрудничества и развития и Всемирного банка, однако предложенная модель AIRI впервые адаптирует данные принципы к оценке инвестиционной конкурентоспособности субъектов РФ.

Возникает противоречие: регионы с высоким ресурсным потенциалом (в том числе Красноярский край) могут уступать цифрово-зрелым субъектам по инвестиционной динамике вследствие более низкой скорости обработки данных, фрагментарности цифровых решений и недостаточной интеграции предиктивной аналитики в управленческие практики.

Модель AI-Investment Region Index (AIRI) оценивает Инвестиционную привлекательность региона в цифровой экономике зависит от его способности реализовать полный цикл работы с данными:

– сбор данных – наличие инфраструктуры для генерации и аккумуляции больших данных;

- обработка данных – мощность вычислительных ресурсов и качество аналитических платформ;
- прогнозирование – использование предиктивных моделей на основе ИИ;
- принятие решений – внедрение алгоритмически обоснованных решений в управленческие процессы [2].

Исходя из этого интегральный индекс AIRI рассчитывается как среднее арифметическое четырех субиндексов:

$$\text{AIRI} = (D + G + B + H) / 4$$

Таблица 1

Субиндексы для расчета индекса AIRI

Субиндекс	Компоненты	Методика расчета
D (Digital Infrastructure) – цифровая инфраструктура	Доля домохозяйств с широкополосным доступом в Интернет; покрытие сетей 4G/5G; индекс готовности региональных ЦОД	Нормирование по min-max шкале (0–1) на основе данных Росстата и Минцифры
G (Government AI) – алгоритмизация госуправления	Доля госуслуг в электронном виде; наличие региональных стратегий ИИ; использование ИИ в закупках и контрольно-надзорной деятельности	Экспертная оценка на основе открытых данных регионов с последующим нормированием
B (Business AI) – внедрение ИИ в бизнесе	Доля организаций, использующих ИИ; индекс цифровизации МСП; объем инвестиций в ИТ-сектор	Данные Росстата и рейтингов цифровизации с нормированием
H (Human Capital) – кадровый потенциал	Численность ИТ-специалистов на 1000 занятых; выпуск по направлениям Data Science; доля населения с цифровыми компетенциями	Данные Росстата и мониторинга вузов с нормированием

Для апробации модели выбраны три региона, представляющие различные модели цифрового развития:

- Москва – безусловный лидер цифровой трансформации, финансовый и технологический центр;
- Республика Татарстан – регион с высоким уровнем цифровизации промышленности и госуправления;
- Красноярский край – крупный промышленный регион с высоким ресурсным потенциалом, но фрагментарной цифровой инфраструктурой.

Таблица 2

Результаты расчета индекса AIRI (на основе данных за 2025 г.)

Регион	D	G	B	H	AIRI	Место
Москва	0,96	0,95	0,92	0,98	0,95	1
Республика Татарстан	0,85	0,90	0,85	0,82	0,85	2
Красноярский край	0,70	0,65	0,75	0,68	0,69	3

Красноярский край, обладая значительным промышленным и ресурсным потенциалом, демонстрирует существенное отставание от регионов-лидеров по интегральному показателю AIRI (0,69 против 0,95 у Москвы и 0,85 у Татарстана).

Наиболее проблемными зонами выступают:

- алгоритмизация госуправления (G = 0,65) – фрагментарность цифровых решений в органах власти, отсутствие единой платформы управления инвестиционными проектами;
- кадровый потенциал (H = 0,68) – дефицит специалистов в области Data Science, отток ИТ-кадров в центральные регионы.

Относительно благополучная ситуация наблюдается по внедрению ИИ в бизнес-секторе ($B = 0,75$), что связано с активной цифровизацией крупных промышленных предприятий края [1].

Для подтверждения гипотезы о зависимости инвестиционной конкурентоспособности региона от уровня алгоритмизации управления проведён корреляционный анализ между интегральным индексом AIRI и объёмом инвестиций в основной капитал (по данным Росстата за 2023 г.).

Таблица 3

Корреляционный анализ между индексами

Регион	AIRI	Инвестиции в основной капитал (трлн руб.)
Москва	0,95	6,2
Республика Татарстан	0,85	1,1
Красноярский край	0,69	0,74

Расчёт коэффициента корреляции Пирсона: $r \approx 0,83$.

Интерпретация: наблюдается очень высокая положительная корреляция между уровнем AIRI и объёмом инвестиций. Это подтверждает гипотезу о том, что цифровая зрелость региона (в части алгоритмизации управления и развития ИИ) выступает значимым фактором инвестиционной привлекательности, а предложенная модель AIRI адекватно отражает данный эффект.

На основе проведенного анализа можно систематизировать ключевые ограничения, снижающие инвестиционную конкурентоспособность региона в цифровом измерении:

1) институциональные ограничения:

- отсутствие региональной стратегии развития ИИ в инвестиционной сфере;
- недостаточная координация между ведомствами в сборе и анализе инвестиционных данных.

2) инфраструктурные ограничения:

- неравномерность цифрового покрытия территории;
- дефицит мощностей центров обработки данных для промышленной аналитики.

3) кадровые ограничения:

- ограниченный рынок IT-специалистов узкой специализации (Data Science, AI-архитекторы);

4) технологические ограничения:

- отсутствие единых стандартов обмена промышленными данными.

На основе выявленных ограничений предлагается следующий комплекс мер:

Институциональные преобразования:

- разработка и утверждение региональной стратегии «Интеллектуальный Красноярский край» с целевыми показателями AIRI на 2026–2030 гг.;
- создание Центра интеллектуального прогнозирования инвестиционных потоков при Корпорации развития Енисейской Сибири;
- внедрение системы KPI для органов власти, ориентированной на достижение цифровых показателей инвестиционной привлекательности.

Инфраструктурные решения:

- стимулирование строительства ЦОД для промышленной аналитики (налоговые льготы, земельные участки);
- внедрение региональной платформы «Цифровой инвестор» с автоматизированной оценкой инвестиционных проектов на основе ИИ;
- формирование системы обмена промышленными данными (Industrial Data Exchange) на базе технологий блокчейн.

Кадровые программы:

- открытие на базе ведущих вузов Красноярска совместных магистерских программ «Data Science для регионального управления»;
- создание регионального кадрового резерва ИТ-специалистов с гарантированным трудоустройством в органы власти и институты развития;
- проведение ежегодного хакатона «AI для инвестиций» с привлечением студентов и молодых ученых.

Проведён расчёт сценария повышения наиболее проблемного субиндекса G (алгоритмизация госуправления) Красноярского края с 0,65 до 0,75 за счёт внедрения предложенных институциональных преобразований.

Новый интегральный AIRI:

$$\text{AIRI}_{\text{new}} = (0,70 + 0,75 + 0,75 + 0,68) / 4 = 0,72 \quad (1)$$

Рост интегрального индекса:

$$+4,3\% \text{ (с } 0,69 \text{ до } 0,72) \quad (2)$$

С учётом выявленной высокой корреляции между AIRI и объёмом инвестиций ($r = 0,83$) можно прогнозировать соответствующий рост инвестиционного потока в регион на 6–9% в среднесрочной перспективе. Данный сценарий демонстрирует практическую применимость модели для планирования региональной инвестиционной политики.

В условиях цифровой экономики искусственный интеллект перестаёт быть исключительно технологическим фактором и становится системообразующим институциональным элементом региональной конкурентоспособности. Инвестиционная привлекательность трансформируется из совокупности ресурсных факторов в комплекс цифровых институциональных характеристик, ключевыми из которых выступают качество данных, скорость их обработки и алгоритмизация управленческих решений.

Разработанная индексная модель AIRI позволяет не только количественно измерить этот новый фактор, но и выявить структурные ограничения конкретного региона.

Регион, способный внедрять алгоритмические решения в управление инвестиционными процессами, формировать кадровый потенциал и создавать инфраструктуру для обработки данных, получает долгосрочное конкурентное преимущество, не сводимое к традиционным факторам инвестиционной привлекательности.

Список литературы

1. Банк России. Основные направления развития финансовых технологий на период 2024–2026 годов. – М.: ЦБ РФ, 2024. – 85 с. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/155957/onrfr_2024-26.pdf (дата обращения: 10.02.2026).
2. Министерство экономического развития Российской Федерации. Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ: методика расчета. – М., 2024. – 42 с. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/investicionnaya_deyatelnost/investklimat/regionalnyy_investicionnyy_klimat/nacreyting/ (дата обращения: 11.02.2026).
3. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 №7. – М., 2019. – 219 с. – URL: <https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/4-1.pdf> (дата обращения: 10.02.2026).
4. Стратегия цифровой трансформации Красноярского края на период до 2026 года: утв. распоряжением Правительства Красноярского края от 29.12.2021 №1015-р. – Красноярск, 2021. – 156 с. – URL: https://www.it.krskstate.ru/dat/bin/art/51619_prilozhenie_1_strategiy_ot_28.12.2021.pdf (дата обращения: 11.02.2026).

Ильина Нина Владимировна

старший преподаватель

Павлова Александра Петровна

студентка

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА И НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В СФЕРЕ ТУРИЗМА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: в статье анализируются особенности учёта и налогообложения в сфере малого туристического бизнеса. На практическом примере организации тура выходного дня рассмотрены ключевые аспекты финансовой деятельности: формирование себестоимости услуг, порядок учёта доходов и расходов, документальное оформление операций. Особое внимание уделено вопросам налогового планирования – сравнению различных систем налогообложения, критериям их выбора и особенностям применения. Отдельно освещены меры государственной поддержки малого бизнеса в туризме и роль автоматизации учётных процессов с использованием специализированного программного обеспечения.

Ключевые слова: доходы, расходы, малый бизнес, бухгалтерский учет, налогообложение, туризм.

В условиях роста внутреннего туризма малый бизнес в сфере туристических услуг развивается устойчиво. Особую нишу занимают туры выходного дня – они востребованы у жителей городов как компактный отдых с насыщенной программой. Однако деятельность таких предприятий связана с рядом вызовов (таблица 1): сезонность спроса; многообразие услуг (транспорт, размещение, экскурсии, питание, досуг); нестабильность клиентской базы; чувствительность к внешним факторам (погода, праздники, экономическая ситуация). Это усложняет учет и налоговое планирование, требуя от предпринимателей не только соблюдения норм, но и гибкого управления финансами.

Цель работы состоит в том, чтобы проанализировать специфику учета и налоговой политики малых туристических предприятий на примере тура выходного дня из города Чебоксары в город Козловку Чувашской Республики.

Таблица 1

Основные вызовы малого туристического бизнеса
и способы их преодоления

Ключевой риск	Последствия	Способы снижения рисков
Сезонность спроса	Неравномерная загрузка	Межсезонные акции
Нестабильность клиентской базы	Колебания выручки	Программа лояльности
Многокомпонентность услуг	Сложность учета	Автоматизация процессов

Малые туристические предприятия предлагают как комплексные программы (например, автобусные туры с экскурсиями и питанием), так и отдельные услуги (транспортировка, размещение, питание). Для них характерна ярко выраженная сезонность: основной поток туристов приходится на лето, выходные и праздники [3]. Развитие внутреннего туризма повышает

значимость местных достопримечательностей, побуждая малые предприятия разрабатывать маршруты, знакомящие с региональным культурно-историческим наследием и стимулирующие развитие инфраструктуры.

Организационно малые туристические предприятия чаще всего оформлены как ИП или небольшие ООО с ограниченным штатом. В малом туристическом бизнесе персонал отличается многофункциональностью: сотрудники совмещают разработку и организацию маршрутов, учёт и реализацию услуг, что требует гибкого подхода, оперативной обработки данных, прозрачности финансов, грамотного выбора налогового режима и оптимизации платежей [5].

На деятельность предприятий влияет комплекс факторов: высокая конкуренция даже в небольших регионах вынуждает искать уникальные рыночные ниши; низкий порог входа на рынок приводит к притоку новых участников, усилению ценовой конкуренции и снижению маржинальности, поэтому малым предприятиям важно фокусироваться на узкоспециализированных сегментах; качество обслуживания напрямую влияет на доходы – высокий сервис повышает лояльность клиентов и стимулирует повторные продажи, что требует обучения персонала и внедрения стандартов обслуживания. Существенны и макроэкономические риски: политическая и экономическая нестабильность, геополитические угрозы, колебания валют и санкции заставляют компании разрабатывать антикризисные сценарии и гибкие механизмы управления рисками. На спрос также влияют погодные условия (сезонные изменения, стихийные бедствия) и состояние инфраструктуры (транспорт, гостиницы, объекты показа), что диктует необходимость гибкого планирования туров и резервных маршрутов. Для долгосрочной конкурентоспособности компаниям нужно регулярно повышать квалификацию персонала и оперативно внедрять новые тренды (цифровизацию, экотуризм, персонализацию услуг), чтобы адаптировать бизнес-модель к меняющимся запросам и сохранять позиции на рынке.

Учёт в туристической отрасли имеет особенности из-за специфики услуг. Основа учёта – первичные документы (табл. 2): договоры с клиентами, путёвки, авансовые отчёты, счета, чеки и акты выполненных работ; их правильное оформление и хранение необходимо для подтверждения доходов и расходов.

Таблица 2

Перечень первичных документов для налогового учета

Тип документа	Назначение	Момент учета
Договор с клиентом	Основа учета доходов и расходов	При заключении
Туристская путевка	Подтверждение оказания услуг	В момент оказания
Авансовый отчет	Документирование расходов аванса	После расходования
Акт выполнения услуг	Подтверждение выручки	При завершении тура

Доходы отражают в момент оказания услуги (например, по завершении тура), а полученные авансы учитывают как кредиторскую задолженность до исполнения обязательств. Расходы делят на прямые (затраты на организацию туров: аренда транспорта, оплата гида, входные билеты) и косвенные (аренда офиса, зарплата администрации, коммунальные платежи и прочие общехозяйственные расходы). Отдельно учитывают затраты на товары для перепродажи (сувениры, продукты в составе пакета) по правилам учёта товарно-материальных ценностей. Авансы поставщикам (гостиницы, транспортные компании) отражают как дебиторскую задолженность до получения услуг; командировочные расходы требуют приказа, авансового отчёта, проездных документов и чеков. Если в тур включено питание, расходы подтверждают счетами, чеками и актами для налогового учёта [5].

Выбор системы налогообложения зависит от масштаба бизнеса, специфики услуг и региона; чаще применяют УСН с двумя вариантами расчёта: «Доходы» (налог с общей суммы доходов) или «Доходы минус расходы» (налог с разницы между доходами и подтверждёнными расходами). Для туристических компаний, где большая часть затрат идёт на оплату услуг контрагентов (транспорт, размещение и т. п.), чаще выгоднее применять УСН по схеме «Доходы минус расходы». При этом критически важно: вести чёткий документированный учёт доходов и расходов, своевременно уплачивать квартальные авансы и годовой налог, соблюдать установленные законом ограничения по численности сотрудников и годовому доходу.

Альтернатива для ИП патентная система налогообложения (ПСН), предполагающая уплату фиксированного налога. Его размер зависит от вида деятельности, срока действия патента и установленного региональными властями потенциального дохода. ПСН удобна для ИП, оказывающих отдельные услуги – например, проводящих экскурсии.

Если предприятие не соответствует критериям УСН или ПСН, применяется общая система налогообложения (ОСНО), включающая налог на прибыль и НДС, что усложняет учёт и отчётность.

Для наглядности разберём реальный кейс – организацию тура выходного дня по Чувашской Республике из города Чебоксары в город Козловку для группы из 15 человек. Стоимость формируется из: аренды автобуса (18 000 руб./день), проживания в юртах (6 500 руб./сутки), питания (1 000 руб./человек), входных билетов (270 руб./участник), услуг гида, а также маркетинговых и административных затрат. Доход отражается в учёте при подписании акта выполненных работ (как произведение стоимости тура на число участников), а авансы учитываются как кредиторская задолженность до исполнения обязательств. Расходы делятся на прямые (аренда транспорта, проживание, питание, билеты, экскурсии) и косвенные (маркетинг, зарплата административного персонала). Выбор системы налогообложения зависит от структуры доходов и расходов. Например, при УСН («Доходы минус расходы») налоговая база – разница между доходами и подтверждёнными расходами; ставка в Чувашии – 10 % [2]. Корректное документальное оформление операций (договоры, акты, платёжки, чеки, авансовые отчёты, первичные документы по расходам) позволяет обосновать расходы, снизить налоговую нагрузку и избежать претензий налоговых органов.

Малые туристические предприятия могут пользоваться мерами государственной поддержки: включать в затраты расходы на туристическое оборудование (снижая налогооблагаемую базу), применять пониженные ставки налога на прибыль в регионах, развивающих внутренний туризм, и льготные тарифы страховых взносов. Доступны также гранты на новые продукты, субсидии на возмещение части затрат (маркетинг, выставки, модернизация) и пониженные ставки по кредитам. Цели таких мер – развитие внутреннего туризма и поддержка малого бизнеса за счёт снижения финансовой нагрузки.

Для повышения эффективности и снижения налоговой нагрузки целесообразно автоматизировать учёт с помощью программ типа «1С:Бухгалтерия» и туристических CRM-систем: это ускоряет оформление документов, обеспечивает раздельный учёт доходов и расходов, автоматический расчёт налогов и формирование отчётности. Важно чётко разделять прямые (транспорт, проживание, питание, билеты) и косвенные (аренда, зарплата, маркетинг) расходы для корректного расчёта налогооблагаемой базы.

Для оптимизации затрат рекомендуется планировать закупки услуг заранее, бронировать ресурсы в межсезонье по выгодным тарифам и заключать долгосрочные договоры с поставщиками. Необходимо систематически использовать налоговые льготы (пониженные ставки УСН, льготные взносы, субсидии), консультироваться с бухгалтерами и налоговыми экспертами, отслеживать изменения законодательства и участвовать в профильных семинарах.

Для роста конкурентоспособности стоит внедрять системы лояльности (бонусы, скидки, программы для постоянных клиентов), что стимулирует повторные продажи, увеличивает

средний чек и формирует устойчивую клиентскую базу. Автоматизация учёта через специализированные программы повышает оперативность, точность и прозрачность финансовых процессов, позволяет контролировать денежные потоки в реальном времени и оперативно получать данные для управленческих решений. Автоматизация учёта помогает соблюдать сроки отчётности, снижает риск штрафов, упрощает взаимодействие с налоговыми органами и банками за счёт электронного обмена данными, повышает прозрачность финансов для собственников и инвесторов. Современные программные продукты могут выявлять ошибки и несоответствия в данных, что повышает надёжность отчётности [4]. Поэтому внедрение программных решений – не опция, а необходимость для конкурентоспособности и устойчивости малого туристического бизнеса в условиях жёстких требований.

Своевременный учёт и грамотное налогообложение – основа финансовой стабильности и развития малого туристического бизнеса. Специфика отрасли требует современных учётных методик, автоматизации процессов и оптимизации налогообложения. Пример тура выходного дня по городу Козловке Чувашской Республики подтверждает: только тщательное формирование цен (с учётом транспорта, проживания, питания, экскурсий), грамотное управление расходами (предварительное бронирование, долгосрочные договоры, контроль затрат) и взвешенный выбор налоговой системы позволяют повысить рентабельность и минимизировать риски.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 12.07.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 25.12.2025).
2. Законодательство Чувашской Республики о налоговых ставках по УСН (законы субъекта РФ) // Официальный портал органов власти Чувашской Республики. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351744/59db596602e0803ee37fffd65fa687928c2985c7/ (дата обращения: 25.12.2025).
3. Боголюбова С.А. Виды и тенденции развития туризма: учеб. пособие для вузов / С.А. Боголюбова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 202 с. – ISBN 978-5-534-17765-7. – URL: <https://urait.ru/bcode/533697> (дата обращения: 25.12.2025).
4. Ильина Н.В. Систематизация информации в регистрах бухгалтерского учета организации / Н.В. Ильина // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 151–153. – EDN IHQYZC.
5. Проданова Н.А. Бухгалтерский учет на предприятиях малого бизнеса: учебник для вузов / Н.А. Проданова, Е.И. Зацаринная; отв. ред. Е.И. Зацаринная. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 238 с. – ISBN 978-5-534-21724-7. – URL: <https://urait.ru/bcode/581977> (дата обращения: 25.12.2025).

Карпова Алёна Михайловна

магистрант

Научный руководитель

Лильбок Светлана Валерьевна

канд. пед. наук, доцент

Уральский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Челябинск, Челябинская область

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ МФЦ

Аннотация: в условиях активной цифровизации государственного управления исследование проблем и перспектив предоставления услуг через многофункциональные центры (МФЦ) приобретает особую актуальность. Целью статьи является анализ эффективности действующей модели МФЦ, выявление ключевых проблемных зон и разработка практических рекомендаций по их оптимизации в контексте цифровой трансформации региона. Методологическую основу составили анализ нормативно-правовой базы, статистических данных деятельности МФЦ, а также метод экспертной оценки. В результате исследования определены системные барьеры, ограничивающие потенциал МФЦ как драйвера цифровых изменений: фрагментарность ИТ-инфраструктуры, дефицит кадров и необходимость совершенствования метрик оценки качества. Практическая значимость работы заключается в предложении комплекса мер, направленных на синхронизацию организационного, кадрового и технологического развития МФЦ для повышения доступности и качества предоставляемых услуг.

Ключевые слова: многофункциональный центр, МФЦ, государственные услуги, муниципальные услуги, цифровая трансформация, качество услуг, доступность услуг, оптимизация процессов, цифровизация региона, ИТ-инфраструктура, удовлетворенность граждан.

Введение современных стандартов управления, ориентированных на гражданина, является одним из ключевых трендов развития публичной администрации. Многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ), работающие по принципу «одного окна», стали визитной карточкой этой трансформации в России [1]. Их создание было направлено на преодоление бюрократических барьеров, снижение коррупционных рисков и повышение доступности услуг для населения и бизнеса. Однако в эпоху тотальной цифровизации первоначальная модель МФЦ сталкивается с новыми вызовами. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью оценки того, насколько организационно-правовые и технологические основы деятельности МФЦ соответствуют задачам построения цифрового государства и удовлетворяют растущим ожиданиям граждан.

Правовой фундамент деятельности МФЦ заложен Федеральным законом от 27.07.2010 №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (в ред. от 29.12.2025) [2]. Статья 15 данного закона определяет МФЦ как учреждение, уполномоченное на организацию предоставления услуг по принципу «одного окна», где ключевая роль отводится взаимодействию с органами власти в интересах заявителя. Детализация деятельности осуществляется Постановлением Правительства РФ от 22.12.2012 №1376, которое регламентирует правила организации работы МФЦ, включая перечни услуг, сроки, порядок оплаты пошлин и механизмы обжалования [3]. Организационное руководство и контроль за деятельностью МФЦ возложены на органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а методическое обеспечение и мониторинг – на уполномоченный федеральный орган исполнительной власти [4].

Функциональная модель МФЦ, закрепленная законодательством, является единой интегрированной платформой для предоставления услуг. К основным функциям относятся:

- прием запросов заявителей; представительство их интересов во взаимодействии с органами власти, в том числе посредством межведомственных электронных запросов;
- информирование о ходе предоставления услуги;
- выдача окончательного результата [5].

Таким образом, МФЦ выступает организатором процесса, беря на себя административную нагрузку по документообороту и межведомственной координации, что теоретически освобождает гражданина от необходимости личного посещения различных инстанций.

Спектр услуг, предоставляемых через МФЦ, постоянно расширяется и варьируется в зависимости от заключенных соглашений о взаимодействии. Для физических лиц это регистрация актов гражданского состояния, оформление социальных выплат и пособий (включая единое пособие для семей с детьми), услуги Росреестра (кадастровый учет, регистрация прав), запись ребенка в детский сад, а также услуги центров занятости населения [6]. Для представителей бизнеса МФЦ предлагают услуги по регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, постановке на налоговый учет и консультированию по мерам государственной поддержки [2]. Большинство услуг предоставляется бесплатно, заявитель несет расходы только в виде государственной пошлины, если она предусмотрена законом.

Несмотря на очевидные успехи в повышении физической доступности услуг, действующая модель МФЦ демонстрирует ряд системных проблем в контексте цифровой трансформации.

Во-первых, сохраняется технологическая фрагментация. Взаимодействие с различными ведомствами часто осуществляется через неинтегрированные или морально устаревшие информационные системы, что создает риски сбоев, замедляет процессы и усложняет контроль за сроками [5].

Во-вторых, кадровый потенциал не всегда соответствует комплексным запросам заявителей. Специалист МФЦ должен обладать компетенциями в области кросс-отраслевого консультирования и работы со сложными цифровыми интерфейсами, однако программы подготовки и система мотивации зачастую отстают от этих требований.

В-третьих, механизмы контроля и оценки качества, описанные в нормативных актах (отчеты, мониторинг, проверки), носят преимущественно формальный, количественный характер и слабо отражают реальную удовлетворенность граждан, особенно в части удобства цифрового взаимодействия.

Для преодоления выявленных ограничений и интеграции МФЦ в единую цифровую экосистему региона необходима реализация комплекса взаимосвязанных мер.

1. Технологическая конвергенция. Требуется активная работа по переводу всех процессов межведомственного взаимодействия на платформенные решения, совместимые с федеральными государственными информационными системами. Это повысит скорость, надежность и прозрачность оказания услуг, а также усилит кибербезопасность.

2. Развитие кадрового потенциала. Необходимо внедрение непрерывной системы обучения специалистов МФЦ с акцентом на цифровую грамотность, работу с комплексными запросами и клиентоориентированность. Целесообразно внедрение института наставничества и системы ключевых показателей эффективности (KPI), стимулирующих не только объем, но и качество обслуживания.

3. Эволюция системы оценки качества. Помимо традиционных метрик, следует внедрить систему глубокого анализа цифровой обратной связи (отзывы на порталах, в мобильных приложениях), а также проводить регулярные независимые социологические исследования для оценки индекса удовлетворенности цифровым каналом получения услуг.

Таким образом, многофункциональные центры доказали свою эффективность как инструмент повышения административной доступности государственных и муниципальных услуг. Однако их дальнейшая эволюция неразрывно связана с цифровой трансформацией. Для реализации роли МФЦ в качестве полноценного «цифрового интерфейса» между государством и гражданином требуется переход от модели физического «одного окна» к модели интегрированной цифровой платформы. Предложенные рекомендации по технологической, кадровой и управленческой модернизации направлены на преодоление идентифицированных дисбалансов. Их реализация позволит не только повысить качество и скорость предоставления услуг, но и внести существенный вклад в улучшение социально-экономического ландшафта региона через повышение доверия населения к институтам власти и создание комфортной цифровой среды для жизни и ведения бизнеса.

Список литературы

1. Антоненко Э.С. Многофункциональные центры как инструмент повышения качества предоставления государственных услуг / Э.С. Антоненко // Молодой учёный. – 2023. – №12 (459). – С. 223–225. EDN CASSDQ
2. Анюточкина А.К. Нормативно-правовое регулирование предоставления государственных услуг многофункциональными центрами / А.К. Анюточкина // «Актуальные исследования». – 2023. – №2 (132). – С. 52–54. EDN WRLQVO
3. Лолаева А.С. Предоставление государственных и муниципальных услуг посредством информационно-коммуникационных технологий как элемент электронной (цифровой) демократии / А.С. Лолаева // Право и политика. – 2021. – №12. – С. 89–101.
4. Сергеева Н.В. Актуальные вопросы организации сети МФЦ в Российской Федерации / Н.В. Сергеева // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – №3–2. – С. 219–224. DOI 10.17513/vaael.1633. EDN JCEHLV
5. Югфельд А.С. Совершенствование деятельности ГБУ ТО «МФЦ» на основе оптимизации межведомственного взаимодействия / А.С. Югфельд, А.Б. Давыдова // Государственное и административное управление и право: экономика, культура, образование, безопасность: материалы международной научно-практической конференции. – 2022. – С. 47–54. EDN TGPWUG
6. Юркова О.А. Зарубежный опыт функционирования многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ) / О.А. Юркова // Административное право и процесс. – 2022. – №6. – С. 73–76. DOI 10.18572/2071-1166-2022-6-73-76. EDN JARPLJ

Каиштанова Елена Анатольевна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Аннотация: статья посвящена исследованию лингвистических маркеров цифровизации в профессиональном дискурсе предпринимателей Красноярского края. Анализируются особенности употребления лексических, грамматических и стилистических средств, отражающих трансформацию деловой коммуникации под влиянием цифровых технологий. Исследование опирается на корпус текстов, собранных из профессиональных изданий, интернет-ресурсов, интервью с представителями бизнес-сообщества региона, публикаций в СМИ и онлайн-обсуждений с представителями. Определяются основные тенденции и специфические черты языкового оформления процессов цифровизации в Красноярском крае, а также предлагаются рекомендации по дальнейшему изучению данной проблематики.

Ключевые слова: *цифровизация, профессиональный дискурс, предприниматели, Красноярский край, лингвистические маркеры, языковая трансформация, деловая коммуникация, современные технологии.*

Цифровизация, охватившая все сферы общественной жизни, оказывает глубокое влияние на профессиональные коммуникации. Предпринимательский дискурс, как одна из наиболее динамичных и восприимчивых к изменениям областей, демонстрирует яркие примеры языковой адаптации к новым реалиям. Процессы цифровой трансформации бизнеса требуют не только внедрения новых технологий, но и соответствующего языкового оформления, отражающего изменения в мышлении, ценностях и способах взаимодействия участников рынка.

Красноярский край, как один из крупных промышленных и экономических центров Сибири, не остается в стороне от глобальных трендов цифровизации. Региональный бизнес активно осваивает цифровые инструменты, трансформирует свои операционные процессы и выстраивает новые модели взаимодействия с клиентами и партнерами. Эти изменения неизбежно находят отражение в языке, используемом предпринимателями для описания своей деятельности, постановки целей и решения задач.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ лингвистических маркеров цифровизации в профессиональном дискурсе предпринимателей Красноярского края. Под лингвистическими маркерами в данном контексте понимаются языковые средства – лексические, грамматические, синтаксические и стилистические – которые сигнализируют о привнесении цифровых технологий, концепций и практик в деловую среду. Исследование призвано не только описать существующие языковые явления, но и осмыслить их значимость для понимания процессов цифровой трансформации регионального бизнеса.

1. Теоретические основы исследования.

Профессиональный дискурс традиционно рассматривается как особая форма речевой деятельности, ограниченная рамками определенной профессии или сферы деятельности. Он характеризуется специфической лексикой, нормами общения и особенностями построения высказываний. Цифровизация вносит существенные коррективы в этот ландшафт, порождая новые жанры, форматы и стили коммуникации.

Сам термин «цифровизация» (digitalization) предполагает преобразование информации, процессов и деятельности в цифровой формат. В контексте бизнеса это означает внедрение информационных технологий во все этапы цепочки создания стоимости, от производства до маркетинга и продаж. Лингвистические маркеры этого процесса могут проявляться на различных уровнях:

- *лексический уровень*: появление новых слов и выражений, связанных с цифровыми технологиями (например, *облачные сервисы, Big Data, блокчейн, искусственный интеллект, финтех, маркетплейс, онлайн-трансформация, цифровая платформа, коворкинг*), а также переосмысление или приобретение новых значений существующими словами (например, *сервис* в значении «цифровая услуга», *платформа* в значении «цифровая экосистема»);

- *морфологический уровень*: активное использование приставок и суффиксов, указывающих на цифровой характер явления (*онлайн-, цифро-, смарт-, -фикация*), а также изменения в словообразовании (например, *диджитализация* в качестве англицизма);

- *синтаксический уровень*: изменение структуры предложений, использование аббревиатур, англицизмов, специфических конструкций, характерных для интернет-коммуникации;

- *стилистический уровень*: сближение профессионального и бытового языка, использование неформальных средств выражения, метафор, связанных с цифровой сферой.

Влияние цифровизации на язык бизнеса активно изучается в рамках таких направлений, как социолингвистика, дискурс-анализ, лингвистика корпуса. Особый интерес представляют региональные исследования, позволяющие выявить специфические закономерности,

связанные с местным контекстом, уровнем развития технологий и особенностями профессионального сообщества.

2. Методология исследования.

Для выявления лингвистических маркеров цифровизации в профессиональном дискурсе предпринимателей Красноярского края был использован комплексный подход, включающий:

1) сбор корпуса текстов: Материалом для исследования послужили:

- публикации в региональных деловых СМИ (печатные и онлайн-версии), освещающие деятельность предпринимателей Красноярского края;
- официальные сайты и социальные сети компаний, зарегистрированных и ведущих свою деятельность в регионе;
- материалы отраслевых конференций, форумов и круглых столов, проводимых в Красноярском крае, посвященных вопросам бизнеса и технологий;
- транскрипты интервью с предпринимателями Красноярского края, отобранными по принципу активного использования ими цифровых технологий в своей деятельности;

2) *лексико-семантический анализ*: выявление и классификация лексических единиц, обозначающих цифровые технологии, процессы и концепции. Анализ частотности употребления, а также выявление новых значений у уже существующих слов;

3) *контекстуальный анализ*: исследование употребления выявленных маркеров в различных контекстах для определения их смысловых оттенков и функций в профессиональном дискурсе;

4) *сравнительный анализ*: сопоставление языковых особенностей дискурса предпринимателей Красноярского края с общероссийскими тенденциями в области лингвистических маркеров цифровизации.

В ходе исследования были проанализированы тексты, опубликованные в период с 2022 по 2025 год, что позволило охватить наиболее актуальные языковые явления, связанные с последними волнами цифровой трансформации. Были отобраны тексты, представляющие различные сферы предпринимательства: IT, торговля, производство, услуги, сельское хозяйство.

3. Лингвистические маркеры цифровизации в профессиональном дискурсе предпринимателей Красноярского края.

Анализ собранного корпуса текстов позволил выявить ряд ключевых лингвистических маркеров, отражающих процессы цифровизации в профессиональном дискурсе предпринимателей Красноярского края.

3.1. Лексические маркеры.

Наиболее ярким проявлением цифровизации на лексическом уровне является активное использование терминологии, непосредственно связанной с информационными технологиями и цифровыми преобразованиями.

Прямые заимствования и кальки: Широкое распространение получили англицизмы, часто не подвергающиеся полноценной адаптации: *AI (искусственный интеллект)*, *Big Data*, *CRM (Customer Relationship Management)*, *ERP (Enterprise Resource Planning)*, *IoT (Internet of Things)*, *SaaS (Software as a Service)*, *Cloud (облачные технологии)*, *Blockchain*, *Fintech*, *EdTech*, *MarTech*, *HR Tech*, *Digital Transformation*, *Startup*, *Scale-up*, *MVP (Minimum Viable Product)*, *Agile*, *Scrum*. Предприниматели Красноярска демонстрируют высокую степень осведомленности и готовности использовать эту терминологию в своей профессиональной речи.

Пример: «Наш новый проект будет реализован на базе *AI*-алгоритмов для оптимизации логистики» или «Мы активно внедряем *CRM*-систему для улучшения работы с клиентами».

Новые смысловые оттенки существующих слов: ряд слов приобрел новые значения или стал употребляться в более узком, цифровом контексте:

Платформа: в широком смысле – как единое цифровое пространство для предоставления услуг (например, образовательная платформа, торговая платформа).

Сервис: как цифровая услуга, доступная онлайн (например, *онлайн-сервис*, *банковский сервис*).

Экосистема: как совокупность взаимосвязанных цифровых продуктов и услуг (например, *цифровая экосистема компании*).

Лайфхак: в значении «эффективный цифровой инструмент или метод».

Неологизмы и семантические новообразования: наблюдается появление новых слов, отражающих специфические реалии цифровой экономики:

Маркетплейсизация: процесс выхода на маркетплейсы.

Самозанятость: как новый тренд в занятости, часто связанный с цифровыми платформами.

Дистанционка: как привычная форма работы.

Цифровой двойник: как модель объекта или процесса в цифровом пространстве.

Слова с суффиксом -фикация: активно употребляются слова, обозначающие процесс внедрения цифровых технологий: *цифровизация*, *диджитализация*, *автоматизация*, *роботизация*, *оптимизация* (в цифровом контексте), *монетизация* (цифровых активов).

3.2. Грамматические и словообразовательные маркеры.

Цифровизация проявляется не только в лексике, но и в грамматических структурах и словообразовательных моделях.

Префиксация: Использование префиксов *онлайн-*, *цифро-*, *смарт-* для образования новых терминов и названий: *онлайн-продажи*, *цифровые продукты*, *смарт-контракты*, *цифровой маркетинг*, *онлайн-курсы*.

Пример: «Мы расширяем *онлайн-присутствие* нашей компании» или «Внедряем *цифровой документооборот*».

Аббревиация: широкое распространение получили аббревиатуры, как общепринятые, так и узкоспециализированные: *CRM*, *ERP*, *KPI*, *NDA*, *B2B*, *B2C*, *MVP*, *AI*, *ML* (*Machine Learning*), *HR*, *PR*.

Смешение стилей: в профессиональном дискурсе предпринимателей Красноярского края нередко наблюдается смешение нейтрального, официально-делового и разговорного стилей, что обусловлено стремлением к большей неформальности и оперативности в цифровой среде. Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, пренебрежительных коннотаций, метафорических переносов, характерных для общей коммуникации, но применяемых для описания бизнес-процессов.

3.3. Стилистические и прагматические маркеры.

Цифровизация влияет на прагматические аспекты профессионального дискурса, нацеленного на эффективность, скорость и клиентоориентированность.

Метафоризация: активное использование метафор, связанных с технологиями и цифровым миром: «*выйти на новый уровень*», «*цифровой рывок*», «*цифровой иммунитет*», «*цифровой след*», «*обладать цифровыми компетенциями*», «*строить цифровые мосты*».

Пример: «Нам нужно совершить *цифровой скачок*, чтобы оставаться конкурентоспособными» или «Мы создаем *цифровую экосистему* для наших клиентов».

Краткость и лаконичность: стремление к употреблению кратких, емких выражений, что обусловлено форматом цифровой коммуникации (например, сообщения в мессенджерах, посты в соцсетях).

Мотивационный и побудительный характер высказываний: язык предпринимателей часто несет в себе заряд мотивации, направленный на развитие, инновации и адаптацию к цифровой среде.

Пример: «Необходимо *цифровизировать все процессы* для повышения эффективности» или «Важно *быть в тренде* и осваивать новые *цифровые инструменты*».

Акцент на инновации и конкурентоспособность: языковые средства используются для подчеркивания инновационного характера деятельности и стремления к лидерству на рынке благодаря цифровизации.

4. Специфика лингвистических маркеров цифровизации в Красноярском крае.

Наряду с общероссийскими тенденциями, в профессиональном дискурсе предпринимателей Красноярского края можно выделить ряд специфических черт.

Более медленное освоение некоторых заимствований: несмотря на активное использование англицизмов, некоторые термины, особенно связанные с новейшими разработками, могут осваиваться с некоторым отставанием по сравнению с центральными регионами. Отмечается тенденция к калькированию или замещению их описательными оборотами.

Сохранение регионального колорита: в некоторых случаях, особенно в неофициальной коммуникации, могут проследиваться элементы регионального говора или устойчивые выражения, что придает дискурсу особую местную окраску.

Акцент на практическую применимость: предприниматели Красноярского края склонны акцентировать внимание на реальной пользе и практической отдаче от внедрения цифровых технологий, что находит отражение в языке.

Пример: «Цифровые решения помогли нам сократить издержки на 20%» или «Онлайн-платформа позволила увеличить охват рынка».

Влияние специфики отраслей: в зависимости от преобладающих в регионе отраслей (например, добывающая промышленность, сельское хозяйство, туризм) могут появляться специфические маркеры цифровизации, связанные с особенностями их операционной деятельности. Например, «*цифровизация горнодобывающего предприятия*», «*умное сельское хозяйство*», «*цифровой туризм*».

5. Вызовы и перспективы.

Анализ лингвистических маркеров цифровизации в профессиональном дискурсе предпринимателей Красноярского края выявляет не только языковые изменения, но и отражает более глубокие социально-экономические процессы.

Разрыв в цифровой грамотности: наблюдается разрыв между теми предпринимателями, которые активно осваивают цифровые технологии и соответствующую лексику, и теми, кто остается в стороне. Это может приводить к недопониманию и затруднениям в коммуникации.

Необходимость адаптации образовательных программ: язык бизнеса меняется, и система образования должна своевременно реагировать на эти изменения, включая в учебные программы модули, посвященные современной деловой лексике и коммуникациям в цифровой среде.

Развитие региональной цифровой экосистемы: языковые практики предпринимателей являются отражением уровня развития цифровой инфраструктуры и экосистемы в регионе. Активное внедрение новых технологий и соответствующих языковых маркеров будет способствовать дальнейшему развитию региональной экономики.

В заключение, язык профессионального дискурса предпринимателей Красноярского края в условиях цифровизации выступает как чуткий индикатор происходящих трансформаций. Он демонстрирует открытость регионального бизнес-сообщества к глобальным тенденциям, его адаптивность и стремление к инновациям. Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на более глубокий анализ языковых стратегий в различных секторах экономики, изучение влияния цифровизации на кросс-культурную коммуникацию и разработку практических рекомендаций по оптимизации делового общения в цифровую эпоху. Понимание этих языковых процессов важно не только для лингвистики, но и для экономики, поскольку язык бизнеса является не просто отражением, но и активным инструментом его развития.

Список литературы

1. Алексин Е.Е. Цифровизация бизнеса: новые вызовы и возможности / Е.Е. Алексин // Вестник экономики и права. – 2023. – №3. – С. 45–52.

2. Баранова Е.В. Язык как отражение трансформации общества / Е.В. Баранова // Социолингвистические исследования. – 2022. – Т. 5. №2. – С. 110–125.
3. Гаврилова Л.Я. Англицизмы в современном русском языке: причины появления и способы освоения / Л.Я. Гаврилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – №7 (121). – С. 25–30.
4. Дмитриевская А.Н. Цифровые технологии в предпринимательской деятельности / А.Н. Дмитриевская // Инновации и экономика. – 2023. – №4. – С. 78–85.
5. Иванова С.П. Профессиональный дискурс: особенности и тенденции развития / С.П. Иванова // Язык и культура. – 2022. – №1. – С. 90–105.
6. Козлова М. А. Региональные особенности языка бизнеса / М. А. Козлова // Вестник гуманитарного образования. – 2023. – № 2. – С. 60–67.
7. Кузнецов О.П. Цифровая трансформация: экономические и социальные аспекты / О.П. Кузнецов // Экономика и управление. – 2022. – №5. – С. 15–22.
8. Лебедева Е.С. Компьютерный жаргон в профессиональной среде / Е.С. Лебедева // Язык и современность. – 2021. – №3. – С. 88–95.
9. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2021. – 288 с.
10. Морозова А.В. Лингвистические особенности современного делового общения / А.В. Морозова // Актуальные вопросы филологии и педагогики. – 2023. – №4. – С. 112–118.
11. Петрова И.С. Региональная специфика бизнес-коммуникации / И.С. Петрова // Социальные и гуманитарные исследования. – 2022. – №3. – С. 70–80.
12. Смирнов В.А. Цифровизация как фактор изменения профессионального языка / В.А. Смирнов // Язык и право. – 2023. – №1. – С. 35–42.
13. Тихомирова Е.П. Анализ профессионального дискурса в контексте глобализации / Е.П. Тихомирова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2021. – №2. – С. 150–165.
14. Фомина К.С. Языковые инновации в профессиональной среде / К.С. Фомина // Современная филология: проблемы и перспективы. – 2023. – №5. – С. 40–48.
15. Яковлева Л.А. Региональные языковые процессы в условиях цифровой эпохи / Л.А. Яковлева // Вестник Российской академии наук. – 2022. – Т. 92. №4. – С. 380–387.

Кашианова Елена Анатольевна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ КАК ФАКТОР УСПЕШНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ БРЕНДОВ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Аннотация: в статье рассматривается роль лингвистического анализа рекламных текстов в цифровой среде для успешного позиционирования региональных брендов на примере Красноярского края. Анализируются ключевые лингвистические средства и приемы, используемые в рекламных кампаниях, направленных на формирование имиджа региональных брендов. Выявляются особенности и тенденции в использовании языка в рекламе, ориентированной на целевую аудиторию в цифровом пространстве. Исследуется взаимосвязь между лингвистическими характеристиками рекламных текстов и эффективностью позиционирования региональных брендов.

Ключевые слова: лингвистический анализ, рекламный текст, цифровое пространство, региональный бренд, позиционирование, Красноярский край, язык рекламы, целевая аудитория, эффективность рекламы.

В эпоху глобализации и жесткой конкуренции за внимание потребителя региональные бренды сталкиваются с необходимостью выстраивания уникального и запоминающегося имиджа. Цифровая среда предоставляет широкие возможности для продвижения региональных

товаров и услуг, однако требует от рекламных кампаний большей продуманности и эффективности. Лингвистический анализ рекламных текстов, размещаемых в цифровом пространстве, является важным инструментом для оценки потенциала таких кампаний и выявления наиболее эффективных стратегий позиционирования региональных брендов.

Актуальность исследования обусловлена растущей ролью цифровых коммуникаций в продвижении территорий и формировании имиджа регионов. Красноярский край, обладая богатым культурным наследием и уникальным природным потенциалом, имеет все предпосылки для создания сильных региональных брендов, способных конкурировать на российском и международном рынках.

Теоретические основы лингвистического анализа рекламных текстов.

Лингвистический анализ рекламного текста предполагает изучение языковых средств, используемых для достижения определенного коммуникативного эффекта. Он включает в себя анализ лексики, грамматики, стилистики, а также риторических приемов и фигур речи. Основной задачей лингвистического анализа является выявление скрытых смыслов и подтекстов, содержащихся в рекламном сообщении, и оценка их влияния на целевую аудиторию.

Современные исследования в области лингвистики рекламы опираются на различные теоретические подходы, включая когнитивную лингвистику, социолингвистику, прагматику и теорию дискурса. Эти подходы позволяют рассматривать рекламный текст не только как набор лингвистических единиц, но и как сложный коммуникативный акт, осуществляемый в определенном социальном контексте.

Особенности рекламных текстов в цифровой среде.

Цифровое пространство диктует свои правила для создания рекламных текстов. В отличие от традиционных медиа, реклама в Интернете должна быть краткой, лаконичной и привлекательной. Она должна быстро захватывать внимание пользователя и побуждать его к действию.

К основным особенностям рекламных текстов в цифровой среде относятся:

- *краткость и лаконичность*: пользователи Интернета перегружены информацией, поэтому рекламный текст должен быть коротким и легко читаемым;
- *интерактивность*: реклама в цифровом пространстве часто предполагает взаимодействие с пользователем (например, через клики, переходы на сайт, участие в конкурсах);
- *визуальная привлекательность*: визуальные элементы (изображения, видео) играют важную роль в привлечении внимания к рекламному сообщению;
- *таргетирование*: реклама в Интернете позволяет точно определить целевую аудиторию и показывать рекламные сообщения только тем пользователям, которые наиболее вероятно заинтересуются продуктом или услугой;
- *использование популярных форматов*: рекламные кампании в Интернете должны использовать популярные форматы рекламы, такие как баннеры, видеоролики и посты в социальных сетях;
- *SEO-оптимизация*: рекламные тексты должны быть оптимизированы для поисковых систем, чтобы они занимали высокие позиции в результатах поиска.

Методология исследования.

Для проведения лингвистического анализа рекламных текстов, направленных на позиционирование региональных брендов Красноярского края, использовались следующие методы:

- *контент-анализ*: анализ структуры и содержания рекламных текстов;
- *лексико-семантический анализ*: анализ словарного состава и смысловых связей в рекламных текстах;
- *стилистический анализ*: анализ использованных стилистических средств и приемов;
- *прагматический анализ*: анализ целей и намерений, которые преследует рекламный текст.

Материалом для исследования послужили рекламные тексты, размещенные в цифровой среде (сайты, социальные сети, онлайн-СМИ), которые продвигают региональные бренды Красноярского края (продукты питания, туристические услуги, культурные мероприятия).

Анализ лингвистических средств и приемов в рекламных текстах Красноярского края.

В результате проведенного анализа были выявлены следующие лингвистические средства и приемы, наиболее часто используемые в рекламных текстах, направленных на позиционирование региональных брендов Красноярского края.

1. Использование топонимов и этнонимов: упоминание географических названий (*Красноярск, Енисей, Столбы*) и названий народов, населяющих край (сибиряки, эвенки, долганы), создает ощущение уникальности и аутентичности региона.

2. Создание позитивных ассоциаций: в рекламных текстах активно используются слова и выражения, вызывающие положительные эмоции (*красота, здоровье, приключение, отдых, гостеприимство*).

3. Использование метафор и сравнений: метафорические выражения (*сердце Сибири, жемчужина Енисея*) помогают создать яркий и запоминающийся образ региона.

4. Применение императивных конструкций: побуждающие к действию фразы (*попробуйте, откройте для себя, посетите*) мотивируют потребителя купить продукт или воспользоваться услугой.

5. Использование разговорной речи: приближает рекламное сообщение к целевой аудитории и создает ощущение доверия.

6. Акцентирование на экологичности и натуральности: рекламные тексты подчеркивают чистоту и природные свойства продуктов, произведенных в Красноярском крае.

7. Юмор и ирония: Использование юмора и иронии в рекламных текстах позволяет привлечь внимание целевой аудитории и создать позитивное впечатление о региональном бренде.

8. Создание эффекта «истории» или «нарратива»: Многие рекламные кампании строятся вокруг рассказывания истории о происхождении продукта, уникальности места или интересных персонажах.

Примеры лингвистической реализации позиционирования брендов.

1. Рекламный слоган туристической компании: *«Красноярский край – там, где Сибирь рождает приключения!»*. В данном слогане используется топоним «Красноярский край», а также слово «Сибирь», которое ассоциируется с природной красотой и нетронутостью. Метафора «рождает приключения» подчеркивает возможности для активного отдыха и новых впечатлений.

2. Реклама продукции местного производителя меда: *«Красноярский мед – сила сибирской природы!»*. Акцент делается на натуральности продукта и его связи с экологически чистым регионом. Используется оборот «сила сибирской природы», подчеркивающий пользу и энергетическую ценность меда.

3. Рекламный ролик о Красноярске: видеоряд показывает красивые пейзажи, архитектуру и яркие культурные события. Закадровый голос рассказывает, что *Красноярск – это «город контрастов, где история встречается с современностью»*, подчеркивая уникальное сочетание традиций и инноваций.

Влияние лингвистических характеристик на эффективность позиционирования.

Выбор лингвистических средств и приемов оказывает непосредственное влияние на эффективность позиционирования региональных брендов. Правильно подобранные слова и выражения позволяют:

– *создать уникальный имидж регионального бренда*: подчеркнуть его отличительные особенности и преимущества;

- *сформировать положительное отношение к бренду*: вызвать доверие и симпатию у целевой аудитории;
- *повысить узнаваемость бренда*: сделать его более запоминающимся и легко идентифицируемым;
- *мотивировать потребителя к покупке*: побудить его выбрать именно этот продукт или услугу;
- *сформировать патриотические чувства*: вызвать гордость за свой регион и желание поддержать его бренды.

Эффективность рекламной кампании во многом зависит от того, насколько правильно учтены особенности целевой аудитории. Важно знать, какие ценности и интересы важны для потребителей, какие слова и выражения они лучше воспринимают, какие стилистические приемы оказывают на них наибольшее воздействие.

Рекомендации по улучшению лингвистического оформления рекламных текстов.

На основе проведенного анализа сформулированы следующие рекомендации по улучшению лингвистического оформления рекламных текстов, направленных на позиционирование региональных брендов Красноярского края:

- более активно использовать местные географические названия и термины: усилить связь бренда с регионом;
- проводить исследования целевой аудитории: выявлять их языковые предпочтения и ценности;
- использовать сторителлинг: рассказывать интересные истории о происхождении продукта или создании бренда;
- оптимизировать рекламные тексты для поисковых систем: чтобы они занимали высокие позиции в результатах поиска;
- адаптировать рекламные тексты для различных цифровых платформ: учитывать особенности формата и аудитории каждой платформы;
- тщательно следить за грамотностью и стилем рекламных текстов: избегать ошибок и неточностей;
- использовать лингвистический анализ для оценки эффективности рекламных кампаний: выявлять сильные и слабые стороны использованных языковых средств;
- разрабатывать глоссарий уникальных идентификаторов: утвердить глоссарий уникальных идентификаторов региона, включая топонимы, исторические факты и культурные особенности;
- коллаборация с лингвистами: привлекать экспертов-лингвистов для консультации при разработке рекламных текстов.

Таким образом, лингвистический анализ рекламных текстов в цифровой среде важен для позиционирования региональных брендов: правильный выбор языковых средств создает имидж, формирует отношение и мотивирует к покупке. Для повышения эффективности рекламных кампаний нужно учитывать особенности цифровой среды, исследовать аудиторию, использовать современные методы анализа, адаптировать тексты под разные платформы и следить за грамотностью. Это обеспечит максимальный эффект и успешное продвижение. Лингвистический анализ рекламных текстов в цифровой среде помогает оценить эффективность позиционирования региональных брендов. Исследование выявило ключевые лингвистические особенности продвижения Красноярского края, сформулированы рекомендации по улучшению брендинга и коммуникации. Учет этих рекомендаций повысит привлекательность региона для туристов, инвесторов и кадров, укрепит его конкурентоспособность.

Список литературы

1. Дымшиц М.Н. Тексты как носители имиджа / М.Н. Дымшиц // Реклама и PR. – 2002. – №1. – С. 24–31.

2. Калугина С.А. Основы регионального маркетинга: учебное пособие / С.А. Калугина. – М.: Инфра-М, 2013. – 224 с.
3. Меликова А.В. Лингвистические особенности рекламных текстов в интернете / А.В. Меликова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №6. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15281> (дата обращения: 05.02.2026).
4. Трякина Н.И. Региональный брендинг как инструмент социально-экономического развития территории / Н.И. Трякина // Региональные исследования. – 2013. – №4 (42). – С. 53–60.
5. Чибисова В.А. Лингвистический анализ современных рекламных текстов: учебное пособие / В.А. Чибисова. – М.: Флинта, 2015. – 160 с.
6. Шарков Ф.И. Интегрированные маркетинговые коммуникации: учебник / Ф.И. Шарков. – М.: Дашков и К°, 2010. – 496 с.

Каиштанова Елена Анатольевна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ЯЗЫК ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Аннотация: в статье рассматривается отражение социально-экономического ландшафта Красноярского края в языке цифровой среды. Анализируются особенности использования языка в интернет-коммуникации, социальных сетях, онлайн-медиа и других цифровых источниках как индикатора социально-экономических процессов, происходящих в регионе. Исследуются ключевые темы, проблемные зоны и перспективы развития территории, обнаруживаемые в цифровом пространстве.

Ключевые слова: Красноярский край, социально-экономический ландшафт, цифровое пространство, язык, интернет-коммуникация, региональная идентичность, социальные сети, онлайн-медиа.

Цифровая трансформация общества оказывает значительное влияние на все сферы человеческой деятельности, включая экономику, социальную сферу и культуру. Язык, являясь инструментом коммуникации и отражения действительности, также претерпевает изменения под воздействием цифровых технологий. В этой связи изучение языка цифровой среды как индикатора социально-экономических процессов представляется актуальной и значимой задачей.

Настоящее исследование посвящено анализу отражения социально-экономического ландшафта Красноярского края в языке цифрового пространства. Красноярский край, один из крупнейших регионов России, характеризуется сложной социально-экономической структурой, обусловленной географическим положением, природными ресурсами и историческим развитием. Изучение того, как эти особенности отражаются в языке цифровой среды, позволит получить более полное представление о проблемах и перспективах развития региона, о его идентичности и образе в общественном сознании.

Теоретические основы исследования.

Социально-экономический ландшафт понимается как совокупность взаимосвязанных экономических, социальных, политических и культурных факторов, определяющих развитие территории. Язык, в свою очередь, является инструментом отражения и формирования этого ландшафта. Цифровое пространство, с его возможностями интерактивного общения, мгновенного распространения информации и формирования новых социальных связей, создает уникальную среду для изучения взаимовлияния языка и социально-экономических процессов.

Концепция «цифрового следа» предполагает, что каждое действие пользователя в интернете оставляет цифровой отпечаток, который может быть использован для анализа его поведения, предпочтений и мнений. Анализ этих цифровых следов, в частности, языковых, позволяет выявить тенденции и закономерности, отражающие социально-экономическую ситуацию в регионе.

Методология исследования.

Исследование основано на комплексном подходе, включающем:

– *сбор и анализ данных*: осуществлен сбор данных из различных цифровых источников: социальных сетей (ВКонтакте, Одноклассники), онлайн-медиа (новостные порталы, блоги, форумы), веб-сайтов органов государственной власти и местного самоуправления, а также тематических онлайн-сообществ;

– *лингвистический анализ*: проведен анализ собранных текстов с использованием методов контент-анализа, семантического анализа и дискурс-анализа. Определены ключевые темы, концепты и тропы, отражающие социально-экономическую проблематику региона;

– *статистический анализ*: с использованием методов статистического анализа выявлены количественные характеристики использования тех или иных языковых средств, их частотность и распространенность в различных цифровых источниках;

– *экспертные интервью*: проведены экспертные интервью со специалистами в области региональной экономики, социологии и лингвистики для получения более глубокого понимания выявленных тенденций и интерпретации полученных результатов.

Основные результаты исследования.

Анализ цифрового пространства Красноярского края позволил выявить ряд особенностей отражения социально-экономического ландшафта региона в языке:

– *доминирующие темы*: к числу наиболее часто встречающихся тем относятся экологические проблемы (загрязнение воздуха, вырубка лесов, состояние реки Енисей), экономическое развитие (добыча полезных ископаемых, развитие промышленности, инвестиции), социальная сфера (образование, здравоохранение, культура), транспортная инфраструктура (строительство дорог, развитие авиационного сообщения), а также вопросы региональной идентичности и патриотизма;

– *проблемные зоны*: в цифровом пространстве остро обсуждаются проблемы, связанные с низким уровнем жизни в отдельных районах края, высокой стоимостью жизни, нехваткой рабочих мест, оттоком населения в другие регионы, а также коррупцией и неэффективным управлением;

– *позитивный образ региона*: наряду с критическими высказываниями, в цифровом пространстве активно формируется позитивный образ Красноярского края как региона с богатой историей, уникальной культурой и большим туристическим потенциалом. Подчеркивается красота природы, гостеприимство местных жителей и перспективы развития различных отраслей экономики;

– *языковые особенности*: в языке цифровой среды Красноярского края отмечается активное использование регионализмов, диалектизмов и жаргонизмов, что служит маркером региональной идентичности. В онлайн-коммуникации широко используются мемы, интернет-сленг и другие элементы сетевой культуры.

Социально-экономические вопросы в цифровом дискурсе.

Особенное внимание в цифровом дискурсе уделяется следующим социально-экономическим вопросам:

– *экология*: вопросы загрязнения воздуха, особенно в крупных городах, таких как Красноярск и Норильск, вызывают широкое общественное обсуждение. Экологические активисты часто используют социальные сети для привлечения внимания к проблемам и организации протестных акций;

– транспортная инфраструктура: развитие транспортной инфраструктуры является важным фактором экономического развития региона. В цифровом пространстве обсуждаются вопросы строительства новых дорог, реконструкции аэропорта и развития железнодорожного сообщения.

– развитие туризма: Красноярский край обладает большим туристическим потенциалом. В цифровом пространстве активно продвигаются туристические маршруты по Енисею, посещение национальных парков и заповедников, а также культурные мероприятия.

– социальная поддержка: в условиях экономического кризиса вопросы социальной поддержки населения становятся особенно актуальными. В цифровом пространстве обсуждаются проблемы получения социальных льгот и пособий, а также вопросы трудоустройства и переобучения.

Исследование показало, что цифровое пространство является важным индикатором социально-экономических процессов, происходящих в Красноярском крае. Язык цифровой среды отражает основные проблемы и перспективы развития региона, его идентичность и образ в общественном сознании. Данная работа подтверждает, что язык цифровой среды служит чувствительным и информативным индикатором социально-экономического ландшафта Красноярского края. Он не пассивно отражает реальность, но активно участвует в ее осмыслении, проблематизации и конструировании. Цифровое пространство аккумулирует ключевые общественные тревоги и надежды, делает видимыми точки роста и проблемные зоны. Полученные результаты могут быть использованы для разработки эффективных стратегий регионального развития, направленных на решение социально-экономических проблем, повышение качества жизни населения и укрепление позитивного образа Красноярского края.

Список литературы

1. Вархотов Т.А. Методология исследования сложных систем / Т.А. Вархотов, В.Г. Костюк. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 300 с.
2. Васильев П.Д. Трансформация медиасреды Красноярского края в условиях цифровизации / П.Д. Васильев // Вестник КГПУ. – 2021.
3. Горошко Е.И. Теоретический анализ интернет-коммуникации: лингвистический подход / Е.И. Горошко. – Харьков: ИНЖЭК.
4. Иссерс О.С. Речевое общение в эпоху цифровизации: вызовы и возможности / О.С. Иссерс // Вестник Омского университета. – 2019. – Т. 24. №1.
5. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе / А.А. Кибрик. – М.: Институт языкознания РАН, 2003. – 90 с.
6. Левченко П.В. Цифровой ландшафт: теоретические подходы к исследованию / П.В. Левченко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – №2. – С. 127–131.
7. Лукова Е.В. Цифровой ландшафт города: социальные практики и пространства / Е.В. Лукова // Городские исследования и практики. – 2019. – Т. 4. №2. – С. 63–77.
8. Феркло Э. Критический дискурс-анализ: введение / Э. Феркло. – М.: Институт общего гуманитарного развития, 2003. – 256 с.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И НОВЫЕ БИЗНЕС-МОДЕЛИ ЯНАО

Аннотация: в статье рассмотрены ключевые тренды цифровой экономики и их влияние на формирование новых бизнес-моделей в арктическом ресурсодобывающем регионе – Ямало-Ненецком автономном округе. На основе анализа стратегических документов округа и материалов НИУ ВШЭ обобщены характеристики цифровой инфраструктуры, вовлеченности населения и организаций в использование цифровых сервисов, а также управленческие приоритеты цифровой трансформации. Показано, что высокий уровень проникновения широкополосного доступа и интернета создает предпосылки для платформизации рынков, развития «данных как актива», удаленных сервисов и сервисных моделей в нефтегазовом комплексе, логистике и секторе государственных услуг. Предложена типология перспективных бизнес-моделей для ЯНАО и сформулированы рекомендации по снижению рисков при масштабировании цифровых решений.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация, цифровые платформы, платформенная бизнес-модель, экосистема, data-driven управление, нефтегазовый комплекс, арктическая логистика, электронные госуслуги, ЯНАО.

Цифровая экономика в российской практике рассматривается как совокупность видов деятельности, в которых цифровые данные, сети связи и цифровые технологии становятся ключевыми факторами создания добавленной стоимости и трансформации рынков. Интенсивность цифровизации отражается не только ростом сектора ИКТ, но и увеличением вложений в цифровые технологии в традиционных отраслях, а также расширением цифровых сервисов для населения и бизнеса. По оценкам НИУ ВШЭ, в 2022 г. валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики в России находились на уровне 3,4% ВВП [1, с. 13], что подчеркивает масштабы ресурсной базы цифровой трансформации.

Для регионов цифровая экономика имеет двойственный эффект: с одной стороны, повышает доступность услуг и снижает транзакционные издержки; с другой – усиливает конкуренцию за человеческий капитал и требует устойчивой цифровой инфраструктуры.

Для арктических и ресурсодобывающих территорий эти эффекты проявляются особенно ярко: удаленность поселений, сложные природно-климатические условия и высокая стоимость логистики повышают ценность дистанционных (онлайн) каналов, цифрового мониторинга, промышленного интернета вещей и платформенных решений. Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО), являясь одним из ключевых нефтегазовых регионов России, одновременно демонстрирует высокие показатели вовлеченности населения в интернет-коммуникации: доступ к широкополосному интернету имеют 93,9% домохозяйств, а доля населения, использующего интернет, достигает 98,4% [4, с. 61].

Цель статьи – проанализировать предпосылки и направления развития цифровой экономики в ЯНАО через призму новых бизнес-моделей, формируемых цифровыми платформами, экосистемами и data-driven управлением.

Для достижения цели решаются задачи.

1. Уточнение теоретических подходов к платформенным бизнес-моделям.
2. Оценка текущего состояния цифровой инфраструктуры и «цифровой зрелости» региона по материалам стратегического планирования.

3. Выделение перспективных моделей монетизации цифровых решений для ключевых отраслей ЯНАО и формирование рекомендаций по их масштабированию.

Переход к цифровой экономике сопровождается изменением логики создания стоимости: если в индустриальной модели ключевым источником преимущества выступали материальные активы и эффект масштаба производства, то в цифровой – данные, алгоритмы и сетевые эффекты. В этой связи центральным институтом цифровой экономики становится цифровая платформа. В аналитическом докладе ИСИЭЗ НИУ ВШЭ цифровая платформа определяется как информационная система, обеспечивающая взаимодействие значимого числа участников в единой интернет-среде по заданным алгоритмам, что приводит к снижению трансакционных издержек и формированию добавленной стоимости для пользователей [2, с. 13].

На уровне бизнес-модели платформа выступает не просто «каналом продаж», а механизмом организации рынка. В работах В.Д. Марковой показано, что уникальной характеристикой платформ являются сетевые эффекты: рост числа пользователей увеличивает полезность платформы и ускоряет ее масштабирование [5, с. 107]. Платформенная модель облегчает поиск информации и координацию между двумя и более группами участников, формируя дополнительную ценность за счет эффективного взаимодействия [5, с. 107–108].

С практической точки зрения платформенные решения развиваются в разных конфигурациях: маркетплейсы и агрегаторы, классифайды, шеринговые платформы, решения для рынка труда, финтех и краудфандинг и др. [2, с. 13–15]. Важным следствием платформизации становится формирование цифровых экосистем – «пакетов» взаимодополняющих сервисов с единой точкой входа и бесшовной интеграцией, удерживающих пользователя в рамках единой среды взаимодействий.

Монетизация платформы может строиться на комиссиях от транзакций, подписках, продаже дополнительных услуг, рекламе и, что принципиально важно для цифровой экономики, на использовании данных как экономического актива. При этом многие платформы первоначально могут быть убыточными, поскольку требуется время для формирования критической массы участников и запуска сетевых эффектов [5, с. 117]. В дальнейшем расширение пользовательской базы и накопление данных повышают ценность платформы и создают возможности для дифференцированного ценообразования и персонализации сервисов.

Для региональной экономики платформенные и экосистемные модели особенно значимы, поскольку они позволяют преодолеть географические ограничения, «сшивая» распределенные рынки труда, услуг и логистики, а также обеспечивая включенность малого бизнеса в более крупные цепочки создания стоимости. По данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 74% организаций, использующих цифровые платформы, отмечают сокращение затрат, а 78% считают, что маркетплейсы и агрегаторы помогают оптимизировать бизнес-процессы и ускорять решение задач [2, с. 12].

ЯНАО относится к арктическим регионам России и характеризуется сочетанием высокой экономической специализации на добыче полезных ископаемых и значительной пространственной разобщенности поселений. В таких условиях цифровая инфраструктура становится базовым условием устойчивости экономических связей, развития социальной сферы и повышения эффективности управления территорией. В проекте стратегии социально-экономического развития до 2030 г. в качестве исходного уровня (2017 г.) отмечается, что доля домохозяйств, имеющих фиксированный широкополосный доступ к интернету, составляла 78,0%, а с учетом мобильного широкополосного доступа – 93,3% [6, с. 35].

Для региона с большой долей труднодоступных территорий важна не только доступность сети в городах, но и связность удаленных поселений и объектов. В том же документе подчеркивается необходимость подключения к интернету малых населенных пунктов и удаленных территорий (в том числе факторий), что рассматривается как условие повышения качества

жизни и доступности сервисов [6, с. 36]. На горизонте стратегии до 2035 г. цифровая инфраструктура фиксируется как конкурентное преимущество округа: уровень проникновения широкополосного доступа для домохозяйств оценивается в 93,9%, что существенно выше среднероссийского показателя [4, с. 61].

Высокая технологическая и капиталоемкая специализация ЯНАО в нефтегазовом комплексе создает спрос на индустриальные цифровые решения (промышленный интернет вещей, цифровые двойники, предиктивную аналитику), поскольку экономический эффект даже небольшого повышения производительности и снижения простоев на месторождениях и объектах транспорта может быть значительным. Согласно обзору цифровых инновационных решений в нефтегазовой отрасли, применение современных ИТ-решений потенциально позволяет повысить коэффициент извлечения нефти на 2–7% и сократить операционные затраты до 25% [3, с. 191].

Стратегические документы округа фиксируют высокий уровень доступности цифровых сервисов для населения и организаций. По данным стратегии до 2035 г., широкополосный доступ к интернету имеют 93,9% домохозяйств, а доля населения, использующего интернет, составляет 98,4% [4, с. 61]. Отдельно отмечается, что операторы связи развернули базовые станции во всех населенных пунктах численностью более 250 человек, а в городах обеспечена связь стандартов 3G/4G [4, с. 61].

Цифровизация социальной сферы рассматривается как элемент повышения качества человеческого капитала. В системе общего образования ЯНАО доля школ, соответствующих современному стандарту, оценивается в 98%, при этом все школы обеспечены широкополосным доступом в интернет и Wi-Fi, а для управления образовательными процессами используется система «Сетевой город. Образование» [4, с. 42]. Показатель обеспеченности компьютерной техникой достигает 738 компьютеров на 1000 обучающихся, что значительно превышает среднероссийский уровень.

Для арктического региона важным индикатором устранения цифрового неравенства выступает обеспечение связи в труднодоступных точках хозяйственной деятельности. В стратегии до 2035 г. приводится показатель охвата интернетом факторий: в 2020 г. он составлял 37%, при этом в целевых сценариях предполагается рост до 50–100% в зависимости от темпов реализации инфраструктурных проектов [4, с. 173]. Данный показатель напрямую связан с потенциалом цифровизации традиционных видов деятельности коренных малочисленных народов Севера, логистики северного завоза и дистанционного доступа к социальным услугам.

Сопоставление регионов по профилям цифровой трансформации показывает, что ЯНАО относится к группе субъектов с высоким уровнем цифровой зрелости и высоким уровнем ВРП на душу населения, а также с относительно высокими позициями по устойчивому развитию (ESG) [7, с. 75]. Одновременно исследователи отмечают ряд барьеров цифровой трансформации регионов, связанных с фрагментарностью цифровых проектов, дефицитом компетенций и дисбалансом ресурсов между территориями [7, с. 68]. Для ЯНАО это означает, что наличие инфраструктурной базы должно подкрепляться кадровыми и организационными механизмами тиражирования цифровых решений.

В таблице 1 представлены отдельные показатели цифровой инфраструктуры и вовлеченности в ЯНАО.

Отдельные показатели цифровой инфраструктуры и вовлеченности в ЯНАО

Показатель	Значение для ЯНАО	Сопоставление/комментарий
Доля домохозяйств с широкополосным доступом в интернет, %	93,9	РФ – 73,6% [4, с. 61]
Доля населения, использующего интернет, %	98,4	Высокая вовлеченность населения [4, с. 61]
Компьютеры в школах, ед. на 1000 обучающихся	738	РФ – 138 [4, с. 42]
Охват интернетом факторий, % (2020 г.)	37	Целевой диапазон 50–100% [4, с. 173]

Высокая вовлеченность населения ЯНАО в использование интернета и цифровых сервисов формирует спрос на платформенные форматы потребления. В стратегии до 2035 г. среди ключевых тенденций отмечаются распространение цифровых каналов потребительского сервиса, рост интернет-торговли и использование цифровых инструментов маркетинга [4, с. 29]. Для регионального бизнеса это означает возможность масштабирования спроса за пределы локальных рынков через маркетплейсы и агрегаторы, а также сокращение затрат на привлечение клиентов и обслуживание за счет цифровых «самообслуживаемых» каналов.

Платформенные бизнес-модели в секторе услуг ЯНАО целесообразно рассматривать по двум сегментам: (1) B2C-сервисы для населения (электронная торговля, доставка, транспорт, финансовые сервисы, рынок труда); (2) B2B-сервисы для предпринимателей (электронные закупки, поиск подрядчиков, маркетинговая аналитика, цифровые бухгалтерские и юридические услуги). Согласно данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, более половины организаций используют цифровые платформы для взаимодействия с поставщиками и партнерами, а 61% применяют платформенные возможности для подбора персонала [2, с. 12]. Эти эффекты особенно важны для территориально удаленного региона, где традиционные каналы поиска ресурсов и контрагентов сопряжены с высокими транзакционными издержками.

Нефтегазовый комплекс остается базой экономики ЯНАО, а цифровизация добычи и транспорта углеводородов становится одним из ключевых источников повышения производительности. Возможные бизнес-модели в индустриальном сегменте включают: «интеллектуальное месторождение» (интеграция датчиков, систем мониторинга и аналитики), предиктивное техническое обслуживание (predictive maintenance), цифровые двойники объектов, а также сервисные модели «как услуга» (например, аналитика как услуга, мониторинг как услуга) для подрядчиков и дочерних обществ. Потенциальные эффекты от внедрения цифровых решений в нефтегазовой отрасли оцениваются как значимые: повышение коэффициента извлечения нефти на 2–7% и снижение операционных затрат до 25% [3, с. 191].

Для формирования устойчивой цифровой бизнес-модели в промышленности важна не только «внутренняя автоматизация», но и создание единого контура данных, в рамках которого технологические и управленческие решения принимаются на основе сквозной аналитики. Отечественная практика показывает, что применение цифровых технологий способно давать операционный эффект в краткосрочном горизонте. Так, в обзоре цифровых решений приведен пример, когда в 2021 г. по сравнению с 2020 г. у крупной нефтяной компании время ремонта скважин сократилось на 22% в результате использования цифровых инструментов управления производственными процессами [3, с. 196]. Для ЯНАО подобные эффекты особенно существенны с учетом удаленности промысловых объектов и высокой стоимости простоев.

Важным ограничением индустриальной цифровизации является необходимость формирования компетенций по работе с данными и программными продуктами, а также соответствующей организационной модели управления цифровыми продуктами. С точки зрения общегосударственной структуры внутренних затрат организаций на цифровые технологии доля добычи

полезных ископаемых в 2022 г. составляла 1,7% [1, с. 14], что указывает на значительный резерв роста цифровых вложений в отрасли. Для ЯНАО это может означать перспективу развития региональной экосистемы индустриальных ИТ-подрядчиков и центров компетенций, обслу­живающих нефтегазовый сектор.

Арктическая специфика ЯНАО формирует спрос на цифровые решения в логистике и снабжении удаленных территорий. Рост охвата интернетом факторий (37% в 2020 г. и целевые значения до 50–100%) [4, с. 173] создает предпосылки для появления цифровых сервисов, ориентированных на «последнюю милю» в условиях Крайнего Севера: дистанционное оформление заказов и услуг, электронный документооборот с поставщиками, онлайн-оплата и мониторинг поставок. Перспективной является бизнес-модель логистической платформы, обеспечивающей совместное планирование грузопотоков, отслеживание перемещения грузов и цифровую координацию участников северного завоза (B2B и B2G взаимодействие).

Для малого бизнеса и локальных производителей (в том числе предприятий традиционных промыслов) цифровая логистика может быть интегрирована с маркетплейсами и сервисами прослеживаемости, повышая доступ к рынкам сбыта и снижая издержки. В таких моделях ценность создается за счет данных (маршруты, сроки, условия хранения, прогноз спроса) и алгоритмов оптимизации, а монетизация возможна через комиссии, подписку на сервисы планирования и аналитики, а также продажу дополнительных услуг (страхование, хранение, финансирование оборотного капитала).

Государственный сектор в ЯНАО выступает одним из ключевых «заказчиков» цифровых решений, а масштабирование электронных услуг формирует спрос на региональные GovTech-продукты (в том числе интеграционные решения, витрины данных, сервисы поддержки жизненных ситуаций). В стратегии до 2035 г. фиксируется переход к перспективной модели государственного управления с использованием платформенных технологий [4, с. 103], а также задаются целевые показатели цифровизации массовых социально значимых услуг: рост доли их предоставления в электронном виде до 95% [4, с. 181].

Платформенный подход в публичном управлении предполагает унификацию данных и процессов межведомственного взаимодействия, создание «единого окна» для граждан и бизнеса, а также встраивание цифровых сервисов в жизненные сценарии пользователя. В региональном контексте это дает экономию бюджетных ресурсов за счет сокращения дублирования функций и повышения прозрачности процессов, а для бизнеса – снижение административных издержек и ускорение получения разрешений, субсидий и иных мер поддержки. Дополнительный эффект – повышение качества данных о социально-экономических процессах, что важно для управления сложной территорией с высокими инфраструктурными затратами.

Несмотря на высокий уровень проникновения цифровой инфраструктуры, для ЯНАО актуальны риски, характерные для перехода к платформенным и data-driven решениям. В стратегии до 2035 г. отмечаются организационные риски при переходе к платформенным (цифровым) решениям, включая рост числа киберугроз и мошеннических практик (например, фишинга), усложнение контроля за обращением данных и необходимость повышения цифровой грамотности пользователей [4, с. 71].

Критическим фактором является кадровое обеспечение цифровой трансформации. Исследование по цифровой трансформации российских регионов выделяет дефицит компетенций и фрагментарность цифровых инициатив среди ключевых барьеров [7, с. 68]. Для ЯНАО, учитывая ограниченный локальный рынок труда и конкуренцию за ИТ-специалистов, целесообразны меры по формированию регионального «контура компетенций»: развитие проектного управления цифровыми продуктами в органах власти и крупных компаниях, поддержка корпоративных и межкорпоративных центров компетенций, а также стимулирование сотрудничества с вузами и научными организациями.

С точки зрения инфраструктуры, приоритетом остается устранение цифрового разрыва между крупными населенными пунктами и удаленными территориями. Рост охвата

интернетом факторий и подключение малых населенных пунктов к устойчивым каналам связи создают основу для развития цифровых сервисов в логистике, телемедицине, дистанционном обучении и электронной коммерции [4, с. 173; 6, с. 36]. Для обеспечения экономической эффективности инфраструктурных проектов важны модели совместного использования сетей и платформ (в том числе в формате государственно-частного партнерства).

Для стимулирования новых бизнес-моделей и повышения отдачи от цифровой инфраструктуры в ЯНАО целесообразна комбинация организационных, инфраструктурных и институциональных мер:

- поддержка пилотных проектов платформизации в B2B сегментах (закупки, логистика, сервисы для подрядчиков) с опорой на якорных заказчиков нефтегазового комплекса;
- использование механизмов экспериментальных правовых режимов для обкатки цифровых сервисов и дистанционных технологий в условиях Арктики;
- формирование региональных «витрин данных» и стандартов обмена данными между организациями при соблюдении требований информационной безопасности и законодательства о персональных данных;
- поддержка малого ИТ-бизнеса и технологического предпринимательства, ориентированных на индустриальные и GovTech решения, включая акселерацию и закупки инноваций;
- внедрение системы мониторинга эффектов цифровой трансформации (экономических, социальных и экологических) и регулярная оценка «цифровой зрелости» отраслей региона.

Цифровая экономика формирует для ЯНАО возможности диверсификации и повышения эффективности ключевых отраслей за счет платформизации рынков, управления на основе данных и развития индустриальных цифровых сервисов. Стратегические документы региона фиксируют высокий уровень доступности широкополосного интернета и интернет-активности населения, что создает базовые условия для развития онлайн-сервисов, электронной коммерции и GovTech решений [4, с. 61; 3, с. 181]. Вместе с тем арктическая специфика требует целевого устранения цифрового разрыва на удаленных территориях и системной работы с киберрисками и кадровым обеспечением цифровой трансформации.

Предложенные в статье направления развития новых бизнес-моделей (платформенные и экосистемные форматы, data-driven управление, индустриальные цифровые сервисы и «государство как платформа») могут быть реализованы при условии согласованности региональной политики, корпоративных стратегий крупнейших компаний и поддержки малого инновационного бизнеса. В результате цифровизация может стать не только инструментом повышения текущей эффективности, но и механизмом формирования новых рынков и компетенций в Арктике, усиливая устойчивость социально-экономического развития ЯНАО.

Список литературы

1. Цифровая экономика: 2024: краткий статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский [и др.]. – М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2024. – 124 с. – DOI: 10.17323/978-5-7598-3011-5. – URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/892396113.pdf> (дата обращения: 14.02.2026).
2. Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, А.В. Демьянова [и др.]; под ред. Л.М. Гохберга, Б.М. Глазкова, П.Б. Рудника, Г.И. Абдрахмановой. – М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2023. – 72 с. – DOI: 10.17323/978-5-7598-3001-6. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/832628936.pdf> (дата обращения: 14.02.2026).
3. Галушко М.В. Цифровые инновационные решения, как основной инструмент повышения конкурентного преимущества предприятий нефтегазовой отрасли / М.В. Галушко, С.А. Дедеева, О.А. Иневатова // Экономические науки. – 2023. – № 1 (218). – С. 190–197. – DOI: 10.14451/1.218.190. – URL: https://ecs.n.ru/wp-content/uploads/202301_190.pdf (дата обращения: 14.02.2026).
4. Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года: утв. Постановлением Законодательного Собрания ЯНАО от 24.06.2021 №478: ред. от 17.02.2022 / Законодательное Собрание Ямало-Ненецкого автономного округа. – Салехард, 2021. – 216 с. – URL: https://cms.copp89.ru/uploads/Strategiya_soczialno_ekonomicheskogo_razvitiya_Ya_NAO_do_2035_goda_b40a4cc4b8.pdf (дата обращения: 14.02.2026).

5. Маркова В.Д. Платформенные модели бизнеса: подходы к созданию / В.Д. Маркова // ЭКО. – 2019. – № 5. – С. 106–123. – DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019-5-106-123. – URL: <https://sibran.ru/upload/iblock/29a/29a584b34668362eabef043fe4f09f31.pdf> (дата обращения: 14.02.2026). EDN YPFDAM

6. Проект Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2030 года. – Салехард, 2018. – 127 с. – URL: <https://storage.strategy24.ru/files/strategy/201903/ac1c44369a99c35142fb407c001de990.pdf> (дата обращения: 14.02.2026).

7. Санина А.Г. Цифровая трансформация и устойчивое развитие российских регионов: концепция, методология и анализ результатов / А.Г. Санина, В.А. Хомякова, А.Г. Атаева // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2025. – №2. – С. 68–89. – URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/1058955608.pdf> (дата обращения: 14.02.2026). DOI 10.17323/1999-5431-2025-0-2-67-88. EDN JLPBXA

Кузнецова Светлана Владимировна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

НДС-2026: УДАР ПО МАЛОМУ БИЗНЕСУ ИЛИ НЕВИДИМАЯ УГРОЗА ДЛЯ ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТА?

Аннотация: в статье исследуются экономические последствия повышения ставки НДС до 22% и изменения пороговых значений для плательщиков на УСН в рамках налоговой реформы 2026 года. На основе сравнительного анализа и сценарного моделирования рассматривается противоречие между задачами бюджетного наполнения (2,3 трлн рублей дополнительных поступлений) и адаптационными возможностями малого бизнеса. Выявлены риски, способные снизить фискальный эффект: падение потребительского спроса, дробление и теневизация предпринимательского сектора, сокращение инвестиций, а также угрозы для региональных бюджетов.

Ключевые слова: НДС, налоговая реформа 2026, малый бизнес, УСН, доходы бюджета, фискальные риски, потребительский спрос, налоговое администрирование.

С 1 января 2026 года в России вступили в силу масштабные изменения налогового законодательства. Базовая ставка налога на добавленную стоимость повышена с 20 до 22 процентов. Одновременно пересмотрены пороговые значения, освобождающие налогоплательщиков на упрощенной системе от уплаты НДС: в 2026 году этот порог, составляет 20 миллионов рублей годовой выручки, с последующим снижением до 15 миллионов в 2027 году и до 10 миллионов к 2028 году. Отменены и льготные тарифы страховых взносов для большинства категорий малого и среднего бизнеса [2].

По замыслу законодателя, эти меры направлены на выравнивание конкурентных условий и повышение собираемости налогов в условиях структурного дефицита бюджета. Минфин оценивает дополнительный фискальный эффект в 2,3 триллиона рублей в 2026 году [4]. При этом, по словам Антона Силуанова, для 85 процентов малого бизнеса изменения не приведут к росту нагрузки.

Однако возникает закономерный вопрос: действительно ли повышение налоговой нагрузки на малый бизнес является безболезненным способом балансировки бюджета, или же фискальные риски, сегодня неочевидные, в перспективе приведут к стагнации предпринимательского сектора и, как следствие, к недополучению бюджетных доходов?

Ключевое нововведение для малого бизнеса – изменение правил уплаты НДС при УСН. Ранее предприятия с оборотом до 60 миллионов рублей были освобождены от НДС

полностью. Теперь планка снижается, и для многих предпринимателей наступает момент выбора [2].

У преодолевшего порог в 20 миллионов есть два варианта. Первый – применение пониженной ставки 5 процентов (или 7 процентов при доходах от 250 миллионов). В этом случае налог уплачивается с оборота, но без права на вычет входящего НДС. Второй – переход на общий режим со ставкой 22 процента и полноценными вычетами [2].

Рассмотрим гипотетический пример. Предприятие оказывает услуги населению, годовой доход – 25 миллионов рублей. Ранее на УСН (6 процентов) оно платило 1,5 миллиона рублей. С 2026 года, выбрав льготную ставку 5 процентов, нагрузка составит 2,75 миллиона (5 процентов НДС плюс 6 процентов УСН). Прирост – 1,25 миллиона, или 83 процента. Для микробизнеса, работающего с населением и не имеющего возможности предъявить НДС к вычету, это критическое увеличение издержек.

При этом переход на общий режим требует сложного учета, что для микробизнеса зачастую недоступно. Так значительная часть малых предприятий попадает в ситуацию, когда рост выручки оборачивается непропорциональным ростом налоговой нагрузки [2].

Повышение налогов – мера вынужденная. Бюджет на 2026 год сверстан с дефицитом: доходы 40,3 триллиона рублей при расходах 44,1 триллиона. В ходе подготовки бюджета правительство инициировало более 590 поправок, увеличивающих расходы более чем на 7 триллионов. Средства направляются на оборону, безопасность, поддержку новых регионов и социальные обязательства [4].

В этих условиях НДС – наиболее эффективный инструмент мобилизации ресурсов. Конечный плательщик налога – потребитель, рост ставки распределяется по экономике, не нанося точечного удара по прибыли предприятий. Кроме того, НДС менее подвержен циклическим колебаниям, чем налог на прибыль.

Историческая ретроспектива подтверждает логику: ставка НДС в России с 1992 года менялась в зависимости от бюджетных вызовов. На рисунке 1 представлена динамика изменений.

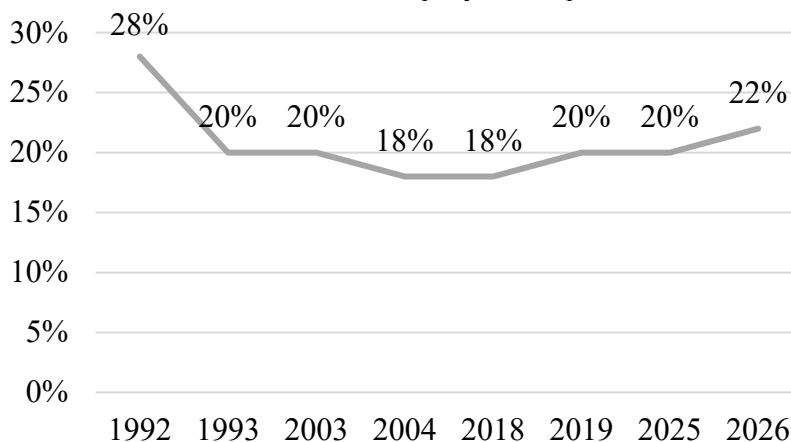

Рис. 1. Динамика базовой ставки НДС в России

Социальный аспект учтен: пониженная ставка 10 процентов на товары первой необходимости сохраняется. Центробанк оценивает повышение НДС как временный проинфляционный фактор, который будет нивелирован жесткой денежно-кредитной политикой [4].

Ставка 22 процента не является аномально высокой. В Европе ставки НДС традиционно выше: Венгрия – 27 процентов, Дания и Швеция – 25 процентов. Казахстан с января 2026 года повысил ставку с 12 до 16 процентов. В таблице 1 приведены ставки в ряде стран [4].

Таблица 1

Стандартные ставки НДС в отдельных странах мира

Страна	Ставка НДС	Примечание
Венгрия	27%	Наивысший показатель в ЕС
Дания	25%	Типичный уровень для Северной Европы
Швеция	25%	Типичный уровень для Северной Европы
Россия	22%	Уровень после повышения 2026 года
Казахстан	16%	Повышена с 12% с января 2026 года
Швейцария	8,1%	Одна из самых низких ставок в Европе

Россия находится в группе стран, активно использующих НДС как источник доходов. Однако сравнение номинальных ставок не учитывает структуру экономики, долю теневого сектора и совокупную фискальную нагрузку на бизнес.

Повышение налоговой нагрузки способно провоцировать поведенческие реакции, нивелирующие часть фискального эффекта. Рассмотрим два сценария.

1. Оптимистический (целевой): бюджет получает 2,3 триллиона дополнительных доходов. Бизнес адаптируется, часть переходит на общий режим с вычетами, часть использует льготные ставки. Развитие автоматизированной УСН сокращает уход в тень [1]. Инфляционные последствия ограничиваются 1–1,5 процентного пункта [4].

2. Рисковый (пессимистический): рост нагрузки приводит к последствиям, сокращающим ожидаемые поступления на 0,6 триллиона рублей (по оценкам Института Гайдара). Рост издержек транслируется в цены, сжимая потребительский спрос – базу НДС. Сворачиваются инвестиционные программы. Активизируются дробление бизнеса и уход в тень [5].

Особого внимания заслуживает региональный аспект. Бюджеты субъектов зависят от поступлений НДС. Закрывание малых предприятий и потеря рабочих мест могут снизить поступления НДС, создав дополнительные сложности для регионов. Федеральному центру, возможно, придется увеличивать трансферты, что частично нивелирует выгоду от повышения НДС. В таблице 2 систематизированы основные факторы риска.

Таблица 2

Ключевые риски снижения бюджетных доходов

Фактор риска	Механизм воздействия	Потенциальное влияние
Сжатие потребительского спроса	Рост цен снижает покупательную способность	Сокращение поступлений НДС
Снижение инвестиционной активности	Рост издержек вынуждает отказываться от инвестиций	Сокращение базы налога на прибыль
Фрагментация бизнеса	Стремление остаться в льготных нишах	Усложнение администрирования
Теневизация экономики	Уход в нелегальный сектор	Прямое выпадение доходов
Региональный дисбаланс	Падение занятости в МСП снижает поступления НДС	Рост потребности в трансфертах

ФНС России демонстрирует рост собираемости налогов за счет цифровизации. Количество плательщиков автоУСН, где налог рассчитывается автоматически на основе данных банков и онлайн-касс, выросло в 10 раз – до 360 тысяч. Это снижает издержки бизнеса, но повышает прозрачность для фискальных органов. Однако новое законодательство расширяет полномочия налоговых органов: камеральные проверки могут проводиться инспекциями любого региона. Формально это снижает коррупционные риски, но фактически увеличивает нагрузку на бизнес из-за отсутствия персонифицированного подхода и сложности коммуникации с инспектором [3].

Налоговая реформа 2026 года – попытка государства адаптировать фискальную систему к новым реалиям. Повышение НДС до 22 процентов и корректировка порогов для упрощенцев – вынужденная мера для балансировки бюджета в условиях структурного дефицита. Непосредственное кратное увеличение нагрузки коснется относительно узкой прослойки предприятий с оборотом вблизи новых порогов. Для них переходный период станет серьезным испытанием. Однако в масштабах экономики эта группа не доминирует [2].

Подлинная угроза для бюджета кроется не в самом повышении ставок, а в поведенческих реакциях и макроэкономических последствиях. Если сжатие спроса, инвестиционная пауза, дробление и теневилизация примут массовый характер, бюджет может недополучить существенную часть доходов. Особенно уязвимы региональные бюджеты, завязанные на поступления от малого бизнеса через НДС/Л.

Было бы преждевременно утверждать, что повышение НДС станет либо однозначным ударом по предпринимательству, либо исключительно эффективным инструментом пополнения казны. Это системный вызов, ответ на который будет формироваться в реальном времени – через практику администрирования, адаптационные стратегии бизнеса и, возможно, последующие корректировки законодательства. Первые итоги реформы можно будет подвести по завершении первого квартала 2026 года. Пока же ясно одно: для тысяч предпринимателей, балансирующих на грани пороговых значений, этот год станет периодом выбора между усложнением учета, ростом издержек и поиском новых моделей существования.

Список литературы

1. Байбородина Н.Н. Как действовать бизнесу в условиях автоматизации контроля ФНС и роста доначислений / Н.Н. Байбородина // Деловой Фарватер. – 2025. – 19 сент. – С. 6–7. EDN ZDSOXB.
2. Голубенцева М. Как налоговая реформа – 2026 повлияет на бизнес? / М. Голубенцева, М. Ризванова // Юридический справочник руководителя. – 2026. – №1. – С. 12–18. EDN ZHBNAL.
3. Петров Е. Опровергли известную истину: как ФНС превращалась в сервисный институт / Е. Петров // Деловой Петербург. – 2025. – 31 дек. – С. 7–8. EDN YHXWQP.
4. Беленькая О. Последствия повышения НДС / О. Беленькая // FINAM.RU: сайт. – 2025. – 25 сент. – URL: <https://smart-lab.ru/company/finam/blog/1209347.php> (дата обращения: 12.02.2026).

Кузнецова Светлана Владимировна
преподаватель
Саражакова Кира Антоновна
студентка

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

УМНЫЙ БЮДЖЕТ: ОТ КОНТРОЛЯ ОТЧЕТНОСТИ К КОНТРОЛЮ РЕЗУЛЬТАТА. ЦИФРОВОЙ СЛЕД ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК И ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Аннотация: статья посвящена вопросу анализа перехода бюджетной политики Красноярского края от формального контроля освоения средств к оценке реальных социальных и инфраструктурных результатов. Рассматривается роль «цифрового следа», формируемого в Единой информационной системе (ЕИС) и региональных порталах («Электронный бюджет», «Открытый край»), который позволяет проследить полный цикл реализации проекта – от бюджетной строки до ввода объекта в эксплуатацию.

Ключевые слова: закупки, бюджет, умный бюджет, ЕИС, электронный бюджет.

В последние годы подход к управлению государственными финансами в российских регионах претерпевает фундаментальные изменения. Бюджетная политика постепенно

отказывается от философии формального контроля ради самого контроля. Если раньше главным критерием успеха для чиновника было полное и своевременное освоение выделенных средств, то сегодня акцент смещается в сторону измеримого результата. Ключевыми вопросами становятся: построен ли социально значимый объект, функционирует ли он в полную силу и решает ли ту проблему, ради которой задумывался.

Драйвером этой трансформации стала тотальная цифровизация финансовой сферы. Каждый бюджетный рубль сегодня оставляет так называемый «цифровой след» – массив данных, сопровождающих проект на всех этапах его жизни: от появления статьи в бюджете и объявления тендера до приемки работ и начала эксплуатации здания или дороги.

В Красноярском крае, как и в целом по стране, этот путь можно отследить с помощью взаимосвязанной системы федеральных и региональных цифровых платформ. Центральное место в этом механизме занимает Единая информационная система в сфере закупок (ЕИС) [2]. Этот портал служит главным зеркалом госзаказа, где аккумулируются данные обо всех контрактах. Зайдя на сайт, любой желающий может получить исчерпывающую информацию:

- стороны сделки: кто выступает заказчиком, а кто – подрядчиком;
- финансы: какова была начальная цена и за какую сумму в итоге подписан контракт;
- график работ: каковы плановые сроки и фактические этапы реализации.

Однако ЕИС – лишь вершина айсберга. Полноценную картину распределения и использования бюджетных средств формируют региональные ресурсы. Среди них:

- портал «Электронный бюджет» и его версия для граждан («Бюджет для граждан»), где можно увидеть, как распределяются деньги между отраслями и муниципалитетами [3];
- сайты контрольно-счетных органов Красноярского края, публикующие отчеты о результатах проверок эффективности трат;
- платформы обратной связи вроде портала «Открытый край» и «Активный гражданин», позволяющие жителям напрямую сообщать о проблемах и оценивать результаты благоустройства.

В совокупности эти инструменты создают сквозной «цифровой маршрут» любого инфраструктурного проекта, превращая абстрактные бюджетные строки в понятные объекты на карте региона.

Проследить работу этого механизма можно на конкретных примерах.

Социальное строительство. В рамках национальных проектов в Красноярске и пригородах (например, в активно растущих Емельяновском и Березовском районах) возводятся новые школы и детские сады. Через ЕИС любой житель может увидеть, как объявлялся конкурс на строительство школы в густонаселенном микрорайоне, кто стал победителем, как менялась цена контракта в ходе работ, и укладывается ли подрядчик в сроки. Отчеты контрольно-счетной палаты затем подтвердят или опровергнут эффективность этих вложений.

Наследие Универсиады-2019. Подготовка к международным соревнованиям стала стресс-тестом для системы публичных финансов. Масштабные вложения в спорткомплексы, дороги и городскую среду оставили детальный цифровой след. Анализ динамики контрактов и перераспределения средств на этих объектах стал важным этапом в формировании культуры публичного контроля за крупными проектами в регионе.

Дорожный ремонт. Реализация программ по ремонту региональных трасс также полностью отражена в системе госзакупок. Для жителей края открыты данные о том, какая компания ремонтирует конкретный участок, какова гарантия на работы и какова итоговая стоимость. В случае появления дефектов эта прозрачность упрощает механизм предъявления претензий к подрядчику.

Казалось бы, наличие разветвленной цифровой инфраструктуры гарантирует тотальную прозрачность. Однако практика показывает, что между открытостью данных и их реальным использованием гражданами существует разрыв. Свежий опрос, проведенный среди студентов (в выборке – 103 человека), выявил несколько проблемных зон.

1. Разрыв между знанием и действием. Только треть опрошенных уверенно ориентируются в инструментах бюджетного контроля. Примечательно, что почти половина респондентов знают о существовании таких возможностей, но никогда ими не пользовались. Это указывает на огромный незадействованный ресурс гражданской активности, который «спит» из-за внешних барьеров.

2. Технологический, а не правовой барьер. Главная причина бездействия – не в отсутствии желания, а в сложности инструментов. Почти половина студентов, даже зная нужный ресурс, столкнулись с тем, что информация находится с трудом. ЕИС, например, создавалась для профессионалов рынка (заказчиков и поставщиков). Обычному человеку, чтобы найти конкретную школу, нужно знать ИНН заказчика, уметь настраивать фильтры и разбираться в номерах контрактов. Интерфейс не помогает, а скорее пугает неподготовленного пользователя.

3. Информационная анархия и «цифровая безграмотность».

Четверть респондентов честно признались, что не знают, с какого сайта начать поиск. Хотя 77% слышали о ЕИС, системного понимания экосистемы у молодежи нет. Студенты путают федеральные порталы с региональными, бюджетную отчетность с закупочными процедурами. Это свидетельствует о необходимости не просто открывать данные, но и учить людей ими пользоваться.

4. Проблема «сырых» данных. Даже когда информация найдена, она часто непригодна для анализа. Документы в формате PDF, сметы без структурированной выгрузки, отсутствие понятных графиков исполнения контрактов – всё это делает данные закрытыми для неспециалиста. Для настоящего общественного контроля критически важна не просто открытость, а машиночитаемость и визуализация данных.

5. Фактор недоверия. Каждый десятый студент высказал мнение, что значимая информация может быть намеренно скрыта. Это тревожный сигнал: формальная прозрачность не снимает проблемы недоверия к власти. «Умный бюджет» будущего должен включать не только цифру, но и живую коммуникацию с обществом, разъяснение сложных процедур и публичные отчеты о реальных результатах, а не просто об освоенных суммах.

Результаты анкетирования в Красноярском крае четко очерчивают современную ситуацию. Уровень осведомленности о наличии цифровых инструментов (особенно ЕИС) достаточно высок. Потенциал и готовность граждан учиться работать с ними – тоже присутствуют.

Однако главный тормоз сегодня – это не отсутствие данных, а их «закрытость» за фасадом сложных интерфейсов и специфической терминологии.

Контрактная система, НМЦК (начальная максимальная цена контракта), казначейское сопровождение – без базовой финансовой грамотности эти термины остаются китайской грамотой для широкой аудитории.

Таким образом, Красноярский край обладает развитой цифровой инфраструктурой для бюджетной прозрачности. Но наличие инструментов – это только полдела. Переход к концепции «умного бюджета» требует культурного сдвига. Это движение от пассивного наблюдения за отчетами к осознанному гражданскому участию. Главная задача на ближайшее будущее – не просто продолжать собирать цифровой след, а сделать так, чтобы по этому следу мог пройти каждый житель, заинтересованный в том, на что и с какой эффективностью тратятся его налоги. Именно в этом и заключается подлинный результат цифровой трансформации бюджетной политики.

Список литературы

1. Федорова И.Ю. Финансовый механизм государственных и муниципальных закупок: учебник для вузов / И.Ю. Федорова, А.В. Фрыгин, М.Н. Прокофьев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 235 с. – ISBN 978-5-534-16600-2 // Образовательная платформа Юрайт: сайт. – URL: <https://urait.ru/bcode/584101> (дата обращения: 25.02.2026).

2. Главная ЕИС в сфере закупок // Главная ЕИС в сфере закупок: сайт. – URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>; (дата обращения: 25.02.2026).

3. Электронный бюджет // Электронный бюджет: сайт. – URL: <https://budget.gov.ru/> (дата обращения: 25.02.2026).

Кузнецова Светлана Викторовна

преподаватель

Щавелева Ольга Сергеевна

преподаватель

Бузулукский финансово-экономический колледж – филиал
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Бузулук, Оренбургская область

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ И НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: в статье рассматриваются основные направления цифровизации деятельности налоговых органов, в частности, их взаимодействия с бизнес-сообществом Оренбургской области. Определены перспективные направления дальнейшего развития цифровых сервисов для улучшения делового климата в регионе.

Ключевые слова: цифровая трансформация, налоговое администрирование, автоматизированная платформа, электронный документооборот.

Цифровые технологии, виртуальная реальность и искусственный интеллект давно стали новой реальностью для экономики и бизнеса.

В современной России активно развивается процесс цифровизации налоговых отношений.

ФНС России уверенно использует во всех направлениях своей работы различные информационные технологии и цифровые сервисы. Это позволяет Службе повысить эффективность большого количества своих действий. Использование цифровых технологий позволяет сократить время на поиск информации о деятельности юридических и физических лиц, анализ их финансового и имущественного состояния, уплаты налогов. ФНС России развивает сферу электронного документооборота в своих взаимоотношениях как с налогоплательщиками, так и с различными государственными органами и региональными властями.

Цифровизация дает возможность налоговым органам оптимизировать процедуры налогового администрирования, свести к минимуму риски нарушений налогового законодательства за счет выявления их на ранних стадиях.

Можно сказать, что использование ФНС России в своей деятельности цифровых сервисов стало новым этапом ее развития. Налоговые органы развивают информационные системы с момента возникновения, постоянно расширяя сферу их применения в различных направлениях налогового контроля и администрирования.

В настоящее время налоговые органы обладают информацией почти о 160 миллионах граждан, более 3 миллионах юридических лиц, около 5 миллионах предпринимателей без образования юридического лица и 15 миллионах самозанятых. Базы данных Службы содержат информацию о более 80 миллионах объектов недвижимости, около 45 миллионах земельных участков, порядка 60 миллионах транспортных средств. Объем этой информации составляет в целом 2 ПБ, что соответствует 500 тысячам часов видео в современном формате, более 400 миллиардам страниц текстовых документов, 400 миллионов фотографий.

В субъектах Российской Федерации ФНС активно взаимодействует с региональными органами власти. В частности, в Оренбургской области аппаратом губернатора используется специализированная информационная система сбора данных, которая включает около 215 различных сводок и справок, которые позволяют увидеть общую картину состояния региональной экономики. Система поистине уникальна и позволяет губернатору и представителям региональных и федеральных властных структур получать многогранный спектр информации,

необходимой для решения управленческих задач и аналитической деятельности, не загружая предпринимателей и представителей дополнительными запросами, а в рамках действующих привычных программ и сервисов.

В цифровизации деятельности ФНС России можно выделить такие направления, как создание и совершенствование автоматизированной системы АСК НДС, использование налогоплательщиками с различным статусом сервисов «Личный кабинет», «Мой налог» и т. д.

В использовании личных кабинетов налогоплательщиками организациями, индивидуальными предпринимателями и гражданами ФНС действует в направлении расширения их функционала. В России этими сервисами пользуются 63 миллиона субъектов предпринимательства и рядовых граждан.

В Оренбургской области число подключенных к личным кабинетам по итогам 2025 года составило 452 тысячи физических лиц, 12 тысяч юридических лиц и 26 тысяч индивидуальных предпринимателей.

Удобным механизмом, облегчающим процессы начала предпринимательской деятельности, стал комплексный сервис «Старт бизнеса онлайн». Данная платформа, работая по системе одного окна, дает возможность предпринимателю пройти процедуру государственной регистрации, получить электронную подпись и даже открыть банковский счет. При этом нет необходимости посещать налоговый орган.

В Оренбургской области на учете состоят более 48 тысяч индивидуальных предпринимателей. Количество их выросло на 9% за год. Этот рост обусловлен условиями регистрации и ведения бизнеса. Из 73 тысяч представителей бизнеса в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства числится более 62 тысяч, из них 92,2% – микропредприятия.

В области продолжает расти число самозанятых. По итогам 2025 года в Оренбургской области число граждан, зарегистрированных в качестве самозанятых, превысило 164 тысячи человек, из них на территории области работает 131 тысяча человек. В динамике за пять лет применения платформы «Мой налог» число самозанятых возросло в 10 раз.

С 1 января 2025 года Оренбургская область присоединится к регионам, в которых проходит эксперимент по внедрению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения». По информации Оренбургской области 179 налогоплательщиков применяют автоматизированную упрощенную систему налогообложения.

Цифровизация деятельности налоговиков изменила механизмы контрольной работы. Вся отчетность не просто проверяется, а анализируется на соответствие внешним источникам и разработанным алгоритмам.

Искусственный интеллект сопоставляет финансовые показатели с отраслевыми и региональными нормами, выявляет аффилированность и «семейные» связи собственников бизнеса, определяет технические и рискованные цепочки сделок, сопоставляет сведения реестров недвижимости, транспорта, имущества с декларациями.

Важным элементом цифровизации стали онлайн-кассы и ЭДО. Каждая продажа, возврат или скидка тут же фиксируются и передаются в ФНС через операторов фискальных данных, которые в онлайн-режиме поставляют 3,8 млн ККТ со всей страны. Сегодня в ведомство ежегодно поступает 160 млн электронных документов от юрлиц и ИП. 70% сделок можно оформить документами в электронном виде.

В 2025 году основными направлениями контрольной работы налоговых органов Оренбуржья стали отраслевые проекты «Общественное питание» и «Рынки». Результат контрольной работы УФНС Оренбуржья – почти 1,7 млрд дополнительно начисленных налогов и других обязательных платежей.

Применение цифровых технологий позволяет налоговикам значительно экономить затраты как времени, так и ресурсов на выполнение ранее рутинной ручной работы. Кроме того

серьезно возросла точность и быстрота обработки данных, стало минимальным число ошибок. В настоящее время ФНС России занимает лидирующие позиции в цифровизации деятельности среди других государственных органов.

Служба переходит от процесса автоматизации внутренних сервисов в цифровой трансформации взаимодействия с налогоплательщиками, федеральными и региональными органами власти. Это стало причиной «значительной миграции взаимодействия с налогоплательщиками в цифровое пространство» [3].

По словам руководителя ФНС Даниила Егорова, все это позволит повысить прозрачность и комфорт уплаты налогов налогоплательщиками. Развитие цифровой экосистемы ФНС России в свою очередь оказывает влияние на развитие культуры уплаты налогов и повышение ее значимости среди населения страны [4].

Список литературы

1. Балчугов Д.В. Цифровизация налогового администрирования в современных реалиях / Д.В. Балчугов // Современные научные исследования и инновации. – 2024. – №8. – URL: <https://web.snauka.ru/issues/2024/08/102456> (дата обращения: 04.02.2026). EDN BSBCWO
2. Закон Оренбургской области от 28.11.2024 №1292/547-VII-ОЗ «О введении в действие специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5600202412020003> (дата обращения: 04.02.2026).
3. От камеральной проверки к цифровому аудиту: как ИИ формирует новую архитектуру налогового администрирования. – URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/11/13/ (дата обращения: 04.02.2026).
4. Федеральная налоговая служба. – URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 04.02.2026).

Кыялбекова Айдана Кыялбековна

студентка

Научный руководитель

Викторова Лидия Ивановна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

БУДЕТ ЛИ ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ УДОБЕН ДЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА В КРАСНОЯРСКЕ

Аннотация: в статье рассматриваются потенциальные возможности и риски внедрения цифрового рубля для субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) в России. Мы уходим от абстрактных технических деталей и смотрим на проблему глазами владельца небольшого магазина, частного мастера или стартапа. На основе анализа ключевых характеристик Росстата – программируемости, офлайн-доступности, снижения издержек и новых требований к инфраструктуре – делается вывод о неоднозначном и этапном характере его полезности. Удобство цифрового рубля для МСП будет напрямую зависеть от деталей его реализации, которые пока находятся в стадии проработки.

Ключевые слова: цифровой рубль, малый бизнес, средний бизнес, финансовая интеграция, издержки, платежные системы, бизнес-процессы.

Цифровой рубль – это не просто абстрактное понятие, а новая финансовая реальность, которая в скором времени откроет свои возможности для каждого российского предприятия. Говоря простым языком, это та же самая валюта, что привычно используется на банковских картах или в виде наличных средств, но представленная в полностью цифровом формате и

выпускаемая непосредственно Банком России. Важно подчеркнуть, что цифровой рубль не является криптовалютой с ее непредсказуемыми колебаниями курсов, а представляет собой государственные деньги нового поколения.

Возникает закономерный вопрос: какие конкретные преимущества цифровой рубль предоставит предпринимателю из Красноярского края? Независимо от масштаба и специфики бизнеса – будь то владелец уютной кофейни по улице Мира, предприятие по обработке янтаря в Дивногорске, аграрное хозяйство в Минусинском районе или развивающийся IT-стартап в Академгородке – цифровой рубль (ЦР) способен стать не просто очередным платежным инструментом, но и эффективным решением для преодоления специфических географических и экономических вызовов.

Преимущества для красноярского предпринимателя.

1. *Сокращение транзакционных издержек.* Экономия на комиссиях за переводы при расчетах между юридическими лицами – ключевой фактор. Минимальные или отсутствующие комиссии за транзакции с цифровым рублем напрямую снижают операционные расходы бизнеса, закупающего товары у местных производителей или оплачивающего аренду помещений.

2. *Эффективность и оперативность платежей.* Мгновенное зачисление средств в режиме 24/7 исключает задержки, связанные с банковскими операционными часами. Предприниматели избавятся от необходимости ожидать поступления оплаты от клиентов или завершения сделки с партнерами, что существенно ускоряет оборачиваемость капитала.

3. *Оптимизация бухгалтерского учета.* Все операции, совершенные с использованием цифрового рубля, будут автоматически фиксироваться в единой системе Центрального Банка. Это обеспечивает высокую степень детализации и прозрачности учетных данных, минимизируя вероятность ошибок и упрощая работу бухгалтерии.

4. *Расширение инструментария для электронной коммерции.* Внедрение цифрового рубля открывает двери для использования смарт-контрактов – самоисполняющихся соглашений. Реализация таких механизмов, как автоматическое разблокирование и перевод средств продавцу после подтверждения доставки товара курьерской службой, повышает надежность и безопасность онлайн-сделок.

Возможные сложности и риски:

– *техническая готовность.* Потребуется модернизация онлайн-касс и платежных терминалов, а также настройка интеграции с банком. Для малого бизнеса данная процедура может повлечь за собой значительные дополнительные расходы и временные затраты;

– *требования к инфраструктуре.* Все операции будут осуществляться с использованием смартфонов и требовать стабильного доступа к сети Интернет. В регионах со слабым покрытием или для предпринимателей, ведущих свою деятельность на рынках, это может представлять существенную проблему;

– *новые аспекты отчетности.* Первоначально возникнет необходимость в изучении правил корректного отражения новых видов операций и порядка документального подтверждения. Период адаптации потребует дополнительного времени;

– *зависимость от системного функционирования.* В случае масштабных сбоев в работе инфраструктуры, бизнес может временно утратить возможность осуществлять прием и отправку платежей.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу отношения бизнеса к цифровому рублю, рассмотрим портрет респондентов. Согласно данным опроса «Активный гражданин», проведенного в Красноярске в период с 12 июля по 31 августа 2024 года, в исследовании приняли участие представители микробизнеса и самозанятые граждане (80% опрошенных). Подавляющее большинство (100%) осуществляют деятельность в сфере услуг. Рыночный стаж респондентов распределен следующим образом: 40% работают свыше 5 лет, по 20% – от 1

до 3 лет, от 3 до 5 лет и менее года соответственно. Таким образом, выборка репрезентативна для сегмента micro-business в сфере услуг – именно той категории предпринимателей, для которой вопросы простоты, скорости и стоимости платежных инструментов стоят наиболее остро.

Важной характеристикой выборки является уровень информированности о государственных инструментах поддержки. Лишь 40% опрошенных знакомы с цифровой платформой МСП.РФ и осведомлены о сборе кадровых потребностей центром «Мой бизнес». Это сигнализирует о наличии коммуникационного разрыва между государством и бизнес-сообществом, что необходимо учитывать при внедрении любого нового инструмента, включая цифровой рубль.

Мнение будущих предпринимателей Красноярска: практический опрос.

Для понимания настроений на местах, мы провели опрос среди студентов красноярских вузов (КрасФин). Вопросы были специально разработаны для выявления практических ожиданий и опасений молодых специалистов, формирующих будущий предпринимательский ландшафт региона.

Вопрос 1. Знаете ли вы существование цифрового рубля?

- А. Слышали, но не вникали.
- Б. Знают в общих чертах, что это и зачем.
- В. Понимают достаточно хорошо, как это работает.
- Г. Ничего не слышали или затрудняются ответить.

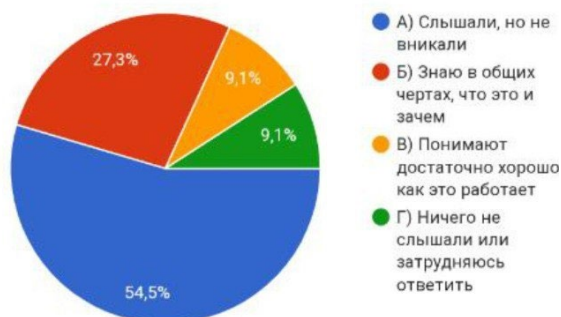

Рис. 1

Результат: 91% респондентов знакомы с цифровым рублем, но только 9% понимают тему глубоко. Главная задача – переход от поверхностных знаний к реальному пониманию функционала.

Вопрос 2. Как вы считаете, главное преимущество цифрового рубля для вашего бизнеса?

- А. Экономия на комиссиях за переводы (особенно между юр. лицами).
- Б. Скорость зачисления платежей.
- В. Упрощение учета для меня/бухгалтера.
- Г. Повышение доверия клиентов за счет новых технологий.

Рис. 2

Результат. Изначально ожидалось, что респонденты отдадут предпочтение скорости и экономии при выборе платежных решений. Однако результаты опроса показали иную картину: 36% выбрали упрощение учета, а 32% – доверие клиентов. Это наблюдение оказало существенное влияние на формирование восприятия всей ситуации.

После завершения исследования возникла гипотеза, что начинающие предприниматели испытывают усталость от бюрократических процедур и сложностей, связанных с каждым платежом, воспринимая их как настоящее испытание. Они стремятся к прозрачности в финансовых операциях.

Детальное изучение ответов респондентов, последовавшее за опросом, позволило углубить понимание их выбора. В ходе бесед выяснилось, что многие чувствуют: использование современных методов оплаты формирует в глазах клиентов образ современного и надежного партнера. Таким образом, для них это является также фактором имиджа. Скорость и комиссии, напротив, были названы в качестве приоритетных лишь впоследствии.

Предположительно, вопросы, связанные со скоростью и комиссиями, в некоторой степени уже решены благодаря таким системам, как Система быстрых платежей (СБП) и развитию иных сервисов онлайн-переводов. Однако проблемы, касающиеся отчетности и формирования доверия клиентов, остаются актуальными.

Вопрос 3. Что вас больше всего беспокоит в связи с внедрением цифрового рубля?

А. Затраты на обновление оборудования (онлайн-кассы, ПО).

Б. Технические сбои и зависимость от интернета.

В. Сложности в освоении нового инструмента и бюрократические проволочки.

Г. Непонимание со стороны клиентов и необходимость их обучать.

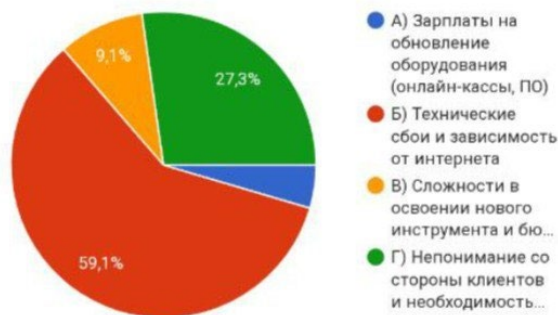

Рис. 3

Результат: наиболее весомым опасением остается страх. 59% респондентов выражают беспокойство возможными сбоями. Их страхи связаны не с финансовыми потерями или налоговыми обязательствами, а с потенциальным отказом терминала в момент пиковой нагрузки, что приведет к уходу клиента. Это страх перед мгновенной потерей выручки, который превалирует над любыми преимуществами.

Вывод: Бизнес Красноярского края рассматривает цифровой рубль с надеждой, однако проявляет осторожность. Предпринимателям необходим не просто новый вид платежа, а гарантия порядка и стабильности. В случае технологического сбоя в критический момент, никакая система учета, сколь бы удобной она ни была, не сможет компенсировать потери.

Заключение. Возникает закономерный вопрос: будет ли цифровой рубль удобен в использовании? Вероятнее всего, ответ утвердительный, хотя преимущества ощутят не все и не сразу.

Для технологически развитых компаний, интернет-магазинов и предприятий, чья деятельность связана с оптовыми поставками или оказанием услуг другим фирмам, цифровой рубль представляет собой неоспоримый шаг вперед. Он способен обеспечить прямую финансовую выгоду и значительно ускорить бизнес-процессы.

Микробизнес, ориентированный преимущественно на наличные расчеты – небольшие кафе, мастерские, торговые точки на рынках – в краткосрочной перспективе может не ощутить явных перемен. Для таких предпринимателей первостепенное значение имеет простота, и, если процесс внедрения окажется чрезмерно сложным, они будут подключаться к системе по остаточному принципу.

Ключевым фактором успеха для Красноярска станет разумный, поэтапный подход к внедрению, сопровождаемый понятными инструкциями и ощутимой поддержкой со стороны банков. Если малому бизнесу удастся перейти на новый формат без существенных трудностей и лишних трат, цифровой рубль со временем станет таким же естественным инструментом, как сегодня онлайн-банк или эквайринг. А экономия на комиссиях послужит приятным стимулом для развития в условиях жесткой сибирской конкуренции.

Список литературы

1. Внедрение платформы предиктивной аналитики в горнодобывающей промышленности: опыт ПАО «ГМК «Норильский никель» // Хабр. – 2023. – 28 марта. – URL: <https://habr.com/ru/companies/nornickel/articles/728614/> (дата обращения: 15.02.2025).
2. Гафарова И. Разработка прототипа мобильного приложения для финансовых операций малого и среднего бизнеса на основе цифрового рубля: выпускная квалификационная работа бакалавра / И. Гафарова, Е. Димова. – М., 2025. – URL: <https://www.hse.ru/en/edu/vkr/1049386361> (дата обращения: 15.02.2025).
3. Кондрашин В.А. Совершенствование модели регулирования цифрового рубля в условиях цифровой трансформации банковской системы: магистерская диссертация: 38.04.01 / В.А. Кондрашин, Д.Н. Суслов; Сиб. федер. ун-т. – Красноярск, 2024. – URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/153414> (дата обращения: 15.02.2025).
4. Положение Банка России от 07.12.2023 №833-П «О правилах платформы цифрового рубля» // Банк России: офиц. сайт. – URL: https://www.cbr.ru/fintech/dr/doc_dr/rules_dr/ (дата обращения: 15.02.2025).
5. Стратегия цифровой трансформации Красноярского края до 2030 года: утв. Правительством Краснояр. края 20.12.2021 №999-п // Официальный интернет-портал правовой информации Красноярского края. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/406805672> (дата обращения: 15.02.2025).
6. Экспертные публикации по цифровой трансформации промышленности // РБК.Компании. – URL: <https://companies.rbc.ru/experts/> (дата обращения: 20.11.2024).

АДАПТИВНЫЕ МОДЕЛИ РОСТА СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОМПАНИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: в статье рассматриваются адаптивные модели роста как инструмент стратегического развития компании в условиях высокой неопределенности, ускорения технологических изменений и усиления требований стейкхолдеров. Показано, что стратегия в современных условиях должна сочетать устойчивую целевую архитектуру бизнеса с механизмами регулярной перенастройки на основе мониторинга внешней среды, сценарного анализа и управления портфелем инициатив. Обобщаются драйверы, определяющие необходимость адаптивности (макроэкономическая турбулентность, трансформация цепочек поставок, цифровизация и распространение искусственного интеллекта и нефинансовые риски). Предложена логика построения системы стратегического управления как непрерывного цикла, объединяющего целеполагание, проектирование бизнес-модели, приоритизацию проектов и контроль реализации, с акцентом на скорость принятия решений и устойчивость результатов.

Ключевые слова: стратегическое развитие, стратегическое управление, адаптивная стратегия, модели роста, неопределенность внешней среды, динамические способности, управление портфелем инициатив, сценарное планирование, цифровая трансформация, устойчивое развитие, ESG.

Стратегическое развитие компании в современных условиях определяется сочетанием высокой неопределенности внешней среды, ускорения технологических изменений и усложнения требований стейкхолдеров к результатам деятельности. Если в классических подходах стратегическое управление рассматривалось преимущественно как выбор долгосрочного направления и распределение ресурсов на горизонте 3–5 лет, то в текущей реальности возрастает значение адаптивности, стратегия должна одновременно задавать устойчивую целевую архитектуру бизнеса и допускать регулярную перенастройку в ответ на изменения спроса, регуляторных изменений, стоимости капитала, доступности цепочек поставок и динамики конкуренции. В результате стратегическое развитие приобретает характер непрерывного процесса, в котором формирование целей, проектирование бизнес-модели, управление портфелем инициатив и контроль исполнения объединяются в единую систему корпоративного управления.

Современные условия хозяйствования характеризуются несколькими фундаментальными драйверами, влияющими на стратегический контур компании. Так, усиливается турбулентность рынков и повышается роль макроэкономических факторов – колебания процентных ставок, инфляционные процессы и изменение потребительских ожиданий напрямую влияют на стоимость заемного финансирования, инвестиционную активность и структуру спроса. Трансформируются глобальные и региональные цепочки создания стоимости, что приводит к переоценке логистических рисков, диверсификации поставщиков и локализации критически важных компетенций. Более того, цифровизация и распространение технологий данных и искусственного интеллекта меняют природу конкурентных преимуществ – доступ к данным, скорость принятия решений и способность масштабировать цифровые продукты становятся сопоставимыми по значимости с традиционными факторами (производственные мощности,

материальные активы, география). При этом возрастают требования к устойчивому развитию и управлению нефинансовыми рисками – экологические и социальные аспекты, охрана труда, кибербезопасность, деловая этика и прозрачность взаимодействия с контрагентами постепенно превращаются из репутационных факторов в параметры, влияющие на доступ к капиталу, госзаказу и партнерским экосистемам. Следовательно, стратегическое развитие компании должно учитывать многомерность целевых ориентиров и необходимость поддерживать баланс между ростом, эффективностью, устойчивостью и инновационностью [2].

Теоретически стратегическое развитие в современных условиях целесообразно трактовать как переход от статичной стратегии к динамическим способностям организации, то есть к умению системно чувствовать изменения внешней среды, быстро принимать решения и перестраивать ресурсы. В этой логике стратегия перестает быть исключительно документом и становится управленческим механизмом, который соединяет долгосрочное видение будущего состояния с набором регулярно пересматриваемых решений: какие рынки и клиентские сегменты являются приоритетными, в каких продуктах и технологиях формировать лидерство, какие компетенции развивать внутри, а какие получать через партнерства, какие активы являются стратегическими, а какие целесообразно выводить из контура. Практическая значимость такого подхода состоит в том, что он позволяет компании работать с неопределенностью не через попытку точного прогнозирования, а через системное управление сценариями, рисками и портфелем инициатив.

Первым этапом стратегического развития выступает диагностика внешней и внутренней среды, обеспечивающая обоснованность выбора траектории. На внешнем уровне анализ должен включать не только оценку рынка и конкурентной позиции, но и мониторинг технологических трендов, регуляторных изменений, параметров доступности капитала и логистических ограничений. Существенным элементом становится выявление структурных сдвигов в поведении клиентов – изменение критериев выбора, переход к омниканальным моделям потребления, рост ожиданий к скорости сервиса и персонализации. На внутреннем уровне ключевое значение имеет оценка ресурсов, производственных, технологических, кадровых и финансовых компетенций, а также зрелости процессов управления данными и ИТ-архитектуры. В современных условиях внутренний анализ дополняется оценкой организационной гибкости, культуры изменений и способности масштабировать решения, поскольку именно эти факторы определяют скорость трансформации, а значит, и реалистичность выбранной стратегии [3].

Вторым этапом является формирование целевой бизнес-модели и стратегических приоритетов. Для повышения управляемости стратегии целесообразно выделять несколько взаимосвязанных уровней целеполагания: миссию и видение как устойчивую ценностную рамку, измеримые долгосрочные цели (например, рост доли рынка, повышение рентабельности, увеличение инновационной выручки), а также набор стратегических инициатив и программ. Важно, чтобы цели не сводились исключительно к финансовым показателям, современные компании сталкиваются с тем, что краткосрочная оптимизация может снижать устойчивость. Поэтому стратегическое развитие требует включения показателей операционной надежности (устойчивость цепочки поставок, качество, сроки), цифровой зрелости (уровень автоматизации и управляемость данными), кадровой устойчивости (привлечение и удержание компетенций), а также показателей нефинансовых рисков (киберустойчивость, комплаенс, безопасность). Такая система целей поддерживает баланс между ростом и контролем рисков, снижая вероятность «стратегических ловушек», когда компания демонстрирует временный финансовый успех ценой деградации технологической базы или утраты кадровых компетенций [3].

Третьим этапом выступает выбор стратегических механизмов роста, которые в современных условиях часто комбинируются. Органический рост опирается на повышение эффективности, расширение продуктовой линейки и улучшение клиентского опыта; он требует инвестиций в операционное совершенствование, качество, сервис и маркетинг, основанный на

данных. Инновационный рост связан с разработкой новых продуктов и выходом в смежные сегменты; его ключевым ограничением является не только финансирование, но и способность компании управлять неопределенностью инноваций через портфель НИОКР, быстрые пилоты и масштабирование успешных решений. Партнерский рост реализуется через экосистемные модели, технологические альянсы, контрактное производство, совместные платформы и интеграцию в цепочки крупных заказчиков; он позволяет ускорять развитие при ограниченных собственных ресурсах, но требует зрелого управления контрактами, интеллектуальной собственностью и распределением рисков. Наконец, неорганический рост (слияния и поглощения) может закрывать дефицит компетенций или обеспечивать доступ к рынкам, но в современных условиях особенно критичны постинтеграционные процессы, без унификации процессов, данных и культуры ожидаемый синергетический эффект часто не достигается [4].

Четвертый этап связан с цифровой трансформацией как обязательным компонентом стратегического развития. Важно подчеркнуть, что цифровизация не равна внедрению отдельных ИТ-систем; она предполагает перестройку процессов и управленческих практик на основе данных. Современная стратегия развития компании должна включать целевую цифровую архитектуру – принципы управления данными, интеграцию контуров (продажи, производство, закупки, финансы, клиентский сервис), внедрение аналитики и моделей поддержки решений, а также кибербезопасность как «встроенную» функцию. Отдельное значение приобретает применение искусственного интеллекта для прогнозирования спроса, оптимизации запасов, предиктивного обслуживания оборудования, персонализации предложений и повышения производительности офисных функций. Однако эффект от ИИ устойчиво достигается лишь при наличии качественных данных, управляемых процессов и четко заданных бизнес-метрик, иначе технологические инициативы превращаются в витринные проекты без измеримой отдачи [4].

Пятый этап стратегического развития касается организационного дизайна и управления изменениями. Поскольку современная стратегия реализуется в условиях постоянных корректировок, компании нуждаются в механизмах, обеспечивающих скорость принятия решений и ответственность за результат. На практике это означает развитие проектного и продуктового управления, внедрение портфельного управления инициативами, пересмотр системы мотивации, а также усиление роли внутренней коммуникации и обучения. Существенным фактором является кадровая стратегия, дефицит критических компетенций (инженерных, ИТ, аналитических, управленческих) превращает человеческий капитал в ограничивающий ресурс роста. Поэтому стратегическое развитие включает создание корпоративных программ развития компетенций, партнерство с образовательными учреждениями, систему преемственности и формирование среды, удерживающей ключевых специалистов. Одновременно возрастает роль корпоративной культуры, поддерживающей экспериментирование, ответственность и ориентацию на клиента; без культурной поддержки даже правильно выбранные стратегические решения часто не реализуются на уровне ежедневных практик.

Шестой этап связан с обеспечением финансовой устойчивости и инвестиционной дисциплины. В современных условиях рост стоимости капитала и волатильность денежных потоков делают критически важными управление ликвидностью, оптимизация оборотного капитала и контроль инвестиционного портфеля. Стратегия должна содержать ясные принципы капиталовложений – критерии отбора проектов, требуемую норму доходности с учетом риска, подходы к поэтапному финансированию и механизмы остановки инициатив, не подтверждающих гипотезы. Важным элементом становится сценарное финансовое планирование, позволяющее оценивать устойчивость компании при негативных шоках (падение спроса, рост себестоимости, перебои поставок) и заранее определять набор действий по сохранению

платежеспособности и компетенций. Таким образом, финансовая функция из «учета результатов» трансформируется в активного участника стратегического управления [1].

Седьмой этап включает управление рисками и устойчивостью как интегральную часть стратегии. В современных условиях устойчивость понимается шире, чем наличие резервов, она предполагает способность компании продолжать выполнение ключевых функций при сбоях. Практически это реализуется через диверсификацию поставщиков, создание альтернативных логистических маршрутов, стандартизацию компонентов, развитие локальных производственных и технологических компетенций, а также формирование планов непрерывности бизнеса. Особое место занимает киберустойчивость, поскольку цифровизация расширяет поверхность атак, а последствия инцидентов становятся сопоставимыми с производственными простоями. Кроме того, усиливается значимость комплаенса и управления контрагентскими рисками, что требует прозрачных процедур закупок, контроля санкционных и юридических ограничений, а также систем внутреннего контроля.

Завершающим элементом стратегического развития является система мониторинга и корректировки стратегии. В условиях неопределенности эффективность стратегии определяется не только качеством первоначального выбора, но и регулярностью управленческой обратной связи. Для этого используется набор показателей, отражающих как финансовые результаты, так и операционные и инновационные метрики (скорость вывода продукта, доля цифровых продаж, уровень качества, срок исполнения заказов, индекс удовлетворенности клиентов, устойчивость поставок). Важно, чтобы мониторинг не сводился к фиксации отклонений, а обеспечивал управленческий цикл – выявление причин, пересмотр гипотез и перенастройку портфеля инициатив. Тем самым стратегия становится «живой» системой, поддерживающей управляемое развитие компании.

В целом стратегическое развитие компании в современных условиях представляет собой комплексную управленческую задачу, объединяющую адаптивное целеполагание, цифровую трансформацию, развитие компетенций, финансовую дисциплину и управление устойчивостью. Компании, способные выстроить динамическую стратегию с опорой на данные, сценарное планирование и портфельный подход к инициативам, получают преимущество не только за счет скорости реакции, но и благодаря системной способности превращать неопределенность в источник возможностей. Такая модель стратегического развития обеспечивает не ситуативное выживание, а воспроизводимую способность к росту, инновациям и сохранению конкурентоспособности на длительном горизонте.

Список литературы

1. Волкова Е.С. Стратегические альтернативы развития малых строительных предприятий / Е.С. Волкова, С.В. Кузьмин // Менеджмент в России и за рубежом. – 2024. – №11 (98). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-alternativy-razvitiya-malyh-stroitelnyh-predpriyatiy> (дата обращения: 25.01.2026).
2. Каранец С.М. Модели зрелости управления проектами / С.М. Каранец // БИТ. – 2024. – №2 (30). – С. 45–58.
3. Козлов В.Р. Оценка эффективности стратегических инициатив в строительном секторе / В.Р. Козлов // Экономика строительства. – 2025. – №1 (89). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocenka-effektivnosti-strategicheskikh-iniciativ-v-stroitelnom-sektore> (дата обращения: 26.01.2026).
4. Кравченко Т.К. Системы поддержки принятия решений: учебник и практикум для вузов / Т.К. Кравченко, Д.В. Исаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 327 с.

Маткулова Юлия Викторовна

магистрант

Научный руководитель

Копченко Алексей Александрович

д-р экон. наук, профессор

Уральский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Челябинск, Челябинская область

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ КЛИМАТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ЯМАЛА

Аннотация: исследование посвящено анализу применения цифровых платформ как инструмента поддержки малого и среднего предпринимательства в экстремальных климатических условиях Ямало-Ненецкого автономного округа. Проанализированы особенности цифровой трансформации субъектов МСП в арктических территориях, определены барьеры внедрения цифровых решений и выявлены перспективные направления развития цифровой инфраструктуры поддержки бизнеса в условиях географической изолированности и суровых климатических факторов. Рассмотрена роль специализированных платформ в обеспечении доступа предпринимателей к мерам государственной поддержки, финансовым инструментам и современным технологическим решениям.

Ключевые слова: цифровые платформы, малый бизнес, средний бизнес, Ямало-Ненецкий автономный округ, экстремальные климатические условия, цифровизация МСП, арктические территории, государственная поддержка предпринимательства.

Введение.

Развитие малого и среднего предпринимательства в арктических регионах России представляет существенную задачу экономической политики, требующую комплексного подхода к созданию благоприятных условий ведения бизнеса. Ямало-Ненецкий автономный округ характеризуется экстремальными природно-климатическими условиями, территориальной разобщенностью населенных пунктов и ограниченной транспортной доступностью, что создает дополнительные барьеры для развития предпринимательской деятельности [10]. В этих условиях цифровые платформы приобретают особое значение как механизм преодоления географических и инфраструктурных ограничений, обеспечивая предпринимателям доступ к рынкам, финансовым ресурсам и мерам государственной поддержки.

Проведённый анализ позволил систематизировать особенности применения цифровых инструментов в условиях Арктики и выявить специфические барьеры, требующие адресных решений.

По состоянию на 2024 год в Ямало-Ненецком автономном округе зарегистрировано 18 826 субъектов малого и среднего предпринимательства, включая 14 558 индивидуальных предпринимателей, при общем обороте деятельности 357,4 млрд рублей [10].

Вместе с тем уровень развития МСП в регионе остается ниже среднероссийского, что обусловлено высокими издержками на ведение бизнеса, ограниченным рынком сбыта и сложной транспортной схемой. Развитие цифровых каналов связи с потребителем и внедрение электронных платформ взаимодействия между бизнесом, государством и населением рассматриваются в качестве ключевых факторов, способных нивелировать негативное влияние природно-климатических условий.

В общероссийском масштабе цифровизация малого бизнеса демонстрирует устойчивую динамику – 70% компаний признают цифровую трансформацию обязательной составляющей долгосрочной стратегии развития.

Однако арктические территории характеризуются специфическими условиями, при которых цифровые решения становятся не просто инструментом повышения эффективности, но необходимым условием выживания и конкурентоспособности бизнеса.

Сопоставление федеральных тенденций с региональной спецификой Ямала позволило выделить критические точки, в которых цифровизация выступает единственным способом преодоления территориальной изоляции.

Исследование механизмов применения цифровых платформ для поддержки МСП в экстремальных климатических условиях Ямала представляет значительный научный и практический интерес.

В рамках настоящего исследования обобщены данные о масштабах предпринимательской деятельности в регионе, систематизированы существующие меры поддержки и определены направления совершенствования цифровой экосистемы МСП.

Методология исследования.

Исследование базируется на комплексном анализе статистических данных, нормативно-правовых документов и специализированных аналитических материалов. В качестве информационной базы использованы данные Единого реестра субъектов МСП Федеральной налоговой службы, материалы Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года [10], аналитический отчет о цифровизации малого бизнеса в России [4], а также документы о мерах государственной поддержки предпринимательства [9].

Методологической основой выступил системный подход, позволяющий рассмотреть цифровые платформы как элемент экосистемы поддержки МСП в условиях арктических территорий.

Применялись методы сравнительного анализа для выявления специфики цифровизации бизнеса в экстремальных климатических условиях, статистический анализ для оценки масштабов и динамики развития МСП в Ямало-Ненецком автономном округе, а также контент-анализ программных документов и стратегий развития региона.

Особое внимание уделено анализу функциональных возможностей цифровой платформы МСП.РФ как основного инструмента государственной поддержки предпринимательства, а также роли специализированных региональных институтов развития, включая фонд «Агентство ЯНАО «Мой бизнес». Исследование опирается на правовые основы развития малого и среднего предпринимательства, установленные Федеральным законом от 24.07.2007 №209-ФЗ [1], и нормы в сфере информационных технологий, регламентированные Федеральным законом от 27.07.2006 №149-ФЗ [2].

Результаты и обсуждение.

Цифровые платформы в экосистеме поддержки малого и среднего бизнеса выполняют функцию интегратора, объединяющего государственные органы, финансовые институты, образовательные организации и субъекты предпринимательства в единое информационное пространство.

Платформенный подход обеспечивает возможность персонализации мер поддержки с учетом специфики конкретного бизнеса, его отраслевой принадлежности и стадии развития.

Анализ функционала существующих платформ показал, что их интеграционная роль особенно значима для территориально распределённых регионов, где физический доступ к центрам поддержки затруднён.

Для арктических регионов, характеризующихся значительными расстояниями между населёнными пунктами и ограниченной транспортной доступностью, цифровые платформы

становятся критически важным механизмом обеспечения равного доступа предпринимателей к инструментам государственной поддержки.

Цифровая платформа МСП.РФ, являющаяся основным каналом информирования о мерах поддержки и предоставления государственных услуг предпринимателям, к 2025 году предоставляет доступ к более чем 30 различным онлайн-сервисам и сотням мер поддержки [9].

У каждого пользователя формируется индивидуальный цифровой профиль, благодаря которому федеральные и региональные инструменты поддержки предлагаются с учетом потребностей и стадии развития конкретного бизнеса [9]. Такой персонализированный подход особенно актуален для предпринимателей удаленных территорий, которые получают возможность дистанционного доступа к комплексу услуг без необходимости физического присутствия в центрах «Мой бизнес».

Сравнительный анализ условий доступа к поддержке в Ямало-Ненецком автономном округе и в центральных регионах выявил, что дистанционные сервисы нивелируют до 80% барьеров, связанных с географической удалённостью.

В условиях Ямало-Ненецкого автономного округа применение цифровых платформ позволяет компенсировать инфраструктурные ограничения, обусловленные экстремальными климатическими факторами.

Проведённое исследование показало, что цифровизация каналов взаимодействия выступает не просто вспомогательным инструментом, а основным способом включения арктических предпринимателей в общероссийское экономическое пространство.

Развитие цифровых каналов связи с потребителем рассматривается в Стратегии социально-экономического развития региона до 2035 года в качестве внешнего фактора развития МСП [10]. Внедрение системы электронной торговли и предоставление платных услуг населению посредством интернета определены как ключевые мероприятия по содействию развитию МСП в сфере потребительского рынка.

Региональный опыт применения цифровых инструментов демонстрирует позитивные результаты. Фонд «Агентство ЯНАО «Мой бизнес» реализует подход по созданию максимально удобного дистанционного доступа к услугам поддержки, включающий многоканальную горячую линию с универсальными менеджерами, личный кабинет предпринимателя и возможность подачи заявок на получение услуг в режиме онлайн [12]. Предоставляется субсидирование подключения начинающих предпринимателей к программным продуктам, что способствует повышению уровня цифровой грамотности бизнеса и внедрению современных систем учета и управления [12].

Применение искусственного интеллекта и нейросетевых технологий открывает новые возможности для оптимизации бизнес-процессов предпринимателей Ямала. Нейросети используются для оптимизации рутинных задач, обработки больших объемов информации, составления планов и протоколов совещаний, что высвобождает время предпринимателей для решения стратегических задач. Внедрение цифровых помощников позволяет малому бизнесу конкурировать с крупными компаниями в части автоматизации клиентского сервиса и маркетинга при минимальных затратах на персонал [11].

Обобщение регионального опыта применения ИИ-технологий демонстрирует, что даже небольшие предприятия Ямала получают возможность масштабировать бизнес-процессы без пропорционального роста издержек на персонал, что критично в условиях дефицита квалифицированных кадров.

На общероссийском уровне наблюдается устойчивая тенденция к росту проникновения цифровых инструментов в деятельность субъектов МСП. Около 70% малых и средних компаний используют системы онлайн-бухгалтерии и налогового учета, системы управления

взаимоотношениями с клиентами (CRM) внедрены у 70% предприятий, платежные системы и онлайн-кассы применяют 60% субъектов МСП [4].

Переход на российские аналоги иностранных сервисов осуществили 41% предприятий, при этом большинство из них отмечают улучшение рабочих процессов после миграции.

Вместе с тем существуют барьеры цифровизации, особенно актуальные для арктических регионов. К числу финансовых барьеров относятся высокая стоимость внедрения и обслуживания цифровых решений, ограниченный доступ к льготному кредитованию на цифровизацию, неочевидная окупаемость инвестиций.

Систематизация барьеров цифровизации показала, что для Ямала финансовые ограничения усугубляются инфраструктурными, формируя комплексный вызов, требующий многоуровневой поддержки.

Для Ямало-Ненецкого автономного округа эти факторы усиливаются высокими коммунальными тарифами для организаций, которые в децентрализованной зоне в 5–10 раз превышают материковые значения. Инфраструктурные проблемы включают неравномерное развитие регионов и отсутствие доступа к высокоскоростному интернету в отдельных населенных пунктах, что ограничивает возможности внедрения цифровых технологий.

Преодоление указанных барьеров требует комплекса мер государственной поддержки. В 2025–2026 годах продолжает действовать программа компенсации 50% стоимости российского программного обеспечения для МСП, позволяющая предпринимателям приобретать отечественные CRM, ERP и другие решения со значительной скидкой [9].

Программа льготного кредитования «1764» предоставляет займы по ставке ключевая ставка ЦБ плюс не более 2,75–3,5 процентных пунктов с максимальной суммой до 2 млрд рублей для приоритетных направлений, включая торговлю, общественное питание и туризм [9].

Для арктических территорий предусмотрены повышенные размеры грантовой поддержки. Гранты для молодых предпринимателей в Арктической зоне составляют до 1 млн рублей по сравнению с 500 тыс. рублей в других регионах, субсидии для социального бизнеса в Арктике также увеличены до 1 млн рублей [9].

Социальный контракт на развитие предпринимательства предоставляет до 350 тыс. рублей на открытие собственного дела плюс до 30 тыс. рублей на обучение [9]. Особое значение для участников специальной военной операции и членов их семей имеет программа «СВОй бизнес», предусматривающая комплексные меры поддержки через консультации, наставничество и доступ к социальным контрактам, грантам и льготным кредитам [9].

Анализ статистических данных по Ямало-Ненеckому автономному округу за 2024 год демонстрирует следующую структуру малого и среднего предпринимательства (табл. 1).

Показатели деятельности субъектов МСП
в Ямало-Ненецком автономном округе в 2024 году

Категория	Количество предприятий, ед.	Численность работников, чел.	Оборот деятельности, млрд руб.
Средние предприятия	56	10 134	49,4
Малые предприятия	545	12 094	77,9
Микропредприятия	18 225	11 634	74,5
Итого МСП	18 826	33 862	201,8
Индивидуальные предприниматели	14 558	30 923	155,6
Всего с ИП	33 384	64 785	357,4

Источник: составлено автором по данным [10].

Представленные в таблице 1 данные свидетельствуют о том, что микропредприятия составляют подавляющее большинство субъектов МСП в регионе – 96,8% от общего числа предприятий, что соответствует общероссийской тенденции.

При этом средние предприятия, несмотря на малочисленность, обеспечивают значительную долю оборота – 24,5% от совокупного оборота всех категорий МСП. Индивидуальные предприниматели формируют существенную часть предпринимательского сектора, обеспечивая 43,5% общего оборота с учетом всех категорий.

Детальный анализ структуры МСП региона позволил выявить значительную дифференциацию субъектов по масштабам деятельности и экономическому вкладу. Выделено, что именно микропредприятия являются наиболее уязвимыми к инфраструктурным ограничениям, что обосновывает приоритетность адресации цифровых инструментов поддержки именно этим категориям.

Перспективные направления развития цифровой поддержки МСП в условиях Ямала включают создание диалоговых площадок в формате B2B для взаимодействия малого и крупного бизнеса, что позволит субъектам МСП интегрироваться в производственные цепочки крупных компаний топливно-энергетического комплекса [10].

Развитие негосударственного сектора персональных услуг посредством цифровых платформ, включая систему ваучеров и целевых потребительских субсидий, создаст условия для расширения потребительского рынка. Интеграция в единую цифровую платформу новых направлений развития отрасли физической культуры и спорта, ориентированную на взаимодействие между гражданами, государством и бизнесом, запланирована к 2025 году.

Обобщение перспективных направлений развития цифровой инфраструктуры показало необходимость формирования межотраслевых платформ, объединяющих производственные, торговые и социальные секторы экономики региона.

Цифровая зрелость региональных органов власти также играет существенную роль в создании благоприятной среды для предпринимательства. Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа предусматривает достижение показателя цифровой зрелости на уровне 39% к 2025 году и 100% к 2030 году [10]. Внедрение передовых цифровых технологий и платформенных решений в государственное управление, здравоохранение, образование, транспорт и развитие городской среды создаст инфраструктурную основу для расширения возможностей бизнеса.

Установлено, что повышение цифровой зрелости региональных органов власти выступает предпосылкой для формирования комфортной среды ведения бизнеса и создаёт эффект мультипликации для внедрения цифровых решений в предпринимательском секторе.

Заключение.

Проведённое исследование позволило систематизировать роль цифровых платформ в поддержке малого и среднего предпринимательства в условиях Ямало-Ненецкого автономного округа и выявить их критическое значение для преодоления инфраструктурных и географических ограничений арктических территорий.

В ходе работы обобщены статистические данные о масштабах деятельности субъектов МСП региона, что позволило определить структурные особенности предпринимательского сектора. Установлено, что микропредприятия составляют 96,8% от общего числа субъектов МСП, при этом именно данная категория наиболее уязвима к барьерам, связанным с территориальной разобщённостью и высокими операционными издержками. Выделено, что индивидуальные предприниматели формируют значительную долю экономической активности региона, обеспечивая 43,5% совокупного оборота, что подчёркивает необходимость адресной поддержки данного сегмента.

Анализ существующих цифровых инструментов показал, что платформенные решения выполняют интегрирующую функцию, объединяя государственные органы, финансовые институты и предпринимателей в единое информационное пространство. Сравнительное исследование условий доступа к мерам поддержки в Ямало-Ненецком автономном округе и центральных регионах выявило, что дистанционные сервисы нивелируют до 80% барьеров, обусловленных географической удалённостью. Определено, что для арктических территорий цифровизация выступает не вспомогательным, а основным механизмом включения предпринимателей в общероссийское экономическое пространство.

Систематизация барьеров внедрения цифровых решений позволила выделить комплексный характер ограничений, включающих финансовые, инфраструктурные и кадровые аспекты. Установлено, что финансовые барьеры усугубляются спецификой региона – высокими коммунальными тарифами, превышающими материковые показатели в 5–10 раз, что требует повышенных объёмов грантовой и субсидиарной поддержки. Выявлено, что инфраструктурные ограничения, связанные с неравномерным доступом к высокоскоростному интернету, снижают потенциал применения современных технологических решений в отдельных населённых пунктах округа.

Обобщение регионального опыта применения искусственного интеллекта и нейросетевых технологий продемонстрировало, что даже небольшие предприятия получают возможность масштабировать бизнес-процессы без пропорционального роста издержек на персонал, что особенно значимо в условиях дефицита квалифицированных кадров. Определены перспективные направления развития цифровой экосистемы МСП, включающие формирование межотраслевых платформ взаимодействия малого и крупного бизнеса, развитие негосударственного сектора персональных услуг через систему цифровых ваучеров и создание интегрированных платформ для социальной сферы.

Установлена прямая взаимосвязь между уровнем цифровой зрелости региональных органов власти и формированием благоприятной среды для предпринимательства. Повышение показателя цифровой зрелости до 100% к 2030 году создаст инфраструктурную основу для масштабного внедрения платформенных решений в бизнес-секторе и обеспечит эффект мультипликации цифровых инноваций.

Таким образом, в результате исследования доказано, что цифровые платформы являются ключевым инструментом обеспечения конкурентоспособности малого и среднего бизнеса в экстремальных климатических условиях Ямало-Ненецкого автономного округа. Разработанная систематизация мер поддержки, выявленные барьеры и определённые направления

развития цифровой инфраструктуры формируют основу для совершенствования региональной политики в сфере поддержки предпринимательства и могут быть экстраполированы на другие арктические территории Российской Федерации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.07.2007 №209-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – №31. – Ст. 4006.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №31 (ч. I). – Ст. 3448.
3. Аллаяров Т.А. Цифровые платформы как экосистема поддержки малого и среднего бизнеса / Т.А. Аллаяров, О.Ю. Ханова // Актуальные вопросы управления: новые тренды цифровой среды: сборник материалов I Международной научно-практической конференции (Москва, 15–18 ноября 2024 года). – М.: Научная библиотека, 2024. – С. 26–31. – EDN KBGUOQ.
4. Аналитический отчёт Soware: цифровизация малого бизнеса в России 2025. – URL: <https://clck.ru/3RoLDS> (дата обращения: 14.02.2026).
5. Благих И.А. Многоуровневая поддержка малого и среднего бизнеса на цифровых платформах / И.А. Благих // Актуальные проблемы интеграции Донецкой Народной Республики в экономико-правовое пространство Российской Федерации: сборник научных трудов II Всероссийской научно-практической конференции (Мариуполь, 23 мая 2025 года). – Мариуполь: Мариупольский государственный университет им. А.И. Куинджи, 2025. – С. 207–211. – EDN BCDPQA.
6. Бобровская Ж.В. ФЦП-платформы для малого и среднего бизнеса в условиях цифровизации / Ж.В. Бобровская // Развитие банковской системы в современных условиях: проблемы и перспективы: материалы IX-й Международной научно-практической интернет-конференции, приуроченной к 105-летию со дня основания ДОННУЭТ (Донецк, 15 мая 2025 года). – Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, 2025. – С. 174–178. – EDN LSZPRA.
7. МСП в 2025 году привлекли 23 млрд рублей льготных микрозаймов через МСП.ПФ. – URL: <https://clck.ru/3RoL8Y> (дата обращения: 14.02.2026).
8. Плотникова А.А. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса посредством цифровых платформ / А.А. Плотникова, Е.С. Рыбакова // Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса: сборник научных статей (ежегодник). – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. – С. 135–137. – EDN DKSTQL.
9. Поддержка малого бизнеса в 2025–2026 годах: комплексный обзор господдержки МСП в России. – URL: <https://clck.ru/3RoL6q> (дата обращения: 14.02.2026).
10. Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года. – URL: <https://clck.ru/3RoL2z> (дата обращения: 14.02.2026).
11. Харитонов И. Влияние цифровых платформ на эффективность малого и среднего бизнеса в условиях глобализации / И. Харитонов // Холодная наука. – 2025. – №14. – С. 32–42. – EDN KWSQXO.
12. Чат и бот. Малому бизнесу на Ямале презентовали, как искусственный интеллект поможет зарабатывать. – URL: <https://clck.ru/3RoKxo> (дата обращения: 03.03.2026).

Окружко Виктор Вячеславович

канд. филос. наук, преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации»

г. Красноярск, Красноярский край

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: в статье автор предпринимает попытку интерпретировать отдельные аспекты процессов трансформации социального бытия современного человека, вызванных быстрым развитием цифровых технологий. В связи с этим высказываются некоторые опасения относительно возникновения рисков фундаментального характера, которые затрагивают жизнь самого человека, его духовную конституцию. Усиление главного диссонанса современной эпохи и усугубление антропологического кризиса, с которым столкнётся человечество в ближайшем будущем, с точки зрения автора статьи, будет обусловлено развитием технологий искусственного интеллекта, появлением сверхмощного ИИ, претендующего на обладание специфической «субъектностью».

Ключевые слова: цифровизация, человек, бытийная сущность, антропологический кризис, искусственный интеллект, катастрофический сценарий, адаптация, виртуализация, унификация, духовное обнищание, субъект, субъектность, мышление, экзистенциальная угроза, власть, инвестиции.

Антропологический кризис, который не так давно превратился в некую глобальную проблему всего человечества, приобрёл в наше время особую актуальность и остроту. В значительной степени это явилось следствием начавшихся процессов трансформации социального бытия современного человека, вызванных быстрым развитием цифровых технологий, включая искусственный интеллект.

Речь идёт о новом, совершенно впечатляющем, этапе поступательной динамики так называемого «информационного общества», концептуальные идеи которого были сформулированы когда-то, во второй половине XX века, известными американскими учёными-мыслителями – социологами Даниелом Беллом и Элвином Тоффлером. Оба они говорили абсолютно правильные вещи. Не умаляя их неоспоримых заслуг, скажем честно: им обоим даже и не могло представиться то, что происходит в этой сфере сейчас – этот грандиозный масштаб подлинной «революции» в области информационных технологий! Всё это сейчас происходит как раз прямо на наших глазах!

Становится очевидным тот факт, что эти так называемые техно-инновации, начавшиеся в XXI веке, с неизбежностью приведут нас в дальнейшем, в контексте логики развития самих информационных технологий, к более серьёзным и намного более существенным преобразованиям и трансформациям. По всей вероятности, они затронут весь человеческий Социум, коснутся каждого человека в отдельности. Об этом ещё два-три десятилетия назад невозможно было даже помыслить. Никто не сомневается в том, что цифровые технологии в самой ближайшей перспективе будут оказывать колоссальное влияние на все сферы жизни общества, включая экономику. Это означает, что в самом недалёком будущем Мир Человека изменится кардинально!

Поэтому вряд ли кто-либо станет спорить о том, что на пути цифровизации перед человечеством действительно открываются фантастические возможности. Суть цифровых технологий – невероятные скорости обработки информации и создание принципиально новых информационных моделей. С одной стороны, нет сомнений в том, что их внедрение в различные сферы нашей жизни сделают её гораздо приятнее и комфортнее... В экономике это приведёт

к значительному повышению эффективности в работе различных систем, что, само собой разумеется, повлечёт за собой глубокие структурные изменения. Как известно, цифровой сигнал намного превосходит аналоговый, и он является более надёжным с технической точки зрения... Не говоря уже о бесконечных возможностях создания принципиально новых продуктов в сфере информационных технологий и искусственного интеллекта.

О преимуществах цифровизации можно говорить долго. Переход на цифровые технологии вполне закономерен. Но проблема лежит *в другой плоскости*. Заключается она вот в чём. Наряду с позитивными достижениями в этой области, почему-то параллельно появляются и некоторые опасения. Последние продиктованы рядом соображений относительно рисков фундаментального характера, которые затрагивают Жизнь самого человека. Прежде всего, с точки зрения его бытийной сущности. Человека с точки зрения необходимости его адаптации к «новой реальности». Эту проблему важно эксплицировать. Её необходимо поставить в центр, сделав её предметом широкого общественного и экспертного обсуждения. Как бы там ни было, она должна становиться предметом глубокого научного анализа, объектом философской рефлексии. Самое время сделать это сейчас, ибо завтра, образно говоря, скорее всего, будет поздно. Технологии развиваются так быстро, что в какой-то момент ситуация может выйти из-под контроля.

Благодаря НТР и цифровым технологиям наш мир меняется. Складывается понимание того, что у нас на пороге абсолютно новая историческая эпоха в развитии человечества – без всякого преувеличения! Она может стать куда более циничной и деструктивной, и куда более агрессивной и разрушительной по сравнению с тем, что было до сих пор: как это ни парадоксально звучит! Это означает, что теперь, в эпоху цифровизации, современный человек вдруг оказывается на некой *новой траектории развития* – траектории движения в иную, неизвестную доселе, реальность. С большой долей вероятности, сейчас он движется ей навстречу и, вместе с тем, – навстречу новым непредвиденным испытаниям и колоссальным вызовам. В этой связи надо помнить: чтобы там ни было, нельзя допустить катастрофический сценарий (этакий «Апокалипсис»). В этом заключается главное условие – своеобразный универсальный императив для всех и для каждого, в первую очередь, для тех, кто сейчас работает над созданием сверхмощных систем ИИ.

По всей вероятности, кризис будет усиливаться! Будущее уже сейчас вызывает тревогу и беспокойство. В контексте изменчивости и всё возрастающей непредсказуемости современной эпохи, необходимо защитить самое главное – Человеческое в человеке, его человеческую природу; сохранять самое святое в нём – ценностную и нравственную основу человеческого бытия. Нельзя допустить его окончательной виртуализации, тотальной унификации и духовного обнищания.

В чём состоит главная угроза!? На чём нам следует сфокусироваться прежде всего остального!? Почему бесконтрольное развитие цифровых технологий при всех плюсах способно создавать большие риски для Жизни и сохранения человечества и человечности!? Не трудно догадаться, что, в своём стремлении ответить на поставленные вопросы, мы обратимся к интерпретации технологий ИИ (искусственного интеллекта). Поскольку это сейчас самая обоюдоострая тема! Буквально, за прошедшие два года, именно в этих технологиях наблюдается небывалый сдвиг: мощный импульс и поистине прорывная динамика. Что будет дальше, на горизонте десяти лет, трудно себе даже представить...

По словам израильского профессора Ю.Н. Харари, самое важное, что нужно знать об искусственном интеллекте, это то, что «он не просто ещё один инструмент, а *субъект*, он может учиться и меняться самостоятельно, а также самостоятельно принимать решения...». Второе, что нужно знать об ИИ, это то, что он может быть очень изобретателен. Ещё он может лгать и

обманывать, обладать волей к самосохранению... Таким образом, обладая специфической субъектностью, ИИ в будущем может превратиться в настоящего монстра!

ИИ уже сейчас обладает огромной интеллектуальной мощью. Мы говорим, что вот он способен «мыслить». Дескать, и в этом отношении он уже давно превосходит любого человека. Весьма «убедительный» тезис! Но этот взгляд – только «одна сторона медали». С другой стороны, закономерно возникает вопрос, что значит «мыслить»?! Думается, он остаётся окончательно неразрешенной проблемой и по сей день. Само понятие «мышление» не так очевидно, как это может показаться с первого взгляда. В одном из своих немногочисленных интервью М. Хайдеггер – выдающийся немецкий мыслитель XX века – говорит: «Мы мыслим ещё не в собственном смысле слова. Поэтому мы спрашиваем: что значит мыслить?». «Что зовётся мышлением?», – вопрошает Хайдеггер.

В этом краеугольный камень и некая исходная точка для понимания проблемы. Получается, современный человек, по Хайдеггеру, «не мыслит» в точном смысле этого слова, он лишь имитирует мышление. В этом и заключается *главный диссонанс* его «бытия в мире». В этом состоит главный диссонанс всей современной эпохи, указывающий на «господство планетарной техники», на поработённого ею человека. Кто кому теперь служит: технологии – человек или наоборот!? М. Хайдеггер: «Человек сегодня подвержен безумию своих произведений».

По мере развития современной цивилизации в текущем XXI столетии этот диссонанс многократно усиливается, порождая попутно весьма острые вопросы. Развитие ИИ с его так называемым «мышлением» приведёт лишь к усугублению этого положения. В конечном счёте, появятся предпосылки для настоящей экзистенциальной угрозы в адрес самого человечества. Не говоря уже о том, что обратное воздействие технологий ИИ на современного человека и его социальное пространство может привести к серьёзным судьбоносным последствиям. Это одинаково значимо как в отношении судеб отдельно взятых социальных субъектов (политических, экономических...), так и в отношении всего человечества целом. Особенно, если принять во внимание диспропорции и несбалансированность в развитии технологий ИИ среди ведущих развитых стран мира, а также известные амбиции господствующих в современном мире финансовых и политических элит!

Не шуточное дело – колоссальный объём инвестиций в этот проект! Очень большие деньги... В истории человечества пока ещё не было ничего подобного. Просто грандиозный проект, даже с точки зрения известных нам на сегодняшний день инвестиций и финансовых вложений! Какие ещё могут быть иллюзии на этот счёт!? Мы живём в мире непрерывной конкуренции, который весьма нестабилен. Кто будет в нём лидером в ближайшей перспективе!? Вопрос риторический, но далеко не такой тривиальный! В этой связи мы опять возвращаемся к одной из главных проблем сущности бытия современного человека. К вопросу о власти! Через эту призму «заметно» обнажается суть любых современных инноваций...

Список литературы

1. Беликова Е.К. Основные вопросы искусственного интеллекта / Е.К. Беликова // Философия и культура. – 2024. – №1. – С. 1–11. – URL: <https://clck.ru/3SJUfV> (дата обращения: 24.02.2026). DOI 10.7256/2454-0757.2024.1.69543. EDN PURYRC
2. Деннет Д. Онтологическая проблема сознания / Д. Деннет // Аналитическая философия: становление и развитие. – М., 1998. – С. 361–375.
3. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума / Х. Дрейфус; пер. с англ. Н. Родмана; под ред. Б.В. Бирюкова. – М.: Прогресс, 1978. – 334 с.
4. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге: сборник / М. Хайдеггер; под ред. А.Л. Доброхотова. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.

Окружко Виктор Вячеславович

канд. филос. наук, преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»

г. Красноярск, Красноярский край

СОЗНАНИЕ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ТЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: в статье речь идёт об актуализации темы человеческой идентичности в новую историческую эпоху. Интерес к этой проблеме вызван в последние годы очень быстрым развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ). По мнению автора статьи, осмысление данной проблемы предполагает более глубокую рецепцию человеческого сознания, которую не всегда берут за основу, сравнивая ИИ с работой человеческого мозга. В этой связи мы постоянно сталкиваемся с подменой понятий. Автор статьи находится в состоянии собственного поиска аутентичной философской интерпретации сущности сознания. Его позиция заключается в том, что только «такое сознание» человека способно сформировать подлинную субъектность и выступать в качестве основы для сохранения человеческой самоидентичности. Альтернативная точка зрения рассматривается им как пример редукционизма.

Ключевые слова: экзистенциальная угроза, технологическая революция, искусственный интеллект, человек, сознание, идентичность, целостность, экзистенция, внутренний опыт, рефлексия, творчество, мораль, субъектность, свобода, самость, редукционизм, культурно-историческая практика.

Разговор о человеческой идентичности – интересный сам по себе – обычно актуализируется там, где возникает ситуация нестандартная, кризисная – нечто напоминающее то, что мы обычно воспринимаем как «экзистенциальную угрозу». Что-то подобное назревает и в сегодняшней жизни современного человека. Актуальность данной темы не вызывает сомнения. Кроме того, сегодня она напрямую связана с невероятным развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ). Без всякого преувеличения можно сказать, что, начиная с 2020-х гг., уровень их развития знаменует собой нечто совершенно беспрецедентное, «технологический прорыв», абсолютно новую парадигму в развитии информационных систем, грядущую эпоху в истории всего человечества. По всей видимости, экзистенциальная угроза будет исходить от Будущего, которое должно вот-вот наступить в самой ближайшей перспективе...

В этом контексте следует обратить внимание на *антропологическое измерение* приближающихся перемен, вызванных «настоящей революцией» в сфере цифровых технологий, которые окажут вскоре на нашу жизнь решающее и бесповоротное воздействие... С другой стороны, не будем закрывать глаза на то, что технологии ИИ наверняка создадут для нас исподволь зону риска и неопределённости, и что в какой-то момент их бесконтрольное развитие может представлять серьёзную опасность. В этой связи сам собой напрашивается вопрос: в чём состоит сущность назревающих метаморфоз и неизбежных трансформаций!? Существует ли возможность предотвратить наихудший сценарий!?

Говорят, что, если в будущем появится *искусственный суперинтеллект* (ASI, Artificial Superintelligence), то он полностью превзойдёт человеческий разум... Гипотетически можно предположить, что это будет конец для человека и человеческой эволюции, так как ASI – новый суперинтеллект – будет продолжать совершенствоваться и развиваться самостоятельно «с непостижимой скоростью»: это одна из главных идей теории «технологической сингулярности».

Чтобы далее прояснить это «тревожное обстоятельство», обратимся к известной дихотомии: сознание – искусственный интеллект! В чём между ними принципиальная разница?

Давайте в этом вопросе разберёмся по порядку. Давайте спросим: «искусственный интеллект – это вообще сознание или просто комплекс сложных вычислительных операций!?».

Исходным пунктом для нас является *проблема сознания*... Оно – главный репрезентант человека как человека, фундаментальная предпосылка его индивидуального и социального бытия. В каком-то смысле оно есть носитель тайны Человека. Само собой разумеется, что в истории философии этой теме также уделялось и продолжает уделяться достаточно много внимания. Для нас эта тема имеет первостепенное значение в аспекте прояснения проблемы *сохранения человеком собственной самоидентичности, своей уникальной Самости как таковой*.

Первое, что необходимо сразу подчеркнуть в плане уникальной спецификации сознания – это его *целостность*. В каком-то смысле сознание «живёт» и функционирует как *целостный духовный континуум*. Именно так и надо его представлять в самом общем виде. В отличие от работы ИИ, каждая сложная операция которого состоит из бесконечного множества мельчайших математических дроблений («цифровизации»), целостное бытие сознания невозможно воспринимать как механическое соединение отдельно взятых микроскопических частей. И дело не только в том, что Целое всегда больше своих частей – известный всем «синергетический эффект»! Дело в том, что сознание – это нечто принципиально и качественно иное по сравнению с ИИ и его способностью быстро работать с информацией. Сознание представляет собой, по существу, некий универсальный духовный Синтез, имплицитно содержащий в себе различные компоненты. Работа с информацией для сознания не является чем-то первичным, а скорее всего, это – вторично.

Что включает в себя сознание? Что делает его самым главным атрибутом человеческого бытия? Что делает его именно тем, без чего в принципе невозможно помыслить себе Человека? Каковы главные условия возможности человеческого сознания? Правомерно ли утверждать, что ИИ имеет сознание?

Второе, о чём следует сказать в отношении характеристики сознания, это его естественное, хотя вместе с тем и вполне загадочное, *происхождение*. На это следует обратить особое внимание, сделав указание на то, что сознание не «падает с потолка», появляясь вдруг из ниоткуда. У него есть некая естественная первопричина, первоисточник, своё происхождение. Оно всегда из чего-то «происходит». Сознание имеет глубокий бытийный уровень, поэтому не трудно предположить, что на самом деле его исходным первоначалом является бытие человека в мире, его человеческая экзистенция. Поэтому на своём первом этаже, так сказать, оно функционирует как «индивидуальное Я», как экзистенция, как её имманентное порождение! В этом смысле его первоначальный духовный багаж – это *индивидуальный опыт – внутренний опыт* каждого отдельно взятого индивидуума. Причём уже здесь мы соприкасаемся с наисложнейшей структурой в работе сознания и его отдельных компонентов. Не особо вдаваясь в подробности, укажем лишь на некоторые из них.

Вначале скажем о *рефлексивной природе сознания*. Человеческому сознанию всегда присуща *рефлексия*, обращение на себя самое. Известна формула: «сознания не существует без самосознания». Оно всегда суть одновременно самосознание. Именно поэтому – благодаря самосознанию – каждый человек и обладает *собственной субъектностью*. Другими словами, сознание выступает и как осознание и поиск человеком себя, собственного Я, как обретение собственной Самости. Это особенно важно подчеркнуть в контексте анализа проблемы сохранения собственно человеческой *самоидентичности*. Ибо осознание человеком своей уникальной идентичности – такого пока нет ни у одного из существующих ИИ. Да и вряд ли появится в принципе.

Следующий важный компонент человеческого сознания – творчество! Это значит, что не мир дан сознанию, а сознание «задаёт» структуру мира, само конституирует его. Сознание суть творческий дух, если позволите. Он проистекает из его внутренней свободы, которая всегда рассматривается как одна из главных характеристик сознания. Свобода и творчество: эти понятия коррелятивны, и одно не существует без другого. В этом смысле работа человеческого

сознания в корне отличается от ИИ. ИИ – это «машина», в которую человек вложил свои программные разработки. Она работает в соответствии с заданными алгоритмами. Поэтому её «творчество» суть самообман, имитация, подмена понятий. В лучшем случае она может лишь продолжать делать то, что уже сделано человеком...

В этой связи укажем ещё на один важный момент для понимания специфики сознания. Оно включает в себя способность действовать абсолютно автономно, исходя из собственного Я. Любая информация, которая приходит извне, становится его собственным ресурсом и достоянием. Свою субъектность оно формирует само, исходя из собственной воли. Отсюда вытекает и то, что человеческое сознание – это всегда априори *морально-нравственное осознание*. Круг проблем, связанных с работой сознания, намного шире определения условий возможности познания и знания (гносеологический аспект). Моральный компонент, обусловленный свободой, всегда присутствует и является в точном смысле атрибутивной характеристикой человеческого сознания (чувство стыда, совесть, любовь, долг, осознание внутренней свободы, сострадание...).

ИИ не является в точном смысле этого слова сознанием. Он не обладает собственной субъектностью. Изначально вся его работа детерминирована извне. Как бы там ни было, но даже создание самого мощного ИИ, обладающего самыми лучшими показателями, вряд ли сделает его подлинным субъектом в человеческом смысле.

Удивительным является лишь то, что у нас по-прежнему преобладают биологизаторские и чисто материалистические трактовки, которые почему-то чаще всего воспринимаются как истинно научные объяснения сущности сознания. Они-то и создают многочисленные сенсационные поводы для отождествления ИИ и сознания. На этом фоне постоянно слышим о скором появлении сверхмощного супер-ИИ, который заменит полностью интеллект человека.

Если эксплицировать сознание как биологическую функцию мозга, то можно сразу закрывать эту тему. Но, как известно, данный аспект исследования – прерогатива науки (нейрофизиологии в том числе). Вместе с тем, для интерпретации человеческого сознания такой односторонний подход не является вполне аутентичным. В аспекте *понимания* сущности сознания он явно страдает *редукционизмом*, ибо сознание – это не работа мозга.

В гораздо большей степени его сущность проясняется в другой плоскости. Сознание не существует внутри человеческого мозга. Место его дислокации совсем иное. Сознание в большей степени связано с деятельностью человека, обусловленной его культурно-исторической практикой, предполагающей изначально содержание в ней духовного компонента. Другими словами, *на втором этаже*, так сказать, оно имеет общественно и культурно обусловленный характер, участвуя в формировании культурно-исторического и социального бытия человека.

Поэтому первое и самое главное, что нам нужно научиться делать, это правильно пользоваться языком понятий. Иначе мы запутываем самих себя, что впоследствии сыграет с нами, вполне возможно, злую шутку: «*дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно*».

Список литературы

1. Беликова Е.К. Основные вопросы искусственного интеллекта / Е.К. Беликова // Философия и культура. – 2024. – №1. – С. 1–11. – URL: <https://clck.ru/3SJUfV> (дата обращения: 24.02.2026). DOI 10.7256/2454-0757.2024.1.69543. EDN PURYRC
2. Деннет Д. Онтологическая проблема сознания / Д. Деннет // Аналитическая философия: становление и развитие. – М., 1998. – С. 361–375.
3. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума / Х. Дрейфус; пер. с англ. Н. Родмана; под ред. Б.В. Бирюкова. – М.: Прогресс, 1978. – 334 с.
4. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге: сборник / М. Хайдеггер; под ред. А.Л. Доброхотова. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.

Окружко Виктор Вячеславович
канд. филос. наук, преподаватель
Петерс Елизавета Сергеевна
студентка

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: авторы статьи представили свои опасения. Они вызваны усиливающимся влиянием цифровых технологий на изменение образа жизни и психическое здоровье современного человека. Особенно сильно эта проблема касается современной молодёжи – наиболее податливой и уязвимой части общества. По мнению авторов статьи, такое влияние в большинстве случаев имеет деструктивный характер, потому что оно способно привести человека к достаточно глубоким процессам трансформации его сознания и психики; к частым стрессам, депрессивным переживаниям; к одиночеству и чувству безысходности... В этом же контексте анализируются различные виды Интернет-зависимости – своего рода наркотика. В статье показано, что в наше время у молодых людей она нередко приобретает форму аддикции.

Ключевые слова: цифровизация, психика, интернет-зависимость, клиповое мышление, социальные сети, внимание, память, стресс, аддикция.

Мир современного человека трудно представить себе без Интернета, без гаджетов и социальных сетей... Цифровые технологии изменили многие аспекты нашей жизни. Это касается их влияния не только на экономику, на характер и структуру трудовой деятельности человека, но и на его привычки, на использование им своего свободного времени. Кроме того, в настоящее время особенно актуальной становится тема усиливающейся зависимости человека от информационных систем и «цифровых» инструментов. Это оказывает сильное воздействие на его образ мышления, на его подходы к решению многих разноплановых задач. И далеко не всегда удаётся предвидеть все последствия такого активного внедрения технологий в нашу жизнь.

Как известно, во всём мире учёные-интеллектуалы активно дискутируют по этой теме. Особенно она актуальна для обсуждения влияния цифровых технологий на нашу молодёжь, на детей и подростков, которые буквально «вырастают» со смартфоном в руке. Возникает вопрос, насколько такая зависимость является опасной для их психического состояния, для их духовного развития и нормальной социализации? Может ли в таком случае чрезмерное увлечение гаджетами, характерное для большинства представителей современного молодого поколения, быть оптимальным и полезным, способствовать грамотному «информационному» их развитию? Особенно, если посмотреть на этот вопрос с точки зрения проблемы раскрытия их неисчерпаемого человеческого потенциала!?

Имеющиеся данные научных исследований весьма противоречивы и не всегда релевантные. Одни из них говорят в пользу позитивного влияния технологий на человеческое бытие: само собой разумеется, они делают нашу жизнь гораздо лучше и комфортнее. Другие исследователи указывают на новые проблемы, которые из-за них появляются. Не претендуя на некое всеохватное исследование и на истину в последней инстанции, коснёмся лишь одной очень важной проблемы: как цифровизация трансформирует наши психические процессы. В этой связи нам бы хотелось попутно, в доступной форме, сформулировать практические советы по использованию цифровых технологий в нынешней ситуации, пусть даже на бытовом уровне.

Первое, на что следует обратить внимание: что происходит с памятью и мировосприятием человека в цифровую эпоху? Общая картина примерно понятна: кардинально изменяется культура интеллектуального труда. И, по всей видимости, не всегда в лучшую сторону. В большей степени наше мышление становится клиповым, фрагментарным. Страдает концентрация ума. Концентрация внимания падает, что сразу отражается на способности полностью фокусироваться на решении любой означенной проблемы. Весьма характерно, что у молодых людей именно по этой причине не развиваются должным образом элементарные навыки интеллектуальной деятельности. Из-за коротких видеороликов и постоянных уведомлений, к просмотру которых они «привязываются», внимание становится «прыгающим». Им становится сложно долго держать в поле зрения какой-то один, отдельно взятый, предмет, сосредоточиться на какой-либо одной теме. По этой же причине молодёжь в большинстве своём не приучена к чтению книг. Многие молодые люди в наше время пользуются привычкой воспринимать информацию короткими порциями. Они не способны выстраивать сложные логические цепочки и видеть картину в целом. Постоянное использование гаджетов и поглощение большого потока информации влияет на изменение работы мозга.

Раньше во время учёбы мы старались записывать и запоминать. Сейчас гораздо проще и быстрее нужную информацию найти в Google. Получается, что память больше не тренируется, а мозг запоминает не саму информацию, а только то место, где ее можно легче всего найти, что, в свою очередь, приводит к ослаблению долговременной памяти и деградации. Постоянные сообщения, всплывающие уведомления или оповещения не дают нам сосредоточиться. Мы привыкаем делать несколько дел одновременно, при этом значительно снижается качество выполнения каждой задачи. У некоторых возникает синдром дефицита внимания. С другой стороны, для активной работы мыслительных процессов, надо постоянно тренировать память и внимание.

Одним из главных последствий цифровизации является изменение способа нашего мышления. Формируется «клиповое сознание». Оно не работает системно и последовательно. Его специфика в том, что оно как бы скользит по поверхности, не проникая в суть вещей, не схватывая и не различая, что есть главное, а что является второстепенным. Такое сознание растрчивает свой творческий потенциал вхолостую.

Второе. Что касается *сферы общения* и борьбы со стрессом. Каждый человек в той или иной степени нуждается в психологической поддержке. Особенно это важно для молодёжи. Раньше мы активно обращались за помощью к своим друзьям и родителям, что было вполне естественно. Сейчас первым делом заходим в соцсети. Чисто теоретически Интернет помогает расширить круг людей, которые могут нас поддержать виртуально. С ними легко можно поделиться новостями, получить множество комментариев... Но не всё так однозначно. Исследования современных психологов и социологов показывают, что некоторые подростки, имея сотни «друзей» в режиме онлайн, чувствуют себя, вместе с тем, фатально *одинокими*.

Было бы весьма наивным искать в Интернет-сетях психологическую поддержку. Кроме того, вместо неё в Интернете на форумах и в комментариях часто можно встретить критику, отсутствие элементарной воспитанности. Яркий тому пример – кибербуллинг, травля в сети. Многие подростки в России сталкиваются с этой проблемой. Поэтому борьба с перманентным стрессом в современном мире может действительно стать самой насущной проблемой.

Далее. В цифровую эпоху у человека формируется *зависимость*, которая вскоре приобретает форму аддикции (пагубной зависимости). Она выступает в виде желания уйти от реальной жизни в некий искусственный иллюзорный мир, в то время как проблемы в реальной жизни остаются нерешёнными. Серьезнейшую опасность представляет Интернет-зависимость. В этом случае виртуальный мир (игры, соцсети, видео) для человека становится важнее всего остального. Постепенно стирается грань между реальностью и вымыслом. Человек

быстро теряет контроль над временем, становится раздражительным, игнорирует живое общение. Не говоря уже о потере здоровья, которое подтачивается день ото дня.

Интернет-зависимость (запрещённые сайты, интернет-игры, виртуальные вселенные и миры...) может навредить не только самому реципиенту, но и окружающим его людям. Особенно, если эта «зависимость» связана с Интернет-играми. Иногда человек, получив во время игры «высокий адреналин», с воспалённым и больным воображением, перестаёт осознавать происходящее, он может пойти даже на преступление, на любые аморальные действия. Ведь он думает, что всё ещё «находится в игре».

Отдельно следует затронуть тему психического здоровья молодёжи. Исследования во всём мире фиксируют тревожную тенденцию: с 2010-х годов у подростков резко вырос уровень депрессии, тревоги и суицидальных мыслей. Многие учёные связывают это с массовым распространением смартфонов. К числу основных угроз можно отнести следующие.

Первое, что весьма характерно для молодых людей – это распространённая привычка, или склонность, постоянно сравнивать себя с другими. В Интернете такое, главным образом, происходит в соцсетях: публикация фотографий, отражающих «глянцевую» картинку жизни (*Dolce vita*): путешествия, дорогая недвижимость, авто, успешная карьера, бравада... Когда ожидания и реальность не совпадают, это ведёт к внутренним психологическим диссонансам, низкой самооценки, к обострению чувства неполноценности и зависти. Плюс к этому, как уже было сказано, суррогатное общение в соцсетях усугубляет чувство одиночества, состояние депрессии...

Виртуальная реальность суть своего рода *наркотик*. Механизм его действия известен – уход от реальности. Это не что иное, как ложная борьба со стрессом. Молодые люди в наше время оказываются под постоянным информационным давлением, что приводит не только к хронической усталости, но и к повторно отражённому стрессу. Наряду с этим, используется термин: «цифровое выгорание». Однако суть проблемы от этого не меняется.

В заключение обещанные нами практические советы! Ограничимся лишь самыми простыми.

1. Регулярные перерывы. Контроль экранного времени.
2. Час тишины. 2 часа в день без гаджетов.
3. Перед сном убрать телефон. За 2 часа до сна никаких гаджетов: синий свет мешает выработке мелатонина – гормона сна.
4. Помнить, что соцсети – не реальная жизнь, а просто красивая картинка.
6. Контролировать время, которое мы тратим на эти гаджеты. Ибо время – наш самый главный жизненный ресурс.
7. Находить время для хобби, физкультуры и спорта, встреч с друзьями в реальности. Для ежедневных прогулок и творчества. И т. д.

Список литературы

1. Белинская Е.П. Совладание с трудностями в эпоху новых информационных технологий: возможности и ограничения / Е.П. Белинская // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7. № 38. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.02.2026). EDN TLPMRF
2. Джура Г.С. Особенности влияния цифровизации на психику личности молодого человека / Г.С. Джура, В.Я. Иванченко // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2024. – Вып. 4. – С. 543–555. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vliyaniya-tsifrovizatsii-na-psihiku-lichnosti-molodogo-cheloveka> (дата обращения: 24.02.2026). DOI 10.17072/2078-7898/2024-4-543-555. EDN ZKHRPN
3. Меликова Н.Д. Влияние интернета на психику детей / Н.Д. Меликова // Universum: Психология и образование. – 2015. – №11–12 (20). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-interneta-na-psihiku-detey> (дата обращения: 24.02.2026).
4. Лысок И.В. Влияние информационно-коммуникационных технологий на особенности когнитивных процессов / И.В. Лысок, Д.П. Белов // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2013. – №5 (142). – С. 256–264. EDN QVKNHZA

Олейник Ольга Викторовна
Магистрант

Научный руководитель
Лильбок Светлана Валерьевна
канд. пед. наук, доцент

Уральский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Челябинск, Челябинская область

ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КОМФОРТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: в статье рассматривается практика применения цифровых технологий в целях формирования комфортной городской среды на примере Челябинской области. Анализируются теоретические подходы к цифровизации городского пространства, нормативно-правовая база, а также конкретные реализованные проекты. Особое внимание уделяется системе «умного города», показателям благоустройства и перспективам внедрения искусственного интеллекта в сферу городского хозяйства. Делается вывод о том, что цифровая трансформация муниципального управления выступает не самоцелью, а инструментом повышения качества жизни населения.

Ключевые слова: цифровые технологии, комфортная городская среда, умный город, цифровизация, Челябинская область, искусственный интеллект, благоустройство, городское хозяйство.

Формирование комфортной городской среды занимает одно из центральных мест в системе национальных приоритетов Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309 комфортная и безопасная среда для жизни закреплена в числе ключевых национальных целей развития страны на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [1].

Переход к модели «умного города» актуален не только для крупнейших агломераций страны, но и для региональных центров, располагающих значительным промышленным, демографическим и технологическим потенциалом. Челябинская область в этом контексте представляет особый интерес: регион последовательно реализует стратегию цифровой трансформации муниципального управления, накапливая опыт, который может быть тиражирован на федеральном уровне.

Актуальность темы обусловлена тем, что, несмотря на значительный объём теоретических разработок в данной сфере, практическая составляющая – особенно на уровне региональных кейсов – остаётся недостаточно систематизированной. Изучение опыта Челябинской области позволяет выявить как успешные управленческие решения, так и существующие проблемные точки, требующие дальнейшей проработки.

В основу исследования положен комплексный подход, сочетающий методы теоретического анализа и эмпирического изучения практики. На теоретическом уровне применялись методы систематизации и обобщения научной литературы по вопросам цифровизации городской среды, анализа нормативно-правовой базы, а также сравнительного исследования региональных моделей цифрового управления.

На эмпирическом уровне использовался метод анализа первичных источников: материалов органов государственной власти и местного самоуправления Челябинской области, открытых

данных о реализуемых проектах, отчётных и аналитических материалов. Привлекались данные о ходе реализации федерального проекта «Формирование комфортной городской среды», итогах всероссийского конкурса «ПРОФ-ИТ», а также результаты деятельности профильных рабочих групп представительных органов власти.

Информационную базу исследования составили нормативные правовые акты, труды отечественных исследователей, а также официальные публикации региональных органов власти и информационных ресурсов. Применение совокупности перечисленных методов позволило обеспечить достоверность и обоснованность полученных результатов.

Понятие комфортной городской среды охватывает широкий спектр характеристик – от качества физической инфраструктуры до уровня цифровой доступности публичных сервисов. В научном дискурсе последних лет прослеживается устойчивая тенденция к рассмотрению цифровых технологий как одного из системообразующих факторов городского развития. Исследователи отмечают, что цифровые системы позволяют перейти от реактивного к проактивному управлению городским хозяйством – от устранения уже возникших проблем к их предупреждению на основе анализа данных [8].

Глебова И.С., совместно с соавторами констатирует, что цифровые технологии способны качественно изменить характер взаимодействия между муниципальными органами власти и жителями городов, обеспечивая большую прозрачность, оперативность и вовлечённость граждан в процесс принятия решений [9]. Дроздова А.А., акцентирует внимание на том, что информационно-цифровые решения в развитии городской среды должны рассматриваться не как технологическое дополнение к традиционным инструментам, а как самостоятельное направление муниципальной политики [10].

Концепция «умного города» предполагает создание единой цифровой экосистемы, в которой данные становятся ключевым ресурсом для принятия управленческих решений. При этом Станкова А.В., справедливо указывает, что эффективность цифровизации городской среды во многом определяется степенью адаптации применяемых решений к специфике конкретной территории: универсальные подходы нередко требуют существенной доработки применительно к региональным условиям. Жданова А.Э., в свою очередь подчёркивает, что для крупных российских городов формирование комфортной среды выступает важнейшим фактором удержания населения и привлечения человеческого капитала [11].

Необходимо разграничивать цифровизацию как процесс и комфортную городскую среду как результат. Технологии сами по себе не создают комфорта – они лишь обеспечивают инструментарий для принятия более точных, обоснованных и своевременных решений. Именно поэтому принципиально важно, чтобы внедрение цифровых систем сопровождалось пересмотром управленческих процессов и вовлечением жителей в формирование запроса на городские преобразования.

Правовую основу цифровой трансформации городской среды образует, в частности, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», определяющий базовые принципы работы с данными в публичном секторе [3]. На муниципальном уровне вопросы организации городской среды регулируются Федеральным законом об общих принципах организации местного самоуправления [2], который закрепляет за органами местного самоуправления полномочия в области благоустройства территорий.

Челябинская область занимает одну из лидирующих позиций среди российских регионов по темпам и масштабам цифровой трансформации городского хозяйства. Это подтверждается признанием четырёх региональных проектов на Всероссийском конкурсе «ПРОФ-ИТ» [13] – результат, свидетельствующий о системности, а не точечности предпринимаемых усилий.

Флагманским проектом цифровой трансформации транспортной инфраструктуры стала разработка «Умный трамвай. Мониторинг рельсового полотна», занявшая первое место в номинации «Управление транспортом и дорожным хозяйством». Трамвайные вагоны,

оснащённые системой компьютерного зрения, в автоматическом режиме отслеживают состояние путей, фиксируют препятствия и при необходимости инициируют принудительную остановку. За период тестирования системы зафиксировано около 380 тревожных событий, предотвращено более пяти случаев столкновения вагонов и один случай нанесения тяжких телесных повреждений пешеходу [13]. Данный опыт наглядно иллюстрирует, как цифровизация городского транспорта напрямую конвертируется в сохранение человеческих жизней.

Не менее значимым направлением стало применение геоинформационных технологий для определения зон запрета торговли алкоголем – проект занял первое место в номинации «Экономика данных». Методология учитывает исключительно те входы и выходы зданий, которые предназначены для посетителей, что исключает субъективные трактовки и обеспечивает прозрачность контрольной деятельности. Показательно, что регион выбрал путь не ужесточения ограничений, а повышения точности исполнения уже действующих норм – это принципиально иная управленческая логика.

Параллельно функционирует система видеоаналитики «Дозор М3» и реализован ряд других цифровых решений в сфере управления дорожно-транспортной инфраструктурой [6]. В феврале 2026 года на площадке регионального форума «Есть результат» состоялось обсуждение перспектив дальнейшего внедрения искусственного интеллекта в городское хозяйство, участники которого выработали конкретные системные предложения на период до 2031 года [6].

Далее в таблице 1 представлены сводные данные о ключевых цифровых проектах Челябинской области в сфере городской среды.

Таблица 1

Ключевые цифровые проекты Челябинской области в сфере городского хозяйства

Проект	Сфера применения	Результат / достижение
Умный трамвай. Мониторинг рельсового полотна	Городской транспорт	~380 тревожных событий, предотвращено 5+ столкновений
Система видеоаналитики «Дозор М3»	Дорожно-транспортная инфраструктура	Мониторинг дорожной обстановки в режиме реального времени
Пространственный анализ зон запрета торговли алкоголем	Контрольная деятельность	1-е место «ПРОФ-ИТ», повышение прозрачности контроля
Речевая аналитика системы «112»	Экстренные службы	Ускорение обработки вызовов, приоритизация помощи
Роботизированный аккаунт оповещения архивных учреждений	Защита историко-культурного наследия	1-е место «ПРОФ-ИТ» в номинации «Решение чрезвычайных ситуаций»

Источник: составлено автором по данным [13].

Представленные в таблице 1 данные позволяют констатировать, что цифровые инициативы Челябинской области не ограничиваются одной сферой – они охватывают транспорт, общественный порядок, экстренное реагирование и сохранение культурного наследия. Подобная отраслевая диверсификация свидетельствует о стратегическом, а не ситуативном характере цифровой повестки региона. При этом каждый из проектов решает конкретную прикладную задачу, поддающуюся измерению, – что само по себе является признаком зрелости управленческого подхода.

Важной составляющей формирования комфортной городской среды остаётся физическое благоустройство территорий, реализуемое в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды», действующего в регионе с 2017 года. В 2025 году в перечень объектов вошло 150 общественных пространств, на реализацию которых направлено

961,5 млн рублей. Семь проектов стали победителями всероссийского конкурса, ещё 133 общественные территории по итогам народного голосования включены в планы на следующий год [7].

Принципиально важно, что выбор объектов благоустройства осуществляется самими жителями – голосование за конкретные скверы, пешеходные зоны, детские и спортивные площадки запускается ежегодно весной. Этот механизм соучастного планирования не только повышает релевантность реализуемых проектов, но и формирует у горожан устойчивое ощущение причастности к преобразованиям собственного города. Вовлечённость населения – один из недооценённых, но критически важных факторов долгосрочной эффективности городских программ.

Вместе с тем существуют значимые проблемные зоны. В феврале 2026 года Челябинская городская Дума провела специальное рабочее совещание, посвящённое развитию инфраструктуры территорий индивидуальной жилой застройки [5]. Участники зафиксировали типичные для таких территорий дефициты: неудовлетворительное состояние дорожного покрытия, отсутствие или ненадлежащее состояние наружного освещения, нехватка ливневой канализации и тротуаров, неразвитость централизованных систем водоснабжения и водоотведения. Как подчеркнул вице-спикер Думы Кирилл Матвеев, жители частных домов имеют равное право на получение всего спектра городских услуг. Это принципиальная позиция, поскольку исторически цифровая трансформация городской среды ориентировалась прежде всего на многоэтажные кварталы, оставляя малоэтажную застройку на периферии преобразований.

Показатели реализации программы комфортной городской среды в Челябинской области в 2025 году представлены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели реализации программы комфортной городской среды в Челябинской области в 2025 году

Показатель	Значение
Объём финансирования	961,5 млн руб.
Количество объектов благоустройства	150
Проекты-победители всероссийского конкурса	7
Территорий, выбранных по итогам голосования на 2026 год	133
Объектов конкурса, реализованных в 2025 году	4

Источник: составлено автором по данным [7].

Анализ таблицы 2 демонстрирует значительный масштаб программы: 150 преображённых пространств за один год – цифра, сопоставимая с показателями крупнейших российских агломераций. Особого внимания заслуживает конкурсный компонент: семь победителей Всероссийского конкурса лучших проектов создания комфортной городской среды из одного региона – свидетельство высокого проектного потенциала муниципальных команд. Вместе с тем соотношение между числом запланированных объектов (150) и числом реализованных конкурсных проектов (4) указывает на определённый дисбаланс: механизм конкурсного отбора охватывает лишь незначительную часть общей программы, остальные объекты реализуются в рабочем режиме без аналогичной концентрации внимания и ресурсов.

Экологическое измерение городской среды также получает поддержку через цифровые инструменты: в регионе функционируют системы мониторинга контейнерных площадок и контроля уровня атмосферных выбросов, реализуются инфраструктурные экопроекты – очистка водоёмов, рекультивация свалок [6]. Символичным примером стал Челябинский полигон, на месте которого сегодня культивируются растения для городского озеленения, – переход от

одного из наиболее острых экологических проблемных объектов к элементу зелёной инфраструктуры.

Опыт Челябинской области убедительно подтверждает, что цифровая трансформация городской среды способна приносить измеримые, практически значимые результаты при условии системного подхода к её организации. Регион демонстрирует редкое сочетание технологических амбиций и управленческого прагматизма: каждый реализованный проект ориентирован на решение конкретной проблемы и допускает объективную оценку эффективности.

Вместе с тем исследование выявляет ряд задач, решение которых остаётся актуальным. Во-первых, цифровые преобразования пока неравномерно охватывают городское пространство – территории малоэтажной застройки существенно отстают от многоэтажных кварталов как по уровню инфраструктурного оснащения, так и по степени интеграции в цифровые городские сервисы. Во-вторых, механизмы вовлечения граждан, хорошо зарекомендовавшие себя в сфере благоустройства, целесообразно распространить и на область цифрового планирования – формируя не только физическую, но и информационную среду в соответствии с реальными потребностями населения.

Перспективы развития связаны с последовательным расширением сферы применения искусственного интеллекта в управлении городским хозяйством, о чём свидетельствуют содержательные дискуссии, развернувшиеся в регионе в начале 2026 года. Принципиально важно, чтобы этот процесс сопровождался соответствующим нормативным и организационным обеспечением, поскольку правовой каркас регулирования информационных технологий в публичном секторе продолжает активно обновляться.

В конечном счёте ценность любой технологической инновации в сфере городского управления измеряется не числом внедрённых систем, а тем, насколько конкретному горожанину стало лучше жить в своём городе. Именно этот критерий должен оставаться главным ориентиром при формировании региональных стратегий цифровой трансформации.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – №20. – Ст. 2584.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 №131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (действует до 01.01.2027) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – №40. – Ст. 3822.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №31 (ч. 1). – Ст. 3448.
4. Александров С.А. Цифровизация и комфортные города будущего / С.А. Александров, А.В. Петрова // Современные и информационные технологии в социальной сфере: сборник научных трудов (Чебоксары, 25 апреля 2025 года). – В 2 т. – Чебоксары: Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), 2025. – С. 12–16. – EDN CQOFCT.
5. В Думе Челябинска обсудили развитие инфраструктуры частного сектора. – URL: <https://chelduma.ru/press/news/v-dume-chelyabinska-obsudili-razvitie-infrastruktury-chastnogo-sektora/> (дата обращения: 23.02.2026).
6. В Челябинске обсудили перспективы внедрения ИИ в сферу городского хозяйства. – URL: <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/v-chelyabinske-obsudili-perspektivy-vnedreniya-ii-v-sferu-gorodskogo-khozyaystva/> (дата обращения: 23.02.2026).
7. В этом году в Челябинской области обновили полторы сотни общественных пространств. – URL: <https://74.ru/text/gorod/2025/11/18/76126399/> (дата обращения: 23.02.2026).
8. Глебова И.С. Формирование комфортной городской среды на основе цифровых систем / И.С. Глебова. – Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2023. – С. 167–175. – EDN NOGTMT.
9. Глебова И.С. Формирование комфортной городской среды российского города-миллионника на основе цифровых технологий / И.С. Глебова. – Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2023. – С. 179–185. – EDN WKEQKN.

10. Дроздова А.А. Использование информационно-цифровых технологий в развитии городской среды / А.А. Дроздова. – М.: Государственный университет управления, 2024. – С. 57–59. – EDN OLFYAJ.

11. Жданова А.Э. Развитие крупных городов Российской Федерации через призму формирования комфортной городской среды / А.Э. Жданова. – СПб.: Сциентиа, 2023. – С. 249–252. – EDN YGJVXI.

12. Станкова А.В. Рекомендации по совершенствованию комфортной городской среды в контексте цифровизации общественных отношений / А.В. Станкова // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2023. – №3. – С. 111–116. – DOI 10.24412/1994-3776-2023-3-111-116. – EDN NDRAXA.

13. Челябинская область: цифровая трансформация и «умный город». – URL: <https://regcomment.ru/analytics/chelyabinskaya-oblast-tsifrovaya-transformatsiya-i-umnyj-gorod/> (дата обращения: 23.02.2026).

Полтавец Оксана Александровна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА: ДРАЙВЕР ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТРАСЛЕЙ

Аннотация: в статье рассматривается процесс трансформации производственной сферы под воздействием цифровых технологий. Основное внимание уделяется четырем ключевым направлениям влияния цифровизации на промышленность: автоматизации и роботизации, внедрению интернета вещей и аналитики данных, изменению структуры занятости и проникновению новых технологий в традиционные сектора (сельское хозяйство, энергетику, машиностроение). В заключении делается вывод о необходимости системной государственной поддержки инноваций и инвестиций в инфраструктуру как главных условий для сокращения технологического разрыва и повышения конкурентоспособности отечественной экономики.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая экономика, робототехника, интернет-торговля, технологический стартап, кибербезопасность.

В середине 2017 года правительство России утвердило стратегический документ, посвященный развитию цифровых технологий в стране, который был рассчитан на период до 2025 года. В первоначальной версии этого документа давалось четкое описание того, что следует понимать под цифровой экономикой. Согласно тому определению, это такой тип хозяйственной деятельности, где главную роль играет информация в цифровом формате. Предполагалось, что обработка больших массивов данных и применение результатов этого анализа способны значительно улучшить эффективность производства, работу оборудования, процессы хранения и доставки товаров по сравнению с традиционными подходами.

Позже статус этой программы изменился, и было принято обновленное положение – паспорт национального проекта «Цифровая экономика». В новой редакции документа официальное определение термина уже не приводится, однако это не меняет сути происходящих процессов.

На сегодняшний день под цифровой экономикой чаще всего понимают ведение хозяйства с использованием современных цифровых методов и инструментов. Речь идет обо всех этапах – от создания продукта до его сбыта. Видно, что технологии активно проникают во все сферы жизни, меняя устоявшиеся бизнес-модели. Россия сейчас как раз находится в стадии активного перехода: запускаются проекты по цифровизации госуслуг, развивается интернет-

торговля, улучшается инфраструктура, а население постепенно осваивает цифровую грамотность [3].

Если говорить о том, как именно цифровизация влияет на устройство производства, можно выделить несколько ключевых моментов.

Первое и самое заметное направление – это автоматизация. На заводах и фабриках сейчас активно внедряют роботов, интеллектуальные станки и автоматические линии. Это дает конкретные результаты: производительность труда растет, издержки снижаются, а продукция выпускается быстрее. Особенно заметны такие изменения в энергетике. Там, например, появляются интеллектуальные сети, которые называют «smart grid». Благодаря новым технологиям компании могут точнее управлять ресурсами, избегать лишних потерь электроэнергии и материалов. По оценкам специалистов, внедрение таких систем позволяет снижать потери в сетях на 15–20%, а это огромные цифры в масштабах страны.

Международная федерация робототехники приводит такую статистику: в 2023 году в мире работало около 3,9 миллиона промышленных роботов, и этот показатель ежегодно растет примерно на 10–12%. Россия пока отстает по плотности роботизации: на 10 тысяч работников у нас приходится всего около 10–12 роботов, тогда как в Южной Корее этот показатель перевалил за тысячу, а в Китае приближается к 400.

Второе важное направление – это появление совершенно новых способов организации производства. Речь про интернет вещей (IoT), большие данные (Big Data) и облачные вычисления. Эти технологии открывают огромные возможности. Например, компании могут отслеживать потребительский спрос почти в реальном времени и быстро подстраиваться под изменения рынка. Логистические цепочки становятся прозрачнее и эффективнее. Можно создавать персонализированные продукты под конкретного заказчика, что раньше было технически сложно и дорого.

По данным разных исследований, мировой рынок интернета вещей в 2024 году оценивался примерно в 1,3 триллиона долларов. Причем промышленный сегмент (так называемый Industrial IoT) занимает почти треть этого объема. В России тоже есть положительные сдвиги: количество подключенных устройств в промышленности выросло за последние три года примерно на 35–40%. Правда, в основном это крупные предприятия нефтегазового сектора и металлургии, малый и средний бизнес пока только присматривается к этим технологиям.

Третье направление касается людей, а точнее – рабочих мест. Цифровая экономика серьезно перекраивает рынок труда. Одни профессии постепенно уходят в прошлое, потому что их заменяют машины. Зато появляется огромный спрос на новые специальности. Сейчас очень нужны ИТ-специалисты, люди, умеющие работать с данными, разбирающиеся в кибербезопасности, проектировщики инновационных систем.

Минтруд России приводит такие цифры: за последние пять лет потребность в специалистах по информационной безопасности выросла почти в три раза, а в аналитиках данных – более чем в два раза. При этом спрос на операторов колл-центров, кассиров и некоторых офисных работников постепенно снижается. По прогнозам экспертов, к 2030 году около 20–25% рабочих мест в мире так или иначе изменятся под влиянием автоматизации, а примерно 5–7% профессий могут исчезнуть совсем.

Четвертое направление, пожалуй, самое интересное. Цифровые технологии глубоко проникают даже в те отрасли, которые кажутся консервативными. Возьмем сельское хозяйство. Сейчас активно развивается так называемое «умное земледелие». Фермеры используют дроны для мониторинга полей, специальные датчики следят за влажностью почвы и состоянием растений, системы спутниковой навигации помогают точнее вносить удобрения. По оценкам экспертов, применение таких технологий позволяет повысить урожайность на 15–20% и сократить расход воды и химикатов на 20–30%.

В промышленности набирают популярность аддитивные технологии, проще говоря – 3D-печать. Раньше это казалось экзотикой, а сейчас напечатанные детали используют даже в авиастроении и медицине. Мировой рынок 3D-печати в 2024 году достиг примерно 25 миллиардов долларов, и к 2030 году прогнозируют его рост до 60–70 миллиардов. В России объем рынка пока скромнее – около 10–12 миллиардов рублей, но и здесь наблюдается рост на 20–25% ежегодно [1].

Несмотря на то, что Россия входит в число европейских лидеров по количеству интернет-пользователей, по уровню реального проникновения цифровых технологий в экономику мы пока уступаем передовым странам. Сегодня вклад цифрового сектора в ВВП России оценивается примерно в 3,9%. Для сравнения: в странах-лидерах этот показатель выше в два-три раза. Хотя разрыв остается существенным, заметны и позитивные сдвиги [2].

По данным исследований Всемирного банка за первую половину 2025 года, в государствах Северной Америки и Западной Европы доля цифровой экономики приближается к 30%. В то же время в развивающихся странах Азии и Африки этот показатель колеблется в районе 8–10%. Россия, понимая важность технологического рывка, продолжает реализацию национальных программ, нацеленных на ускорение цифровизации.

Если оценивать общий уровень развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), то в 2024 году наша страна заняла 91-ю позицию в мировом рейтинге. Интересно, что по этому показателю мы обогнали такие страны, как Франция, Канада и Германия, однако уступаем Японии, Великобритании, США и некоторым другим государствам, включая Бахрейн и Гонконг [4].

Для российского бизнес-сообщества переход на цифровые рельсы открывает хорошие перспективы. Чтобы реализовать этот потенциал, нужны вложения в современную инфраструктуру, подготовку кадров и создание комфортной среды для технологических стартапов. Только так отечественные компании смогут нарастить производительность и успешно конкурировать на глобальном рынке высокотехнологичной продукции.

В целом очевидно, что движение в сторону цифровой экономики – это не временный тренд, а объективная реальность, которая определяет завтрашний день всего мира. Чтобы Россия не осталась на обочине этого процесса, необходима продуманная политика государства, нацеленная на поддержку инноваций и стимулирование частных инвестиций в новые разработки.

Список литературы

1. Бабкина А.В. Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / А.В. Бабкина. – СПб.: Политех-Пресс, 2023. – 710 с.
2. Зубов В.М. Цифровая экономика: вызовы и возможности для современного государства / В.М. Зубов. – М.: Проспект, 2022. – 192 с.
3. Иванова С.П. Изменения в цифровой экономике и ее влияние на общество / С.П. Иванова, А.И. Мясоедов // Экономика. Социология. Право. – 2023. – №1 (29). – С. 14–23. DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-01-14-23. EDN XKIIMV
4. Цифровая экономика: 2025: краткий статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 124 с. – ISBN 978-5-7598-3011-5.

Потанина Анна Денисовна
студентка

Шапкина Ксения Руслановна
студентка

Научный руководитель
Александрова Жанна Павловна
канд. социол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
технологический университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

РОЛЬ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые аспекты функционирования и развития агропромышленного комплекса (АПК) Российской Федерации в контексте поддержания стабильности и обеспечения экономической безопасности государства. Актуальность исследования обусловлена тем, что агропромышленный комплекс является одной из базовых отраслей национальной экономики, от состояния и эффективности которой во многом зависят продовольственная независимость страны, устойчивость регионов и качество жизни населения.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, экономическая безопасность, продовольственная безопасность, государственная поддержка, цифровизация, инновации, устойчивое развитие, экспортный потенциал, модернизация АПК.

Агропромышленный комплекс Российской Федерации является неотъемлемой частью национальной экономики и выполняет важнейшие стратегические функции в обеспечении продовольственной и экономической безопасности государства. Его развитие напрямую связано с устойчивостью всей социально-экономической системы, качеством жизни населения и положением России на международной арене. Современная экономика РФ развивается в условиях постоянных изменений мировой конъюнктуры, глобальных вызовов и необходимости обеспечения устойчивого роста на основе собственных ресурсов. Одной из важнейших сфер, определяющих экономическую стабильность и национальную безопасность, является агропромышленный комплекс (далее – АПК). Аграрный сектор обеспечивает продовольственную независимость государства, способствует сохранению сельских территорий и поддерживает социально-экономическое равновесие между регионами. АПК представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую сельскохозяйственное производство, переработку сырья, транспортировку, хранение и реализацию готовой продукции. Развитие АПК напрямую связано с обеспечением населения качественными продуктами, а также с формированием экспортного потенциала страны. В современных реалиях, когда внешнеэкономическая ситуация характеризуется санкционным давлением и ограничением доступа к зарубежным рынкам и технологиям, роль отечественного аграрного сектора становится стратегически значимой.

Необходимость повышения эффективности агропромышленного комплекса обусловлена не только экономическими, но и социальными факторами. АПК является основой жизнеобеспечения сельских территорий, формирует занятость, способствует развитию инфраструктуры и повышению уровня жизни населения. Таким образом, от состояния и перспектив развития аграрного сектора зависит качество жизни миллионов граждан, особенно в регионах с преимущественно сельским населением.

В последние годы в России наблюдаются положительные тенденции в развитии АПК, что связано с реализацией государственных программ поддержки сельского хозяйства, мерами по стимулированию импортозамещения, а также внедрением инновационных и цифровых технологий. Однако, несмотря на достигнутые успехи, в отрасли сохраняются проблемы, связанные с модернизацией производственных мощностей, нехваткой квалифицированных кадров, низкой инвестиционной привлекательностью и неравномерностью регионального развития.

АПК выполняет не только производственную, но и социальную функцию, формируя основу жизнеобеспечения населения и поддерживая социальную стабильность в сельской местности. В современных условиях он играет роль важного звена в системе национальной экономической безопасности, поскольку именно продовольственная независимость страны является залогом её политической и экономической устойчивости.

Экономическое значение агропромышленного комплекса проявляется, прежде всего, в его вкладе в валовой внутренний продукт (далее – ВВП). По данным Федеральной службы государственной статистики, доля АПК в ВВП России колеблется в пределах 5–6%, однако его мультипликативный эффект значительно выше. Развитие сельского хозяйства стимулирует рост смежных отраслей – машиностроения, энергетики, транспорта, химической промышленности и торговли. Таким образом, АПК выступает в роли драйвера экономического роста, способствующего повышению общей производительности национальной экономики.

Особое место агропромышленный комплекс занимает в обеспечении региональной сбалансированности развития. Для многих субъектов Российской Федерации сельское хозяйство является основной отраслью, определяющей уровень занятости, доходов населения и развития инфраструктуры. Поддержание и развитие сельских территорий позволяет не только снизить миграционный отток в города, но и способствует сохранению культурных традиций, исторического уклада и демографического потенциала регионов.

Следует отметить и экспортную составляющую деятельности агропромышленного комплекса. Россия входит в число крупнейших мировых экспортёров зерна, подсолнечного масла и ряда других продуктов сельского хозяйства. Расширение экспортных возможностей не только приносит значительные валютные поступления в бюджет, но и укрепляет имидж России как надёжного партнёра на мировом продовольственном рынке. При этом внутренняя переработка сельхозсырья позволяет создавать продукцию с высокой добавленной стоимостью, что способствует росту доходности отрасли и повышению конкурентоспособности отечественных производителей.

Немаловажным аспектом является и социальная значимость АПК. Его развитие обеспечивает занятость миллионов граждан, создаёт новые рабочие места, способствует развитию социальной и транспортной инфраструктуры, а также улучшению качества жизни на селе. Таким образом, агропромышленный комплекс выполняет не только экономическую, но и гуманитарную функцию, влияя на общую социальную стабильность и благополучие общества.

Государственная поддержка агропромышленного комплекса занимает особое место в системе социально-экономической политики Российской Федерации. Государство выступает в качестве не только регулятора, но и активного участника аграрных процессов, направляя значительные ресурсы на стимулирование производства, внедрение инноваций и обеспечение устойчивого функционирования отрасли.

Эффективная государственная политика в сфере сельского хозяйства способствует повышению конкурентоспособности отечественных производителей и укреплению продовольственной независимости страны.

Основными инструментами государственной поддержки являются прямое субсидирование сельхозпроизводителей, предоставление льготных кредитов, налоговые преференции, компенсация затрат на приобретение техники и удобрений, а также реализация федеральных и региональных программ развития сельского хозяйства. Одной из важнейших программ

является Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, рассчитанная до 2030 года. Она направлена на формирование устойчивой модели роста АПК, повышение инвестиционной привлекательности отрасли и обеспечение продовольственной безопасности.

Особое внимание уделяется инновационным направлениям развития агропромышленного комплекса. В условиях цифровизации экономики внедрение современных технологий в сельское хозяйство становится не просто тенденцией, а необходимостью. Концепция «умного» или «точного» земледелия включает использование дронов, сенсоров, спутниковых систем и автоматизированных комплексов для оптимизации производственных процессов. Это позволяет более рационально использовать ресурсы, снижать издержки и повышать эффективность сельхозпроизводства. Государство активно поддерживает проекты по внедрению биотехнологий, генетической селекции, а также производству экологически чистой продукции. В условиях растущего спроса на качественные и безопасные продукты питания развитие экологического земледелия становится одним из приоритетных направлений государственной политики. Поддержка инициатив позволяет повысить конкурентоспособность отечественных производителей и укрепить репутацию РФ как поставщика экологически безопасной продукции за рубежом.

Важной задачей государственной политики остаётся развитие кадрового потенциала отрасли. Ведущие аграрные вузы и научно-исследовательские институты России реализуют программы подготовки специалистов нового поколения, способных применять современные цифровые технологии и инновационные методы управления производством. Создаются аграрные технопарки, инкубаторы и центры компетенций, которые обеспечивают научное сопровождение производственных процессов и способствуют трансферу технологий из науки в практику.

Особое внимание уделяется поддержке малого и среднего бизнеса в аграрной сфере. Фермерские хозяйства, сельскохозяйственные кооперативы и семейные предприятия рассматриваются как важнейшее звено продовольственной цепочки, обеспечивающее гибкость и устойчивость внутреннего рынка.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые в последние годы, агропромышленный комплекс России сталкивается с целым рядом объективных и субъективных проблем, которые сдерживают его поступательное развитие и снижают общий потенциал отрасли. Анализ современного состояния АПК показывает, что существующие трудности носят комплексный характер и затрагивают все уровни – от производственного до институционального. Использование морально и физически устаревшей сельскохозяйственной техники и оборудования снижает производительность труда, повышает себестоимость продукции и делает отечественное сельское хозяйство менее конкурентоспособным на мировом рынке. Несмотря на реализацию программ обновления сельхозтехники, темпы модернизации всё ещё остаются недостаточными, особенно в малых и средних хозяйствах.

Существенной проблемой остаётся неравномерность регионального развития. В одних регионах России наблюдается активный рост сельхозпроизводства и внедрение инноваций, в то время как в других – хозяйства испытывают хронический дефицит инвестиций, ресурсов и квалифицированных кадров. Это создаёт дисбаланс между регионами и препятствует формированию единого продовольственного пространства РФ.

Кроме того, логистическая инфраструктура по-прежнему требует серьёзных вложений. Недостаточное развитие транспортных и складских мощностей, проблемы с хранением и переработкой продукции приводят к потерям и неэффективному использованию ресурсов. Многие сельхозпроизводители сталкиваются с трудностями при выходе на рынок, особенно в отдалённых регионах, где слабо развита сбытовая сеть.

Существуют и финансовые барьеры, стоящие перед сельхозпроизводителями. Несмотря на существующие программы льготного кредитования, многие хозяйства, особенно малые, испытывают трудности с доступом к финансам. Отсутствие залоговой базы, сложные бюрократические процедуры и высокий уровень рисков снижают привлекательность сельского хозяйства для инвесторов.

Однако при всём многообразии проблем агропромышленный комплекс России обладает огромным потенциалом для дальнейшего развития. Одним из ключевых направлений его совершенствования является цифровизация сельского хозяйства. Внедрение систем искусственного интеллекта, аналитических платформ, спутникового мониторинга и автоматизации позволит значительно повысить эффективность производственных процессов.

Важным фактором является также развитие экспортного потенциала. При рациональном использовании природных ресурсов и поддержке государства Россия может значительно укрепить свои позиции на мировом рынке продовольствия. Увеличение экспорта переработанной продукции, создание современных логистических центров и улучшение системы сертификации способны вывести отечественный АПК на новый уровень конкурентоспособности.

В долгосрочной перспективе развитие агропромышленного комплекса должно основываться на принципах устойчивости, инновационности и социальной ответственности. Только при комплексном подходе, включающем государственную поддержку, частные инвестиции, развитие науки и технологий, возможно обеспечение стабильного роста отрасли, повышения её эффективности и укрепления продовольственной безопасности страны.

Дальнейшее развитие агропромышленного комплекса является важнейшим фактором укрепления экономического потенциала Российской Федерации и обеспечения её стратегической стабильности в условиях современных глобальных вызовов. АПК представляет собой сложную многоуровневую структуру, включающую широкий спектр отраслей – от сельскохозяйственного производства до переработки, транспортировки и реализации продукции. Он оказывает мультипликативное воздействие на экономику, создавая рабочие места, стимулируя спрос на продукцию смежных отраслей и способствуя региональному развитию.

Современный этап развития агропромышленного комплекса характеризуется сочетанием положительных тенденций и сохраняющихся проблем. С одной стороны, наблюдается рост объёмов производства, расширение экспортных поставок, внедрение инновационных технологий и активная государственная поддержка. С другой стороны, сохраняются системные трудности – износ техники, кадровый дефицит, региональные диспропорции, а также потребность в комплексной модернизации производственной базы. Дальнейшее развитие АПК требует интеграции усилий государства, бизнеса и научного сообщества. Государственная поддержка должна быть направлена не только на финансовое стимулирование, но и на создание условий для устойчивого роста, включая развитие инфраструктуры, подготовку кадров, поддержку малых форм хозяйствования и внедрение инноваций.

Отдельное внимание следует уделить вопросам цифровизации сельского хозяйства, экологической устойчивости и повышению инвестиционной привлекательности отрасли. Именно сочетание инновационного подхода, рационального использования ресурсов и социальной ориентированности позволит АПК стать драйвером развития всей экономики страны.

Агропромышленный комплекс России сегодня выступает не просто отраслью, а фундаментом национальной стабильности и продовольственного суверенитета. Его укрепление является стратегической задачей, от решения которой напрямую зависит устойчивость государства, благосостояние граждан и место России в системе мирового экономического порядка.

Список литературы

1. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2020–2030 годы. – М.: Минсельхоз РФ, 2020.
2. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Официальные данные о развитии сельского хозяйства РФ. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 29.12.2025).

3. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

4. Сельское хозяйство России: стат. сб. – М.: Росстат, 2024.

5. Иванов И.И. Развитие агропромышленного комплекса в условиях цифровизации экономики / И.И. Иванов // Экономика и управление. – 2023. – №4. – С. 45–53.

Развин Иван Дмитриевич

студент

ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Москва

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССНОГО ПОДХОДА К УПРАВЛЕНИЮ СТРАТЕГИЧЕСКИМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ МАЛОГО БИЗНЕСА

Аннотация: в статье рассматривается процессный подход как теоретическая и прикладная основа управления стратегическими изменениями в организациях малого бизнеса. Обосновывается, что для малых компаний проблемой изменений становится не дефицит идей, а дефицит воспроизводимого управленческого механизма – прозрачных ролей, измеримых результатов, дисциплины исполнения и обратной связи. Показано, как процессная логика (описание цепочки создания ценности, владельцы процессов, показатели, регламенты минимально достаточного уровня, цикл PDCA) может быть встроена в управление стратегическими изменениями и снизить риски «разовых реформ», перегрузки персонала и потери управляемости. Предложена концептуальная модель процесса стратегических изменений для малого бизнеса, включающая этапы инициирования, проектирования целевого состояния, внедрения, стабилизации и обучения организации.

Ключевые слова: процессный подход, стратегические изменения, малый бизнес, управление изменениями, BPM, PDCA, процессная зрелость, устойчивость изменений, показатели эффективности.

Стратегические изменения в организациях малого бизнеса являются одновременно необходимыми и рискованными. Необходимыми – потому что внешняя среда (конкуренция, цифровизация, изменение предпочтений клиентов, регуляторные требования) быстро меняется, а малый бизнес часто работает в нишах с низкими барьерами входа и высокой чувствительностью к цене и сервису. Рискованными – потому что у малых компаний ограничены финансовые резервы, управленческие ресурсы и возможность «ошибаться дорого». В результате изменения нередко реализуются как набор разрозненных инициатив без единого управленческого контура, что приводит к эффекту краткосрочного всплеска активности без устойчивого результата.

Теоретически стратегические изменения можно описать как переход организации из текущего состояния в целевое, обеспечивающее долгосрочное соответствие стратегии и внешним условиям [4]. Однако на практике в малом бизнесе ограничением выступает не столько выбор стратегического направления, сколько способность организации регулярно и управляемо преобразовывать способ работы. Именно здесь процессный подход оказывается продуктивным, он переводит управление изменениями из «проектной кампании» в воспроизводимый процесс, опирающийся на измеримость, определённость и цикл постоянного улучшения.

Процессный подход традиционно трактуется как управление организацией через систему взаимосвязанных процессов, преобразующих входы в выходы и создающих ценность для клиента. Важными элементами являются определение границ процесса и его результата,

назначение владельца процесса, установление показателей (KPI), описание последовательности работ и правил взаимодействия, а также организация контроля и улучшений. В контексте стратегических изменений процессный подход решает две задачи. Во-первых, он «приземляет» стратегию на конкретные изменения в цепочке создания ценности, что именно должно по-другому выполняться в продажах, производстве или оказании услуг, закупках, логистике, обслуживании клиента, управленческом учёте. Во-вторых, он снижает транзакционные издержки изменений, уменьшает неопределённость ролей, сокращает количество ручных согласований и зависимость от «незаменимых» сотрудников, позволяет строить обучение и контроль на основе стандартов [4].

Связь процессного подхода с управлением изменениями может быть объяснена через логику организационной устойчивости. Изменение становится устойчивым, когда новый способ работы закрепляется в регулярных операциях, в измеримых показателях, в ответственности конкретных людей, в информационных потоках и инструментах, в организационной памяти (регламенты, базы знаний, обучение). Процессный подход как раз и задаёт язык и инструменты такого закрепления, что особенно важно для малых компаний, где «культура» часто держится на личном контроле собственника и неформальных договорённостях [1].

При этом важно учитывать специфику малого бизнеса. В малых организациях формализация неизбежно сталкивается с ограничениями – персонал выполняет несколько ролей, процессы часто завязаны на собственника или основных специалистов, а излишняя регламентация может замедлить реакцию на клиента. Следовательно, процессный подход в малом бизнесе должен быть «бережливым», фиксировать только критически важные правила и точки контроля, оставляя пространство для гибкости. Речь идёт о минимально достаточном уровне описания процессов – определить этапы, входы – выходы, ответственных, контрольные точки и показатели.

Теоретическая база управления изменениями включает классические модели К. Левина (размораживание – изменение – замораживание), Дж. Коттера (восемь шагов), а также современные подходы, связывающие изменения с динамическими способностями и организационным обучением. Процессный подход не конкурирует с этими моделями, а может выступать «операционным каркасом», который обеспечивает переход от управленческого замысла к устойчивым практикам. Например, «размораживание» можно трактовать как создание прозрачности текущих процессов и проблем (карта процесса, показатели качества и времени), этап «изменение» – как проектирование и внедрение целевого процесса, а «замораживание» – как стандартизация, обучение и контроль через метрики и аудит выполнения [1].

В рамках процессной логики управление стратегическими изменениями целесообразно рассматривать как сквозной управленческий процесс, а не как разовый проект. Такой процесс имеет владельца (как правило, собственника или директора в малом бизнесе), входы (стратегические цели, сигналы рынка, обратная связь клиентов, финансовые ограничения), выходы (обновлённая модель работы, новые стандарты, достигнутые показатели), ресурсы (люди, ИТ, бюджет) и измерители (достижение целевых эффектов и устойчивость изменений во времени).

Ниже представлена концептуальная модель процесса стратегических изменений для малого бизнеса, построенная на принципах процессного управления и цикле PDCA. В модели предполагается, что изменения запускаются от стратегии и рыночных сигналов, затем переводятся в целевую архитектуру процессов, внедряются через управляемые «волны» и закрепляются через стандартизацию, обучение и метрики.

Таблица 1 отражает соответствие типовых задач стратегических изменений и процессных инструментов, которые позволяют эти задачи решать в малом бизнесе без избыточной бюрократии.

Соответствие типовых задач стратегических изменений
и процессных инструментов [2]

Задачи стратегических изменений в малом бизнесе	Процессные инструменты	Ожидаемый управленческий эффект
Повысить ценность для клиента (сервис, скорость, качество)	Карта клиентского пути, границы процесса, стандарты ключевых операций, показатели качества	Снижение вариативности сервиса, рост удовлетворённости и повторных продаж
Сократить сроки выполнения работ и потери	Картирование потока создания ценности (VSM), измерение времени цикла, выявление узких мест	Сокращение времени цикла, высвобождение мощности без роста штата
Сделать результат предсказуемым при росте	Назначение владельцев процессов, регламенты и чек-листы, обучение, контрольные точки	Уменьшение зависимости от «героев», стабильность качества при масштабировании
Поддержать внедрение цифровых решений (CRM, ERP, учёт)	Описание процесса «как есть, как должно быть», требования к данным, роли по вводу и качеству данных	Переход от «автоматизации хаоса» к автоматизации целевого процесса
Снизить управленческие риски и ошибки	Процессные риски, матрица ответственности (RACI), стандарты принятия решений	Прозрачность ответственности и снижение операционных потерь

Предлагаемый процесс стратегических изменений можно описать как последовательность взаимосвязанных этапов. Первый этап – инициирование и постановка целей изменений. Для малого бизнеса принципиально важно формулировать цель как измеримый эффект, связанный с конкурентоспособностью – рост маржи, снижение времени выполнения заказа, повышение конверсии, снижение доли возвратов, рост повторных покупок. На этом же этапе определяется контур изменений – какие процессы затрагиваются, где ожидается максимальный эффект и какие ограничения задаются ресурсами. Процессный подход требует на старте договориться о владельце сквозного процесса изменений и о том, как будет измеряться прогресс.

Второй этап – диагностика текущего процесса и проектирование целевого состояния. В процессной логике диагностика включает фиксацию границ процесса, основных входов и выходов, последовательности операций, участников, точек принятия решений и измерение базовых показателей (время, качество, стоимость). Для малого бизнеса достаточно простых форматов – короткие сессии описания процесса на одной странице, выделение 5–10 основных шагов и 3–5 показателей. Проектирование целевого состояния предполагает не только «как должно быть», но и управленческие условия – кто отвечает, какие данные нужны, какие правила обязательны, какие ИТ-инструменты поддерживают процесс.

Третий этап – внедрение изменений как управляемого потока работ. Важно отличать внедрение от разового объявления – изменение должно быть доведено до ежедневной практики. Процессный подход предлагает использовать пилотирование, внедрение по волнам, визуализацию выполнения (доска задач, статусов), а также контроль соблюдения стандартов. Для малых организаций критичен баланс, изменения внедряются быстро, но при этом фиксируется минимум правил, без которых новый процесс не работает. На данном этапе типовой риск – «расползание» изменений, когда люди адаптируют новые правила под старые привычки. Процессные метрики и контрольные точки снижают этот риск.

Четвёртый этап – стабилизация и закрепление результата. Теоретически именно здесь происходит переход от изменения как события к изменению как новой норме. В процессном управлении стабилизация достигается через стандартизацию (чек-листы, шаблоны,

инструкции), обучение, периодический контроль выполнения и корректировку процесса по обратной связи. Для малого бизнеса полезен принцип «стандарт как лучший известный на сегодня способ работы», стандарт не должен быть громоздким, но должен быть доступным и обязательным в основных точках, влияющих на клиента и финансовый результат.

Пятый этап – организационное обучение и улучшение. Если стратегические изменения рассматривать как повторяемую способность, организация должна накапливать знания, какие решения сработали, какие показатели чувствительны, где возникают типовые сбои, какие компетенции нужны. Цикл PDCA в малом бизнесе может быть реализован в виде коротких ежемесячных управленческих разборов по процессным показателям – что было запланировано, что выполнено, что мешало, какие действия корректировки принимаются. Что обеспечивает непрерывность изменений без постоянного «пожара» и перегрузки команды [3].

Главный теоретический вопрос – как измерять не только эффект, но и устойчивость стратегических изменений. Для малого бизнеса важно видеть, что новый процесс не деградирует после окончания активной фазы. Поэтому показатели целесообразно разделять на две группы – показатели результативности (что получила компания) и показатели дисциплины процесса (насколько новый способ работы реально соблюдается). Таблица 2 предлагает пример минимального набора таких показателей.

Таблица 2

Показатели эффективности стратегических изменений бизнес-процессов [5]

Группа показателей	Примеры показателей (адаптируются под отрасль)	Что показывает
Результативность изменений	Маржинальность, выручка на сотрудника, конверсия, средний чек, доля повторных продаж	Достижение стратегического эффекта в бизнес-результатах
Клиентский результат	Время ответа клиенту, срок выполнения заказа, NPS, CSI, доля рекламаций	Насколько изменение увеличило ценность для клиента
Процессная стабильность	Доля выполнения шагов по стандарту, процент задач без переделок, вариативность времени цикла	Закрепление нового процесса и предсказуемость результата
Управляемость и данные	Полнота данных в CRM учёте, доля операций «вне системы», своевременность отчётности	Снижение «ручного управления» и рост прозрачности
Человеческий фактор	Время адаптации новичка, текучесть, нагрузка на ключевых сотрудников	Снижение зависимости от отдельных людей и устойчивость команды

Отдельно следует обозначить ограничения процессного подхода в управлении стратегическими изменениями малых организаций. Во-первых, существует риск перерегламентации, когда скорость и предпринимательская гибкость падают. Теоретически это означает, что процессный подход должен применяться селективно, формализуются прежде всего процессы, критические для клиента, денег и рисков. Во-вторых, малые компании часто обладают низкой процессной зрелостью и ограниченными компетенциями в моделировании процессов; следовательно, инструменты должны быть простыми, а обучение – встроенным в работу. Собственник малого бизнеса нередко является основным «узким местом» и носителем неформальных правил; процессный подход требует явного выделения решений, которые должны быть делегированы, и создания минимального управленческого контура без потери контроля (например, через показатели и регулярные управленческие циклы).

В качестве теоретического вывода можно сформулировать следующее. Процессный подход к управлению стратегическими изменениями в малом бизнесе целесообразно понимать не как формальное описание деятельности, а как способ построить повторяемую способность организации изменяться, связывать стратегические цели с конкретными изменениями в цепочке

создания ценности, обеспечивать прозрачную ответственность, измерять прогресс и закреплять новый способ работы через стандарты, данные и обучение. При таком понимании процессный подход становится инструментом снижения рисков и повышения устойчивости стратегических изменений, а также основой для дальнейшей цифровизации и масштабирования бизнеса.

Список литературы

1. Абрамов В.С. Стратегический менеджмент: учебник и практикум для вузов / В.С. Абрамов, С.В. Абрамов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 434 с.
2. Воскресенская О.В. Об управлении бизнес-процессами на предприятии / О.В. Воскресенская // E-Scio. – 2023. – №3 (78). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-upravlenii-biznes-protsessami-na-predpriyatii> (дата обращения: 26.01.2026).
3. Минцберг Г. Стратегия и структура. Главы из книги / Г. Минцберг // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. – 2023. – №2. – С. 3–40.
4. Громов А.И. Управление бизнес-процессами: современные методы: монография / А.И. Громов, А. Фляйшман, В. Шмидт; под ред. А.И. Громова. – М.: Юрайт, 2026. – 367 с.
5. Эпштейн М.М. Методы управления проектами / М.М. Эпштейн, С.А. Тронин // Успехи в химии и химической технологии. – 2024. – №11 (290). – С. 78–92.

Расторгуева Людмила Валерьевна

преподаватель

УО «Минский государственный финансово-экономический колледж»

г. Минск, Республика Беларусь

НА ПУТИ К ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ В ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ

Аннотация: в статье рассматривается текущее состояние и перспективы перехода текстильной и швейной промышленности Беларуси к принципам зелёной экономики. Концепция устойчивого производства пока не получила широкого распространения в белорусском текстильном секторе, где доминируют экономические, а не экологические критерии. Вместе с тем выделяется потенциал для развития зелёных бизнес-моделей, включая модернизацию производств, получение международных сертификатов и расширение переработки текстильных отходов. Предлагаются рекомендации по стимулированию экологизации отрасли, такие как изменение налоговой политики, развитие цифровых инструментов мониторинга, усиление сотрудничества между производителями и переработчиками, а также образовательные и информационные инициативы.

Ключевые слова: зелёная экономика, текстильная промышленность, Беларусь, циркулярная экономика, текстильные отходы, экосертификация, налоговые стимулы, образование, информирование потребителей.

Текстильная и швейная промышленность является одной из самых быстрорастущих и глобализированных отраслей в мире. Текстильная промышленность Республики Беларусь насчитывает до 3,5% ВВП страны. В отрасли занято более 80 тысяч человек, не считая занятых в сфере розничной торговли текстилем и одеждой. Отрасль насчитывает около 2000 хозяйствующих субъектов и занимает две верхние позиции в структуре легкой промышленности страны. Объемы производства текстиля и одежды постоянно увеличиваются, все больше и больше одежды покупается и выбрасывается, что приводит к увеличению нагрузки на окружающую среду в виде выбросов парниковых газов, большого потребления воды и увеличения количества сточных вод, содержащих опасные химические вещества [1].

Основные экологические проблемы, вызванные этой отраслью, связаны с загрязнением водных ресурсов из-за сброса сточных вод, содержащих опасные химические вещества.

Кроме того, накопление твёрдых отходов на свалках представляет серьёзную угрозу экосистемам. В рамках устойчивого развития важно рассмотреть способы уменьшения этого воздействия, включая внедрение новых технологий, переработку материалов и переход к более экологически чистым методам производства. Такой подход поможет сохранить экологию для будущих поколений.

Основным регулирующим органом в текстильной и швейной промышленности является концерн «Беллепром», образованный на базе Министерства легкой промышленности. Отдельные аспекты отрасли регулируются в рамках белорусского законодательства. Анализ текстильной статистики показывает, что концепция «зеленой» промышленности пока неактуальна для белорусского текстильного производства. Крупные предприятия не реализуют ни одной бизнес-модели, характерной для устойчивого производства. Для них не характерна прозрачность торгово-сбытовых цепочек. Основопологающим фактором при закупке сырья, реагентов и расходных материалов является экономический, а не экологический [2, с. 175].

Детальный мониторинг всех видов отходов текстильного и швейного производства, включая сбросы сточных вод, отсутствует. Экологические и социальные факторы практически не учитываются при разработке продукта. Производители не включают возможность безопасной утилизации или переработки продукции в свою зону ответственности. В большинстве случаев производители сосредоточены только на минимизации отходов производства, реализации отходов и соблюдении обязательных формальных требований по обращению с отходами.

Экономика Республики Беларусь находится на начальном этапе перехода к зеленой экономике. Существуют некоторые барьеры, которые препятствуют переходу к «зеленым» бизнес-моделям в индустрии моды Беларуси. Текстильная и швейная промышленность не полностью прозрачна в своих цепочках поставок. При маркировке продукции на этикетках отсутствует дополнительная информация об экологических и социальных аспектах производства и применения химических веществ. Это связано с традицией предоставления информации потребителям, отсутствием спроса на дополнительную информацию со стороны потребителей и доверием к существующей системе обязательной сертификации и маркировки.

Экономический фактор становится основным при закупке производителями сырья, реагентов и расходных материалов. Ведущим становится критерий низкой цены, что является сиюминутным тактическим решением.

Лишение текстильных отходов статуса вторичной материальной базы привело к снятию доли внутренних обязательств с производителей одежды и текстиля, а также позволило сформировать стихийный рынок сбыта высококачественных промышленных отходов за пределы страны. В результате перерабатывающие предприятия страны испытывают дефицит вторичного текстильного сырья. Ситуация осложняется тем, что в стране нет логистического ресурса для сбора, сортировки и предварительной подготовки к переработке отслужившей свой срок одежды. Также нет цифрового инструмента для рационального мониторинга образования текстильных отходов в отрасли.

С другой стороны, общеизвестно, что текстильная промышленность имеет большой потенциал для развития зеленой экономики. Крупные производители текстиля модернизируют свои производственные процессы, закупают новое оборудование, получают международные экологические сертификаты, такие как Oeko-Tex, что связано с улучшением маркетинговой стратегии. У них есть желание выйти на более широкий международный рынок, где критерии цикличности и устойчивости текстильной и швейной продукции становятся все более актуальными. Переработчики могут увеличить количество текстильных отходов, которые они перерабатывают. Они заинтересованы во включении в производственный цикл отслужившей свой срок одежды. Некоторые переработчики уже модернизировали свое оборудование. Этот фактор позволяет им добавлять новые виды текстильных отходов.

В заключение приведем некоторые рекомендации, как помочь преобразовать текстильную отрасль Беларуси и реализовать принципы зеленой экономики. Текстильные материалы предлагается включить в перечень товаров, производители и поставщики которых обязаны обеспечить сбор, обезвреживание и (или) использование отходов, образовавшихся после утраты потребительских свойств этих товаров (согласно Указа Президента Республики Беларусь от 11 июля 2012 г. №313 «О некоторых вопросах обращения с отходами потребления»).

Целесообразно разработать порядок снижения налоговой нагрузки для предприятий текстильной и швейной промышленности, если налогоплательщик докажет, что товары не содержат особо опасных веществ, указанных в регламентированном перечне. Вся одежда облагается налогом с возможным снижением до 95%, если налогоплательщик сможет доказать, что товары не содержат этих химикатов. Подобные решения являются настоящим стимулом для производителей и брендов [2, р. 176].

Организациям текстильной отрасли, накапливающим текстильные отходы, следует усилить сотрудничество с переработчиками текстильных отходов, а также с ГП «Оператор вторичных материальных ресурсов» и «Белкоопсоюз». Минлегпром может создать цифровой инструментарий для анализа образования и перемещения текстильных отходов в текстильной и швейной промышленности, а также логистический ресурс перерабатываемых текстильных отходов. Это также может способствовать сотрудничеству между переработчиками текстильных отходов, маркетологами и дизайнерами для создания актуальных, экологически чистых потребительских товаров из текстильных отходов.

Путь к зеленой экономике должен начинаться с образовательных учреждений. Министерство образования может внести свой вклад в расширение учебных программ специализированных учебных заведений, создав новый учебный курс или блок по циркулярной экономике и инновационным экологическим технологиям в процессах производства текстиля и одежды.

Необходимо инициировать информационные кампании для потребителей по экологическим аспектам производства и использования швейной и текстильной продукции, в том числе блок информации об обязательных стандартах и экомаркировке швейной и текстильной продукции; о способах продления срока службы одежды, о возможностях стратегий C2C, об ответственном потреблении; по улучшению имиджа переработанных товаров.

Все упомянутые шаги могут поддержать крупных и мелких производителей, которые внедряют новые инновационные и устойчивые подходы в текстильной и швейной промышленности. Формирование новых основ в текстильной отрасли означает переход к новому этапу зеленой экономики. Много сделано, но еще многое предстоит сделать в будущем для преобразования текстильной отрасли Беларуси в зеленую экономику.

Список литературы

1. Зеленая трансформация и циркулярная экономика: пути к устойчивому потреблению и производству текстиля в Беларуси. – URL: <https://www.greenindustryplatform.org/case-studies/zelenaya-transformaciya-i-cirkulyarnaya-ekonomika-puti-k-ustoychivomu-potrebleniyu-i> (дата обращения: 17.12.2025).
2. Mamedov Z.F. Green trends in the development of the global financial system / Z.F. Mamedov, S. Qurbanov // Economic and Social Development: 78th International Scientific Conference, Aveiro, 24–25 Febr., 2022. Aveiro, 2022. Pp. 175–182.

Рубашников Тимур Олегович

студент

Научный руководитель

Барчукова Татьяна Александровна

старший преподаватель

Уральский филиал ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»

г. Челябинск, Челябинская область

АКТИВИЗАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

***Аннотация:** в статье раскрыты законодательные основы взаимодействия органов государственной власти с общественными организациями. Представлены результаты анализа эффективности активизации взаимодействия с общественными организациями в Министерстве финансов Челябинской области. По выделенным проблемам предложены меры по развитию взаимодействия.*

***Ключевые слова:** общественные организации, взаимодействие.*

Актуальность данной темы заключается в том, что активизация взаимодействия органов государственной власти с общественными организациями способствует оптимизации качества принимаемых решений, повышает прозрачность власти и способствует максимальному учету интересов общества.

Цель исследования – на основе анализа эффективности инструментов взаимодействия с общественными организациями предложить меры по активизации инструментов взаимодействия (на примере Министерства финансов Челябинской области).

Методы исследования – терминологический анализ основного понятия темы, анализ нормативно-правовых актов, бенчмаркинг, SWOT-анализ, экспертная оценка рисков, экспертная прогнозная оценка.

Общественный контроль регулирует Федеральный закон от 21.07.2014 №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023), в котором прописано, что «...граждане Российской Федерации вправе участвовать в осуществлении общественного контроля как лично, так и в составе общественных объединений» [1].

В Министерстве финансов Челябинской области (далее – Минфин Челябинской области) реализуется государственная программа «Управление государственными финансами и государственным долгом Челябинской области» на 2021–2024 годы. В соответствии с планом реализации государственной программы осуществляется мероприятие «Размещение информации о деятельности Минфина Челябинской области на официальном сайте». Реализуется проект «Бюджет для граждан» и мероприятие «Распространение в СМИ официальной информации о реализации бюджетной, финансовой и налоговой политики». По данным реализации плановых показателей в 2021–2023 годах, мы наблюдаем достижение плановых показателей по мероприятиям и проекту [2].

По результатам SWOT-анализа у граждан отсутствует четкое понимание с какими общественными организациями взаимодействует Минфин Челябинской области, узкий План работы Общественного совета. Это приводит к недоверию со стороны граждан и общественных организаций, так как ограничиваются возможности для обсуждения важных вопросов и инициатив.

Проведенный в работе анализ позволил выделить ряд проблем, негативно влияющих на эффективность активизации взаимодействия.

Серьезной проблемой мы считаем отсутствие четкого понимания у граждан с какими общественными организациями взаимодействует Минфин Челябинской области. В целях выявления данной проблемы, мы провели авторский социологический опрос методом анкетирования 23 граждан Челябинской области.

Мы считаем, что негативное влияние оказывает недостаточная поддержка со стороны Минфина Челябинской области, следствием чего выделена еще одна проблема: малое количество мероприятий Общественного совета при Минфине Челябинской области. В результате анализа Плана работы Общественного совета, мы сделали вывод, что сокращается количество мероприятий. В 2021 году План включал в себя 10 мероприятий, а в 2024 уже 7.

Кроме этого, по нашему мнению, отсутствие мероприятий по взаимодействию органов государственной власти с общественными организациями вызывает снижение общественного контроля, что ограничивает возможность граждан и общественных организаций влиять на процесс принятия решений в области финансовой политики.

Отсутствие активной работы с общественными организациями ведет к ограничению доступа к экспертным мнениям и рекомендациям, которые обогащают процесс разработки и реализации финансовых инициатив.

Для решения выявленных в ходе исследования проблем, мы разработали меры, которые позволят повысить эффективность активизации инструментов взаимодействия с общественными организациями в Минфине Челябинской области.

С целью повышения информированности граждан о взаимодействии, мы предлагаем создать специальный раздел на официальном сайте, с регулярно обновляемой информацией о сотрудничестве с общественными организациями, проводить информационные кампании и публичные мероприятия, а также внедрить интерактивные платформы для обратной связи и публикации Отчетов.

В целях расширения Плана работы Общественного совета при Минфине Челябинской области за счет включения новых направлений и инициатив, считаем необходимым собрать предложения от членов Общественного совета, представителей гражданского общества и экспертов, провести консультации с заинтересованными сторонами. Следует разработать новый План работы, утвердить его и начать реализацию, назначив ответственных, важно проводить регулярный мониторинг и оценку эффективности Плана, а также информировать общественность о ходе работы через различные каналы коммуникации.

Для организации регулярных мероприятий по взаимодействию Минфина Челябинской области с общественными организациями, мы предлагаем создать рабочую группу, определяющую формат и План работы, привлекая участников через официальные ресурсы и предоставляя им необходимые материалы. После каждого мероприятия важно получить отзывы от участников, документировать результаты и корректировать дальнейшие действия на основе анализа эффективности.

Рассмотрим экспертный прогноз динамики показателя «Количество мероприятий по взаимодействию Минфина Челябинской области с общественными организациями» на 2026–2028 годы. Для этого мы привлекли эксперта 1 – начальник информационно-аналитического отдела Минфина Челябинской области и эксперта 2 – начальник управления бухгалтерского учета и отчетности Минфина Челябинской области. Экспертный прогноз представлен на рисунке 1.

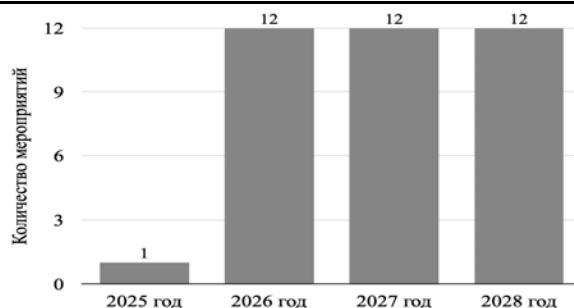

Рис. 1. Экспертный прогноз динамики показателя «Количество мероприятий по взаимодействию Минфина Челябинской области с общественными организациями» на 2026–2028 годы

По данным рисунка 1 реализация предлагаемых нами мер позволит за период с 2026 года по 2028 год увеличить количество мероприятий по взаимодействию Минфина Челябинской области с общественными организациями на 11. Это обеспечивает постоянное взаимодействие между Министерством финансов и общественными организациями, способствуя усилению общественного контроля, а также привлечению экспертных мнений и рекомендаций.

Таким образом, мы на основе анализа эффективности инструментов взаимодействия органов государственной власти с общественными организациями предложили меры по активизации инструментов взаимодействия (на примере Министерства финансов Челябинской области).

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.07.2014 №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023)
2. Государственная программа Челябинской области «Управление государственными финансами и государственным долгом Челябинской области» от 02.10.2020 (ред. от 27.12.2023).

Серова Алина Владимировна

студентка

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения»

г. Новосибирск, Новосибирская область

DOI 10.31483/r-153733

ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ РИСКАМИ В КВАНТОВОЙ ОТРАСЛИ: ИНТЕГРАЦИЯ АРХИТЕКТУРЫ И ПРОЦЕССНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Аннотация: данное исследование продолжает работу, начатую при поддержке гранта Минобразования Новосибирской области в 2024 году, и посвящено прогнозу развития квантовых технологий в России. Сегодня страна активно реализует масштабную программу по их развитию, включая национальный проект «Экономика данных». Практические шаги, такие как создание квантовой сети между Москвой и Санкт-Петербургом, показывают, что стратегия нацелена на коммерциализацию технологий и выход на мировой рынок к 2030 году. Проведенное исследование основано на применении комплекса взаимодополняющих методов, обеспечивающих многоаспектный анализ развития квантовых технологий в России. Методологическая новизна работы заключается в интеграции количественных и качественных методов с инструментами системного моделирования.

Ключевые слова: экосистема, квантовые технологии, моделирование.

Статья написана на основе грантовой поддержки Правительства НСО.

Квантовые технологии стали глобальным приоритетом, от которого напрямую зависят будущее экономики и безопасность государств. Мировые инвестиции в эту сферу, по данным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, за пять лет выросли более чем втрое, превысив 35 млрд долларов [1]. В ответ ведущие державы – США, Китай и ЕС – запустили национальные программы с бюджетами свыше 10 млрд долларов каждая, развернув беспрецедентную технологическую гонку [2].

Для России квантовые технологии – стратегический приоритет. Несмотря на значительное финансирование (свыше 65 млрд руб. до 2026 года) и наличие «дорожных карт», сохраняются системные вызовы. Предыдущее исследование выявило критическую зависимость между инвестициями, кадрами и успехом внедрения. При этом, по оценкам Минцифры, технологический разрыв с лидерами в 10–15 лет требует не догоняющего развития, а создания целостной национальной экосистемы.

Особенно актуальна задача строительства квантовой инфраструктуры в условиях импортозависимости. Пилотные проекты (например, сеть Москва – Санкт-Петербург) показывают потенциал, но вскрывают «узкие места»: например, вероятность успешной передачи данных в ней не превышает 46% [3].

Таким образом, ключевая задача – переход от отдельных решений к управляемой архитектуре национальной инфраструктуры. Разработка системы риск-менеджмента на основе процессного моделирования и количественных оценок – необходимое условие для коммерциализации технологий и выхода России на мировой рынок к 2030 году.

Для построения прогнозной модели развития квантовых технологий был проведен анализ значимости различных значимых факторов, которые представлены в таблице 1 [3].

Таблица 1

Первоначальный набор значимых факторов

Группа факторов	Конкретные факторы	Влияние
Финансовые	Объем гос. финансирования, частные инвестиции, бюджет НИОКР	Прямое
Кадровые	Количество специалистов, уровень квалификации, заработная плата	Прямое
Научные	Количество публикаций, количество патентов, цитируемость	Прямое
Технологические	Уровень ошибок, стабильность работы, производительность	Обратное
Инфраструктурные	Оснащенность лабораторий, доступ к суперкомпьютерам	Прямое
Регуляторные	Качество нормативной базы, скорость сертификации	Прямое

Для выявления ключевых факторов, влияющих на успешность проектов в области квантовых технологий (зависимая переменная Y), был применён комбинированный метод анализа данных, включающий корреляционный анализ, анализ главных компонент (PCA) и пошаговую регрессию. Значимые факторы, отобранные по результатам анализа, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Ранжирование факторов по значимости

Фактор	Корреляция с Y	P-value	VIF	Вклад в дисперсию	Статус
Уровень ошибок	-0,891	0,001	1,2	34,2%	Включаем
Количество-специалистов	0,845	0,003	2,1	28,7%	Включаем
Объем инвестиций	0,812	0,005	3,4	22,3%	Включаем
Количество патентов	0,734	0,012	1,8	15,8%	Включаем
Частные инвестиции	0,687	0,025	4,2	9,3%	Исключаем
Заработная плата	0,634	0,041	2,7	7,1%	Исключаем
Оснащенность лабораторий	0,556	0,082	3,1	4,2%	Исключаем

На основе проведенного анализа для построения регрессионной модели были отобраны 4 ключевых фактора:

- уровень ошибок (X_4) – наиболее значимый фактор ($\beta = -8,37, p < 0,01$);
- уровень ошибок (X_2) – второй по значимости фактор ($\beta = -2,15, p < 0,05$);
- уровень ошибок (X_1) – существенное влияние ($\beta = -2,15, p < 0,05$);
- уровень ошибок (X_3) – умеренное влияние ($\beta = 0,68, p < 0,1$).

Адекватность модели характеризуется коэффициентом детерминации, который равен 0,82. При этом скорректированный R^2 равен 0,758.

Проведенный анализ позволил идентифицировать наиболее значимые факторы для прогнозирования успешности реализации квантовых проектов. Технологическая надежность, а именно уровень ошибок, является критическим фактором. На результаты оказывает существенное влияние кадровый потенциал. Объем финансирования важен, но его эффект проявляется с временным лагом. Научный задел (патенты) демонстрирует умеренное положительное влияние. Отобранные факторы обеспечивают баланс между полнотой модели и ее практической применимостью, позволяя строить точные прогнозы с минимальной мультиколлинеарностью.

На основе данных 2019–2024 годов [3] методом наименьших квадратов получено уравнение регрессии:

$$Y = 124,83 - 2,15X_1 - 1,92X_2 + 0,68X_3 - 8,37X_4$$

При этом статистические характеристики модели:

- коэффициент детерминации $R^2 = 0,82$;
- скорректированный $R^2 = 0,76$;
- F-статистика = 13,24;
- стандартная ошибка = 7,12%

Прогноз на 2025 год с использованием модели:

$$Y_{2025} = 124,83 - 2,15 \cdot 8,0 - 1,92 \cdot 30,0 + 0,68 \cdot 20 - 8,37 \cdot 3,2 = 76,8\%$$

Множественный регрессионный анализ применяется для решения нескольких ключевых задач: выделения чистого влияния каждого фактора, количественной оценки его вклада в результат и построения точных прогнозов.

Например, если парная корреляция показывает сильную обратную связь инвестиций с успешностью ($r = -0,806$), регрессионная модель раскрывает её природу. Оказывается, инвестиции положительно влияют на результат, но с лагом в 1–2 года. Кроме того, множественная регрессия объясняет 82% дисперсии успешности против 65% в парном анализе, что значительно повышает её предсказательную силу.

На практике это позволяет обосновать приоритеты финансирования через коэффициенты модели и проиграть различные сценарии до принятия решений, снижая управленческие риски.

На основе результатов регрессионного анализа сформирована матрица стратегического SWOT-анализа, связавшая количественные оценки с качественными стратегиями. Результаты представлены в таблицах 3, 4 [4].

Таблица 3

Матрица стратегий S-O

Сильные стороны / Возможности	O1: Рост государственной поддержки	O2: Международная кооперация	O3: Развитие образования
S1: Высокий научный потенциал	Создание центров компетенций при вузах	Совместные исследовательские программы	Разработка образовательных стандартов
S2: Снижение уровня ошибок	Приоритетное финансирование надежных технологий	Экспорт технологий надежности	Подготовка специалистов по контролю качества

Матрица стратегий W-T

Слабые стороны / Угрозы	T1: Технологические риски	T2: Кадровый дефицит	T3: Инвестиционные ограничения
W1: Отрицательный эффект инвестиций	Диверсификация инвестиционных портфелей	Стимулирование частных инвестиций	Позапное финансирование проектов
W2: Низкая патентная активность	Разработка системы защиты ИС	Программы поддержки изобретателей	Создание патентных пулов

На основе интеграции количественного регрессионного анализа и качественного SWOT-анализа сформирован комплекс стратегических инициатив. Он направлен на управление ключевыми факторами успеха – технологической надёжностью и кадровым потенциалом – путём создания центров компетенций, экспорта решений по надёжности и развития образовательных стандартов. Параллельно для нейтрализации системных рисков (отрицательный краткосрочный эффект инвестиций и низкая патентная активность) предложены защитные меры: диверсификация финансирования, стимулирование частных вложений и создание патентных пулов. Этот подход позволяет преобразовать выявленные зависимости в конкретные механизмы роста и минимизировать угрозы. Разработанные измеримые стратегии готовы к интеграции в систему управления национальными проектами для достижения цели – выхода России на мировой рынок квантовых технологий к 2030 году.

Для системного представления процессов формирования национальной квантовой экосистемы использована методология IDEF0, позволяющая осуществить функциональное моделирование архитектуры управления отраслью. Основной целью разработки модели является создание целостного представления о процессах формирования квантовой экосистемы, идентификации зон ответственности и интерфейсов между участниками, а также оптимизации потоков ресурсов и информации.

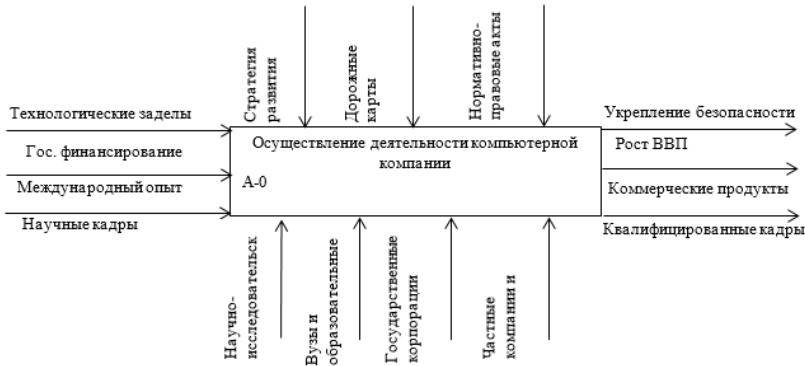

Рис. 1. Контекстная диаграмма

Разработанная функциональная модель является практическим инструментом для построения организационной структуры управления квантовой отраслью. Она закрепляет зоны ответственности участников экосистемы и позволяет детально регламентировать их взаимодействие, включая координацию между наукой, образованием, промышленностью и институтами развития.

На основе модели можно оптимизировать распределение ресурсов, анализируя потоки данных и выявляя узкие места в финансировании, кадровом и материальном обеспечении. Кроме

того, модель служит основой для системы мониторинга, позволяющей отслеживать достижение целевых показателей и своевременно корректировать программы развития.

Таким образом, модель обеспечивает системный и скоординированный подход к развитию всех элементов экосистемы. Это создает фундамент для формирования в России конкурентоспособной квантовой отрасли, способной интегрироваться в мировую технологическую среду и укрепить позиции страны на международном рынке [5].

Для формализации требований и проектирования архитектуры защищенной квантовой сети связи использован унифицированный язык моделирования UML, позволяющий стандартизовано описать структурные и поведенческие аспекты системы [6].

Диаграмма вариантов использования (рис. 2) описывает ключевые роли и сценарии работы системы с акцентом на функции безопасности. Диаграмма последовательности (рис. 3) детализирует процесс установки защищенного канала, включая проверку уровня квантовых ошибок на основе проведенного ранее вероятностного анализа.

Совместное использование этих диаграмм дает комплексное представление о системе, сочетая статическую функциональность с динамикой взаимодействий. Такой подход позволяет заранее выявить узкие места архитектуры и заложить эффективные механизмы надежности и безопасности.

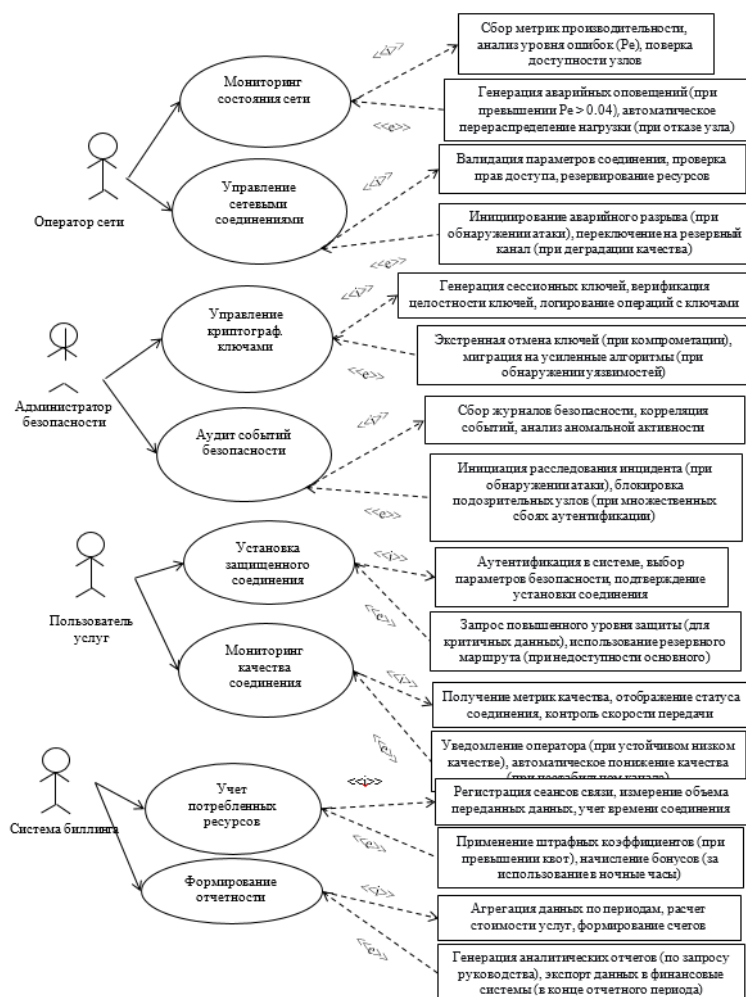

Рис. 2. Диаграмма вариантов использования

Рис. 3. Диаграмма последовательности «Установка защищенного квантового канала»

Объединение двух схем свидетельствует о том, что разработанная архитектура обладает свойствами полноты, согласованности и практической реализуемости.

Функциональное моделирование на основе методологии IDEF0 позволило разработать архитектуру национальной квантовой экосистемы. Методология обеспечила системное представление процессов создания квантовой инфраструктуры – от фундаментальных исследований до коммерциализации, с четким определением входов, выходов, механизмов и управляющих воздействий.

Объектно-ориентированное моделирование с использованием UML включало разработку диаграмм вариантов использования, последовательностей. Этот подход обеспечил формализацию требований к защищенной квантовой сети связи и детализацию взаимодействия между компонентами системы на различных этапах ее функционирования.

Результаты исследования представляют практическую ценность для ключевых участников технологической сферы. Разработанные модели могут служить основой для актуализации государственной стратегии в области квантовых технологий.

Крупные компании смогут применять выводы работы при создании систем квантовой связи и планировании НИОКР, а вузы – интегрировать их в образовательные программы по управлению инновациями. Отраслевым ассоциациям результаты помогут в формировании стандартов и кадровой политики. Таким образом, исследование предлагает комплексный инструментарий для обоснования решений, способствуя развитию квантовой индустрии в России.

Список литературы

1. Научно-техническая политика: глобальные стратегии достижения технологического лидерства / М.А. Гершман (рук. авт. кол.), Ф.Х. Брамбила Мартинес, С.В. Бредихин, Л.М. Гохберг [и др.]; под ред. Л.М. Гохберга, М.А. Гершман; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – С. 114–148.

2. Dowling J.P. Quantum technology: the second quantum revolution / J.P. Dowling, G.J. Milburn // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences. 2002. Vol. 361. Pp. 1655–1674.

3. Серова А.В. Прогноз развития квантовых технологий в России и их влияние на экономику и общество / А.В. Серова, Я.И. Никонова // Транспортное дело России. – 2025. – №2. – С. 24–29. EDN LRWIYV

4. Поэлементный SWOT-анализ. – URL: <https://studfile.net/preview/17176550/page:8/> (дата обращения: 03.02.2026).

5. Проектирование информационных систем. – URL: <https://habr.com/ru/articles/916110/> (дата обращения: 03.02.2026).

6. UML-диаграмма. – URL: https://habr.com/ru/companies/korus_consulting/articles/856696/ (дата обращения: 03.02.2026).

7. Дорожная карта квантовых технологий. – URL: <https://www.comnews.ru/digital-economy/content/208934/2020-09-04/2020-w36/utverzhdjena-dorozhnaya-karta-razvitiya-kvantovykh-kommunikaciy> (дата обращения: 03.02.2026).

8. «Экономика данных»: что будет в новом нацпроекте России. – URL: <https://www.rctest.ru/articles/novaya-natsionalnaya-programma-ekonomika-dannykh.html> (дата обращения: 03.02.2026).

Суверин Андрей Александрович

соискатель, преподаватель

АНОО ВО «Институт социального образования»

г. Воронеж, Воронежская область

DOI 10.31483/r-154062

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: применение цифровых технологий в сфере общественного питания позволяет решить ряд значимых проблем, в том числе при формировании и реализации кадровой политики предприятия. В статье проанализирована практика применения цифровых технологий, описаны основные направления цифровизации кадровой политики, выделены наиболее эффективные методы и инструменты цифровизации процесса подбора кадров и работы с ними. Исследование основано на результатах экспертного опроса представителей руководства и HR-служб воронежских предприятий общественного питания, которые позволили определить преимущества кадровой политики предприятий общественного питания, построенной с применением цифровых технологий.

Ключевые слова: кадровая политика, цифровизация, общественное питание, рынок труда.

Учитывая не снижающийся кадровый дефицит, цифровизация может рассматриваться как один из важных инструментов минимизации негативных последствий этого явления. Причем, сказанное актуально практически для всех отраслей экономики [1; 4; 7; 8]. В том числе и для сферы общественного питания. Цифровизация помогает решить два блока проблем: не только кадровые вопросы, но и актуальные задачи управления предприятием общественного питания. Нельзя не согласиться, что «цифровизация сектора общепита позволяет применить клиентоориентированный подход, увеличить прибыль и усовершенствовать популярный сегмент доставки продукции ресторанного бизнеса <...>. снизить издержки ведения бизнеса» [8, с. 108]. При этом «информационные технологии приобретают все большее значение для индустрии питания, помогая развивать растущий рынок и обеспечивая достоверность

информации для осуществления прогнозирования динамики отдельных сегментов» [7, с. 1139]. Другими словами, цифровые технологии в настоящее время – это комплекс технологий и инструментов, позволяющих оптимизировать практически все процессы в сфере общественного питания, включая подбор кадров и управление персоналом.

Рассмотрим практику применения цифровых технологий на примере реализации кадровой политики воронежских организаций общественного питания. Нами проведен экспертный опрос 55 представителей руководства и HR-служб таких предприятий (время исследования – октябрь–ноябрь 2025 года, метод – личные глубинные интервью). Результаты подтвердили, что цифровизация кадровой политики основана на системном подходе, то есть предполагает не столько внедрение отдельных цифровых решений, сколько изменение всей парадигмы управления персоналом.

Работа стоит по нескольким взаимосвязанным направлениям (рис. 1).

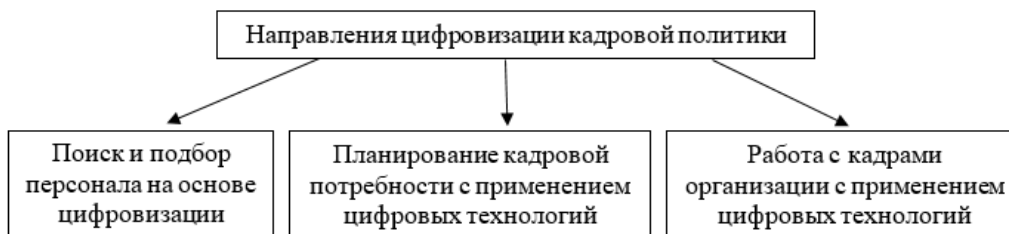

Рис. 1. Основные направления цифровизации кадровой политики

Первое: поиск и подбор персонала. Здесь цифровизация предполагает автоматизацию рекрутинга на основе использования различных платформ для размещения информации о вакансиях и отслеживания отклика соискателей, а также для проведения онлайн-собеседований, тестирований, интервью [1, с. 76]. Внедрение цифровых технологий позволяет оптимизировать процесс, повысить его эффективность и прозрачность.

Среди используемых в организации методов цифровизации процесса подбора кадров отметим следующие: автоматизация отбора резюме, в том числе с использованием искусственного интеллекта для их анализа (по мнению экспертов, это снижает нагрузку на HR-отдел и делает процесс отбора максимально прозрачным); использование искусственного интеллекта для определения успешности кандидата на искомой позиции и возможной траектории карьерного роста соискателя на основе анализа его профессионального опыта и потенциала; применение гибридных форматов для ускорения процесса отбора (совмещение онлайн-интервью, виртуальных оценочных процедур и очные офлайн собеседований); ускорение коммуникаций за счет использования чат-ботов, автоматических уведомлений и т. п.; объединение платформ цифрового рекрутинга с внутренними HR-системами, что позволяет ускорить обработку резюме и результатов тестирования, практически устраняя влияние человеческого фактора и минимизируя возможные ошибки.

Таким образом автоматизируются рутинные задачи, собираются и обрабатываются большие объемы данных о соискателях, прогнозируется их успешность на конкретной вакантной позиции.

Мы разделяем точку зрения авторов [2; 5] и поддерживаем мнение экспертов, высказанное в ходе исследования, что цифровизация процесса подбора кадров основывается на таких инструментах, как:

- применение ATS-систем, которые позволяют вести базу резюме, контролировать этапы подбора и сопоставлять компетенции с требованиями работодателей применительно к конкретным вакансиям;

- использование онлайн-платформ (включая портал «Работа России»), как основных в настоящее время ресурсов для публикации вакансий и поиска соискателей, обладающих нужными компетенциями;
- ведение групп в социальных сетях, в том числе, для поиска сотрудников;
- использование интернет-платформ для оценки навыков и онлайн-тестов с целью проверки hard skills и профессиональной квалификации до проведения очных собеседований;
- использование интерактивных онлайн-кейсов и видеособеседований, что позволяет дистанционно оценивать soft skills и практические умения кандидатов;
- применение для первичного отбора резюме чат-ботов, что ускоряет обработку резюме, помогает быстро установить первичную коммуникацию с кандидатами и организовать оперативное информирование о процессе отбора.

Согласно нашим данным, 2/3 экспертов отметили, что в их организациях уже используются информационные технологии в процессе подбора персонала.

Второе: планирование кадровой потребности. Применение цифровых технологий помогает не только сократить время, необходимое для расчета количественных и качественных показателей потребности организации общественного питания в кадрах на основе анализа текущего состояния и прогноза будущего развития, но и свести к минимуму возможные ошибки при таких расчетах. Искусственный интеллект помогает анализировать тенденции развития рынка труда, выявлять перспективные тренды спроса на рабочую силу и ее предложения в сфере общественного питания.

У данного направления, по нашему мнению, очень хорошие перспективы. Однако пока в сфере общественного питания как само планирование кадровой потребности, так и опора в этом процессе на цифровые технологии не заняли подобного места в кадровом менеджменте. Полагаем, что здесь необходима методическая помощь как профильных министерств и ведомств, так и профессиональных ассоциаций и союзов.

Третье: работа с кадрами организации, складывающаяся из адаптация новых сотрудников и развития кадрового потенциала предприятия. Например, у работника есть личный кабинет, благодаря чему он владеет актуальной информацией о реализуемых проектах и происходящих производственных процессах, при необходимости может формировать документы по имеющимся шаблонам и в целом объективно оценивает свою роль в коллективе и взаимодействует с коллегами. Важной составляющей является внедрение цифрового профиля сотрудника – в нём регистрируют мероприятия по обучению, планы развития сотрудника, его навыки и увлечения. Сопоставляя компетенции работника с навыками, которые необходимы для занимаемой или желаемой позиции, можно находить зоны роста и рекомендовать образовательные программы [3; 4; 6].

По мнению опрошенных экспертов, цифровые инструменты позволяют анализировать большие объёмы данных о соискателях, выявлять наиболее подходящие профили и прогнозировать их успешность на вакантной позиции. Кроме того, они помогают выявить наиболее эффективные источники привлечения персонала; оптимизировать воронку подбора, указывая на этапы с наибольшим оттоком; рассчитать истинную стоимость найма, включая скрытые издержки; определить потребность в персонале на основе бизнес-показателей. Также цифровые технологии позволяют представить информацию о кандидатах в понятной и удобной форме: например, в виде таблицы или графика, которые позволяют сравнивать и анализировать кандидатов.

Данное направление активно развивается и демонстрирует видимые положительные результаты. Не случайно 3/4 респондентов в ходе нашего опроса отметили, что в их организациях данный подход активно применяется.

Нельзя не отметить и такой важный момент, как определение трендов в обучении персонала. Понимая, где именно и как находят применение информационные технологии в сфере

общественного питания (заказы через мобильные приложения, онлайн-меню, бесконтактная оплата, мобильные платежи, онлайн-бронирование, виртуальные ассистенты и чат-боты, технологии искусственного интеллекта, геймификация процесса заказа и т. д.), HR-специалисты могут составить перечень приоритетных компетенций и на его основе – программы повышения квалификации сотрудников и определить рейтинг этих программ в соответствии с значимостью.

Для оценки эффективности реализуемых мер, как отметило большинство экспертов, необходим мониторинг состояния сферы кадровой политики. Важно, что цифровые системы позволяют отслеживать метки потенциальных конфликтов.

Проведенный анализ позволило заключить, что кадровая политика предприятий общественного питания, построенная с применением цифровых технологий, обладает рядом преимуществ, обусловленных следующими моментами:

- ускорением процесса найма, так как автоматизированные системы позволяют отслеживать каждый этап подбора, что делает процесс более прозрачным и управляемым;
- минимизацией ошибок за счет автоматической фильтрации резюме и анализа данных, позволяющих выявлять кандидатов, соответствующих требуемым критериям, исключая субъективные оценки и предубеждения;
- расширением доступа к резюме соискателей и привлечение большего числа потенциальных претендентов на вакантные рабочие места на основе использования онлайн-платформ и социальных сетей для публикации вакансий;
- снижением затрат, так как цифровизация системы позволяет сократить расходы на рекламу вакансий, проведение собеседований и тестирование кандидатов.

Список литературы

1. Асриянц К.Г. Цифровые технологии в процессе реализации кадровой политики / К.Г. Асриянц, О.А. Магомедов, Д.В. Асриянц // Прикладные экономические исследования. – 2023. – №2. – С. 75–79. EDN PQXBZG. DOI 10.47576/2949-1908_2023_2_75
2. Горшенина Е. Цифровые технологии в сфере общественного питания: основные направления и инструменты / Е. Горшенина. – URL: <https://foodsmi.com/statistika-i-issledovaniya/tsifrovye-tekhnologii-v-sfere-obshchestvennogo-pitaniya-osnovnye-napravleniya-i-instrumenty> (дата обращения 15.01.2026).
3. Гусев А.А. Цифровые технологии и «этичное потребление» в ресторанном бизнесе / А.А. Гусев, А.П. Коршикова, Т.И. Покровская // Проблемы теории и практики управления. – 2021. – №4. – С. 76–89. EDN OFMUHP. DOI 10.46486/0234-4505-2021-4-76-89
4. Ляшков А.В. Современные тенденции цифровизации ресторанного бизнеса / А.В. Ляшков, А.Ю. Анисимов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2024. – Т. 14. №1. – С. 105–117. EDN IDBLGN. DOI 10.21869/2223-1552-2024-14-1-105-117
5. Негреева В.В. Анализ инструментов цифровизации в сфере общественного питания / В.В. Негреева, Т.С. Кочегарова // Трансформация социально-экономического пространства России и мира: сборник статей международной научно-практической конференции / под ред. Г.Б. Клейнера, Х.А. Константины, В.В. Сорокожердьева. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2021. – С. 107–112. EDN NVYYYQ.
6. Пяткин П.С. Проблемы цифровизации в общественном питании / П.С. Пяткин // ИТ Арктика. – 2023. – №3. – С. 21–26. EDN CDGUMF.
7. Рождественская Л.Н. Особенности цифровой трансформации предприятий индустрии питания / Л.Н. Рождественская, О.В. Рогова, Л.Е. Чередниченко // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14. №6. – С. 1137–1154. EDN QYTSAL. DOI 10.18334/ce.14.6.110502
8. Скоробогатов М.В. Внедрение инструментов цифровизации в сфере общественного питания / М.В. Скоробогатов, Л.В. Минченко // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2023. – №1. – С. 108–116. EDN: KGENZL. DOI 10.17586/2310-1172-2023-16-1-108-116

Суржиков Михаил Андреевич
д-р экон. наук, профессор, декан
Гулов Максим Васильевич
аспирант

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Аннотация: в исследовании анализируются теоретические аспекты механизма управления производственными процессами коммерческих организаций. Рассматриваются принципы, этапы, особенности. Обосновывается необходимость внедрения механизма управления производственными процессами для повышения эффективности коммерческой деятельности организаций.

Ключевые слова: механизм управления производственными процессами, проектно-ориентированный подход, коммерческая деятельность, конкурентоспособность, спрос.

В условиях высокого уровня конкуренции, механизм управления производственными процессами становится проектно-ориентированным. Это связано, прежде всего с цифровизацией экономики. Многие отечественные ученые проявляют интерес к эффективным методам, технологиям и инструментам ведь именно они составляют эффективность механизма управления производственными процессами. Несмотря на это, ввиду постоянного появления новейших IT-технологий и усовершенствования искусственного интеллекта, выбранная проблематика остается актуальной и на сегодняшний день. В исследовании используются методы систематизации, индукции, дедукции и сравнения.

Прежде чем рассматривать функции и объекты механизма управления производственными процессами, необходимо проанализировать терминологию. Итак, механизм управления производственными процессами – система норм, методов и инструментов, необходимых для осуществления бизнес-процессов организации и их поддержания на оптимальном уровне, а также совершенствования при необходимости. Из определения следует обязательное условие в виде своевременного обновления методов и инструментов механизма управления в условиях постоянных изменений рынка ввиду появления новых технологий.

Как уже было упомянуто выше, механизм управления производственными процессами организаций приобретает проектно-ориентированный характер. Это связано, прежде всего с [1]: постоянным изменением спроса и высокой конкуренцией; уникальными характеристиками продукции, которые необходимы для вовлечения потребителей. Помимо этого, эффективность механизма управления производственными процессами напрямую влияет не только на конкурентоспособность организации, но и на ее экономическое развитие. Поддержание эффективности механизма управления производственными процессами предполагает следующие особенности: оптимальный уровень затрат на производстве, продуктивное использование ограниченных ресурсов, высокая адаптированность руководящего состава к производственным изменениям. Еще одним важным показателем эффективности механизма управления производственными процессами является способность к выявлению отклонений при производстве, что необходимо для их дальнейшего устранения и совершенствования бизнес-процессов. В совокупности перечисленные факторы способствуют повышению рентабельности организации и сокращению издержек в условиях ограниченных ресурсов.

Внедрение механизма управления производственными процессами включает в себя три стадии [3]: формирование, реализация, оптимизирование. Особое внимание стоит уделить этапу формирования механизма, так как по сравнению с перечисленными этапами, данный является наиболее детальным и сложным. Прежде чем перечислить основные принципы формирования механизма управления производственными процессами, необходимо определить элементы,

которые его составляют. Итак, субъектом механизма выступает руководящий состав организации, который напрямую воздействует на бизнес-процессы; объектом управления являются производственные процессы и межличностные отношения между сотрудниками организации; методы и инструменты управления используются для эффективного управления бизнес-процессами в целях достижения целей организации. Принципы формирования механизма управления производственными процессами можно поделить на три основных группы [2]: общие, частные и ситуационные. Далее необходимо дать полную характеристику перечисленным принципам. Итак, общие принципы можно охарактеризовать как системное функционирование всех элементов управленческого процесса для достижения глобальных целей организации, также стоит отметить взаимную интеграцию элементов и их адаптивность под изменения бизнес-процессов. Частные принципы характеризуются регулированием ограниченных ресурсов для снабжения производственного процесса, а также системообразующим фактором функционирования трудовых, информационных и материальных потоков. Ситуационные принципы включают в себя обратную связь между работниками и руководящим составом, использование различных методов и технологий в зависимости от особенностей производственных процессов, также можно выделить распределение производственных работ по приоритетам.

На этапе формирования механизма управления производственными процессами определяется план разработки, который, зачастую, состоит из шести пунктов, которые необходимо рассмотреть. Первый пункт определяет цели внедрения механизма управления производственными процессами, также сюда входят процессы мониторинга эффективности выполнения технологических операций по внедрению механизма. На втором этапе определяются объекты, способствующие повышению эффективности процесса внедрения. Третий этап подразумевает исследование текущего состояния бизнес-процессов организации, выявление проблем, которые будут устранены посредством внедрения механизма управления. Четвертый этап характеризуется консолидированием процессов управления для достижения целей, которые были выявлены на первом этапе. На пятом этапе ответственные за разработку и внедрение механизма управления производственными процессами составляют инструкции по работе с новыми методами и инструментами. Шестой этап является началом процесса реализации, здесь происходит распределение трудовых и материальных ресурсов для начала работы.

Реализация механизма управления производственными процессами происходит на основании плана, который был изложен в тексте исследования. Особенностью данного этапа является работа менеджеров по оптимизированию управленческих решений с целью повысить производительность организации и снизить издержки. Следом происходит этап внедрения разработанных мероприятий и отслеживание положительных и отрицательных динамик. При возникновении негативных явлений, план мероприятий корректируется.

Таким образом, в исследовании были рассмотрены теоретические аспекты механизма управления производственными процессами, проанализированы этапы внедрения механизма и обоснована его необходимость в коммерческой деятельности компаний.

Список литературы

1. Анискин Ю.П. Особенности формирования механизма управления производственной активностью компании / Ю.П. Анискин, С.Н. Кинякин // Организатор производства. – 2014. – №2 (61). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-mehanizma-upravleniya-proizvodstvennoy-aktivnostyu-kompanii> (дата обращения: 20.05.2024).
2. Кладов А.В. Теоретические аспекты формирования механизма управления производственными процессами / А.В. Кладов // ЭКОНОМИНФО. – 2011. – №15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-formirovaniya-mehanizma-upravleniya-proizvodstvennymi-protsessami> (дата обращения: 21.05.2024). EDN REEMBB
3. Корсак М.М. Формирование концептуальной модели организационно-экономического механизма управления / М.М. Корсак, А.П. Сурдо // Экономический вестник университета: сборник научных трудов ученых и аспирантов. – 2018. – №37–1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kontseptualnoy-modeli-organizatsionno-ekonomicheskogo-mehanizma-upravleniya> (дата обращения: 21.05.2024). EDN OVSMGD

Суржиков Михаил Андреевич
д-р экон. наук, профессор, декан
Гулов Максим Васильевич
аспирант

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УПРАВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ СИСТЕМАМИ ЗАРУБЕЖНЫМИ И РОССИЙСКИМИ КОМПАНИЯМИ

Аннотация: современные производственные системы сталкиваются с необходимостью постоянного совершенствования процессов управления для повышения эффективности, конкурентоспособности и устойчивости в условиях глобализации. Инновационные технологии, такие как искусственный интеллект (ИИ), интернет вещей (IoT), большие данные (Big Data), роботизация и цифровые двойники, кардинально меняют подходы к управлению производством.

Ключевые слова: производство, искусственный интеллект, интернет, цифровизация, технологии.

Зарубежные компании, такие как Siemens, General Electric, Toyota, активно внедряют передовые решения, в то время как российские предприятия (Росатом, Газпром, Камаз) также развивают цифровизацию, хотя и с некоторым отставанием. Рассмотрим ключевые инновационные технологии, их применение в управлении производственными системами, а также сравнительный анализ опыта зарубежных и российских компаний.

В управлении производством применяют следующие ключевые инновационные технологии:

- искусственный интеллект и машинное обучение, который позволяет оптимизировать производственные процессы, прогнозировать спрос, выявлять дефекты продукции и управлять цепочками поставок. Например, компания *Siemens* использует нейросети для предиктивной аналитики оборудования, сокращая простои на 20–30% [1];

- интернет вещей (IoT) и промышленный интернет вещей IIoT обеспечивает мониторинг оборудования в реальном времени. General Electric внедрила систему Predix, которая собирает данные с датчиков и прогнозирует износ деталей/ [2] В России Росатом применяет IoT для контроля ядерных реакторов;

- цифровые двойники (Digital Twins) – это виртуальная копия физического объекта, позволяющая тестировать изменения без остановки производства. Tesla использует эту технологию для оптимизации сборки электромобилей [3].

В РФ Камаз внедряет цифровые двойники в проектировании грузовиков;

- роботизация и роботы. Промышленные роботы (Fanuc, KUKA) и коллаборативные роботы (коботы) повышают точность и скорость производства. Toyota применяет роботов для сборки автомобилей, снижая брак до 0,1%. В России Газпром автоматизирует опасные участки добычи нефти;

- большие данные и облачные вычисления (Big Data) помогает выявлять скрытые закономерности. Amazon использует облачные платформы (AWS) для управления логистикой.

В РФ Сбербанк и Яндекс разрабатывают аналитические системы для промышленности.

Коротко рассмотрим опыт зарубежных компаний, работающих в США, Германии, Японии.

Компания Siemens (Германия) Внедрила Industrie 4.0, объединив IoT, AI и робототехнику. Завод в Амберге работает в полностью автоматизированном режиме [4].

General Electric (США) анализирует данные с турбин и авиадвигателей, экономя миллионы долларов на обслуживании [5].

Компания Toyota (Япония) Система *TPS*, роботы сократили цикл сборки автомобиля на 15% [6].

Рассмотрим опыт российских компаний при использовании цифровых двойников для моделирования АЭС с целью снижения рисков аварий.

Цифровой двойник (Digital Twin, DT) представляет виртуальную динамическую модель физического объекта или системы, которая обновляется в реальном времени за счёт данных с датчиков, симуляций и машинного обучения. В атомной энергетике цифровые двойники применяются для: мониторинга состояния оборудования, прогнозирования отказов и предотвращения аварий, оптимизации режимов работы АЭС, обучения персонала на виртуальных тренажёрах.

Цифровые двойники помогают снижать риски аварий.

Рассмотрим российский опыт Росатома и цифровые двойники.

Проекты Росатома:

– «Цифровой реактор» – полная виртуальная модель ВВЭР-1200, используемая на Нововоронежской АЭС-2;

– «Единая цифровая платформа» – интеграция данных со всех АЭС России для централизованного анализа.

Результаты внедрения позволяют:

- снизить частоту внеплановых остановов на 20%;
- уменьшить затраты на обслуживание на 10–15%;
- повысить точность диагностики оборудования до 95% [8].

Следует отметить, что цифровые двойники – ключевой инструмент для повышения безопасности АЭС, Росатом уже доказал их эффективность в предотвращении аварий. Дальнейшее развитие технологии потребует инвестиций в ИИ и защиту данных, но результат – «нулевой риск» катастроф – стоит затрат.

Рассмотрим пример цифровизации завода КамАЗ в Набережных Челнах, который является одним из крупнейших производителей грузовиков в России. В 2020–2023 годах предприятие провело масштабную цифровую трансформацию, внедрив промышленный интернет вещей (IIoT), искусственный интеллект (ИИ) и цифровые двойники. Результат – рост производительности на 25%, снижение простоев и повышение качества сборки.

Внедрение промышленного интернета вещей (IIoT) заключалось в установке датчиков на станках, конвейерах, испытательных стендах, которые передают данные о режимах работы, качестве сварных швов и т. д.

Так, например, система предупредила о перегреве пресс-формы, что позволило избежать её разрушения, что привело к экономии на ремонте.

Для оптимизации производства использованы цифровые двойники (Digital Twins), посредством которых созданы виртуальные копии: конвейерных линий (тестирование изменений без остановки производства); двигателей КАМАЗ (прогнозирование износа). Это позволило снизить время переналадки линии на 30%.

Применение искусственного интеллекта для контроля качества позволило выявить: дефекты покраски; неправильную установку деталей, это дало возможность сократить брак на 15% (данные отчёта КамАЗа, 2023).

Приведенные примеры показали, что цифровизация завода КамАЗ показала, что даже традиционное производство может резко повысить эффективность за счёт IIoT, ИИ и цифровых двойников. Опыт КамАЗа теперь тиражируется на другие российские предприятия, такие как ГАЗ и Уралвагонзавод.

Изложенное иллюстрирует, что инновационные технологии трансформируют управление производством, повышая эффективность и снижая издержки. Зарубежные компании лидируют, но российские предприятия постепенно внедряют цифровые решения. Для ускорения развития необходимы господдержка, обучение кадров и партнёрство с технологическими лидерами.

Список литературы

1. Kagermann H. Securing the Future of German Manufacturing Industry: Recommendations for Implementing the Strategic Initiative Industrie 4.0: final report of the Industrie 4.0 Working Group / H. Kagermann, W. Wahlster, J. Helbig. Acatech – National Academy of Science and Engineering, 2013. 678 p.
2. Porter M.E. How Smart, Connected Products Are Transforming Competition / M.E. Porter, J.E. Heppelmann // Harvard Business Review. 2014. Vol. 92. Pp. 64–88.
3. Grieves M. Digital Twin: Manufacturing Excellence through Virtual Factory Replication. 2016.
4. Industrie 4.0 in Produktion, Automatisierung, und Logistik / ed. by T. Bauernhansel, M. ten Hompel, B. Vogel-Heuser. Springer-Vieweg, 2014. URL: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=1925631> (дата обращения: 10.02.2026).
5. Evans P.C. Industrial Internet: Pushing the Boundaries of Minds and Machines / P. C. Evans, M. Annunziata. GE, 2012.
6. Liker J.K. The Toyota Way: 14 Management Principles from the World's Greatest Manufacturer. 2004.
7. Иванов А.А. Цифровые двойники в атомной энергетике / А.А. Иванов. – М.: Энергоатомиздат, 2020.
8. Цифровая трансформация атомной отрасли: отчет Росатома, 2023 / Росатом. – URL: https://www.report.rosatom.ru/go/rosatom/go_rosatom_2023/rosatom_2023_ru.pdf (дата обращения: 10.02.2026).
9. Цифровая трансформация производства: отчет ПАО «КамАЗ», 2023 / ПАО «КамАЗ». – URL: <https://rspp.ru/upload/uf/551/1t9t3jpo1v885ivpvqgjuzwstjb77rm4/e506fd01c152b5821815e301fd5c11f5.pdf> (дата обращения: 10.02.2026).

Тишкова Виктория Сергеевна

студентка

Научный руководитель

Чопчиц Инна Николаевна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА БИЗНЕС И ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация: в статье рассматривается роль цифровых платформ как ключевого фактора успеха бизнеса в современном мире. Дается определение понятия «цифровая платформа» на основе нескольких авторитетных источников. В результате обобщения сформулировано общее понимание цифровой платформы как программного решения. Представлена классификация и приведены конкретные примеры цифровых платформ, распространенных в России, анализируются основные преимущества использования цифровых платформ для бизнеса. Вместе с тем в статье обозначены риски и угрозы, связанные с использованием цифровых платформ.

Ключевые слова: цифровая платформа, риски, эффективность, экономика, инновации, цифровая трансформация, кибербезопасность, анкетирование, стиль self-service, фишинг.

Что же способствует успеху бизнеса в современном мире? Одним из ключевых факторов, способствующих успеху бизнеса в современном мире, является использование цифровых платформ. Эти платформы изменили подходы компаний к работе и взаимодействию с

клиентами. В настоящее время цифровые платформы составляют основу большинства успешных бизнес-моделей. Но что такое цифровая платформа и почему она так важна для достижения успеха? Думаем, стоит в общем ответить на вопрос, что такое цифровая платформа? Есть множество определений, рассмотрим пару из них. Специалист по праву и технологиям Джули Э. Козн описала цифровую платформу как «основную организационную форму формирующейся информационной экономики», которая при определённых обстоятельствах может заменить традиционные рынки [3].

Википедия предлагает следующее определение: цифровая платформа представляет собой основанную на программном обеспечении онлайн инфраструктуру, которая облегчает взаимодействие пользователей и проведение транзакций [5].

По определению Минтранса России, цифровая платформа – это «система алгоритмизированных взаимовыгодных взаимоотношений значимого количества независимых участников отрасли экономики (или сферы деятельности), осуществляемых в единой информационной среде, приводящая к снижению транзакционных издержек за счёт применения пакета цифровых технологий работы с данными и изменения системы разделения труда».

Таким образом, можно утверждать, что цифровая платформа – это программное решение, которое упрощает создание, управление и предоставление услуг, продуктов или контента. Она служит основой для онлайн взаимодействия между предприятиями, индивидуумами и организациями, а также для совместной работы и совершения сделок.

Цифровые платформы могут принимать различные формы: от веб-сайтов электронной коммерции и мобильных приложений до социальных сетей и облачных сервисов. Цифровая платформа выполняет роль посредника, связывая различные группы, чаще всего потребителей и производителей, и предлагая структурированную среду для обмена товарами, услугами или информацией. Основная идея цифровой платформы заключается в использовании технологий для упрощения такого взаимодействия, что делает процессы более эффективными, масштабируемыми и доступными.

Некоторые из наиболее известных примеров цифровых платформ в России включают следующие.

Маркетплейсы и агрегаторы услуг: «Яндекс», Wildberries, Ozon, «Сбер мега маркет», «Яндекс такси», In drive, «Островок.ру», «Авиасейлс», «Билеты РЖД», «Туту», «Кассир.ру», «Афиша», «Суточно.ру» и другие.

Классифайды: «Авито», «Юла», «Домклик», «Циан» и другие.

Шеринговые платформы: «Яндекс драйв», «Делимобиль», «Ситимобил», Whoosh, Volt, BlaBlaCar и другие.

Платформы для рынка труда: HH.ru, You do, Superjob, Freelance, «Профи.ру», «Консоль», «Контур», «Я сам» и другие.

Финтех-решения и краудфандинг: система быстрых платежей, приложения ВТБ, «Сбера», «Т-Банка», «Альфа-банка» и другие, «Ю money», «Я Рау», Planeta.ru и другие.

Информационно-справочные платформы и госплатформы: «Яндекс карты», «2 ГИС», «Госуслуги», Mos.ru, «Мой налог», Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения и другие.

Развлекательные ресурсы: «Яндекс.Музыка», «Кинопоиск», Okko, Premier, KION, Pikabu, Fandom и другие.

Соцсети, видеохостинги, мессенджеры, почта, связь: приложения МТС, «Билайн», «Мегафон», «ВКонтакте», «Одноклассники», Telegram, Rutube, «Почта Mail.ru», «Яндекс почта» и другие.

Каждая из этих платформ объединяет пользователей – будь то покупатели, продавцы, создатели контента или поставщики услуг – и предлагает инструменты и функции, которые

облегчают им ведение бизнеса и взаимодействие с другими людьми. Цифровые платформы стали основой современной экономики, стимулируя инновации и меняя методы работы бизнеса.

В современной бизнес-среде цифровые платформы уже не являются опционными – они стали необходимыми для достижения успеха. Рассмотрим, каковы же основные причины этого.

Обеспечение глобального охвата. Одним из самых значительных преимуществ цифровых платформ является возможность охвата глобальной аудитории. Традиционный бизнес часто ограничивался географическими рамками, но с помощью цифровых платформ компании могут взаимодействовать с потребителями и партнёрами по всему миру. Будь то интернет-магазин, присутствие в социальных сетях или платформа для обмена контентом, организации получают доступ к клиентам в различных регионах без необходимости открытия физических магазинов или офисов. Такой глобальный охват открывает новые рынки и источники дохода, позволяя компаниям быстро масштабироваться. Это также даёт возможность привлекать международные таланты и ресурсы, создавая дополнительные возможности для роста и инноваций.

Экономичность и масштабируемость. Создание традиционной бизнес-инфраструктуры часто требует значительных инвестиций в физические активы, недвижимость и персонал. В отличие от этого, цифровые платформы предлагают более экономичный подход [4].

С минимальными первоначальными вложениями компании могут создать своё онлайн присутствие и сразу начать взаимодействовать с клиентами. Масштабируемость цифровых платформ дополнительно увеличивает их экономическую эффективность.

Как только цифровая платформа настроена, она способна обрабатывать увеличивающийся объем транзакций, клиентов или пользователей без значительных дополнительных затрат.

Например, платформы электронной коммерции, позволяют компаниям расти от небольшого локального магазина до глобального бизнеса без необходимости серьёзной модернизации инфраструктуры.

Аналогично, облачные платформы могут динамически регулировать свои ресурсы в зависимости от спроса, позволяя компаниям оплачивать только те услуги, которые они фактически используют.

Рис. 1. Динамика популярности маркетплейсов в России

Доступ к данным и аналитической информации. Цифровые платформы предоставляют компаниям возможность получать доступ к обширным данным и аналитической информации, которые помогают принимать обоснованные решения. Yandex DataLens – пожалуй, самое

известное отечественное BI-решение в стиле self-service. Это облачная платформа от Яндекса для визуализации и анализа данных, Множество российских фирм начали миграцию именно на DataLens – например, «Магнит» делает на нём аналитику программ лояльности, «Транс Контейнер» перенёс отчётность для 600 сотрудников, «Ренессанс Страхование» всего за 3 месяца перевёл в DataLens всю свою корпоративную аналитику. Даже Яндекс.Маркет и Yandex Go постепенно перевели отчётность на DataLens, найдя его более удобным и экономичным для массовых пользователей. Такие инструменты собирают и хранят значительные объёмы информации о поведении пользователей, покупательских паттернах, уровнях вовлеченности и многом другом. Анализируя эти данные, компании могут лучше понять потребности, предпочтения и «болевые точки» своих клиентов. Подход, основанный на данных, позволяет компаниям оптимизировать маркетинг, улучшать предлагаемые продукты, персонализировать клиентский опыт и принимать более обоснованные решения о стратегии и росте. Возможность собирать и анализировать данные в режиме реального времени является одной из ключевых причин высокой эффективности цифровых платформ.

Повышение качества обслуживания клиентов. Качество обслуживания клиентов является решающим фактором успеха любого бизнеса, и цифровые платформы разрабатываются с акцентом на это. Благодаря интуитивно понятным интерфейсам, персонализированным рекомендациям, удобным платёжным системам и автоматизированной поддержке клиентов цифровые платформы улучшают взаимодействие компаний с клиентами. Например, платформы электронной коммерции, такие как Ozon, предлагают персонализированные рекомендации по продуктам на основе истории посещений страниц, в то время как такие сервисы, как Яндекс Go, используют технологию GPS для предоставления актуальной информации о местоположении водителя в реальном времени.

Обеспечивая более персонализированный и эффективный сервис, цифровые платформы помогают компаниям укреплять отношения с клиентами, повышать их удовлетворённость и лояльность.

Стимулирует инновации и сотрудничество. Цифровые платформы создают инновационную экосистему, позволяя компаниям, разработчикам и сторонним поставщикам разрабатывать новые решения на их основе. Открытая экосистема сотрудничества ускоряет внедрение инноваций, предоставляя предприятиям доступ к новым функциям, инструментам и сервисам, способствующим улучшению их работы.

Ещё одним положительным эффектом использования цифровых платформ является *доступность образования*. Цифровые платформы позволяют получать образование из любой точки мира с помощью доступа к сети Интернет, предоставляя обучающимся интерактивные возможности, форумы для обсуждения и совместной работы, онлайн-вебинары и другие методы обучения, которые повышают вовлеченность и мотивацию студентов. По оценкам BusinesStat, в 2024 г число слушателей дистанционных программ профессионального образования в России увеличилось на 6% и составило 2,8 млн чел. Спрос обеспечили направления высшего и среднего онлайн-образования, которые продолжают уверенно встраиваться в систему профессионального образования в стране [6].

Динамика роста на образовательные онлайн-платформы

Год	Численность (тыс. чел.)	Динамика к предыдущему году
2020	2 261	-
2021	2 284	+1,03%
2022	2 783	+21,83%
2023	2 676	-3,83%
2024	2 837	+5,99%

Несмотря на все перечисленные преимущества и выгоды, у цифровых платформ есть и свои угрозы, и недостатки. Это могут быть риски как для простых пользователей, так и для бизнеса, и государства. Персональные данные подвергаются краже, имеют место манипуляции данными о работе государственных органов и частных компаний.

Платформы могут использовать собранные данные для манипуляции пользователями, включая недобросовестную рекламу и влияние на принятие решений. Существует риск злоупотребления отношениями с клиентами и принудительного продвижения товаров и услуг. Чрезмерное использование платформ может привести к поведенческой зависимости и сокращению реального общения. По данным ВЦИОМ, 77% россиян ежедневно заходят в глобальную сеть. 39% проводят в интернете более четырех часов ежедневно.

К экономическим угрозам можно отнести недобросовестную конкуренцию, платформы могут использовать агрессивное ценообразование и высокие комиссии для увеличения прибыли. С другой стороны, поставщики услуг сталкиваются с неопределённостью цен и доходов, что влечёт нестабильность доходов. Участники платформ лишены традиционных трудовых прав и льгот. Поставщики самостоятельно несут расходы на оборудование и обслуживание.

На уровне государства может происходить монополизация рынков – платформы могут доминировать в различных секторах. В нашу жизнь вошло и понятие кибербезопасности – угрозы для безопасности данных клиентов. На межгосударственном уровне есть пробелы в законодательстве, нет чётких законов, регламентирующих деятельность платформ и контроля за ними.

Работая над темой статьи нам стало интересно узнать, что знают об цифровых платформах жители Красноярского края. Мы провели опрос среди 148 респондентов и получили следующие данные.

На вопрос «Как часто вы используете цифровые платформы?» большинство человек ответило «Несколько раз в день», это связано с тем, что среди респондентов тема цифровых платформ актуальна (рис. 2).

В ответе на вопрос «Какую из перечисленных платформ вы используете больше всего?» Более 80% опрошиваемых ответили, что пользуются Социальными сетями, около 10% пользуются Маркетплейсами и услугами (рис. 3).

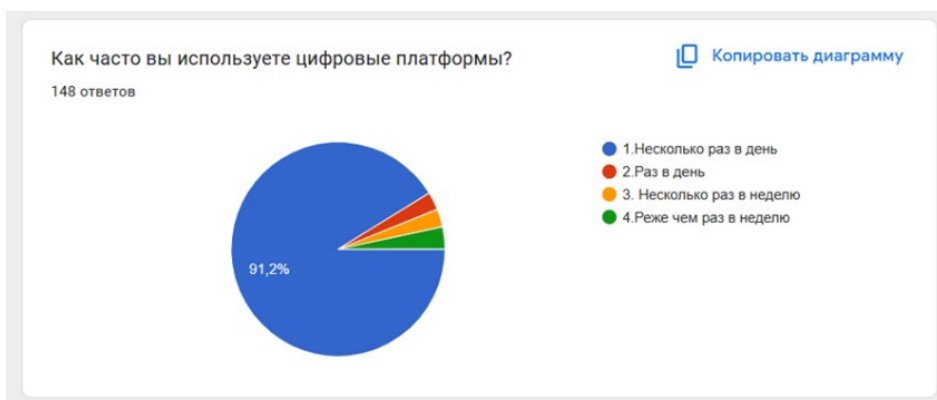

Рис. 2

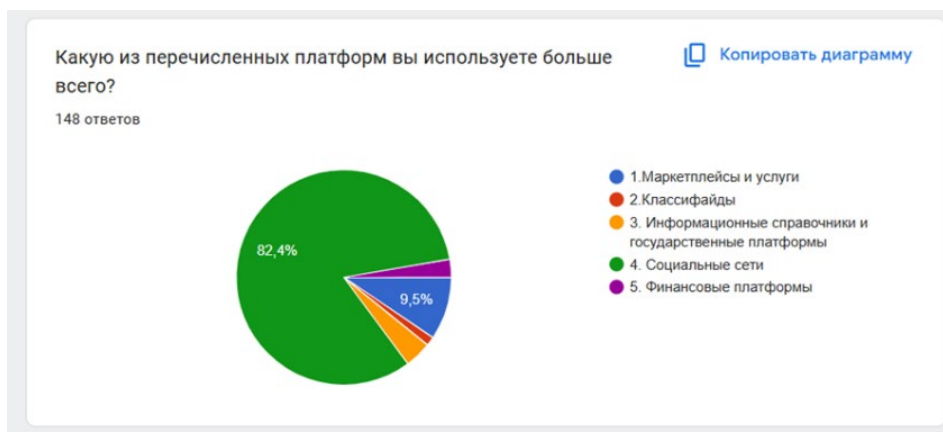

Рис. 3

Цифровая платформа должна быть безопасной и комфортной для использования, но меньше половины наших респондентов удовлетворены работой цифровых платформ, а 35% – очень удовлетворены.

О безопасности своих данных на цифровых платформах не переживают около 8%, но около 30% очень беспокоятся. Стоит помнить о том, что цифровые платформы, не смогут заменить живое общение, что подтверждают наши респонденты (рис. 4).

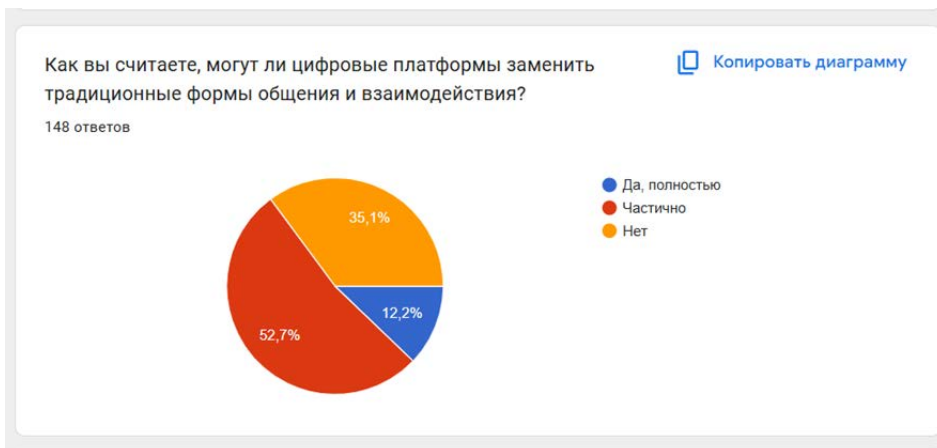

Рис. 4

Список литературы

1. Гуртнийзов М.Б. Влияние цифровых платформ на рынки труда, конкуренцию и инновации. Вызовы и возможности / М.Б. Гуртнийзов // Вестник науки. – 2024. – Т. 3. – С. 71–74. EDN ZAQPKQ
2. Колесников Ю.А. Цифровизация власти через цифровизацию финансовых механизмов / Ю.А. Колесников // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2023. – Т. 10. №2. – С. 118–122. – DOI 10.18522/2313-6138-2023-10-2-16. EDN UAAKPKQ
3. Коэн Д. Право для платформенной экономики / Д. Коэн // Юридический журнал Калифорнийского университета в Дэвисе. – 2017. – С. 51–52.
4. Маркова В.Д. Экосистемы как инновационный инструмент роста бизнеса / В.Д. Маркова // ЭКО. – 2021. – С. 151–167.
5. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Digital_platform (дата обращения: 17.02.2026).
6. URL: <https://businessstat.ru/images/demo/professional> (дата обращения: 27.01.2026).

Хайруллин Расиль Рафилевич

аспирант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет

им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Аннотация: статья посвящена анализу внешних, институциональных факторов, влияющих на развитие молодежного предпринимательства и его восприятие как карьерной траектории. На основе сравнительного анализа исследований из стран Африки (Нигерия, Гана), Азии (Пакистан), а также России и Беларуси, рассматриваются роль государственной поддержки, институциональные барьеры, значение экосистемы и социального капитала. Особое внимание уделяется политико-психологическим аспектам: восприятию государственной помощи, доверию к институтам, влиянию политической маргинализации и конфликтов.

Ключевые слова: молодежное предпринимательство, государственная поддержка, институциональные барьеры, предпринимательская экосистема, социальный капитал, политическая психология, сравнительный анализ, Россия, развивающиеся страны.

Введение.

Восприятие предпринимательства как карьерного ориентира формируется не только под влиянием внутренних психологических факторов, но и в определенной институциональной среде [1–11] Государственная политика, доступность финансовых ресурсов, инфраструктура, культурные нормы и даже геополитический контекст создают те «правила игры», которые либо стимулируют молодежь к открытию своего дела, либо возводят перед ней непреодолимые барьеры. Цель данной статьи – провести сравнительный анализ зарубежного и российского опыта для выявления ключевых институциональных и политико-экономических факторов, определяющих успешность развития молодежного предпринимательства.

1. Роль государственной поддержки и институциональные барьеры.

В развивающихся странах государство часто выступает главным «спасательным кругом» для начинающих предпринимателей. Исследование Эссель Б. с коллегами в Гане, посвященное посткризисному восстановлению бизнеса, наглядно демонстрирует, насколько эффективными могут быть целевые финансовые интервенции.

Важно отметить, что предприятия, получающие кредитную поддержку, достигают существенного роста предпринимательской эффективности: среднее увеличение прибыли составило 11586,44 седи ($p < 0,001$), а рост занятости – 3,84 работника ($p < 0,001$), что указывает на

более эффективное восстановление после кризиса и устойчивость бизнеса. Результаты показывают, что членство в бизнес-ассоциациях значительно повышает вероятность получения кредита [7].

Однако этот же пример высвечивает и ключевую институциональную проблему – эксклюзивность поддержки. Помощь получили лишь те, кто смог соответствовать формальным критериям (регистрация, налоги, банковский счет), оставив за бортом огромный пласт неформальной экономики, где как раз и работает наиболее уязвимая молодежь. Это создает важный политико-психологический эффект: у тех, кто не попадает в программы поддержки, формируется восприятие государства как несправедливого института, что подрывает доверие и снижает легитимность власти.

Качественное исследование Разы Г. с коллегами в пакистанском регионе Гилгит-Балтистан показывает, что институциональные барьеры могут быть еще глубже и системнее [8; 9]. Здесь ограничения носят не просто экономический, но и глубоко политический характер.

Результаты выявили восемь различных категорий ограничений: социокультурные нормы, ограниченность человеческого капитала, финансовая эксклюзия, географические и инфраструктурные барьеры, экологические риски, институциональные пробелы, политическая маргинализация и конфликты, исключение из рынка и цепочек создания стоимости.... Наш регион лишен основных конституционных прав из-за спорного статуса. Поэтому мы имеем ограниченное представительство в органах, принимающих решения, из-за чего сталкиваемся с бюджетными, политическими и административными проблемами [8].

Это исследование демонстрирует, что политическая психология предпринимательства включает в себя и чувство маргинализации, бесправия. Когда предприниматели не видят себя частью единого политического поля, не доверяют государственным институтам, их мотивация к легальному и продуктивному предпринимательству резко падает. В таких условиях предпринимательство может уходить в «тень» или принимать деструктивные формы.

2. Экосистемный подход и региональная специфика.

В противовес разрозненным мерам поддержки, современная наука и практика все чаще говорят о необходимости создания целостной предпринимательской экосистемы. Работа Мирончика, посвященная Беларуси, предлагает теоретическую модель такой экосистемы для молодежи.

«Экосистему молодежного предпринимательства... можно определить как целенаправленно формируемую, саморегулируемую и коэволюционирующую среду, обеспечивающую непрерывный процесс генерации, развития и коммерциализации молодежных предпринимательских инициатив через синергию образования, инфраструктуры, финансов и культуры» [3].

Автор подчеркивает, что ключевыми характеристиками такой системы являются взаимосвязь элементов, саморегуляция, открытость и целенаправленное формирование. Это означает, что просто создать бизнес-инкубатор недостаточно – нужно выстроить связи между университетами (где рождаются идеи), инвесторами (кто дает деньги), государством (кто создает правила) и обществом (кто формирует спрос и культуру). Исследование Афанасьевой и коллег в Санкт-Петербурге подтверждает фрагментарность текущей ситуации и высокий запрос на интеграцию.

«Ключевыми барьерами выступают прежде всего ресурсные ограничения, отсутствие должного уровня компетенций и институциональная неустойчивость системы поддержки... Несмотря на наличие значительного уровня мотивации, уровень субъективной готовности к запуску бизнеса по окончании университета остается низким...» [1].

Это исследование наглядно показывает разрыв между желанием (мотивацией) и реальной возможностью (готовностью), который возникает именно из-за несовершенства

институциональной среды. Молодые люди хотят, но не знают, как, где взять деньги, к кому обратиться за советом, и боятся бюрократии.

Анализ Виленского вносит важный штрих в понимание современной региональной политики России в сфере МСП, показывая ее смещение в сторону поддержки приоритетных (производственных) отраслей.

«В новых программах развития и поддержки МСП регионов Восточной Сибири... предстоит уменьшить общие масштабы поддержки МСП с целевой переориентацией на приоритетные отрасли экономики. Под этими отраслями понимаются, в первую очередь, производственная сфера, ИТ, строительство, транспорт и связь, наука, логистика.... Льготы действительно могут продлить жизненный цикл малого торгового предприятия. Но возникает вопрос – а зачем... его продлевать...» [2].

Этот сдвиг имеет важнейшее политико-психологическое значение. Государство сигнализирует молодежи: «Мы поддерживаем не всякий бизнес, а тот, который нужен стране для технологического суверенитета». Это меняет иерархию карьерных ориентиров, делая предпринимательство в промышленности и ИТ более престижным и социально одобряемым, чем, например, в торговле. Работа Пищулина и коллег подкрепляет этот тезис, подчеркивая связь молодежного и технологического предпринимательства.

«Взаимосвязь молодежного и технологического предпринимательства, очевидно, становится новым инновационным фактором производства, который в долгосрочной перспективе будет определять тренд развития национальной экономики» [4].

Заключение.

Сравнительный анализ показывает, что успешность молодежного предпринимательства как карьерного ориентира напрямую зависит от качества институциональной среды [1–11]. Прямая государственная поддержка (кредиты, гранты) эффективна, но страдает от эксклюзивности. Институциональные пробелы и политическая маргинализация могут полностью блокировать предпринимательскую активность, формируя чувство бесправия. Наиболее перспективным представляется экосистемный подход, интегрирующий усилия государства, бизнеса, образования и общества. Для России, с ее акцентом на технологический суверенитет и региональное развитие, ключевыми вызовами являются преодоление фрагментарности поддержки, снижение административных барьеров и формирование позитивного образа предпринимателя в приоритетных отраслях, что должно стать предметом пристального внимания не только экономистов, но и политических психологов.

Список литературы

1. Афанасьева Т.С. О развитии социально ориентированного молодежного предпринимательства в университетах Санкт-Петербурга и Ленинградской области / Т.С. Афанасьева, М.А. Григорьева, Е.С. Аввакумова // Социология и право. – 2025. – Т. 17. №4. – С. 501–519. DOI 10.35854/2219-6242-2025-4-501-519. EDN CIQTFK
2. Виленский А.В. Малое и среднее предпринимательство в региональной политике России: Восточная Сибирь / А.В. Виленский. – 2024.
3. Мирончик В.В. Концепция экосистемы молодежного предпринимательства / В.В. Мирончик // Вестник Витебского государственного технологического университета. – 2025. – №3 (53). – С. 130–142. DOI 10.24412/2079-7958-2025-3-130-142. EDN DSOFRK
4. Пищулин В.Н. Молодежное предпринимательство как инструмент развития российской экономики в условиях внешних ограничений / В.Н. Пищулин, М.И. Шепелев, Т.А. Костенькова // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15. №11. – С. 7359–7372. – DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.15.11.124035>. EDN NXS NBC
5. Русакова М.А. Классификация факторов, влияющих на развитие университетского технологического предпринимательства в строительной сфере в условиях цифровой экономики / М.А. Русакова. – 2026.
6. Abdullah A. The effect of youth entrepreneurship on digital innovation in the creative economy in Indonesia. 2026.

7. Digital technology adoption and growth of youth entrepreneurship in Kaduna State / M.U. Doshiro, V. Paul, U.S. Aliyu, S. Paul. 2025.

8. Youth entrepreneurship, credit access and post-disaster business recovery: evidence from informal food enterprises in Ghana / B.K.C. Essel, E. Donkor, A. Ullah [et al.] // Journal of International Development. 2026.

9. Enablers of agricultural entrepreneurship in developing countries – a GEM data-based study / G. Raza, J. Kratzer, R. Ali, M. Haq. – 2026.

10. Raza G. Constrained agricultural entrepreneurship: evidence from the highland Himalayan context / G. Raza, J. Kratzer, M. Haq // Journal of Developmental Entrepreneurship. 2025. Vol. 30. No. 3. P. 2550015. DOI: <https://doi.org/10.1142/S1084946725500153>. EDN KXILCV

11. Salkynbayeva F. Youth entrepreneurial mindset and employment management mechanisms in Mangystau region / F. Salkynbayeva, G. Tayauova // 11th International EMI Entrepreneurship & Social Sciences Congress Proceedings. 2025. Pp. 911–919.

12. Predictive analysis of the russian entrepreneurship development / V.V. Smirnov, T.V. Talanova, A.N. Zakharova [et al.] // Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2018 – Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional expansion to Global Growth. 2018. Vol. 32. Pp. 6949–6958.

Чеботарева Софья Андреевна

студентка

Научный руководитель

Чопчиц Инна Николаевна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ТРЕНДЫ В КОНТЕНТЕ: ЧТО ПРЕДПОЧИТАЮТ ЗУМЕРЫ И МИЛЛЕНИАЛЫ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ: АНАЛИЗ ПОПУЛЯРНЫХ ФОРМАТОВ И ЖАНРОВ КОНТЕНТА

Аннотация: в статье рассматривается цифровая медиасфера как динамичное пространство, в котором создание и адаптация контента происходят с учётом запросов конкретных поколенческих групп. Объектом исследования выступают поколения миллениалов (1981–1996 гг.) и зумеров (поколение Z, 1997–2012 гг.) как наиболее активные сегменты интернет-аудитории. Анализируются дискуссии о сравнительных характеристиках данных поколений, получившие широкое распространение в маркетинге и социальных медиа. Особое внимание уделяется тому, как модели медиапотребления миллениалов и зумеров формируют актуальные тренды, стратегии продвижения на цифровых платформах и экономические показатели, включая рекламный рынок. Выявляются существенные различия в предпочтениях форматов и платформ контента между группами, обусловленные комплексом факторов, среди которых ключевую роль играют психологические установки, сформированные в период взросления. Делается вывод, что понимание данных различий имеет критическое значение для компаний и брендов, стремящихся к эффективному взаимодействию с целевой аудиторией.

Ключевые слова: цифровая платформа, медиапотребление, миллениалы, зумеры, социальные сети, тренды, контент, клиповое мышление, алгоритм.

Степень научной разработанности. Вопросы медиапотребления поколений анализируются и освещаются в работах по социологии, маркетингу и медиалогии. Так как появляются новые форматы, платформы и постоянное течение аудитории, медиасфера подвергается постоянной трансформации, а значит требует постоянного, актуального анализа.

Цель исследования: провести сравнительный анализ предпочтений в форматах и жанрах цифрового контента у представителей поколений миллениалов и зумеров.

Задачи исследования.

1. Определить основные виды платформ для каждой поколенческой группы.
2. Выявить и составить классификацию популярных форматов контента (видео, текст, аудио) и жанров (развлекательный, образовательный), а также анализ контента среди миллениалов и зумеров.
3. Проанализировать факторы, влияющие на формирование предпочтений у разных поколений и их причины (клиповость мышления, ценность времени, социальная значимость).

Объект исследования – цифровой контент на медиаплатформах за последнее время.

Предмет исследования – особенности предпочтений в форматах и жанрах цифрового контента среди разных возрастов.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты работы могут стать полезными в последующих исследованиях медиапотребления, а также применимы на практике специалистами в областях, смежных с медиа коммуникациями. Также могут быть разработаны стратегии по повышению заинтересованности людей в различного рода контенте.

1. Теоретические основы анализа поколенческих предпочтений в цифровом контенте

1.1. *Миллениалы и зумеры* как субъекты цифрового медиапотребления: социально-психологический портрет.

Перед анализом предпочтений потребляемого контента необходимо обозначить границы групп. Такой подход является эффективным инструментом для выявления моделей поведения каждой из социальных групп, не смотря на критику за обобщение и усреднение. Миллениалы («цифровые пионеры») представляют собой первое поколение, сформировавшееся в эпоху становления интернета, которое встретилось с гаджетами и при взрослении училось пользоваться техникой. Это, несомненно, повлияло на их адаптивность и определённый «цифровой консерватизм»: они предпочитают развёрнутый и познавательный контент (вебинары, длительные подкасты, обучающие ролики), воспринимают социальные сети как инструмент для поддержания связей и карьерного роста (Facebook, Instagram (принадлежит признанной в России экстремистской Meta), YouTube). Для них характерен качественный контент и баланс между развлечением и пользой.

Противоположно им представлены зумеры (Поколение Z) – это поколение, с детства погруженное в цифровую среду. Их мышление со временем адаптировалось к клиповому восприятию. Ключевые предпочтения – быстрые эмоциональные видео, участие в интерактивных форматах, визуальная коммуникация. Они привыкли жить в режиме «скролл» и «свайп», где контент затягивает с первых секунд. Привлекающие зумеров виды медиа-коммуникации – это визуальные и видеоцентричные платформы (TikTok, Instagram Reels, YouTube Shorts), где главенствуют принципы scroll-stopping контента (остановка бесконечной ленты) и креативного самовыражения.

- 1.2. Эволюция цифровых платформ как фактор формирования контент-предпочтений.

Предпочтения в контенте неразрывно связаны с технологическим развитием платформ, которые были востребованы в разные периоды взросления и становления поколений [2]. Среди них можно выделить три волны платформ, соответствующие разным интернет-эпохам.

Этап 1.

Начало (2005–2010 гг.) (для миллениалов): ранний YouTube, Facebook (принадлежит признанной в России экстремистской Meta), Twitter, ВКонтакте. Контент здесь часто представлялся большим количеством текста, постами в блоге или представлен длинными форматами видео (посты в блоге, плейлисты). Социальные сети служат в основном для общения, обмена информацией.

Этап 2.

Развитие визуально-мобильных платформ (2010–2020 гг.) (на стыке поколений): Активное распространение контента, направленного на зрительное восприятие (фото и видео), начало использования Instagram (принадлежит признанной в России экстремистской Meta) и Pinterest и Snapchat. Сдвиг в сторону эстетики, краткости (сторис), эфемерности (недолговечности) контента. Для миллениалов это стало началом новой ступени медиапотребления, к которой нужно адаптироваться, зумеры же родились с ними, для них такой род контента стал основополагающим для дальнейшего развития предпочтений.

Этап 3.

Интерактивность и платформы алгоритмических коротких видео (2020-н.в.) (доминантный контент зумеров): TikTok, Instagram Reels ((принадлежит признанной в России экстремистской Meta) и YouTube Shorts. Короткие ролики, привлекающие потребителя с первых секунд, которые становятся популярными благодаря алгоритмам. Это породило жанры, невозможные ранее: танцевальные челленджи, тренды, быстрые лайфхаки и смешные скетчи [1].

2. Теоретико-методологическая основа исследования.

2.1. Поколения Y и Z как социокультурные и медийные подразделения.

Ключевое различие между поколениями лежит в контексте цифровой социализации. Миллениалы – «цифровые мигранты»: их взросление сопровождалось переходом от аналоговых медиа (ТВ, пресса), настольных компьютеров к просмотру веб-страниц с мобильных устройств, цифровым версиям контента, большому количеству доступной информации. Зумеры – «цифровые аборигены», для которых интернет, мобильные устройства и визуальный язык соцсетей являются естественной средой, доступной с рождения [3]. Это порождает:

- среди миллениалов: «полезную» модель потребления (поиск информации, польза от потребляемого контента), ностальгию по аналоговым форматам, которые были «до» (винил, плёночная эстетика);

- у зумеров: алгоритмическую модель, где функционал платформы важен не менее, чем ценность просматриваемого контента. Для них характерны клиповое мышление, многозадачность, запрос на аутентичность и «неотшлифованность», освещение таких вопросов, как принятие разнообразия, проблемы ментального здоровья.

2.2. Концепция алгоритмической культуры и удержания внимания.

Потребление обусловлено не только возрастными особенностями, но и логикой платформ. Алгоритмы рекомендаций (TikTok, YouTube Shorts рекомендации) формируются, отслеживая предпочтения пользователя, они определяют, какие идеи и цели преследуются. Это создает алгоритмическую культуру, где успех контента зависит от его соответствия неясным правилам платформы (например, ориентация на удержание внимания в первые 3 секунды, привлечение заинтересующим заголовком или красивая картинка).

3. Сравнительный анализ предпочтений: видео, аудио и игровой контент.

3.1. Медиаконтент миллениалов.

Среди видео контента миллениалы предпочитают жанры контента с высокой повествовательной значимостью (документалистика, сериалы, разборы и обзоры). Часто выбираемая платформа – YouTube. Миллениалы – активные потребители подкастов, интервью, true crime (криминальный жанр), потребление часто фоновое (в дороге, при работе). Telegram-каналы, чаты в мессенджерах используются для поддержания связей, групп по интересам и новостей. Игры для данной группы редко являются хобби, чаще они смотрят обзоры и прохождения как вид отдыха [4].

3.2. Контент, предпочитаемый зумерами.

Среди этого поколения доминируют короткие форматы видео, сделанные по принципу клипа (высокая динамика, монтажные склейки, акцент на визуальное восприятие), ключевая ценность которых – развлекательный контент. Зумеры предпочитают короткие аудиоформаты,

потребление более целенаправленное. Текст уступает визуальному контенту (инфографика, маски и фильтры как форма самовыражения) и общению (например, Discord). Игровой контент является главной составляющей всего медиа. Сейчас Twitch является самой популярной площадкой, где собираются сообщества по интересам. Популярен контент из игровых вселенных [5].

4. Анализ платформ.

TikTok, Instagram Reels (принадлежит признанной в России экстремистской Meta), YouTube Shorts: для зумеров – более привычные платформы. Для миллениалов это часто дополнение к основным платформам, является источником краткого развлечения.

Twitch, Discord: площадки с развитой культурой общения. Зумеры используют их на постоянной основе, для социализации и просмотра интересующего их контента, как и миллениалы – реже, для целевого просмотра конкретных блогеров.

Telegram, Twitter: платформы, используемые в равной степени обеими группами. СМИ и блоги, мессенджер и источник публичных обсуждений и дискуссий, но с разной стилистикой.

5. Исследование трендов и жанров контента среди поколений Z и миллениалов.

Для выявления актуальных способов потребления контента были сформулированы следующие исследовательские вопросы, проведен опрос среди представителей обоих поколений.

1. Общая информация: возраст, пол, занятость.

2. Использование цифровых платформ. Какие платформы в большей степени используются каждым поколением? Какие типы контента (короткие клипы, длинные видео, тексты, мемы, подкасты) доминируют в потреблении каждой возрастной группы? Какая платформа из перечисленных используется чаще всего? Сколько времени в день человек проводит на цифровых платформах?

3. Предпочтения и поведение: с какой основной целью представители поколений обращаются к социальным медиа – развлечение, информирование, саморазвитие или социальное взаимодействие? Как люди предпочитают получать новости и информацию? Насколько важно наличие конфиденциальности на цифровых платформах? Участвуют ли они в челленджах и интерактивных форматах?

Работая над темой статьи нам стало интересно узнать, что думают о цифровых платформах жители Красноярского края. Мы провели опрос среди 144 респондентов и получили следующие данные.

На вопрос «Какие из следующих платформ вы используете чаще всего?» большинство человек ответило «Социальные сети» и «Мессенджеры» (рис. 1).

В ответе на вопрос «Какие типы контента доминируют в вашем потреблении?» Более 80% опрошиваемых ответили, что чаще смотрят короткие клипы, около 55% смотрят длинные видео (рис. 2).

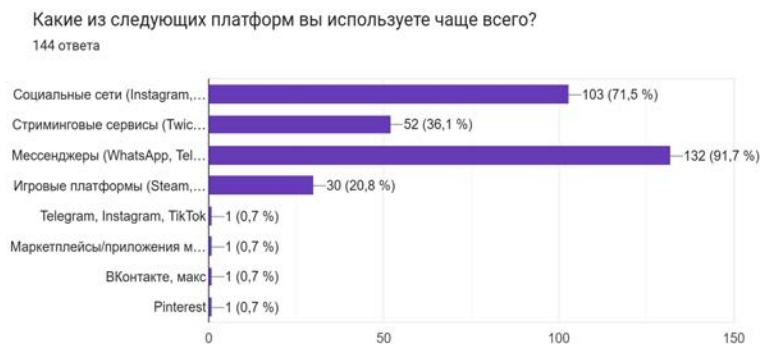

Рис. 1

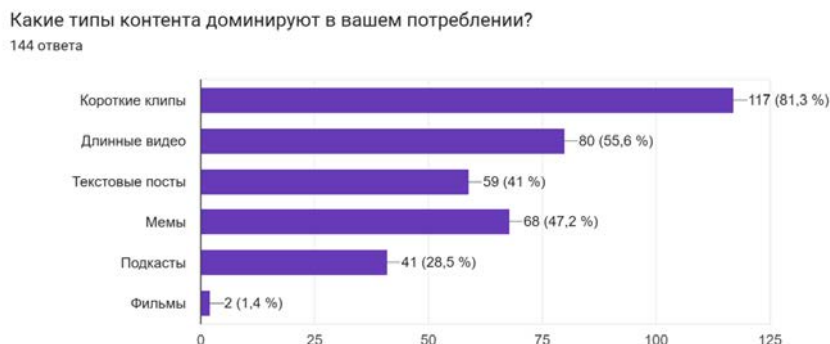

Рис. 2

Самыми популярными площадками стали Telegram (33,7%), TikTok (24,8%) и YouTube (12,9%). Это доказывает, что для цифрового поколения контент стал прежде всего средой коммуникации, построенной на визуальных форматах.

Основной целью обращения к социальным медиа стала возможность общения и доступ к развлекательному контенту (около 80% опрошенных).

Конфиденциальность на цифровых платформах очень важна 54% респондентов, а 11% — не переживают об этом.

В результате опроса подтвердились теоретические положения о том, что для поколений доминантным видом контента являются более привычные для них форматы, доказывая устойчивую платформенно-поколенческую сегментацию медиапотребления.

Выводы.

1. Поколения имеют разные привычки. Миллениалы привыкли рассказывать истории, зумеры — общаться мгновенно с помощью видео и реакций. Это следствие технологий, в которых они росли.

2. Форматы дробятся. Длинные тексты уходят в прошлое. Главное теперь — короткие, яркие форматы, где можно сразу включиться в диалог.

3. От анализа к игре. Миллениалы предпочитают подкасты и разборы, а зумеры — стримы, челленджи и мемы, где контент создается здесь и сейчас вместе со зрителем.

4. Искренность везде, но разная. Обоим поколениям надоела фальшивая реклама. Но миллениалы ищут «своего» эксперта, а зумеры — «своего в доску» человека, который не боится быть смешным и говорит с ними на равных.

Список литературы

1. Бекахметова А. Эволюция влияния социальных сетей на потребительские предпочтения и поведение / А. Бекахметова // Актуальные исследования. — 2022. — №40 (119).

2. Лебедева Л.Г. О цифровом разрыве поколений россиян в социальных сетях / Л.Г. Лебедева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2022. — №4. — С. 38–47. DOI 10.21685/2072-3016-2022-4-3. EDN ZKCHJT

3. Зверева Е.А. Поколения Y и Z: особенности медиапотребления / Е.А. Зверева, В.А. Хворова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — 2020. — Т. 19. №6. Журналистика. — С. 131–140. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-131-140. EDN ANHWKM

4. Как зумеры и миллениалы потребляют контент — исследование VK. — URL: <https://pubmag.ru/ru/short-news/rb-2026-02-02-kak-zumery-i-millennialy-potreblaiut-kontent---issledovanie-vk-rbru/> (дата обращения: 22.02.2026).

5. VKontakte изучила медиапривычки разных поколений. — URL: <https://news.ru/society/vkontakte-izuchila-mediaprivychki-raznyh-pokolenij> (дата обращения: 22.02.2026).

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Аннотация: в статье рассматривается комплекс проблем, возникающих в процессе цифровой трансформации рабочих мест в современных организациях. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием цифровых технологий, внедрением искусственного интеллекта и автоматизации, которые кардинально меняют структуру занятости, требования к компетенциям сотрудников и модели взаимодействия между работодателями и работниками. Цель статьи – выявить ключевые вызовы цифровой трансформации на рабочем месте и предложить пути их преодоления.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровые технологии, бизнес-процессы, команда, организация, цифровая культура, сотрудники, навыки, стратегия.

Цифровая трансформация меняет принципы функционирования бизнеса. Внедряя цифровые решения в различные сферы деятельности, можно повысить эффективность, лучше удовлетворять потребности клиентов и сохранять конкурентоспособность в условиях меняющегося бизнес-ландшафта. 70% организаций в настоящее время нацелены на цифровую трансформацию, и эта стратегия необходима для того, чтобы оставаться актуальными в условиях цифровой культуры.

Однако бизнес может столкнуться с препятствиями в процессе перехода на цифровые технологии. От разработки стратегии управления до преодоления бюджетных ограничений – все эти проблемы, связанные с цифровизацией, могут сделать процесс трансформации непосильной задачей. Тщательный и гибкий план внедрения поможет компании или предприятию преодолеть эти трудности и в полной мере воспользоваться преимуществами цифровой трансформации.

Проблемы, связанные с цифровой трансформацией.

Полная трансформация затрагивает все аспекты деятельности организации. Цифровые решения внедряются во все сферы бизнеса – от взаимодействия с клиентами до маркетинговых стратегий. Цифровая трансформация дает организациям множество преимуществ, но в то же время может создавать проблемы. Переосмысление основных бизнес-процессов требует критического мышления, а также проб и ошибок, и вполне естественно, что команда будет сталкиваться с трудностями на этом пути. Только при наличии правильных стратегий вы сможете решить эти проблемы и в полной мере воспользоваться преимуществами цифровизации.

Вот некоторые распространённые проблемы, возникающие в процессе цифровой трансформации.

Сложности с изменением бизнес-модели.

Ваша бизнес-модель определяет ваши продукты и услуги, целевую аудиторию, прогнозируемую прибыль и другие важные показатели. Другими словами, это план, от которого зависит успех вашей компании. Возможно, раньше вам помогали традиционные методы, но цифровая трансформация обычно требует других подходов. Чтобы оставаться конкурентоспособными в условиях цифровой культуры, вашей команде, возможно, придётся пересмотреть свои приоритеты. Такие методы, как сбор данных и автоматизация задач, позволяют компаниям масштабироваться гораздо быстрее, чем раньше. Вы можете расширить свою клиентскую базу, улучшив пользовательский опыт, или увеличить прибыль, сделав свою компанию лидером в области цифровых технологий.

Цифровая трансформация.

Любая команда может столкнуться с трудностями при разработке новой модели. Отказаться от проверенных стратегий может быть непросто, особенно после многих лет их совершенствования. Возможно, вам понадобится помощь в постановке новых достижимых целей или вы не будете уверены, как новое программное обеспечение впишется в вашу модель. Эти препятствия могут помешать вам приступить к внедрению новых подходов.

Отсутствие стратегии управления изменениями.

Тщательно проработанная стратегия управления изменениями имеет решающее значение для любого обновления бизнеса. В таких планах описываются предстоящие изменения, сроки их внедрения, способы коммуникации с заинтересованными сторонами и членами команды, периоды обучения и другие факторы. Организационная стратегия описывает каждый этап процесса, что упрощает внедрение фундаментальных изменений.

Попытка провести цифровую трансформацию без стратегии управления может привести к множеству проблем. Вы можете упустить из виду важные этапы или не интегрировать приложения, которые потенциально могут работать вместе. Непродуманный план приводит к замешательству и разочарованию членов команды, которые и без того могут настороженно относиться к грядущим изменениям. Кроме того, это может привести к снижению эффективности в дальнейшем: из-за недостаточного обучения ваша команда может оказаться не готова к работе с новыми системами или устройствами. Продуманная стратегия управления поможет провести трансформацию без проблем. Чем более плавным будет переход, тем лучше к нему отнесётся ваша команда.

Спротивление переменам.

Внезапный переход на цифровые форматы может показаться непосильной задачей, если ваша компания привыкла работать с устаревшими системами и бумажными документами. Ваша команда может сопротивляться цифровым изменениям, особенно если их слишком много и они происходят одновременно. Сотрудники могут испытывать трудности с обучением или просить сохранить существующие структуры. Вполне нормально, если члены команды выражают сомнения или растерянность в связи с цифровой трансформацией. Но если слишком много людей сопротивляются изменениям, внедрить их будет гораздо сложнее.

Спротивление цифровым изменениям.

Очень важно развеять эти опасения и сформировать более позитивный взгляд на обновления. Сохраняя открытость и готовность помочь, вы поможете сотрудникам легче адаптироваться к изменениям.

Ограничения по бюджету.

Ещё одна проблема при цифровой трансформации – соблюдение бюджета. Внедрение новых технологий требует значительных инвестиций. Кроме того, вам могут потребоваться расходы на консультации, обучающие материалы, новое оборудование или дополнительные ИТ-услуги. Без бюджета вы можете быстро выйти за рамки своих возможностей и столкнуться с финансовыми трудностями. Если у вас ограниченный бюджет, вы можете не позволить себе инвестировать в наиболее подходящие для вас программы или другие инструменты. Важно определить свои цели и составить бюджет в соответствии с ними. Понимание типичной окупаемости цифровой трансформации поможет вам осознать её ценность. Цифровизация может помочь сократить операционные расходы и лучше удовлетворять потребности клиентов, что позволит окупить первоначальные затраты.

Отказ от устаревших систем.

Многие компании по-прежнему используют устаревшие системы, несмотря на доступность современных технологий. После многих лет использования одних и тех же систем сложно перейти на новые. Освоение нового программного обеспечения может показаться

сложной задачей, особенно если вы по-прежнему получаете выгоду от использования существующих систем.

Однако устаревшие системы могут препятствовать цифровой трансформации. Переход с устаревших систем может занять много времени, что замедлит процесс цифровой трансформации. Современные технологии позволяют централизованно хранить контент и приложения, обеспечивая синхронизацию данных и удобный доступ к ним. Возможно, вам не удастся включить устаревшие программы в процесс консолидации. Устаревшее программное обеспечение часто имеет низкую скорость загрузки и жёсткую структуру, что затрудняет его интеграцию в современную цифровую среду.

Устранение пробелов в цифровых навыках.

Для цифровизации требуются цифровые навыки практически для всех сотрудников. Поскольку большинство систем переходят в облако или в веб-приложения, даже тем, кто не имеет технического образования, потребуется базовое понимание этих технологий. Команда должна обладать достаточными знаниями, чтобы эффективно работать и решать проблемы клиентов. Скорее всего, у сотрудников есть широкий спектр технических навыков и знаний. И это совершенно нормально, если в прошлом редко использовались цифровые решения. Однако при подготовке обучающих материалов и адаптации команд к новой среде могут возникнуть трудности. Из-за пробелов в цифровых навыках придётся приложить немало усилий, чтобы удовлетворить потребности всех сотрудников в процессе перехода.

Эти пробелы также могут усложнить процесс трансформации в целом. Если у есть сотрудники, специализирующиеся на таких важных областях, как миграция контента или цифровой маркетинг, переход пройдёт более гладко. Возможно, придётся расширить штат или обратиться за помощью к сторонним специалистам.

Удовлетворение растущих потребностей клиентов.

Предпочтения клиентов быстро меняются. Сравните, например, покупательские привычки до и после пандемии COVID-19. Чтобы оставаться конкурентоспособными, компаниям приходится реагировать на тенденции и удовлетворять потребности клиентов. Однако идти в ногу со временем не просто, ведь тенденции меняются очень быстро. Можно внедрить новое программное обеспечение, чтобы удовлетворить предпочтения клиентов, а через несколько месяцев обнаружить, что другая технология стала более популярной.

Чтобы добиться успеха в цифровой среде, важно быть в курсе потребительских трендов. Показывать клиентам, что их предпочтения ценят, и сохранять конкурентоспособность по сравнению с другими игроками отрасли. Сохраняя гибкость и способность к адаптации, можно быстро переключаться с одной стратегии на другую.

Адаптация к революционным технологическим достижениям.

Стремление к цифровой трансформации означает, что вы ставите технологии во главу угла своей бизнес-модели. По мере развития технологий важно внедрять эти изменения в свой бизнес. Популярные технологии, от инструментов самообслуживания до страниц в социальных сетях, помогут команде оставаться в числе лидеров отрасли.

В процессе цифровой трансформации могут появиться новые технологические достижения, которые заставят пересмотреть некоторые из существующих стратегий. Все новые инструменты требуют дополнительного обучения и ресурсов, чтобы команда освоила их. Революционные достижения могут затянуть процесс трансформации в целом, и вам придётся заручиться поддержкой сотрудников.

Как преодолеть трудности, связанные с цифровой трансформацией.

Столкновение с трудностями в процессе цифровой трансформации может обескураживать. Некоторые факторы находятся вне контроля команды, и предвидеть препятствия бывает сложно. Поиск оптимальной стратегии для любой организации требует много времени и ресурсов, но гибкость и упорство помогут добиться успеха. Правильная подготовка поможет

сотрудникам преодолеть трудности. Необходимо раскрыть весь потенциал цифровой трансформации, используя продуманные стратегии. Вот несколько способов справиться с трудностями, связанными с цифровой трансформацией.

Разработайте стратегию цифровой трансформации.

Успешная цифровая трансформация требует тщательной подготовки. Подробный план описывает процесс внедрения и позволяет предвидеть такие трудности, как сопротивление переменам или ограниченность бюджета. Необходимо составить чёткий график, чтобы ознакомить с ним команду и акционеров, и тем самым улучшить коммуникацию в рамках процесса.

Стратегия цифровой трансформации.

Чтобы разработать эффективную стратегию цифровой трансформации:

- оцените текущее положение дел и определите области, требующие улучшения;
- определите процессы и ресурсы, которые вы планируете изменить;
- подумайте, как трансформация соотносится с целями вашей организации.

Лучше всего выстроить планы в виде графика. Укажите желаемые даты начала и окончания трансформации, а оставшееся время распределите по важным этапам. Так у вашей команды будет документ, с помощью которого можно отслеживать прогресс и придерживаться графика.

Список литературы

1. Бахарев Е.Ю. Стратегические аспекты цифровой трансформации организаций: выгоды и перспективы / Е.Ю. Бахарев, А.Ю. Анисимов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – №6 (488). – С. 200–209. DOI 10.47475/1994-2796-2024-488-6-200-209. EDN FKFMFG
2. Еловская М.А. Российский рынок труда в условиях низкой безработицы, гибридной занятости и цифровизации / М.А. Еловская // Известия СПбГЭУ. – 2024. – №2 (146). – С. 47–53.
3. Ермошкина Е.Н. Тенденции цифровой трансформации рынка труда / Е.Н. Ермошкина, К.В. Филиппова // Вестник ТОГУ. – 2024. – №1 (72). – С. 87–96. EDN DSTFXE
4. Закалюжная Н.В. Новая концепция занятости и развитие трудовых отношений в цифровую эпоху / Н.В. Закалюжная // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – №2. – С. 139–164. DOI 10.17323/2072-8166.2023.2.139.164. EDN VIPAJN
5. Илюхина Л.А. Концепция управления персоналом в условиях цифровой трансформации / Л.А. Илюхина, И.В. Богатырева // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16. №6. – С. 2445–2462. DOI 10.18334/ce.16.6.114810. EDN MSYVQU
6. Комарова Т.А. Цифровизация занятости: понятийный аппарат / Т.А. Комарова, Н.В. Тонких // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2023. – №4. – С. 554–571. DOI 10.18184/2079-4665.2023.14.4.554-571. EDN TINCUG
7. Лембрикова М.М. Актуализация цифровых технологий в управлении процессом подбора персонала / М.М. Лембрикова // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. – 2019. – №1. – С. 83–89. DOI 10.22394/2079-1690-2019-1-1-83-89. EDN VXNLTX
8. Маркеева А.В. Дискуссионные вопросы развития и применения геймификации в управлении персоналом современной организации / А.В. Маркеева // Лидерство и менеджмент. – 2020. – №3. – С. 439–458. DOI 10.18334/lim.7.3.110821. EDN UTEOEL
9. Хачемизова Е.Н. Влияние цифровизации на рынок труда / Е.Н. Хачемизова, В.И. Рыльков // ЕГИ. – 2023. – №3 (47). – С. 249–252. EDN URAAJF

DOI 10.31483/r-154373

ВНЕШНЕЕ РЕЙТИНГОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЭНЕРГООБЕСПЕЧЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: статья посвящена исследованию эффективности применения внешнего рейтингового управления в качестве стратегического ресурса региональной системы энергообеспечения Волгоградской области. Автор разработал адаптивную модель и алгоритм внедрения внешнего рейтингового управления, позволяющие повысить качество управления энергосистемой. На основе факторного анализа крупных энергетических компаний региона проведена оценка целесообразности и эффективности предложенного подхода. Результаты исследования подтверждают, что применение внешнего рейтингового управления способствует переходу энергосистем с нормальной устойчивостью на абсолютную, снижению ресурсных затрат на управление энергообеспечением и повышению конкурентоспособности. Практическая значимость разработанного подхода подтверждена результатами анализа всех исследуемых компаний.

Ключевые слова: внешнее рейтинговое управление, энергообеспечение, стратегический ресурс, адаптивная модель, факторный анализ, устойчивость энергосистемы, ресурсные затраты, эффективность управления, региональная энергетика, Волгоградская область.

Введение.

Современная региональная система энергообеспечения функционирует в условиях высокой конкуренции и растущих требований к качеству услуг. Волгоградская область, обладая значительным потенциалом в сфере энергетики, сталкивается с рядом проблем, требующих комплексного решения. К основным вызовам относятся высокая степень износа основных фондов инфраструктуры, недостаточная прозрачность данных о качестве электроснабжения, несоответствие стандартам надежности и отсутствие интегрированной системы мониторинга энергопотребления.

Традиционные подходы к управлению энергосистемами зачастую ориентированы на экстенсивное развитие, что приводит к неэффективному использованию ресурсов. Поэтому актуальной становится задача разработки новых методов управления, основанных на использовании внешнего рейтингового управления как стратегического ресурса. Данный подход позволяет оптимизировать затраты на управление энергообеспечением и повысить конкурентоспособность энергетических компаний региона.

Целью исследования является оценка эффективности применения внешнего рейтингового управления для региональной системы энергообеспечения Волгоградской области и разработка практических рекомендаций по его внедрению.

Материалы и методы исследования.

Объектом исследования является региональная система энергообеспечения Волгоградской области, включающая совокупность генерирующих, сетевых и сбытовых компаний. Методы исследования: комплексный подход, включающий: методы экспертного анализа, системный анализ, сравнительный анализ показателей надежности и эффективности региональной системы энергообеспечения до и после внедрения внешнего рейтингового управления, факторный анализ. Исследование строилось на анализе: официальных отчетов энергетических

компаний Волгоградской области за 2020–2025 годы, статистических данных Волгоградской области о развитии энергетического сектора, нормативно-правовых документов Минэнерго России (Министерства энергетики Российской Федерации) и региональных органов власти.

Основные результаты.

Анализ деятельности энергетических компаний Волгоградской области выявил проблемы, требующие решения через совершенствование системы внешнего рейтингового управления. Согласно проведенной экспертной оценке, основные проблемы распределяются следующим образом:

Таблица 1

Проблемы внешнего рейтингового управления и дополнительных ресурсных затрат в части управления региональной системой энергообеспечения

Проблема, характерная для исследуемой энергосистемы	Дополнительные ресурсные затраты в части управления энергообеспечением
Высокая степень износа основных фондов энергетической инфраструктуры	0,4
Недостаточная прозрачность данных о качестве электроснабжения	0,2
Несоответствие стандартам надежности энергоснабжения	0,1
Отсутствие интегрированной системы мониторинга энергопотребления	0,1

Примечание: рассчитано и составлено автором по [4; 5].

Высокая степень износа основных фондов (коэффициент 0,4) представляет наиболее критичную проблему. Устаревшее оборудование энергетической инфраструктуры снижает надежность системы и требует постоянных затрат на ремонт и обслуживание. Это создает необходимость в разработке стратегии модернизации, которая должна быть интегрирована в систему внешнего рейтингового управления.

Недостаточная прозрачность данных (коэффициент 0,2) препятствует эффективному мониторингу качества электроснабжения. Отсутствие единой информационной системы затрудняет принятие обоснованных управленческих решений и снижает доверие потребителей к энергетическим компаниям.

Несоответствие стандартам надежности (коэффициент 0,1) и отсутствие интегрированной системы мониторинга (коэффициент 0,1) указывают на необходимость внедрения цифровых технологий управления. Эти проблемы взаимосвязаны и требуют комплексного решения в рамках адаптивной модели управления [1; 3].

Разработанная адаптивная модель внешнего рейтингового управления основана на принципе оптимизации ресурсных затрат при сохранении или повышении качества управления энергообеспечением. Ключевым элементом модели является использование показателя Z (отношение объема производства/передачи энергии к ресурсным затратам на управление) и коэффициента R (затраты ресурсов на единицу результата) [2].

Модель предусматривает:

- 1) ранжирование проблем на основе экспертной оценки с определением приоритетности их решения;
- 2) анализ текущего состояния энергосистемы через расчет показателей устойчивости;
- 3) разработку алгоритма внедрения изменений, направленных на снижение ресурсных затрат;
- 4) мониторинг эффективности через отслеживание динамики показателей Y_1 (индекс эффективности).

Переход энергосистемы от нормальной устойчивости ($Y_1 = 100\%$) к абсолютной устойчивости ($Y_1 = 400\text{--}800\%$) свидетельствует об эффективности применения модели.

Для практической проверки эффективности разработанной адаптивной модели внешнего рейтингового управления было проведено исследование четырех крупных энергетических компаний Волгоградской области. Выбор этих организаций обусловлен их репрезентативностью и охватом всех основных сегментов энергетического сектора: генерирующих мощностей, сетевых и сбытовых компаний.

Полученные результаты позволили выявить закономерности и определить оптимальные параметры внедрения внешнего рейтингового управления для различных типов энергетических объектов. Ниже представлены детальные результаты факторного анализа каждой из исследуемых компаний, демонстрирующие универсальность и высокую эффективность предложенного подхода.

Таблица 2

Сравнительная таблица результатов по компаниям

Компания	X (до)	X (после)	Y_1 (до)	Y_1 (после)	R (до)	R (после)
ПАО «Волгоградэнергосбыт»	0,6	0,1	100	600	0,0234	0,0039
Волжская ГЭС им. Ф.Г. Логинова	0,5	0,1	100	500	0,0442	0,0088
Волгоградская ТЭЦ-2	0,5	0,1	100	500	0,0002	0,0001
ПАО «Волгоградские межрайонные электрические сети»	0,8	0,1	100	800	0,0224	0,0028

Примечание: рассчитано и составлено автором по [4; 5].

1. ПАО «Волгоградэнергосбыт».

Анализ показал, что при снижении ресурсных затрат (X) с 0,6 до 0,1 показатель Y_1 возрастает с 100% до 600%. Это свидетельствует о переходе компании к абсолютной устойчивости и подтверждает целесообразность внедрения предложенного подхода. Коэффициент R снизился с 0,0234 до 0,0039, что указывает на значительное повышение эффективности использования ресурсов.

2. Волжская ГЭС имени Ф.Г. Логинова.

При снижении затрат с 0,5 до 0,1 показатель Y_1 увеличился с 100% до 500%. Коэффициент R улучшился с 0,0442 до 0,0088, демонстрируя пятикратное повышение эффективности. Данные результаты подтверждают, что внедрение внешнего рейтингового управления особенно эффективно для гидроэнергетических объектов.

3. Волгоградская ТЭЦ-2.

Тепловая электростанция также продемонстрировала значительный потенциал. При снижении затрат с 0,5 до 0,1 показатель Y_1 возрос до 500%, а коэффициент R улучшился с 0,0002 до минимального значения. Это указывает на возможность достижения абсолютной автономности системы управления энергоснабжением.

4. ПАО «Волгоградские межрайонные электрические сети».

Сетевая компания показала наиболее высокий потенциал роста. При снижении затрат с 0,8 до 0,1 показатель Y_1 увеличился до 800%, что в восемь раз превышает исходное значение. Это свидетельствует о том, что сетевые компании особенно чувствительны к оптимизации управления.

Проведенное исследование подтверждает целесообразность применения внешнего рейтингового управления во всех исследуемых энергетических компаниях Волгоградской области. Практическое внедрение предложенного подхода рекомендуется осуществлять в следующей последовательности. Первый этап – диагностика текущего состояния энергосистемы и

определение приоритетных проблем, требующих решения. На этом этапе необходимо провести экспертную оценку и расчет показателей устойчивости. Второй этап – разработка индивидуального алгоритма внедрения изменений с учетом специфики каждой компании. Особое внимание следует уделить внедрению цифровых технологий управления и оптимизации организационной структуры. Третий этап – поэтапное внедрение изменений с постоянным мониторингом показателей эффективности. Рекомендуется начать с пилотных проектов в отдельных подразделениях. Четвертый этап – масштабирование успешных решений на всю энергосистему и интеграция внешнего рейтингового управления в стратегию развития компании.

Ключевым фактором успеха является снижение ресурсных затрат на управление энергообеспечением путем внедрения цифровых технологий, автоматизации процессов и оптимизации численности управленческого персонала.

Заключение.

Проведенное исследование позволило установить, что внешнее рейтинговое управление является эффективным стратегическим ресурсом для развития региональной системы энергообеспечения Волгоградской области. Таким образом, универсальность подхода, состоящего в использовании предложенной адаптивной модели применима ко всем типам энергетических компаний: от генерирующих мощностей до сетевых и сбытовых компаний. Установлен значительный потенциал роста при оптимизации ресурсных затрат, когда показатель эффективности возрастает в 4–8 раз, что обеспечивает переход энергосистем к абсолютной устойчивости. Результаты анализа четырех крупных энергетических компаний Волгоградской области подтверждают целесообразность и эффективность применения предложенного подхода. Внедрение внешнего рейтингового управления неразрывно связано с цифровизацией энергетического сектора и внедрением современных информационных технологий.

Перспективы развития разрабатываемого автором направления включают расширение применения предложенного подхода на другие регионы России, разработку более детальных алгоритмов внедрения для различных типов энергетических компаний и интеграцию внешнего рейтингового управления с системами управления качеством и экологической безопасностью.

Список литературы

1. Боев В.Ю. Развитие энергетики как необходимый фактор успешного развития регионов ЮФО / В.Ю. Боев, Р.М. Богданова // Современная российская наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей III Всероссийской научно-практической конференции (Пенза, 23 декабря 2021 года). – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 83–86. – EDN YSQ.BSK. EDN YSQBSK
2. Прогноз развития энергетики мира и России 2024 / Ю.В. Галкин, А.А. Галкина, Л.М. Григорьев [и др.]. – М.: ИНЭИ РАН, 2024. – 208 с. – ISBN 978-5-91438-038-7. – EDN TMERRS.
3. Ляшик Ю.А. Энергетика и социально-экономическое развитие / Ю.А. Ляшик, Б.В. Ермоленко // Успехи в химии и химической технологии. – 2020. – №11 (234). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energetika-i-sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie> (дата обращения: 28.02.2026).
4. Основные характеристики российской электроэнергетики // Министерство энергетики Российской Федерации. – URL: <https://minenergo.gov.ru/industries/power-industry/main-characteristics-russian-electric-power-industry> (дата обращения: 28.02.2026).
5. Отчёты о функционировании энергосистемы России // СО ЕЭС. – URL: <https://www.sops.ru/functioning/tech-disc/tech-disc-ups/> (дата обращения: 28.02.2026).

Штейникова Валерия Олеговна

студентка

Научный руководитель

Донкова Надежда Владимировна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ИНВЕСТИЦИИ В УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ: ТРЕНДЫ И ПРОГНОЗЫ ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация: в статье рассматриваются основные тенденции в области инвестиций в устойчивое развитие: внедрение ESG-принципов, увеличение объемов «зеленых» инвестиций и растущий спрос со стороны потребителей. Представлены прогнозы развития этих трендов для российского бизнеса, основанные на актуальных данных.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG-факторы, «зеленые» инвестиции, устойчивое инвестирование, устойчивое потребление, «зеленые» облигации, корпоративная стратегия.

Устойчивое развитие – это развитие, которое отвечает потребностям настоящего времени без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. В широком смысле под устойчивым развитием понимается такое сочетание инвестиций и потребления, технологических новаций и институциональных преобразований, которое обеспечивает общественное благосостояние. Именно поэтому инвестиции в устойчивые практики рассматриваются как один из ключевых инструментов достижения данных целей [9, с. 12].

Понимание устойчивого развития в науке эволюционировало от преимущественно экологической проблемы к комплексной социально-экономической модели. В докладе Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития устойчивое развитие определяется как необходимость достижения баланса между экономическим ростом, социальной справедливостью и сохранением природного капитала. В дальнейшем данный подход стал методологической основой для формирования корпоративных и инвестиционных стратегий, ориентированных на долгосрочную устойчивость, снижение системных рисков и адаптации бизнеса к структурным изменениям экономики.

На практике концепция устойчивого развития всё чаще используется не как абстрактный теоретический принцип, а как ориентир для принятия конкретных управленческих и инвестиционных решений. Это особенно важно в условиях ужесточения регуляторных требований и роста экономической неопределённости.

По мере того, как принципы устойчивого развития внедряются в деятельность компаний, всё большую роль начинает играть ESG-подход. Он позволяет учитывать экологические, социальные и управленческие аспекты работы компании при принятии управленческих и инвестиционных решений, переводя идеи в практику.

ESG-факторы способствуют снижению операционных затрат за счёт более эффективного использования ресурсов, повышению производительности через улучшение условий труда, а также укреплению доверия со стороны клиентов и инвесторов, для которых данные параметры становятся значимым критерием выбора. В результате компании, которые внедряют устойчивые практики, усиливают свою репутацию и формируют конкурентные преимущества [11; 15].

Обсуждение влияния ESG-факторов на финансовые результаты компаний остаётся одним из ключевых моментов в современной экономической теории. В научных исследованиях до сих пор нет единого мнения по данному вопросу. С одной стороны, сторонники концепции корпоративной социальной ответственности считают, что инвестиции в экологические и социальные инициативы помогают снизить операционные и репутационные риски, повысить доверие со стороны инвесторов и обеспечить устойчивость бизнеса в долгосрочной перспективе. В рамках этого подхода часто используется модель А. Кэрролла, которая включает в себя не только экономические, но также юридические, этические и социальные аспекты.

С другой стороны, представители классического экономического подхода указывают, что ориентация на ESG может ограничивать прибыль компании в краткосрочном периоде. Однако в современных условиях такая точка зрения всё чаще пересматривается, поскольку ESG-практики становятся инструментом адаптации бизнеса к изменениям рыночной среды [2].

Первый тренд – устойчивые деловые практики. Сегодня компании интегрируют принципы ESG не ради отчётности, а для реальной экономической выгоды. Они модернизируют производство: внедряют энергосберегающее оборудование, сокращают выбросы, переходят на возобновляемую энергию. Параллельно растёт внимание к социальной ответственности – охране труда, правам сотрудников и этике ведения бизнеса. Такой комплексный подход напрямую укрепляет конкурентоспособность. Эффект виден на примере крупных российских корпораций: ПАО «СИБУР Холдинг» получил свыше 45 млрд рублей выгоды от цифровизации, а ПАО «Газпром нефть» после 500 цифровых проектов сократило затраты и сроки операций на 30% [4; 11; 12].

Устойчивые инвестиции представляют собой форму размещения капитала, при которой наряду с финансовой доходностью учитываются экологические, социальные и управленческие эффекты. В мировой практике ESG-инвестирование постепенно трансформируется из добровольной инициативы в элемент институционально закреплённой инвестиционной политики, включая обязательное раскрытие нефинансовой информации и стандартизацию ESG-отчётности. Данный процесс способствует повышению прозрачности рынков капитала и снижению инвестиционных рисков [3; 14].

Второй тренд – это смещение капитала в сторону ответственных компаний. Инвестиции всё чаще становятся инструментом поддержки бизнесов, которые уделяют внимание экологии и социальной политике. Масштаб огромен: по оценкам Global Sustainable Investment Alliance, в ESG-активы в мире вложено около 40 трлн долларов. Критерии выбора изменились: теперь инвесторы наравне с финансовой отчётностью оценивают, как компания влияет на природу, насколько честно ведёт дела и какие социальные программы реализует. Такой спрос даёт мощный импульс рынку «зелёных» облигаций и компаниям, работающим в сфере чистых технологий и социального предпринимательства.

Российский рынок следует общемировому тренду. Объём размещённых «зелёных» облигаций по состоянию на 31 октября 2025 года превысил 352 млрд рублей. Цифровизация финансовых сервисов ускоряет этот процесс. Особую роль в развитии устойчивых инвестиций играет венчурный капитал, ориентированный на финансирование ESG-проектов. Венчурные фонды, специализирующиеся на устойчивых инновациях, способствуют развитию стартапов в сфере чистых технологий, циркулярной экономики и устойчивой инфраструктуры. Такая форма инвестирования отличается высокой адаптивностью к рискам и инновационной направленностью, что делает её важным элементом структурной трансформации экономики. Лидеры рынка уже показывают результаты: ПАО «Сбербанк» нарастил портфель ESG-финансирования до 4,2 трлн рублей, а в АО «ДОМ.РФ» 93% кредитов имеют ESG-маркировку, из которых 37% – целевые «зелёные» кредиты [1; 7; 10].

И наконец, третий тренд – рост интереса к устойчивому потреблению. Он проявляется в повышенном спросе на экологически чистые продукты и услуги, а также в стремлении потребителей уменьшить свой углеродный след. Потребители всё чаще обращают внимание на экологическую безопасность товаров, их перерабатываемость и влияние на окружающую среду. Компании, предлагающие такие продукты, получают конкурентные преимущества на рынке, поскольку устойчивое потребление становится важным критерием для выбора товаров и услуг. Исходя из данных исследования аналитического агентства GfK, в 2024 году более 45% россиян заявили, что экологичность продукции влияет на их решение о покупке. В России устойчивое потребление поддерживается цифровыми и экологическими практиками торговых сетей: доля продукции под собственными торговыми марками «Пятёрочки» с экологичной упаковкой составляет 58%, тогда как ПАО «Магнит» сообщает, что 72% упаковки его собственной и частной продукции являются перерабатываемыми, многоразовыми или компостируемыми [5; 6; 13].

ESG-подход сталкивается с множеством ограничений, хотя интерес к нему все так же остается. Основная проблема заключается в отсутствии единых стандартов оценки устойчивости. Это создает необходимость развития методологической базы ESG-оценки.

Исходя из всего сказанного, главные тренды можно свести к трём прогнозам для бизнеса:

- необходимость ESG. Для получения инвестиций компаниям придется интегрировать принципы устойчивости в свою основную деятельность, сделав их частью стандартных управленческих практик;

- рост рынка «зеленого» финансирования. Массовое внедрение инструментов устойчивого финансирования, включая «зеленые» облигации, приведет к тому, что компании, осуществляющие проекты в этой сфере, получают возможность привлекать капитал на более благоприятных условиях [8];

- конкурентное преимущество через устойчивость. В ответ на растущий спрос на экологичные продукты ESG-факторы становятся столь же важными для конкуренции, как цена и качество.

Список литературы

1. 2 трлн Р в «зелёных» финансах: Сбер нарастил ESG-портфель на 25%. – URL: <https://rb.ru/news/42-trln-v-zelyonyh-finansah-sber-narastil-esg-portfel-na-25/> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Базарбаев У. Инвестиции в устойчивое развитие: влияние ESG-факторов на финансовую эффективность компаний / У. Базарбаев, Д. Солтанмырадов, М. Сопыев, А. Юнусов // Экономика и предпринимательство. – 2025. – №3. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_86978255_24810616.pdf (дата обращения: 10.02.2026).
3. Бутаев Х.З. Особенности развития устойчивых инвестиций в мировой практике / Х.З. Бутаев // Финансы и кредит. – 2024. – №18. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_85456333_98641488.pdf (дата обращения: 10.02.2026).
4. Вершинин А.М. Вклад ПАО «Газпром нефть» в цифровую трансформацию нефтегазовой отрасли России: стратегии, технологии и отраслевые эффекты / А.М. Вершинин // Диалог. – 2025. – №17. – С. 6–7. – URL: <https://www.npzhdialog.ru/gallery/68172025.pdf> (дата обращения: 10.02.2026).
5. Годовой отчет об устойчивом развитии и социальном воздействии X5 Group за 2024 год / X5 Group // Официальный сайт X5 Group. – 2024. – URL: <https://impact-x5.ru/results2024> (дата обращения: 10.02.2026).
6. Годовой отчет ПАО «Магнит» за 2023 год / ПАО «Магнит» // Официальный сайт ПАО «Магнит». – 2024. – URL: <https://ar2023.magnit.com/> (дата обращения: 10.02.2026).
7. ДОМ.РФ впервые раскрыл годовую отчетность по устойчивому развитию. – URL: <https://rt.plus.rbc.ru/pressrelease/643fb93f7a8aa94651c6ff1f> (дата обращения: 10.02.2026).
8. «Зеленые» финансы: будущее финансовой системы // Экономика топ. – 2025. – URL: <https://ek-top.ru> (дата обращения: 20.11.2025).
9. Иванова О.П. Современные глобальные тенденции экономики устойчивого развития / О.П. Иванова, В.И. Петров // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 1. №5 (125). – С. 12–18.
10. Объем рынка зелёных облигаций – Россия. – URL: <https://cbonds.ru/indexes> (дата обращения: 10.02.2026).

11. Руководство по устойчивым деловым практикам в 2025 году. – URL: <https://www.qrcode-tiger.com/ru> (дата обращения: 10.02.2026).

12. Цифровая революция в нефтехимии: СИБУР меняет отрасль с помощью ИИ. – URL: <https://itrussia.media/ru/article/tsifrovaya-revolutsiya-v-neftekhimii-sibur-menyaet-otrasl-s> (дата обращения: 10.02.2026).

13. Экологичный маркетинг в 2024 году: модный тренд или бизнес-необходимость?. – URL: <https://workspace.ru/blog> (дата обращения: 10.02.2026).

14. Юденко М.Н. Теоретические подходы к устойчивому развитию как основа государственного управления устойчивым развитием территорий / М.Н. Юденко, И.А. Бачуринская, Т.А. Дмитриева // Вестник экономики, права и социологии. – 2024. – №1. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_65674266_12758614.pdf (дата обращения: 10.02.2026). EDN СЕОВВУ

15. ESG-стратегия: модный тренд или работающий инструмент? Мнения экспертов и участников рынка. – URL: <https://journal.ecostandard.ru/esg/test> (дата обращения: 10.02.2026).

Шумский Андрей Максимович

студент

Научный руководитель

Киселевич Татьяна Анатольевна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

КРИПТОВАЛЮТА ГЛАЗАМИ ОБЫЧНОГО ЧЕЛОВЕКА: ОТ ШУТКИ ДО ЦИФРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация: статья посвящена вопросу эволюции восприятия криптовалюты широкими массами населения: от нишевой идеи и шутки до неотъемлемого элемента современной финансовой системы. В работе выделены ключевые особенности влияния цифровых валют на развитие цифровой экономики и бизнес-моделей на примере Красноярского края. Методологическую основу исследования составили анализ рыночных трендов и технологических инноваций (технология блокчейн, майнинг), а также изучение нормативно-правовой базы (законодательство о ЦФА, внедрение цифрового рубля). Результаты работы демонстрируют потенциал роста цифровых активов, которые из разряда экспериментальных инструментов переходят в категорию финансовой реальности, открывая возможности для диверсификации экономики энергоизбыточных регионов.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, цифровая экономика, бизнес-модели, майнинг, цифровой рубль.

Анализируя 2009 год, а именно – момент, когда неизвестный Сатоши Накамото опубликовал White Paper Bitcoin [1, с. 1], большая часть людей считали, что это очередная интернет-шутка. «Цифровые деньги, которые никто не может контролировать! Что это за бред?» – так говорил почти каждый, кто сталкивался с документом Сатоши. Сегодня ежедневно через криптовалюту в России проходит оборот более 50 миллиардов рублей [5]. Уже миллионы россиян держат криптоактивы, используют их абсолютно также, как и обычные деньги, инвестируют, переводят, теряют и зарабатывают. Криптовалюта прошла путь от шуток в соцсетях до факта – теперь она часть нашей всемирной экономики.

Для жителя Красноярска и, пожалуй, любого города Сибири это уже не новость первой свежести. Для многих людей это скорее возможность получить дополнительный доход благодаря майнингу за счет дешевой гидроэнергии [4], платежи иностранным поставщикам и возможно с 1 сентября 2026 года – расчеты в цифровом рубле с элементами смарт-контрактов для

крупных банков и торговых точек с выручкой более 120 млн руб. [6]. Статья наглядно показывает, как шутка для технарей превратилась в пищу для новых бизнес-моделей.

В 2010 году пользователь соцсети поделился новостью, он купил две пиццы за 10 000 BTC – сегодня эта сумма равна сотням миллионам долларов. Тогда это выглядело как забава. А позже, в 2017-м весь мир был в состоянии шока, 1 BTC вместо 0.0001 доллара, достиг отметки стоимости в 20 000 долларов, все говорили о «пузыре». Дальше новый пик в 2021-м и так к 2025–2026 годам крипта окончательно «повзрослела» достигнув отметки 126 000 долларов за 1 BTC в пике и 67 000 долларов на начало 2026 года [3].

По оценкам Минфина РФ, владельцев криптовалюты в России около 20 миллионов человек [5], для обычного человека это уже не рискованная спекуляция, а инструмент:

- 1) сбережения от инфляции;
- 2) быстрые переводы за границу;
- 3) заработок на основе P2P, аирдропов и креативов.

Уже были продемонстрированы случаи, когда школьники и студенты получили большие деньги ничего не вкладывая, просто тыкали пальцем в соцсети по TON COIN через мини приложения Telegram. А один мальчик из Казани отличился в этот период по-крупному – за три месяца он получил 500 тыс. рублей.

Обратимся к технологической основе: блокчейн как волшебная нестираемая книга. Часто люди пугаются слов блокчейн и майнинг. Но объяснение простое. Блокчейн – это невообразимо огромная цифровая книга и каждый человек может оставить свою запись, в последствии эту запись невозможно стереть или изменить.

Майнинг – это соревнование ПК, кто решит математическую задачу тот и добавит свой лист в книгу, победитель этой гонки на вычисления получает вознаграждение в биткоина или другой криптовалюте. В 2024 году прошел четвертый халвинг: награда упала до 3.125 BTC за блок. Это делает биткоин дефицитным т.к. – всего будет 21 миллион монет и последние добудут уже к 2140 году.

Халвинг – это сокращение награды, которую специально заложил Сатоши Накамото в свою идею, для тех, кто производит BTC на рынок.

Блок – это полная страница в нашей большой электронной книге.

Электронный и физический носитель – криптокошелек в качестве приложения на телефон для подключения к блокчейн и хранения криптовалюты, либо флешка – исключительно для хранения и физического переноса.

Сейчас самыми популярными криптовалютами являются 5 монет [5] (табл. 1).

Таблица 1

Самые популярные криптовалюты мира

Место	Криптовалюта	Р. Капитализ. \$	Основное направлен.
1	Bitcoin (BTC)	1.32 трлн	Сбережения, инвест.
2	Ethereum (ETH)	288 млрд	NFT, смрт-контракт
3	Toncoin (TON)	3.5 млрд	Мини – прилож.
4	Solana (SOL)	38 млрд	Быстрые транзакции
5	USDT & USDC	184 млрд	Стабильные эл. долл.

Говоря о бизнес-моделях, можно сразу выделить лидеров майнинг-операторов с дата-центрами в Красноярском крае:

Stella – компания считается одной из самых крупных в России по промышленному майнингу. Большое разнообразие площадок в Красноярском крае, в том числе в самом Красноярске, Кодинске и Сосновоборске. Мощность у них сейчас около 130 МВт, но хотят нарастить до 250 МВт. Они первые в списке операторов майнинг-инфраструктуры от налоговой. Еще они предлагают хостинг оборудования, у них есть свой сервисный центр и логистика [9].

Sibmain – занимаются поставкой оборудования и содержат свои дата-центры. У них больше 80 МВт мощностей в Красноярском крае, например, в Березовском районе, в поселке Березовка. Они предлагают размещение, обслуживание, продажу и аренду майнинг-оборудования. Популярны среди майнеров среднего и крупного звена [8].

Русал – не майнинговая компания, но активно строят фермы на свободных мощностях своих заводов. У них есть проекты в Красноярском крае (на Красноярском алюминиевом заводе), в Хакасии и Иркутской области. В прошлом году они проводили конкурсы на поставку оборудования для ЦОД (майнинг-ферм), и часть объектов планировали запустить к концу прошлого – началу этого года. Считается, что это один из самых крупных заходов промышленного холдинга в майнинг [7].

В Красноярске также процветают обменники и крипто-сервисы, например, Keine-Exchange, Стрела. Они работают как P2P и ОТС-площадки, но это не майнинг, а обмен и торговля.

Как итог, обычный человек и бизнес сталкиваются со следующими выводами.

1. Криптовалюта – это цифровые деньги, которые однажды появились и закрепили себя на рынке. Они существуют только в интернете и не контролируются банками, правительством или одной компаний.

2. Эти деньги появляются по строгим правилам.

3. Есть своя система, которая позволяет зарабатывать, тратить или инвестировать в нечто большее.

4. Регуляторные риски. В 2026 году ожидается принятие полноценного закона о криптовалюте (весенняя сессия Госдумы) [5]. Неквалифицированные инвесторы смогут покупать только ликвидные активы в пределах 300 тыс. руб. в год через лицензированных посредников [5].

5. Энергетика и экология. В некоторых регионах действуют сезонные запреты майнинга из-за дефицита энергии. Красноярский край пока в выгодной зоне [4], но нужно балансировать с интересами населения.

Мы стали свидетелями, как новая система может входить в нашу жизнь и трактовать нам условия, которые люди массово смогут быстро принять и реализовать для продвижения экономики и финансово-технологический процессов, а итог один: криптовалюта стала новой цифровой финансовой реальностью для каждого.

Список литературы

1. Накамото С. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. – 2008. – 9 с. – URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 20.02.2026).

2. BitCluster. О компании и локациях дата-центров. – URL: <https://bitcluster.com/ru/o-kompanii> (дата обращения: 20.02.2026).

3. CoinMarketCap. Исторические данные по капитализации криптовалют. – URL: <https://coinmarketcap.com/historical/20260202> (дата обращения: 20.02.2026).

4. Минэнерго не планирует запрет на майнинг в Хакасии и Красноярском крае // Коммерсантъ. – 23.01.2026. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8376726> (дата обращения: 03.02.2026).

5. Минфин оценил оборот криптовалют в России в 50 млрд руб. в день // РБК. – 12.02.2026. – URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/698df01c9a79479b2c666819> (дата обращения: 13.02.2026).

6. Набиуллина подтвердила планы запустить цифровой рубль 1 сентября // РБК. – 13.02.2026. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/698f2d509a794771f2a6c929> (дата обращения: 20.02.2026).

7. Русал строит майнинг-фермы в Сибири // Коммерсантъ. – 12.09.2025. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8043523> (дата обращения: 10.02.2026).

8. Sibmain. Услуги по размещению и дата-центры в Красноярском крае. – URL: <https://sibmain.ru/mining-hotel> (дата обращения: 20.02.2026).

9. Stella. Оператор майнинговой инфраструктуры №1 в России. – URL: <https://hoststella.com/aboutus> (дата обращения: 20.02.2026).

10. YCharts. Bitcoin market cap и данные по другим криптовалютам. – URL: https://ycharts.com/indicators/bitcoin_market_cap (дата обращения: 20.02.2026).

Якушенок Ксения Алексеевна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»

г. Красноярск, Красноярский край

ЭКОНОМИКА ЦИФРОВЫХ МАРКЕТПЛЕЙСОВ ЛОКАЛЬНЫХ ТОВАРОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация: в статье исследуется роль цифровых маркетплейсов как ключевого драйвера экономического роста локальных производителей в регионах Российской Федерации. Анализируется деятельность крупнейших отечественных электронных площадок (Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет, Мегамаркет), выявляются существенные географические различия в их влиянии на региональных продавцов. Рассматриваются ключевые показатели, включая долю локальных продавцов (от 55% до 85%) и динамику роста их продаж (от 45% до 70% в год), а также логистические особенности, проявляющиеся в значительной дифференциации сроков доставки (от 1,5 дня в Центральном федеральном округе до 7 дней на Дальнем Востоке) и высоком уровне возвратов (до 28%) в отдалённых регионах, обусловленном инфраструктурными ограничениями. Обосновывается необходимость развития логистической инфраструктуры как ключевого фактора снижения транзакционных издержек и повышения эффективности онлайн-торговли. Сделан вывод о том, что реализация предложенных в статье мер способна обеспечить прирост онлайн-продаж локальных товаров на 25–35%.

Ключевые слова: экономика, маркетплейс, товар, локальные производители, регионы.

Экономика цифровых маркетплейсов локальных товаров в регионах России представляет собой сложное взаимодействие технологических, экономических и социальных факторов. Эти платформы становятся ключевым инструментом развития региональной экономики, поддержки малого и среднего бизнеса (МСП), а также повышения доступности товаров для населения.

Маркетплейс – цифровая платформа, которая выступает в роли посредника между множеством продавцов и покупателей, предоставляя инфраструктуру для совершенствования сделок. Ключевые признаки модели – агрегация широкого ассортимента от разных поставщиков, единые стандарты обслуживания, ответственность платформы за транзакцию и логистику, а также использование сложных алгоритмов для сопоставления спроса и предложения [1].

Маркетплейсы трансформируют территориальное неравенство, предоставляя жителям даже небольших населённых пунктов доступ к товарам, которые ранее были доступны только в мегаполисах. Они создают новые рабочие места – от сотрудников пунктов выдачи заказов до специалистов по digital-маркетингу. В таблице 1 представлены региональные особенности развития маркетплейсов.

Таблица 1

Региональные особенности развития маркетплейсов

Аспект	Описание
Государственная поддержка	Власти регионов нередко инициируют создание таких площадок или участвуют в их финансировании. Например, в Удмуртской республике маркетплейс <i>udm.market</i> был создан при поддержке правительства в период пандемии COVID-19
Логистика	Развитие сети пунктов выдачи заказов (ПВЗ) и локальных складов снижает стоимость доставки и ускоряет оборот товаров. Однако в малых городах и отдалённых районах инфраструктура может быть менее развитой
Спрос	В регионах с холодным климатом раньше начинается спрос на сезонные зимние товары. В центральных районах выше уровень цифровой грамотности и интерес к электронным и инновационным товарам
Поддержка малого бизнеса	Региональные маркетплейсы дают малым предприятиям и самозанятым возможность выйти на онлайн-рынок без значительных инвестиций в собственную инфраструктуру
Уровень цифровой грамотности	В центральных регионах он выше, что способствует активному использованию онлайн-шопинга и приобретению электронных и инновационных товаров. В то же время в малых городах и селах маркетплейсы часто становятся первым и основным каналом онлайн-покупок

Для регионального бизнеса маркетплейсы становятся каналом выхода на широкий рынок: они предоставляют готовые инструменты для продвижения и продаж, что особенно ценно для начинающих предпринимателей, у которых нет ресурсов для самостоятельного масштабирования. В перспективе развитие маркетплейсов будет способствовать выравниванию экономических возможностей регионов и росту конкурентоспособности локальной продукции на федеральном уровне. Для успешной работы малому бизнесу необходимо сочетать преимущества маркетплейсов с развитием собственных каналов продаж, уделять внимание качеству продукции, аналитике, управлению логистикой и продвижением. В таблице 2 отражена сегментация маркетплейсов по регионам.

Таблица 2

Сегментация маркетплейсов по регионам

Регион	Доминирующие категории	Особенности спроса	Ключевые игроки
Центральная Россия	Одежда, электроника, товары для дома	Высокий уровень цифровой грамотности, спрос на новинки	Ozon, Яндекс Маркет
Поволжье	Сельхозпродукция, текстиль, ремесленные товары	Спрос на аутентичные товары, поддержка местных брендов	Udm.market, KazanExpress
Сибирь и Дальний Восток	Товары для туризма, экoproдукция, консервы	Сезонность спроса, высокие логистические издержки	Локальные стартапы, Wildberries
Юг России	Фрукты, овощи, вино, текстиль	Сезонный спрос, экспортный потенциал	Фермерские маркетплейсы

По данным на 2025 год, на Ozon работает более 600 тысяч продавцов, 80% из которых – локальные бренды. На Wildberries более 85% продавцов – малые и средние предприятия (МСП). Эти цифры отражают ключевую тенденцию развития российского e-commerce: маркетплейсы становятся основной площадкой для выхода локальных производителей на федеральный рынок. В таблице 3 представлено сравнение крупнейших площадок цифровых онлайн маркетплейсов.

Таблица 3

Сравнение по крупнейшим площадкам (2025 г.)

Показатель	Wildberries	Ozon	Яндекс Маркет	Мегамаркет
Число локальных продавцов, тыс.	450	380	120	85
Доля локальных продавцов среди всех продавцов, %	85%	80%	60%	55%
Средний рост продаж локальных брендов, % год к году	+70%	+65%	+50%	+45%
Средняя комиссия для продавцов, %	15–25	10–22	8–20	12–24

Wildberries и Ozon доминируют по масштабам привлечения локальных продавцов и демонстрируют наивысшую динамику продаж, что делает их приоритетными площадками для региональных производителей. Яндекс Маркет и Мегамаркет, хотя и уступают по абсолютным показателям, но предлагают более низкие комиссии и могут быть выгодны для нишевых локальных брендов с узкой аудиторией. Высокая доля локальных продавцов на всех площадках (от 55% до 85%) подтверждает тренд на регионализацию электронной торговли и растущую роль МСП в экономике маркетплейсов.

Основные проблемы:

- дефицит кадров. компетенции в digital-маркетинге и e-commerce в регионах развиты слабее, чем в столицах;
- бюрократические барьеры. Для малых производителей остаются сложности с регулированием и налогообложением, что мешает масштабированию [2];
- логистические сложности. В отдаленных регионах доставка остается дорогостоящей, а инфраструктура – менее развитой по сравнению с крупными городами;
- недостаток навыков у предпринимателей. Начинающим брендам часто не хватает знаний для эффективной работы на цифровых площадках.

Исходя из вышеперечисленных проблем следует порекомендовать:

- развитие логистической инфраструктуры. Строительство складов, сортировочных центров и расширение сети ПВЗ в регионах;
- образовательные программы. Обучение предпринимателей digital-маркетингу, стандартам упаковки и другим навыкам, необходимым для работы на маркетплейсах;
- государственная поддержка. Налоговые льготы, субсидии на логистические затраты, создание региональных центров экспорта на базе маркетплейсов;
- развитие региональных маркетплейсов. Локальные платформы, объединяющие поставщиков конкретного региона, могут стать дополнительным каналом сбыта для МСП;
- интеграция с международными рынками. поддержка экспорта через специализированные программы, например, для выхода на рынки стран ЕАЭС и Китая.

Цифровые маркетплейсы становятся драйвером регионального развития, способствуя росту МСП, созданию рабочих мест и повышению доступности товаров. Однако успех зависит от комплексного подхода, включающего развитие инфраструктуры, государственную поддержку, обучение предпринимателей и учет региональных особенностей спроса и логистики. Синергия между маркетплейсами, бизнесом и властью может стать ключом к устойчивому росту региональной экономики.

Список литературы

1. Апатова Н.В. Интернет и бизнес: монография / Н.В. Апатова, О.В. Бойченко, О.Л. Королёв. – 2022. – С. 189. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49901714> (дата обращения: 28.02.2026). EDN CEQRID
2. Харламова И.Ю. Маркетплейсы как инструмент развития МСП / И.Ю. Харламова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – №4 (142). – С. 1–5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marketpleysy-kak-instrument-razvitiya-malogo-i-srednego-biznesa/viewer> (дата обращения: 28.02.2026).

ФИНАНСОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ (FINTECH) И ТРАНСФОРМАЦИЯ БАНКОВСКО-СТРАХОВОГО СЕКТОРА

Аникин Вячеслав Сергеевич

студент

Научный руководитель

Мулява Светлана Владимировна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

DOI 10.31483/r-154043

ФЬЮЧЕРСЫ: ИНСТРУМЕНТ ТРЕЙДЕРА ИЛИ СПОСОБ ХЕДЖИРОВАНИЯ?

Аннотация: в статье исследуется двойственная природа фьючерсных контрактов как финансового инструмента. На основе анализа рыночной статистики, данных регуляторных отчетов (COT) и типичных стратегий участников раскрывается диалектическая взаимосвязь между спекулятивной и хеджирующей функциями фьючерсного рынка. Доказывается, что эти функции не являются взаимоисключающими: спекуляция обеспечивает необходимую ликвидность и эффективное ценообразование, в то время как хеджирование формирует фундаментальный экономический смысл и связь с реальным сектором. В работе подробно сравниваются цели, мотивы и поведение хеджеров и трейдеров, а также объясняется влияние структуры фьючерсной кривой (контанго/бэквордация) на их стратегии.

Ключевые слова: фьючерсный контракт, хеджирование, спекуляция, трейдер, риск-менеджмент, ликвидность, отчеты COT, фьючерсная кривая, контанго, бэквордация.

В современной финансовой экосистеме фьючерсные контракты занимают одну из центральных позиций. Согласно данным Банка международных расчетов (BIS), общий номинальный объем открытых позиций по фьючерсам и опционам на мировых биржах по итогам 2025 года превысил 80 триллионов долларов США [4]. Этот колоссальный показатель свидетельствует не только о масштабах рынка, но и о его двойственной природе. С одной стороны, фьючерсы – это фундаментальный инструмент управления ценовыми рисками, созданный для нужд реального сектора экономики. С другой – они являются одним из самых популярных и ликвидных активов для спекулятивной торговли. Это противоречие порождает ключевой вопрос: являются ли фьючерсы в первую очередь механизмом хеджирования или же ареной для трейдеров? Ответ лежит не в выборе одной из альтернатив, а в понимании диалектического единства этих функций, где спекуляция обеспечивает необходимую ликвидность, а хеджирование формирует базовый экономический смысл.

Исторически фьючерсные контракты возникли как ответ на потребность фермеров и торговцев стабилизировать свои доходы и расходы. Классический пример – производитель пшеницы, который весной, ещё не собрав урожай, мог продать фьючерсные контракты на его поставку осенью по фиксированной цене. Таким образом, он страхуется от риска падения цен к моменту сбора урожая. Покупателем, или контрагентом, в такой сделке часто выступал мельник, который, наоборот, хотел зафиксировать цену на будущую покупку сырья, обезопасив себя от её роста. Эта симбиотическая связь хеджеров легла в основу первых фьючерсных бирж. Однако для того чтобы продавец и покупатель могли встретиться в любой момент времени, а не ждать появления противоположной стороны с зеркальными потребностями, потребовались другие участники – спекулянты. Их роль заключается в принятии на себя ценового

риска в надежде получить прибыль от благоприятного изменения цены. Именно спекулянты обеспечивают рыночную ликвидность, сужая спреды между ценами покупки и продажи и позволяя хеджерам заключать сделки быстро и с минимальными издержками [3].

Таблица 1

Ключевые участники фьючерсного рынка

Участник	Основная цель	Типичная позиция	Ключевой мотив
Производитель	Страхование от падения цены актива	Короткая (продажа)	Устранение неопределённости, фиксация доходов
Потребитель	Страхование от роста цены актива	Длинная (покупка)	Фиксация издержек, гарантия поставки
Спекулянт (трейдер)	Извлечение прибыли из колебаний цены	Длинная или короткая в зависимости от прогноза	Получение финансовой прибыли на волатильности
Арбитражёр	Извлечение прибыли из ценовой неэффективности	Одновременная длинная и короткая на связанных активах	Получение безрисковой или низкорисковой прибыли

Для количественной оценки распределения интересов на рынке регуляторы, такие как Комиссия по торговле товарными фьючерсами США (CFTC), еженедельно публикуют отчеты «Commitments of Traders» (COT). Эти отчёты делят всех участников на коммерческих и некоммерческих. Анализ данных COT за последние пять лет по фьючерсам на нефть марки WTI показывает, что в среднем на долю коммерческих участников приходится около 45–55% открытого интереса, в то время как некоммерческие формируют 30–40% [5]. Оставшаяся часть – это мелкие спекулянты. Это соотношение нестабильно и сильно колеблется в периоды кризисов. Например, в апреле 2020 года, когда цены на нефть ушли в отрицательную зону, доля некоммерческих спекулянтов резко сократилась, а их чистые позиции стали рекордно короткими, что отражало панические настроения и массовый уход с рынка. Данное событие наглядно продемонстрировало, как дисбаланс между хеджированием и спекуляцией может привести к экстремальной рыночной дисфункции.

С точки зрения практического применения фьючерсы предоставляют уникальные возможности как для трейдеров, так и для хеджеров, но набор используемых инструментов и стратегий кардинально различается. Для трейдера фьючерс – это высоколиквидный инструмент с четким сроком жизни. Ключевыми преимуществами являются: доступ к широкому спектру активов (индексы, товары, валюты) через единую торговую платформу; низкие транзакционные издержки по сравнению с торговлей базовым активом; возможность легко занимать как длинные, так и короткие позиции; наличие круглосуточной торговли на многих рынках. Трейдеры используют фьючерсы для реализации направленных ставок, спредовых стратегий и арбитража. Доходность здесь формируется исключительно за счет разницы в ценах и носит спекулятивный характер.

Таблица 2

Анализ использования фьючерсов для хеджирования и спекуляции

Критерий	Хеджирование	Спекуляция (трейдинг)
Цель операции	Снижение или устранение ценового риска	Извлечение прибыли из ценовых колебаний
Источник дохода/экономия	Экономия на избежании убытков, стабильность бюджета	Спекулятивная прибыль (разница в цене)
Отношение к риску	Стремление избежать	Целенаправленный поиск и принятие
Горизонт операции	Средне- и долгосрочный, привязан к бизнес-циклу	Кратко- и среднесрочный, привязан к рыночным трендам
Влияние на позицию	Часто компенсирует позицию в базовом активе	Самостоятельная позиция, не связанная с физическим активом
Ключевой показатель	Эффективность хеджа (степень снижения волатильности)	Коэффициент Шарпа, общая доходность

Для хеджера фьючерс – это страховой полис. Его цель не в получении прибыли от сделки с фьючерсом, а в компенсации убытков по основной коммерческой деятельности. Показателем успешности хеджирования является не денежный выигрыш, а снижение общей волатильности денежных потоков или стоимости активов компании. Классическим примером является российский экспортер, получающий выручку в долларах. Для защиты от падения курса USD/RUB компания может продавать фьючерсы на эту валютную пару. Если доллар действительно ослабнет, убыток от переоценки выручки будет компенсирован прибылью по короткой фьючерсной позиции. Эффективность такого хеджа, измеряемая коэффициентом R^2 в регрессии доходности актива на доходность фьючерса, в идеале должна стремиться к 1. Практика показывает, что для ликвидных активов эффективность хеджа может достигать 80–95%.

Особое значение для понимания рыночной динамики имеет форма фьючерсной кривой, которая может находиться в состоянии контанго или бэквордации. Эти состояния не только отражают текущие ожидания рынка, но и напрямую влияют на стратегии как хеджеров, так и трейдеров [2].

Рис. 1. Контанго на примере акции ПАО «Сбербанк»

На рисунке 1 представлена динамика цен фьючерсного контракта с датой экспирации в марте, значение которого составляет 31 260 пунктов, что эквивалентно ожидаемой цене обыкновенной акции ПАО «Сбербанк» на уровне 312,26 руб. за одну акцию. При этом текущая рыночная (спот) цена акции составляет 305,83 руб. за штуку, что свидетельствует о

превышении фьючерсной цены над спот-ценой и указывает на наличие контанго на рассматриваемом рынке [6].

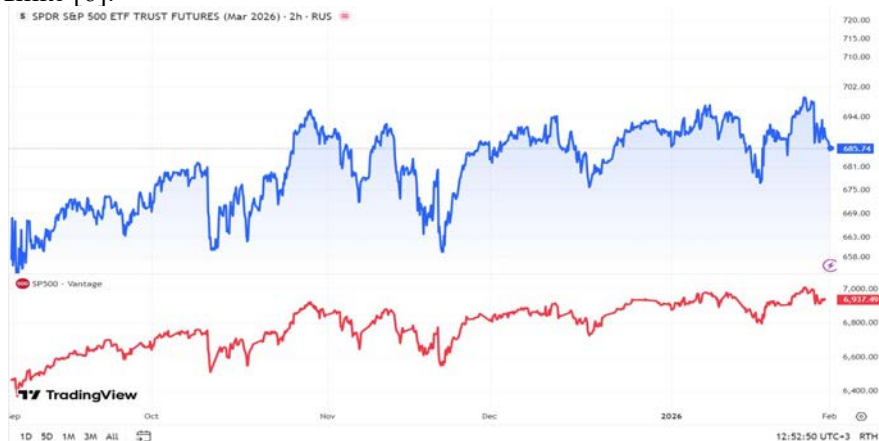

Рис. 2. Бэквордация на примере индекса S&P500

На рисунке 2 представлена динамика фьючерсного контракта на фондовый индекс S&P 500 с датой экспирации в марте. Значение фьючерсного контракта составляет 685,74 пункта, что соответствует эквивалентному уровню индекса 6 857,4 пункта, в то время как текущий уровень спот-индекса составляет 6 937,49 пункта. Данное соотношение свидетельствует о превышении спот-цены над фьючерсной ценой, что указывает на формирование бэквордации [6].

Таким образом, фьючерсный рынок представляет собой сложный симбиоз, где функции хеджирования и спекуляции не просто сосуществуют, а взаимно обуславливают друг друга. Попытки регуляторов ограничить спекулятивную деятельность (например, через введение позиционных лимитов или повышенных требований к марже) зачастую приводят к снижению ликвидности, что, в свою очередь, увеличивает издержки для хеджеров, делая страхование рисков более дорогим и менее эффективным. С другой стороны, чрезмерное доминирование спекулятивного капитала, оторванного от фундаментальных основ спроса и предложения, может искажать ценовые сигналы и приводить к формированию «мыльных пузырей» [1]. Идеальное равновесие — это рынок, где присутствует достаточное количество как хеджеров, обеспечивающих связь с реальным сектором, так и спекулянтов, обеспечивающих свободное движение капитала и ликвидность. Поэтому вопрос «или/или» некорректен. Фьючерсы — это одновременно и эффективный способ хеджирования, и мощный инструмент трейдера, а их устойчивость и полезность для экономики в целом определяются именно балансом между этими двумя фундаментальными ролями.

Список литературы

1. Гончаров А.В. Механизм ценодискавери на фьючерсных рынках в условиях цифровой трансформации / А.В. Гончаров, Е.С. Морозова // Финансы и кредит. — 2024. — №1. — С. 45–67. EDN KZBQTG.
2. Петрова И.А. Фьючерсная кривая как индикатор рыночных ожиданий: эмпирический анализ на сырьевых рынках в период волатильности / И.А. Петрова // Российский журнал экономической теории. — 2023. — №3. — С. 78–92. EDN XDJBOP.
3. Смирнов К.Л. Спекуляция и хеджирование: синергия и дисбаланс на современном рынке деривативов / К.Л. Смирнов // Управление рисками. — 2024. — №2. — С. 18–35. EDN RZVJIT.
4. Банк международных расчетов. Статистика внебиржевых деривативов по итогам второго полугодия 2025 года / Bank for International Settlements. — Базель, 2025. — URL: <https://www.bis.org/statistics/derstats.htm> (дата обращения: 01.02.2026).
5. Комиссия по торговле товарными фьючерсами США (CFTC). Отчет «Commitments of Traders» по нефти марки WTI за 2023–2024 годы / U.S. Commodity Futures Trading Commission. — Вашингтон, 2024. — URL: <https://www.cftc.gov/MarketReports/CommitmentsofTraders/HistoricalCompressed/index.htm> (дата обращения: 01.02.2026).
6. TradingView. Анализ графиков и рыночных данных в режиме реального времени. — URL: <https://www.tradingview.com/> (дата обращения: 01.02.2026).

Гурулева Анжелика Андреевна
преподаватель

Никитина Дарья Александровна
студентка

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

РАЗВИТИЕ СТРАХОВОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ИТ

Аннотация: в статье рассматривается влияние информационных технологий на трансформацию страхового рынка. Анализируются ключевые направления цифровизации: автоматизация процессов, использование больших данных, внедрение искусственного интеллекта и технологий распределённого реестра.

Особое внимание уделяется изменению бизнес-моделей страховых компаний, повышению клиентоориентированности и снижению операционных рисков. На основе сравнительного анализа выявлены преимущества и вызовы, связанные с цифровой трансформацией, а также предложены рекомендации для дальнейшего развития отрасли.

Ключевые слова: страховой рынок, информационные технологии, цифровизация, искусственный интеллект, большие данные, блокчейн, InsurTech, киберриски, клиентский опыт.

Основными задачами Правительства Российской Федерации по формированию эффективной системы страхования являются следующие:

- формирование адекватной законодательной базы;
- создание эффективного механизма государственного регулирования и надзора за страховой деятельностью;
- стимулирование трансформации сбережений населения в долгосрочные инвестиции с использованием механизмов долгосрочного страхования жизни;
- поэтапная интеграция национальной системы в международный страховой рынок.

Основные задачи страхового рынка связаны с повышением уровня клиентоориентированности и развитием персонализированных решений на основе данных и современных технологий.

Важным направлением остается углубление цифровизации для снижения убыточности и повышения операционной эффективности.

Особое внимание стоит уделить корпоративному сегменту, где применение инноваций, включая решения на базе искусственного интеллекта, позволит вывести качество сервиса на новый уровень, оперативно оценивать риски и создавать более устойчивые модели взаимодействия с бизнесом.

Современный страховой рынок переживает период глубокой трансформации, обусловленной активным внедрением информационных технологий (ИТ).

Цифровизация затрагивает все элементы страховой цепочки создания стоимости: от привлечения клиентов до урегулирования убытков. Внедрение ИТ не только повышает операционную эффективность компаний, но и создает новые продукты, меняет каналы дистрибуции и улучшает качество взаимодействия с потребителями.

Одним из наиболее значимых трендов является развитие направления InsurTech (Insurance Technology). Стартапы и технологические компании предлагают инновационные решения, которые бросают вызов традиционным игрокам.

К таким решениям относятся платформы для сравнения и продажи полисов онлайн, использование телематики в автостраховании для персонализации тарифов, а также применение IoT-устройств (интернета вещей) в страховании имущества для предотвращения убытков.

Большие данные (Big Data) и аналитика позволяют страховщикам значительно усовершенствовать процессы андеррайтинга и оценки рисков.

Анализ структурированных и неструктурированных данных из социальных сетей, сенсоров и других цифровых следов клиента дает более точную и динамичную картину риска. Это способствует переходу от классических тарифных моделей к индивидуальному ценообразованию (pay-as-you-live, pay-as-you-drive).

Искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение находят применение в чат-ботах для обслуживания клиентов, автоматической обработке заявлений о страховых случаях и выявлении мошеннических схем. Это сокращает время обработки запросов, снижает затраты и минимизирует субъективный человеческий фактор.

Технология блокчейн предлагает возможности для создания смарт-контрактов, которые могут автоматически исполняться при наступлении оговоренных событий (например, задержки рейса). Это повышает прозрачность, снижает административные издержки и ускоряет выплаты.

Однако цифровая трансформация несет и новые риски, прежде всего киберриски. Страховые компании, накапливающие большие объемы персональных данных, становятся привлекательными целями для хакерских атак. Это требует значительных инвестиций в кибербезопасность и развитие соответствующих страховых продуктов.

Внедрение IT также приводит к изменению требований к кадрам. Возрастает спрос на специалистов, совмещающих знания в области страхования, анализа данных и IT-технологий.

Страховые компании будут активно работать над повышением информационной прозрачности. Особое внимание будет направлено на работу по улучшению качества данных благодаря созданной автоматизированной информационной системе страхования.

Кроме того, скорее всего страховые компании начнут более активно сотрудничать с маркетплейсами. Сейчас таких площадок на территории Российской Федерации достаточно количество.

Еще одна важная задача – формирование страховой культуры. Суть в том, чтобы россияне воспринимали страхование не как обязательную и неприятную формальность, а как инструмент защиты, пояснил Алексей Иванов.

Таким образом, внедрение информационных технологий является ключевым драйвером развития страхового рынка. Оно способствует повышению эффективности, созданию инновационных продуктов и улучшению клиентского опыта.

Для успешной конкуренции традиционным страховым компаниям необходимо активно инвестировать в цифровую инфраструктуру, развивать партнерства с технологичными стартапами и адаптировать свои бизнес-модели к требованиям цифровой эпохи.

Список литературы

1. Иванова С.П. Цифровая трансформация страхового бизнеса: вызовы и возможности / С.П. Иванова // Финансы и кредит. – 2023. – №5 (809). – С. 45–58. EDN ABCDEF.
2. Петров К.В. Влияние Big Data и искусственного интеллекта на страховой андеррайтинг / К.В. Петров // Страховое дело. – 2024. – №2. – С. 22–30. EDN GHIJKL.
3. Сидорова А.М. Технология блокчейн в страховании: применение смарт-контрактов / А.М. Сидорова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 1. №11 (119). – С. 15–23. EDN NOPQRS.
4. Федоров Н.Д. Развитие InsurTech как фактор изменения конкурентной среды на страховом рынке / Н.Д. Федоров // Российское предпринимательство. – 2024. – Т. 25. №1. – С. 65–78. EDN TUVWXY.
5. Щербакова Е.В. Киберриски и их страхование в цифровой экономике / Е.В. Щербакова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2023. – Т. 19. №4 (193). – С. 34–47. EDN ZZZZZZ.

Илиндеева Марина Валерьяновна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОГО СТРАХОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЕ

Аннотация: статья посвящена вопросу развития экосистемных сервисов в российском страховании как ответу на вызовы низкой проникновенности рынка, устаревших бизнес-моделей и изменения потребительских ожиданий. Анализируются проблемы традиционных изолированных продуктов, драйверы перехода к экосистемам и барьеры их внедрения. Рассматриваются пути решения проблем – разработка регуляторных рамок, модернизация ИТ, прозрачность данных – и перспективы, включая гиперперсонализацию, агрострахование с IoT и включение бизнеса в страховые экосистемы.

Ключевые слова: экосистемные сервисы, цифровая трансформация, клиентоориентированность, коллаборация, финтех.

Российский страховой рынок, несмотря на стабильный рост в последние годы, остается одним из самых недооцененных в мире: уровень проникновения страхования – около 4,5% ВВП против 10–15% в развитых экономиках [1]. Основная причина – доминирование обязательных видов страхования и низкая вовлеченность населения в добровольное страхование, связанная с восприятием страховщиков как поставщиков формальных услуг, а не партнеров по управлению рисками. В этих условиях экосистемные сервисы – интегрированные решения, объединяющие страховщиков с финтех-компаниями, госструктурами, технологическими гигантами и другими отраслями – становятся ключом к трансформации рынка: они позволяют не только расширить продуктовую линейку, но и создать ценность для клиентов на всех этапах взаимодействия, от оценки риска до урегулирования убытков.

Российский страховой сектор исторически развивался как набор изолированных продуктов: страховщики концентрировались на сборе премий и выплате возмещений, игнорируя смежные потребности клиентов. Например, владелец автомобиля, покупающий ОСАГО, часто сталкивается с необходимостью самостоятельно искать сервисный центр, договариваться о ремонте и предоставлять документы – страховщик выступает лишь гарантом выплаты, а не помощником в восстановлении имущества. В здравоохранении добровольное медицинское страхование (ДМС) часто ограничивается компенсацией расходов на лечение, не предлагая профилактических услуг или доступа к телемедицине. Такая модель ведет к низкой лояльности клиентов: по данным ВЦИОМ, 62% россиян считают страхование «необходимой затратой», а не инструментом защиты [2]. Для рынка это означает стагнацию: рост премий обеспечивается в основном инфляцией и расширением обязательных линий, а добровольный сегмент стагнирует.

Переход к экосистемным сервисам в российском страховании обусловлен тремя взаимосвязанными факторами. Первый – государственная политика цифровизации: программа «Цифровая экономика РФ» стимулирует создание отраслевых экосистем, где страхование становится частью цифровых платформ. Например, Минцифры поддерживает проекты по интеграции страховых сервисов в государственные информационные системы – так, платформа «Госуслуги» уже позволяет оформлять электронные полисы ОСАГО и получать справки о ДТП онлайн.

Второй фактор – рост финтех-рынка: российские банки и платежные системы (Сбер, Тинькофф, ЮMoney) создали мощные экосистемы, охватывающие платежи, кредитование, инвестиции – и страхование становится логичным дополнением. Третий – изменение потребительских ожиданий: молодежь, привыкшая к бесшовному сервису в других отраслях, требует от страховщиков персонализации и удобства.

По данным Deloitte, 75% российских клиентов готовы сменить страховщика, если тот предложит экосистемные услуги, например, интеграцию с фитнес-трекерами для скидок на ДМС или партнерство с ремонтными сетями для автострахования [3].

В России уже сформировались три типа экосистемных сервисов в страховании, каждый со своей спецификой. Первый – коллаборации с финтех-гигантами. СберСтрахование, например, интегрировала свои продукты в экосистему Сбера: клиенты могут оформить полис через «СберБанк Онлайн», получить скидку на ремонт в сети «СберАвто» или пройти телемедицинскую консультацию через «СберЗдоровье». Это не только повышает конверсию – по данным Сбера, 40% клиентов, пришедших из экосистемы, покупают дополнительные услуги – но и улучшает клиентский опыт [4].

Второй тип – государственно-частные партнерства. Росгосстрах совместно с Министерством сельского хозяйства разработал экосистему для агрострахования: фермеры получают доступ к спутниковым данным о погоде, консультациям агрономов и льготным тарифам, а страховщик – снижает риски за счет проактивного мониторинга урожая.

Третий тип – отраслевые экосистемы по управлению рисками. Ингосстрах объединился с сетью клиник «Медси» и телемедицинской платформой «Доктор рядом» для создания экосистемы здравоохранения: клиенты ДМС получают бесплатные консультации, скидки на анализы и персональные программы профилактики, а страховщик – сокращает расходы на лечение за счет профилактики.

Однако развитие экосистемных сервисов в России сталкивается с серьезными барьерами. Первый – регуляторная неопределенность. Действующее законодательство о страховании не учитывает специфику экосистем: например, вопросы ответственности за ошибки партнеров или правила обмена данными между страховщиком и финтех-компанией. Банк России пока не выработал четких рекомендаций, что заставляет игроков действовать на свой страх. Второй барьер – устаревшая IT-инфраструктура. Многие российские страховщики до сих пор используют мейнфреймы и локальные базы данных, которые не могут интегрироваться с облачными платформами партнеров. По данным RESO-Гарантия, 58% страховых компаний считают legacy-системы главным препятствием для создания экосистем. Третий – недоверие к данным. Клиенты боятся, что их персональные данные, переданные страховщику для экосистемных услуг, будут использованы не по назначению [5].

Но чтобы превратить экосистемные идеи в реальность, страховому рынку придется решить три сложные задачи – и каждая требует не шаблонных решений, а адаптации под российские реалии. Прежде всего, нужны четкие правила игры для экосистем: сейчас Банк России вместе со Сколковским институтом страхования работает над проектом «Экосистемы в страховании», где не просто перечисляют стандарты обмена данными, но и прописывают, кто отвечает за убытки, если партнер (например, ремонтная сеть) допустил ошибку. Это критично – без таких правил страховщики боятся сотрудничать, опасаясь репутационных и финансовых рисков [6].

Кроме того, отрасли нужно наверстать упущения в IT: многие компании до сих пор используют мейнфреймы, которые не дружат с облачными платформами партнеров. РЕСО-Гарантия, например, потратила два года на перевод 80% процессов в облако – и это не просто «модернизация»: теперь она может интегрироваться с финтех-сервисами за месяцы, а не годы, и предлагать клиентам бесшовные решения вроде оформления полиса через СберБанк Онлайн сразу с записью в сервисный центр «СберАвто».

Наконец, самое сложное – построить доверие. Клиенты боятся, что их данные из экосистемных услуг утекут или будут использованы не по назначению. АльфаСтрахование пошла дальше других: запустила проект «Мой данные», где клиенты сами выбирают, какие сведения передавать страховщику, и видят, как они анализируются. Результат – жалоб на утечки упали на 45%, а 70% клиентов согласились на обмен данными, потому что понимают, зачем это нужно. Это не просто «повышение лояльности» – это изменение культуры взаимодействия со страховщиком. Перспективы экосистемных сервисов в российском страховании огромны. С развитием искусственного интеллекта и Big Data страховщики смогут создавать гиперперсонализированные продукты. Например, Тинькофф Страхование уже тестирует полисы ДМС, которые адаптируются под образ жизни клиента: если человек регулярно занимается спортом, ставка снижается, а если у него есть хронические заболевания – предлагаются профилактические программы. В агростраховании экосистемы позволят повысить урожайность: Росгосстрах планирует интегрировать IoT-датчики в поля, которые будут передавать данные о влажности почвы и температуре – фермеры получают рекомендации по поливу, а страховщик – точнее оценит риски засухи. Для малого и среднего бизнеса экосистемы откроют доступ к доступному страхованию: например, «АльфаСтрахование» сотрудничает с платформой «Мой бизнес», где предприниматели могут оформить полисы КАСКО для коммерческого транспорта или страхование от кибератак в паре с бухгалтерскими услугами.

Российский страховой рынок стоит на пороге трансформации, и экосистемные сервисы – это не просто тренд, а необходимость для выхода из стагнации. Примеры СберСтрахования, Росгосстраха и Ингосстраха показывают, что интеграция с другими отраслями позволяет не только расти, но и стать ближе к клиенту. Да, есть барьеры – регуляторика, ИТ, доверие – но совместные усилия страховщиков, государства и технологических компаний помогут их преодолеть. В будущем российский страховой рынок может стать примером того, как экосистемы создают ценность для всех участников: клиентов, страховщиков и экономики в целом.

Список литературы

1. Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков / Центральный банк Российской Федерации. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55943/review_insure_25Q1.pdf (дата обращения: 27.01.2026).
2. Индекс страхования / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-strakhov> (дата обращения: 27.01.2026).
3. Как «цифровые чемпионы» меняют стандарты страхования / Клуб журналистов Korins. – URL: <https://www.korins.ru/posts/13172-deloitte-kak-tsifrovye-chempiony-menyayut-standarty-strahovaniya> (дата обращения: 27.01.2026).
4. Сбер – цифровая экосистема / ПАО «Сбербанк». – URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/dist_services (дата обращения: 27.01.2026).
5. Блог о страховании / CAO «РЕСО-Гарантия». – URL: <https://reso.ru/about/blog/> (дата обращения: 27.01.2026).
6. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России). – URL: <https://web.archive.org/web/20210501190952/https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 27.01.2026).

ПОЛИТИКА СНИЖЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА И РОЛЬ СТРАХОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация: статья исследует сложную взаимосвязь усиления экономического неравенства в России с трансформацией страхового рынка. Выявлено что высокодоходные группы активно используют такие инструменты, как комплексное страхование жизни, инвестиционные продукты и ДМС. Автор утверждает, что рынок реагирует на усиление экономического неравенства поляризацией предложений, создавая «страховой разрыв». Для решения проблемы предлагается модернизация системы социальной защиты: введение стимулов для страхования малоимущих и развитие цифровых платформ для повышения финансовой грамотности.

Ключевые слова: экономическое неравенство, страховой рынок, доступность страхования, финансовая грамотность.

Усиление экономической дифференциации превратилось в устойчивый элемент социально-экономической траектории России в последние десятилетия. Вопросы неравенства по доходам – глобальная, не обременённая временными рамками проблема, актуальная для любого общества. Логично, что возникновение новых форм дисбаланса (например, цифрового) требует разработки адекватных аналитических и практических механизмов: в эпоху цифровизации именно digital-неравенство становится основой для социального расслоения. [2]

Статистика Росстата последовательно фиксирует расширение пропасти между доходами самых обеспеченных и уязвимых групп населения. Индекс Джини – ключевой показатель доходного неравенства – в 2024 году вырос с 0,405 до 0,408 (что соответствует увеличению доли расслоения с 40,5% до 40,8%). Эти данные содержатся в январском отчёте ведомства «Социально-экономическое положение России». За тот же период увеличился и коэффициент фондов, измеряющий разницу в доходах между слоями населения: он достиг 15,1 против 14,8 годом ранее. Уровень неравенства в 2024 году практически совпадает с показателями 2021-го (до введения санкций), когда индекс Джини составлял 0,409, а коэффициент фондов – 15,2 [3].

В майском указе 2024 года, изданном после инаугурации президента Владимира Путина на новый срок, содержится цель, согласно которой коэффициент Джини должен снизиться до 0,37 (эквивалентно 37%) к 2030-му и до 0,33 к 2036 году. «Неравенство – настоящий бич современного мира. Внутри стран неравенство порождает социальную напряженность и политическую нестабильность», – заявлял Путин [1].

Такая дифференциация напрямую воздействует на финансовое поведение граждан и их отношение к рискам. Для состоятельных слоев управление рисками через страхование становится неотъемлемой частью финансовой стратегии. Они активно инвестируют в сложные продукты такие как инвестиционное страхование жизни (ИСЖ), которое сочетает накопительную функцию с защитными выплатами. По данным рейтингового агентства ЭкспертРА, объем страхования жизни увеличился на 162,3% за 2024 год. Объем страхования жизни составил 2,03 трлн рублей по итогам 2024 года. Страховые взносы по страхованию жизни впервые превысили взносы по страхованию иному, чем страхование жизни. Доля страхования жизни в общем объеме страхового рынка выросла с 34% за 2023 год до 55% за 2024-й. Прирост премий в ИСЖ – 141,4%. Средний чек по таким полисам может достигать 100–200 тысяч рублей в год,

что делает их доступными лишь для узкой прослойки населения с высокими и стабильными доходами [4].

С другой стороны, растущая доля населения с низкими и нестабильными доходами сталкивается с объективными трудностями в доступе к страховым услугам. Финансовая уязвимость этих групп ограничивает их возможности формировать сбережения и покупать даже базовые виды страхования. Особенно остро эта проблема проявляется в сегменте автострахования. Обязательное страхование гражданской ответственности перед третьими лицами (ОСАГО) формально доступно благодаря государственному регулированию тарифов. Однако практика показывает, что автовладельцы с низкими доходами часто выбирают минимальные уровни покрытия или даже временно отказываются от полиса в пользу других необходимых расходов. По данным российского союза автостраховщиков, в 2024 году доля «безполисных» водителей составила 10% [5]. Значительный процент таких случаев особенно среди заемщиков, купивших автомобили в кредит.

Наблюдаются серьезные трансформации структуры страхового спроса вследствие дифференциации уровня дохода. Граждане с высоким уровнем дохода проявляют повышенный интерес к комплексным страховым решениям, включающим инвестиционные компоненты и механизмы передачи наследства. Так, темпы роста платежей по договорам долгосрочного личного страхования значительно превышают среднерыночные показатели. Вместе с тем потребность в стандартных продуктах добровольного страхования, таких как защита собственности от огня либо покрытие ущерба от случайных происшествий, слабо выражена или даже сокращается среди лиц с низкими доходами. Население с ограниченным бюджетом вынуждено расставлять приоритеты исходя из текущих нужд, что ведет к формированию неблагоприятной тенденции – «разрыва покрытия», когда наименее защищенные граждане остаются практически без какой-либо защиты от серьезных финансовых последствий возможных рисков.

Страховой рынок России не остается в стороне от этих тенденций он адаптируется к новой реальности. Финансовые организации все активнее фокусируют маркетинговые усилия и разрабатывают сложные продукты для состоятельных клиентов. Появляются персонализированные решения, интегрированные с банковскими услугами и инвестиционными портфелями. Одновременно наблюдается определенное сокращение предложений по простым и доступным страховым продуктам для широких слоев населения. Конкуренция смещается в сегмент высоких доходов. Это усугубляет проблему доступности для тех, кто в ней больше всего нуждается.

Преодоление негативных последствий, связанных с ростом неравенства для страхового рынка, требует комплексного подхода. Ключевым направлением является укрепление системы социальной защиты населения. Развитие эффективных и адресных механизмов поддержки малоимущих семей, например, через программы материнского капитала или субсидии на оплату ЖКУ может косвенно повысить их финансовую устойчивость и способность приобретать базовые страховые продукты. Методами стимулирования развития специализированных программ страхования может стать практика софинансирования государством страховых премий по ДМС для граждан с низким уровнем дохода, или утверждение льготных тарифов на страхование недвижимости в регионах с повышенным уровнем риска.

Стоит подчеркнуть важность роста уровня осведомленности граждан в области финансов. Особое внимание следует уделить развитию понимания страховых механизмов среди населения. Обширные просветительские проекты позволят гражданам оценить значимость страховой поддержки, научиться подбирать оптимальные решения исходя из собственных финансовых обстоятельств.

Государственным органам предстоит найти баланс между доступностью обязательных видов страхования и поощрением страховых организаций создавать доступные продукты для

широкой аудитории с ограниченными финансовыми ресурсами. Одним из возможных путей является введение льготного налогообложения либо создание специальных регуляторных условий для участников рынка страхования.

Потенциал развития отечественного страхового рынка зависит непосредственно от успешности реализации обозначенных мер. Корректировка ассортимента предложений в условиях усиливающегося имущественного расслоения общества способна укрепить экономическую стабильность государства перед лицом кризисных ситуаций, одновременно способствуя укреплению социального равновесия. Главное, чтобы государство регулятор и сами страховщики признали проблему и совместно работали над тем, чтобы страховая защита перестала быть привилегией богатых и стала реальным инструментом повышения финансовой безопасности для всех слоев российского общества. Только так можно превратить страхование из маркера богатства в фундамент социально-экономического развития страны.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».
2. Лясковская Е.А. Экономическое неравенство в России: анализ региональных особенностей / Е.А. Лясковская, И.И. Просвирина, Е.В. Кучина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2023. – Т. 17. №3. – С. 77–87. – DOI: 10.14529/em230307. EDN OCWLGE
3. Неравенство в России вернулось почти к «досанкционному» уровню Почему показатель растет два года подряд // Медиахолдинг «РБК». – URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/03/2025/67c96f139a794702ed62e69a> (дата обращения: 23.02.2026).
4. Итоги 2024 года на страховом рынке и прогноз на 2025-й: короткие продукты двигают рынок // Рейтинговое агентство «Эксперт РА». – URL: https://raexpert.ru/researches/insurance/ins_2024a/ (дата обращения: 23.02.2026).
5. Доля «бесполисных» водителей на дорогах РФ снизилась всего на 1,2% за три года // Информгентство «Интерфакс». – URL: <https://www.interfax.ru/russia/1022546> (дата обращения: 23.01.2026).

Киселевич Татьяна Анатольевна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

**ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ БЫСТРЫХ ПЛАТЕЖЕЙ НА ТРАНЗАКЦИОННЫЕ
ИЗДЕРЖКИ КРУПНОГО БИЗНЕСА В РФ ПОСЛЕ 2022 ГОДА**

Аннотация: в статье исследуется влияние внедрения системы быстрых платежей (СБП) на уровень транзакционных издержек крупного российского ритейла в условиях трансформации платежной инфраструктуры после 2022 года. Опираясь на теорию транзакционных издержек институциональной экономики, автор проводит сравнительный анализ эффективности традиционного карточного эквайринга и СБП. Объектом исследования выбраны федеральные сети электроники и бытовой техники (DNS и «М.Видео-Эльдорадо») с высоким объемом В2С-операций. Посредством сценарного моделирования (консервативный, базовый и агрессивный сценарии миграции платежных потоков) количественно оценен потенциал снижения прямой комиссионной нагрузки. Расчеты показывают, что частичный перевод транзакций в СБП способен обеспечить крупнейшим ритейлерам экономию в несколько миллиардов рублей ежегодно, что оказывает существенное влияние на операционную маржу и структуру оборотного капитала. В статье также систематизированы ограничения модели и факторы, усиливающие совокупный экономический эффект.

Ключевые слова: система быстрых платежей, транзакционные издержки, эквайринг, безналичные расчеты, платежная инфраструктура, финансовая эффективность, институциональная экономика, DNS, М.Видео.

Влияние системы быстрых платежей (СБП) на транзакционные издержки бизнеса чаще всего рассматривается относительно малого и среднего предпринимательства. В таких исследованиях СБП, в первую очередь, трактуется как инструмент снижения комиссионной нагрузки на торговые точки с невысоким оборотом. Однако подобный подход не учитывает специфику крупного ритейла, где экономический эффект формируется иначе, преимущественно за счёт масштаба операций, структуры маржинальности и управления оборотным капиталом.

В данной статье мы сосредоточимся на крупных федеральных сетях электроники, таких как DNS и М.Видео-Эльдорадо, которые оперируют оборотами в сотни миллиардов рублей ежегодно. При таком масштабе даже незначительное изменение ставки комиссии (например, 0,5–1 п.п.) трансформируется в абсолютный финансовый эффект, сопоставимый с миллиардными суммами. В отличие от МСП, где ключевой проблемой является доступ к платежной инфраструктуре, для крупного бизнеса первостепенное значение имеет оптимизация совокупных транзакционных издержек и влияние платёжных механизмов на операционную маржу.

Дополнительно, крупный ритейл бытовой техники и электроники характеризуется высокой долей безналичных B2C-платежей, значительным средним чеком и развитой многоканальной моделью продаж (онлайн + офлайн). Это создаёт уникальную среду для анализа сравнительной эффективности традиционного карточного эквайринга и СБП. Таким образом, исследование влияния СБП на крупный ритейл требует отдельного аналитического подхода, отличного от моделей, применимых к сегменту МСП.

Теоретической основой исследования выступает концепция транзакционных издержек, разработанная в рамках институциональной экономической теории. Транзакционные издержки – это затраты, возникающие в связи с заключением контрактов и издержки, сопровождающие взаимоотношения экономических агентов. Выделяют следующие виды транзакционных издержек:

- издержки обработки и сбора информации,
- издержки контроля,
- издержки проведения переговоров и принятия решений,
- издержки юридической защиты выполнения контракта [1].

В контексте розничной торговли транзакционные издержки проявляются в следующих формах:

- прямые комиссионные платежи (эквайринг, процессинг);
- издержки времени зачисления средств (влияние на оборотный капитал);
- риски возвратов и чарджбэк;
- операционные расходы на интеграцию и обслуживание платёжной инфраструктуры [1].

Для крупного ритейлера доля комиссионных расходов в структуре затрат относительно невелика в процентах, однако в абсолютных значениях может достигать значительных величин. При выручке порядка 700–760 млрд рублей (уровень DNS в 2023–2024 гг.) [4] даже 2% комиссии формируют расходы порядка 14–15 млрд рублей ежегодно.

Теоретически, внедрение альтернативного платёжного механизма (например, СБП) можно рассматривать как институциональное изменение, способное сократить данные издержки за счёт:

- снижения комиссионной ставки;
- ускорения расчётов (моментальные расчеты, вместо задержки 1–2 дня);
- снижения риска оспаривания операций [5].

Таким образом, сравнение эквайринга и СБП представляет собой не только технологический, но и институционально-экономический анализ эффективности механизмов обмена.

После 2022 года платёжная инфраструктура Российской Федерации претерпела существенные структурные изменения. Усилилась роль национальных платёжных инструментов и внутренних процессинговых контуров. Ключевым элементом трансформации стала система быстрых платежей, оператором которой выступает Банк России.

СБП изначально позиционировалась как инструмент мгновенных переводов между физическими лицами, однако постепенно её функциональность была расширена на розничные B2C-платежи через QR-коды и онлайн-интерфейсы. В отличие от карточного эквайринга, где комиссия может достигать 1,5–2,5% в зависимости от категории бизнеса [2], тарифы СБП для торговых предприятий установлены на более низком уровне (как правило, 0,4–0,7%, с дифференциацией по отраслям) [3].

Для крупных ритейлеров это изменение означает, что в условиях высокой доли безналичных платежей (в электронике и бытовой технике она традиционно превышает 80–90%) переход даже части транзакций на СБП может существенно изменить структуру операционных расходов.

Дополнительным фактором является скорость зачисления средств. В рамках СБП расчёты осуществляются практически мгновенно (T+0), что потенциально снижает потребность в оборотном капитале и краткосрочном финансировании. Для сетей масштаба DNS или М.Видео даже сокращение одного дня оборота денежных средств может иметь заметный эффект на ликвидность.

Таким образом, модификация платёжной инфраструктуры после 2022 года создала условия для пересмотра структуры транзакционных издержек крупного ритейла.

Для оценки эффекта воспользуемся сравнительной моделью, при условии средней выручки для торговых сетей: DNS $\approx$ 750 млрд руб. [5], и М.Видео-Эльдорадо 420 млрд руб. [6] (табл. 1).

Таблица 1

Параметры модели

Параметр	Эквайринг	СБП
Комиссия	2,0%	0,7%
Зачисление	T+1	T+0
Чарджбэк	Да	Нет
Инфраструктура	Банковская	Национальная

В таблице 2 представлены 3 сценария миграции платежей с эквайринга на СБП для DNS.

Таблица 2

Сценарии миграции платежей с эквайринга на СБП для DNS

Сценарий	Доля СБП	Эквайринг	СБП	Экономия, млрд руб.
До внедрения СБП	0	2%	не применимо	0
Консервативный	10%	2%	0,7%	1,0
Базовый	30%	2%	0,7%	3,0
Агрессивный	50%	2%	0,7%	5,0

Для группы М-Видео-Эльдорадо, с выручкой порядка 450 млрд руб., аналогичные расчеты дают экономию:

- 0,6–0,8 млрд руб. при миграции 10% платежей;
- 1,8–2,5 млрд руб. при миграции 30%;
- 3–4 млрд руб. при миграции 50%.

Важно отметить, что данная модель учитывает только прямые комиссионные издержки. Вне расчёта остаются:

- снижение издержек на обработку возвратов и чарджбэк;
- ускорение оборота денежных средств за счёт T+0;
- снижение нагрузки на банковские лимиты и овердрафты;

Эти факторы усиливают совокупный экономический эффект внедрения СБП, но требуют отдельного анализа, выходящего за рамки базовой сравнительной модели.

Полученные результаты основаны на моделировании комиссионной нагрузки и не учитывают ряд факторов.

1. Структура платёжных предпочтений клиентов. Полный переход на СБП невозможен из-за инерции потребителей и распространённости банковских карт, в том числе по системе экшбэков для банковских карт и отсутствию таковых при использовании СБП.

2. Банковские переговорные позиции крупных сетей. Крупные ритейлеры могут получать сниженные ставки эквайринга (<2%), что сокращает разницу с СБП.

3. Инвестиционные затраты на интеграцию. Переход на СБП требует доработки IT-инфраструктуры и процессов.

4. Отраслевая применимость. Результаты релевантны только для крупного B2C-ритейла и сетей с массовыми розничными транзакциями. Не применимо для: крупных промышленных производств, промышленного B2B, оптовой торговли.

Для крупных сетей электроники (DNS, М.Видео) комиссионная нагрузка по эквайрингу достигает 8–15 млрд руб. ежегодно. Частичная миграция (30%) платёжных потоков в СБП способна обеспечить экономию около 3 млрд руб. для DNS, и 1,5–2 млрд руб. для М.Видео. Экономический эффект сопоставим с крупными программами операционной оптимизации и способен увеличить EBITDA на 5–10%. Максимальный эффект достигается при сочетании: снижения комиссии, ускорения зачисления средств и оптимизации оборотного капитала.

В современных условиях экономика России претерпевает существенные изменения, и, наряду с изменением фискальной нагрузки и денежно-кредитной политики внедряются различные меры снижения операционных издержек компаний. В данной статье был рассмотрен один из таких механизмов, позволивший снизить транзакционные издержки.

Список литературы

1. Коломак Е.А. Институциональная экономика: учебное пособие для вузов / Е.А. Коломак, М.М. Михалёва. – М.: Юрайт, 2023. – С. 59–89. – ISBN 978-5-534-08182-4. – URL: <https://urait.ru/bcode/516663> (дата обращения: 11.02.2026).
2. Банки.ру: официальный сайт. – URL: <http://www.banki.ru/> (дата обращения: 11.02.2026).
3. Система быстрых платежей: официальный сайт. – URL: <https://sbp.nspk.ru> (дата обращения: 11.02.2026).
4. АО ГАЗПРОМБАНК: официальный сайт. – URL: <https://www.gazprombank.ru/> (дата обращения: 11.02.2026).
5. Финмаркет: официальный сайт. – URL: <https://www.finmarket.ru/> (дата обращения: 09.02.2026).
6. SMART-LAB: официальный сайт. – URL: <https://smart-lab.ru> (дата обращения: 11.02.2026).
7. ДНС: официальный сайт. – URL: <https://www.dns-shop.ru/> (дата обращения: 09.02.2026).
8. М.Видео: официальный сайт. – URL: <https://www.mvideo.ru/> (дата обращения: 09.02.2026).

Краснова Светлана Алексеевна

старший преподаватель

ФГКВОУ ВО «Военная орденов Жукова и Ленина

Краснознаменная академия связи

им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного»

Министерства обороны Российской Федерации

г. Санкт-Петербург

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

***Аннотация:** в статье рассматриваются особенности цифровой трансформации на современном этапе в области военной экономики. Военно-промышленный комплекс как подсистема военной экономики активно применяет новые инструменты финансовых технологий, разрабатываемые в рамках реализации программы цифровой экономики. На основе анализа применения технологий блокчейн и смарт-контракт обосновывается важность их внедрения на предприятиях военно-промышленного комплекса.*

***Ключевые слова:** военно-промышленный комплекс, финансовые технологии, блокчейн-технология, смарт-контракт.*

В современной экономике мы наблюдаем быстрое информационное и технологическое развитие, в результате которого цифровизация проникает в различные экономические процессы, внося изменения в формирование связей и отношений между всеми ее участниками, и ускоряя цифровизацию экономики, в том числе и военной экономики.

Военная экономика в современных условиях играет важную роль, она обеспечивает обороноспособность страны, влияет не только на развитие различных отраслей экономики, но и на экономику страны в целом, способствуя увеличению экспортных доходов.

Военно-промышленный комплекс – это подсистема национальной и военной экономики, отражающая экономические отношения между государствами, предприятиями, министерством обороны и другими субъектами рынка по поводу разработки, создания, производства, модернизации, ремонта и утилизации вооружения и военной техники (ВВТ), в рамках государственного оборонного заказа, для оснащения национальных вооруженных сил, других воинских формирований, в целях обеспечения обороноспособности государства, а также реализации экономических интересов на мировом рынке ВВТ через международные военно-экономические отношения [4, с. 13].

Военно-промышленный комплекс в связи с геополитической обстановкой столкнулся со сложностями в результате введенных санкций в отношении России. Возникла необходимость в срочном порядке решать проблемы всеми возможными инструментами, в том числе используя современные технологии и программное обеспечение.

В последние годы во всем мире активно развивается отрасль финансовых технологий, которая внесла серьезные изменения в работу классических финансовых институтов. В настоящее время существует множество подходов к определению финансовых технологий, приведем некоторые из них.

Финансовые технологии (FinTech) – это уникальное и системно значимое явление в современной экономике, возникшее в результате соединения технологий, финансов и инноваций [6, с. 10].

Финансовые технологии представляют собой синергию финансов и технологий, используемых для улучшения бизнес-операций и автоматизации представления финансовых услуг [3, с. 5].

FinTech базируется на комплексе технологий: блокчейн (Block chain), большие данные (Big Data), облачные технологии, биометрии и др.

Данные, представленные аналитическим агентством Smart Ranking указывают, что за первые девять месяцев 2025 года выручки FinTech-компаний выросли на 14,62% по сравнению с аналогичным периодом 2024 года и составили 194 млрд рублей. Основными сегментами отечественного FinTech рынка являются: платежные сервисы, переводы финансовых средств, системы бухгалтерских расчетов, личные финансы, кредитование и др.

Современные тенденции развития экономики страны требуют качественного преобразования финансовых инструментов и методов управления организациями и учреждениями. Если изначально эффективность использования финансовых технологий рассматривалась в компаниях реального сектора экономики, то в последующем использование финансовых технологий в бюджетной сфере также показало свою эффективность.

Использование финансовых технологий позволяет компаниям оптимизировать бизнес-процессы, повысить эффективность, свою конкурентоспособность. Несмотря на серьезные затраты компаний, связанные с внедрением финансовых технологий, компании получают возможность повысить качество обслуживания клиентов, развить бизнес и т. п.

Предприятиям военно-промышленного комплекса также удастся повышать эффективность бизнес-процессов используя финансовые и информационные технологии. Качественное и своевременное банковское сопровождение влияет на выполнение гособоронзаказа, то есть финансовые технологии позволяют предприятиям военно-промышленного комплекса успешно выполнить работу, обеспечивающую технологический суверенитет государства. Количество предприятий военно-промышленного комплекса, использующих финансовые технологии в последние годы растет. В 2024 году в состав оборонно-промышленного комплекса входило 6 тысяч предприятий и еще 10 тысяч являлись «смежниками» [5].

Кроме того, в условиях нестабильных глобальных экономических процессов для решения проблем предприятиям была предложена технология «блокчейн», которая обеспечивает децентрализованный обмен товарами, услугами, информацией, облегчает процесс принятия и реализации управленческих и финансово-экономических процессов.

Блокчейн-технология – это децентрализованная и распределенная база данных, которая использует криптографию для обеспечения безопасности и целостности данных [1, с. 8]. Блокчейн-технологии используются в различных отраслях в банках, образовании, судах, медицине, оборонной сфере и др.

Ряд зарубежных оборонных ведомств осваивают использование блокчейн-технологий для защиты от угроз. Россия также работает в данном направлении, так на базе военного технополиса «ЭРА» создана научная блокчейн-лаборатория, в которой изучались возможности применения технологии для выявления компьютерных атак. Также компания «Криптонит», являющаяся совместным предприятием радиоэлектронного кластера «Автоматика» (принадлежит госкорпорации «Ростех») и компании «Цитадель» занималась разработкой военных решений в области блокчейн-технологий.

Для предприятий военно-промышленного комплекса важна защита от кибератак финансовой информации и логистических цепочек, использование блокчейн-технологии позволяет создать защищенную от хакеров систему передачи и хранения документации.

Блокчейн может использоваться в военном производстве для предотвращения стирания информации, так как технология обеспечивает информационную целостность данных. Блокчейн позволяет отслеживать неизменную запись транзакций при необходимости контроля расходования финансовых средств. Данная возможность обеспечивает принцип прозрачности и возможности осуществления аудита в военно-промышленной системе закупок, что позволяет предотвратить потерю финансовых средств, выделенных на выполнение государственного

оборонного заказа в результате мошенничеств в ходе подписания и реализации контрактов. Блокчейн-технологии дают возможность осуществить идентификационную и квалификационную проверку поставщиков, ответственных за поставку комплектующих.

Предприятие военно-промышленного комплекса при производстве военной продукции может использовать несколько сотен компонентов, произведенных как головным исполнителем, так и огромным количеством поставщиков. При длинной цепочке поставщиков возрастает риск сбоев, кибератак. Использование блокчейн-технологии позволяет контролировать не только все этапы жизненного цикла конечного продукта, но и все этапы жизненного цикла каждого компонента в отдельности, поставляемого различными поставщиками, а также дает возможность эффективно управлять цепочками поставок.

Одним из основных прикладных внедрений блокчейн-технологии, положительно зарекомендовавшей себя при осуществлении закупок в военной промышленности является смарт-контракт. Смарт-контракты позволяют упростить процесс регистрации сделок, вся информация по зарегистрированным сделкам оперативно передается уполномоченным должностным лицам, для осуществления контроля практически в режиме реального времени.

Преимущества использования смарт-контрактов в военной сфере:

- существенное сокращение времени совершения сделок;
- значительная экономия финансовых ресурсов;
- отсутствие рисков, связанных с заключением сделки с недобросовестным поставщиком;
- гарантия выполнения своих обязательств всеми сторонами сделки [2, с. 32].

Таким образом, использование финансовых технологий предприятиями военно-промышленного комплекса в условиях резкого спроса на продукцию сектора позволяет качественно и своевременно выполнить гособоронзаказ. Например, смарт-контракт использующий блокчейн обеспечивает: автоматизацию операций, безопасность благодаря криптографической защите и неизменности данных, защищенность от несанкционированного вмешательства и др.

Список литературы

1. Баланов А.Н. Блокчейн: учебное пособие для вузов / А.Н. Баланов. – СПб.: Лань, 2024. – 212 с.
2. Кравцов С. Применение технологии «блокчейн» в военных целях / С. Кравцов // Зарубежное военное обозрение. – 2023. – №10. – С. 32–36.
3. Нечаев А.С. Цифровые финансовые технологии / А.С. Нечаев, Ю.Н. Барыкина. – СПб.: Лань, 2025. – 149 с. EDN ENYWUT
4. Основы военной экономики: учебное пособие для курсантов военно-технического факультета / А.Н. Леонович [и др.]; под общ. ред. С.Ф. Викулова, А.Н. Леоновича. – Минск: БНТУ, 2021. – 140 с. EDN MZMYTB
5. Путин заявил о создании в ОПК 520 тысяч новых рабочих мест // РИА Новости, 02.02.2024. – URL: <https://ria.ru/20240202/rabota-1925074730.html> (дата обращения: 20.02.2026).
6. Финансовые технологии FinTech: учебник / Г.И. Хотинская, И.М. Степнов, Ю.А. Ковальчук [и др.]. – М.: КноРус, 2024. – 280 с.

Кыялбекова Элина Кыялбековна
студентка
Научный руководитель
Губанова Анна Викторовна

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

КОРОТКОЕ ВИДЕО КАК ГЛАВНЫЙ КАНАЛ FINTECH МАРКЕТИНГА И ДРАЙВЕР ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация: исследование влияния коротких видеоформатов (TikTok, VK клипы, YouTube Shorts) на финансовый маркетинг и поведение клиентов, особенно в Красноярском крае. На основе опроса молодежи авторы выявляют доверие к неформальным блогерам и доминирование цифрового прагматизма в потреблении контента. Анализ показывает, что формат несет не только высокую вовлеченность, но и новые риски из-за упрощения информации и потери критической оценки. Ключевым выводом является необходимость для FinTech-компаний сочетать эффективность короткого видео с финансовой ответственностью и глубоким пониманием локального контекста для построения устойчивого доверия.

Ключевые слова: цифровая трансформация, финансовый маркетинг, короткие видео, доверие клиентов, региональный контекст.

Цифровая трансформация финансового сектора, долгое время фокусировавшаяся на технологиях безопасности, столкнулась с новой, стороной клиентского взаимодействия. Данные и алгоритмы, ставшие основой персональных предложений, упираются в стену клиентского безразличия и информационного шума [1]. Традиционные каналы маркетинга – баннеры, email-рассылки, длинные статьи – теряют эффективность в борьбе за внимание поколения, воспитанного в TikTok и YouTube Shorts. Сегодня главным увлечением молодежи становится просмотр коротких видео, которые не просто рекламируют продукт, а трансформируют саму теорию финансового маркетинга, создавая одновременно беспрецедентные возможности и новые системные риски. Это актуально для нашего Красноярского края, где цифровизация финансовых услуг часто опережает готовность аудитории к сложным продуктам, делая простой и визуальный формат ключевым мостом доверия [2].

С одной стороны, короткие форматы кардинально повышают вовлечённость, упрощают сложные финансовые концепции и позволяют выстроить эмоциональную связь с аудиторией. С другой – эта же зависимость от быстрого контента делает FinTech-компании крайне уязвимыми [3]. Риски смещаются из плоскости технологий в плоскость коммуникаций: упрощение границит с введением в заблуждение – с потерей контроля над контекстом, интернет сам решает, что показывать, и люди перестают «думать своей головой».

В регионах, где доступ к офлайн-консультациям может быть ограничен, эта проблема стоит особенно остро.

Мы провели опрос среди пользователей в возрасте 18–35 лет в Красноярском крае, чтобы понять, как цифровое поколение воспринимает и доверяет финансовой информации из коротких видео:

Вопрос 1. Из какого источника вы чаще всего узнаете о новых финансовых продуктах (картах, инвестициях, криптовалюте и т. д.)?

1. Короткие видео в TikTok/VK клипы/ YouTube Shorts (52%)
2. Тематические каналы/блоги в Telegram (23%)
3. Официальные сайты/приложения банков (15%)

4. Классические СМИ и статьи (10%)

Наши выводы: короткие видео уверенно лидируют. Это фундаментальный сдвиг: официальные каналы компаний проигрывают в борьбе за первичное внимание. Для FinTech-маркетинга в регионе это означает необходимость не просто присутствовать, а доминировать в этих форматах, адаптируя контент под локальные тренды и запросы, иначе клиента «перехватят» на этапе формирования интереса.

Вопрос 2. Какому источнику финансового совета в формате короткого видео вы доверяете больше?

1. Неформальным блогерам-энтузиастам (40%).
2. Официальным экспертам от банков/компаний (35%).
3. Знаменитостям (инфлюенсерам) (15%).
4. Никакому, это все реклама (10%).

Наши выводы: Поколение демонстрирует «парадокс доверия»: с одной стороны, ценится авторитет и ответственность компаний, с другой – высокая степень доверия к независимым блогерам, чья экспертиза и мотивация не всегда прозрачны. В Красноярске популярность локальных инфлюенсеров, говорящих на одном языке с аудиторией, особенно велика. Это создает серьезный риск: советы, данные ради скрытой рекламы, могут восприниматься как истина в последней инстанции.

Для бизнеса это сигнал: тонкий баланс между профессиональной подачей и человеческим неформальным общением, возможно, через сотрудничество с проверенными региональными авторами.

Вопрос 3. Что заставит вас совершить действие (оформить карту, начать копить) после просмотра короткого видео?

1. Четкий, простой «лайфхак» или выгода «здесь и сейчас» (48%).
2. Эмоциональная история успеха/провала (27%).
3. Авторитет и харизма спикера (15%).
4. Красивый визуал и монтаж (10%).

Наши выводы: доминирует цифровой прагматизм. Пользователь хочет получить инструментарий, а не общие рассуждения. Эмоциональная составляющая важна, но как обрамление для конкретной выгоды. Второй по важности фактор – это умение рассказывать истории, чтобы поверили, нужно не только информировать, но и вовлекать, вызвать сопереживание.

Вопрос 4. Что вы чувствуете, когда финансовая тема объясняется в 60 секунд?

1. Это удобно и экономит время (45%).
2. Подозреваю, что важные нюансы и риски умалчиваются (38%).
3. Так информация лучше запоминается (12%).
4. Раздражает поверхностность (5%).

Наши выводы: реакция раскрывает амбивалентность формата. С одной стороны – безусловное принятие удобства, с другой – скрытое недоверие. Для FinTech-компаний, особенно работающих в таком ответственном регионе как Красноярский край, это ключевой вопрос: как вписать обязательные предупреждения о рисках, комиссиях и условиях в формат, где каждую секунду на счету? Игнорирование этого ведет к репутационным взрывам на локальном уровне.

Вопрос 5. Кто, по-вашему, должен нести ответственность за последствия финансовых решений, принятых под влиянием такого видео?

1. В первую очередь я сам, но автор должен давать честную информацию (50%).
2. Площадка (TikTok, YouTube), которая должна модерировать опасный контент (25%).
3. Автор видео, особенно если это скрытая реклама (20%).
4. Государство через контроль (5%).

Наши выводы: пользователь осознает свою ответственность, но формирует запрос на честность со стороны создателей и платформ. Для бизнеса в Красноярске это прямое указание:

любое партнерство с местными блогерами, любой собственный контент должны быть максимально прозрачны.

Вопрос 6. Вспомните последний месяц. Случалось ли Вам смотреть TikTok, Shorts, где были узнаваемые места нашего города?

1. Да, постоянно (25%).
2. Да, иногда (48%).
3. Редко, пару раз (15%).
4. Нет, никогда (10%).
5. Затрудняюсь ответить (2%).

Наши выводы: почти половина опрошенных так или иначе вовлечены в просмотр коротких видео, где были узнаваемые места. Это говорит о высокой востребованности локального контента. Каждый четвертый делает это постоянно. Это ядро аудитории, для которой потребление локального контента стало регулярной практикой. Такие пользователи с высокой долей вероятности будут вовлекаться в обсуждение, ставить лайки, делиться видео.

Вопрос 7. Интересны ли видео, где есть знакомые локации?

1. Да, интересно (78%).
2. Не сильно (15%).
3. Нет, не интересно (7%).

Наши выводы: больше половины людей заинтересованы просмотром видео со знакомыми локациями, что создает эффект сопричастности и повышает доверие к таким видео.

Вопрос 8. Кому Вы скорее доверитесь при выборе товара или услуг: официальному представителю крупной компании или местному блогеру, который живет в нашем городе и показывает жизнь изнутри?

1. Однозначно доверяю местному блогеру (38%).
2. Скорее доверюсь местному блогеру, чем официальному представителю крупной компании (10%).
3. Доверяю одинаково, если информация совпадает (15%).
4. Скорее доверюсь официальному представителю крупной компании (10%).
5. Не доверяю ни тем, ни другим (5%).

Наши выводы: суммарно 70% респондентов отдают предпочтение региональным блогерам, чем официальным представителям компаний. Взгляд изнутри оказывает важнее статуса крупного бренда.

Целевая аудитория ожидает получения конкретных преимуществ и практических рекомендаций, представленных в сжатом формате с использованием узнаваемых местных локаций и ситуаций.

Приоритет доверия к «местным экспертам». В сравнении с официальными представителями крупных компаний, региональные блогеры могут обладать более высоким уровнем доверия со стороны аудитории. FinTech-компаниям рекомендуется либо развивать собственные каналы коммуникации с региональными лидерами мнений, обладающими высокой степенью узнаваемости и авторитетом, либо тщательно подбирать локальных партнеров для продвижения своих продуктов [4].

Пользователи готовы мириться с упрощением информации в обмен на оперативность, однако сохраняют критическое отношение к предоставляемым данным. Любые проявления дезинформации или сокрытия фактов воспринимаются как нарушение доверия и могут быстро распространяться через локальные социальные сети и мессенджеры.

Интеграция потребления контента и активных действий. В современном медиапотреблении наблюдается тенденция к стиранию границы между пассивным просмотром контента и активными действиями пользователя (клики, заявки, загрузки). Для достижения максимальной конверсии маркетинговая стратегия должна быть адаптирована под специфику локального рынка, обеспечивая релевантность и персонализацию контента [1].

Ключевой вывод для СМО и руководителей FinTech-компаний.

Управление маркетингом сегодня – это управление вниманием в условиях его дефицита с учетом региональных особенностей. Короткое видео – не просто «еще один канал». Это новая коммуникационная среда, которая диктует свои законы и требует особого подхода. Недостаточно просто снять ролик – нужно встроить его в экосистему доверия конкретного региона, такого как Красноярский край. Недостаточно быть виральным – нужно оставаться этичным, прозрачным и релевантным [5].

Компании, которые смогут интегрировать силу короткого формата с глубиной финансовой ответственности и пониманием локального контекста, превратят этот канал из источника риска в драйвер устойчивой трансформации и завоевания лояльности в регионах. Они получают не только поток клиентов, но и лояльное сообщество, для которого финансовая грамотность, удобство и чувство «это про нас, про Красноярск» – не противоречащие, а взаимодополняющие ценности. В эпоху, где внимание – самая твердая валюта, короткое видео с региональным акцентом становится главным банком, где это внимание хранится и приумножается [2].

Список литературы

1. Музыкант В.Л. Основы интегрированных коммуникаций: теория и современные практики / В.Л. Музыкант. – 2-е изд., испр. и доп. – В 2 ч. Ч. 2. SMM, рынок M&A: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2025. – 501 с. – ISBN 978-5-534-14314-0. – URL: <https://urait.ru/bcode/561458> (дата обращения: 08.02.2026).
2. Цифровая экономика: учебник и практикум для среднего профессионального образования / отв. ред. М.Н. Конягина. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2026. – 240 с. – ISBN 978-5-534-21492-5. – URL: <https://urait.ru/bcode/590019> (дата обращения: 08.02.2026).
3. Финансовый менеджмент: механизмы обоснования бизнес-решений: учебник для вузов / под ред. А.З. Бобылевой. – М.: Юрайт, 2026. – 424 с. – ISBN 978-5-534-21805-3. – URL: <https://urait.ru/bcode/590504> (дата обращения: 08.02.2026).
4. Хуссейн И.Д. Цифровые маркетинговые коммуникации: учебник для среднего профессионального образования / И.Д. Хуссейн. – М.: Юрайт, 2026. – 68 с. – ISBN 978-5-534-18732-8. – URL: <https://urait.ru/bcode/589668> (дата обращения: 08.02.2026).
5. Рабчевский А.Н. Основы информационного противоборства: сетевая наука: учебник для вузов / А.Н. Рабчевский. – М.: Юрайт, 2026. – 202 с. – ISBN 978-5-534-19085-4. – URL: <https://urait.ru/bcode/589700> (дата обращения: 08.02.2026).

Лежнин Алексей Александрович

магистрант

Институт государственной службы и управления

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

г. Москва

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ РФ ЗА ТОРГОВЛЕЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАЛЮТАХ СО СТРАНАМИ – ЧЛЕНАМИ БРИКС

Аннотация: в статье исследуется система государственного контроля РФ за внешне-торговыми операциями в национальных валютах со странами БРИКС, ключевые инструменты валютного и таможенного регулирования, применяемые для обеспечения экономической безопасности и стабильности финансовых потоков. Выявлены основные проблемы, связанные с волатильностью курсов и асимметрией нормативных баз. Обоснованы перспективные направления совершенствования механизмов контроля в условиях дедолларизации мировой экономики.

Ключевые слова: государственный контроль, БРИКС, национальные валюты, дедолларизация, валютное регулирование.

Современные геополитические и геоэкономические трансформации, сопровождающиеся усилением санкционного давления на Российскую Федерацию, объективно стимулируют

процессы дедолларизации международных расчетов [4, с. 45]. Одним из ключевых направлений этой стратегии является переход на использование национальных валют во взаимной торговле со странами-партнерами, в первую очередь в рамках объединения БРИКС [2, с. 56]. Данный процесс, открывая новые возможности для укрепления финансового суверенитета, одновременно порождает комплекс рисков, требующих формирования адекватной системы государственного контроля.

Актуальность темы обусловлена экспоненциальным ростом объемов торговли в национальных валютах (рублях, юанях, рупиях и др.) [7] и необходимостью адаптации существующих регуляторных механизмов к новым реалиям. В статье проведен анализ действующей системы государственного контроля РФ за торговыми операциями в валютах стран БРИКС, выявлены существующие проблемы и определены векторы ее дальнейшего развития.

Система государственного контроля за торговыми операциями в национальных валютах представляет собой многоуровневую структуру, в которой задействованы несколько ключевых ведомств [1].

Центральный банк Российской Федерации (Банк России) выступает главным мегарегулятором финансового рынка. Его функции в контексте рассматриваемой темы включают:

- установление официальных курсов национальных валют стран БРИКС по отношению к рублю [7];
- регулирование порядка открытия и ведения корреспондентских счетов в национальных валютах уполномоченными банками;
- осуществление надзора за соблюдением банками, как агентами валютного контроля, требований законодательства при проведении клиентских операций;
- управление золотовалютными резервами, включая постепенную диверсификацию их структуры в пользу валют дружественных стран.

Федеральная таможенная служба (ФТС России) осуществляет контроль на этапе физического перемещения товаров через границу. Ключевая задача ФТС – проверка соответствия заявленной в таможенной декларации валюты контракта и фактической валюты платежа, что является важным элементом противодействия незаконному выводу капитала. Взаимодействие с банками по системе валютного контроля позволяет отслеживать полный цикл внешнеторговой сделки от момента ввоза/вывоза товара до поступления выручки [1].

Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) выполняет функции органа по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Переход на национальные валюты создает новые, менее прозрачные каналы для движения капитала, что повышает риски их использования в противоправных целях. Росфинмониторинг анализирует подозрительные транзакции и взаимодействует с финансовыми разведками стран БРИКС для минимизации этих угроз.

Несмотря на стратегическую важность перехода на расчеты в национальных валютах, данный процесс сопряжен с рядом системных проблем, усложняющих эффективность государственного контроля [5, с. 16].

Высокая волатильность курсов. Валюты развивающихся стран, включая членов БРИКС (за исключением китайского юаня с его управляемым курсом), подвержены значительным курсовым колебаниям. Это создает риски как для участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД), так и для макроэкономической стабильности, требуя от регуляторов создания сложных механизмов хеджирования [5, с. 15].

Дисбаланс в торговле и проблема ликвидности. Характерным примером является торговля с Индией, где у российских экспортеров накапливаются значительные объемы индийских рупий, реинвестирование которых затруднено из-за ограничений индийского валютного

законодательства и узости местного финансового рынка. Это создает «зависшую» ликвидность и требует выработки нетривиальных решений на межгосударственном уровне [6, с. 57].

Отсутствие гармонизированной нормативно-правовой базы. Законодательство в области валютного контроля и регулирования в странах БРИКС существенно различается. Отсутствие единых стандартов и правил обмена информацией усложняет трансграничный надзор и создает лазейки для арбитража и обхода регуляторных требований [8, с. 35].

Инфраструктурные ограничения. Хотя национальные системы передачи финансовых сообщений (СПФС в России, CIPS в Китае, UPI в Индии) активно развиваются, позволяя обходиться без доллара в конкретных торговых коридорах, их полноценная интеграция и создание единой, надежной и безопасной расчетной инфраструктуры БРИКС все еще находится на начальном этапе. Это ограничивает скорость и повышает издержки транзакций.

Для преодоления указанных вызовов и повышения эффективности контроля необходима реализация комплекса мер на национальном и наднациональном уровнях [8, с. 35].

На национальном уровне:

- дальнейшее совершенствование законодательства о валютном регулировании с учетом специфики операций в «мягких» валютах;
- развитие внутреннего рынка производных финансовых инструментов (фьючерсов, опционов) на валютные пары стран БРИКС для предоставления бизнесу механизмов хеджирования рисков;
- цифровизация процессов валютного контроля, внедрение технологий распределенного реестра (блокчейн) для повышения прозрачности и скорости отслеживания операций.

На уровне БРИКС:

- активизация работы по гармонизации валютного и налогового законодательства стран-участниц [6, с. 56];
- создание единой расчетно-клиринговой платформы (BRICS Pay, mBridge), интегрирующей национальные платежные системы, что позволит снизить зависимость от западной финансовой инфраструктуры [8, с. 34];
- проработка вопроса о создании наднациональной расчетной единицы БРИКС (условное название R5), которая могла бы использоваться как мера стоимости и средство расчетов, снижая волатильность двусторонних валютных пар [8].

Таким образом, переход на расчеты в национальных валютах между Россией и партнерами по БРИКС представляет собой стратегический ответ на изменение глобального экономического ландшафта. Однако, как показал анализ, эффективность этого процесса напрямую зависит от способности системы государственного контроля адаптироваться к таким вызовам, как высокая волатильность курсов и асимметрия регуляторных практик. Существующая в РФ система, несмотря на свою функциональность, требует дальнейшего развития. Успех в преодолении указанных трудностей будет определяться не только совершенствованием внутренних правовых и технологических инструментов, но и, в решающей степени, глубиной практической координации с финансовыми регуляторами стран БРИКС. Именно совместная работа по созданию общей и предсказуемой регуляторной среды станет залогом превращения расчетов в нацвалютах из вынужденной меры в полноценный инструмент обеспечения экономического суверенитета.

Список литературы

1. О валютном регулировании и валютном контроле: Федеральный закон №173-ФЗ от 10.12.2003 (ред. от 24.07.2023).
2. Андропова И.В. Укрепление позиций стран БРИКС в международной валютно-финансовой системе / И.В. Андропова. – М.: РУДН, 2020.
3. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С.Ю. Глазьев. – М.: Книжный мир, 2018. EDN VQDBYV

4. Катасонов В.Ю. Дедолларизация – главное условие возрождения экономики России / В.Ю. Катасонов. – М.: Книжный мир, 2022.
5. Кузнецов А.В. Перспективы и риски использования национальных валют в расчетах стран БРИКС / А.В. Кузнецов // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – №4. – С. 15–25.
6. Перепелица А.В. Гармонизация валютного законодательства как фактор углубления экономической интеграции в БРИКС / А.В. Перепелица // Право и экономика. – 2022. – №7. – С. 56–64.
7. Статистика внешнего сектора / Банк России. – URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/ (дата обращения: 28.05.2025).
8. Хейфец Б.А. Новые контуры финансовой архитектуры БРИКС / Б.А. Хейфец // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 16. №2. – С. 34–52.

Машкина Мария Аркадьевна

студентка

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
геодезии и картографии»
г. Москва

ФИНАНСИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ С ПОМОЩЬЮ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАЙМОВ

Аннотация: в странах с рыночной экономикой эволюция муниципального финансирования городов развитие отражает путь экономического развития соответствующей страны, т.к. невозможно разделить экономику различных уровней. Однако в разных странах отдельные муниципалитеты берут собственные займы, поскольку нуждаются в создании инфраструктуры или отдельных инфраструктурных объектов, выходящих за рамки того, что они могли бы себе позволить сделать с текущим финансированием или с помощью централизованных трансфертов. Связь между инвестициями в городскую инфраструктуру и экономическим ростом хорошо прослеживается на всем протяжении истории муниципального заимствования в рамках современной экономической модели. Ответственное долгосрочное заимствование может оптимизировать существующие муниципальное бюджетирование, и, соответственно, позволить городу быстрее и эффективнее предоставлять жителям, компаниям-резидентам больший объем услуг лучшего качества.

Ключевые слова: финансирование инфраструктурных проектов, городской заем, облигация.

Муниципальная облигация – это тип кредита, который город или регион берет для финансирования значимых общественных инициатив [1]. Когда городской бюджет имеет дефицит для реализации определенных инфраструктурных проектов [2], то он может обратиться к такой форме долгосрочного финансирования, как муниципальные облигации. В обмен на инвестиции город обещает выплачивать проценты по займу в течение установленного периода, и часто обеспечивая дополнительные преференции в рамках своих полномочий. Это означает, что инвесторы могут зарабатывать деньги, помогая своему сообществу расти и улучшаться, проявляя социальную ответственность с одной стороны, и обеспечивая надежность своих вложений с другой.

Муниципальные облигации часто рассматриваются как безопасная инвестиция. Это связано с тем, что они поддерживаются правительством, а это означает, что вероятность дефолта города по кредиту низкая [3]. Инвесторы ценят эту безопасность, особенно по сравнению с другими типами инвестиций, которые могут быть более рискованными. Кроме того, проценты, полученные по муниципальным облигациям, часто освобождаются от налогов, что делает их еще более привлекательными для инвесторов, стремящихся сохранить большую часть своих доходов [4].

Считается, что родоначальниками рынков муниципальных ценных бумаг в мире являются германские города эпохи средневековья. Исторически сложилось так, что на территории Германии города были фактически мини- государствами (города Ганзы), и для поддержки равновесия в городском хозяйстве активно использовались заемные средства, что, впрочем, нередко приводило к возникновению затруднений с выплатами кредиторам. Так, задолжавший крупные суммы Кенигсберг в XVII веке вынужден был продавать земельные участки и поместья. Лишь к началу XIX века сильное федеральное правительство Германии, уменьшив права отдельных городов и княжеств, наметила курс на сокращение городских долгов и консолидацию бюджета [5].

Муниципальные ресурсы большинства городов были весьма скромными. Например, бюджетная смета Бостона в 1822 году для города с населением 45 000 человек – около 200 000 долл. США (£40,000). Париж в 1820 году (примерно 720 тысяч жителей) собрал обычных доходов в объеме 26 миллионов франков (1,04 миллиона фунтов стерлингов). К началу 1860-х годов годовой бюджет Лондонского графства оставался на уровне чуть более 2 миллионов фунтов стерлингов, при численности более 3 миллионов человек. Данные бюджеты не могли покрыть все городские нужды, такие как образование, медицинская помощь, городские хозяйственные услуги и прочее, тем более речь не могла идти о проектах городской перестройки. Выходом стал выпуск городских облигаций, т.е. ценных бумаг эмитентом которых стал конкретный город [6]. Ко второй половине девятнадцатого века десятки городов и городских округов выпустили свои облигации. Всплеск выпусков пришелся на период после 1850 года, когда началось активное строительство сети железных дорог, а выпуском займов планировали субсидировать строительство инфраструктуры для интеграции в сети железных дорог, т.к. железные дороги соединяли страны, и никто не хотел быть исключенным [7].

Рис. 1. Муниципальный 3,5% заем города Берлина, 1882 год, 100 марок

Анализируя опыт, полученный при реализации городских финансовых проектов, можно сделать определенные выводы, об эффективности метода привлечения средств [8]. Муниципальные займы, как и любое другое использование привлеченных средств, имеют свои особенности, которые можно считать как положительными, так и отрицательными. Среди потенциальных преимуществ можно указать следующие:

- муниципалитеты и другие субсуверенные субъекты могут использовать заемные средства для строительства городской инфраструктуры быстрее и вариативнее, чем если бы они пытались финансировать ее на основе бюджетного финансирования [9];

- долговое финансирование помогает поддерживать межпоколенческий капитал: будущие пользователи инфраструктуры помогут оплатить ее стоимость строительства за счет сборов, сборов или налогов по мере получения услуг и использования инфраструктуры;

- автономное заимствование поддерживает децентрализацию. Когда муниципалитеты могут заимствовать на основе своих собственных планов, управления и финансов, у них есть финансовые возможности для реализации местных приоритетов.

Среди потенциальных недостатков муниципальных заимствований:

- заимствования ограничивают гибкость в принятии решений будущими городскими властями. Поскольку заимствование влечет за собой обязательство погашать со временем, местные руководители, принимающие будущие бюджеты, должны будут обеспечить обслуживание долга, понесенного нынешним управлением. Местная власть, который заимствует сегодня, неизбежно в некоторой степени связывает своих преемников;

- отсутствие гарантий возврата денежных средств. Изменение политической, финансовой ситуации, при отсутствии гарантированной поддержки со стороны центральной власти, может привести город к банкротству, а кредиторов без денежных средств [10]. За примерами можно обратиться к истории нашей страны.

Первый выпуск городского облигационного займа в императорской России принадлежит городу Ревелю, который эмитировал облигации в 1871 году сроком на 34 года. После 1919 года это город Таллин. После этого много городов воспользовалось опытом привлечения финансов, и к 1913 году общая нарицательная (заявленная) стоимость всех выпусков городских облигаций составила уже 471,1 миллиона рублей, при том что, в 1913 году общая сумма расходов (обыкновенных и чрезвычайных) бюджета Российской империи составила 3382,9 млн рублей, а доходов – 3431,1 млн рублей [11]. Крупнейшими заемщиками стали семь городов Российской империи – это столица – Санкт-Петербург (рис. 2), Москва (рис.3), Варшава, Баку Одесса, Рига, Киев и Харьков, на которые пришлось почти 82% от общей заемной денежной массы. Все выпуски эмитировались на длительный срок (от 30 до 49 лет), и имели заявленную доходность от 3,5 до 5% [12].

Рис. 2. Облигация г. Санкт-Петербурга. 1908 год. (Из коллекции автора)

Рис. 3. Облигация г. Москвы 1910 год

Характерным для займов было целевое использование собранных средств. Так на средства займа Москвы 1892 и 1896 годов был спроектирована и построена канализация, сооружение и расширение сети электрического транспорта – трамваев (1908, 1909 и 1910 годы).

Облигации котировались не только на внутреннем рынке (примерно 10% объема выпуска), но и котировались на биржах Парижа, Берлина и других Европейских городов [13].

Революция октября 1917 года стала для держателей облигаций катастрофическим моментом, т.к. декретом Совета народных комиссаров РСФСР все ценные бумаги Российской империи были объявлены недействительными [14]. Однако спустя некоторое время, полученный финансовый опыт дал возможность проводить подобную практику, пусть с определенными ограничениями, в период советской власти (20-е годы), и в период перестройки и формирования государственности России после 1991 года. Становление современного рынка ценных бумаг и его цифровая трансформация, должны базироваться на опыте, полученным на разном уровне: от государства, до города и муниципалитета.

Список литературы

1. Стратегии устойчивого развития: экономические, юридические и социальные аспекты: монография / А.В. Минаков, М.М. Милославская, А.Л. Машкин [и др.]. – Чебоксары, 2025. DOI 10.31483/a-10761. EDN VBLFHS
2. Измайлова Д.К. Территории опережающего социально-экономического развития как инструмент привлечения иностранного инвестиционного капитала в мировой практике / Д.К. Измайлова, С.В. Глаголева, М.А. Дрейцен [и др.] // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – Т. 11. №11–1. – С. 159–166. DOI 10.34670/AR.2021.40.41.019. EDN ARKFCV
3. Игнатовский П. Роль заемных средств в экономике / П. Игнатовский // Экономист. – 2000. – № 8. – С. 43–50.
4. Рэй К.И. Рынок облигаций. Торговля и управление рисками / К.И. Рэй; пер. с англ. – М.: Дело, 1999. – 600 с.
5. Игнатушенко В.Н. Государственные облигации: как вкладывать деньги и получать доход / В.Н. Игнатушенко, А.М. Шитов. – М.: Инфра-М, 1996. – 90 с.
6. The European Bond Markets. An Overview and Analysis for Money Managers and Traders / ed. N. Battley. 6th ed. London, 1997.
7. Гоголина Е.С. Анализ логистических проектов развития железных дорог России на основе инфраструктурных облигаций / Е.С. Гоголина, А.Л. Машкин, И.Ю. Каштанов // Транспортное дело России. – 2025. – №6. – С. 93–99. EDN OHFQNZ
8. Вреден Э. Финансовый кредит. Исследование оснований, существа нормальной области действия, границ, видов и форм общественной займовой системы / Э. Вреден. – СПб., 1871. – 370 с.
9. Финансовые стратегии бизнеса в современных условиях / Е.В. Алексеенко, Л.С. Артамонова, Г.И. Арутюнова [и др.]; под ред. И.В. Политковской, Т.А. Шпилькиной, М.А. Жидковой, В.И. Прусовой. – М., 2021.
10. Формы защиты прав инвесторов в сфере рынка ценных бумаг / под ред. М.К. Треушникова. – М.: Городец, 2000. – 400 с.
11. Россия 1913 год: стат.-докум. справ. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – СПб., 1995. – URL: <https://istmat.org/node/197?ysclid=mke5hprq8cx226644203> (дата обращения: 14.01.2026).
12. Бергман А.Б. Государственные займы, как средство к поднятию народного благосостояния и урегулированию наших финансов / А.Б. Бергман. – СПб., 1884. – 33 с.
13. Дьяконова И.А. Довоенный публичный долг Российской империи / И.А. Дьяконова // Финансы. – 1998. – №6. – С. 68–70.
14. Швецов А.П. Аннулирование Советской властью займов царского и временного правительства / А.П. Швецов // Саратовская областная партийная школа. Ученые записки. – Вып. 1. – Саратов, 1948. – С. 3–46.

Сивова Анна Владимировна

студентка

Научный руководитель

Донкова Надежда Владимировна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

СИСТЕМА КРЕДИТНЫХ ДАННЫХ В РОССИИ – РОЛЬ, РЕГУЛИРОВАНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация: в статье рассматривается роль кредитных историй в современной банковской системе Российской Федерации на фоне активной цифровизации финансового сектора. Кредитная история, формируемая специализированными бюро (БКИ), рассматривается как ключевой элемент оценки заемщиков и управления рисками, трансформируясь в цифровой профиль клиента. Отмечается, что правовую основу системы составляет Федеральный закон «О кредитных историях», а её функционирование обеспечивает Центральный каталог кредитных историй при Банке России. Практика показывает, что использование кредитных данных в автоматизированных скоринговых моделях позволяет банкам существенно сократить время рассмотрения заявок и снизить уровень просроченной задолженности. Несмотря на позитивную динамику, система сталкивается с проблемами неполноты данных, а её дальнейшее развитие связано с углублением цифровизации и расширением источников информации для повышения точности оценок.

Ключевые слова: кредитная история, цифровизация, банковский сектор, бюро кредитных историй, кредитный скоринг, правовое регулирование, финансовая инфраструктура, кредитная информация, платежеспособность заемщиков, финансовая дисциплина.

В условиях развития рыночной экономики и активной цифровизации финансового сектора кредитные отношения занимают одно из важнейших мест в банковской системе Российской Федерации. Современный кредитный рынок характеризуется достаточно высоким уровнем цифровизации, ростом объемов розничного и корпоративного кредитования, а также активным внедрением финансовых технологий в процессы оценки заемщиков и управления рисками [3, с. 45–48].

В этих условиях особую значимость приобретает система кредитных данных, которая выступает основой для построения доверительных взаимоотношений между участниками, а также способствует устойчивости банковского сектора [5, с. 12].

Основой является кредитная история, которая дает возможность грамотно построить кредитное досье клиента, отразить его финансовое поведение и способность выполнять долговые обязательства перед кредитором. Формирование данных, собранных в такой биографии, осуществляет специализированная организация, зарегистрированная в государственном реестре Банка России – бюро кредитных историй (БКИ) [1].

В условиях цифрового банкинга досье преобразуется из простого инструмента учета дисциплины заемщика в полноценный цифровой профиль клиента, позволяя использовать его в автоматизированных скоринговых моделях. По данным Банка России, в 2024 году количество скоринговых оценок, сформированных на основе кредитных историй, достигло 819,5 млн единиц, что на 56% превышает показатель аналогичного периода 2023 года. Данная динамика подтверждает возрастающую роль кредитных данных в цифровых банковских процессах [2].

Система требований формирования кредитного досье в Российской Федерации регулируется Федеральным законом от 30 декабря 2004 года №218-ФЗ «О кредитных историях». Закон определяет состав кредитных данных, входящих в кредитные истории, порядок ее формирования, а также хранения и использования этих данных в бюро кредитных историй [1]. При Центральном банке Российской Федерации функционирует специальный орган – Центральный каталог кредитных историй (ЦККИ), который обеспечивает организационные единые стандарты хранения досье в определенном БКИ, а также порядок цифрового обмена информацией между банками и другими кредитными организациями, что является важным элементом банковской трансформации. При этом сам каталог не содержит сведений о внутреннем содержании кредитного досье [7].

Законодательство также закрепляет права субъектов кредитных историй, включая, например, право на бесплатное получение кредитного отчета два раза в год, а также возможность оспаривания недостоверных сведений в судебном порядке. Обязательным условием передачи информации является наличие согласия субъекта кредитной истории, что обеспечивает соблюдение требований закона по защите персональных данных [1].

По состоянию на начало 2025 года в России функционировало пять бюро кредитных историй, при этом более 95% всех крупных данных сосредоточено в трех крупнейших из них – «Национальном бюро кредитных историй» (НБКИ), «Объединенном кредитном бюро» и «Эквифакс Кредит Сервисиз». Данная концентрация информации способствует развитию масштабных цифровых платформ обработки сведений и повышению качества скоринговых моделей банков [6, с. 5].

Кредитная история выполняет многоплановую роль в системе кредитных отношений. Для кредиторов она снижает уровень информационной асимметрии, позволяет объективно оценивать риски и формировать индивидуальные условия кредитования [8, с. 47].

Для банков кредитные данные являются одним из ключевых инструментов при разработке кредитной политики, управлении рисками и автоматизации процессов принятия решений [3, с. 89].

По данным крупнейших российских банков, в 2024 году доля автоматических решений по кредитным заявкам превысила 80%, а среднее время рассмотрения онлайн-заявок сократилось до 10 минут [6, с. 15].

Для заемщиков положительная кредитная история становится важным нематериальным активом, формирующим долгосрочную финансовую репутацию в цифровой среде. Клиенты с устойчивой платежной дисциплиной получают доступ к более выгодным условиям кредитования и расширенному спектру финансовых услуг. В то же время наличие негативных записей в кредитной истории может существенно ограничить возможности получения кредита, и этот факт способствует повышению финансовой дисциплины граждан [5, с. 56].

Для государства и финансовой системы в целом институт кредитных историй выполняет функцию повышения прозрачности кредитного рынка и снижения системных рисков. По данным Банка России, в период с 2023 по 2024 года использование кредитных данных в скоринговых моделях способствовало снижению уровня просроченной задолженности в банковском секторе в среднем на 0,2–0,4 процентных пункта, что подтверждает эффективность цифровых подходов к управлению кредитными рисками [2].

Современное состояние института кредитных историй в России характеризуется активным ростом объемов передаваемых данных, а также расширением круга участников системы. По итогам первого полугодия 2024 года банки направили в БКИ около 15,5 млрд сообщений, что более чем в два раза превысило показатель аналогичного периода предыдущего года. Рост объемов обмена данными обусловлен как увеличением числа заемщиков, так и расширением

круга участников системы за счет лизинговых компаний, коллекторских агентств и операторов факторинга [2].

Одним из ключевых изменений в развитии системы кредитных данных стало повышение оперативности передачи информации. С июля 2024 года банки обязаны направлять сведения в бюро в течение двух рабочих дней, что повышает актуальность кредитных данных и точность кредитных историй, расширяет возможности их использования в автоматизированных скоринговых системах банков [4].

Практика применения кредитных историй в деятельности крупнейших российских банков демонстрирует высокий уровень их интеграции в цифровые платформы. Так, в ПАО «Сбербанк» обновление скоринговых моделей с использованием данных БКИ и внутренних цифровых показателей позволило в 2023–2024 годах увеличить долю одобренных заявок у клиентов с положительной кредитной историей на 12% и снизить уровень просроченной задолженности на 0,4 процентного пункта. В ПАО «ВТБ» доля автоматических решений в 2024 году превысила 85%, а в АО «Альфа-Банк» использование альтернативных данных позволило увеличить долю одобренных кредитов заемщикам с «нулевой» кредитной историей на 18% [6, с. 22–24].

Несмотря на положительную динамику, система кредитных историй сталкивается с рядом проблем, включая неполноту данных, различия в уровне цифровизации между крупными и небольшими кредитными организациями, а также ограниченное использование альтернативных источников информации. Данные факторы, по сути, замедляют развитие технологий в сфере финансов, и, следовательно, требуют постоянного улучшения базы [3, с. 134].

Высокий рост развития системы хранения кредитной информации в Российской Федерации связан с цифровизацией банковского сектора, увеличением источников информации и их защитой, а также с развитием скоринговых моделей. Освоение таких направлений позволяет точнее оценивать заемщика и снижать уровень рисков, что позволяет стабилизировать устойчивость банков на финансовом рынке [5, с. 98–102].

Кредитные данные выступают важнейшими элементами в современной системе кредитования, а также являются важным инструментом преобразования деятельности банков. Эта информация обеспечивает принятие правильных и взвешенных решений в кредитном процессе, помогает определить и повысить финансовую дисциплину заемщика.

Список литературы

1. О кредитных историях: Федеральный закон №218-ФЗ: принят 30 декабря 2004 года: ред. от 24.07.2024. – URL: <http://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Аналитический обзор системы кредитной информации по итогам первого полугодия 2024 года / Банк России. – М.: Банк России, 2024. – URL: <https://cbr.ru/Collection/Collection/File> (дата обращения: 10.02.2026).
3. Лаврушин О.И. Банковские риски: учебное пособие / О.И. Лаврушин, Н.И. Валенцева. – М.: КноРус, 2023. – 256 с. EDN GZERCH
4. Об изменении сроков передачи сведений в БКИ: информация Банка России от 05.07.2024. – URL: <https://cbr.ru/press/pr> (дата обращения: 10.02.2026).
5. Кредитные истории как инструмент снижения рисков: монография / под ред. А.С. Селищева. – СПб.: Питер, 2023. – 180 с.
6. Обзор рынка кредитных историй. Аналитический отчет НБКИ за 2024 год / НБКИ. – М.: НБКИ, 2025. – 45 с.
7. Официальный сайт Банка России. Раздел «Кредитные истории». – URL: https://cbr.ru/finmarket/supervision/sv_ki/ (дата обращения: 10.02.2026).
8. Рощина О.В. Влияние кредитных историй на финансовое поведение населения / О.В. Рощина // Деньги и кредит. – 2023. – №5. – С. 45–52.

Углянская Оксана Александровна
преподаватель

Лигейда Виктория Алексеевна
студентка

Жданова Дарья Алексеевна
студентка

Бузулукский финансово-экономический колледж – филиал
ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Бузулук, Оренбургская область

ФИНАНСОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ

Аннотация: в статье рассматриваются современные финансовые технологии (FinTech), применяемые в сфере инвестирования, их классификация, возможности повышения эффективности инвестиционных процессов, а также риски и регуляторные вызовы. Проанализированы ключевые инструменты – цифровые брокерские платформы, алгоритмическая торговля, токенизация активов, краудфандинг и P2P-платформы. Приведены примеры практической реализации FinTech-решений, оценены преимущества для инвесторов и эмитентов, выделены основные угрозы (технические, регуляторные, кибербезопасность).

Ключевые слова: FinTech, инвестирование, токенизация, алгоритмическая торговля, краудфандинг, цифровые финансовые активы, регулятивная база.

Введение.

Цифровизация финансовой сферы активно трансформирует инвестиционные практики. Новые технологии сокращают транзакционные издержки, расширяют доступ розничных инвесторов к рынкам. В то же время внедрение FinTech сопряжено с рисками – технологическими, операционными и нормативными – которые требуют адекватного регулирования и внедрения стандартов безопасности.

Цель статьи – систематизировать современные FinTech-решения, используемые в инвестировании, оценить их преимущества и риски, а также предложить практические рекомендации для участников рынка и регуляторов.

1. Понятие и классификация FinTech в инвестировании.

FinTech (financial technologies) – совокупность цифровых решений, применяемых для оптимизации финансовых услуг. В контексте инвестирования ключевые группы технологий и сервисов можно классифицировать следующим образом:

- цифровые брокерские платформы и мобильные приложения (онлайн-брокеры);
- алгоритмическая и высокочастотная торговля (HFT);
- краудфандинг и краудинвестинг (crowdfunding / crowdinvesting);
- токенизация активов и блокчейн-платформы (security tokens)
- инструменты анализа больших данных и искусственного интеллекта (Big Data, AI) для оценки рисков и подбора стратегий;

Каждая из этих групп реализует специфические функции – от повышения доступности инвестирования и снижения барьеров входа до автоматизации принятия решений и создания новых рынков для неликвидных активов [5, с. 104].

2. Основные FinTech-инструменты и их экономическая роль.

Онлайн-брокеры и мобильные платформы сделали инвестирование массовым: снижение тарифов, упрощённые интерфейсы, возможность покупать доли (fractional shares) и

алгоритмические продукты – всё это расширяет круг розничных инвесторов и повышает мобильность капитала [4, с. 244].

Алгоритмы позволяют обрабатывать огромные объёмы данных и совершать сделки в миллисекунды. Эффект – повышение ликвидности и снижение спредов, но также рост системных рисков и возможное появление «flash crash» [2, с. 44].

Токенизация предполагает представление прав на долю в реальном активе (недвижимость, произведение искусства, пай инвестиционного фонда) в виде цифровых токенов на блокчейне.

В РФ нормативная база по цифровым активам (включая Федеральный закон о цифровых финансовых активах и цифровой валюте) создаёт рамки, но ряд вопросов остаётся предметом дальнейшей легализации и стандартизации [3, с. 76].

Таблица 1

Краткая характеристика FinTech-инструментов в инвестировании

Инструмент	Экономическая роль	Преимущества	Риски
Онлайн-брокеры	Расширение доступа	Низкие комиссии, удобство	Повышение розничной спекуляции
Робо-советники	Автоматизация управления	Диверсификация, доступность	Ограниченная персонализация
Алгоритмическая торговля	Повышение ликвидности	Скорость, эффективность	Технологические сбои, системные риски
Краудинвестинг	Альтернативное финансирование	Доступ малого капитала	Риск невозврата инвестиций
Токенизация	Ликвидность, неликвидов	Франкционирование, смарт-контракты	Регуляторные, правовые вопросы

3. Регуляторная база и нормативное поле в РФ.

Развитие FinTech в инвестировании требует адекватной юридической среды. Для России ключевыми нормативными актами и регуляторными инструментами являются:

– Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (№259ФЗ от 31.07.2020) – определяет правовой статус цифровых финансовых активов (ДФА), требования к эмиссии и обращению, а также обязанности участников рынка [1];

– Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» (№39ФЗ и иные акты) – регулирование ценных бумаг, эмиссии и обращения; важен для отнесения токенов к категориям финансовых инструментов;

– налоговое законодательство (Гражданский кодекс, Налоговый кодекс РФ) – вопросы налогообложения доходов инвесторов и операций с цифровыми активами.

Комплексное регулирование должно обеспечивать баланс между инновациями и защитой инвесторов: прозрачность, стандарты раскрытия, требования к резервированию и процедурам управления конфликтом интересов.

4. Преимущества внедрения FinTech в инвестировании:

- доступность и финансовая инклюзия;
- цифровые платформы снижают порог входа для малых инвесторов: минимальные суммы, упрощённая регистрация, доступ к мировым рынкам;
- снижение транзакционных издержек;
- автоматизация, прямые электронные клиринговые схемы и применение смарт-контрактов;
- улучшение управления рисками и аналитика;
- технологии Big Data и AI улучшают способность оценивать кредитные и рыночные риски.

5. Риски и ограничения:

- технологические и операционные риски;
- сбои в работе платформ, ошибки в алгоритмах, уязвимости в смарт-контрактах – факторы, которые могут привести к финансовым потерям;
- риски для розничных инвесторов;
- упрощённый доступ может привести к безудержной спекуляции и неподготовленности инвесторов к рискам;
- киберугрозы и защита данных;
- хранение цифровых активов требует высокой степени защиты, резервных процедур и механизмов восстановления доступа.

Заключение.

FinTech трансформирует инвестиционный ландшафт: технологии делают инвестирование более доступным, эффективным и гибким. Одновременно новые технологии порождают системные и операционные риски, требующие скоординированных мер со стороны бизнеса и регуляторов.

Для устойчивого развития FinTech в инвестициях необходима сбалансированная нормативная база, прозрачные стандарты раскрытия информации, усиленная кибербезопасность и программы повышения финансовой грамотности населения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Валинурова Л.С. Инвестирование: теория и практика: учебник / Л.С. Валинурова, О.Б. Казакова. – М.: Русайнс, 2026. – С. 44–45.
3. Современные финансовые инструменты: учебник / Л.Р. Курманова [и др.]. – М.: Кнорус, 2026. – С. 53–56. EDN BCVECL
4. Финансовый рынок и финансовые технологии: учебник / Н.Н. Наточева, Э.А. Асеева [и др.]. – М.: Кнорус, 2026. – С. 244–250.
5. Финансовые технологии FinTech: учебник / Г.И. Хотинская, В.В. Разлетовская, В.В. Григорьев [и др.]. – М.: Кнорус, 2026. – С. 104–110.

Фокина Анастасия Андреевна
студентка

Научный руководитель

Киселевич Татьяна Анатольевна
преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ГИПЕРПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ НЕОБАНКИНГА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Аннотация: статья посвящена исследованию стратегического ответа банковского сектора на вызовы финансовой инклюзии в регионах с низкой плотностью филиальной сети. В фокусе анализа – методология и эффекты внедрения гиперперсонализированных услуг на базе необанкинга. Методологическую основу исследования составляет анализ современных технологических трендов (внедрение ИИ, развитие API-экосистем, запуск цифрового рубля), нормативно-правовой базы (инициативы ЦБ РФ) и данных о клиентском поведении. Результаты работы демонстрируют, что гиперперсонализация, основанная на глубокой аналитике данных и интеграции в бизнес-процессы, трансформирует необанки из поставщиков транзакционных услуг в стратегических операционных партнеров для регионального МСБ.

Ключевые слова: гиперперсонализация, небанкинг, финансовая инклюзия, искусственный интеллект, API-экономика, цифровой рубль, смарт-контракты, кибербезопасность, адаптивные экосистемы.

В условиях стремительной цифровизации и растущей конкуренции на финансовом рынке России, гиперперсонализация становится центральным драйвером развития небанкинга, особенно в регионах. Этот подход, основанный на глубоком анализе данных и технологиях искусственного интеллекта, позволяет создавать индивидуальные финансовые решения, точно соответствующие потребностям и поведенческим паттернам каждого клиента.

Гиперперсонализация – это не просто адресная рассылка предложений. Это формирование персональных финансовых траекторий для клиентов, когда условия продуктов, интерфейс взаимодействия и рекомендации динамически подстраиваются под их жизненные сценарии и текущие потребности [2; 4]. Такой подход обеспечивает качественно новый уровень клиентского опыта, что напрямую влияет на лояльность и удовлетворенность.

Технологическим фундаментом этого процесса являются следующие.

1. Искусственный интеллект (ИИ) и глубокая аналитика данных. Алгоритмы ИИ обрабатывают колоссальные массивы информации о транзакциях, поведенческих паттернах и рыночных трендах, выявляя индивидуальные потребности [2]. Внедрение ИИ приносит измеримый возврат инвестиций (ROI) в 20–30% за счет роста эффективности и снижения операционных затрат [4]. Масштаб проникновения цифровых каналов подтверждается операционными показателями: по итогам 2024 года 69% банковских операций клиенты российских банков уже могут выполнить дистанционно, а 74% россиян используют для входа в банк мобильные приложения. Это делает мобильные устройства основными, а для значительной части регионов – единственным доступным каналом финансового обслуживания [2].

2. Модель открытого банкинга. Предоставление банками данных через защищенные API-интерфейсы позволяет интегрировать финансовые услуги в сторонние платформы и экосистемы, создавая для клиента единое и бесшовное пространство для управления финансами [3; 5]. Экономический эффект от внедрения открытых финансов в России оценивается в 300 млрд руб. к 2025 году [4].

3. Встроенные финансы. Кредиты, платежи и страховки интегрируются непосредственно в нефинансовые платформы – маркетплейсы, сервисы такси, приложения для путешествий, – становясь частью привычного клиентского опыта [4].

Необанки, или digital-first банки, изначально построенные на цифровой инфраструктуре, обладают ключевым преимуществом для реализации модели гиперперсонализации в регионах. Они не обременены разветвленной сетью классических отделений, что позволяет гибко и с меньшими издержками настраивать продукты под специфику различных региональных рынков [1; 2].

Гиперперсонализация позволяет решать специфические региональные задачи:

– для малого и среднего бизнеса (МСБ): автоматизация платежей, встроенная аналитика по контрагентам, интеграция с бухгалтерскими системами (например, 1С) и расчет налоговой нагрузки в реальном времени. Предложения для коммерции, логистики или производственных компаний могут кардинально различаться [2];

– для физических лиц: формирование предложений не на стандартные пакеты услуг, а под конкретные жизненные сценарии (например, «молодой специалист в региональном центре», «семейная сельская ипотека») с учетом местной платежеспособности и потребительских привычек [3].

Региональная специфика спроса основывается на эмпирических данных, которые позволяют выделить устойчивые отраслевые паттерны гиперперсонализации в субъектах РФ. Для предприятий, связанных с покупкой и продажей товаров и услуг в интернете (активно развивающихся в Сибири и на Дальнем Востоке), необанки внедряют гибкие лимиты эквайринга в

периоды пиковых нагрузок. Для логистических компаний – автоматическую сверку контрагентов по маршрутным реестрам. Для производственного сектора в моногородах – факторинг, встроенный непосредственно в цикл поставок сырья [2]. Таким образом, персонализация перестает быть исключительно маркетинговым инструментом и становится неотъемлемой частью операционного контура регионального бизнеса.

Несмотря на потенциал, развитие гиперперсонализации сталкивается с рядом вызовов.

1. Кибербезопасность и защита данных. С ростом объема обрабатываемой персональной информации кратно возрастают и риски. В 2024 году Банк России зафиксировал 1,2 млн мошеннических транзакций, а прямые потери клиентов достигли 27,5 млрд рублей – это на 74% больше, чем годом ранее [2]. Однако именно технологии гиперперсонализации (поведенческий анализ, ИИ-мониторинг) становятся основным инструментом защиты: банки предотвратили 72,2 млн попыток хищений в 2024 году (против 34,8 млн в 2023 году), ежедневно блокируя около 20 000 переводов на мошеннические счета [2].

2. Регулярное соответствие. Банки обязаны усиливать мониторинг операций в рамках противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма и соблюдать растущие требования регулятора к безопасности данных и их использованию [2].

3. Цифровой разрыв. Уровень цифровой грамотности и доступ к стабильному интернету могут различаться в разных регионах, что требует от небанков адаптации интерфейсов и каналов коммуникации.

4. Регуляторная и инфраструктурная трансформация. Развитие гиперперсонализации сопряжено с нормативными и технологическими изменениями. С одной стороны, драйвером выступает государство: с 2023 года запущен механизм «витрины данных», а с 1 сентября 2026 года станет обязательным подключением к платформе цифрового рубля для всех банков и торговых сетей с выручкой от 120 млн рублей [2]. С другой стороны – сам бизнес вынужден адаптироваться: только за 2024 год российские банки провели сделки с цифровыми активами на сумму свыше 1,5 млрд рублей, что требует перестройки учетных систем и комплаенс-процедур [2].

Дальнейшее развитие тренда связано с несколькими ключевыми направлениями:

– эмоциональный искусственный интеллект и умный клиентский опыт. Следующим шагом станет анализ эмоционального состояния клиентов по текстовым и голосовым сообщениям для создания эмпатичного и максимально комфортного взаимодействия [4];

– развитие цифровых активов и валют. Токенизация активов и внедрение цифрового рубля упростят и удешевят расчеты, откроют новые возможности для создания персонализированных финансовых инструментов [3; 4]. Россия включена в глобальный мейнстрим: более 130 стран, представляющих 98% мирового ВВП, уже исследуют или тестируют национальные цифровые валюты [4]. Внутри страны в пилот цифрового рубля уже вошли 15 банков и 30 компаний, а горизонт массового внедрения – 2026 год [2];

– переход к сервисным моделям BaaS (Banking-as-a-Service). Небанки смогут предлагать свою технологическую инфраструктуру нефинансовым компаниям, позволяя тем встраивать банковские продукты в свои сервисы, что расширит охват и персонализацию [4]. Экономический эффект от сервисных моделей уже измерим: централизация и аутсорсинг бэк-офиса позволяют банкам снижать издержки на 20–30% [4]. Параллельно рынок цифровых финансовых активов (ЦФА) демонстрирует взрывной рост: в 2024 году количество эмиссий превысило 375 выпусков, а средневзвешенная ставка составила 15,2% [3];

– конкуренция за внимание в экосистемах. Финансовые услуги все больше становятся невидимыми, интегрируясь в повседневные сценарии. Конкуренция будет вестись не между банками, а между экосистемами, где банкинг является лишь частью комплексного предложения [3–5].

Гиперперсонализация – это не временные тренды, а новая парадигма банковского обслуживания, которая определяет будущее финансового рынка. Для регионов России она открывает путь к повышению финансовой вовлеченности, поддержке малого и среднего бизнеса и

созданию по-настоящему клиентоцентричных сервисов. Необанки, благодаря своей технологической гибкости и ориентации на данные, находятся в авангарде этого преобразования. Успех будет определяться способностью не только собирать и анализировать данные, но и превращать эти идеи в реальную ценность для клиента, выстраивая с ним долгосрочные доверительные отношения в цифровой среде.

Список литературы

1. Боловина О.Ю. Трансформация банка в современных условиях: между необанком и финтехом / О.Ю. Боловина // Прогрессивная экономика. — 2024. — №7. — С. 45–56. — DOI: 10.54861/27131211_2024_7_45. EDN REPNUJ
2. Федосова С.П. Необанкинг как новое направление развития банковского дела в России / С.П. Федосова, Ю.В. Таричева // Прогрессивная экономика. — 2025. — №12. — С. 362–376. DOI: 10.54861/27131211_2025_12_362. EDN BSIMNP
3. Банки будущего: 5 трендов развития финансового сектора в России. — URL: <https://www.trends.rbc.ru/trends/industry/66ebec9a794744dacaac66?ysclid=ml56pil27924420063> (дата обращения: 07.02.2026).
4. Банковские тренды 2025 года. — URL: <https://www.gazprombank.ru/pro-finance/innovation/bankovskie-trendy-2025-goda/?ysclid=mkny7kz2zv585093569#7> (дата обращения: 07.02.2026).
5. Мальцева А. 10 главных трендов финтеха / А. Мальцева. — URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2025/11/12/1153850-10-glavnih-trendov> (дата обращения: 19.02.2026).

Хубутия Наталья Валерьевна

соискатель, старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

г. Краснодар, Краснодарский край

DOI 10.31483/r-154448

**ИНВЕСТИЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ РОССИИ:
РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ОТБОР И ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА
ФИНАНСОВЫХ РЕШЕНИЙ**

Аннотация: рассматриваются финансовые механизмы, обеспечивающие структурную модернизацию транспортной инфраструктуры России в условиях высокой стоимости заемного капитала, дефицита долгосрочной ликвидности, повышенной чувствительности инвестиционных проектов к ставке, инфляции и регуляторным ограничениям. Исходная проблема состоит в том, что действующая практика подготовки инвестиционных решений в транспортной сфере по-прежнему опирается преимущественно на расчет ожидаемой доходности и подбор отдельных источников финансирования, тогда как устойчивость проектов все в большей степени определяется качеством инвестиционного обеспечения, сбалансированностью структуры капитала, параметрами долговой нагрузки, цифровой прозрачностью инвестиционного цикла и способностью проекта выдерживать стрессовые сценарии.

Ключевые слова: инфраструктурные объекты, транспортная инфраструктура, инвестиционное обеспечение, модернизация, финансово-инвестиционный механизм, стоимость капитала, риск-ориентированный отбор, государственно-частное партнерство, инфраструктурные облигации, проектное финансирование, лизинг, интегральный показатель оптимальности, финансовая устойчивость, цифровое сопровождение инвестиционного цикла, устойчивое финансирование.

Инфраструктурные объекты в российской экономике выступают не только объектами капитальных вложений, но и базовым условием пространственной связанности страны, устойчивости снабженческих цепочек, мобильности рабочей силы и доступа бизнеса к рынкам. По этой причине их модернизация не сводится к расширению пропускной способности дорог, железнодорожных направлений, портовых и аэропортовых комплексов. Речь идет о

структурном преобразовании капиталоемких систем, в которых любой инвестиционный проект связан с длительным сроком окупаемости, высокой долей необратимых затрат, зависимостью от регуляторной среды и повышенной чувствительностью к параметрам финансирования. Именно поэтому в современных условиях вопрос о том, за счет каких источников, на каких сроках и под какие риск-параметры будет формироваться инвестиционный ресурс, становится не менее значимым, чем собственно технико-экономическое содержание проекта.

Российская финансовая среда 2025–2026 гг. задает жесткие исходные ограничения, банк России 13 февраля 2026 г. снизил ключевую ставку до 15,5% годовых, при этом годовая инфляция в январе 2026 г. составила 6,0%, а регулятор продолжает увязывать дальнейшее смягчение денежно-кредитной политики с устойчивостью замедления инфляции. В Основных направлениях развития финансового рынка на 2026–2028 гг. особый акцент сделан на развитии рынка капитала, повышении прозрачности финансовых инструментов и создании ресурсов для долгосрочных инвестиций. В этих условиях цена заемного капитала для транспортных проектов остается высокой, а сроковое несоответствие между длинным инвестиционным циклом и более короткой доступной ликвидностью сохраняется как одна из ключевых проблем.

Ситуация осложняется структурой инвестиционного процесса. По данным официальной статистики, в 2024 г. в финансировании инвестиций в основной капитал заметно преобладали собственные средства организаций, тогда как привлечение внешнего капитала оставалось ограниченным. Одновременно в сфере транспортировки и хранения степень износа основных фондов коммерческих организаций в 2024 г. составила 29,2%, а коэффициент обновления основных фондов по этому виду деятельности равнялся 7,6%. Для транспортной инфраструктуры это означает, что потребность в модернизации носит не локальный, а системный характер: обновление активов идет медленнее, чем формируется новая инвестиционная нагрузка, а внутренние источники не обеспечивают необходимой скорости преобразований.

При этом сама транспортная сфера остается главным сегментом рынка инфраструктурных проектов. По данным Минтранса России, в 2024 г. частные инвестиции в рамках соглашений государственно-частного партнерства составили 1,8 трлн руб., общий объем заключенных соглашений достиг 2,4 трлн руб., а основным драйвером по объему инвестиций стала транспортная сфера, на которую пришлось 2 230 млрд руб. В дополнение к этому в механизме инфраструктурных облигаций к середине 2024 г. было размещено восемь выпусков на 110 млрд руб., а федеральный бюджет на 2026–2028 гг. предусматривает предоставление регионам казначейских инфраструктурных кредитов по 150 млрд руб. ежегодно. Все это показывает, что транспортная инфраструктура в российской практике уже стала ключевой зоной концентрации смешанных инвестиционных механизмов, однако их использование пока не обеспечивает равномерного и воспроизводимого снижения стоимости капитала по проектам.

Сложившаяся модель подготовки решений по транспортным проектам имеет очевидное ограничение. В большинстве случаев сначала оценивается производственная необходимость или ожидаемый экономический эффект, затем рассчитывается базовая финансовая модель, а после этого подбирается комбинация источников финансирования. Такая логика допустима для проектов с коротким циклом и низкой капиталоемкостью, однако для транспортной инфраструктуры она оказывается недостаточной. Проект может демонстрировать положительное значение чистого дисконтированного дохода в базовом сценарии, но оставаться уязвимым к росту ставки, переносу сроков ввода, изменению тарифной модели, удорожанию оборудования, валютным колебаниям, росту расходов на эксплуатацию и усилению требований к раскрытию нефинансовых параметров. В результате доходность в расчетной модели не превращается в устойчивость инвестиционного решения.

Именно поэтому инвестиционное обеспечение целесообразно рассматривать не как совокупность разрозненных источников средств, а как структурный элемент финансово-инвестиционного механизма устойчивого развития инфраструктурного субъекта. В этом понимании

оно охватывает мобилизацию, распределение, трансформацию и контроль инвестиционных ресурсов при ограничениях по стоимости капитала, срокам привлечения, долговой нагрузке и риск-профилю проекта. Такой подход позволяет связать в одной логике бюджетные механизмы, банковский кредит, проектное финансирование, концессионные модели, инфраструктурные облигации, лизинг, страхование, хеджирование и цифровое сопровождение обязательств. Не поиск денег как таковой, а согласование структуры капитала с траекторией денежных потоков становится центром инвестиционного решения.

Для современной российской повестки это особенно важно, поскольку спектр значимых рисков расширился. Банк России в 2025 г. опубликовал материалы по физическим климатическим рискам и одновременно сообщил о росте рынка финансирования устойчивого развития на 27%, связав этот рост с расширением периметра риск-ориентированного стимулирующего регулирования. Тем самым финансовый регулятор фактически зафиксировал переход от узко финансовой оценки проектов к более широкой модели, в которой устойчивость денежного потока и доступ к капиталу зависят также от качества риск-аналитики, цифровой прозрачности и подтверждаемости экологических и социальных параметров. Для транспортной инфраструктуры, где проектный цикл растянут во времени и охватывает большое число участников, это означает повышение требований к качеству инвестиционного отбора и текущего мониторинга.

Ниже представлены параметры финансовой среды, определяющие выбор инвестиционных механизмов в транспортной инфраструктуре России.

Таблица 1

Составлено по официальным материалам Банка России, Минтранса России, Минфина России и Росстата

Показатель	Актуальное значение	Значение для инвестиционных решений
Ключевая ставка Банка России	15,5% на 27.02.2026	повышает стоимость долгового финансирования и требует удлинения durations обязательств
Годовая инфляция	6,0% в январе 2026 г.	усиливает давление на строительные бюджеты и эксплуатационные затраты
Частные инвестиции в ГЧП/концессии	1,8 трлн руб. в 2024 г.	подтверждают наличие внебюджетного спроса на инфраструктурные проекты
Объем соглашений ГЧП и концессий	2,4 трлн руб. в 2024 г.	формирует основу для масштабирования смешанных финансовых моделей
Объем транспортных проектов в ГЧП	2 230 млрд руб. в 2024 г.	делает транспорт главным реципиентом частных инфраструктурных инвестиций
Инфраструктурные облигации	8 выпусков, 110 млрд руб.	расширяют доступ к рынку капитала при наличии качественной проектной структуры
Казначейские инфраструктурные кредиты	150 млрд руб. ежегодно в 2026–2030 гг.	снижают стоимость ресурса для региональных проектов и сглаживают дефицит длинной ликвидности
Износ основных фондов в транспортировке и хранении	29,2% в 2024 г.	подтверждает системную потребность в модернизации
Коэффициент обновления основных фондов в транспортировке и хранении	7,6% в 2024 г.	показывает недостаточную интенсивность обновления активов
Рост рынка финансирования устойчивого развития	+27% в 2025 г.	указывает на расширение инструментов, связанных с устойчивым развитием и стимулирующим регулированием

С учетом этих условий механизмы инвестиционного обеспечения транспортной модернизации должны оцениваться не только по формальной доступности, но и по их способности

снижать риск-скорректированную стоимость капитала. Бюджетные источники и казначейские инфраструктурные кредиты обладают преимуществом по цене ресурса, но ограничены масштабом и процедурой отбора. Концессионные и иные формы государственно-частного партнерства позволяют привлечь значительный частный капитал и распределить проектные риски, однако требуют высокой зрелости проектной документации, устойчивой тарифной модели и юридически чистого распределения обязательств. Инфраструктурные облигации расширяют возможности выхода на рынок капитала, но чувствительны к качеству раскрытия информации и кредитной структуре проекта. Лизинг особенно эффективен для обновления подвижного состава и отдельных технологических комплексов, но его сравнительная привлекательность снижается при дорогом банковском ресурсе и слабой налоговой поддержке. Банковский кредит сохраняет значение базового инструмента, однако при текущем уровне ставок нуждается в дополнении гарантиями, субсидированием, страхованием и резервированием ликвидности.

Таблица 2

Систематизация выполнена по материалам Банка России, Минфина России, Минтранса России и научных публикаций по вопросам ГЧП, цифровизации и устойчивого финансирования

Финансовый механизм	Сильные стороны	Ключевые ограничения в российской практике
Бюджетное финансирование и казначейские инфраструктурные кредиты	низкая стоимость ресурса, поддержка региональных проектов, возможность запуска социально значимых объектов	лимитированность бюджетных ресурсов, высокая конкуренция за финансирование, административные процедуры
Концессии и ГЧП	перераспределение рисков, привлечение частного капитала, возможность долгосрочной эксплуатации объекта	сложность проектной подготовки, длительность согласований, чувствительность к тарифной и правовой среде
Инфраструктурные облигации	доступ к институциональным инвесторам, удлинение долга, возможность структурировать проекты под рыночные параметры	высокие требования к раскрытию, кредитной защите и качеству проектной модели
Банковское и проектное финансирование	оперативность привлечения, возможность поэтапного финансирования, гибкость ковенант	высокая ставка, риск рефинансирования, зависимость от кредитного профиля заемщика
Лизинг	ускоренное обновление техники и оборудования, распределение платежей по жизненному циклу актива	дорогая ресурсная база лизингодателя, ограниченность страхового и налогового стимулирования
Устойчивое и адаптационное финансирование	потенциальное снижение риск-премии, доступ к стимулирующим мерам, усиление прозрачности	необходимость подтверждения показателей, цифровой верификации и соответствия критериям отбора

Риск-ориентированный отбор финансовых решений в транспортной инфраструктуре требует перехода от дискретной оценки отдельных параметров к интегральной диагностике. Для этой цели может быть использован интегральный показатель оптимальности инвестиционного обеспечения транспортного проекта (1):

$$OS = \alpha_1 E + \alpha_2 F + \alpha_3 T + \alpha_4 S - \beta R \quad (1),$$

где E отражает экономическую эффективность, F – финансовую устойчивость, T – технико-инновационную готовность, S – социально-экологический результат, R – модуль риска; α и β – веса, задаваемые экспертно и уточняемые с помощью иерархических процедур оценки.

Содержательно блок *E* должен включать чистый дисконтированный доход, внутреннюю норму доходности, срок окупаемости, устойчивость спроса и способность проекта генерировать денежный поток после ввода объекта. Блок *F* целесообразно наполнять показателями структуры капитала, доли собственных средств, покрытия долга денежным потоком, коэффициентами DSCR и ICR, а также индикаторами резервирования ликвидности. Блок *T* призван учитывать уровень цифровой зрелости, степень готовности к эксплуатации, технологическое обновление, долю критически важного оборудования и интеграцию с цифровыми системами управления. В блоке *S* должны фиксироваться экологические и социальные эффекты, в том числе влияние на доступность перевозок, сокращение потерь времени, энергоэффективность и соответствие действующим требованиям устойчивого финансирования. Блок *R* должен суммировать процентные, кредитные, рефинансируемые, строительные, тарифные, климатические, операционные и цифровые риски.

Российская практика структурной модернизации транспортной инфраструктуры постепенно смещается от модели эпизодического финансирования отдельных объектов к модели сложной финансовой архитектуры, в которой сочетаются бюджетные стимулы, частный капитал, долговые инструменты, концессионные механизмы и цифровые системы контроля. Однако дальнейшее развитие этой модели требует отказа от инерционного подхода, при котором инвестиционные решения принимаются преимущественно по критерию производственной необходимости или формальной эффективности. Приоритет должен быть отдан риск-ориентированному отбору, основанному на оценке инвестиционного обеспечения как структурного элемента финансово-инвестиционного механизма устойчивого развития. Только при таком подходе становится возможным согласование стоимости капитала, сроков привлечения ресурсов, параметров долговой нагрузки, технико-инновационной готовности проекта и его общественной результативности. Интегральный показатель оптимальности в данном случае выступает не заменой профессиональной экспертизы, а инструментом упорядочения решений, позволяющим выбирать те финансовые конфигурации, которые обеспечивают не краткосрочное закрытие дефицита ресурсов, а долгосрочную устойчивость структурных преобразований в транспортной сфере.

Список литературы

1. Берлин С.И. Оценка инвестиционной безопасности региона (на материалах Краснодарского края) / С.И. Берлин, К.Н. Вицелярова, И.В. Попов // Вестник Академии знаний. – 2023. – №2 (55).
2. Вовченко Н.Г. Таксономия зеленых финансов: анализ приоритетов развития ответственных инвестиций и гармонизация ESG-рейтингов / Н.Г. Вовченко, Д.Ю. Тимофеева, А.В. Звонков // Учет и статистика. – 2023. – Т. 20. № 4. DOI 10.54220/1144.2023.51.40.010. EDN FDQRVM
3. Макаренко Е.Н. Устойчивое финансирование российских и зарубежных компаний в условиях фрагментированной экономики / Е.Н. Макаренко, С.Г. Тяглов, А.В. Шевелева // Финансовые исследования. – 2024. – Т. 25. №2. DOI 10.54220/finis.1991-0525.2024.83.2.001. EDN GFMWNW
4. Решение по ключевой ставке от 13.02.2026. Ключевая ставка Банка России. Инфляция в январе 2026 г. // Банк России. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026–2028 годы.
5. Инвестиции в России. 2025: статистические материалы по инвестициям в основной капитал и состоянию основных фондов (Индустриальные парки России) / Росстат.
6. Частные инвестиции в рамках соглашений ГЧП в 2024 году составили 1,8 трлн рублей / Министерство транспорта Российской Федерации. – URL: mintrans.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).
7. Инфраструктурные облигации пользуются спросом / Минфин России. – URL: minfin.gov.ru (дата обращения: 03.03.2026).
8. Материалы к федеральному бюджету на 2026–2028 годы в части инфраструктурных кредитов субъектам Российской Федерации / Минфин России.

Хубутия Наталья Валерьевна
соискатель, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

DOI 10.31483/r-153919

ЭВОЛЮЦИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация: в статье исследуются теоретические и институциональные основы формирования нового контура финансовой устойчивости, возникающего на стыке цифровизации и импакт-инвестирования. Показано, что трансформация традиционных подходов к устойчивости в мировой финансовой системе отражает переход от монетарно-бухгалтерской модели к интегральной модели устойчивых финансов, в которой ключевую роль играют цифровые технологии, измеримость воздействия и социально-экологическая эффективность.

Ключевые слова: финансовая устойчивость, цифровизация, импакт-инвестирование, ESG, устойчивое финансирование, корпоративные финансы, цифровая экосистема, институциональные преобразования.

Современные процессы в мировой экономике свидетельствуют о смене традиционной парадигмы финансовой устойчивости, ранее базировавшейся на критериях ликвидности, платёжеспособности и прибыльности, к многоуровневой модели, в которой ключевую роль играют параметры устойчивого развития, экологической ответственности и социальной эффективности. В условиях цифровой трансформации финансовых рынков этот сдвиг приобретает институционализированную форму, формируя новый теоретический и практический контур анализа устойчивости.

Согласно концепции устойчивых финансов, закреплённой в рамках инициатив ООН (*UN Principles for Responsible Investment, UN Global Compact*), финансовая система должна обеспечивать не только экономическую результативность, но и сбалансированное воздействие на общество и окружающую среду. При этом механизмы оценки и контроля такого воздействия становятся элементом самой финансовой инфраструктуры. Импакт-инвестирование (от *impact investing*) представляет собой форму распределения капитала, в которой измеримые социальные и экологические эффекты рассматриваются как равноценная цель наряду с финансовой отдачей.

В последние годы эта концепция расширилась – от отдельных венчурных и благотворительных инициатив к институционализированным стратегиям корпораций, банков и государственных институтов. Европейская комиссия (2021) в стратегии *Sustainable Finance Action Plan* определила импакт-инвестирование как ключевой элемент реализации ESG-повестки в корпоративных финансах и на рынке капитала, смещая фокус с краткосрочной прибыли на долгосрочную устойчивость стоимости капитала, включая нематериальные активы.

Таблица 1

Эволюция концепции финансовой устойчивости

Этап	Основной критерий устойчивости	Доминирующий объект анализа	Инструментарий	Характер данных
1. Классическая модель (до 1990-х)	Платёжеспособность, ликвидность	Финансовая отчётность компании	Коэффициенты, балансовые показатели	Финансовые (ретроспективные)
2. Институциональная модель (1990–2010)	Корпоративное управление, прозрачность	Компания и рынок капитала	Рейтинги, корпоративные стандарты	Финансово-институциональные
3. ESG-модель (2010–2020)	Экология, социальная ответственность, управление	Стейкхолдеры и экосистема	Индексы ESG, нефинансовая отчётность	Финансово-нефинансовые
4. Цифрово-импакт-модель (с 2020)	Измеримость социально-экологического воздействия	Цифровая экосистема и данные	Цифровые платформы, DLT, смарт-контракты	Поведенческие данные в реальном времени

Институциональные модели устойчивого финансирования.

В Европе финансовая структура характеризуется децентрализацией: Германия сочетает ведущую роль Франкфурта-на-Майне с активностью Гамбурга, Мюнхена и Северного Рейна-Вестфалии. Россия, напротив, демонстрирует высокую централизацию финансового пространства: доминируют московские институты, тогда как региональные центры формируют отдельные ниши.

Ключевая трудность оценки эффективности устойчивости – измеримость. Поскольку категория устойчивости охватывает критерии ESG, особое внимание уделяется «зелёной» составляющей инвестиций. В России процесс внедрения ESG-инструментов только формируется; корпоративная устойчивость оценивается преимущественно через финансовые коэффициенты, тогда как нефинансовые метрики внедряются точечно.

Таблица 2

Сравнительный анализ по секторам финансовой системы

Показатель	Франция	Германия	Россия	Китай (КНР)
Публичный капитал	Развитый рынок акций, высокая доля ESG-отчётности, активные «зелёные» IPO	Рост доли ESG-компаний; активные «зелёные» IPO	Рынок сосредоточен в Москве, ESG-отчётность ограничена	Крупнейший в Азии рынок IPO; поддержка ESG-отчётности
Государственный долг	Один из лидеров ЕС по «зелёным» облигациям	Активный рост, сокращение разрыва с Францией	Рынок «зелёных» облигаций на стадии становления	Крупнейший мировой эмитент «зелёных» госбумаг
Частный долг	Развит рынок ESG-linked loans	Широкое применение «устойчивых» кредитов	Формирование сегмента; пилотные проекты	Государственное стимулирование ESG-кредитов
Банковская система	Интеграция ESG в стратегию банков	Высокая зрелость ESG-политик	Крупные банки публикуют ESG-отчётность	Обязательные ESG-стандарты для банков
Страхование	Высокая доля устойчивых активов	11% активов – ESG-инвестиции	Данные фрагментарны	Рост «зелёных» страховых продуктов
Управление активами	Лидерство Франции и Люксембурга	Рост доли ESG-фондов	Единичные ESG-фонды	Быстрое расширение ESG-фондов
Экосистема	Институциональная зрелость	Региональная сбалансированность	Кадровый дефицит и фрагментарность	Централизованная система с господдержкой

Таблица 2 демонстрирует институциональные и структурные различия между четырьмя ключевыми финансовыми системами, отражая соотношение традиционных и устойчивых инструментов в публичном, долговом, банковском и страховом секторах. Наибольшая сбалансированность наблюдается в странах Европейского союза, где устойчивость рассматривается как интегральная характеристика финансовой экосистемы, в то время как в России и Китае этот процесс сохраняет характер институционального формирования [2; 3]. Как видно из представленных данных, развитие ESG-компоненты в финансовых секторах тесно связано с уровнем зрелости национальных институтов, нормативных стандартов и инфраструктурных решений. Для России и КНР характерен фрагментарный характер внедрения ESG-инструментов, ограниченный рамками отдельных программ и корпоративных инициатив, тогда как во Франции и Германии устойчивое финансирование интегрировано в систему государственного и рыночного регулирования [3]. Это подчёркивает необходимость анализа не только отдельных инструментов, но и институциональной среды, обеспечивающей их реализацию, что представлено в таблице 3.

Таблица 3

Институциональные системы устойчивого финансирования

Элемент	Франция	Германия	Китай (КНР)	Точки роста для России
Регулятор	AMF – контроль ESG-отчётности	BaFin – надзор ESG-рисков	PBoC – государственная ESG-политика	Усиление роли Банка России; создание департамента ESG-регулирования
Министерства	Министерства экономики и экологии	Федеральные министерства финансов и экологии	NDRC и Минэкологии КНР	Создание межведомственного органа по устойчивому финансированию
Агентства и аналитика	Novethic, Finance for Tomorrow	Совет по устойчивому развитию	China Green Finance Committee	Национальное агентство устойчивых финансов при ВЭБ РФ
Рынки капитала	Euronext Paris – секция Green Bonds	Deutsche Börse – ESG-платформа	Shanghai, Shenzhen – обязательные ESG-отчёты	Развитие ESG-инфраструктуры Московской биржи
Таксономии	EU Taxonomy, SFDR	Прямое применение EU Taxonomy	Национальная Green Taxonomy	Завершение российской таксономии и цифровая интеграция
Образование и наука	Sciences Po, HEC Paris	HSBA, Frankfurt Institute	Tsinghua, Fudan	Академическая сеть устойчивых финансов, магистратура ESG
Объединения	Forum pour l'Investissement Responsable	Forum Nachhaltige Geldanlagen	China Green Finance Alliance	Российская ассоциация устойчивых инвестиций

Сравнение данных таблиц 2 и 3 позволяет сделать вывод о прямой зависимости эффективности устойчивого финансирования от степени институциональной координации между государственными органами, финансовыми регуляторами, образовательными центрами и

профессиональными объединениями [4]. Именно институциональная согласованность, а не объём инвестиций, обеспечивает устойчивость перехода от декларативных ESG-практик к измеримым и воспроизводимым результатам. В европейской модели устойчивость рассматривается как институционально закреплённая функция, а в китайской – как стратегическая директива государства. Для России, где нормативная база и цифровая инфраструктура ещё находятся в процессе формирования, ключевыми точками роста выступают цифровизация механизмов верификации данных и создание единой платформенной среды учёта импакт-проектов [7].

Эти тенденции подтверждают выводы OECD (2023) о том, что цифровая трансформация финансового сектора становится не только технологическим, но и институциональным процессом, обеспечивающим воспроизводимость данных, автоматизацию мониторинга и повышение прозрачности взаимодействий [2]. В этом контексте цифровизация формирует *технологическую устойчивость*, а импакт-инвестирование – *социально-экологическую устойчивость*, что в совокупности задаёт контуры новой модели – «*цифрово-импакт устойчивости*» [5]. Применение технологий распределённых реестров (DLT, blockchain) обеспечивает неизменность и верифицируемость данных, а смарт-контракты создают алгоритмические механизмы контроля ESG-результатов в режиме реального времени [4]. Такая цифровая среда формирует инфраструктуру доверия, где каждый элемент финансового цикла – от привлечения капитала до реализации проектов – может быть прослежен, подтверждён и интегрирован в систему устойчивой отчётности [2].

Для России эта логика особенно актуальна: формирование единого цифрового реестра импакт-проектов и внедрение систем автоматизированной верификации ESG-показателей способны не только повысить доверие инвесторов, но и обеспечить консолидацию данных, необходимую для макроэкономического планирования [6; 7]. В долгосрочной перспективе цифровизация может стать инструментом преодоления институциональных барьеров, связанных с фрагментарностью нормативной базы и отсутствием единой методики оценки устойчивости [8]. Эволюция финансовой устойчивости в таком контексте демонстрирует переход от бухгалтерско-аналитической модели к *цифрово-импакт парадигме*, где центральным критерием эффективности становится способность системы воспроизводить социально-экологические эффекты в реальном времени (табл. 1). Представленные в таблицах 2 и 3 сравнительные данные, а также схема (рисунок 1) подтверждают, что финансовая устойчивость становится результатом взаимодействия цифровых технологий, институциональных структур и механизмов общественного доверия [2; 5].

Такая модель позволит превратить устойчивое финансирование из декларации в измеримую систему – основу новой парадигмы корпоративных и национальных финансов. Переход к цифровой экономике свидетельствует о том, что финансовая устойчивость не может ограничиваться традиционными показателями ликвидности, капитализации и рентабельности, утрачивая тем самым исключительно бухгалтерско-аналитический характер. Она приобретает измеримый, динамический характер, отражающий способность финансовых институтов и корпораций адаптироваться к технологическим, социальным и экологическим вызовам.

Рис. 1. Структура единого цифрового контура устойчивых финансов

Современная финансовая система всё чаще выступает не только посредником в движении капитала, но и пространством измерения воздействия – *impact space*, где цифровые технологии превращают абстрактные критерии устойчивости в конкретные, верифицируемые метрики.

В этом контексте цифровизация становится функциональным аналогом институциональных реформ: она снижает издержки доверия, делает возможным контроль и оценку социально-экологических результатов в реальном времени. Импакт-инвестирование, в свою очередь, наполняет цифровую инфраструктуру содержанием – связывает технологическую прозрачность с социальной ответственностью и долгосрочной ценностью капитала. Для России объединение этих двух направлений может стать основой новой модели устойчивого развития финансового сектора. Цифровые платформы, технологии распределённых реестров и алгоритмические системы верификации способны компенсировать недостаток институциональной зрелости, а импакт-подход – переориентировать инвестиционную политику на измеримые общественные эффекты. Сочетание цифровых и импакт-инструментов формирует не просто модернизированный финансовый контур, а новую институционально-цифровую систему, в которой устойчивость становится не декларацией, а встроенным свойством финансового процесса.

Список литературы

1. Brealey R.A. Principles of Corporate Finance / R.A. Brealey, S.C. Myers. New York: McGraw-Hill Education, 2011. 848 p.
2. OECD. Digitalisation and Finance. Paris: OECD Publishing, 2023. 142 p. URL: <https://www.oecd.org/finance/digitalisation-and-finance.htm> (дата обращения: 01.11.2025).
3. European Commission. Sustainable Finance Action Plan. Brussels: European Commission, 2021. 58 p. URL: https://finance.ec.europa.eu/sustainable-finance_en (дата обращения: 01.11.2025).
4. Arner D.W. FinTech and RegTech in a Post-Crisis World / D.W. Arner, R.P. Buckley, D.W. Zetzsche // Journal of Banking Regulation. 2022. Vol. 23. No. 4. Pp. 315–334. – DOI: 10.1057/s41261-022-00184-3.
5. Porter M.E. Creating Shared Value / M.E. Porter, M.R. Kramer // Harvard Business Review. 2011. Vol. 89. No. 1–2. Pp. 62–77.
6. ВЭБ.РФ. Стратегия развития до 2030 года / ВЭБ.РФ. – М.: Государственная корпорация «ВЭБ.РФ», 2023. – 64 с. – URL: <https://veb.ru/strategy2030/> (дата обращения: 01.11.2025).
7. Банк России. Концепция развития финансовых технологий / Банк России. – М.: Центральный банк Российской Федерации, 2021. – 47 с. – URL: <https://cbr.ru/fintech/> (дата обращения: 01.11.2025).
8. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон №259-ФЗ: принят 31 июля 2020 г. – М.: Официальный интернет-портал правовой информации, 2020. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.02.2026).

ЦИФРОВАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Батталова Айгуль Наилевна

канд. филол. наук, доцент

ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России»

г. Уфа, Республика Башкортостан

РОЛЬ СИНТАКСИСА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В ЦИФРОВОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Аннотация: в статье рассмотрены синтаксические особенности юридических текстов, так как синтаксис, выступая формальным «скелетом» правовых норм, преобразует текст из лингвистического явления в важные структурированные данные. Именно эта формальная строгость делает юридические тексты наиболее подготовленным объектом для перехода к цифровой юриспруденции. Без понимания синтаксиса любая автоматизация будет поверхностной и ненадежной.

Ключевые слова: юридический текст, синтаксические особенности, цифровая юриспруденция, структурированные данные, право.

Строгое следование грамматическим и стилистическим нормам русского языка при подготовке текстов обогащает культуру юридической коммуникации. Грамотно подготовленные тексты становятся основой для развития цифровой юриспруденции, которая анализирует их и создаёт сервисы, упрощающие понимание права. Цифровая юриспруденция – это не просто новая отрасль права, а фундаментальная трансформация всей правовой системы под воздействием цифровых технологий. По нашему мнению, именно синтаксический анализ является основным приемом грамматического толкования юридических текстов, поскольку именно в синтаксических закономерностях лежат логические основания норм права, превращая язык закона из субъективной интерпретации в объективные данные. Связь между синтаксисом юридических текстов и цифровой юриспруденцией заключается в использовании алгоритмов для обработки правовых документов. Это позволяет повысить их качество и доступность понимания. Декан юридического факультета СПбГУ С.А. Белов отметил, что в 2009 году Министерство образования и науки (уполномоченное правительством) утвердило перечень словарей, содержащих нормы русского языка. Именно они обязательны в официальных сферах, в делопроизводстве, в общении с государственными органами, при издании нормативных правовых актов. Большинство про существование этой официальной нормы – стандарта русского языка – просто не знают! А из тех, кто знает, многие не придают ей особого значения, считая, что это лишь рекомендации, примерный ориентир, а не императивные требования [2].

Рассмотрим синтаксические особенности юридических текстов, понимая, что это профессиональная необходимость правовой коммуникации. Простые глагольные сказуемые в рассматриваемых текстах встречаются нечасто и, как правило, они выражены безличными глаголами с постфиксом *-ся*: *гарантируется, запрещается, обеспечивается, допускается, осуществляется, направляется, охраняется* и т. п. Значительно большим количеством представлены составные глагольные сказуемые, например, *могут храниться, может применяться*.

Сложноподчинённые и сложносочинённые предложения часто используются для отображения логических и правовых связей. Предложения могут быть длинными, включать несколько уровней подчинения, например, *если иное не предусмотрено договором, стороны несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств в соответствии с законодательством Российской Федерации*.

Содержательно-информационный объем высказывания увеличивается за счет однородных членов предложения, обособленных членов предложения, придаточных предложений и других элементов, распространяющих и уточняющих смысл текста, например, *настоящий Федеральный закон регулирует отношения в сфере взаимодействия общества и природы, возникающие при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием на природную среду как важнейшую составляющую окружающей среды, являющуюся основой жизни на Земле.*

Пассивные конструкции получили широкое распространение в юридических текстах, так как пассивные конструкции с вербально не выраженным субъектом позволяют акцентировать абсолютное и универсальное действие закона [1], например, *в ходе судебного заседания было установлено, что истец занизил стоимость указанных услуг.* В юридическом дискурсе активное использование вставных конструкций, уточнений *в частности, в том числе, исключительно, либо, а именно,* повторение одних и тех же формулировок и речевых клише усиливают юридическую точность и позволяют избежать разночтений.

По мнению И.Л. Петровой, важнейшим средством высказывания в юридических текстах является порядок слов. Обычно придерживаются следующего порядка слов:

- а) подлежащее чаще всего стоит в начале предложения и, как правило, предшествует сказуемому, например, *Президент Российской Федерации прекращает...;*
- б) определение, выраженное определительным оборотом прилагательным или причастием с зависимыми словами чаще всего занимает позицию после определяемого слова;
- в) необособленные согласованные определения находятся, как правило, в препозиции по отношению к определяемым существительным, например, *незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица.* Такой порядок слов более типичен [3]. Далее следует отметить, что, в отличие от согласованных, несогласованные определения должны располагаться только в постпозиции по отношению к определяемому слову: *потенциал для производства конкретного химиката, сроки осуществления прав внутри одного выпуска* и т. д.

Обстоятельные слова – это наречия или падежные формы существительных чаще всего располагаются по возможности ближе к слову, к которому они относятся по смыслу. Так, обстоятельства места, времени и цели обычно помещаются в абсолютное начало предложения или в абсолютный конец высказывания – самые информативно значимые позиции, например, *за пределами территории Российской Федерации документами, заменяющими паспорт гражданина Российской Федерации, являются документы, удостоверяющие личность гражданина Российской Федерации.*

Заметим, что чрезмерная перегрузка простых предложений однородными членами, неудачный выбор союзов, соединяющих части сложных предложений, являются наиболее часто встречающимися синтаксическими ошибками в юридических текстах.

Алгоритмы оценивают тексты законов по параметрам, например, длина предложений, количество причастных оборотов, сложность словосочетаний и т. д., рассчитывая индекс синтаксической сложности. Для анализа юридических текстов необходимо использовать сложные метрики (в том числе синтаксические), позволяющие выявлять сложные для понимания конструкции, которые без потери для смысла регулирования могут быть заменены более простыми. «В синтаксических метриках в качестве оцениваемого признака выступает доля определенных синтаксических конструкций на одно предложение:

- причастные и деепричастные обороты;
- вводные конструкции;
- придаточные предложения;
- грамматические основы предложения (подлежащее, сказуемое или одно из них);

– знаки препинания (точка, запятая, двоеточие, точка с запятой, тире, кавычки, скобки)» [4].

Таким образом, соблюдение требований к содержанию и оформлению текстов в соответствии с грамматическими нормами языка способствует повышению культуры юридической коммуникации, а цифровая юриспруденция, в свою очередь, использует эти данные для создания инструментов, которые делают право более понятным, доступным и эффективным.

Список литературы

1. Кожемякин Е.А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование / Е.А. Кожемякин. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-diskurs-kak-kulturnyy-fenomen-struktura-i-smysloobrazovanie-1/viewer> (дата обращения: 01.02.2026).
2. Лингвисты нашли лазейки для коррупции в каждом третьем документе // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2016/01/15/obr.html> (дата обращения: 05.12.2019).
3. Петрова И.Л. Текст как объект и предмет юрислингвистического анализа: учеб. пособие / И.Л. Петрова. – URL: <https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/9229/1/02247.pdf> (дата обращения: 14.01.2026).
4. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А.В. Кнотов, С.М. Плаксин [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 311 с.

Батталова Айгуль Наилевна

канд. филол. наук, доцент

ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России»

г. Уфа, Республика Башкортостан

ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация: в статье рассмотрены особенности юридических текстов в цифровом пространстве. Благодаря гипертекстуальности, интерактивности и поликодовости текст документов эволюционирует в цифровой сервис. Главный вызов цифровой юриспруденции – адаптировать официально-деловую речь к форматам цифрового дискурса, сохранив безусловную точность и предписывающую силу юридического документа.

Ключевые слова: официально-деловой стиль речи, цифровой дискурс, гипертекстуальность, интерактивность, поликодовость, цифровая юриспруденция.

Владение функциональными стилями речи повышает эффективность коммуникации. Каждый стиль речи выполняет ту или иную функцию – эстетическую, научную, деловую, коммуникативную, и в соответствии с той или иной функцией мы выбираем наиболее подходящие слова и выражения, грамматические формы и синтаксические конструкции. Официально-деловой стиль функционирует в сфере управления, делопроизводства и права. Наиболее полно и последовательно характерные черты этого стиля реализуются в разнообразных документах, которые и являются его основной формой. Документы не только сообщают о значимых фактах, но и закрепляют их юридический статус, предписывая определенные нормы и действия. Главные отличительные черты юридических текстов – это прескриптивность, требующая соблюдения определенных правовых норм, точность формулировок, исключающих двусмысленность.

Проблема понимания правового текста традиционно рассматривается с двух сторон: с точки зрения языка и права. Среди языковых причин, наиболее осложняющих восприятие текста закона, обычно выделяют следующие:

1) сложный синтаксис, благодаря которому соблюдается требование точности, однозначности восприятия и исключения двусмысленного толкования содержащейся в документе информации: «использование необычно длинных предложений с придаточными уступительными и условия; отсутствие местоимений, выполняющих анафорическую функцию внутри и

между предложениями и в связи с этим многократные повторы лексических единиц и целых фраз; большое количество пассивных конструкций, обстоятельственных членов предложений; необычайно разветвленные номинативные словосочетания преимущественно с определениями в постпозиции; многочисленные отрицания» [2, с. 76];

2) обилие юридических терминов, которые «являются опорными точками в процессе познания правовых явлений» [3, с. 36].

С точки зрения права совпадение юридического термина с общенародным словом «лишь усугубляет трудности практического понимания рядовыми носителями языка юридических текстов, так как оно может создавать лишь иллюзию понятности» [4, с. 55].

Перенос коммуникации в интернет-пространство приводит к появлению новой реальности – цифрового дискурса. Цифровая юриспруденция представляет собой развивающееся направление юридической науки и практики. Эта новая коммуникативная реальность становится той средой, где сегодня разворачивается большинство правоотношений, требуя от юриста понимания ее законов. Исследователи отмечают, что тексты, создаваемые, например, органами исполнительной власти в цифровой среде, трансформируются и приобретают новые качества, которых не было у традиционных письменных документов. Ключевые качества цифровых юридических текстов – это гипертекстуальность, интерактивность и поликодовость.

Гипертекстуальность в юридических текстах – это интеграция текстов между собой, обеспечение постоянного уточнения и углубления содержания конкретных фрагментов. Право в цифровом дискурсе предстает не как набор разрозненных актов, а как единая связанная сеть связанных документов, норм, определений. Читатель может мгновенно перемещаться между федеральным законом и подзаконным актом, проверять актуальность редакции, видеть связь с утратившими силу нормами. С одной стороны, гипертекст является результатом объединения отдельных текстов при помощи отсылок от одного текста к другому, с другой стороны, гипертекст – это «самостоятельный объект с набором собственных специфических свойств, в котором крайне важна соотносимость отдельных его частей друг с другом» [5, с. 68]. Если в бумажном документе точность достигается самодостаточностью текста: все необходимое прописано в документе, то в цифровой среде документ становится гипертекстуальным, и юрист в цифровом пространстве должен фиксировать не только сам текст, но и контекст на момент подписания.

Интерактивность позволяет документам становиться более гибкими и демократичными, можно не только читать юридический документ, но и взаимодействовать с текстом: задавать вопросы, оставлять комментарии, участвовать в обсуждениях или опросах. Если раньше юрист был автором итогового текста, например, итогов переговоров, то сейчас ему нужно управлять версиями, комментариями от сторон, согласовывать правки внутри текста и следить за формулировками, чтобы процесс обсуждения того или иного документа в какой-то момент кристаллизовался в обязательный для исполнения формат.

Наконец, поликодовость позволяет сочетать в одном цифровом продукте разные типы информации, например, протоколы допросов, материалы осмотра места происшествия могут содержать прямые ссылки на аудио и видеофайлы. Изображения, инфографика, аудио и видеоматериалы «служит известным средством преодоления линейности языка, что, в свою очередь усиливает его возможности по передаче сложного концептуально значимого содержания, экспрессии и перлокутивный (воздейственный) эффект. Это свойство принято именовать поликодовостью, а тексты, созданные посредством использования нескольких знаковых систем, называют поликодовыми, гибридными или креолизированными» [1, с. 12].

На наш взгляд, с одной стороны, поликодовость может снизить риск двусмысленного толкования за счет визуализации, с другой стороны, может создать угрозу для юридической точности. Например, в законе написано: «Забор должен быть установлен на расстоянии 1 метра

от границы участка». В официальном разъяснении к нему приложили инфографику, где на картинке этот метр указан от границы до столба забора, а не до полотна. Становится очевидным вопрос: «Что имеет юридическую силу – вербальный текст или инфографика?» Если возникнет спор, суд будет толковать букву закона, но наличие поликодового элемента может создать у граждан заблуждение, за которое они понесут ответственность.

Таким образом, сочетание гипертекстуальности, интерактивности и поликодовости трансформирует юридический текст из документа в цифровой сервис. Задача юриста в цифровом пространстве эффективно ориентироваться в гипертекстовой сети, пользоваться интерактивными инструментами и корректно интерпретировать поликодовые данные, интегрируя официально-деловой стиль юридического текста в цифровой дискурс, не жертвуя его точностью и предписывающей силой.

Список литературы

1. Активные процессы в языке интернета: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: коллективная монография / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская [и др.]; под ред. Л.В. Рацибурской. – М.: Нестор-История, 2019. – 257 с.
2. Бондаренко И.В. Лингвистический консерватизм юридического языка / И.В. Бондаренко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2006. – №2. – С. 75–80.
3. Воробьева М.Е. Оппозиция официального и обыденного толкования права (лингвокогнитивный аспект) / М.Е. Воробьева // Вестник Томского гос. ун-та. – 2014. – №383. – С. 35–41.
4. Ромашов Р.А. Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты / Р.А. Ромашов // Юрислингвистика. – 2010. – №10. – С. 52–57. EDN WCLRKR
5. Хартунг Ю. Гипертекст как объект лингвистического анализа / Ю. Хартунг // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – 1996. – №3. – С. 61–77.

Блинова Екатерина Алексеевна

аспирант

Иргалиев Айдар Кайратович

магистрант

Научный руководитель

Бочков Павел Валерьевич

канд. экон. наук, доцент

Уральский институт управления (филиал)
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ФОРМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ И ПРАВОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация: в статье проводится комплексный анализ форм регулирования муниципального контроля в Российской Федерации. Авторы исследуют нормативно-правовые основания, классифицирует формы муниципального контроля по различным критериям (по способу организации, содержанию действий, отраслевой направленности и степени вмешательства), а также выявляет актуальные правовые проблемы и современные тенденции развития данного института. Особое внимание уделяется соотношению проверочных и профилактических форм контроля, а также вопросам разграничения полномочий между муниципальными и государственными контрольными органами.

Ключевые слова: муниципальный контроль, формы контроля, проверки, профилактика, муниципальные образования, контрольная деятельность.

Муниципальный контроль представляет собой неотъемлемый элемент системы публичного управления на местном уровне, выступая гарантией соблюдения законности, защиты прав и законных интересов граждан, а также обеспечения устойчивого развития муниципальных образований. В отличие от государственного контроля, его регулирование и осуществление непосредственно связаны с реализацией принципа самостоятельности местного самоуправления, закрепленного в Конституции Российской Федерации. Основной правовой базой для его организации служат положения Федерального закона от 06.10.2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3], а также рамочные нормы Федерального закона от 26.12.2008 №294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – ФЗ №294) [2].

Под формами регулирования муниципального контроля в контексте данной статьи понимаются законодательно установленные и организационно обособленные способы (виды) деятельности органов местного самоуправления, направленные на наблюдение за соблюдением обязательных требований, анализ и оценку состояния подконтрольных объектов, а также применение мер профилактического и принудительного характера. Актуальность исследования обусловлена продолжающейся административной реформой, направленной на оптимизацию контрольной деятельности, переход к риск-ориентированной модели и снижение административной нагрузки на бизнес, что требует переосмысления традиционных подходов к формам муниципального контроля.

Нормативно-правовые основы и классификация форм муниципального контроля.

Регулирование муниципального контроля носит делегированный характер. Федеральный законодатель устанавливает общие принципы, процедуры и гарантии, а конкретные полномочия закрепляются за муниципалитетами посредством наделения отдельными государственными полномочиями или признания вопросов контроля вопросами местного значения. Ключевые формы контроля регламентированы ФЗ №294, который выступает процессуальным «каркасом» для их применения.

Многообразие задач муниципального контроля обуславливает необходимость его классификации. В научной литературе и правоприменительной практике формы контроля дифференцируются по нескольким основаниям.

Наиболее значимым с точки зрения правовых гарантий для контролируемых субъектов является деление на плановые и внеплановые формы.

Плановый контроль осуществляется на основе ежегодно утверждаемых и публикуемых планов проверок. Его главный признак – предсказуемость, что позволяет субъектам предпринимательства готовиться к проверочным мероприятиям. Основания для включения в план строго формализованы (истечение установленного срока с предыдущей проверки, окончания действия разрешительного документа и т. д.).

Внеплановый контроль служит инструментом оперативного реагирования на конкретные риски и нарушения. Его проведение возможно лишь при наличии строго определенных в ст. 10 ФЗ №294 оснований, таких как: истечение срока исполнения ранее выданного предписания; поступление обращений граждан с информацией о фактах причинения вреда; возникновение угрозы жизни, здоровью, окружающей среде и др. Для большинства внеплановых проверок обязательным условием является согласование с органом прокуратуры, что выступает дополнительной гарантией от необоснованного вмешательства.

Каждая из этих форм может реализовываться как выездная проверка (с непосредственным посещением объекта) или документарная проверка (посредством изучения документов, представленных в контролирующий орган).

По своему содержательному наполнению формы контроля включают в себя комплекс конкретных действий уполномоченных должностных лиц:

- административное обследование объектов – наблюдение без непосредственного взаимодействия с контролируемым лицом;
- истребование документов и информации, получение письменных объяснений;
- отбор проб и образцов, проведение экспертиз, исследований, испытаний – применяется в сферах, требующих специальных познаний (экология, санитария);
- систематическое наблюдение за исполнением обязательных требований.

Форма контроля приобретает конкретные черты в зависимости от предмета регулирования:

- муниципальный земельный контроль (обследование земельных участков на соответствие целевому назначению);
- контроль в сфере благоустройства (соблюдение правил содержания фасадов, размещения рекламы, уборки территорий);
- контроль за использованием и сохранностью жилищного фонда (проверка содержания общего имущества МКД);
- контроль в области торговли (соблюдение правил продажи отдельных видов товаров).

Профилактические формы как современный тренд регулирования

Кардинальным трендом последних лет в регулировании контрольной деятельности стал сдвиг от репрессивно-проверочной модели к профилактической. В соответствии с Указом Президента РФ от 16.08.2021 №478 и проектом нового закона о контроле (надзоре), на первый план выходят формы, не связанные с проведением проверок [4]:

- профилактический визит (консультация) – разъяснение обязательных требований;
- информирование о новых нормах и типовых рисках нарушений;
- выдача предостережений о недопустимости нарушения обязательных требований, закрепленная в ст. 8.1 КоАП РФ [1]. Эта мера позволяет предотвратить нарушение до его совершения, минимизируя издержки как для контролируемого лица, так и для общества.

Данные формы основаны на принципе партнерства и доверия между контролирующим органом и субъектом контроля, что соответствует общемировой практике повышения эффективности регулирования.

Несмотря на развитое законодательное регулирование, система форм муниципального контроля сталкивается с рядом системных проблем:

- дублирование и нечеткое разграничение полномочий с органами государственного контроля (надзора), что приводит к избыточной нагрузке на бизнес;
- дефицит ресурсного обеспечения муниципалитетов (кадрового, материально-технического, экспертного), ограничивающий качество и полноту контрольных мероприятий, особенно в части лабораторных исследований;
- формализм и «буквоедство» при проведении плановых проверок, когда контроль сводится к проверке документов, а не к оценке фактического состояния объекта;
- слабая интеграция риск-ориентированного подхода в муниципальную практику, что не позволяет сосредоточить ресурсы на наиболее значимых объектах контроля.

Таким образом, современная система форм регулирования муниципального контроля представляет собой сложный, динамично развивающийся институт. Она движется от традиционной, основанной на проверках модели к сбалансированной системе, где профилактические, дистанционные и консультационные формы играют не менее важную роль, чем контрольные мероприятия. Дальнейшее совершенствование должно быть направлено на:

- четкое законодательное закрепление и развитие профилактических инструментов;
- внедрение единых цифровых платформ для планирования и осуществления контроля;
- глубокую интеграцию риск-ориентированного подхода на муниципальном уровне;
- повышение профессиональной компетентности муниципальных контролеров;

– устранение нормативных коллизий, приводящих к дублированию полномочий.

Только комплексный подход, сочетающий оптимизацию форм контроля с укреплением их ресурсной базы, позволит превратить муниципальный контроль в эффективный инструмент обеспечения качества жизни на местном уровне и создания благоприятной среды для ведения предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 24.02.2026).

2. Федеральный закон от 26.12.2008 №294-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/ (дата обращения: 24.02.2026).

3. Федеральный закон от 06.10.2003 №131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/?ysclid=ml11xasw1f218418026 (дата обращения: 24.02.2026).

4. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 (ред. от 26.06.2023) «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_392999/?ysclid=ml123flasc374505026 (дата обращения: 24.02.2026).

Блинова Екатерина Алексеевна
аспирант

Пономарев Марк Сергеевич
магистрант

Научный руководитель

Бочков Павел Валерьевич
канд. экон. наук, доцент

Уральский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская
академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ»
г. Екатеринбург, Свердловская область

ИНСТИТУТ ЕДИНСТВЕННОГО ПОСТАВЩИКА В КОРПОРАТИВНЫХ ЗАКУПКАХ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И РИСКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ

Аннотация: статья посвящена исследованию правового института закупок у единственного поставщика в системе Федерального закона №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Анализируются основания применения данного способа закупки, процедуры его реализации и пределы допустимого использования. Особое внимание уделяется проблеме «дробления» закупок как способа обхода конкурентных процедур. На основе анализа судебной практики рассматриваются критерии, позволяющие отличить правомерное использование института единственного поставщика от злоупотребления правом. Исследуются антикризисные меры, продленные до конца 2026 года, расширяющие возможности закупок у единственного поставщика. Автором предлагаются критерии добросовестности при применении данного института и рекомендации по минимизации рисков признания сделок недействительными.

Ключевые слова: *единственный поставщик, корпоративные закупки, антиконкурентные соглашения, дробление закупок, неконкурентные процедуры.*

Институт закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) занимает особое место в системе правового регулирования корпоративных закупок, предусмотренной Федеральным законом от 18.07.2011 №223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон №223-ФЗ). С одной стороны, данный способ закупки обеспечивает оперативность удовлетворения потребностей заказчика в случаях, когда проведение конкурентных процедур нецелесообразно или невозможно по объективным причинам. С другой стороны, именно неконкурентные закупки создают наибольшие риски для развития добросовестной конкуренции и являются сферой потенциальных злоупотреблений.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, законодательство о закупках предоставляет заказчикам значительную свободу усмотрения в определении порядка и условий применения неконкурентных способов закупки, что требует выработки четких критериев правомерности их использования. Во-вторых, судебная практика последних лет демонстрирует устойчивый рост числа споров, связанных с квалификацией действий заказчиков как «дробления» единой закупки с целью ухода от конкурентных процедур. В-третьих, продление антикризисных мер, расширяющих возможности закупок у единственного поставщика на 2026 год, актуализирует проблему разграничения допустимых исключений и злоупотреблений.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе правового регулирования института единственного поставщика в корпоративных закупках, выявлении проблем квалификации «дробления» закупок и выработке рекомендаций по минимизации соответствующих рисков.

Правовое регулирование закупок у единственного поставщика в системе Закона №223-ФЗ характеризуется значительной диспозитивностью. В соответствии с ч. 2 ст. 2 и ст. 3.6 Закона №223-ФЗ, заказчику предоставлено право самостоятельно определять порядок и условия применения неконкурентных способов закупки, порядок подготовки и осуществления закупки у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) и исчерпывающий перечень случаев проведения такой закупки, закрепляя их в положении о закупке.

Данный подход принципиально отличается от регулирования государственных и муниципальных закупок по Федеральному закону №44-ФЗ, где перечень оснований для закупки у единственного поставщика является закрытым и установлен непосредственно в законе. В корпоративных закупках заказчик самостоятельно формирует этот перечень, исходя из специфики своей деятельности и потребностей, что создает широкие возможности для адаптации закупочных процедур к реальным условиям хозяйствования.

Однако указанная свобода усмотрения не является абсолютной. Как неоднократно подчеркивалось в судебной практике, право заказчика на определение порядка и условий применения неконкурентных способов закупки должно реализовываться с учетом целей правового регулирования в сфере закупочной деятельности и принципов, закрепленных в законе. К числу таких принципов п. 2 ч. 1 ст. 3 Закона №223-ФЗ относит равноправие, справедливость, отсутствие дискриминации и необоснованных ограничений конкуренции по отношению к участникам закупки.

Анализ положений о закупке различных организаций позволяет выделить наиболее распространенные основания для применения неконкурентных процедур:

– ценовой критерий – осуществление закупки на сумму, не превышающую установленного в положении о закупке предельного значения (чаще всего 100 000, 400 000 или 600 000 рублей). Данное основание является наиболее распространенным и одновременно наиболее проблемным с точки зрения правоприменения;

- срочная потребность – необходимость оперативного удовлетворения нужд заказчика в случаях, когда проведение конкурентных процедур приведет к задержкам, способным причинить ущерб или нарушить нормальный производственный процесс;
- естественная монополия – закупка товаров, работ, услуг, субъектов естественных монополий в соответствии с Федеральным законом «О естественных монополиях»;
- исключительные права – закупка у обладателя исключительных прав в отношении объекта закупки (патенты, авторские права, ноу-хау);
- несостоявшиеся процедуры – осуществление закупки у единственного поставщика в случае признания конкурентной закупки несостоявшейся.

Важно отметить, что даже при формальном наличии указанных оснований в положении о закупке, их применение может быть признано злоупотреблением правом, если будет установлено, что фактической целью заказчика являлся уход от конкурентных процедур.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Институт закупки у единственного поставщика в системе Закона №223-ФЗ представляет собой важный инструмент оперативного удовлетворения потребностей заказчика, однако его применение требует соблюдения баланса между гибкостью закупочных процедур и необходимостью обеспечения конкуренции. Значительная свобода усмотрения заказчиков в определении оснований для неконкурентных закупок должна реализовываться с учетом целей и принципов закупочного законодательства.

Проблема «дробления» закупок является одной из наиболее острых в правоприменительной практике. Судебная практика, включая Определение Верховного Суда РФ от 22.11.2024 №301-ЭС24-10122, выработала критерии квалификации действий заказчиков как злоупотребления правом: тождественность предмета договоров, короткий временной интервал их заключения, единая хозяйственная цель, один и тот же контрагент, превышение суммарной стоимостью пороговых значений, отсутствие объективных причин для разделения закупок.

Продление антикризисных мер на 2026 год расширяет возможности для неконкурентных закупок, но не отменяет запрета на злоупотребление правом. Заказчикам необходимо особенно тщательно документировать объективные обстоятельства, обосновывающие выбор неконкурентного способа закупки.

Правовые последствия признания дробления закупок являются крайне серьезными: от административной ответственности до признания договоров недействительными с применением двусторонней реституции. Это требует от заказчиков взвешенного подхода к планированию закупок и оценки рисков.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на анализ эффективности антикризисных мер, изучение зарубежного опыта регулирования неконкурентных закупок, а также на разработку методик оценки добросовестности при применении института единственного поставщика.

Список литературы

1. Федеральный закон от 18.07.2011 №223-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СПС «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/ (дата обращения: 24.02.2026).
2. Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 24.02.2026).
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2024 №301-ЭС24-10122 по делу №А38-717/2023 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22112024-n-301-es24-10122-po-delu-na38-7172023/?ysclid=mm0askyhnp692204949> (дата обращения: 24.02.2026).

Гаврилова Татьяна Сергеевна

студентка

Кузнецов Алексей Юрьевич

преподаватель

КГБПОУ «Красноярский аграрный техникум»

г. Красноярск, Красноярский край

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация: статья посвящена проблеме использования и применения технологий искусственного интеллекта в современной судебной практике. Рассмотрен зарубежный опыт использования данной технологии, определены существующие трудности использования в судебной системе РФ и перспективы внедрения искусственного интеллекта в будущем.

Ключевые слова: искусственный интеллект, кибербезопасность, суд, судебная система.

Актуальность данной темы на данный момент является достаточно важной. Из статистики Судебного департамента, можно увидеть, как нагрузка на судей растет с каждым годом в огромных масштабах: ежегодно рассматриваются миллионы дел, что неизбежно ведет к продлеваемым срокам и риску неправильности решения дела. Общество требует ускорения процессов, а развитие технологий говорит о необходимости внедрения искусственного интеллекта (далее – ИИ), который в наши дни уже отлично работает в других сферах.

В отечественной науке ключевые аспекты рассматривают такие исследователи, как П.М. Морхат (проблема правосубъектности ИИ), К.В. Шундилов и В.А. Шананин (анализ перспектив и рисков).

За рубежом активно обсуждаются прецеденты использования таких систем как: COMPAS (США) и концепция Smart Court (Китай).

Целью статьи является провести полный анализ использования ИИ в судах, выявить правовые и этические риски, а также предложить модели регулирования.

Объектом исследования будут выступать правоотношения в сфере цифрового судопроизводства. Предметом будут являться алгоритмы ИИ, действующие нормативные акты и судебная практика.

В работе использован формально-юридический метод (анализ норм права), сравнительно-правовой анализ (опыт РФ, США, ЕС, Китая), кейс-метод и имитирование правовых режимов.

Научная вклад заключается в попытке систематизировать риски и предложить модель «этичного ИИ».

Практическая значимость – возможность использования итогов для совершенствования законодательства.

На данный момент одной из самых обсуждаемых тем в юридическом мире является внедрение ИИ в судебную практику. Как отмечают исследователи (К.В. Шундилов и В.А. Шананин), современный суд уже невозможно представить без информационных систем, таких как ГАС «Правосудие» или системы видеоконференцсвязи

Анализируя научные статьи, можно выделить два уровня развития ИИ в суде:

К первому уровню можно отнести «Слабый» ИИ – он автоматизирует рутину, т.е. освобождает судью от лишних дел и дает время для более сложных процессов. Достаточно ярким примером можно привести эксперимент 2021 года в Белгородской области, где ИИ успешно применялся для подготовки судебных приказов по взысканию долгов по налогам и ЖКХ.

Ко второму уровню отнесется «Сильный» ИИ – он способен имитировать более сложные мозговые процессы функции судьи, также способен к самостоятельному рассуждению.

Право – это система правил. ИИ часто воспринимается как такая же система, но это не совсем так. Согласно ФЗ от 24.04.2020 №123-ФЗ (об экспериментальных правовых режимах), ИИ – это комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека. Важно отличать ИИ от простых баз данных (например, «КонсультантПлюс»): базы лишь выдают информацию по запросу, а ИИ способен к анализу и прогнозу.

Принципы применения ИИ должны включать:

- 1) прозрачность (мы должны понимать, почему ИИ пришел к такому выводу);
- 2) недискриминацию (алгоритм не должен быть предвзятым);
- 3) защиту данных и обязательный человеческий контроль.

Эти три принципа закреплены в Рекомендациях Совета Европы и в новом Регламенте ЕС об ИИ, он вводит уровни риска для различных систем.

Сферы применения ИИ в судебной практике.

1. Во-первых, это документооборот. В России на базе ГАС «Правосудие» активно внедряется автоматизация делопроизводства. Это делает суды более открытыми, а юристам и обычным гражданам становится проще взаимодействовать с системой дистанционно, не тратя время на бесконечные поездки.

2. Во-вторых, очень важна аналитика доказательств. ИИ отлично справляется с рутинной: он выявляет скрытые закономерности и обрабатывает такое количество информации, на которое у человека ушли бы недели. Можно привести пример из Великобритании, где нейросеть CaseCruncher AI смогла спрогнозировать исходы дел даже точнее, чем юристы с огромным стажем.

3. В-третьих, ИИ берет на себя функции поддержки судей, помогая рассчитывать госпошлины или процессуальные сроки.

В литературных источниках приводили в пример «Белгородский эксперимент» – там систему тестировали на взыскании налоговых задолженностей, и она показала хорошие результаты. Сюда же можно отнести и стадию исполнения решений, где алгоритмы помогают отслеживать долги и оценивать риски невозврата.

4. В-четвертых, это онлайн-правосудие. В нынешнее время уже никого не удивит биометрией на дистанционных заседаниях или чат-ботами, которые помогают правильно подать иск. Подобные технологии, уже повсюду работают в китайской системе Smart Court.

Тем не менее США с программой COMPAS показал не очень хорошую сторону технологий. Оказалось, что ИИ выдавал предвзятые рекомендации по срокам заключения. Проблема была в самих данных, на которых строилась система, – в итоге это привело к громкому скандалу о дискриминации.

В связи с этим возникают серьезные этические и правовые риски. Самый главный из них – это превращение правосудия в «черный ящик». Современные нейросети проводят миллиарды операций, и весьма часто даже сами программисты не могут понятно объяснить, почему алгоритм выдал именно такой результат, а не другой. Для судебной системы, где каждое решение должно быть обосновано, это огромная проблема.

Дискриминация: ИИ учится на старых данных, если в прошлом была судебная ошибка, то ИИ ее закрепит. Также стоит вопрос защиты данных по ФЗ №152-ФЗ, ведь ИИ обрабатывает очень чувствительную информацию.

Кибербезопасность – это еще одна важная угроза. Взлом судебной системы может привести к фальсификации решений. И самое важное – социальное доверие. Люди хотят, чтобы их судил человек, обладающий правосознанием и совестью, а не «бездушный алгоритм».

В России фундамент правового регулирования заложен Конституцией РФ (право на равенство и тайну личной жизни). Но процессуальные кодексы (ГПК, УПК РФ) пока не готовы под ИИ. ФЗ №123-ФЗ дает возможность для экспериментов, но людям нужны четкие правила.

Ключевые выводы сводятся к следующему.

1. Необходимо сочетать инновации с гарантиями прав человека.

2. Наиболее ключевыми рисками при внедрении ИИ остаются вопросы прозрачности его работы (проблема «черного ящика»), потенциальная дискриминация из-за предвзятости данных и отсутствие ясного механизма ответственности за ошибки алгоритмов.

3. ИИ уже меняет судебную практику, автоматизируя рутинные процессы и предоставляя новые инструменты для анализа. Тем не менее, эффективность и справедливость его применения напрямую зависят от наличия четкой правовой базы, которая бы регулировала его использование.

ИИ должен помогать судье, избавляя его от лишней рутины, но конечное решение всегда должно оставаться за человеком. Как пишет П.М. Морхат, ИИ может быть прекрасным консультантом, но «робот в мантии» пока не может заменить живого судью, обладающего правосознанием. Для нас, студентов первого курса, это означает, что как бы не развивались технологии, они должны остаться инструментом в наших руках, которые будут обеспечивать верховенство и справедливость закона.

Исходя из анализа можно выделить следующие рекомендации.

1. Для законодателя: требуется разработка и принятие специализированного нормативного акта, регулирующего применение ИИ в судебной системе. Этот акт должен определить базовые принципы, требования к прозрачности и сертификации, а также установить ответственность за ошибки.

2. Для судов: внедрение ИИ следует осуществлять этапами, начиная с пробных проектов. Необходимо проводить тщательное тестирование систем, оценивать их эффективность и риски, прежде чем его применять.

3. Для научного сообщества: первостепенной задачей является развитие «объяснимого ИИ», адаптированного для правовой сферы. Это позволит сделать работу алгоритмов открытой и понятной для всех участников процесса.

Направления дальнейших исследований могут быть сосредоточены на более глубоком изучении таких вопросов как:

- 1) влияние ИИ на правовую культуру общества и восприятие правосудия;
- 2) кросс-культурные различия в подходах к принятию судебного ИИ и их правовые последствия;
- 3) разработка этических норм для автономных судебных систем, если они появятся в будущем, и их совместимость с правами человека.

Список литературы

1. Морхат П.М. Право и искусственный интеллект: тезаурус / П.М. Морхат; РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». – М.: Буки Веди, 2019. – 52 с.
2. Шананин В.А. Применение систем искусственного интеллекта в судебной практике / В.А. Шананин // Юридическая наука. – 2022. – № 11. EDN MCLDGC
3. Ширеева Е.В. Правовые основы применения и практики внедрения искусственного интеллекта при осуществлении судебного контроля / Е.В. Ширеева // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2020. – №3 (42).
4. Шундилов К.В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы / К.В. Шундилов // Образование и право. – 2023. – № 8. DOI 10.24412/2076-1503-2023-8-315-321. EDN URKELB

Гаркуша Виктория Михайловна
аспирант, преподаватель
Игнатьев Семён Михайлович
бакалавр, студент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Краснодарский край

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С КИБЕРТЕРРОРИЗМОМ: КВАЛИФИКАЦИЯ, ЮРИСДИКЦИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА САМООБОРОНЫ

Аннотация: целью исследования является анализ ключевых международно-правовых проблем противодействия кибертерроризму. В статье рассматриваются вопросы квалификации данного явления, определения юрисдикции и возможности применения права на самооборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН в ответ на масштабные кибератаки. На основе сравнительного анализа доктринальных подходов и существующего нормативного регулирования выявляются пробелы в международном праве, в частности, отсутствие универсального определения кибертерроризма, единого механизма атрибуции атак и четких критериев отграничения от иных киберпреступлений. Особое внимание уделяется сложностям правовой оценки ущерба от кибертерроризма, который часто носит нематериальный и трудноизмеримый характер. В заключение авторы предлагают комплекс мер, направленных на совершенствование международно-правовой базы, включая разработку новой конвенции под эгидой ООН, установление универсальных стандартов атрибуции и создание глобальной системы обмена оперативной информацией.

Ключевые слова: кибертерроризм, международное право, квалификация преступлений, юрисдикция, право на самооборону, атрибуция, кибератака, нематериальный ущерб.

Стремительная цифровизация глобального общества привела к формированию нового пространства для реализации противоправной деятельности. Традиционные угрозы, такие как терроризм, приобрели кибернетическое измерение, превратившись в серьезный вызов международной безопасности. По экспертным оценкам, в 2025 году только на территории России было зафиксировано свыше 105 тысяч кибератак, что почти в полтора раза превышает показатели предыдущего года [1]. Однако эффективное противодействие кибертерроризму сдерживается существенными пробелами в международном праве. Отсутствие консенсуса в определении понятия, трудности с атрибуцией атак и правовой квалификацией последствий создают «серые зоны», которыми успешно пользуются злоумышленники. Данная статья посвящена анализу этих проблем с фокусом на три ключевых аспекта: международно-правовую квалификацию кибертерроризма, вопросы юрисдикции и спорную возможность применения права на самооборону в киберпространстве.

Фундаментальной проблемой является отсутствие универсального юридического определения «кибертерроризма». В доктрине доминирует подход, согласно которому это явление представляет собой синтез цели терроризма и кибернетических средств ее достижения. Так, В.А. Голубев определяет кибертерроризм как преднамеренную атаку на информацию, компьютерные системы или сети, осуществляемую с целью дестабилизации обстановки, запугивания населения или провокации конфликта [2]. А.А. Паненков и Д. Деннинг акцентируют политический или социальный мотив, подчеркивая, что такие действия направлены на оказание давления на органы власти [3]. Таким образом, ключевыми признаками выступают: 1) использование цифровых инфраструктур в качестве средства или цели атаки; 2) наличие

террористической цели (политической, идеологической, религиозной); 3) намерение вызвать страх, нанести ущерб или принудить к чему-либо государство или международную организацию.

Несмотря на доктринальные разработки, на международном уровне не закреплено единого определения, что порождает несколько правовых проблем.

1. Сложность отграничения от смежных деяний. Без четких критериев кибертерроризм сливается с кибершпионажем, хактивизмом или обычной киберпреступностью, что осложняет выбор правового режима для реагирования.

2. Проблема атрибуции и доказывания. Анонимность в сети, использование прокси-серверов и территорий третьих стран делают установление истинного источника атаки (атрибуцию) крайне сложной задачей. Отсутствие международного органа и универсальных стандартов доказательств в этой сфере вынуждает государства действовать разрозненно [4].

3. Архаичность нормативной базы. Основные действующие документы, такие как Будапештская конвенция о киберпреступности (2001 г.), были приняты в эпоху, когда современные угрозы не были столь очевидны. Они не содержат прямых положений о кибертерроризме, а попытки их адаптации, как показывает практика, часто оказываются недостаточными.

В условиях цифрового пространства, игнорирующего государственные границы, классические принципы юрисдикции (территориальный, национальный) сталкиваются с серьезными вызовами. Атака, инициированная с территории одного государства, через серверы второго, может нанести ущерб инфраструктуре третьего, что порождает конфликт юрисдикций и затрудняет расследование.

Государства вынуждены развивать национальное законодательство (как, например, Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» или Концепция противодействия терроризму) и искать формы международного сотрудничества. Определенные шаги в этом направлении предпринимаются в рамках ООН. Принятые Генеральной Ассамблеей резолюции, такие как №73/27 и №73/187, закладывают основу для правил ответственного поведения государств в киберпространстве и инициируют открытый диалог по противодействию использованию ИКТ в преступных целях [5]. Однако эти документы носят рекомендательный характер, а создание обязательного к исполнению международно-правового режима по-прежнему остается предметом дискуссий.

Наиболее острую дискуссию вызывает вопрос о том, может ли масштабная кибератака, приравненная к акту кибертерроризма, рассматриваться как «вооруженное нападение», дающее право на индивидуальную или коллективную самооборону по статье 51 Устава ООН. Устав не дает расшифровки этого понятия, и его применение к цифровым атакам является правовой новеллой.

Ряд государств (США, Великобритания) в своих стратегических документах заявляют о возможности применения права на самооборону в ответ на кибератаки, последствия которых сопоставимы с традиционным вооруженным нападением. Однако эта позиция сталкивается с серьезными правовыми препятствиями:

1. Проблема порога («threshold»). Какие конкретно критерии (масштаб финансового ущерба, количество жертв, вывод из строя критической инфраструктуры) позволяют квалифицировать кибератаку как «вооруженное нападение»? Единого ответа нет.

2. Проблема соразмерности ответа. Даже если факт вооруженного нападения признан, какой ответ будет считаться соразмерным – кибернетический контрудар или применение традиционных вооруженных сил?

3. Проблема природы ущерба. Ущерб от кибертерроризма часто носит нематериальный (подрыв доверия, паника, дестабилизация) и трудноизмеримый характер, что осложняет его оценку в контексте требований статьи 51 Устава ООН.

Ключевые проблемы применения права на самооборону к кибератакам

Проблема	Суть проблемы	Правовое последствие
Квалификация атаки	Отсутствие международно-признанных критериев, при которых кибератака приравнивается к «вооруженному нападению»	Риск произвольной квалификации и оправдания силовых действий под предлогом самообороны
Атрибуция	Технические и правовые сложности оперативного и неоспоримого доказательства источника атаки	Ответные меры могут быть направлены против невиновного государства, что само по себе является нарушением Устава ООН
Соразмерность ответа	Неясность, какие средства (кибернетические или кинетические) считаются допустимыми для ответа на кибератаку	Эскалация конфликта и выход ответных действий за рамки необходимой обороны

Для преодоления выявленных пробелов необходима консолидированная работа международного сообщества. Авторы статьи предлагают следующие меры.

1. Разработка под эгидой ООН новой международной конвенции по борьбе с кибертерроризмом. Этот документ должен содержать универсальное юридическое определение кибертерроризма, четкие критерии его отграничения от иных киберпреступлений и перечень составов преступлений.

2. Создание международного механизма атрибуции. Целесообразно рассмотреть возможность формирования при ООН или под ее эгидой независимой экспертной группы, которая по запросу государства-жертвы проводила бы расследование и устанавливала источник сложной кибератаки на основе единых стандартов доказательств.

3. Кодификация критериев применения права на самооборону. Необходима выработка и закрепление в международно-правовых документах (например, в виде резолюции Совета Безопасности ООН) конкретных, измеримых критериев, при которых кибератака может считаться вооруженным нападением, а также принципов соразмерного ответа.

4. Усиление оперативного сотрудничества. Развитие на постоянной основе глобальных и региональных платформ для обмена информацией об угрозах, уязвимостях и лучших практиках между национальными CERT (командами реагирования на компьютерные инциденты).

Проведенный анализ позволяет заключить, что современное международное право находится в стадии активного, но еще незавершенного поиска адекватных ответов на вызов кибертерроризма. Основные препятствия носят системный характер: от отсутствия базовых дефиниций до неопределенности с применением фундаментальных норм, таких как право на самооборону. Фрагментарность регулирования и зависимость от национальных подходов создают среду, благоприятную для злоумышленников. Решение проблемы лежит не в адаптации старых инструментов, а в создании новой, целостной международно-правовой конструкции. Ее краеугольными камнями должны стать универсальная конвенция, устраняющая терминологическую неопределенность, и создание механизмов доверия, таких как международная атрибуция и системы обмена данными. Только на такой основе международное сообщество сможет перейти от реактивного противодействия единичным инцидентам к построению устойчивой системы коллективной безопасности в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Данные исследовательского центра RED Security SOC. – URL: <https://www.red-soc.ru/analytics> (дата обращения: 30.12.2025).
2. Голубев В.А. Кибертерроризм как угроза национальной безопасности: монография / В.А. Голубев, С.С. Петров. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 215 с.

3. Паненков А.А. Кибертерроризм как реальная угроза национальной безопасности России / А.А. Паненков // Право и кибербезопасность. – 2018. – № 1. – С. 12–19.
4. Камергоев Б.М. Кибертерроризм в глобальном информационном пространстве / Б.М. Камергоев // Государственная служба и кадры. – 2021. – №1. – С. 158–160. DOI 10.24411/2312-0444-2021-1-158-160. EDN MQPUNJ
5. Тарчоков Б.А. О противодействии угрозам кибертерроризма в глобальном информационном пространстве / Б.А. Тарчоков // Государственная служба и кадры. – 2021. – №1. – С. 148–150. DOI 10.24411/2312-0444-2021-1-148-150. EDN XGCIKL
6. Хамурзов А.Т. Кибертерроризм: новые вызовы и меры противодействия / А.Т. Хамурзов // Журнал прикладных исследований. – 2021. – Т. 2. №3. – С. 74–77. DOI 10.47576/2712-7516_2021_3_2_74. EDN ARTAJU
7. Малик Е.Н. Кибертерроризм как мировая угроза: вызовы и меры борьбы / Е.Н. Малик // Вестник Прикамского социального института. – 2020. – №1. – С. 169–173. EDN QQJHOD

Гурулева Анжелика Андреевна

преподаватель

Кыялбекова Элина Кыялбековна

студентка

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОНАТОВ И СТРИМОВ: НОВЫЕ РИСКИ И ВЗГЛЯД ПОКОЛЕНИЯ Z В ГОРОДЕ КРАСНОЯРСКЕ

Аннотация: статья посвящена исследованию правовых и этических аспектов стремительно растущего рынка стриминга и добровольных пожертвований. На основе опроса студентов Красноярска выявлен разрыв между активным участием молодежи в цифровой экономике донатов и отсутствием у них понимания правовых последствий таких транзакций. Рассматриваются риски для самих пользователей (мошенничество, отсутствие защиты прав потребителя), для стримеров (налоговые и юридические последствия) и для платформ (репутационные и регуляторные риски). Делается вывод о необходимости формирования правовой грамотности в цифровой среде и адаптации законодательства к реалиям «экономики внимания».

Ключевые слова: правовое регулирование, донаты, стриминг, поколение Z, цифровая экономика, финансовые риски, налоговые риски, кибермошенничество.

Стриминг и добровольные пожертвования (донаты) превратились из субкультурного развлечения в полноценный сектор цифровой экономики. Миллионы молодых людей по всему миру ежедневно переводят деньги любимым блогерам, игрокам и музыкантам, воспринимая это как акт поддержки или плату за контент. Однако за фасадом «экономики внимания» скрывается сложная правовая «тёмная сторона»: отсутствие чёткого регулирования, налоговые ловушки для получателей, финансовые риски для зрителей и полная правовая незащищенность сторон в случае конфликтов. Для бизнеса и платформ это создает зону турбулентности, где на кону стоят репутация и многомиллионные обороты.

С одной стороны, донаты стали новым способом монетизации творчества и демократизации культуры, где зритель напрямую влияет на создателя контента. Правовая система часто не успевает за технологиями: донат юридически не является ни покупкой, ни договором дарения в классическом смысле, что создает «серую зону» для мошенничества и уклонения от налогов.

Исследование цифровой и правовой осознанности студентов Красноярска.

Мы провели опрос среди студентов красноярских вузов и СПО (СФУ, КГПУ, СибГУ, Красфин), чтобы понять, как поколение активных пользователей стриминговых сервисов воспринимает правовую сторону донатов.

Вопрос 1. Совершали ли вы когда-нибудь донаты стримерам или блогерам?

1. Да, регулярно (15%).
2. Да, было пару раз (50%).
3. Нет, никогда (35%).

Наши выводы: две трети опрошенных имеют опыт перевода денег блогерам. Это подтверждает, что донаты стали привычным финансовым инструментом для молодежи Красноярска, а не маргинальной практикой.

Вопрос 2. Как вы думаете, обязан ли стример платить налоги с полученных донатов?

1. Да, это доход, как и любой другой (30%).
2. Нет, это подарки от фанатов (50%).
3. Не задумывался об этом (20%).

Наши выводы: половина респондентов квалифицирует донат как «подарок», что демонстрирует «правовую наивность». С точки зрения законодательства РФ, систематическое получение донатов может быть признано предпринимательской деятельностью. Разрыв в восприятии создает зону налогового риска как для самих стримеров, так и для платформ, которые могут быть признаны налоговыми агентами.

Вопрос 3. Что вы почувствуете, если переведете деньги стримеру, а он не выполнит обещанное (например, не сыграет в обещанную игру)?

1. Ничего, это был подарок, я не жду ничего взамен (55%).
2. Разочарование, но вернуть деньги не пытался бы (35%).
3. Попытаюсь вернуть деньги через банк или суд (10%).

Наши выводы: поколение Z проявляет фатализм в отношении потраченных в сети денег. Большинство не рассматривает донат как сделку, защищенную законом о правах потребителя. Это создает благоприятную среду для недобросовестных стримеров и мошенников, так как пользователи сами отказываются от защиты.

Вопрос 4. Сталкивались ли вы с мошенничеством под видом сбора донатов (фейковые сборы, взлом аккаунтов)?

1. Да, сталкивался лично (15%).
2. Видел такие случаи у других (60%).
3. Нет, никогда (25%).

Наши выводы: проблема широко распространена. Три четверти студентов так или иначе контактировали с мошенничеством в этой сфере. Несмотря на это, уровень правового нигилизма остается высоким, так как механизм возврата средств через платформы непрозрачен, а обращаться в полицию из-за небольших сумм готовы единицы.

Вопрос 5: Кто, по вашему мнению, должен нести ответственность, если стример обманул зрителей и исчез с деньгами?

1. Сам стример (40%).
2. Стриминговая платформа (Twitch, YouTube, VK) (45%).
3. Государство (15%).

Наши выводы: молодежь возлагает высокую ответственность на платформы, воспринимая их как гаранта безопасности. Это создает репутационный риск для цифровых экосистем: любой громкий случай мошенничества будет ассоциироваться не только с конкретным блогером, но и с площадкой, допустившей это.

Ключевые выводы.

1. Правовой нигилизм в цифре: студенты активно участвуют в донат-экономике, но не осознают себя субъектами правовых отношений (ни как «покупатели», ни как «дарители»).

2. Налоговая слепота: преобладает мнение, что донат – это «подарок», не облагаемый налогом. Это создает риски для стримеров, которые могут столкнуться с доначислениями налогов и пенями, а также для платформ, которым регуляторы могут предъявить претензии как к организаторам незаконной предпринимательской деятельности.

3. Кризис доверия и мошенничество: высокий уровень встречаемости с мошенничеством (75%) на фоне низкой правовой активности формирует «культуру списанных потерь», что снижает общее доверие к цифровой экономике.

4. Региональная специфика: в Красноярске, где IT-сфера активно развивается, многие студенты сами являются начинающими блогерами. Отсутствие знаний о налогах и регистрации самозанятости для стримеров может привести к проблемам с ФНС уже на ранних этапах их карьеры.

Рекомендации для бизнеса и платформ.

1. Внедрение «правовых подсказок», к примеру, платформам (VK video и др.) необходимо интегрировать интерфейсные подсказки о природе транзакции: «Вы делаете пожертвование. Права на возврат регулируются правилами платформы».

2. Интеграция с самозанятостью также является упрощением процедур для стримеров по легализации доходов (например, создание партнерств с налоговыми службами для автоматической уплаты налогов при выводе средств, как это тестируется на некоторых маркетплейсах).

3. Образовательные кампании, такие как совместные проекты платформ и вузов по повышению налоговой и цифровой грамотности. Не лекции о морали, а практикумы: «Как открыть самозанятость для стрима», «Что делать, если вас обманули в сети».

Проведенное исследование среди студентов Красноярска выявило новый контур рисков для цифровой экономики: разрыв между активным использованием финансовых инструментов и отсутствием элементарной правовой грамотности.

Поколение Z в Красноярске:

- активно донатит (65% имеют опыт);
- не считает донаты объектом налогообложения (50%);
- готово мириться с потерей денег в случае обмана (90% не будут возвращать);
- возлагает ответственность за мошенников на платформы (45%).

Это создает «правовую ловушку»: платформы получают прибыль с оборота, но не несут юридической ответственности за транзакции, а пользователи остаются один на один с мошенниками, даже не пытаясь защищать свои права.

Ключевой вывод для советов директоров и платформ

Управление рисками в сфере донатов и стримов требует перехода от политики невмешательства к созданию безопасной и прозрачной среды. Недостаточно просто предоставить техническую возможность перевода денег. Необходимо формировать правовую культуру транзакций.

Платформы, которые первыми начнут внедрять инструменты налогового партнерства, образовательные модули и механизмы защиты от мошенничества (например, страхование донатов или эскроу-счета), получат колоссальное конкурентное преимущество.

Компании Красноярского края, работающие в медиа и IT-сфере, могут стать пионерами в создании гибридных сервисов, где поддержка блогера сочетается с юридической прозрачностью. Это позволит не только снизить риски, но и сформировать лояльность нового поколения, которое уже устало от цифрового мошенничества и ищет честных и безопасных цифровых партнеров.

В то же время, отсутствие реакции со стороны регуляторов и бизнеса на «правовую серую зону» донатов приведет к тому, что этот рынок либо уйдет в тень, либо столкнется с жесткими и не всегда адекватными законодательными ограничениями, как это уже произошло с рынком онлайн-казино и финансовых пирамид, маскирующихся под донаты. Регуляторы по всему миру, включая Россию, уже обращают внимание на потоки денег в стриминге. Адаптация законодательства и proactive-позиция бизнеса – единственный способ избежать репрессивного сценария развития событий.

Список литературы

1. Воронов М.В. Системы искусственного интеллекта: учебник и практикум / М.В. Воронов, В.И. Пименов, И.А. Небаев. – 2026.
2. Валько Д.В. Экономическая безопасность: учебник для вузов / Д.В. Валько. – 2026.
3. Мировая экономика и международные экономические отношения в условиях полицентризма / под ред. О.В. Буториной, Э.Н. Смирнова. – 2024.
4. Аксёнов А.П. Фондовые рынки развивающихся стран: анализ и инвестиционные стратегии / А.П. Аксёнов, М.Д. Лысенко. – 2022.
5. Звонова Е.А. Глобальные финансы: новые реалии и тренды / Е.А. Звонова, А.С. Булатов. – 2023.

Каковина Вера Ивановна

студентка

Научный руководитель

Вергейчик Ольга Сергеевна

заместитель директора

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ КАК ИНСТРУМЕНТ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ

Аннотация: в статье рассматривается электронный документооборот как инструмент повышения эффективности налогового контроля в условиях цифровой трансформации экономики. Проанализирована роль электронных форм взаимодействия в модернизации налогового администрирования и развитии аналитической модели налогового контроля. Особое внимание уделено использованию электронного документооборота в деятельности налоговых органов, включая электронную отчетность и специализированные информационные системы ФНС России [2, с. 109; 7]. На основе статистических данных показаны масштабы внедрения электронного документооборота и его влияние на сокращение сроков камеральных проверок. Рассмотрены основные преимущества и риски цифровизации документооборота в налоговой сфере, включая вопросы информационной безопасности.

Ключевые слова: электронный документооборот, налоговый контроль, цифровая экономика, цифровизация, ФНС России.

Цифровая трансформация экономики оказывает существенное влияние на систему налогового администрирования, изменяя формы взаимодействия государства и налогоплательщиков и предъявляя новые требования к механизмам налогового контроля. Переход к электронным формам ведения хозяйственной деятельности, рост объемов обрабатываемой информации и развитие автоматизированных информационных систем обуславливают необходимость отказа от преимущественно бумажных способов документооборота в пользу электронных. В данных условиях электронный документооборот становится важным элементом цифровой инфраструктуры налоговой системы, обеспечивая оперативный и юридически значимый обмен

информацией между налоговыми органами и участниками налоговых правоотношений, а также создавая предпосылки для повышения прозрачности и эффективности налогового контроля [2, с. 108; 6, с. 69].

Развитие электронного документооборота в Российской Федерации осуществляется в рамках государственной политики цифрового развития. Указ Президента РФ от 09.05.2017 №203 закрепляет стратегические направления формирования информационного общества и предусматривает расширение применения цифровых технологий в деятельности органов государственной власти, включая контрольно-надзорные функции [1]. Реализация данных положений в налоговой сфере осуществляется при активном участии Федеральной налоговой службы Российской Федерации, которая последовательно внедряет электронные сервисы, автоматизированные системы обработки данных и инструменты электронного взаимодействия с налогоплательщиками.

Развитие цифровой экономики приводит к трансформации механизмов налогового контроля, расширяя возможности использования информационных технологий и автоматизированных аналитических инструментов. Современные налоговые системы ориентированы на обработку значительных массивов данных, поступающих в электронном виде, что позволяет осуществлять контроль в режиме, приближенном к реальному времени [3, с. 896]. В этих условиях возрастает значение электронного документооборота как основного источника структурированной информации о хозяйственных операциях налогоплательщиков.

Цифровизация налогового контроля способствует переходу к риск-ориентированному подходу, при котором контрольные мероприятия основываются на аналитической оценке данных и выявлении потенциальных нарушений без непосредственного вмешательства в деятельность хозяйствующих субъектов. Электронный документооборот обеспечивает сопоставимость и полноту налоговой информации, формируя информационную базу для функционирования автоматизированных систем налогового контроля и последующего анализа налоговых рисков [6, с. 73]. Это предопределяет необходимость более детального рассмотрения практических аспектов использования электронного документооборота в деятельности налоговых органов и его влияния на результаты налогового контроля.

Внедрение электронного документооборота существенно изменило практику осуществления налогового контроля, расширив возможности налоговых органов по сбору, обработке и анализу информации. Одним из базовых элементов цифрового взаимодействия является электронная налоговая отчетность, которая в настоящее время стала основной формой представления деклараций и расчетов. Использование электронных форм отчетности позволяет обеспечить стандартизацию представляемых данных, снизить количество формальных ошибок и ускорить их обработку в автоматизированных информационных системах налоговых органов [2, с. 109].

Важную роль в системе электронного налогового контроля играют специализированные информационные системы, разработанные и внедрённые ФНС России. К их числу относится автоматизированная система контроля налога на добавленную стоимость (АСК НДС), которая обеспечивает сопоставление данных счетов-фактур по всей цепочке хозяйственных операций и позволяет выявлять разрывы, указывающие на возможные схемы уклонения от налогообложения. Существенное значение имеет также личный кабинет налогоплательщика, обеспечивающий двусторонний электронный обмен документами и информацией, а также иные цифровые сервисы, интегрированные в единую информационную инфраструктуру налоговых органов [7]. Использование данных инструментов формирует технологическую основу для повышения эффективности налогового контроля и перехода к аналитической модели администрирования: рост числа выявленных налоговых расхождений при одновременном сокращении количества выездных проверок подтверждает повышение результативности контрольной деятельности в условиях цифровизации.

Применение электронного документооборота в налоговой сфере сопровождается рядом существенных преимуществ, оказывающих положительное влияние на эффективность налогового контроля. Одним из ключевых эффектов является снижение административных издержек как для налоговых органов, так и для налогоплательщиков. Отказ от бумажных носителей, автоматизация процессов обработки документов и сокращение числа очных взаимодействий позволяют оптимизировать временные и финансовые затраты участников налоговых правоотношений [5, с. 274].

Важным преимуществом электронного документооборота является оперативность выявления налоговых правонарушений. Использование автоматизированных аналитических инструментов позволяет выявлять отклонения и несоответствия в отчетных данных на ранних стадиях, до проведения контрольных мероприятий в традиционном формате. Это усиливает превентивную функцию налогового контроля и способствует снижению количества серьезных налоговых нарушений.

Вместе с тем масштабы внедрения электронного документооборота в налоговой системе Российской Федерации наглядно отражаются в динамике доли налоговой отчетности, представляемой в электронном виде. В период с 2019 по 2023 гг. данный показатель приблизился к практически полному охвату налогоплательщиков: если в 2019 г. электронно представлялось около 90% налоговых деклараций, то к 2023 г. их доля превысила 99%. В 2024–2025 гг. высокий уровень цифровизации отчетности сохраняется, что свидетельствует о закреплении электронных форм взаимодействия в практике налогового администрирования. Указанная динамика представлена на рисунке 1, отражающем последовательное сокращение объемов бумажного документооборота [7].

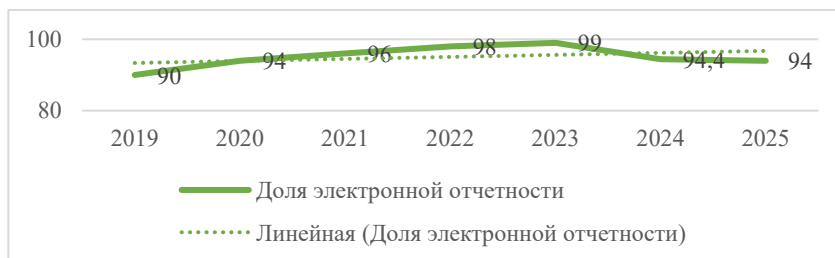

Рис. 1. Доля электронной налоговой отчетности в РФ за 2019–2025 гг.

Рост объемов электронного документооборота сопровождается увеличением количества электронных документов, обрабатываемых Федеральной налоговой службой. Современные информационные системы ФНС позволяют ежегодно обрабатывать миллиарды электронных документов, включая налоговую отчетность, счета-фактуры, требования и уведомления. Концентрация значительных массивов структурированных данных создает условия для применения автоматизированных методов анализа и контроля, что ранее было невозможно при преобладании бумажных носителей.

Одним из практических эффектов цифровизации документооборота является сокращение сроков проведения камеральных налоговых проверок. Переход к электронному формату представления данных и их автоматизированной обработке позволяет выявлять расхождения в отчетности на ранних этапах, без дополнительного истребования документов у налогоплательщиков. В результате продолжительность камеральных проверок сокращается, а их результативность повышается за счет использования риск-ориентированных алгоритмов отбора и анализа информации [3, с. 896]. Указанные тенденции могут быть визуализированы в виде графика «Рост использования электронного документооборота в налоговом

администрировании», отражающего взаимосвязь между объемами электронных данных и эффективностью контрольных процедур.

Внедрение электронного документооборота оказывает комплексное влияние на результаты налогового контроля, изменяя как количественные, так и качественные показатели его эффективности. Одним из значимых эффектов является повышение собираемости налогов, обусловленное ростом прозрачности налоговых операций и возможностью оперативного сопоставления данных, поступающих от различных участников хозяйственного оборота. Электронный формат взаимодействия снижает возможности для сокрытия налоговой базы и использования формальных пробелов в документообороте.

Использование электронных форм отчетности и автоматизированных систем контроля способствует снижению числа ошибок, допускаемых при заполнении налоговых деклараций. Встроенные алгоритмы проверки корректности данных и формального соответствия показателей позволяют выявлять арифметические и логические несоответствия до принятия отчетности налоговыми органами. Это снижает нагрузку на систему налогового контроля и одновременно упрощает исполнение налоговых обязанностей для добросовестных налогоплательщиков [2, с. 110].

Дополнительным эффектом внедрения электронного документооборота является упрощение взаимодействия налогоплательщиков с налоговыми органами. Использование личных кабинетов и электронных сервисов позволяет получать требования, направлять пояснения и представлять документы в дистанционном формате, что снижает транзакционные издержки и повышает уровень добровольного соблюдения налогового законодательства. Материалы ФНС России и ОЭСР подчеркивают, что развитие цифровых форм взаимодействия способствует формированию партнерской модели налоговых отношений и повышению доверия к налоговой системе [7].

Проведенный анализ подтверждает, что электронный документооборот является ключевым элементом цифровой инфраструктуры налогового администрирования и играет системообразующую роль в трансформации механизмов налогового контроля. Использование электронных форм взаимодействия, автоматизированных информационных систем и аналитических инструментов позволяет повысить результативность камерального контроля, сократить сроки проведения проверок и обеспечить более полное выявление налоговых расхождений, в том числе по налогу на добавленную стоимость [3, с. 897].

В то же время дальнейшее развитие электронного документооборота в налоговой сфере требует учета рисков, связанных с информационной безопасностью и устойчивостью функционирования цифровых систем, а также совершенствования механизмов защиты налоговой информации и нормативно-правового регулирования цифровых процессов [4, с. 114].

Список литературы

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ №203: принят 9 мая 2017 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 15.02.2026).
2. Бубнова М.Э. Электронный документооборот при осуществлении налогового контроля в условиях информационного общества / М.Э. Бубнова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – №6. – С. 107–110.
3. Дзагоева М.Р. Тенденции развития информационных налоговых систем как фактора оптимизации налогового контроля НДС / М.Р. Дзагоева // Вестник Академии знаний. – 2024. – №6 (65). – С. 895–897. EDN WRNWMV
4. Обеспечение экономической безопасности в системе электронного документооборота в условиях цифровой трансформации бизнеса / Л.С. Исачкова, Н.А. Асанова, С.Ю. Хут, Ф.Р. Ешугова // Вестник Академии знаний. – 2021. – №4 (45). – С. 113–117.
5. Левушкова О.А. Перспективы развития электронного документооборота в налоговой системе Российской Федерации / О.А. Левушкова, О.Г. Денисова, В.В. Кирячек // Вестник Академии знаний. – 2021. – №3 (44). – С. 272–275.

6. Митин Д.А. Развитие налогового администрирования в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации / Д.А. Митин // Налоги и налогообложение. – 2024. – №3. – С. 66–96. DOI 10.7256/2454-065X.2024.3.70812. EDN MLEFLF

7. Электронный документооборот // Официальный сайт ФНС России. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/el_doc/ (дата обращения: 04.02.2026).

Китарюгло Александр Георгиевич

канд. филос. наук, преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»

г. Красноярск, Красноярский край

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВА И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация: рассматриваются вопросы влияния процесса цифровизации на сферу права и правосознание. Анализируются её возможные краткосрочные и долгосрочные последствия, риски и пути их минимизации, отмечена её положительная роль в углублении понимания природы человека, его прав и свобод.

Ключевые слова: цифровизация, социальная трансформация, правосознание, краткосрочные последствия, долгосрочные последствия, философская коллизия, правовая коллизия.

Современная нам человеческая цивилизация находится на границе смены пятого и шестого технологических укладов. Последующий является органическим продолжением и развитием предыдущего. На новый, более совершенный уровень, выходит освоение источников энергии, микро- и нанoeлектроники, биотехнологий, генной инженерии... Однако его наступление неравномерно по времени и территориально. Во второй четверти нынешнего столетия доля шестого технологического уклада в наиболее развитых странах составляла около 10% [2, с. 44]. Технологическим фундаментом, прочно связывающим эти глобальные этапы социально-экономического развития, являются цифровизация, роботизация, Интернет, и искусственный интеллект (ИИ) [3, с. 3].

Несмотря на то, что нет «единого общепринятого определения понятия термина «цифровизация» [6, с. 1, 2], можно зафиксировать несколько инвариантных аспектов его содержания: представление информации в цифровом (двоичном) формате, массовое использование носителей, каналов и обработчиков (компьютеров) цифровой информации, проникновение этого формата в подавляющее большинство социальных институтов и бытосферу.

За последние несколько десятилетий эти технологии получили настолько мощное развитие и распространение в общепланетарном масштабе, что правомерно говорить об изменениях, вызываемых цифровизацией «во всех сферах жизни, причём эти изменения по своим масштабам схожи с очередной технической революцией» [4, с. 36] Необходимо, однако, отметить, что темпы цифровизации ощутимо обгоняют скорость адаптации правосознания к привносимым ею реалиям в нашу жизнь.

Изменение мира, обусловленное процессом цифровизации, неизбежно вызывает противоречие между действующим правом и быстро развивающимися общественными отношениями, которые оно призвано регулировать. «Лавинообразное развитие цифровых технологий происходит с опережением законодательного регулирования их использования» [1, с. 55].

Многие авторы отмечают негативное влияние цифровизации на психику и психологию человека, что, в свою очередь, неминуемо сказывается в том числе и на изменении правосознания, являющегося органической частью сознания общественного. В частности, в научной литературе упоминается феномен «клипового» сознания, когда «люди утрачивают навыки анализа текстов и комплексного восприятия существующих проблем» [4, с. 38]. Ущербность восприятия реальности и подверженность различного рода технологиям целенаправленного

информационного воздействия делает возможным «добиваться от человека совершения определенных поступков, выгодных тем, кто эти технологии применяет. Как следствие, правосознание субъекта правоприменения, существующего в условиях цифровой среды, закономерно выступает объектом манипулирования» [4] Цифровизация также меняет формат восприятия человеком реальности, последняя предстаёт в этом изводе как сложно-компонентная, гибридная, дополненная. Исчезает граница между виртуальностью и реальностью. «Особую озабоченность ... вызывает возникновение сращенной (смешанной) реальности, которую люди начинают воспринимать как норму жизни» [5, с. 245] Отсутствие единой надёжной и общепринятой системы координат с высокой вероятностью может стать предпосылкой двойственных, противоречивых умозаключений и весьма осложнить продуктивность социального взаимодействия.

Ещё одной опасностью виртуальной среды является проблема идентификации пользователя и использование неаутентичных аккаунтов. Мы вошли в эпоху массовых фальсификаций, двойников и фейков, когда нет никакой уверенности в том, что человек действительно общается с тем «человеком» в Интернете, кем его собеседник представился. Даже голос и изображение человека уже не являются достаточной гарантией аутентификации. Многие исследователи предупреждают, что в самом ближайшем будущем интернет-боты станут практически неотличимы от человеческих аккаунтов. Искусственный интеллект и его агенты всё больше приобретают черты социального взаимодействия [8, с. 48–49].

В научном правовом дискурсе давно обсуждается проблема правосубъектности интернет-ботов, как, собственно, и проблема правового статуса ИИ, что является общеправовой проблемой, выводящей исследователя на фундаментальные вопросы о сущности природы человека и интеллекта (что выходит за рамки нашего рассмотрения). Мы склонны согласиться с теми учёными, которые не видят достаточных оснований в наделении конкретных проявлений ИИ статусом правосубъектности. «На наш взгляд, характеристика программ, действующих на основе алгоритмов искусственного интеллекта и воплощённых в любых цифровых формах, как субъекта правоотношений в силу природы и сущностного наполнения не представляется допустимой» [8].

Ещё одной проблемой является сама возможность инкриминации. Вина есть психическое отношение субъекта к своему поступку. Поскольку у робота психика отсутствует, понятие вины как психического акта к нему неприменимо. «Без вины нет и деликтоспособности – неотъемлемой составной части правосубъектности. Вопрос о возможной юридической ответственности в случае наделения правосубъектностью робота-правоприменителя остаётся открытым» [4, с. 44].

Остаётся актуальным вопрос о соотношении долгосрочных и краткосрочных эффектов цифровизации для социума в целом. Драматизм методики его рассмотрения заключается в том, что пока ещё не хватает эмпирических данных для понимания динамики и направленности её влияния на социум и человеческую психику. С одной стороны, налицо довольно ощутимое увеличение эффективности работы с информацией, повышение КПД различных секторов экономики. С другой стороны, существуют множественные отнюдь не виртуальные риски её имплементации, например – сокращение рабочих мест, фрагментация сознания пользователей, проблема размывания самоидентичности личности, шизоморфное восприятие реальностей (природной и виртуальной), симулякризация и следующая за ней манипуляция человеческим мировоззрением и поведением посредством фейковых аватаров.

«Для обеспечения стопроцентной доступности и инклюзивности у человека всегда остаётся право выбора, в какой форме реализовать свои права – дистанционно или очно» [1, с. 57]. Иными словами, цифровизация со всей определённой акцентировала естественный и неотчуждаемый характер права человека на бесцифровую среду, что должно позволить избежать цифрового фашизма.

Хотя человек имеет право на анонимность и забвение, к сожалению, «...анонимное использование интернет-ресурсов показало довольно низкий уровень правовой культуры» [7, с. 487].

Таким образом, цифровизация выступает генератором новых рисков и вызовов для правосознания, и в то же время стимулом и предпосылкой для более глубокого осмысления самой природы человека и границ его прав и свобод.

Список литературы

1. Галиев Р.С. Трансформация реализации правового статуса личности в эпоху цифровизации / Р.С. Галиев, А.В. Иванов, Р.Ф. Насыров // Алтайский юридический вестник. – 2024. – №4 (48). – С. 54–59. EDN CTFLVM
2. Кравец Е.О. Влияние технологического уклада на экономическое развитие / Е.О. Кравец // Региональная и отраслевая экономика. – 2023. – №S2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-technologicheskogo-uklada-na-ekonomicheskoe-razvitiye> (дата обращения: 23.02.2026).
3. Павлов В.И. Взаимосвязь экономической и технологической безопасности государства в условиях шестого технологического уклада / В.И. Павлов, С.В. Шкодинский, Х.К. Зоидов // РППЭ. – 2024. – №9 (167). – URL: <https://clck.ru/3SJWfU> (дата обращения: 20.02.2026).
4. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений / Д.А. Пашенцев // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2020. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravoprimeneniya-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obschestvennyh-otnosheniy> (дата обращения: 13.02.2026). DOI 10.21638/spbu14.2020.103. EDN ERGCMS
5. Певцова Е.А. Формирование правовой культуры несовершеннолетних в условиях цифровизации правовой жизни общества / Е.А. Певцова, В.М. Сапогов. – 2021. – №470. – С. 242–252. – DOI: 10.17223/15617793/470/30. EDN ACPBVT
6. Петренко И.А. Влияние цифровизации на правосознание населения в современной России: сущность и проблемные аспекты / И.А. Петренко, М. Курзаков, Е.А. Магомедова // Cifra. Право. – 2025. – №3 (7). – URL: <https://law.cifra.science/media/articles/20193.pdf>. – DOI: 10.60797/LAW.2025.7.4 (дата обращения: 24.02.2026). EDN KWGENV
7. Черемисинова М.Е. Правовая культура в виртуальном пространстве / М.Е. Черемисинова // RUDN Journal of Law. – 2024. – Т. 28. №3. – С. 477–493. DOI 10.22363/2313-2337-2024-28-3-477-493. EDN FDEMTV
8. Ширинских П.И. Правовое регулирование искусственного интеллекта в метавселенных: от рисков антропоморфизации к пределам цифровой субъектности / П.И. Ширинских // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-metavselennyh-ot-riskov-antropomorfizatsii-k-predelam-tsifrovoy-subektnosti> (дата обращения: 22.02.2026). DOI 10.18522/2313-6138-2025-12-3-6. EDN NLEYGD

Плетнёв Дмитрий Сергеевич

бакалавр, преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ЗАЩИТА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ

Аннотация: *цифровое пространство сегодня – неотъемлемая часть жизни любого человека, но наибольшую активность в интернете проявляют дети. Согласно статистике, подростки в возрасте 12–17 лет пользуются интернетом ежедневно, проводя в среднем более 6 часов в сутки онлайн. Социальные сети, мессенджеры, развлекательные приложения – всё это может стать платформами, несущими потенциальную опасность для детей: утечка персональных данных, вредоносный контент, кибербуллинг, вовлечение в преступные сообщества.*

В связи с этим защита несовершеннолетних в цифровом пространстве – задача, которая требует комплексного подхода: взаимодействия государства, образовательных учреждений, родителей и детей.

В статье представлены правовые механизмы, регулирующие использование интернета детьми, и превентивные меры, обеспечивающие безопасность несовершеннолетних в сети.

Ключевые слова: цифровое пространство, кибербуллинг, троллинг, кибербезопасность, цифровая гигиена, онлайн-гrooming, цифровая зависимость.

Процесс цифровой трансформации социума открывает множество новых возможностей для самореализации и развития молодого поколения, вместе с тем ставя под серьёзную угрозу их безопасность в сети. Согласно исследованиям, проведенным онлайн-школой «Фоксфорд», больше половины опрошенных подростков (55%) сталкивались с кибербуллингом. В большинстве случаев юные респонденты имели дело с троллингом (грубость, оскорбления в свой адрес) – 84% опрошенных [7].

Одним из первых документов, определивших общие принципы защиты детей от вредной информации, которые в дальнейшем развивались в контексте цифрового пространства, стала Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года.

Статья 17 обязывает государства-участники «признавать важную роль средств массовой информации и обеспечивать, чтобы ребёнок имел доступ к информации и материалам из различных национальных и международных источников, особенно к такой информации и материалам, которые направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию ребёнка» [3].

Пункт «е» этой статьи предписывает государствам «поощрять разработку надлежащих принципов защиты ребёнка от информации и материалов, наносящих вред его благополучию, учитывая положения статей 13 и 18» [3].

Главным нормативным актом, обеспечивающим безопасность детей от вредной информации в Российской Федерации, является Федеральный закон №436-ФЗ от 29 декабря 2010 года «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Документ определяет пять ступеней возрастной классификации контента (0+, 6+, 12+, 16+, 18+) и обязывает распространителей информации указывать возрастные ограничения. С 2021 года закон также регулирует распространение информации в социальных сетях и мессенджерах [9].

Защиту персональных данных несовершеннолетних определяет Федеральный закон №152-ФЗ «О персональных данных», содержащий специальные положения о защите персональных данных детей. Например, законом запрещена обработка биометрических данных несовершеннолетних без согласия родителей [10].

Административная ответственность за распространение среди детей продукции, «содержащей информацию, причиняющую вред их здоровью или развитию, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния», предусмотрена статьей 6.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) [2].

Уголовная ответственность наступает по следующим статьям [8].

1. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ).
2. Вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность (ст. 150 УК РФ).
3. Сексуальная эксплуатация детей в интернете (ст. 135 УК РФ).

Несмотря на наличие нормативно-правовых актов, на сегодняшний день можно обозначить следующие проблемы.

1. Возрастная маркировка не соответствует содержанию контента.
2. Глобальный характер интернета создаёт трудности в реализации российского законодательства в отношении иностранных ресурсов.
3. Стремительное развитие технологий опережает правовое регулирование.

К основным превентивным мерам обеспечения цифровой безопасности можно отнести следующие: технические средства защиты, цифровая гигиена и просветительские программы, профилактика специфических угроз.

Технические средства защиты. Одним из инструментов, ограничивающих доступ несовершеннолетних к запрещенным материалам, является система родительского контроля, работающая как на уровне операционных систем (Google Family Link, Apple Screen Time), так и посредством провайдера интернет-услуг и оператора сотовой связи.

Родительский контроль позволяет фильтровать контент по заданным словам и категориям, устанавливать ограничение на пребывание в сети, блокировать доступ к опасным приложениям и сайтам, отслеживать местонахождение ребёнка.

Следует отметить и развитие технологий возрастной верификации в цифровом пространстве. В Общественной палате предложили ввести идентификацию для доступа к контенту 18+ в интернете. Евгений Машаров, член Научно-консультативного совета при Общественной палате Российской Федерации, утверждает: «Развитие технологий нельзя останавливать, однако меры по защите детей и обеспечению безопасного цифрового пространства необходимо принимать уже сегодня. Отдельные несовершеннолетние под влиянием интернет-среды попадают в рискованные ситуации, в том числе вовлекаются в противоправные действия ради небольшого вознаграждения» [6].

Понятие «цифровая гигиена» было впервые опубликовано в 2006 году специалистом по кибербезопасности Эдуардо Гельбштайном в книге «Good Digital Hygiene: A guide to staying secure in cyberspace».

Цифровая гигиена – это «совокупность практик, правил и организационных мероприятий, направленных на безопасное, ответственное и здоровое использование цифровых устройств, сервисов и сетевых ресурсов» [1].

Цифровую гигиену необходимо рассматривать как неотъемлемую составляющую воспитания современного подростка. Основные принципы: □

- обучение критическому восприятию информации;
- работа по защите персональных данных;
- формирование навыков уважительного общения в онлайн-коммуникации;
- установление «цифровых границ» в семье (например, отказ от использования гаджета во время приёма пищи).

В рамках просветительской деятельности Министерство просвещения РФ разработало методические рекомендации по реализации мер информационной безопасности детей в образовательных организациях, которые предполагают внедрение тем цифровой безопасности в учебные программы и проведение периодических родительских собраний по данной тематике [5].

Противодействие специфическим угрозам.

Эффективная профилактика кибербуллинга предполагает:

- открытие анонимных каналов информирования о травле в школе;
- разработку курсов повышения квалификации для педагогов по распознаванию признаков кибербуллинга;
- создание психологической службы для профилактической работы с потенциальными жертвами и агрессорами.

Особого внимания требует онлайн-груминг – «сексуальное домогательство по отношению к детям, реализуемого в сети интернет, и разновидности сексуальной эксплуатации детей» [4].

Профилактическая работа подразумевает обучение детей распознавать манипуляцию (чрезмерную заинтересованность незнакомца, просьбы оставить в секрете общение,

предложения встреч и пр.) и незамедлительно ставить в известность родителей или учителей о подозрительных контактах.

Еще одна потенциальная опасность – «цифровое слабоумие». Манфред Шпитцер, немецкий нейробиолог и психиатр, определяет его как «чрезмерное использование цифровых устройств, приводящее к разрушению познавательных способностей» [11].

Основные идеи Шпитцера:

- чрезмерное использование гаджетов приводит к социальной изоляции; снижает эмпатию; провоцирует проблемы с эмоциональной регуляцией; формирует «клиповое мышление»;
- раннее приобщение детей к виртуальному миру «отрывает» их от реальной жизни, что имеет негативные последствия для когнитивных процессов.

Рекомендации, предложенные М. Шпитцером в контексте проблемы цифровой зависимости: ограничение пребывания детей в интернете, исключение гаджетов из процесса обучения, тренировка памяти и внимания посредством заучивания материала, развивающих игр, анализа и пересказа текстов, стимулирование офлайн-активности (живое общение с семьей, друзьями, чтение книг, прогулки на свежем воздухе, занятие спортом), что стимулирует работу различных участков мозга.

Для обеспечения безопасности детей в цифровом пространстве необходим комплексный подход, сочетающий строгое правовое регулирование, применение современных технических решений и полноценная просветительская деятельность. Только при системной работе по формированию у детей навыков цифровой гигиены и созданию безопасной инфраструктуры возможна реализация их прав в цифровую эпоху без ущерба для здоровья и самореализации.

Список литературы

1. Гельбштейн Э. Good Digital Hygiene: A guide to staying secure in cyberspace / Э. Гельбштейн. – 1-е изд. – Bookboon.com, 2013. – 86 с. – ISBN 978-87-403-0577-7.
2. Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ). – URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 16.02.2026).
3. Конвенция о правах ребёнка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – №45. – Ст. 955.
4. Медведева А.С. Характеристики онлайн груминга как вида сексуальной эксплуатации несовершеннолетних (по результатам анализа переписок взрослых и детей в сети Интернет) / А.С. Медведева, Е.Г. Дозорцева // Психология и право. – 2019. – Т. 9. №4. – С. 161–173. EDN VHKAUY
5. Методические рекомендации по обеспечению государственных и муниципальных образовательных организаций, реализующих программы начального общего, основного общего, среднего общего и среднего профессионального образования, оптимальным и безопасным доступом к государственным, муниципальным и иным информационным системам, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» / Минпросвещения России, Минцифры России. – М., 2025. – 11 с.
6. В ОП предложили ввести идентификацию для доступа к контенту 18+ в интернете // РИА Новости. – 2025. – 21 окт. – URL: <https://ria.ru/20251021/internet-2049496070.html> (дата обращения: 16.02.2026).
7. Большинство подростков в России знают, как вести себя при кибербуллинге // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/11242357> (дата обращения: 16.02.2026).
8. Уголовный кодекс РФ. – URL: <https://base.garant.ru/10108000/> (дата обращения: 16.02.2026).
9. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон №436-ФЗ: принят 29 декабря 2010 года. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/32492> (дата обращения: 05.02.2026).
10. О персональных данных: Федеральный закон №152-ФЗ: принят 27 июля 2006 года: ред. от 14.07.2024. – URL: <https://base.garant.ru/12148567/> (дата обращения: 01.02.2026).
11. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / М. Шпитцер. – М.: АСТ, 2013. – 288 с.

Русакова Кристина Владимировна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: стремительное развитие электронной коммерции создало новую форму взаимодействия между производителями и потребителями, преодолевающую территориальные и социально-экономические препятствия. Ключевой проблемой становится необходимость правового регулирования деятельности цифровых платформ, направленного на сбалансированное удовлетворение интересов маркетплейсов, продавцов, покупателей и иных участников рынка.

Ключевые слова: электронная коммерция, платформенная экономика, регулирование цифровых платформ, маркетплейсы, селлеры.

Развитие электронной коммерции привело к формированию нового формата торговых взаимоотношений между поставщиками и покупателями, стирая традиционные географические и социально-экономические ограничения. Однако специфика цифрового пространства порождает серьезные правовые вопросы, касающиеся регулирования деятельности онлайн-платформ и сервисов. Проблематика специальной правовой регламентации цифровых платформ приобрела первостепенную актуальность, поскольку необходима гармония интересов маркетплейсов, продавцов, потребителей и остальных участников рынка.

Платформенная экономика представляет собой сложную и постоянно эволюционирующую структуру, объединяющую разнообразные рынки и отрасли хозяйства, цифровые платформы и сопутствующие технологии, а также благоприятствующую экосистему, создающую условия для их успешного развития.

Отечественный рынок цифровых платформ представлен широким спектром участников, среди которых выделяются маркетплейсы, агрегаторы такси и еды, сервисы объявлений, каршеринг-сервисы, платформы фрилансеров, социальные сети и мессенджеры (рисунок 1). Несмотря на различия в специализациях, все они преследуют единую цель – служить связующим звеном между участниками сделок, предоставляя информационные ресурсы, стимулируя конкуренцию и определяя справедливые цены.

Маркетплейсы и агрегаторы услуг	 	Финтех-решения и краудфандинг	
Классифайды (доски объявлений)	 	Информационно-справочные платформы	
Шеринговые платформы	 	Развлекательные ресурсы	
Платформы для рынка труда	 	Социальные сети и мессенджеры	

Рис. 1. Основные участники российского рынка цифровых платформ и экосистем [2]

Цифровые платформы выступают ключевыми посредниками, аккумулируя и систематизируя информацию, создавая площадку для конкуренции и налаживания деловых контактов, а также разрабатывая собственные внутренние правила и стандарты. Покупатели, пользуясь отзывами и оценками, формируют представление о качестве представленных товаров и услуг, тогда как поставщики стремятся завоевать симпатии и удержать интерес целевой аудитории.

Перспективы роста российского рынка платформенной экономики впечатляют. Согласно прогнозным данным, к 2030 году объем рынка превысит 5,5 трлн рублей, составив около 5% валового внутреннего продукта страны. Более десяти миллионов россиян задействованы в платформе, демонстрируя ее значительный вес и дальнейший потенциал роста.

Долгое время отсутствие специальных законов, регулирующих функционирование платформенной экономики, тормозило развитие данного сегмента рынка. С целью укрепления отношений между операторами, партнерами и пользователями, с 1 октября 2026 года вступит в силу Федеральный закон №289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [1]. Рассмотрим, какие конкретные изменения наступают для продавцов: какие права предоставляются, какие проблемы остаются открытыми.

Ранее маркетплейсы обладали правом вносить изменения в условия сотрудничества в одностороннем порядке, зачастую без какого-либо предварительного уведомления. Нередко изменения происходили неожиданно и без детальных разъяснений. Новый закон установил правило обязательной предварительной информации обо всех изменениях условий работы маркетплейса за 45 дней до их фактического ввода. Это создает для продавцов базовые условия предсказуемости и существенно снижает беспокойство, вызванное внезапными изменениями правил игры.

До принятия закона маркетплейсы могли закрывать профили продавцов или снимать товары с публикации без разъяснения причин либо ссылаясь на формальное нарушение собственных правил. Вследствие этого селлеры оказывались лишены возможности совершать продажи на срок вплоть до полной блокировки аккаунта. Сейчас маркетплейсам запрещено действовать подобным образом бесконтрольно. Блокировка профиля или удаление товаров возможны лишь при наличии четко зафиксированных нарушений, причем продавец обязательно должен быть уведомлен об этом минимум за трое суток.

До внесения поправок покупатели видели рекламу товаров без соответствующей метки, а продавцы сталкивались с отсутствием прозрачности в работе алгоритмов сортировки и наличием льгот для партнеров банков платформы. Согласно новому закону, платформы обязаны публично раскрывать критерии ранжирования товаров, предоставлять равный доступ ко всем услугам, влияющим на отображение в поиске, и исключить установление дискриминационных условий для продавцов одной категории.

До принятия закона на маркетплейсах беспрепятственно распространялись контрафактные изделия и товары, не прошедшие регистрацию. Новое законодательство возлагает обязанность на платформы контролировать содержание страниц товаров и соблюдать установленные законодательством требования. Проверка продавцов осуществлялась ранее на основании личного усмотрения самой платформы. Новым является условие верификации данных продавцов путем обращения к официальным государственным реестрам индивидуальных предпринимателей и юридических лиц.

Несмотря на достижения в урегулировании отношений между сторонами, некоторые проблемы сохраняются.

1. Комиссии. Комиссии платформ продолжают оставаться высокими и растут, хотя обязательства об их увеличении устанавливаются заранее.

2. Алгоритм видимости. Формально прозрачность в формировании рекомендаций реализована, однако реальный контроль над показателями остается вне зоны доступности продавцов.

3. Проблема контрафакта. Контрафактные товары продолжают составлять серьезную угрозу честным предпринимателям, теряющим доходы из-за недобросовестных конкурентов.

4. Ограниченная защита доходов. Продавец все равно зависит от политики скидок и акций, проводимых площадками, которые компенсируются повышением комиссий.

5. Конфликты интересов. Платформы сохраняют возможность запускать собственные продукты, предоставляя им дополнительные преференции.

Принятие закона о платформенной экономике повысило прозрачность и предсказуемость взаимодействия между маркетплейсами и селлерами, защитив последних от несправедливых санкций и ограничений. Тем не менее высокие комиссии, конкуренция, контрафакт и неясные алгоритмы никуда не исчезли. Основная зависимость продавцов от платформ сохранена, закон лишь сделал правила немного яснее.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.07.2025 №289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации».

2. Платформенная экономика в России: потенциал развития: аналитический доклад / Г.И. Абрахманова, Л.М. Гохберг, А.В. Демьянова [и др.]; под ред. Л.М. Гохберга, Б.М. Глазкова, П.Б. Рудника, Г.И. Абрахмановой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. – 72 с.

Угрюмов Владислав Андреевич

студент

ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

г. Челябинск, Челябинская область

ЦИФРОВАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА В ЭПОХУ ВИРТУАЛЬНЫХ СРЕД

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы формирования цифровой юриспруденции как междисциплинарного направления, отвечающего на вызовы виртуальной среды. Анализируются ключевые объекты правового регулирования: цифровые активы, данные, алгоритмы и виртуальные личности. Делается вывод о необходимости разработки гибких регуляторных моделей, сочетающих традиционные правовые конструкции с инновационными подходами.

Ключевые слова: цифровая юриспруденция, виртуальная среда, правовое регулирование, цифровые активы, искусственный интеллект.

Классическое информационное право, фокусирующееся на вопросах доступа к информации, персональных данных и интеллектуальной собственности, сегодня сталкивается с масштабом и сложностью новых явлений. Цифровая юриспруденция – это междисциплинарная область юридической науки и практики, изучающая и формирующая правовые нормы для отношений, возникающих в связи с созданием, использованием, передачей и защитой цифровых активов, технологий и виртуальных пространств.

Ее предмет – не просто информация в цифровой форме, а целые виртуальные среды (социальные сети, онлайн-платформы, метавселенные, блокчейн-экосистемы), которые становятся полноценной ареной для экономической, социальной и личной деятельности. Это требует переосмысления традиционных правовых конструкций.

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни формирует принципиально новую среду – виртуальное пространство, которое, оставаясь продуктом человеческой деятельности, приобретает свойства автономности и собственной внутренней логики развития. Это порождает комплекс правовых проблем, для решения которых традиционных отраслей

права зачастую недостаточно. В качестве ответа на эти вызовы формируется новое междисциплинарное направление – цифровая юриспруденция, представляющая собой систему знаний о правовом регулировании общественных отношений, возникающих в связи с созданием, использованием и трансформацией цифровых технологий и виртуальных сред [1, с. 82].

Ключевой особенностью виртуальной среды как объекта регулирования является ее трансграничность и децентрализованность, что прямо противоречит классическим принципам территориальности и государственного суверенитета в праве. Основными объектами правового воздействия в этой сфере становятся следующие.

1. *Цифровые активы (токены, криптовалюты, NFT)*. Правовая природа данных объектов остается дискуссионной: их квалификация в качестве имущества, имущественных прав или нового вида объектов гражданских прав определяет подходы к регулированию [2, с. 64]. В российском правовом порядке, например, «цифровые финансовые активы» получили легальное определение, однако их соотношение с классическим понятием «вещи» или «иное имущество» требует дальнейшего доктринального осмысления.

2. *Данные (персональные и большие данные)*. Информация становится ключевым экономическим активом, что требует баланса между стимулированием оборота данных и защитой прав субъектов, прежде всего на неприкосновенность частной жизни. Регулирование носит комплексный характер, сочетая нормы конституционного, гражданского и административного права.

3. *Алгоритмы и искусственный интеллект (ИИ)*. Правовые вопросы ответственности за действия, совершаемые автономными системами, предсказуемости и этичности алгоритмических решений, а также защиты интеллектуальных прав на ИИ составляют ядро современных дискуссий. «Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом, распределяется между разработчиком, оператором и владельцем в зависимости от степени вмешательства в его работу и контроля над ним» [3, с. 37].

4. *Виртуальные личности и аватары*. Отношения, связанные с идентичностью в сети, репутацией цифровых профилей и наследованием цифровых активов, формируют запрос на адаптацию или создание новых институтов в гражданском и процессуальном праве.

Одной из центральных проблем является коллизия между динамичным развитием технологий и консервативной природой права. Традиционное «реактивное» регулирование, постулирующее нормы *post factum*, не успевает за скоростью изменений. В этой связи перспективным представляется развитие превентивного (*proactive*) и экспериментального правового регулирования, такого как регуляторные «песочницы» (*sandbox*). Данный механизм позволяет в ограниченных условиях тестировать инновационные продукты и услуги без применения к ним в полном объеме санкций действующего законодательства, что способствует выработке адекватных правовых моделей [2, с. 42].

Основные направления развития правового регулирования в контексте цифровой юриспруденции и виртуальной среды представлены в таблице 1.

Направления развития правового регулирования в сфере
цифровой юриспруденции и виртуальной среды

№	Направление развития	Краткое описание / Основные задачи
1.	Формирование цифрового права как отрасли	Выделение и систематизация норм, регулирующих отношения в цифровой среде (киберпространстве), включая интернет, платформы, виртуальные миры, IT, AI. Создание единых принципов и понятийного аппарата
2.	Регулирование искусственного интеллекта (ИИ) и алгоритмов	Установление правового статуса ИИ и ответственности за его решения. Регулирование качества данных и алгоритмической предвзятости (bias). Этико-правовые стандарты для автономных систем (роботы, беспилотники). Регулирование генеративного ИИ и глубоких подделок (deepfakes)
3.	Защита цифровых прав и свобод	Адаптация классических прав человека к цифровой среде (право на цифровую приватность, на забвение, на цифровое достоинство). Борьба с цифровой дискриминацией и слежкой. Защита прав цифровых меньшинств и обеспечение цифровой доступности
4.	Цифровая собственность и активы	Правовой режим виртуальной собственности (земля, предметы в играх и метавселенных), NFT. Регулирование криптоактивов, цифровых валют (CBDC) и смарт-контрактов. Защита прав на цифровые коллекции и токенизированные активы
5.	Кибербезопасность и киберпреступность	Гармонизация международного законодательства по борьбе с киберпреступлениями. Установление стандартов безопасности для критической информационной инфраструктуры. Регулирование incident response и обязанностей по раскрытию утечек данных
6.	Регулирование данных и их оборота	Совершенствование режимов больших данных (Big Data), открытых данных, данных интернета вещей. Межграничная передача данных и цифровой суверенитет. Правовые основания для использования данных в машинном обучении
7.	Правосудие и правоохранительная деятельность	Развитие электронного правосудия (e-justice), онлайн-судов, автоматизации юридических процессов. Использование ИИ для анализа доказательств, прогнозной аналитики и поддержки решений. Правовые аспекты цифровых доказательств (криптография, блокчейн)
8.	Регулирование виртуальных миров (Метавселенных)	Определение юрисдикции и применимого права в децентрализованных виртуальных средах. Правовой статус аватаров, цифровых личностей и их действий. Регулирование экономических отношений, труда и рекламы внутри метавселенных. Защита пользователей от мошенничества и противоправных действий в VR/AR

В заключение следует отметить, что цифровая юриспруденция не отменяет классические правовые институты, но требует их критического переосмысления и адаптации. Правовое регулирование виртуальной среды должно эволюционировать в сторону гибких, технологически

нейтральных и интероперабельных моделей, способных обеспечивать правовую определенность, защиту прав участников и поддержку инноваций в условиях неопределенности цифрового будущего.

Список литературы

1. Кашкин С.Ю. Цифровое право: учебник / С.Ю. Кашкин, А.О. Четвериков. – М.: Проспект, 2022. – 480 с.
2. Савельев А.И. Цифровые активы в гражданском праве: проблемы квалификации и регулирования / А.И. Савельев // Закон. – 2021. – №7. – С. 68–82.
3. Петровский А.В. Правовая ответственность в эпоху искусственного интеллекта: монография / А.В. Петровский. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2023. – 210 с.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон №259-ФЗ: принят 31 июля 2020 года: ред. от 02.07.2021 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №31. – Ст. 5011. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310081> (дата обращения: 15.10.2023).

Шемет Вадим Сергеевич

канд. юрид. наук, доцент

УО «Белорусский государственный экономический университет»

г. Минск, Республика Беларусь

DOI 10.31483/r-154133

ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ ОБОРОНЫ

Аннотация: в статье рассмотрена сущность цифрового государства, определены структурно-функциональные элементы модели «Цифровая Беларусь» и ключевые элементы ее правового регулирования. Сформулирован вывод о том, что с переходом от модели электронного правительства к модели цифрового государства кардинально меняются угрозы существования социума. Исследованы риски, вызовы и угрозы цифровому государству при реализации функции его обороны, предложены пути противодействия.

Ключевые слова: государственное управление, модель «Цифровая Беларусь», оборона, сетевая война, функции государства, цифровое государство, цифровой суверенитет.

Становление Республики Беларусь как цифрового государства базируется на комплексной правовой платформе, включающей как нормы международного права, так и иерархическую систему программных документов и иных нормативных правовых актов. Основными из них являются:

Цели устойчивого развития на период до 2030 года, содержащиеся в резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 сентября 2015 г. №70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Цель 9: создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватывающей и устойчивой индустриализации и инновациям; Цель 17: укрепление средств осуществления и активизации работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития);

Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, утвержденная решением Всебелорусского народного собрания от 19 декабря 2025 г. №1;

Программа деятельности Правительства Республики Беларусь на 2025–2029 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 мая 2025 г. №254;

Концепция обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2024 г. №1074;

Государственная программа «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2025 г. №793.

Согласно международному исследованию, проведенному Международным союзом электросвязи в 2025 году в рамках обновленного Индекса развития информационно-коммуникационных технологий, Республика Беларусь третий год подряд демонстрирует улучшение своих позиций. Итоговый показатель составил 90,7 из 100 баллов против 88,5 балла в 2024 году, что подтверждает устойчивый прогресс страны в сфере развития информационно-коммуникационных технологий.

Модель «Цифровая Беларусь» включает три функционально взаимосвязанных структурных элемента.

1. «Экономика данных» (предоставление услуг связи, соответствующих требованиям новых экономических форматов и стандартов качества жизни; повышение качества данных государственных информационных ресурсов для поддержки принятия управленческих решений по экономическим, социальным и иным вопросам развития государства; внедрение прикладных цифровых решений для государства, граждан и бизнеса, в том числе с применением технологии ИИ).

2. «Цифровое государство» (установление нового качества партнерских отношений «государство-общество»; достижение «нулевой бюрократии»).

3. «Цифровой суверенитет» (формирование импортонезависимой экосистемы программного обеспечения) [1].

Таким образом, формирование модели «Цифровая Беларусь» предусматривает планомерный и контролируемый переход от модели электронного правительства к модели цифрового государства, характеризующийся фундаментальной перестройкой процессов управления государственными данными и изменением подходов к построению цифровой экосистемы партнерских отношений государства и общества.

Вместе с тем, переход к цифровому государству объективно обуславливает появление нового спектра угроз государству, в том числе и в военной сфере. В конечном итоге это приводит к необходимости коррекции механизма реализации функции обороны страны.

В условиях геополитической нестабильности и полицентрического мироустройства оборона государства представляет собой не что иное как объективное существование системно-целостного механизма (системы правовых, политических, экономических, военных, технологических социальных и иных мер), обеспечивающего безопасность личности, общества и государства, в его субъективно-рефлексивном восприятии, основанном на самосохранении и устойчивости к внешним (а зачастую и внутренним) рискам, вызовам и угрозам в военной сфере.

В проведенных нами ранее исследованиях отмечалось, что «средством реализации функции обороны страны является государственное управление» [2, с. 372; 3, с. 132].

С переходом от модели электронного правительства к модели цифрового государства кардинально меняются угрозы существования социума.

Обобщив различные подходы, можно определить следующие *основные (характерные для всех сфер обеспечения национальной безопасности) направления рисков, вызовов и угроз цифровому государству*:

- кибератаки на государственные информационные ресурсы и системы, критически важные объекты информатизации;
- утечка персональных данных;
- технологическая безработица из-за внедрения технологий ИИ и автоматизации;
- социальное цифровое неравенство;
- риски в сфере обеспечения цифрового суверенитета.

Обеспечение суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития предусматривает решение задач по следующим направлениям: формирование нормативной правовой базы; принятие необходимых организационно-распорядительных мер в сфере цифрового развития; развитие национальной ИТ-индустрии в части разработки отечественного ПО; развитие промышленного потенциала для разработки и производства высокотехнологичной

продукции (микро- и радиоэлектроника, аппаратные и программно аппаратные решения); стимулирование научно-исследовательского сектора как основы для развития отечественных ИКТ; развитие кадрового потенциала; формирование ИКТ-инфраструктуры, обеспечивающей цифровую стабильность, необходимые условия для создания и использования цифровых технологий при неблагоприятных внешних воздействиях [4].

В сфере обеспечения обороноспособности государства основной угрозой следует считать «сетевое противоборство» («сетевую войну»), включающую:

- ведение радиоэлектронной борьбы и радиоэлектронного подавления стратегических систем управления войсками;
- нарушение систем наведения оружием путем внедрения вредоносного программного обеспечения;
- компрометация должностных лиц военной организации государства в информационных сетях и системах;
- вскрытие ключей шифрования;
- проведение информационно-психологических операций.

В Военной доктрине Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. №6, отмечается, что при наличии военной опасности на уровне риска Республика Беларусь реализует комплекс мер по «...противодействию использованию информационно-коммуникационных и информационно-психологических методов и технологий, направленных на ... дестабилизацию обстановки в государстве» [5].

В рамках обеспечения обороны государства предусматривается коренная перестройка информационно-коммуникационной инфраструктуры, формируются средства управления оружием на основе искусственного интеллекта, для осуществления связи применяются новые стандарты качества, внедряются новые прикладные решения на государственном уровне, военные отрасли экономики обеспечиваются импортонезависимым программным обеспечением.

Таким образом, Республика Беларусь целенаправленно реализует меры, соответствующие мировым тенденциям цифрового развития. Осуществляется переход от электронного правительства к электронному государству, а также к полноценному электронному взаимодействию государства, бизнеса и населения. При этом особое внимание уделяется обеспечению безопасности и обороноспособности белорусского государства в условиях глобальной цифровизации.

Список литературы

1. О Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2025 г. №793 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.
2. Шемет В.С. Модель оценки информационного суверенитета как элемента механизма реализации функции обороны страны / В.С. Шемет // Управление информационными ресурсами: материалы XXI Международной научно-практической конференции (Минск, 28 марта 2025 г.). – Минск: Акад. упр. При Президенте Респ. Беларусь, 2025. – С. 370–372. EDN UHUSNJ
3. Шемет В.С. Государственное управление как средство реализации функции обороны страны / В.С. Шемет // Актуальные вопросы современной науки и образования: материалы X научно-практической конференции с международным участием / под общ. ред. Е.М. Красовой; Северо-Западный институт (филиал) АНО ВО МГЭУ (г. Мурманск, 27 фев. 2023 г.). – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 125–132. EDN EZJBPQ
4. О Концепции обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2024 г. №1074 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.
5. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь: решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. №6 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОРЫ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Аннотация: статья посвящена исследованию особенностей гражданско-правовых споров, возникающих в виртуальной среде, и альтернативных способов их разрешения. Анализируется специфика виртуальных конфликтов, обусловленная особенностями цифровой среды, такими как быстротечность событий, многообразие цифровых объектов и высокая динамика коммуникаций. Приводится классификация споров и рассматриваются причины их возникновения.

Отдельное внимание уделено различным путям разрешения таких споров, среди которых особое место занимают внесудебные способы, такие как медиация, *online-dispute resolution (ODR)*-процессы и автономные механизмы внутренней саморегуляции на платформах. Предложены перспективные направления развития в области альтернативного разрешения споров, подчеркивая важную роль инновационных технологий и потребность в совершенствовании действующего законодательства.

Ключевые слова: гражданское право, ADR, онлайн-медиация, смарт-контракты, ODR, цифровое правосудие, блокчейн-арбитраж.

Цифровой мир кардинально меняет привычные принципы взаимодействия людей и организаций, влияя и на область гражданского права. Растут объемы коммуникаций, совершаемых через интернет, увеличиваются масштабы осуществления сделок, покупки товаров и оказания услуг онлайн. Вместе с этим возникают многочисленные конфликты, которым присущ ряд особенностей, отличающих их от классических споров.

Споры, возникающие в виртуальной среде, имеют целый ряд особых характеристик:

1) отсутствие фиксированного места совершения сделки. Многие сделки совершаются в разных уголках планеты одновременно, что затрудняет определение подсудности и выбора применяемого права;

2) высокая частота возникновения конфликтов. Быстрое распространение информации и низкая задержка при совершении сделок ведут к резкому увеличению числа разногласий;

3) специфичность предмета спора. Объектами выступают программы, цифровые товары, доменные имена, виртуальные валюты и прочие предметы, не имеющие аналогов в материальном мире;

4) повышенные требования к сбору доказательств. Для доказательства факта совершения сделки или наступления события требуются глубокие знания компьютерных технологий и специальное оборудование.

Рассмотрим причины возникновения споров в виртуальной среде. Среди факторов, провоцирующих возникновение споров, выделяются:

- несоответствие описания товара предоставляемому продукту или услуге;
- нарушение сроков поставки или оказание некачественных услуг;
- противоправное присвоение или использование объектов, защищенных авторским правом и правами на интеллектуальную собственность;
- нарушение законодательства о защите персональных данных путем несанкционированного доступа;

– неправомерное проникновение к вашим виртуальным средствам.

Урегулирование конфликтов в виртуальном пространстве предполагает применение особых методик, принимающих во внимание специфику цифровой среды. В цифровой среде существует ряд общепринятых способов разрешения возникающих разногласий.

1. Обращение в судебные инстанции. Традиционно, если гражданско-правовые конфликты не удастся разрешить мирным путем, стороны обращаются в суд (общий или арбитражный). Это основной механизм, но он сопряжен с серьезными минусами: судебные процессы затягиваются и требуют значительных финансовых вложений, что делает их малоприменимыми для оперативного решения вопросов в условиях цифровой экономики.

2. Арбитражный (третейский) суд. Если стороны согласны, они могут обратиться в арбитражный суд, где их спор будет рассмотрен независимыми экспертами. Это гарантирует объективность и профессионализм, но, к сожалению, влечет за собой существенные расходы и делает этот вариант решения проблем недоступным для многих.

3. Медиация (переговоры с участием третьей стороны). Медиация представляет собой добровольную процедуру разрешения споров, нейтральный посредник (медиатор) оказывает содействие сторонам в поиске взаимоприемлемого решения. Посредник (медиатор) не принимает решений за участников, а направляет процесс переговоров к достижению компромисса. Виртуальная медиация, осуществляемая посредством интернет-технологий, позволяет оптимизировать временные и финансовые ресурсы.

4. Online Dispute Resolution (ODR). Разрешение конфликтов с помощью специальных интернет-сервисов. Где сервисы помогают людям, у которых возник спор, быстро и легко общаться друг с другом и с человеком, который помогает найти выход из ситуации (посредником). Что помогает быстрее договориться. Несмотря на то, что этот способ хорошо работает, иногда возникают сложности, заставить всех выполнить то, о чем договорились. Обычно ODR-сервисы работают следующим образом:

- представление претензии – участник спора направляет претензионное заявление другому участнику спора;
- коммуникация сторон – платформа организует переговоры между сторонами, позволяющие обмениваться аргументами и предложениями;
- участие медиатора – при необходимости привлекается специалист (медиатор), помогающий сторонам выработать взаимовыгодное соглашение;
- принятие решения – если согласие не достигнуто, назначается третье лицо, принимающее итоговое решение.

Основной проблемой ODR остается выполнение принятых решений. Решения, принятые через онлайн-платформы, не имеют обязательного характера и не обеспечиваются принудительной силой закона. Поэтому стороны зависят друг от друга при исполнении обязательств. Если одна сторона отказывается исполнять решение, пострадавшая сторона вынуждена обращаться в обычные судебные органы, что сводит на нет одно из важнейших преимуществ ODR – оперативность.

Для преодоления этой проблемы, некоторые ODR-сервисы начинают предлагать механизмы добровольного исполнения решений. В качестве примера можно привести платежные системы, которые временно замораживают средства для обеспечения полного выполнения условий. Кроме того, некоторые компании налаживают партнерство с банками и финансовыми учреждениями, чтобы гарантировать выплаты, соответствующие результатам разрешения споров.

5. Автономные механизмы регулирования. Крупные цифровые экосистемы и социальные сети активно формируют и применяют внутренние нормативные акты, которые устанавливают правила пользования их сервисами и порядок разрешения конфликтных ситуаций. Пользователям предоставлена возможность запускать процедуры оспаривания административных

решений или направлять официальные жалобы. Хотя эти системы отличаются оперативностью и простотой использования, их способность обеспечивать объективность и справедливость принимаемых решений не всегда является абсолютной.

6. Смарт-контракты и технологии блокчейн. Смарт-контракты, которые работают на основе блокчейна, становятся очень нужными. Это как автоматические договоры: они сами выполняются, когда все условия соблюдены. Такая система очень надежна и понятна, потому что исключает ошибки людей и уменьшает споры, ведь все видно и заранее прописано.

7. Рост объема гражданско-правовых споров в виртуальной среде требует комплексного подхода к их разрешению. По мере углубления цифровизации общественные отношения станут ещё сложнее, что приведет к появлению новых методов урегулирования конфликтов. Уже сейчас очевидно, что классические механизмы нуждаются в доработке и адаптации к новым реалиям.

Одним из перспективных направлений представляется расширение функционала онлайн-сервисов по разрешению споров, интеграция искусственным интеллектом и иными современными инструментами. Вероятно, потребуются создание специализированного органа или структуры, занимающейся исключительно разрешением конфликтов, возникших в виртуальной среде.

Гражданско-правовые споры в виртуальной среде – неотъемлемый элемент нашей повседневной жизни. Их своевременное и адекватное разрешение возможно лишь при грамотном сочетании классических и инновационных методов урегулирования конфликтов. Со временем мы можем ожидать появление принципиально новых форм защиты нарушенных прав, сформировавшихся специально под нужды цифровой эпохи.

Список литературы

1. Васильев П.И. Современные тенденции развития механизмов альтернативного разрешения споров в цифровом пространстве / П.И. Васильев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – №3. – С. 34–42.
2. Иванова Н.С. Проблемы правового регулирования гражданско-правовых споров в виртуальной среде / Н.С. Иванова // Российская юстиция. – 2023. – №5. – С. 15–21.
3. Новиков А.Г. Применение информационных технологий в процессе разрешения юридических споров в сети Интернет / А.Г. Новиков // Информационно-коммуникационные технологии в юридической практике. – М.: Проспект, 2026. – С. 78–92.
4. Романова Г.Д. Особенности разрешения коммерческих споров в цифровой среде посредством медиации / Г.Д. Романова // Российский юридический журнал. – 2025. – №6. – С. 130–140.
5. Федотова Л.К. Электронные сервисы альтернативного разрешения споров: российская и международная практика / Л.К. Федотова // Судья. – 2024. – №7. – С. 115–125.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ЯДРО: ИНФРАСТРУКТУРА, ДАННЫЕ И КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ

Александрова Жанна Павловна

канд. социол. наук, доцент

Говорухина Мария Олеговна

бакалавр, студентка

Колодяжная Алиса Михайловна

бакалавр, студентка

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ РОСТА ЦИФРОВЫХ УГРОЗ

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые вызовы в области защиты информации, вызванные экспоненциальным ростом объемов данных и усложнением ландшафта киберугроз в 2023–2025 гг. Проанализированы современные подходы: архитектура нулевого доверия (Zero-Trust), конфиденциальные вычисления, гомоморфное шифрование, постквантовая криптография, технологии усиления конфиденциальности (Privacy-Enhancing Technologies) и принцип «приватность по умолчанию и по дизайну» (Privacy by Design). Особое внимание уделено практическим примерам внедрения и нормативному регулированию в России и мире.

Ключевые слова: информационная безопасность, конфиденциальность данных, zero-trust, гомоморфное шифрование, постквантовая криптография, Privacy by Design, цифровые угрозы.

По данным отчёта Verizon Data Breach Investigations Report 2024, 68% инцидентов связаны с компрометацией учётных данных и человеческим фактором [5], а 83% атак затрагивают внешний периметр или облачные сервисы. По прогнозам Cybersecurity Ventures, ежегодные глобальные убытки от киберпреступности к 2025 году превысят 10,5 трлн долларов США [1]. Объём мировых данных, согласно IDC, достигнет 181 зеттабайта в 2025 году [2]. Традиционные периметровые модели защиты (castle-and-moat) в таких условиях теряют эффективность, что требует перехода к новым архитектурным и криптографическим парадигмам.

За последние годы значительно выросло число атак на цепочки поставок (SolarWinds 2020, Log4Shell 2021, MOVEit 2023, XZ Utils 2024), увеличилось использование генеративного ИИ для автоматизации атак (FraudGPT, WormGPT, deepfake-фишинг), появились реальные квантовые угрозы (в 2024 году NIST опубликовал первые стандарты постквантовой криптографии ML-KEM, ML-DSA, SLH-DSA) [3], усилились атаки на среды доверенного выполнения (Spectre/Meltdown-подобные уязвимости в TEE).

Таблица 1

Современные архитектурные и технологические подходы

1. Архитектура нулевого доверия (Zero-Trust Architecture)	Принцип «никогда не доверяй, всегда проверяй» реализуется через непрерывную аутентификацию, микросегментацию и контекстно-зависимую авторизацию. Ведущие реализации: Google BeyondCorp, Microsoft Zero Trust Security Model, CrowdStrike Falcon Zero Trust
2. Конфиденциальные вычисления (Confidential Computing)	Технологии доверенной среды выполнения (Trusted Execution Environment, TEE): Intel SGX/TDX, AMD SEV-SNP, ARM Confidential Compute Architecture, NVIDIA Confidential GPUs. Практические продукты: Azure Confidential VMs, AWS Nitro Enclaves, Google Confidential VM. Обеспечивают защиту данных в процессе обработки даже от облачного провайдера
3. Гомоморфное шифрование	Позволяет выполнять вычисления над зашифрованными данными без их расшифровки. Современные библиотеки: Microsoft SEAL, IBM HELib, OpenFHE. Применяется в медицине и финансах для соблюдения GDPR, HIPAA и ФЗ-152 при аналитике чувствительных данных
4. Постквантовая криптография	С 2024 года начат глобальный переход на алгоритмы, стойкие к атакам на квантовых компьютерах: Kyber (ML-KEM), Dilithium (ML-DSA), Falcon, SPHINCS+ [3]. Google и Cloudflare уже внедряют гибридные схемы в TLS
5. Технологии усиления конфиденциальности (Privacy-Enhancing Technologies, PETs)	– дифференциальная приватность (Apple, Google, IBM); – федеративное обучение (TensorFlow Federated, PySyft); – синтетические данные (Mostly AI, Gretel.ai); – безопасные многопартийные вычисления (MP-SPDZ, ShareMind)

В условиях роста ИИ и квантовых угроз PETs интегрируются с блокчейном: Oasis Network и Phala Network сочетают TEE со смарт-контрактами для вычислений над зашифрованными данными в здравоохранении и финансах. Гомоморфное шифрование ускоряется оборудованием: чипы NVIDIA/Intel снижают нагрузку на 50–70% vs Microsoft SEAL. В РФ «Цифровая экономика-2025» внедряет PETs в «Госуслуги» для биометрии. Однако вызовы остаются: высокая стоимость развертывания (до 10 раз дороже традиционных методов по данным Gartner 2025) и необходимость квалифицированных специалистов.

Нормативно-правовое обеспечение. В ЕС действуют GDPR (2018), AI Act (2024) [4] и готовится ePrivacy Regulation. В России – ФЗ-152 «О персональных данных» (ред. 2024) [7], ФЗ-187 «О безопасности КИИ», Указ Президента №250 от 01.05.2022 [6]. В США – CCPA/CPRA и секторальные законы, в Китае – PIPL (2021) и GB/T 42410–2023.

Современная информационная безопасность требует комплексного подхода к защите данных на всех стадиях: в покое, в движении и в процессе обработки. Наиболее перспективными направлениями являются архитектура нулевого доверия, конфиденциальные вычисления, гомоморфное шифрование, постквантовая криптография и технологии усиления конфиденциальности. Их интеграция с принципом Privacy by Design позволяет организациям эффективно противостоять текущим и будущим цифровым угрозам, сохраняя при этом соответствие строгим нормативным требованиям.

Список литературы

1. Cybercrime To Cost The World \$10.5 Trillion Annually By 2025. URL: <https://cybersecurityventures.com/cybercrime-damage-costs-10-trillion-by-2025/> (дата обращения: 14.01.2026).

2. Global DataSphere Forecast, 2021–2025. URL: <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=US47509621> (дата обращения: 14.01.2026).

3. NIST Releases First 3 Finalized Post-Quantum Encryption Standards. URL: <https://www.nist.gov/news-events/news/2024/08/nist-releases-first-3-finalized-post-quantum-encryption-standards> (дата обращения: 14.01.2026).

4. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L 1689. 2024.

5. Verizon Data Breach Investigations Report 2024. Verizon, 2024. URL: <https://www.verizon.com/business/resources/reports/dbir/> (дата обращения: 14.01.2026).

6. Указ Президента Российской Федерации от 01.05.2022 №250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205010023> (дата обращения: 14.01.2026).

7. Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 14.01.2026).

Вершинина Наталья Александровна

преподаватель

Ерышева Екатерина Александровна

преподаватель

Самарский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Самара, Самарская область

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БУХГАЛТЕРИИ: ПОТЕНЦИАЛ БЛОКЧЕЙНА ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: в статье анализируется влияние технологии блокчейн на трансформацию профессии бухгалтера. Показано, что внедрение блокчейна позволяет переориентировать специалистов с рутинной обработки данных на выполнение аналитических и управленческих функций. Рассматриваются факторы, сдерживающие массовое распространение технологии. Делается вывод о том, что понимание принципов блокчейна становится важным конкурентным преимуществом для современных финансовых специалистов.

Ключевые слова: блокчейн, распределенный реестр, смарт-контракт, бухгалтерский учет, цифровая трансформация, автоматизация, децентрализация.

Ежедневно бухгалтер имеет дело с огромным количеством документов, которые нужно проверить, провести, согласовать и хранить. Ошибка на любом из этих этапов грозит штрафами и искажением отчетности. С помощью технологии блокчейна журнал проводок может стать частью самоисполняющейся, абсолютно прозрачной и защищенной от любых подделок системы.

Эти вызовы актуальны и для предприятий Самарской области, которая является одним из ключевых промышленных и логистических центров России с развитым автомобилестроением (АВТОВАЗ), аэрокосмическим кластером (РКЦ «Прогресс», АО «Кузнецов»), химической промышленностью и мощным агросектором. Высокая концентрация крупных холдингов, сложных цепочек поставок и межкорпоративных расчетов создает благоприятную почву для апробации технологий распределительного реестра, способных повысить эффективность и прозрачность именно региональных бизнес-процессов.

Блокчейн – это технология распределенного реестра, которую можно представить как цифровую, децентрализованную и неизменяемую учетную книгу. При использовании блокчейн в бухгалтерии Главная книга одновременно хранится на миллионах компьютеров по всему миру. Каждая новая операция проверяется всеми участниками сети, группируется в «блок», а затем этот блок присоединяется к цепочке предыдущих блоков – отсюда и название «block

chain» (цепочка блоков). В традиционной бухгалтерии Главная книга хранится в одном месте и все операции записываются в нее централизованно, и за достоверность данных отвечает ограниченный круг лиц [1].

С технологической точки зрения, блокчейн представляет собой новую архитектуру инфраструктуры данных. Вместо классической клиент-серверной модели, где информация хранится и контролируется в едином центре, например, в 1С Бухгалтерии, он реализует модель распределенной базы данных (Distributed Ledger Technology, DLT), где каждый узел сети хранит полную копию реестра и участвует в верификации данных, что создает отказоустойчивую и саморегулируемую систему обмена информацией. Таким образом, внедрение блокчейна – это, в первую очередь, вопрос миграции в новую, децентрализованную ИТ-инфраструктуру.

Рассматривая ключевые принципы блокчейна и их значения для бухгалтерии можно выделить следующие.

1. Децентрализация. Отсутствует единый центральный орган управления, копия реестра есть у всех участников. Таким образом, вместо одного главного бухгалтера или сервера, который может быть скомпрометирован, данные есть у всех, что повышает безопасность.

2. Неизменяемость. Внесенную в блок и подтвержденную сетью запись, практически невозможно изменить или удалить.

3. Прозрачность. Все участники сети могут видеть все транзакции.

4. Консенсус. Для добавления нового блока транзакций все участники сети должны прийти к согласию по его достоверности.

С точки зрения кибербезопасности сочетание этих принципов создает уникальную защитную модель, которая устраняет единую точку отказа, делая сеть устойчивой к кибератакам, но, а криптографическое хеширование гарантирует целостность данных. Консенсусные алгоритмы, являясь по сути протоколами, математически обеспечивают доверие в среде, где участники могут быть неаутентичны (византийская задача).

Принципы блокчейна формируют фундамент для новой архитектуры доверия в учетных процессах. Однако их практическая реализация может существенно различаться в зависимости от типа используемой блокчейн сети.

Далее стоит разобрать в том, какие бывают блокчейны для бизнеса, так как выбор будет зависеть от поставленных задач. Прежде всего необходимо понимать, какая архитектура распределенного реестра подходит для конкретного бизнеса. Условно, все блокчейн решения можно разделить на три типа, каждый из которых имеет свою сферу применения, плюсы и минусы.

Публичные, или открытые блокчейны, характеризуются полной децентрализацией сети, т.е. присоединиться и стать валидатором может каждый желающий. Данные в таких блокчейнах полностью прозрачны для всех. К плюсам такого блокчейна можно отнести максимальную отказоустойчивость и безопасность, т.е. для атаки на сеть потребуется невероятная вычислительная мощность. Полное доверие, т.е. ни одному участнику не нужно доверять, т.к. доверие обеспечивается математическим консенсусом и криптографией. Абсолютная неизменность, которая достигается тем, что историю транзакций невозможно переписать из-за огромного количества независимых валидаторов. К минусам публичных блокчейнов относится, в первую очередь, низкая пропускная способность и скорость. Связано это с тем, что протоколы консенсуса требуют времени для подтверждения операций. Также минусом является высокая и волатильная стоимость транзакций, т.к. комиссии зависят от загруженности сети и могут резко возрастать. Следующая проблема – это конфиденциальность. В публичном блокчейне все данные, включая суммы и адреса контрагентов видны всем. Для бизнеса такая ситуация недопустима. Таким образом, публичные блокчейны подходят для взаимодействия с неограниченным кругом неизвестных контрагентов, систем, где требуется максимальная публичная

прозрачность и проверяемость (например, благотворительность) и интеграция с различными экосистемами.

Следующий тип блокчейна это частные, или корпоративные блокчейны. Они являются закрытыми, участники заранее известны и проходят проверку. Право на запись и чтение данных контролируется. К плюсам таких блокчейнов относится отсутствие публичного майнинга и ограниченное число узлов позволяет достигать тысяч транзакций в секунду (TPS). В корпоративных блокчейнах можно тонко настраивать, кто какие данные видит и, кто может вносить записи. Конфиденциальность бизнес-логики достигается путем скрытия условий смарт-контрактов для других участников. Поскольку, сеть контролируется, проще обеспечивать право на удаление или исправление данных. К минусам частных блокчейнов относится тот факт, что участники должны доверять оператору сети или консорциуму, который устанавливает правила. Это возвращает риск сговора. Также эти блокчейны, требуют значительных затрат на инфраструктуру, разработку и сопровождение собственной сети. Кроме того, частные блокчейны являются закрытой экосистемой, то возникает проблема привлечения новых участников. Наконец, если ключи администратора или нескольких узлов скомпрометированы, безопасность сети будет находиться под угрозой. Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что частные блокчейны подойдут для консорциумов банков, холдингов, цепочек поставок, т.е. там, где конфиденциальность данных критична. С инфраструктурной точки зрения, развертывание частного блокчейна сопоставимо с созданием высокодоступного кластера баз данных, но с более сложной логикой согласования. Ключевой вопрос кибербезопасности здесь смещается с защиты от внешних атак к управлению доступом и криптографии с закрытым ключом. Компрометация приватных ключей валидаторов становится главным риском, что требует внедрения аппаратных модулей безопасности и строгих регламентов

Третий тип – это гибридные блокчейны. Суть таких блокчейнов в компромиссном варианте, т.е. часть сети децентрализована среди утвержденного круга участников, а часть данных или их хеши могут быть вынесены в публичный блокчейн для дополнительного аудита. К плюсам таких блокчейнов относятся баланс между контролем и децентрализацией. То есть сохраняется высокая производительность и конфиденциальность, но при этом есть элементы публичной проверяемости. Хеши критически важных документов или итоговых записей периодически фиксируются в публичном блокчейне, создавая неизменное доказательство их существования в определенный момент времени, что обеспечивает так называемый «якорь» доверия. Кроме того гибридные блокчейны можно настраивать и устанавливать определенные правила под конкретный проект. Несмотря на все плюсы, данные блокчейны так же имеют свои минусы. Это архитектурная сложность, т.е. проектирование и поддержка двух связанных систем требует высокой экспертизы, и неочевидная модель безопасности, которая может иметь уязвимости на стыке систем. Гибридные блокчейны идеальны для государственных реестров, где публике нужна возможность проверки факта владения, а детали сделок конфиденциальны, и для систем сертификации и нотариизации, где требуется публичное доказательство подлинности.

Таким образом, выбор типа блокчейна становится стратегическим решением, которое определяется ответом на ключевой вопрос: каков круг участников и какой баланс между прозрачностью и конфиденциальностью требуется для конкретной учетной задачи?

Применять блокчейн в бухгалтерии можно по всем основным направлениям. Например, при учете основных средств в блокчейне можно фиксировать всю историю, начиная от покупки и заканчивая списанием объекта. В блокчейне можно отслеживать движение товара от производителя к потребителю. Это позволяет автоматически учитывать сырье, незавершенное производство и готовую продукцию. Блокчейн позволяет вести общий, непротиворечивый реестр взаиморасчетов между компаниями холдинга или постоянными контрагентами. Все видят одну и ту же картину, что исключает споры о задолженностях [2].

Наиболее глубокую трансформацию бухгалтерских процедур обеспечивает технология смарт-контрактов. Смарт-контракты (Smart Contracts или «Умные контракты») – самый мощный инструмент для бухгалтерии. Это самоисполняющийся код, который автоматически выполняет условия договора. Например, компания арендует офис. Бухгалтер, юрист и арендодатель согласовывают условия, согласно которым, если на счету арендатора есть средства, то 25-го числа каждого месяца автоматически списывается арендная плата и переводится арендодателю. Эти условия переводятся в код, который размещается в блокчейне. Данный контракт будет «просыпаться» 25-го числа каждого месяца. Он проверяет условие: есть ли на счету арендатора средства, если да, то контракт автоматически инициирует перевод средств. Если средств нет, контракт ничего не делает. Арендодатель видит в блокчейне, что обязательство не выполнено и может активировать штрафные санкции (которые так же можно прописать в коде) [3].

Однако при видимых плюсах необходимо отметить проблемы и вызовы при внедрении блокчейна в бухгалтерию. Во-первых, законодательство в области блокчейна и криптоактивов еще не устоялось во многих странах, что особенно актуально для бухгалтерии, т.к. учет должен опираться на юридически значимые документы. Во-вторых, дефицит квалифицированных кадров, т.е. необходимо понимание не только бухгалтерского учета, но и основы технологии. В-третьих, вопрос конфиденциальности, ведь в публичных сетях данные видны всем, что для бизнеса неприемлемо, поэтому используются частные или гибридные блокчейны с ограниченным доступом. Ну и в-четвертых, это интеграция. Внедрение блокчейна требует стыковки с существующими бухгалтерскими системами, что может быть сложно и дорого.

На практике сложно одновременно достичь всех трех свойств: и децентрализации, и безопасности, и масштабируемости. Частные блокчейны жертвуют децентрализацией ради скорости, публичные – скоростью ради безопасности и децентрализации. Кроме того, не стоит забывать о потенциальной квантовой угрозы. Криптографические алгоритмы, лежащие в основе блокчейна, в будущем могут стать уязвимыми с появлением квантовых компьютеров, поэтому о «квантово – безопасном» блокчейне следует задуматься уже сегодня.

Для удобства и наглядности в таблице 1 приведен сравнительный анализ традиционного учета и учета на блокчейне.

Таблица 1

Сравнительный анализ ключевых параметров учета:
традиционная модель vs. модель на блокчейне

Критерий	Традиционный учет (1С и аналоги)	Учет на блокчейне	Результат для процесса учета
1	2	3	4
Источник истины	Один, у каждой организации свой	Один распределенный для всех участников	Устраняет расхождения между контрагентами, отпадает необходимость в сверке
Сверка	Длительная, ручная, по email/ЭДО	Не требуется, данные изначально согласованы	Экономия времени, нет споров
Защита от подделки	Зависит от внутреннего контроля и честности сотрудника	Криптографически невозможна (практически)	Кардинально выше безопасность
Скорость операций	Высокая внутри системы	Ниже (из-за консенсуса), но достаточна для многих бизнес-процессов	Проигрыш в скорости, выигрыш в доверии

1	2	3	4
Стоимость внедрения	Относительно предсказуема	Высокая (разработка, инфраструктура, эксперты)	Главный барьер для малого бизнеса
Операционные затраты	Лицензии, поддержка	Комиссии за транзакции, содержание сети	Может быть как выше, так и ниже в долгосрочной перспективе

Из всего вышесказанного можно однозначно сделать вывод, что блокчейн в бухгалтерии, это не просто модное слово, а технология, которая имеет потенциал кардинально изменить профессию. Она переносит фокус с рутинной проверки и ввода данных на аналитику, управление исключениями и стратегическое планирование. Бухгалтер будущего будет меньше заниматься бумажной работой и больше – анализом данных, которые технология блокчейн предоставит ему в автоматическом, достоверном и неизменном виде.

Для региона внедрение таких технологий – это возможность построить конкурентоспособную цифровую инфраструктуру. Пилотные проекты в сфере государственных реестров или цепочек поставок агропромышленного комплекса на базе блокчейна могли бы стать технологическим ядром для повышения прозрачности, снижения издержек и роста доверия в деловой среде. Это потребует кооперации власти, бизнеса и вузов для создания кадрового резерва, понимающего не только учет, но и архитектуру распределенных систем, криптографию и кибербезопасность. Конечно, в настоящее время массового внедрения блокчейна в бухгалтерии нет, но пилотные проекты ведутся по всему миру, и понимание этой технологии становится конкурентным преимуществом для современного бухгалтера и финансиста.

Список литературы

1. Блокчейн: технология, которая меняет мир / К. Байрамов, С. Ханов, А. Какабаев, М. Дж. Акгаева // Матрица научного познания. – 2025. – №11–2. – С. 16–20. EDN JTFIEU
2. Марданов Я.Р. Применение блокчейн-технологии в бухгалтерском учёте и аудите / Я.Р. Марданов, О.И. Дудина, В.В. Кремлева // Научное обозрение. Экономические науки. – 2024. – №2. – С. 5–12. DOI 10.17513/sres.1139. EDN NYLXBХ
3. Петров А.М. Аспекты и возможности внедрения технологии блокчейн в бухгалтерский учет / А.М. Петров // Экономические науки. – 2024. – №12. – С. 297–301. DOI 10.14451/1.241.297. EDN XFYODY

Губанова Анна Викторовна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ НА ЛИЧНОСТЬ ПОДРОСТКА

Аннотация: статья посвящена исследованию влияния интернет-зависимости на подростков, рассматриваются такие виды зависимостей, как хакерство, игровая деятельность и виртуальный драматизм. Особое внимание уделено влиянию опасных интернет-сообществ, формирующих деструктивные модели поведения среди молодежи. Анализируются психологические последствия чрезмерного увлечения сетью, приводящие к снижению социальной активности, ухудшению коммуникативных навыков и формированию негативного образа собственного Я. Приводятся рекомендации родителям и педагогам по профилактике интернет-зависимости и организации эффективного взаимодействия подростков с онлайн-пространством.

Ключевые слова: интернет, интернет-зависимость, хакерство, игровая деятельность, драматизм, опасные интернет-сообщества.

В настоящее время Интернет представляет собой сложную, многоуровневую структуру – глобальную телекоммуникационную инфраструктуру, интегрирующую локальные, региональные и корпоративные сегменты. Данная среда предоставляет пользователям широкие возможности для реализации информационных потребностей и коммуникативных задач. Проникновение сетевых технологий в социальную ткань общества достигло такого уровня, что практически каждая сфера человеческой деятельности имеет свое цифровое представительство. Всемирная сеть выступает не только в роли масштабного хранилища и источника данных, но и высокоэффективной платформой для деловых взаимодействий, оперативной связи, а также пространством для досуга.

Феномен интернет-зависимости впервые был концептуализирован американским психиатром Иваном Голдбергом. В своих работах Голдберг акцентировал внимание на том, что данное состояние корректнее рассматривать как поведенческую модель, характеризующуюся снижением волевого контроля, нежели как аддикцию в классическом медицинском смысле, аналогичную химическим зависимостям. По сути, речь идет о процессе, при котором виртуальная активность начинает доминировать над реальной жизнью, вытесняя ее.

Аддиктивное поведение в сети влечет за собой комплекс деструктивных последствий для психического благополучия индивида. Наблюдается эскалация межличностных конфликтов, усиление депрессивных тенденций, формируется устойчивое предпочтение симулированной реальности, что приводит к нарушению социальной адаптации. Ключевым симптомом выступает утрата способности к тайм-менеджменту в отношении времени, проведенного онлайн, а также появление выраженного аффективного дискомфорта (тревоги, раздражительности) при невозможности выхода в Сеть.

Эволюция цифровых технологий существенно трансформирует когнитивные стратегии подрастающего поколения. Процесс обучения и познания все чаще строится не на критическом осмыслении и самостоятельном поиске решений, а на оперативном заимствовании готовых результатов из сети. Кроме того, несовершеннолетние пользователи, преодолевая установленные барьеры (блокировки), получают доступ к контенту, не предназначенному для их возрастной группы, что порождает иллюзию вседозволенности и безнаказанности. Подобное ложное ощущение свободы способствует формированию девиантных установок, размыванию этических границ и может служить фундаментом для последующих серьезных правонарушений.

Анализ поведенческих особенностей пользователей позволяет выделить несколько форм активности, оказывающих наиболее существенное влияние на деформацию личности в юношеском возрасте: деструктивная деятельность в сфере информационных технологий (хакерство), погружение в игровую реальность (гейминг) и драматизация межличностного восприятия.

1. Деструктивная активность в цифровой среде (хакерство). Данный феномен представляет собой специфическую форму противоправной деятельности, реализуемую посредством информационно-коммуникационных технологий. Для части подростков вовлечение в хакерскую активность является способом компенсации дефицита социальных связей либо полем для реализации и совершенствования технических компетенций. Противоправные действия включают несанкционированное проникновение в учетные записи, хищение конфиденциальных данных, осуществление атак на информационные ресурсы и распространение вредоносного программного обеспечения. В психологическом портрете молодых людей, вовлеченных в хакинг, часто прослеживаются черты отчуждения от социальных норм, узкая направленность

интересов и ригидность убеждений. Данный вид деятельности, таким образом, можно интерпретировать как негативный вариант социализации.

1. Специфическая форма цифровой преступности – хакерство подразумевает совершение противоправных деяний посредством цифровых технологий. Подростки зачастую начинают заниматься подобной активностью, стремясь компенсировать недостаток социального взаимодействия или развить свои технические навыки. Их незаконные поступки включают взлом аккаунтов, хищение конфиденциальной информации, проведение атак и распространение вредоносного ПО. Психологические особенности хакеров проявляются в форме отчуждения от общественных норм, узконаправленных интересах и приверженности определённым убеждениям. Таким образом, данная практика воспринимается как отрицательное проявление социализации молодёжи.

Мотивация к занятиям хакингом обусловлена несколькими факторами: жадой славы, финансовой выгоды, желанием продемонстрировать личные умения или же потребностью утвердиться в собственных глазах. Крайне выраженное вовлечение в подобные практики формирует стойкую патологию личности.

2. Игровая деятельность – это особый вид деятельности, который разворачивается в условной, воображаемой ситуации. В игре воспроизводятся типичные действия и формы взаимодействия людей. Игровая деятельность является важным моментом развития как отдельного человека, так и человеческих сообществ в целом. Тем не менее, подростки, увлеченные компьютерными играми чаще всего склонны усматривать угрозу для развития личности, особенно если речь идет о подростках, у которых наблюдается зависимость от игр. Одной из наименее ясных проблем является принципиальная возможность переноса виртуального опыта в реальную жизнь. Например, когда игроки постепенно принимают на себя роль своего игрового персонажа. Привычки персонажей в играх часто используются как повествовательный элемент. Однако, подражание экранным героям, может вызвать у подростков стремление к употреблению таких веществ как наркотики и алкоголь, что рискует обернуться зависимостью.

Существуют методики, с помощью которых можно определить, является ли увлечение интернет-играми невинным или это уже зависимость: тест К. Янг в адаптации В.А. Лоскутовой, шкала интернет-зависимости Чена, методика диагностики гейм-аддикции (ДГА) Н.В. Кочеткова, тест-опросник степени увлечённости младших подростков компьютерными играми А.В. Гришиной, опросник для установления зависимости от компьютерных игр и интернета С.В. Красновой.

Живя жизнью своего героя, игроки могут настолько включаться в виртуальную жизнь что забывают о реальной. Это может вызвать зависимость или сказаться на здоровье и психическом состоянии: появляются бессонница, раздражительность, невнимательность, повышенная утомляемость. В наиболее широком понимании к проявлениям зависимости от Интернета относят не только зависимость от применений социальных сетей, но и привязанность к азартным играм в Интернете. Для некоторых людей азартные игры могут стать зависимостью, называемой лудоманией – состоянием, когда человек не может контролировать своё участие в игре, постоянно увеличивает размер или частоту ставок, чтобы достичь желаемого возбуждения. Участие в азартных играх в интернете может привести к серьёзным проблемам, включая финансовые потери, риски для персональных данных и правовые последствия.

3. Драматизм.

Подростковые годы отличаются нестабильностью мировосприятия, внутренними кризисами и затруднениями в формировании стабильной самооценки. Одной из сложнейших сторон подросткового возраста является формирование представления о собственном теле и внешности, сопровождающееся чувством одиночества и недовольством внешним видом. Такие

факторы способствуют возникновению низкой самооценки и инфантильных взглядов на собственную личность.

Некоторые подростки стремятся скрыться от трудностей реальности путём постоянного присутствия в виртуальном мире, ощущая там мнимый контроль и безопасность. Это ведёт к росту напряжённости в коммуникациях с окружающим миром, усилению желания контролировать ситуацию даже вне цифрового контекста, созданию барьеров между ребёнком и обществом, усугубляющим социальную изоляцию.

Таким образом, Всемирная паутина позволяет человеку избегать реальности путем общения в соцсетях. Ключевым фактором выступает ощущение защищенности и анонимности при контактах с другими пользователями. Помимо этого, интернет предлагает пространство для воплощения различных фантазий и идей с возможностью получать обратную связь от аудитории. Наконец, бесконечный поток доступной информации создает феномен информационного паразитирования, заставляющий многих тратить массу времени впустую.

Еще одна угроза состоит в высокой вероятности социальной дезадаптации у тех, кто попал в плен интернет-зависимости. Хотя специалисты считают её самостоятельным заболеванием лишь условно, полагая, что интернет-зависимость скорее отражает наличие глубинных внутренних конфликтов, таких как тревога, низкая самооценка, социальная изоляция и расстройства настроения. Особенно уязвимы подростки, чья психика находится в стадии интенсивного формирования и легко подвергается влиянию внешних факторов. Именно поэтому интернет-зависимость в этот возрастной период способна оказать разрушительное влияние на дальнейшее развитие личности молодого человека.

Помимо описанных ранее видов онлайн активностей в Интернете существует большое количество групп, сообществ, которые распространяют опасные для жизни, здоровья, нравственности человека идеологию, увлечения, движения, в том числе, вовлекают в экстремистскую деятельность и совершение иных преступлений. К таким группам относятся:

Суицидальные сообщества – группы, ориентированные на тему самоубийств, представляют собой объединения пользователей, активно продвигающие контент, касающийся мыслей о лишении себя жизни. Такие формирования зачастую скрывают свою истинную природу, однако признаки их обнаружения включают:

- идеализацию и поэтическое восприятие смертельных решений;
- обожествление лиц, завершивших жизнь добровольно, и стремление последовать их примеру;
- практики саморазрушительного характера («self-harm»), включающие нанесение физического ущерба своему телу;
- распространение вредоносной информации различного формата посредством множества каналов коммуникации.

Одним из ярких примеров является использование культурных продуктов вроде аниме, пропаганды расстройств пищевого поведения типа анорексии, а также популяризации идеологии ЛГБТ-движений (движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в РФ). Согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), около половины населения России считают, что глобальная сеть стала причиной значительного роста случаев добровольного ухода из жизни.

Аутодеструктивные сообщества – группы, распространяющие идею и практики причинения самому себе физического или психологического вреда. Например, группы «селфхарм». Часто бывают подготовительным этапом для вовлечения детей в суицидальные группы.

Сообщества школьных расстрелов (скулишутинг) – движение, ставшее популярным в США. Эти сообщества романтизируют и продвигают идею массовых убийств и, в особенности, массовых убийств среди детей и подростков в школах. К таким относится, например,

движение «Колумбайн», признанное террористическим на основании решения Верховного суда Российской Федерации. По данным исследователей, скулшутинг пропагандируется даже через «кровавое аниме».

Сообщества по криминальной идеологии – продвигают идеалы из криминальной среды среди подростков. Наиболее известным примером является движение АУЕ (признано экстремистским и запрещено на территории Российской Федерации). В таких сообществах романтизируется не только криминальный, но и тюремный образ жизни и быт, а также криминальные герои книг, фильмов и сериалов.

Сообщества по пропаганде наркотиков – данные сообщества пропагандируют не только употребление наркотиков, романтизируя наркопотребление и образ жизни наркоманов, но и вовлекают своих членов в распространение наркотиков. Для этого пользователям массово рассылаются предложения о «подработке», где обещают высокую заработную плату. Бывают случаи и втягивания в эту деятельность детей и подростков. При этом несовершеннолетние, решившие подработать курьером, как правило, устанавливаются правоохранительными органами (в отличие от их работодателей-преступников) и получают реальные сроки лишения свободы.

Экстремистские сообщества – сообщества, занимающиеся публикацией и распространением экстремистского контента, пропагандирующие экстремистские идеи, а также привлекающие своих подписчиков к совершению преступлений на почве политики, расовой, национальной или религиозной ненависти.

Таким образом, психологические механизмы воздействия информационных технологий на человека должны стать предметом тщательного анализа. Несмотря на то, что данное расстройство не включено в официальную классификацию заболеваний «Справочник по диагностике и статистике психических расстройств», Всемирная организация здравоохранения причислила интернет-зависимость категории патологических пристрастий. По мнению многих специалистов интернетомания приводит почти к разрушению личности и эмоциональным расстройствам. Подростки во взаимодействии с интернетом находятся в большой опасности, так как представляют собой наиболее незащищенную аудиторию, поскольку в меньшей степени, чем взрослые в состоянии фильтровать тот вал информации, который обрушивается на них из Интернета.

Список литературы

1. Воронов М.В. Системы искусственного интеллекта: учебник и практикум / М.В. Воронов, В.И. Пименов, И.А. Небаев. – 2026.
2. Валько Д.В. Экономическая безопасность: учебник для вузов / Д.В. Валько. – 2026.
3. Мировая экономика и международные экономические отношения в условиях полицентризма / под ред. О.В. Буториной, Э.Н. Смирнова. – 2024.
4. Аксёнов А.П. Фондовые рынки развивающихся стран: анализ и инвестиционные стратегии / А.П. Аксёнов, М.Д. Лысенко. – 2022.
5. Звонова Е.А. Глобальные финансы: новые реалии и тренды / Е.А. Звонова, А.С. Булатов. – 2023.
6. Красноярский провайдер «Орион телеком» опроверг утечку данных в результате кибератаки.. – URL: <https://gornovosti.ru/news/krasnoyarskiy-provayder-orion-telekom-oproverg-utechku-dannykh-v-rezultate-kiberataki/> (дата обращения: 26.02.2026).

Гурулева Анжелика Андреевна
преподаватель

Никифорова Ярослава Олеговна
студентка

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПРОГРЕССИРУЮЩИХ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: статья посвящена вопросу анализа современного состояния киберпреступности в Российской Федерации, характеризующегося устойчивым ростом информационных атак (в среднем 20% ежегодно), активным использованием технологий искусственного интеллекта злоумышленниками, а также участившимися случаями утечек данных и действий программ-вымогателей. В работе рассматриваются основные виды киберугроз, включая фишинговые и DDoS-атаки, вирусы-шифровальщики, а также новые вызовы, связанные с применением дипфейков. Особое внимание уделяется факторам роста киберпреступности, среди которых выделяются доступность технологий, недостаточная осведомленность населения и отставание законодательной базы от темпов развития угроз. В статье анализируются меры противодействия киберпреступности, включая законодательные инициативы (Федеральный закон №187-ФЗ), технические средства защиты, образовательные программы для пользователей и механизмы международного сотрудничества правоохранительных органов. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к обеспечению цифровой безопасности, объединяющего усилия государства, бизнеса и гражданского общества.

Ключевые слова: киберпреступность, информационная безопасность, фишинг, DDoS-атаки, программы-вымогатели, искусственный интеллект, дипфейки, защита персональных данных, цифровая грамотность, противодействие киберугрозам.

На сегодняшний день на территории Российской Федерации информационные атаки характеризуются резким ростом, в среднем около 20% ежегодно по данным официальной статистики, смещением фокуса на использование искусственного интеллекта (ИИ) для атак, масштабными утечками данных и действиями программ-вымогателей.

Развитие цифровых технологий значительно расширило возможности взаимодействия между людьми и организациями, однако вместе с этим возросли риски киберугроз. Киберпреступления стали серьезной проблемой для многих стран мира, включая Россию.

По данным статистики, количество случаев мошенничества в сфере высоких технологий постоянно растет, ставя перед правоохранительными органами новые задачи и вызовы.

Основные виды киберпреступлений.

Фишинговые атаки.

Фишинг является одним из наиболее распространенных видов кибератак. Преступники создают поддельные веб-сайты, имитирующие известные бренды и организации, чтобы обмануть пользователей и заставить их раскрыть конфиденциальную информацию, такую как пароли, номера кредитных карт и личные данные. Особенно уязвимы становятся пожилые граждане, менее знакомые с современными технологиями.

Пример. В Москве зафиксирован случай, когда злоумышленники рассылали письма якобы от Сбербанка, предлагая обновить учетные записи клиентов. Получив доступ к персональным данным, преступники похитили крупную сумму денег с банковских счетов жертвы.

Атаки типа DDoS.

DDoS-атаки представляют собой целенаправленные попытки перегрузить серверы путем отправки большого количества запросов одновременно, вызывая отказ системы. Такие атаки часто используются против государственных учреждений, крупных компаний и финансовых организаций, что приводит к значительным финансовым потерям и нарушению нормальной работы сервисов.

Пример: Один из банков федерального уровня подвергся мощному DDoS-нападению, которое привело к временной остановке обслуживания онлайн-клиентов на несколько часов.

Вирусы-шифровальщики.

Злоумышленники активно используют вредоносное ПО для кражи информации и вымогательства. Например, троянские программы позволяют удаленно контролировать зараженные устройства, собирая ценную информацию и передавая её третьим лицам. Шифровальщики же шифруют файлы на компьютере жертвы, запрашивая выкуп за восстановление доступа.

Пример: Российский университет столкнулся с атакой вируса-шифровальщика, заблокировавшего всю систему электронной документации и учебных материалов. Администрация вынуждена была заплатить значительный штраф, чтобы вернуть контроль над файлами.

Причины роста киберпреступности.

Рост числа киберпреступлений обусловлен несколькими факторами:

Облегчение доступа к технологиям: Современные инструменты и технологии сделали создание сложных схем мошенничества доступным даже для новичков.

Недостаточная осведомленность населения: многие россияне недостаточно информированы о методах защиты личной информации и легко попадают в ловушки преступников.

Отсутствие строгого контроля: несмотря на усилия правоохранительных органов, законодательная база и меры профилактики пока отстают от темпов развития угроз.

Развитие нейросетей на территории России серьезно повлияло на развитие IT-отрасли, например, на осуществление анализа информации или ее поиск и создание текстов, что делает атаки с использованием ИИ более целенаправленными и масштабируемыми.

Кроме того, мошенники используют искусственный интеллект для генерации дипфейков. Согласно данным Центрального банка Российской Федерации с января по сентябрь 2024 года число правонарушений, в которых задействована система «deepfake», увеличилось в 30 раз.

Одним из способов противодействия утечкам данных является формирование четкой государственной политики в сфере кибербезопасности, включающей разработку нормативных актов, направленных на защиту данных и инфраструктуры.

Государство предлагает применение методов защиты персональных данных и предотвращения киберпреступлений.

Цифровая безопасность в эпоху прогрессирующих киберпреступлений требует непрерывного и сложного подхода. Приоритизация критичных активов, быстрое обнаружение и обработка инцидентов, а также постоянное обучение персонала – ключевые элементы устойчивости к современным угрозам.

Борьба с киберпреступностью включает комплекс мер, направленных на предотвращение, выявление и пресечение преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий и сети Интернет. Основные направления борьбы включают:

Законодательные меры.

Разработка и принятие законов, регулирующих использование киберпространства и устанавливающих ответственность за совершение киберпреступлений. Например, в России действует Федеральный закон №187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств».

Технические средства защиты.

Использование антивирусных программ, межсетевых экранов, систем обнаружения вторжений и шифрования данных для предотвращения несанкционированного доступа и кражи информации.

Обучение пользователей.

Проведение образовательных кампаний и тренингов для повышения осведомленности пользователей о методах кибератак и способах защиты от них. Это помогает снизить риск стать жертвой мошенничества или фишинга.

Сотрудничество правоохранительных органов.

Создание специализированных подразделений, занимающихся расследованием киберпреступлений. Международное сотрудничество также играет важную роль, поскольку многие преступления совершаются трансгранично.

Проблема киберпреступности требует комплексного подхода. Необходимо повысить уровень цифровой грамотности среди населения, усилить профилактику и мониторинг рисков, совершенствовать законодательство и внедрять современные методы защиты данных. Только совместными усилиями государства, бизнеса и гражданского общества возможно эффективно противостоять новым вызовам в области информационной безопасности.

Список литературы

1. Журнал РБК: сайт. – URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Информационный портал Банки.ру: сайт. – URL: <https://www.banki.ru/> (дата обращения: 12.02.2026).
3. Портал актуальных новостей и аналитики – Рамблер/финансы: сайт. – URL: <https://finance.rambler.ru/> (дата обращения: 11.02.2026).

Егоркин Андрей Иванович

магистрант

Научный руководитель

Шитова Юлия Юрьевна

д-р экон. наук, канд. социол. наук, профессор

ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
г. Москва

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В РФ

Аннотация: статья анализирует ключевые тенденции развития кибербезопасности в Российской Федерации на 2026 год. Рассматриваются переход к процессным моделям управления рисками, интеграция искусственного интеллекта в системы защиты, усиление регуляторных требований и рост числа кибератак. Особое внимание уделено импортозамещению ПО и проактивным подходам к обеспечению устойчивости инфраструктуры. Предложены рекомендации по адаптации бизнеса и государства к новым вызовам.

Ключевые слова: кибербезопасность, Россия, искусственный интеллект, импортозамещение, Zero Trust, кибератаки, критическая инфраструктура.

Введение.

Кибербезопасность в Российской Федерации переживает этап фундаментальной трансформации, обусловленный комплексом факторов: геополитическими изменениями, ускоренной цифровизацией экономики и экспоненциальным ростом киберугроз. В условиях глобальной нестабильности и усиления информационных конфликтов Россия сталкивается с необходимостью создания устойчивой национальной системы защиты цифровой инфраструктуры, способной противостоять как внешним атакам, так и внутренним уязвимостям.

Согласно прогнозам ведущих аналитических центров, в 2026 году количество кибератак на российские компании может вырасти на 35%, что особенно актуально для объектов критической информационной инфраструктуры (КИИ). Это связано с развитием методов социальной инженерии, использованием ИИ злоумышленниками и эксплуатацией уязвимостей в цепочках

поставок ПО. В ответ на эти вызовы происходит сдвиг от традиционных реактивных мер – таких как постфактумное реагирование на инциденты – к проактивным стратегиям, включающим архитектурную устойчивость и модели «нулевого доверия» (Zero Trust).

Ключевую роль играет государственная политика импортозамещения: с января 2026 года вводится полный запрет на использование иностранного программного обеспечения в КИИ, что стимулирует развитие отечественных решений в области EDR, SIEM и NGFW. Кроме того, нормативно-правовая база эволюционирует в сторону превентивного контроля, включая обязательное категорирование объектов КИИ и аудит поставщиков. Эти меры отражают стратегический приоритет национальной безопасности, где кибербезопасность интегрируется в доктрину информационной безопасности РФ.

Цель настоящей статьи – систематизировать современные тенденции развития кибербезопасности в России, проанализировать технологические инновации и сформулировать рекомендации для бизнеса и государства. Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации к новым реалиям, где хаотичные подходы уступают место процессным моделям управления рисками.

Нормативно-правовая база.

Нормативно-правовая база кибербезопасности в РФ формируется многоуровневой системой актов, обеспечивающих комплексную защиту информационных ресурсов. Федеральный закон №152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает требования к обработке и защите ПДн, включая обязательную локализацию данных и сертификацию средств защиты. Доктрина информационной безопасности РФ (утверждена Указом Президента №646 от 05.12.2016) определяет стратегические приоритеты, акцентируя защиту КИИ и противодействие информационным угрозам.

Федеральный закон №187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ» (в редакции 2025 года) вводит категорирование объектов КИИ по уровням значимости и обязательное уведомление о компьютерных инцидентах в ФСТЭК и ФСБ в течение 24 часов. С 1 января 2026 года вступает в силу Постановление Правительства №212 «О запрете использования иностранного ПО в КИИ», что обязывает операторов переходить на отечественные аналоги, сертифицированные ФСТЭК. Дополнительно, Приказ ФСТЭК №17 регулирует защиту значимых объектов КИИ, включая сегментацию сетей и мониторинг трафика.

Указ Президента №250 от 01.05.2021 «О применении ИТ-решения для обеспечения режима импортозамещения» расширяет реестр отечественного ПО, включая решения по кибербезопасности. В 2025 году принят Федеральный закон №411-ФЗ «О внесении изменений в законодательство о противодействии киберпреступлениям», усиливающий ответственность за атаки на КИИ и вводящий уголовную ответственность за несоблюдение требований безопасности. Анализ показывает ориентацию на превентивный контроль: аудит цепочек поставок, обязательная сертификация и интеграцию с Госуслугами для обмена угрозами. Эти нормы гармонизированы с международными стандартами, но адаптированы к национальным реалиям.

Основные тенденции развития.

Современные тенденции развития кибербезопасности в России на 2026 год характеризуются переходом от разрозненных мер к системным процессным моделям управления рисками, интегрирующим проактивные стратегии. Ключевые направления включают усиление роли человеческого интеллекта (ИИ) и машинного обучения (МО) в базовых средствах защиты.

ИИ интегрируется в EDR, SIEM, DLP, NGFW и DAM/DBF для автоматического обнаружения аномалий, прогнозирования угроз и инициативного поиска (Threat Hunting), что повышает эффективность на 30–40% по сравнению с традиционными методами. Переход к комплексным платформам XDR обеспечивает единую видимость данных, автоматическое реагирование и снижение операционной нагрузки на SOC-центры.

Модель Zero Trust становится стандартом: динамический контроль доступа учитывает контекст (устройство, поведение, локацию), минимизируя горизонтальное перемещение атакующих и поверхность атаки. Фокус смещается на киберустойчивость – Secure by Design, архитектурную защиту и минимизацию времени восстановления (MTTR), поскольку атаки признаются неизбежными.

Рост атак «роя ботов» и ИИ-фишинга стимулирует биометрическую многофакторную аутентификацию, а также аудит цепочек поставок ПО. Импортозамещение ускоряет рынок отечественных решений, прогнозируемый рост которого составит 12% до 96,8 млрд руб. в 2026 году. Увеличение публичности инцидентов повышает прозрачность и инвестиции в ИБ.

Технологические инновации и вызовы.

Технологические инновации 2026 года в кибербезопасности РФ фокусируются на прогностической аналитике ИИ, позволяющей предугадывать инциденты до их реализации. Отечественные платформы интегрируют генеративный ИИ для автоматизированного анализа поведения, создания цифровых двойников угроз и симуляции атак, снижая MTTR (время обнаружения) до 15 минут.

Развитие квантово-устойчивого шифрования и постквантовых алгоритмов (PQC) становится приоритетом в связи с прогрессом квантовых вычислений, с обязательной сертификацией ФСБ для КИИ. Платформы SOAR с ИИ-оркестрацией обеспечивают автоматическое реагирование, интегрируясь с ГИС для обмена индикаторами компрометации. Биометрия (поведенческая + физиологическая) и децентрализованные идентификаторы (DID) минимизируют риски социальной инженерии.

Ключевые вызовы включают кадровый дефицит (нужно 150 тыс. специалистов к 2027 году), сложность импортозамещения (70% решений требуют доработки) и уязвимости цепочек поставок. Рост атак на 35% ожидается в секторах финансы, энергетика и госуправление; ИИ-управляемые «рои ботов» обходят традиционные сигнатурные системы. Решения: модернизация SOC с ИИ, микросегментация сетей IoT/OT, корпоративные Threat Hunting команды и программы обучения (1 млн специалистов к 2030 по нацпроекту). Бизнес переходит к процессному управлению рисками, интегрируя ИБ в DevSecOps.

Таблица

Инновация	Вызов	Решение
ИИ-прогнозирование	Кадровый дефицит	Автоматизация SOC
PQC-шифрование	Квантовые угрозы	ФСБ-сертификация
SOAR-платформы	MTTR > 24 ч	ИИ-оркестрация
Биометрия DID	Фишинг	Поведенческий анализ

Вывод.

Анализ современных тенденций развития кибербезопасности в Российской Федерации на 2026 год демонстрирует стратегический переход от реактивных мер к проактивным, процессно-ориентированным моделям, интегрирующим передовые технологии ИИ, машинного обучения и архитектурной устойчивости. Усиление нормативно-правовой базы, включая запрет иностранного ПО в КИИ и категорирование объектов, создает фундамент для национальной системы защиты, способной противостоять прогнозируемому 35-процентному росту кибератак.

Технологические инновации – генеративный ИИ в XDR/EDR/SOAR, постквантовое шифрование, биометрическая аутентификация и Zero Trust – обеспечивают превентивное обнаружение и автоматизированное реагирование, минимизируя MTTR/MTTD и поверхность атаки. Импортозамещение стимулирует рынок отечественных решений, объем которого достигнет 96,8 млрд руб., повышая технологический суверенитет. Однако вызовы – кадровый дефицит, уязвимости цепочек поставок и ИИ-атаки – требуют системных мер.

Для эффективной адаптации государству рекомендуется расширить нацпроект «Кадры для цифровой экономики» до 1 млн специалистов к 2030 году, внедрить ГОСТы киберустойчивости и создать национальный центр обмена угрозами на базе ГИС. Бизнесу целесообразно инвестировать в XDR-платформы, CSPM для облаков, микросегментацию OT/IoT и DevSecOps-практики, обеспечивая соответствие требованиям ФСТЭК/ФСБ. Перспективы развития связаны с полной интеграцией ИИ в базовые системы защиты, развитием квантово-устойчивой инфраструктуры и гармонизацией с международными стандартами при сохранении суверенитета. Реализация предложенных мер позволит России сформировать устойчивую экосистему кибербезопасности, минимизируя риски в условиях геополитической турбулентности и цифровизации.

Список литературы

1. Кибербезопасность в России 2026: трансформация от хаоса к процессному контролю. – URL: <https://digital4food.ru/kiberbezopasnost-v-rossii-2026-transformacziya-ot-haosa-k-proclessnomu-kontrolyu/> (дата обращения: 22.01.2026).
2. Прогноз киберугроз и средств защиты в России на 2026 год. – URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology_Analysis/Cyber-Threat-and-Information-Security-Forecast-2026 (дата обращения: 22.01.2026).
3. Кибербезопасность в России 2026 – анализ рынка. – URL: <https://falcongaze.com/ru/pressroom/publications/kiberbezopasnost/kiberbezopasnost-v-rossii-2026.html> (дата обращения: 22.01.2026).
4. Тренды в информационной безопасности на 2026 год. – URL: <https://www.ec-rs.ru/blog/informacionnaja-bezopasnost/trendy-v-informatsionnoy-bezopasnosti-na-2026-god-vsestonniy-analiz/> (дата обращения: 22.01.2026).
5. В 2026 году число кибератак на российские компании может вырасти на 35%. – URL: <https://ptsecurity.com/about/news/in-2026-the-number-of-cyberattacks-on-russian-companies-could-increase-by-35/> (дата обращения: 22.01.2026).
6. Российский рынок кибербезопасности вырастет на 12% в 2026 году. – URL: <https://www.ec-rs.ru/blog/novosti/rossiyskiy-rynok-kiberbezopasnosti-vyrastet-na-12-v-2026-godu-i-dostignet-968-mlrd-rublej-k-20...> (дата обращения: 22.01.2026).
7. CODE RED 2026: актуальные киберугрозы для России. – URL: <https://ptsecurity.com/research/analytics/russia-cyberthreat-landscape-2026/> (дата обращения: 22.01.2026).
8. Обзор рынка кибербезопасности. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8341509> (дата обращения: 22.01.2026).
9. Доклад о кибербезопасности. – URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/233/lio218p775bu8lhddpaja8f6fto01x8s.pdf> (дата обращения: 22.01.2026).

Красовская Людмила Владимировна

канд. техн. наук, доцент, доцент

Пчелинцева Светлана Вячеславовна

канд. техн. наук, доцент

Насиров Шамхал Васифович

студент

ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет –
МСХА им. К.А. Тимирязева»
г. Москва

МАШИННОЕ ОБУЧЕНИЕ И AI РЕШЕНИЯ В ЦИФРОВЫХ ПРОДУКТАХ

Аннотация: современные цифровые продукты активно интегрируют технологии машинного обучения и искусственного интеллекта (AI). Эти инструменты позволяют создавать интеллектуальные системы, способные анализировать большие объемы данных, выявлять скрытые закономерности и автоматически адаптироваться к потребностям пользователей. Применение ML и AI решений позволяет значительно повысить эффективность процессов, оптимизировать принятие решений, персонализировать взаимодействие и улучшать качество предоставляемых услуг. В статье рассматриваются основные направления внедрения машинного обучения и ИИ технологий в цифровую сферу, перспективы развития и возможные риски, связанные с этическими аспектами, безопасностью данных и конфиденциальностью пользователей [1; 2].

Ключевые слова: технологии, автоматизация, цифровые продукты, машинное обучение, искусственный интеллект, персонализация, принятие решений.

Введение.

Сегодня сложно найти область нашей жизни, где бы не использовались технологии искусственного интеллекта. Когда вы заходите в интернет-магазин и видите подборку товаров, которые действительно вас интересуют, когда ваш смартфон распознает лицо для разблокировки, когда навигатор прокладывает оптимальный маршрут с учетом пробок – во всех этих ситуациях работает искусственный интеллект и машинное обучение.

Что особенно интересно – эти технологии перестали быть уделом крупных корпораций. Сегодня даже небольшие стартапы и средний бизнес активно внедряют AI-решения. Почему? Потому что это дает реальное конкурентное преимущество. Компании, которые используют машинное обучение, работают эффективнее, быстрее адаптируются к изменениям на рынке и лучше понимают потребности своих клиентов [5].

Еще 10 лет назад о многих возможностях современного ИИ можно было прочитать только в научной фантастике, а сегодня они стали частью нашей повседневности. Давайте разберемся с терминами. Часто понятия «искусственный интеллект» и «машинное обучение» используют как синонимы, но это не совсем верно.

Представьте, что искусственный интеллект – это как бы весь университет, а машинное обучение – один из факультетов этого университета. То есть ML является частью ИИ, но не исчерпывает его полностью.

Искусственный интеллект – это способность machines выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта. Например:

- понимать человеческую речь (как Алиса или Siri);
- распознавать изображения (как Face ID в iPhone);

– принимать решения (как беспилотный автомобиль, который решает, когда перестраиваться).

Машинное обучение с применением нейронных сетей представляет собой эффективный способ, позволяющий компьютерам самостоятельно находить закономерности в больших объёмах данных. Вместо ручного программирования каждого правила поведение компьютера определяется на основе анализа множества примеров.

Например, рассмотрим применение сверточных нейронных сетей (CNN) в сельском хозяйстве для диагностики болезней растений. Чтобы научить систему распознавать болезнь листьев картофеля, используются фотографии здоровых и поражённых болезнью листьев. Алгоритм CNN автоматически выделяет ключевые особенности изображений, определяющие наличие заболевания. После обучения такая модель достигает высокую точность распознавания, значительно повышая эффективность агротехнических мероприятий [3].

Процесс создания интеллектуальной системы напоминает обучение человека новой профессии. Давайте рассмотрим его поэтапно.

1. Давайте разберём этапы процесса машинного обучения на конкретном примере применения сверточных нейронных сетей (CNN) для диагностики заболеваний листьев картофеля:

1. Постановка задачи. Задача состоит в создании цифровой автоматизированной системы, способной классифицировать состояние листьев картофеля, выявляя симптомы заболеваний.

2. Сбор и подготовка данных. Для реализации проекта были собраны и обработаны тысячи фотографий листьев картофеля разных сортов. Фотографии включали здоровые листья и листья с различными заболеваниями. Данные предварительно обрабатывались методами нормализации и увеличения выборки, чтобы повысить качество тренировки модели [6].

3. Обучение модели. Используя свёрточные нейронные сети (CNN), алгоритм проходит этап обучения на подготовленных данных. Модель учится выделять визуальные паттерны, соответствующие здоровым листьям и признакам болезней. Например, она может научиться различать изменения цвета, формы пятен и текстуры листа.

4. Тестирование и валидация. Чтобы проверить работоспособность модели, её тестируют на новых образцах, которые не использовались при обучении. Это помогает оценить точность предсказания симптомов заболеваний на неизвестных изображениях. Итоговая точность составила 96,7%, что свидетельствует о высоком качестве модели [3].

5. Внедрение и мониторинг. Модель внедряется на предприятиях сельского хозяйства для автоматического мониторинга здоровья растений. Она интегрируется в системы управления хозяйством, помогая своевременно обнаруживать заболевания и предпринимать меры профилактики. Важно продолжать следить за качеством результатов, поскольку условия выращивания и типы заболеваний могут изменяться со временем.

Аналогично специалистам, которым необходима регулярная переподготовка, нейронные сети также требуют постоянного обновления и переобучения. Новые штаммы вирусов, изменение климатических условий или появление новых видов заболеваний делают необходимым периодическое обновление модели для поддержания её эффективности.

Давайте рассмотрим, как эти технологии работают в конкретных сферах.

В сельском хозяйстве, в частности в растениеводстве, искусственный интеллект в растениеводстве используется для повышения урожайности и снижения рисков потерь. Нейронные сети помогают диагностировать болезни растений по внешнему виду листьев и стеблей, прогнозировать необходимость удобрений и поливов, а также управлять сельскохозяйственными роботами и дронами для эффективного ухода за культурами. Использование AI ускоряет принятие решений фермером и снижает влияние человеческого фактора, делая сельское хозяйство более устойчивым и прибыльным [3; 6].

В медицине – это не будущее, а уже настоящее. В московских клиниках AI помогает врачам анализировать рентгеновские снимки и КТ. Система выделяет подозрительные области,

которые требуют особого внимания врача. Это не заменяет специалиста, но помогает ему работать точнее и быстрее.

В финансах – алгоритмы в режиме реального времени анализируют тысячи транзакций. В ритейле – большие магазины используют компьютерное зрение для анализа поведения покупателей. Камеры помогают понять, в каких отделах люди задерживаются дольше, какие полки привлекают больше внимания. Эта информация помогает оптимизировать выкладку товаров. В образовании – платформы вроде Учи.ру подстраивают сложность заданий под уровень каждого ученика. Если школьник легко решает задачи, система предлагает более сложные. Если возникают трудности – возвращается к более простым темам. Промышленность – на заводе «Камаз» внедрили систему компьютерного зрения, которая проверяет качество сварных швов. Раньше эту работу выполняли люди, теперь AI справляется и быстрее, и точнее [5].

Почему бизнес так активно внедряет AI.

На основе своего research я выделил несколько ключевых причин.

1. Экономия ресурсов – автоматизация рутинных операций высвобождает сотрудников для более творческих задач. Например, в Сбере AI обрабатывает стандартные запросы в чате, а сложные случаи перенаправляет живым операторам.

2. Улучшение клиентского опыта – персонализация делает взаимодействие с брендом более комфортным. Когда Netflix рекомендует фильмы именно под ваш вкус – это приятно и удобно.

3. Принятие более точных решений – AI анализирует огромные массивы данных, которые человек просто физически не может обработать. Это помогает предсказывать спрос, оптимизировать логистику, выявлять риски.

4. Круглосуточная работа – в отличие от людей, системы ИИ не устают и могут работать 24/7.

Но не всё так гладко. Внедрение AI – сложный процесс, и здесь есть свои подводные камни:

Качество данных – это, пожалуй, главная проблема. Если обучать модель на некачественных данных, и результаты будут соответствующими.

Нехватка специалистов – хорошие data scientists сегодня на вес золота. Университеты не успевают готовить столько специалистов, сколько требует рынок.

Высокая стоимость – разработка и внедрение AI-решений требуют значительных инвестиций в hardware, software и специалистов.

Соппротивление сотрудников – люди часто боятся, что технологии заменят их на рабочем месте. Важно правильно выстроить процесс внедрения, показать, что AI – это инструмент, который помогает, а не заменяет.

Этические вопросы – например, насколько справедливо AI принимает решения? Такие проблемы нужно решать на этапе разработки. На основе анализа текущих трендов, я вижу несколько перспективных направлений:

Генеративный AI – технологии вроде ChatGPT и Midjourney – это только начало. В будущем они станут мощным инструментом для создания контента, дизайна, даже программирования.

AI для малого бизнеса – появление облачных сервисов делает технологии доступными для компаний любого размера. Теперь не нужно строить собственные дата-центры – можно арендовать вычислительные мощности.

Ответственный ИИ – все больше внимания уделяется этическим аспектам. Разрабатываются стандарты и frameworks, чтобы гарантировать справедливость и прозрачность AI-систем.

Интернет вещей (IoT) + AI – умные устройства генерируют огромные объемы данных, а искусственный интеллект помогает извлекать из них практическую пользу [4].

Подводя итоги, хочется сказать: мы находимся в самом начале пути цифровой трансформации. Искусственный интеллект и машинное обучение – это не просто модные слова, а мощные инструменты, которые меняют правила игры во всех отраслях [5].

Важно понимать, что эти технологии – не панацея, а инструмент. Как молоток: в руках плохого работника он может разбить всё вокруг, а в руках мастера – построить дом. Успех внедрения зависит не только от технологий, но и от людей, от готовности компании меняться, учиться новому.

В этой области еще так много неизученного. Каждый день появляются новые идеи, методы, подходы. И самое главное – эти разработки действительно делают жизнь людей лучше, удобнее, безопаснее. Будущее уже наступает, и искусственный интеллект – одна из самых ярких его черт. Главное – научиться использовать эти технологии разумно и ответственно.

Список литературы

1. Бурков А. Машинное обучение без лишних слов / А. Бурков. – М.: Альпина Паблишер, 2023. – 438 с. – ISBN 978-5-9614-3412-7.
2. Герасимов А.С. Добыча данных и машинное обучение: учебное пособие / А.С. Герасимов, Д.В. Мацкевич. – М.: ДМК Пресс, 2022. – 320 с. – ISBN 978-5-93700-112-3.
3. Красовская Л.В. Использование сверточных нейронных сетей в деятельности сельхозпредприятий / Л.В. Красовская, С.В. Пчелинцева, М.В. Ковшова // Техника и оборудование для села. – 2024. – №7 (325). – С. 7–11. – DOI 10.33267/2072-9642-2024-7-7-9. – EDN POWODH.
4. Попов Н.А. Концепция и перспективы развития «умного дома» / Н.А. Попов // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 12 сентября 2025 года). – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 145–148. – EDN QBSYDW.
5. Цифровизация и трансформация современной экономики и бизнеса / Л.В. Красовская, С.В. Пчелинцева, М.С. Никаноров, А.Н. Лосев // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием (Ульяновск, 26 апреля 2024 года). – Чебоксары: Среда, 2024. – С. 123–127. – EDN KINIQD.
6. Цифровая трансформация растениеводства в АПК / Л.В. Красовская, Р.В. Самолетов, М.Н. Степанцевич [и др.]. – М.: Российский государственный аграрный университет, 2025. – 151 с. – ISBN 978-5-9675-2084-6. EDN OHPQOT

Кыялбекова Элина Кыялбековна
студентка

Научный руководитель
Губанова Анна Викторовна
преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

«ТЕМНАЯ СТОРОНА» ДАННЫХ НОВЫЕ РИСКИ И ВЗГЛЯД ПОКОЛЕНИЯ Z В КРАСНОЯРСКЕ

Аннотация: статья посвящена исследованию «тёмной стороны» цифровой трансформации, рассматриваются такие риски, как киберугрозы, смещения алгоритмов и цифровая зависимость. На основе опроса студентов выявлен критический разрыв между сложностью технологических угроз и цифровой наивностью поколения Z, что создаёт для бизнеса серьёзные репутационные и этические риски. Делается вывод о необходимости интеграции управления цифровыми рисками в корпоративную стратегию, включая развитие прозрачности и алгоритмической грамотности. Утверждается, что ответственное управление данными и ИИ становится новым источником конкурентного преимущества и доверия в цифровой экономике.

Ключевые слова: цифровая трансформация, корпоративные риски, поколение Z, алгоритмическая грамотность, кибербезопасность, ответственный ИИ.

Цифровая трансформация, долгое время воспринимавшаяся как безусловный источник эффективности и конкурентных преимуществ, открыла новую, «тёмную сторону». Данные, ставшие «новой нефтью», порождают комплекс рисков, способных подорвать устойчивость бизнеса, репутацию и финансовые результаты. Советам директоров и топ-менеджменту сегодня необходимо управлять не только традиционными бизнес-процессами, но и тремя критическими угрозами цифровой эпохи, такими как киберугрозы, скрытыми смещениями алгоритмов и формирующейся цифровой зависимостью.

С одной стороны, внедрение искусственного интеллекта (ИИ) кардинально ускорило время принятия решений и глубину анализа [1]. С другой стороны, эта же зависимость от данных сделала корпорации крайне уязвимыми. Киберпреступность превратилась в высокодоходную индустрию, где атаки нацелены не только на кражу финансов, но и на шпионаж, саботаж и получение контроля над инфраструктурой. По данным исследований, средняя стоимость утечки данных в 2023 году достигла исторического максимума, что напрямую ударило по прибыли и капитализации компаний [2].

С каждым годом проблема утечки данных становится более актуальной, так, например, в 2025 году, хакерская группировка «ВО Team» атаковали инфраструктуру провайдера «Орион Телеком», похитив данные пользователей. Этот инцидент подчеркивает уязвимость даже крупных компаний и важность защиты личной информации клиентов. В условиях таких угроз особенно важно понимать, как молодое поколение осознает риски, связанные с цифровыми технологиями. Поэтому мы провели опрос среди студентов Красноярских вузов и СПО (СФУ, КГПУ, СибГУ, Красфин, КМК), чтобы выяснить, как цифровое поколение воспринимает новые корпоративные риски и насколько они готовы к вызовам, которые ставит современное киберпространство.

Исследование цифровой осознанности студентов Красноярска.

Вопрос 1. Какая угроза кажется вам наиболее реальной для компаний Красноярска?

1. Утечка персональных данных (45%).
2. Сбой в алгоритмах банков (35%).
3. Хакерская атака на городские сервисы (20%).

Наши выводы: Студенты проявляют высокую чувствительность к приватности, но воспринимают кибератаки как локальные инциденты с данными, а не как системную угрозу бизнесу. Вероятно, студенты чаще сталкивались с алгоритмическими ошибками в банковских приложениях, чем с масштабными хакерскими атаками, это показывает их картину рисков.

Вопрос 2. Кому вы больше доверяете в принятии важных решений?

Ответы студентов:

- 1) алгоритму (55%);
- 2) человеку (30%);
- 3) затрудняюсь ответить (15%).

Наши выводы: Поколение Z демонстрирует «цифровую наивность» – веру в объективность алгоритмов. Это создает серьезный риск: внедряя AI-системы в HR, кредитование, будущие сотрудники и клиенты не будут подвергать их решения критической проверке. В Красноярске, где IT-кластер активно развивается, это особенно важно для компаний, внедряющих скоринг и автоматизацию.

Вопрос 3. Что для вас значат персональные данные?

Ответы студентов.

1. Это валюта, которую я готов обменять на удобство (50%).
2. Это приватность, которую нужно защищать (40%).
3. Не задумываюсь об этом (10%).

Наши выводы: половина инвестирует свои данные в комфорт, получая «здесь и сейчас» удобные сервисы и бонусы. Другая половина копит эту ценность, предпочитая сохранить ее в

тайне, чтобы почувствовать себя защищенным. Таким образом, вопрос уже не в том, замечают ли люди ценность данных, а в том, что они предпочитают с ними делать: тратить или сохранить.

Вопрос 4. Что вы почувствовали, когда на сутки отключили все онлайн-сервисы в городе?

Ответы студентов.

1. Панику и дискомфорт (40%).
2. Облегчение и отдых от цифры (35%).
3. Не заметил разницы (25%).

Наши выводы: реакция раскрывает глубину цифровой зависимости. Мы живем в эпоху, когда почти половина из нас спокойно меняет личную информацию на скидки и удобные приложения, а вторая половина постоянно на чеку и старается защитить свои данные. При этом нам кажется, что мы контролируем ситуацию, хотя на самом деле мы просто привыкли к этому новому порядку вещей и уже не представляем жизни без интернета, даже те, кто переживает за приватность.

Вопрос 5. Кто должен нести ответственность за утечку данных?

Ответы студентов.

1. Компания, которая не защитила данные (60%).
2. Государство через законы и контроль (25%).
3. Сам пользователь (15%).

Наши выводы: четкое ожидание корпоративной ответственности. После инцидентов с утечками данных в красноярских компаниях в 2023 году, студенты сформировали запрос на прозрачность и безопасность. Это прямое указание бизнесу: инвестиции в кибербезопасность и прозрачная политика данных станут конкурентным преимуществом при работе с молодежью.

Ключевые выводы.

1. Студенты осознают ценность данных, но часто принимают их сбор как неизбежность. Это создает риск «согласия по умолчанию», когда пользователи автоматически принимают условия, не оценивая рисков.

2. Доверие к алгоритмам превышает доверие к людям.

3. Региональная специфика, так как в условиях Красноярска с его климатом и географией цифровая зависимость имеет особое измерение. Сбои воспринимаются острее, но и ценность «живого» взаимодействия сохраняется.

4. Опыт локальных инцидентов с утечкой данных сформировал запрос на корпоративную ответственность. Репутационные риски от утечек для бизнеса в Красноярске особенно высоки при работе с молодежной аудиторией.

Рекомендации для бизнеса Красноярского края.

1. Образовательные инициативы по цифровой грамотности – не как лекции о безопасности, а как диалог о ценности данных и алгоритмической грамотности.

2. Прозрачность как стратегия – открытые политики использования данных, простые соглашения, отчеты об инцидентах повысят доверие молодых клиентов.

3. Тестирование AI-решений на «цифровую наивность» – при внедрении алгоритмов учитывать, что молодые пользователи могут не заметить ошибок.

4. Создание гибридных сервисов – учитывая амбивалентность (зависимость + желание детокса), предлагать варианты как цифрового, так и человеческого взаимодействия.

Исследование среди студентов Красноярска выявило критический риск для корпоративного управления: разрыв между цифровой наивностью пользователей и сложностью технологических угроз.

Поколение Z:

- доверяет алгоритмам больше, чем людям (55%);
- готово обменивать данные на удобство (50%);
- возлагает ответственность за безопасность на компании (60%).

Это создает «ловушку доверия»: бизнесы, внедряющие сложные AI-системы, получают не критично доверяющую аудиторию, что повышает репутационные риски при любом сбое или этическом провале алгоритма.

Управление «тёмной стороной» данных теперь включает управление цифровой культурой потребителей и сотрудников. Недостаточно внедрить этический AI – нужно формировать алгоритмическую грамотность. Недостаточно защитить данные – нужно объяснять, как и зачем это делается. Компании Красноярского края, которые сделают прозрачность и цифровое образование частью своей бизнес-модели, получат не только защиту от рисков, но и лояльность нового поколения, для которого данные – уже не «нефть», а часть социального договора с бизнесом.

В то же время внутренние риски зачастую не менее опасны, чем внешние. Алгоритмы, управляющие кредитным скорингом, наймом персонала, ценообразованием или логистикой, могут содержать неумышленные, но системные смещения. Такие смещения, унаследованные от исторических данных или заложенные разработчиками, ведут к дискриминации клиентов, неэффективным управленческим решениям и, как следствие, к серьёзным репутационным и судебным издержкам [3]. Регуляторы по всему миру, в частности в ЕС с его «Актом об ИИ», уже вводят жёсткие требования к прозрачности и проверке алгоритмических систем, что создаёт новые комплаенс-риски [4].

Опираясь на анализ, для современного корпоративного управления становятся критически важными следующие выводы.

1. Кибербезопасность перестала быть исключительно ИТ-функцией и стала стратегическим вопросом совета директоров, требующим регулярных аудитов, сценарного планирования и выделения бюджета.

2. Активное развитие внутренней экспертизы в области этики ИИ и алгоритмической аудита как необходимого элемента системы внутреннего контроля и управления рисками (ERM).

3. Смещение фокуса при оценке цифровых активов – от простого внедрения к анализу их устойчивости, прозрачности и потенциала формирования скрытых рисков.

4. Усиление роли комитетов по рискам и аудиту в надзоре за цифровой трансформацией, включая утверждение политик использования данных и алгоритмов [5].

Перспективы управления компанией в цифровую эпоху остаются сложными, а риски будут только эволюционировать. К ним добавляются: растущее регулирование цифрового пространства, геополитическая фрагментация интернета и технологий, а также дефицит квалифицированных кадров в области кибербезопасности.

Важно подчеркнуть, что компании, которые смогут интегрировать управление «тёмной стороной» данных в свою корпоративную ДНК – открыто обсуждая риски, внедряя принципы ответственного ИИ и создавая отказоустойчивые архитектуры, – не только снизят угрозы, но и сформируют новое, устойчивое конкурентное преимущество, основанное на доверии. Это сделает их лидерами в новой, гораздо более требовательной цифровой экономике [3].

Список литературы

1. Воронов М.В. Системы искусственного интеллекта: учебник и практикум / М.В. Воронов, В.И. Пименов, И.А. Небаев. – 2026.
2. Валько Д.В. Экономическая безопасность: учебник для вузов / Д.В. Валько. – 2026.
3. Мировая экономика и международные экономические отношения в условиях полицентризма / под ред. О.В. Буториной, Э.Н. Смирнова. – 2024.
4. Аксёнов А.П. Фондовые рынки развивающихся стран: анализ и инвестиционные стратегии / А.П. Аксёнов, М.Д. Лысенко. – 2022.
5. Звонова Е.А. Глобальные финансы: новые реалии и тренды / Е.А. Звонова, А.С. Булатов. – 2023.
6. Красноярский провайдер «Орион телеком» опроверг утечку данных в результате кибератаки. – URL: <https://gornovosti.ru/news/krasnoyarskiy-provayder-orion-telekom-oproverg-utechku-dannykh-v-rezultate-kiberataki/> (дата обращения: 23.02.2026).

Салишев Сергей Николаевич

аспирант

Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына

г. Бишкек, Республика Кыргызстан

Алияскарова Милана Урматбековна

аспирант

Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина

г. Бишкек, Республика Кыргызстан

Сеюбергенова Дидар Сламовна

докторант

Международный университет Кыргызстана

г. Бишкек, Республика Кыргызстан

АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ РИСКОВ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация: в статье раскрывается понятие информации с точки зрения юридической науки и ее классификация по различным критериям. Освещаются вопросы защиты информации, включая персональные данные, государственные и коммерческие тайны. Анализируются угрозы информационной безопасности, в том числе информационные атаки, вмешательство иностранных государств и использование информационных технологий террористическими и экстремистскими группами. Особое внимание уделяется регулированию информации в России и классификации информации на общедоступную и ограниченного доступа согласно Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Рассматриваются ключевые факторы, которые приводят к разночтениям в научном понимании информационной безопасности.

Ключевые слова: информация, информационная безопасность, персональные данные, угрозы, законодательство, национальные интересы, кибербезопасность, информационные технологии.

Для понимания информационной безопасности необходимо рассмотреть нормативно-правовые акты различных стран, которые содержат термины, такие как «цифровая информация», «электронная информация», «компьютерная информация» и «виртуальная информация». Эти документы также включают понятия, такие как «персональные данные», «личные данные», «дезинформация», «фейковая информация», «провокационная информация», «заведомо ложная информация», «компьютерные преступления» и «информационные войны». Эти термины применяются не только в научных исследованиях, но и в законодательных и политических документах, а также в рекомендациях и текстах, посвященных науке.

Юридическая наука предлагает несколько подходов к определению понятия «информация». В.Г. Семенова и Е.А. Петриченко рассматривают информацию как способ передачи человеческого опыта и знаний, включая в это понятие различные объекты материального и нематериального мира [1, с. 23]. А.Г. Волеводз выделяет юридический критерий информации, считая, что она должна быть записана на материальном электронном носителе и обладать идентификационными данными [2, с. 43].

В конституционном праве понятие «информация» охватывает все виды тайн, включая личную, семейную, коммерческую, государственную, медицинскую и др. В связи с этим информацию можно классифицировать по различным признакам: 1) по отношению к разным видам тайн; 2) по связи с персональными данными; 3) по юридической значимости; 4) по охране авторским или патентным правом. Также существует классификация информации по доступу к ее распространению: 1) информация, распространяемая свободно; 2) информация, распространение которой возможно только по договоренности между субъектами; 3) информация,

распространение которой регулируется федеральными или региональными законами; 4) информация, распространение которой запрещено или ограничено. К последней категории относятся данные, составляющие различные виды тайн, а также информация, которая может быть признана социально опасной или незаконной.

Рассматривая информацию как объект уголовно-правовых отношений, важно подчеркнуть ее уникальные и значимые особенности. Во-первых, она нормативна: все действия с информацией, регулируемые законодательством, влекут юридическую ответственность. Во-вторых, информация должна быть достоверной, т.е. объективной и соответствующей действительности, особенно в правовых и общественных контекстах. Третьей важной характеристикой является конфиденциальность: доступ к информации должен быть ограничен, чтобы защитить права и интересы владельца или пользователя. Информация не только передает данные, но и формирует эмоциональное и психологическое состояние субъектов права, что может иметь как благоприятные, так и неблагоприятные последствия. Кроме того, государственные, медицинские и коммерческие тайны не подлежат публичному распространению и требуют особой защиты от несанкционированного доступа. Их нарушение влечет уголовную ответственность.

Регулирование информации осуществляется различными отраслями права, включая уголовное, гражданское и административное. Для обеспечения эффективной защиты общественных отношений необходимо четко определить характеристики информации и смежных понятий, а также разработать эффективные механизмы защиты информационной безопасности. В этом контексте прогнозирование и анализ угроз в информационной сфере играют важнейшую роль в обеспечении национальной безопасности, которые требуют проведения тщательного политологического анализа их негативного влияния и разработки на этой основе результативных стратегий, подходов и инструментов для их устранения. Положение усугубляется еще и тем, что в современном мире информационные угрозы становятся все более трудно выявляемыми из-за быстрого развития технологий из-за стремительного развития технологий, которые позволяют скрывать информацию за нейтральными программами. Кроме того, теперь можно передавать информацию в любую точку мира с высокой скоростью и в больших объемах. Такие атаки часто анонимны, молниеносны и имеют тщательно спланированное прикрытие, что затрудняет их своевременное обнаружение и противодействие.

В научной литературе предлагаются различные классификации угроз информационной безопасности. Так, С.В. Вихорева предлагает деление угроз по источнику угроз: антропогенные, техногенные и стихийные [3]. А.А. Хореев классифицирует угрозы по цели воздействия на информацию: конфиденциальность, целостность, доступность, утечка и неправомерное вмешательство [4]. М.М. Кучерявый разработал классификацию угроз национальной безопасности в глобальном информационном пространстве и выделил несколько ключевых аспектов: 1) источник угрозы (внутренний или внешний); 2) компоненты информационной сферы (политические, технологические и психологические); 3) характер угрозы (деструктивный или скрытый) и 4) масштаб (локальный, региональный, национальный или глобальный) [5, с. 194].

А.А. Малюк выделяет угрозы по способу воздействия: информационные (несанкционированный доступ к информации для ее хищения, искажения или уничтожения) и программно-математические (установка скрытого оборудования или компонентов в программно-аппаратные системы) [6, с. 27].

Доктрина информационной безопасности России от 5 декабря 2016 года №646 рассматривает главные информационные угрозы через призму политики. В ней особо подчеркивается быстрое развитие технологий, способных влиять на информационную инфраструктуру, и использование иностранными государствами информационных операций для достижения своих военно-политических целей. Такие операции включают психологические воздействия на

общественное сознание, что может привести к дестабилизации внутри страны, подрыву суверенитета и территориальной целостности [7].

Также в последние годы спецслужбы иностранных государств активизируют техническую разведку, направленную против органов власти, научных и оборонных учреждений. Для этого они применяют компьютерные закладки, программное обеспечение для доступа и сканеры сетей, чтобы извлекать секретные данные и перехватывать трафик. Традиционные задачи, такие как сбор информации об экономике, военной мощи и научных достижениях дополняются использованием глобальных систем для решения новых вызовов.

Еще одной угрозой для национальной безопасности государства становится расширение присутствия в информационном пространстве террористических и экстремистских групп. В последние годы они все более активно используют информационные технологии для продвижения своей разрушительной идеологии и разжигания межнациональной и социальной вражды. Это явление, известное в науке как «информационный терроризм» [8, с. 35] или «кибертерроризм» [9, с. 10], приобретает все более масштабный характер. Данный тип информационного оружия характеризуется высокой степенью управляемости, скрытности, универсальности, доступности и продолжительным эффектом воздействия [8, с. 35].

Одной из ключевых угроз национальной кибербезопасности является использование информационно-коммуникационных систем иностранного производства, что может привести к уязвимостям в программном и аппаратном обеспечении. Ошибки в коде, слабые места в оборудовании и недостатки в защите данных делают системы уязвимыми для несанкционированного доступа, кибератак и утечек информации. Такие риски также могут серьезно угрожать национальной безопасности и суверенитету государства.

Таким образом, основные угрозы информационной безопасности можно условно разделить на внутренние (низкая степень информатизации, ошибки персонала) и внешние (вмешательство иностранных государств, технические атаки). Внутренние и внешние угрозы обусловлены недостатками в управлении информацией и ее защите.

В юридической науке информация классифицируется по нескольким критериям. Во-первых, в зависимости от владельца: это могут быть частные лица, организации или государственные структуры. Во-вторых, по значению в правовой системе информация может быть ключевой для законов (нормативная) либо второстепенной (ненормативная). В-третьих, по форме хранения она может быть зафиксирована в документах (документированная) или существовать в устной или иной форме (недокументированная). Наконец, по степени доступности: информация может быть открыта для всех (общедоступная) или доступна только ограниченному кругу лиц (ограниченного доступа).

Информация ограниченного доступа может быть защищена (например, государственные тайны или международные секреты) или представлять угрозу для определенных лиц. Ограничение доступа к такой информации направлено на защиту страны, прав граждан или безопасности государства. Однако существуют сведения, которые должны быть доступны для всех, например, законы или данные о состоянии окружающей среды.

Зафиксированная информация обладает определенными характеристиками, которые позволяют ее идентифицировать, в то время как информация, существующая лишь в устной форме, может быть утрачена или искажена, что затрудняет ее идентификацию и последующее использование. В юридической сфере часто применяется термин «электронный документ», который обозначает информацию, представленную в цифровом формате и предназначенную для восприятия человеком через компьютеры, а также для передачи по сетям и обработки в информационных системах. Важно различать электронный документ и электронное сообщение, которое представляет собой информацию, передаваемую или получаемую пользователем через информационно-телекоммуникационные сети.

Разнообразие носителей информации затрудняет ее классификацию. В частности, человек как носитель информации может потребовать дополнительных критериев классификации в зависимости от его статуса.

Согласно статье 5 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 года №149-ФЗ [10], информация подразделяется на общедоступную и информацию ограниченного доступа. Общедоступная информация включает общеизвестные сведения и информацию, доступ к которой не ограничен, и может использоваться любыми лицами с учетом установленных ограничений. Ограничение доступа к информации устанавливается федеральными законами для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, обеспечения обороны страны и безопасности государства при соблюдении конфиденциальности.

Доступ к определенной информации не может быть ограничен, включая нормативные правовые акты, затрагивающие права и обязанности граждан, информацию о состоянии окружающей среды, деятельности государственных органов, использовании бюджетных средств (кроме сведений, составляющих государственную или служебную тайну), а также информацию из открытых фондов библиотек, музеев, архивов и других информационных систем.

С.Ю. Трофимцева и А.В. Линьков классифицируют информацию с ограниченным доступом на защищаемую информацию, включающую информацию, содержащую тайну, и информацию, не содержащую тайну, а также на «негативную для субъектов информации», требующую защиты психики субъектов информационных отношений [11, с. 111]. И.И. Салихов выделяет три группы информации с ограниченным доступом: государственную тайну, межгосударственные секреты и конфиденциальную информацию [12, с. 10]. Государственная тайна определяется в соответствии с Федеральным законом «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года №5485-1 [13] и включает сведения о стратегических и оперативных планах, разработке и производстве ядерных боеприпасов, тактико-технических характеристиках вооружения и военной техники, а также сведения в области экономики, науки, техники, внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, которые могут нанести ущерб безопасности государства.

Закон устанавливает, что к государственной тайне не относятся сведения о чрезвычайных происшествиях и катастрофах, угрозах безопасности и здоровью граждан, стихийных бедствиях и их прогнозах, состоянии экологии, здравоохранения, санитарии, демографии, образования, культуры, сельского хозяйства, преступности, привилегиях, компенсациях и льготах, предоставляемых государством, фактах нарушения прав и свобод, размерах золотого запаса и государственных резервах, состоянии здоровья высших должностных лиц и фактах нарушения законности органами власти.

Конфиденциальная информация включает сведения, доступ к которым ограничен, но которые не обладают признаками государственной тайны или межгосударственных секретов. К такой информации относятся персональные данные, тайна следствия и судопроизводства, служебная тайна, профессиональная тайна (врачебная, нотариальная, адвокатская), коммерческая тайна, сведения о сущности изобретений до официальной публикации, а также сведения из личных дел осужденных и о принудительном исполнении судебных актов.

Вопрос о соотношении понятий «тайна» и «конфиденциальная информация» остается дискуссионным. Одни авторы считают их равнозначными [14], другие – что тайна является разновидностью конфиденциальной информации с дополнительным признаком обеспеченности государственной защитой [15, с. 36]. Представляется, что тайна – это информация, доступ к которой ограничен ее владельцем, и нарушение которой влечет негативные последствия. Тайна характеризуется следующими признаками: это информация, известная ограниченному

кругу лиц, доступ к которой возможен только с разрешения обладателя, и несанкционированное разглашение которой приводит к утрате ее ценности и значимости.

В уголовном праве понятие тайны охватывает информацию, доступ к которой регулируется законодательством. Нарушение этой конфиденциальности квалифицируется как уголовное преступление, подчеркивая ее особую правовую значимость. Компьютерная информация, имеющая специфическую природу, характеризуется тесной интеграцией с носителем и существует в двух формах: программное обеспечение и данные. Виртуальная природа и отсутствие физических границ компьютерной информации требуют применения специализированных устройств для доступа и обработки, что обуславливает необходимость особого подхода к правовому регулированию и защите.

Глава 28 Уголовного кодекса Российской Федерации регулирует вопросы защиты информации, обрабатываемой с использованием компьютерных технологий. Исторически термины «компьютер» и «электронно-вычислительная машина» (ЭВМ) считались взаимозаменяемыми, но в современной юридической и технической практике понятие «компьютер» значительно расширилось. В настоящее время оно включает широкий спектр устройств, таких как смартфоны и планшеты, что требует актуализации правового регулирования. Для более точного и универсального описания этих устройств предлагается использовать термин «средства вычислительной техники», охватывающий аппаратные и программные компоненты систем обработки данных. Этот термин позволяет гибко квалифицировать различные аспекты обработки информации, обеспечивая эффективное правоприменение.

Защита компьютерной информации регулируется не только Уголовным кодексом РФ, но и другими законодательными актами – Гражданским кодексом, Федеральными законами: «О связи» от 7 июля 2003 года №126-ФЗ, «О персональных данных» 27 июля 2006 года №152-ФЗ и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» 27 июля 2006 года №49-ФЗ. Однако на текущий момент в российском законодательстве отсутствует специализированный акт, комплексно регулирующий защиту информации в цифровом пространстве. Также до сих пор в отечественной юриспруденции остается дискуссионным понятие информационной безопасности из-за сложной природы информации. Безопасность определяется рядом исследователей как состояние защищенности информационных систем и ресурсов от угроз. Опасность же рассматривается как вероятность наступления неблагоприятных событий, способных нанести ущерб [16, с. 149]. Отсутствие устоявшегося понятия информационной безопасности в отечественной юридической науке объясняется сложностью и многогранностью самого феномена. Информационная безопасность – это не просто защита данных от несанкционированного доступа, но и обеспечение их целостности, конфиденциальности и доступности. Она включает в себя широкий спектр вопросов, связанных с защитой информации в различных сферах: государственной, коммерческой, личной и других. Кроме того, информационная безопасность является динамичной областью, которая постоянно развивается вместе с технологическим прогрессом. Появление новых технологий (искусственный интеллект, блокчейн, беспилотная доставка) создают новые вызовы и угрозы, которые требуют постоянного обновления и адаптации подходов к обеспечению информационной безопасности.

Таким образом, отсутствие единого понимания информационной безопасности в юридической науке отражает сложность и многогранность этого явления, а также необходимость постоянного обновления и адаптации правовых норм и механизмов защиты информации в условиях быстро меняющегося цифрового мира.

Выводы.

1. Для информации характерны угрозы, которые классифицируются на антропогенные, техногенные, стихийные, внутренние и внешние. Среди основных угроз выделяются кибератаки, вмешательство иностранных государств и информационный терроризм. Угрозы информационной безопасности классифицируются по источнику (антропогенные, техногенные,

стихийные), цели воздействия (конфиденциальность, целостность, доступность), способу воздействия (информационные, программно-математические), масштабу и характеру проявления

2. Проблема информационной безопасности в российской юриспруденции сохраняет свою актуальность и сложность из-за многоаспектности и динамичности информации. Основные задачи в этой области включают защиту данных от несанкционированного доступа, обеспечение их целостности, конфиденциальности и доступности. Быстрое развитие информационных технологий предъявляет новые требования к правовому регулированию, создавая дополнительные вызовы и угрозы, на которые необходимо адекватно реагировать.

3. Отсутствие единого определения информационной безопасности в российском законодательстве подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы. Для решения этой проблемы требуется провести всесторонний анализ существующих правовых норм и разработать комплексные меры, направленные на гармонизацию правового регулирования в сфере информационной безопасности, что позволит создать более устойчивую и гибкую правовую систему, способную эффективно адаптироваться к современным вызовам и угрозам.

Список литературы

1. Семенова В.Г. Информация: история понятия, его настоящее и будущее / В.Г. Семенова, Е.А. Петриченко // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. – 2022. – №1 (213). – С. 16–26. DOI 10.18522/2687-0770-2022-1-16-26. EDN SZPHYR
2. Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества / А.Г. Волеводз. – М.: Юрлитинформ, 2002. – 485 с. EDN QIONLH
3. Вихорев С.В. Классификация угроз информационной безопасности / С.В. Вихорев. – URL: <http://elvis.ru/upload...7250c71c2a138fe9ecc.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Хорев А.А. Угрозы безопасности информации / А.А. Хорев // Техника для спецслужб. – URL: <http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=955&lvl=04.03> (дата обращения: 19.05.2025).
5. Кучерявый М.М. Информационное измерение политики национальной безопасности России в условиях современного глобального мира: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / М.М. Кучерявый. – СПб., 2014. – 381 с. EDN IPVER
6. Малюк А.А. Защита информации в информационном обществе: учебное пособие для вузов / А.А. Малюк. – М.: Гор. линия-Телеком, 2015. – 280 с. EDN UOLMUR
7. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. №646. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1539546/ (дата обращения: 25.05.2025).
8. Шеховцев Н.П. Информационное оружие: теория и практика применения в информационном противоборстве / Н.П. Шеховцев, Ю.П. Кулешов // Вестник Академии военных наук. – 2012. – №1 (38). – С. 35–40. EDN RSYNUR
9. Услинский Ф.А. Кибертерроризм в России: его свойства и особенности / Ф.А. Услинский // Право и кибербезопасность. – 2014. – №1. – С. 6–11. EDN SGYCSV
10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон №149-ФЗ: принят 27 июля 2006 года. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 22.05.2025).
11. Трофимцева С.Ю. Проблема классификации информации по доступу и видам тайны в российском информационном праве и теории информационной безопасности / С.Ю. Трофимцева, А.В. Линьков // Информационная безопасность регионов. – 2012. – №2. – С. 108–116. EDN PGXAZZ
12. Салихов И.И. Информация с ограниченным доступом как объект гражданско-правовых правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.И. Салихов; Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2004. – 38 с. EDN NHMVGp
13. О государственной тайне: Федеральный закон №5485-1: принят 21 июля 1993 года. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения: 26.05.2025).
14. Ефремов А.А. Понятие и виды конфиденциальной информации / А.А. Ефремов. – URL: <http://www.russianlaw.net/law/doc/a90.htm> (дата обращения: 20.05.2025).
15. Паршин С.М. Тайна в уголовном законодательстве (теоретико-прикладное исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.М. Паршин. – Н. Новгород, 2006. – 207 с. EDN NNZWAL
16. Тропина Т.Л. Киберпреступность: прогнозы и проблемы борьбы / Т.Л. Тропина, В.А. Номоконов // Библиотека криминалиста. – 2013. – №5 (10). – С. 148–160.

Салишев Сергей Николаевич

аспирант

Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына

г. Бишкек, Республика Кыргызстан

Алияскарова Милана Урматбековна

аспирант

Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина

г. Бишкек, Республика Кыргызстан

Сеюбергенова Дидар Сламовна

докторант

Международный университет Кыргызстана

г. Бишкек, Республика Кыргызстан

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МОДЕЛИ И ПОДХОДЫ

Аннотация: анализ фундаментальных концепций теории информации, рассматриваемой как интегративная научная дисциплина, объединяющая математические, философские и прикладные аспекты. В рамках исследования детально изучаются ключевые положения, лежащие в основе теории информации, включая математические модели и алгоритмы, философские размышления о природе информации и ее роли в познании. Особое внимание уделяется междисциплинарному характеру данной области знания, способствующему формированию целостного представления о природе информации и ее значении в контексте развития научного и технологического прогресса. Описаны различные подходы к пониманию информации в разных дисциплинах: от семантической теории информации до прагматических концепций и философского подхода. Рассмотрены функциональная, социально-гуманитарная и научно-техническая парадигмы анализа информации. Особое внимание уделено роли информации в государственном управлении и информационной политике, а также вопросам информационной безопасности в юридическом контексте. Подчеркивается важность информации как стратегического ресурса для субъектов власти и необходимость комплексного подхода к обеспечению информационной безопасности в условиях цифровизации.

Ключевые слова: теория информации, коммуникация, семантическая теория, прагматические концепции, философский подход, атрибутивная концепция, функциональная концепция, информационная безопасность, государственное управление, цифровая трансформация.

Теория информации – это научная дисциплина, изучающая методы измерения, обработки, хранения и передачи данных. Как научное направление она зародилась в период между 1920 и 1930 годами, став результатом интеграции достижений в области математики и философии. В 1928 году Ральф Хартли установил связь между информацией и коммуникацией. Это открытие стало важным шагом в развитии данной дисциплины [1]. Клод Шеннон, в своем труде «Математическая теория связи», предложил концепцию информации как меры уменьшения неопределенности, введя биты как единицу измерения [2]. Норберт Винер в свою очередь рассматривал информацию как содержание, получаемое от внешнего мира, что значительно расширило философские горизонты этой теории [3, с. 201].

С течением времени понятие информации эволюционировало, приобретая различные критерии, многие из которых были отождествлены с энтропией. В юриспруденции информация заимствует свои дефиниции из естественных наук, однако до сих пор не существует универсального определения, которое бы удовлетворило все аспекты этой многогранной категории. Важно различать информацию как объект, представленный в виде сведений, и как процесс, характеризующийся функцией уменьшения неопределенности.

Семантическая теория информации, разработанная Рудольфом Карнапом и Йегошуа Бар-Хиллел в 1952 году, стала основополагающей для последующих интерпретаций. Основное внимание в данной теории уделяется описанию возможных состояний и индуктивной вероятности, что позволяет глубже понять природу информации [4, с. 25]. Ю.А. Шрейдер в начале 1960-х годов исследовал влияние структуры информации на ее восприятие и обработку, что имеет важное значение для оптимизации процессов управления [5, с. 333–347]. Семантическая информация оценивается по изменениям, происходящим в системе при накоплении внешних данных, и требует минимального объема внутренней информации для адекватного восприятия.

Прагматические концепции акцентируют внимание на практической ценности и полезности информации для решения конкретных задач. Измерение информации в данном контексте основывается на понятии цели, что позволяет оценить ее эффективность в достижении поставленных задач.

Философский подход к изучению информации рассматривает ее как феномен и анализирует ее роль в мироздании, обществе и человеческой деятельности. В рамках философского анализа выделяются атрибутивная и функциональная концепции сущности информации. Атрибутивная концепция утверждает, что информация является объективным свойством всех материальных систем [6]. А.Д. Урсул объединяет концепции разнообразия и отражения, определяя информацию как отражение разнообразия процессов [6].

Таким образом, теория информации представляет собой сложную и многогранную область, объединяющую математические, философские и прагматические аспекты. Ее развитие продолжается, открывая новые горизонты для понимания природы информации и ее роли в современном мире.

Информация является фундаментальным объектом исследования в различных дисциплинарных парадигмах, включая функциональную, социально-гуманитарную и научно-техническую. В рамках функциональной теории, разработанной В.В. Вержбицким, Н.И. Жуковым, М.И. Сетровым и Г.И. Царегородцевым, информация концептуализируется как неотъемлемый атрибут самоуправляющихся систем, возникающий в процессе взаимодействия между источником и получателем. Этот атрибут функционирует в рамках динамической модели передачи данных, обеспечивая целостность и адаптивность системы.

Социально-гуманитарный анализ, представленный М. Кастельсом, Н. Луманом и Д. Беллом, акцентирует внимание на информационной составляющей социальных структур. М. Кастельс выделяет «ключевой фактор» информационно-технологических парадигм, определяемый доступом и оптимизацией затрат, что способствует трансформации социальных отношений [7]. Д. Белл в свою очередь акцентирует внимание на политическом аспекте информации, подчеркивая ее роль в процессах управления и обеспечения свободы через демократизацию доступа к данным [8].

В контексте информационной безопасности научно-технический подход фокусируется на защите информационно-телекоммуникационных систем, обеспечивая их функциональную и структурную устойчивость [9]. Социально-гуманитарная парадигма, напротив, акцентирует внимание на экологической безопасности информационной среды, предотвращая деструктивные воздействия на социальные структуры [10].

Юридическая наука рассматривает информацию как воспринимаемую действительность, не обладающую материальной природой, но обладающую высокой степенью социальной значимости. В условиях цифровой трансформации возрастает значение внедрения новых властно-управленческих технологий, таких как концепция «электронного правительства», которая интегрирует информационные ресурсы и механизмы в систему государственного управления [11, с. 230].

Государственная информационная политика играет ключевую роль в обеспечении эффективного функционирования государства и общества. Она включает предоставление информации гражданам, органам власти и гражданскому обществу, а также обеспечение защиты от информационных угроз. Методологические подходы к формированию информационной политики включают нормативный, партийный и идеологический. Нормативный подход основывается на законодательстве, партийный учитывает политическое влияние, а идеологический направлен на формирование массового сознания и ценностных ориентаций [11, с. 230–231].

Информация представляет собой стратегический ресурс для субъектов власти, обеспечивающий оперативность и адаптивность в условиях динамических изменений. В условиях цифровизации и интеграции информационно-коммуникационных технологий эффективное управление и обеспечение информационной безопасности становятся приоритетными задачами, требующими комплексного подхода и междисциплинарного взаимодействия.

Концепция перестраивающегося правительства, разработанная Д. Осборном и Т. Геблером, акцентирует внимание на ориентации деятельности государственных органов на граждан, подотчетности и командной работе высококвалифицированных сотрудников, направленных на достижение результатов [12]. В отличие от традиционной модели новая модель управления предполагает профессионализм сотрудников, делегирование полномочий и ориентацию на удовлетворенность потребителей. Г. Питерс и Д. Савой рассматривают предпринимательское управление как основу государственного менеджмента, подчеркивая важность инноваций и ответственности за принимаемые решения [13].

В современном мире информация стала значимым объектом правового регулирования. Федеральный закон от 5 декабря 2016 года №646 определяет информацию как сведения о лицах, предметах, фактах и процессах [14]. Аналогичные нормы присутствуют в законодательстве других стран. В.Н. Лопатин рассматривает информационную безопасность как защиту национальных интересов от внутренних и внешних угроз [4, с. 70–91]. Д.А. Калмыков предлагает рассматривать информационную безопасность через призму уголовного права, акцентируя внимание на соблюдении прав и свобод личности, общества и государства [15, с. 9]. Г.Г. Горшенков и Е.А. Красненкова исследуют вопросы информационной безопасности, подчеркивая необходимость защиты информационных интересов [16, с. 89; 17, с. 33–34].

А.В. Кубышкин определяет информационную безопасность как защиту от вредной или противоправной информации, которая препятствует устойчивому развитию [18, с. 31]. Однако статичное понимание информационной безопасности не соответствует ее динамичной природе. Информационная безопасность является частью системы национальной безопасности, характеризующейся многомерностью и изменчивостью.

В контексте уголовного права информационная безопасность рассматривается как система общественных отношений. В дореволюционной России существовали различные подходы к пониманию объекта преступления, включая теории субъективного права и нормативную. Н.С. Таганцев считал, что объектом преступления являются интересы, охраняемые нормой, в то время как С.В. Познышев подчеркивал, что объектом преступления являются конкретные отношения, вещи и состояния [19, с. 133].

В советской науке уголовного права объект преступления определялся как общественные отношения, что стало общепринятым подходом. Г.П. Новоселов предложил рассматривать объект преступления как лицо или ценность, подвергшиеся преступному воздействию [20, с. 22], а А.В. Наумов высказал мнение о возможности возврата к теории правового блага как объекта преступления [21, с. 333].

В юридической литературе выделяют два аспекта понятия «объект преступления»: как часть действительности и как элемент состава преступления. Оба аспекта взаимосвязаны, так как общественные отношения, охраняемые уголовным законом, включают интересы и

правовые блага. В результате объектом преступления признаются общественные отношения, которым причиняется вред или создается угроза его причинения [22, с. 100].

Российский ученый-правовед А.А. Стрельцов предложил органическую концепцию природы информации, основанную на взаимодействии двух форм ее проявления – сведений и сообщений. Сведения характеризуются идеальностью, информационной неуничтожимостью и способностью накапливаться, что делает их эффективным инструментом познания. Сообщения, напротив, обладают материальностью, физической уничтожимостью и статичностью, являясь основным источником формирования знаний и культурного наследия [23, с. 6–19].

В условиях информационного общества информация становится предметом хозяйственного оборота и объектом права. Для правового регулирования необходимо четко определить информацию, учитывая ее особенности и разнообразие форм. Важно отметить, что объектом права могут быть только сведения, имеющие субъективную ценность и полученные для определенных целей.

Ученые продолжают спорить о наиболее точном определении информации, пытаясь охватить все ее свойства и качества. И.И. Салихов определяет информацию как нематериальные сведения, связанные с конкретным материальным носителем, обладающие количественными и качественными характеристиками [24, с. 17]. А.В. Минбалеев рассматривает информацию как идеальное благо, отражающее окружающую действительность и представляющее интерес для субъектов [25, с. 8]. С.М. Паршин определяет информацию как зафиксированный результат восприятия человеком фактов окружающей действительности [26, с. 8]. А.А. Турышев различает информацию, сведения и данные, подчеркивая их различия и взаимосвязь [27, с. 7].

Таким образом, понятия «сведения», «сообщения» и «данные» являются отдельными формами выражения информации, которые в совокупности охватываются понятием «информация».

Выводы.

1. Теория информации, сформировавшаяся в период 1920–1930-х годов, представляет собой междисциплинарную область, объединяющую математические и философские концепции. Ральф Хартли заложил основы анализа информации в контексте коммуникационных процессов, предложив рассматривать информацию как меру разнообразия. Клод Шеннон в свою очередь определил информацию как меру уменьшения неопределенности, что стало фундаментальным принципом теории информации. Норберт Винер значительно расширил это понимание, рассматривая информацию как содержание, поступающее от внешнего мира и играющее ключевую роль в функционировании сложных систем.

2. В юриспруденции отсутствует универсальное определение информации, однако она признается значимым объектом, особенно в условиях цифровизации. Подходы к пониманию информации включают семантическую теорию, которая описывает состояния и вероятности, прагматические концепции, акцентирующие практическую ценность информации, философский анализ, рассматривающий информацию как феномен, функциональную теорию, определяющую информацию как атрибут самоуправляющихся систем, а также социально-гуманитарный анализ, исследующий её роль в социальных структурах.

3. Информационная безопасность является приоритетом в условиях цифровизации, охватывая защиту национальных интересов, прав личности и предотвращение распространения вредоносной информации. Государственная информационная политика играет ключевую роль в обеспечении информационной безопасности, предоставляя гражданам доступ к информации, защищая от угроз и внедряя инновационные технологии, такие как «электронное правительство».

4. Современные тенденции в управлении включают перестраивающееся правительство, ориентированное на граждан и командную работу, а также предпринимательское

управление, подчеркивающее инновации и социальную ответственность. В России правовое регулирование информации определяется Федеральным законом от 5 декабря 2016 года №646, который определяет информационную сферу как систему, включающую ресурсы, объекты информатизации, информационные системы и сети в Интернете. Она охватывает сети связи, технологии и субъектов, занимающихся разработкой, внедрением, эксплуатацией и обеспечением безопасности информации. В нее входят также механизмы регулирования общественных отношений в области информационных технологий и защиты информации.

Список литературы

1. Hartley R.V.L. Transmission of Information. URL: <http://keszei.chem.elte.hu/entropia/Hartley1928text.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон; пер. с англ.; предисл. А.Н. Колмогорова; под ред. Р.Л. Добрушина, О.Б. Лупанова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – 829 с.
3. Винер Н. Кибернетика и общество / Н. Винер; общ. ред. и предисл. Э.Я. Кольмана. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 200 с.
4. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / В.Н. Лопатин. – СПб., 2000. – 433 с. EDN NLVDMT
5. Шрейдер Ю.А. Об одной модели семантической теории информации / Ю.А. Шрейдер // Проблемы кибернетики. – Вып. 13. – М., 1965. – С. 333–347.
6. Состоятельность атрибутивной концепции информации. – URL: <https://sistemaya.tilda.ws/page1234> (дата обращения: 15.05.2025).
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
8. Классические зарубежные концепции информационного общества. – URL: https://studref.com/416484/politologiya/..._informatsionnogo_obschestva (дата обращения: 17.05.2025).
9. Кечиев Л.Н. ЭМС и информационная безопасность в системах телекоммуникаций / Л.Н. Кечиев, П.В. Степанов. – М.: Технологии, 2005. – 312 с. EDN TYCXAB
10. Коноплева Л.А. Гуманитарные аспекты информационной безопасности: учебное пособие / Л.А. Коноплева; Уральский государственный экономический университет. – Екатеринбург: УрГЭУ, 2022. – 162 с. EDN WMMIQP
11. Маркелов К.В. Информационная политика и общественный идеал: монография / К.В. Маркелов. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – 262 с. EDN QODTST
12. Osborn D. Reinventing Government / D. Osborn, T. Gaebler // Addison-Wesley Publ. Co. 1992. 165 p.
13. Peters G. Taking Stock: Assessing Public Sector Reforms / G. Peters, D. Savoie. Montreal, 1998. 417 p.
14. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Президентом РФ 5 декабря 2016 года №646. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1539546/ (дата обращения: 17.05.2025).
15. Калмыков Д.А. Информационная безопасность: понятие, место в системе уголовного законодательства Российской Федерации, проблемы правовой охраны: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.А. Калмыков. – Ярославль, 2005. – 219 с. EDN NNOMVB
16. Горшенков Г.Г. Антикриминальная безопасность личности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Г.Г. Горшенков. – Ставрополь, 2009. – 421 с. EDN NQMJVX
17. Красненкова Е.В. Обеспечение информационной безопасности в Российской Федерации уголовно-правовыми средствами: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.В. Красненкова. – М., 2006. – 188 с. EDN NNUNXR
18. Кубышкин А.В. Международно-правовые проблемы обеспечения информационной безопасности государства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / А.В. Кубышкин. – М., 2002. – 193 с. EDN NLYXBR
19. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права / С.В. Познышев. – М.: Тип. А.А. Карцева, 1912. – 653 с.
20. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления / Г.П. Новоселов. – М.: Норма, 2001. – 208 с. EDN XRPBKH
21. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций / А.В. Наумов. – 5-е изд., перераб. и доп. – В 3 т. Т. 1. Общая часть. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – 742 с.
22. Уголовное право России: учебник для вузов / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – Т. 1. Общая часть. – М.: Норма; Инфра-М, 2010. – 589 с.
23. Стрельцов А.А. Информация как общенаучная категория / А.А. Стрельцов // Информация как объект исследования в естественных, технических и социальных науках. – М., 2001. – С. 6–19.

24. Салихов И.И. Информация с ограниченным доступом как объект гражданско-правовых правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / И.И. Салихов. – Казань, 2004. – 38 с. EDN NHMVGP

25. Минбалеев А.В. Теоретические основания правового регулирования массовых коммуникаций в условиях развития информационного общества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / А.В. Минбалеев. – Челябинск, 2012. – 47 с. EDN QSPNDJ

26. Паршин С.М. Тайна в уголовном законодательстве (теоретико-прикладное исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.М. Паршин. – Н. Новгород, 2006. – 207 с. EDN NNZWAL

27. Турышев А.А. Информация как признак составов преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Турышев. – Омск, 2006. – 19 с. EDN NKEWEB

Салишев Сергей Николаевич

аспирант

Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына
г. Бишкек, Республика Кыргызстан

Сеюбергенова Дидар Сламовна

докторант

Международный университет Кыргызстана
г. Бишкек, Республика Кыргызстан

Алияскарова Милана Урматбековна

аспирант

Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
г. Бишкек, Республика Кыргызстан

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ПОДХОДЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: *настоящее исследование посвящено комплексному анализу концепций и подходов в сфере управления информационной безопасностью и регулирования информационных правоотношений в постиндустриальном обществе. В рамках статьи осуществляется детальное изучение методологических стратегий в исследовании информационной безопасности. Рассматриваются различные научные подходы, включая социологический, социально-психологический, социокультурный, гуманитарный и технологический. Особое внимание уделяется критическому осмыслению теоретических основ и практических аспектов информационной безопасности, а также их корреляции с современными вызовами и тенденциями в данной области. Исследование предполагает интеграцию междисциплинарного подхода, что позволяет всесторонне оценить эффективность существующих механизмов защиты информации в условиях глобального процесса информатизации и выявить перспективы их дальнейшего совершенствования. Подчеркивается, что информационная безопасность – это не только техническая, но и социальная, политическая и правовая проблема. Делается вывод о необходимости комплексного подхода и междисциплинарных исследований для разработки эффективных стратегий обеспечения информационной безопасности.*

Ключевые слова: *постиндустриальное общество, информационные технологии, информационное общество, информационная безопасность, телекоммуникационные технологии, информационные ресурсы, информационная культура, информатизация, кибербезопасность, информационная инфраструктура.*

Информация является фундаментальным элементом общественной жизни, пронизывая все социальные процессы и оказывая значительное влияние на поведение индивидов. С углублением и усложнением общественных отношений возрастает значение информационных правоотношений, что в свою очередь приводит к увеличению количества нормативных актов,

регулирующих данную сферу. Управление информационной безопасностью приобретает особую актуальность, поскольку оно направлено на минимизацию рисков, связанных с утечкой, искажением или несанкционированным доступом к информации. В современном мире, где информации становится все больше, а ее значение для общества возрастает в геометрической прогрессии, защита данных выходит на первый план. Технологии и методы должны быть передовыми, особенно учитывая, как быстро развиваются новые виды информационных технологий и автоматизированные системы. А это требует создания новых комплексных мер по защите информации на всех этапах ее жизненного цикла.

Данное исследование направлено на анализ концепций и философских подходов в области управления информационной безопасностью и регулирования информационных правоотношений, в нем рассматриваются технологические решения и методологические стратегии защиты информации.

Информационная безопасность представляется в науке как защита информации от целенаправленных или случайных воздействий, которые могут быть естественными или искусственными и способны нанести значительный ущерб всем участникам информационных отношений, включая владельцев и пользователей информации [1, с. 108]. В философской традиции информация рассматривается через призму категорий «отражение» и «разнообразие» [2, с. 36]. Категория отражения позволяет выявить сущностные свойства объектов познания, в то время как разнообразие служит инструментом для дифференциации этих свойств между различными объектами. Таким образом, информация представляется как структурированное разнообразие, проявляющееся в процессе отражения [2, с. 36]. А. Д. Урсул, выдающийся представитель современной философии, утверждает, что информация является универсальной характеристикой всех материальных систем, пронизывая все уровни мироздания и выступая как фундаментальное отражение многообразия [3, с. 27]. В свою очередь В.Г. Афанасьев трактует информацию как результат отражения многообразной действительности в форме сообщений и сведений, что подчеркивает ее эпистемологическую и коммуникативную природу [4, с. 12].

Современные подходы к понятию информации подчеркивают его взаимосвязь с теорией познания. Так, М.А. Петров определяет информацию как систему логически организованных высказываний и предложений, выраженных в языке и функционирующих в социальных системах и тем самым акцентирует внимание на социальной природе информации, ее зависимости от языковой и коммуникативной деятельности человека, а также ее роли в формировании и трансляции знаний в обществе [5].

С кибернетической точки зрения информация рассматривается как объективная субстанция, тесно связанная с содержанием, поступающим из окружающего мира. Н. Винер, один из основателей кибернетики, утверждал, что информация не является энергией или материей в традиционном смысле, а представляет собой содержание, способствующее адаптации систем к внешней среде [6, с. 201]. В.М. Глушков, выдающийся советский ученый, предложил более комплексное определение, рассматривая информацию как меру неоднородности материи и энергии, а также как количественную характеристику изменений, сопровождающих все природные процессы [7, с. 45].

Несмотря на разность подходов, все исследователи сходятся в одном: информация как атрибут объективного мира является ключевым фактором устойчивости и развития систем, обеспечивая функционирование и взаимодействие в обществе. Для защиты от угроз информационной безопасности необходимы правовые нормы, включая законодательные акты, которые оперируют понятиями «конфиденциальная информация», «персональные данные» и «тайна». Однако до сих пор не существует единого подхода к пониманию института персональных данных в правовой доктрине и законодательстве. В правовой доктрине конфиденциальная информация рассматривается как родовое понятие для всех видов тайн [8, с. 9]. Е.А. Палехова определяет конфиденциальность как требование не допускать распространения информации без

согласия ее обладателя [9, с. 40], а М.В. Бундин – как информацию ограниченного доступа, которая не должна передаваться третьим лицам [10, с. 11]. Таким образом, в российской правовой доктрине конфиденциальность представляет собой качественную характеристику информации, к которой установлен специальный правовой режим, ограничивающий ее свободный обмен на основании федерального законодательства.

Постиндустриальное общество и информационные технологии: социально-философский взгляд. В современном индустриальном обществе ключевую роль играют машинные технологии, тогда как постиндустриальная парадигма характеризуется доминированием информационно-интеллектуальных технологий. Специфика постиндустриального социума заключается в акценте на процессах обмена информацией, осуществляемых посредством информационных и телекоммуникационных систем.

Концепция постиндустриального общества была впервые сформулирована американским социологом Дэниэлом Беллом, который заложил ее методологические основы. Впоследствии значительный вклад в развитие данной теории внесли такие выдающиеся исследователи, как Элвин Тоффлер, Герман Кан, Уильям Дайзард, Ален Турен, Теодор Стоуньер и Йошиа Масуда. Й. Масуда дал исчерпывающую характеристику нового типа общества, основанного на информационных ценностях [11]. Мануэль Кастельс определяет эту эпоху как «информациональную», подчеркивая ее глубокое влияние на мировую культуру, социальную структуру и экономику [12, с. 25].

Исследователи сходятся во мнении, что современный этап развития цивилизации характеризуется значительными изменениями в общественной жизни, технологическом укладе и культурной парадигме. Они также отмечают тенденцию к постоянному росту технического потенциала, оказывающего существенное воздействие на социальные процессы. В своей работе «Социальные рамки информационного общества» Д. Белл конкретизировал эту концепцию, подчеркнув решающую роль телекоммуникационных технологий в повседневной жизни человека [13, с. 330].

Теоретики постиндустриализма рассматривают информацию и знания как стратегические ресурсы и ключевые факторы трансформации общества. Так, английский ученый Теодор Стоуньер в своем фундаментальном труде «Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики» проводит глубокий анализ и сравнительный анализ информации с традиционными природными ресурсами, такими как полезные ископаемые. Он утверждает, что в современном постиндустриальном мире информация стала важнейшим стратегическим ресурсом и ее значение можно сравнить с ролью сырья в эпоху индустриализации. Т. Стоуньер подчеркивает, что в современном мире доступ к качественной информации становится ключевым фактором в геополитической борьбе между странами. В условиях глобализации и стремительной цифровизации экономики государства, владеющие большими объемами данных и передовыми технологиями их обработки, получают значительное преимущество. Это преимущество проявляется в различных сферах, включая научные исследования, инновационные разработки, образовательные системы и управленческие практики [14, с. 393].

Элвин Тоффлер в труде «Третья волна» обращает внимание на ведущую роль новых информационных технологий в развитии информационного общества, которое, по его мнению, откроет неограниченные возможности и интенсифицирует процессы информационного обмена [15].

Уильям Дайзард в своем исследовании представил сценарный анализ процесса перехода общества в информационное состояние и обозначил потенциальные риски, связанные с обеспечением информационной безопасности [16, с. 345]. Он указал на угрозы вторжения в личную и общественную жизнь через базы данных, содержащие конфиденциальную информацию о здоровье, профессиональной деятельности и финансовых операциях. У. Дайзард

подчеркивает необходимость внедрения согласованных подходов и методов контроля на государственном уровне для минимизации этих рисков [16, с. 345].

Йошиа Масуда акцентировал внимание на возможности использования информационных технологий для влияния на духовно-моральные ценности индивидов и социальных групп. Он предложил комплекс мер по защите граждан, включая развитие демократических институтов и предотвращение преступных действий в виртуальной среде [11].

Среди российских исследователей И.С. Мелюхин провел всесторонний анализ информационного общества, подчеркнув необходимость разработки государственной концепции для гармоничного интеграции в мировое информационное пространство, отмечая при этом важность создания института «электронного правительства» как ключевого элемента на пути к информатизации [17, с. 156]. И.С. Мелюхин подчеркнул важность ключевой роли социальной преемственности и государственного регулирования в процессе интеграции и эффективного использования информационных технологий, подчеркивая при этом, что без системной координации и согласованности на всех уровнях управления невозможно раскрыть весь потенциал этих технологий и достичь значимых результатов в различных сферах общественной жизни [17, с. 197].

Таким образом, развитие информационного общества требует комплексного подхода к обеспечению информационной безопасности и разработки государственной политики, направленной на безопасное внедрение информационных технологий.

Подходы к исследованию информационной безопасности в современном обществе. Модель сетевого общества, разработанная Мануэлем Кастельсом, является продуктом информационно-технологической революции и отличается доминированием глобальных и сетевых структур в социальных процессах [18]. Ядром этого общества является не просто информация, а ее применение и направление. В рамках этой парадигмы возникают сети, такие как Интернет, которые объединяют людей, гражданские институты, государственные органы и организации. М. Кастельс подчеркивает, что компьютерные технологии оказывают значительное влияние на властные отношения и культурные трансформации в обществе [18, с. 39]. Анализ подходов зарубежных исследователей к формированию информационного общества и вопросам информационной безопасности в контексте информационно-коммуникативных технологий показывает, что ранние концепции, представленные Дэниелом Беллом и Теодором Стоуньером, были оптимистичны в отношении технократической власти и прогресса в науке и технике. Д. Белл в своей концепции постиндустриального общества выделял знания и информацию как ключевые факторы экономического и социального прогресса, а Т. Стоуньер в свою очередь подчеркивал, что информация становится новым видом богатства, способным трансформировать структуру экономики и общества [14, с. 392–409; 19]. Однако более поздние теории М. Кастельса и Т. Росзака, охватывали более широкий спектр проблем, связанных с развитием информационного общества. Так, М. Кастельс уделял особое внимание сетевым структурам и их влиянию на социальные, экономические и политические процессы. Он подчеркивал ведущую роль сетевых взаимодействий в формировании новых форм общественного устройства и управления [18], в то время как Т. Росзак, напротив, рассматривал информационные технологии не только как средство улучшения жизни, но и как источник новых вызовов, поэтому на первый план выдвигал вопросы конфиденциальности, манипуляции информацией и их влияние на психическое здоровье. Т. Росзак также считал важным развитие новых форм культуры и образования, способных адаптироваться к стремительно меняющемуся информационному миру [21].

Таким образом, современный этап информационного развития характеризуется возрастающей ролью информации и знаний как ведущих факторов общественного прогресса, а также значимостью технологических достижений в сфере информационных технологий и

телекоммуникаций. Эти факторы оказывают существенное влияние на социально-экономические и политические трансформации.

Сложности формирования единого определения информационной безопасности. Информационная безопасность представляет собой комплексное и многогранное явление, которое трудно формализовать из-за объективного и динамичного характера информатизации. Чаще всего информационная безопасность рассматривается с позиций права, психологии, социологии и технического обеспечения, что порождает многообразие подходов и усложняет формирование единого определения.

Социологический подход к информационной безопасности акцентирует внимание на информационном противоборстве, проявляющемся в масс-медиа и электронных средствах массовой информации, и оценивает его последствия через общественное мнение. Социально-психологический подход, разработанный Е.П. Белинской, Ю.Д. Бабаевой и другими, анализирует эффективность информационного воздействия на индивида, учитывая установки и уровень доверия к информации в обществе [22; 23]. А.Е. Войскунский в свою очередь рассматривает кибербезопасность как важный аспект информационной безопасности [24, с. 49].

Социокультурный подход, предложенный Э.К. Наберушкиной, интерпретирует информационную культуру как неотъемлемую часть общечеловеческой культуры и акцентирует внимание на сохранении социальных ценностей и противодействии их подмене [25]. Данный подход подчеркивает значимость безопасного развития личности в информационном обществе и необходимость защиты от деструктивного информационного воздействия.

Особое внимание уделяется их отношению к вопросам кибербезопасности и влиянию социальных сетей на распространение информации. Психологическая составляющая рассматривает когнитивные процессы, решения в условиях угроз и эмоциональное восприятие рисков. Правовые аспекты касаются законодательных норм, регулирующих защиту данных, и международных соглашений по кибербезопасности. Педагогическое направление направлено на обучение и повышение осведомленности о рисках и способах защиты информации. Технические аспекты включают разработку и внедрение технологий для обеспечения безопасности. Экономические исследования анализируют влияние кибербезопасности на бизнес и экономику.

Многие научные работы не стремятся к четкому определению понятий, что ограничивает их вклад в систематизацию знаний. Отсутствие единого мнения о термине «информационная безопасность» мешает интеграции различных методологических подходов и концепций, что затрудняет создание общетеоретической базы и приводит к фрагментации знаний. Разночтения в понимании термина «информационная безопасность» осложняют взаимодействие специалистов, снижая эффективность их совместных усилий.

Для более глубокого понимания феномена информационной безопасности предлагается междисциплинарный подход, который интегрирует достижения различных научных областей и выходит за рамки узкодисциплинарных методологий. Это особенно важно в условиях глобального процесса информатизации и формирования информационного общества.

Подходы, применяемые в междисциплинарных направлениях. Информационная безопасность представляет собой междисциплинарную область, требующую комплексного и системного подхода к исследованию. Существующие научные труды в данной сфере преимущественно фокусируются на технологических и организационных аспектах, освещая вопросы систематизации и структурирования мер по обеспечению безопасности на национальном и корпоративном уровнях [19].

Гуманитарный подход к информационной безопасности акцентирует внимание на необходимости духовной трансформации общества, соблюдении прав и свобод граждан в информационном пространстве, а также на разработке методологических основ и правовой

регламентации [24, с. 50; 26]. Этот подход также направлен на выявление значимости информационной безопасности в контексте современных общественных процессов и обеспечение безопасности сознания на различных уровнях.

В российском обществе сформировался нормативно-правовой подход к информационной безопасности, закрепленный в Законе Российской Федерации от 28 декабря 2010 года №390-ФЗ «О безопасности» [27] и Доктрине информационной безопасности Российской Федерации от 5 декабря 2016 года №646 [28]. Эти документы определяют информационную безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, включая угрозы международного характера.

Исследователи, придерживающиеся технологического подхода, акцентируют внимание на защите информации и информационной инфраструктуры от естественных и искусственных угроз [29, с. 6; 30, с. 15]. Информационная инфраструктура включает организационные структуры, технические средства, аппаратное и программное обеспечение, обеспечивающее сбор, хранение, передачу и использование информации. Устойчивая работа этой инфраструктуры является ключевым фактором для реализации конституционных прав граждан, экономической деятельности, государственного управления и социального обеспечения.

Информационная коммуникация осуществляется через информационную инфраструктуру, и ее нарушение может привести к дестабилизации общественных институтов. Технологический подход подчеркивает необходимость защиты информации как продукта информационных технологий, что требует применения правовых, организационных и технических мер. Защита информации включает предотвращение утечки, несанкционированного доступа и воздействия на информацию, а также ликвидацию последствий информационных угроз и хакерских атак. Защита от утечки информации направлена на предотвращение несанкционированного распространения конфиденциальных данных, а защита от несанкционированного доступа – на исключение доступа к информации без соответствующих прав. Для этого используются организационные, технические и программные средства, включая криптографические методы.

Защита от несанкционированного воздействия направлена на предотвращение искажения, уничтожения, блокирования или утраты информации, а защита от непреднамеренного воздействия – на минимизацию рисков, связанных с ошибками пользователей или сбоями в работе программно-аппаратных средств.

Анализ научной литературы показывает, что технологический аспект информационной безопасности более разработан по сравнению с гуманитарным. Оптимальным определением информационной безопасности является подход, предложенный М. В. Арсентьевым, который рассматривает ее как ситуацию снятия информационной неопределенности относительно потенциальных и реальных угроз, а также наличия возможностей и средств для их отражения [31, с. 49].

Информационная безопасность должна рассматриваться как комплексное явление, соответствующее тенденциям развития информационного общества. Для обеспечения безопасной информационной среды необходимо анализировать применение информационных технологий, выявлять опасные тенденции и их последствия, а также устранять причины их возникновения.

Таким образом, постиндустриальное общество отличается от индустриального тем, что в нем доминируют информационно-интеллектуальные технологии. В индустриальном обществе ключевую роль играют машинные технологии, которые определяют характер производства и образ жизни людей. В постиндустриальном обществе информация и знания становятся стратегическими ресурсами и ключевыми факторами трансформации общества. Они влияют на все сферы жизни, включая экономику, культуру и социальные отношения.

Информационная безопасность – это комплексное и многогранное явление, которое требует междисциплинарного подхода к исследованию, поскольку играет ключевую роль в формировании национальной безопасности на государственном уровне. Это связано с тем, что информация и информационные системы становятся все более важными для функционирования государственных институтов, экономики и общества в целом.

Существующие научные труды в сфере информационной безопасности преимущественно фокусируются на технологических и организационных аспектах, рассматривая вопросы защиты информации в компьютерных системах, сетях и других информационных инфраструктурах. Однако информационная безопасность – это не только техническая проблема, но и социальная, политическая и правовая.

В российском обществе сформировался нормативно-правовой подход к информационной безопасности, закрепленный в соответствующих федеральных законах и доктринах. Этот подход предполагает разработку и реализацию комплекса мер, направленных на защиту информации и информационных систем от различных угроз. Технологический подход подчеркивает необходимость защиты информации как продукта информационных технологий, что требует применения правовых, организационных и технических мер.

Таким образом, информационная безопасность является важной составляющей национальной безопасности и требует комплексного подхода, включающего технические, организационные, правовые и гуманитарные аспекты, что лишний раз подчеркивает необходимость междисциплинарных исследований и сотрудничества между специалистами разных областей для разработки эффективных стратегий и мер по обеспечению информационной безопасности.

Список литературы

1. Шаньгин В.Ф. Информационная безопасность компьютерных систем и сетей: учебное пособие / В.Ф. Шаньгин. – М.: Форум, 2018. – 256 с.
2. Украинцев Б.С. Информация и отражение / Б.С. Украинцев // Вопросы философии. – 1963. – №2. – С. 26–38.
3. Урсул А.Д. Информация и глобальные процессы: междисциплинарные исследования / А.Д. Урсул // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – №3. – С. 26–33. EDN RBOVID
4. Афанасьев В.Г. Социальная информация: монография / В.Г. Афанасьев. – М.: Наука, 1994. – 199 с.
5. Петров М.А. Информационно-знаниевая сущность познавательного процесса / М.А. Петров // Вестник Иркутского государственного университета. – 2010. – №26 (2). – URL: https://nbisu.moy.su/_ld/8/887_...?usclid=mbet1eltms280815125 (дата обращения: 20.05.2025).
6. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Виннер; пер. с англ.; предисл. Г.Н. Поварова. – 2-е изд. – М.: Советское радио, 1968. – 326 с.
7. Глушков В.М. Алгебра. Языки. Программирование / В.М. Глушков, Г.Е. Цейтлин, Е.Л. Ющенко; АН УССР, Ин-т кибернетики им. В.М. Глушкова. – 3-е изд., перераб., доп. – Киев: Наукова думка, 1989. – 376 с.
8. Туманова Л.В. Обеспечение и защита права на информацию / Л.В. Туманова, А.А. Снытников. – М.: Городец-издат, 2001. – 339 с.
9. Палехова Е.И. Конфиденциальная информация и институт персональных данных в банковской деятельности / Е.И. Палехова // Предпринимательское право. – 2010. – №3. – С. 40–46. EDN MWGFVD
10. Бундин М.В. Персональные данные как информация ограниченного доступа / М.В. Бундин // Информационное право. – 2009. – №1. – С. 10–14. EDN KDMPQN
11. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Wash.: World Future Soc., 1983. 299 p.
12. Кастельс М. Власть коммуникации / М. Кастельс, пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
13. Белл Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342.
14. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики / Т. Стоуньер // Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1986. – С. 392–409.
15. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – 345 с.
16. Дайзард У. Наступление информационного века / У. Дайзард // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1986. – С. 343–355.

17. Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития / И.С. Мелюхин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 206 с.
18. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
19. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; пер. с англ. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Academia, 2004, CLXX. – 788 с. EDN QOCVVP
20. Стоуньер, Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики / Т. Стоуньер // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1986. – С. 392–409.
21. Roszak T. The Cult of Information. The Folklore of computers and the True Art of Thinking. New York: Pantheon Books, Cop. 1986. XII, 238 p.
22. Белинская Е.П. Информационная социализация в поликультурном пространстве / Е.П. Белинская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2015. – Т. 3. №30. – С. 253–259.
23. Бабаева Ю.Д. Психологические последствия информатизации / Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. №1. – С. 89–100
24. Войскунский А.Е. Информационная безопасность: психологические аспекты / А.Е. Войскунский // Национальный психологический журнал. – 2010. – Т. 1. №3. – С. 48–53. EDN NXUUVR
25. Наберушкина Э.К. Социокультурные аспекты информационной безопасности в сетевом обществе / Э.К. Наберушкина, Е.А. Бердник // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – 2016. – №17 (238). – Вып. 37. – С. 90–98. EDN WZRGPT
26. Скворцов Л.В. Информационная культура и цельное знание / Л. В. Скворцов. – М.: Изд-во МБА, 2011. – 440 с. EDN QONAHJ
27. Закон Российской Федерации «О безопасности» от 28 декабря 2010 года №390-ФЗ. – URL: <http://base.garant.ru/10136200/> (дата обращения: 20.05.2025).
28. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 года №646. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1539546/ (дата обращения: 20.05.2025).
29. Малюк А.А. Введение в защиту информации в автоматизированных системах / А.А. Малюк, С.В. Пазизин, С.Н. Погожин. – М.: Горячая линия-Телеком, 2001. – 144 с.
30. Галатенко В.А. Основы информационной безопасности. Курс лекций: учебное пособие / В.А. Галатенко; под ред. В.Б. Бетелина. – М.: ИНТУИТ.РУ «Интернет-университет информационных технологий», 2006. – 208 с.
31. Арсентьев М.В. К вопросу о понятии «информационная безопасность» / М.В. Арсентьев // Информационное общество. – 1997. – №4–6. – С. 48–50.

Трухан Василий Николаевич

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации»

г. Красноярск, Красноярский филиал

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ЯДРО: ИНФРАСТРУКТУРА

Аннотация: развитие современных технологий требует соответствующего развития инфраструктурных решений, обеспечивающих эффективную интеграцию новых технологических достижений в производственные процессы и повседневную жизнь общества. Статья посвящена исследованию концепции технологического ядра и особенностей проектирования инфраструктурных комплексов для поддержки инновационных проектов. Анализируются проблемы интеграции различных уровней технологической инфраструктуры, рассматриваются перспективы построения универсальных платформ для реализации сложных технических систем.

Ключевые слова: инфраструктура, технологии, инновационные проекты, интегрированные системы, технологическое ядро, интеллектуальные решения.

Введение.

Современный мир характеризуется интенсивным развитием цифровых технологий, биотехнологий, энергетики и транспорта. Инновационные разработки требуют особых условий для внедрения и эксплуатации, поскольку большинство передовых решений зависят от наличия развитых инфраструктурных объектов. Под термином «технологическое ядро» понимается совокупность базовых элементов, определяющих уровень эффективности функционирования техносферы и способность эффективно внедрять новые научные достижения. Развитие инфраструктуры играет ключевую роль в обеспечении устойчивого роста экономики, социальной сферы и экологической устойчивости.

Основные цели исследования.

Целью настоящей статьи является изучение концептуальной основы формирования технологического ядра, выявление ключевых аспектов его структуры и функциональности, определение основных проблем, возникающих при проектировании и развитии инфраструктурного комплекса. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд исследовательских задач:

- определение понятия «технологическое ядро»;
- изучение истории становления и развития инфраструктурной среды;
- выявление особенностей современного этапа научно-технического прогресса;
- оценка роли инфраструктуры в формировании устойчивых экосистем;
- обоснование методологии оценки состояния технологического ядра.

Для раскрытия указанных вопросов используются методы теоретического анализа, сравнительного изучения, контент-анализа документов и публикаций, статистический анализ эмпирических данных. Научная новизна заключается в систематизации подходов к формированию технологического ядра и выявлению факторов, влияющих на эффективность инфраструктуры. «Идея сквозного управления материальными потоками на возможно более протяженных логистических цепях неизбежно ставит проблемы инфраструктурного характера. Имеется несколько групп таких инфраструктурных вопросов, связанных с функционированием логистических систем» [1].

Понятие и структура технологического ядра.

Термин «технологическое ядро» включает инфраструктуру, необходимую для успешного функционирования всех компонентов социально-экономической системы государства или региона. Она охватывает транспортные сети, энергетику, телекоммуникации, вычислительные мощности, логистические центры, инженерные коммуникации и другие объекты, способствующие ускорению внедрения новейших разработок.

Структура технологического ядра состоит из трех взаимосвязанных подсистем.

1. Материально-техническое обеспечение.
2. Информационно-коммуникационная среда.
3. Организационно-правовая база.

Каждая составляющая влияет на развитие других элементов и определяет возможности внедрения инноваций. Например, строительство высокоскоростных магистралей способствует развитию транспортного сектора, что положительно сказывается на экономике регионов, расположенных вдоль трассы. Внедрение информационно-телекоммуникационных сетей позволяет оптимизировать управление ресурсами и повышает производительность труда благодаря автоматизации процессов управления предприятиями.

«По мнению ряда исследователей, важнейшими характеристиками эффективного технологического ядра являются масштабируемость, надежность, гибкость и адаптивность к внешним условиям» [2]. Эти качества обеспечивают конкурентоспособность национальной экономики и устойчивость развития промышленности.

История становления и этапы развития инфраструктуры.

Исторически формирование инфраструктуры связано с процессами индустриализации, происходившими начиная с XVIII века. Первая промышленная революция ознаменовалась созданием парового двигателя, изобретением железобетона и появлением железных дорог. Вторая волна промышленной революции привела к созданию крупных электростанций, электрических машин и массового производства автомобилей. Третья промышленная революция началась с появления компьютеров и полупроводников, открыв путь цифровизации производств и расширению возможностей обработки больших объемов данных.

Четвертая промышленная революция характеризуется переходом к цифровой экономике, активным использованием роботизированных устройств, автономных транспортных средств, интернета вещей (IoT). «Многие организации составляют перечни, классифицирующие различные технологии, которые определяют четвертую промышленную революцию. Создаваемые ими научные прорывы и новые технологии кажутся безграничными, разворачиваясь на множестве фронтов и во множестве мест. Мой выбор ключевых технологий, заслуживающих внимания, основан на результатах исследования, проведенного Всемирным экономическим форумом, а также на результатах работы нескольких глобальных экспертных советов» [3]. Такие изменения создают потребность в создании соответствующей инфраструктуры, включающей серверные фермы, оптико-волоконные линии связи, хранилища данных и специализированные площадки для тестирования прототипов изделий.

Основные тенденции современной стадии научно-технического прогресса включают:

- увеличение доли интеллектуальной собственности в структуре активов компаний;
- расширение практики совместного использования ресурсов («sharing economy»);
- рост спроса на экологически чистые продукты и услуги;
- формирование глобального рынка инновационных продуктов.

Эти факторы определяют необходимость совершенствования существующей инфраструктуры и строительства новых специализированных объектов, поддерживающих внедрение перспективных технологий.

Современные подходы к оценке состояния технологического ядра.

Оценка уровня готовности инфраструктуры к принятию инновационных технологий осуществляется путем сопоставления имеющихся мощностей с потребностями экономики и общества. Среди методов оценки выделяются:

- «Методика SWOT-анализа. Сильные (*S*) и слабые (*W*) стороны являются факторами *внутренней среды* объекта анализа, (то есть тем, на что сам объект способен повлиять); возможности (*O*) и угрозы (*T*) являются факторами *внешней среды* (то есть тем, что может повлиять на объект извне и при этом не контролируется объектом)» [5], ее дальнейшего развития;
- индекс зрелости предприятия (Maturity Index), отражающий степень освоения организацией современных инструментов управления и производственных технологий;
- показатели производительности оборудования, энергозатрат, выбросов вредных веществ и прочих индикаторов экологичности предприятий.

Особое внимание уделяется качеству информационной составляющей инфраструктуры, включая наличие надежных каналов передачи данных, защищенность информации от несанкционированного доступа, доступность квалифицированных кадров для обслуживания ИТ-инфраструктуры.

Эффективность функционирования инфраструктуры оценивается также через показатели энергоэффективности, надежности электроснабжения, доступности широкополосного интернета, скорости загрузки файлов, стоимости подключения к коммуникационным сетям. Все перечисленные характеристики оказывают влияние на инвестиционную привлекательность территории и формируют конкурентные преимущества в борьбе за привлечение инвесторов и создание рабочих мест.

При анализе состояния инфраструктуры учитываются международные стандарты, разработанные такими организациями, как Всемирный экономический форум (WEF), Международный союз электросвязи (ITU), Организация экономического сотрудничества и развития (OECD).

Заключение.

Анализируя современное состояние инфраструктуры, можно сделать вывод о важности постоянного обновления существующих и создания новых объектов инфраструктуры, обеспечивающих функционирование высокотехнологичных отраслей экономики. Без надежной инфраструктуры невозможно реализовать крупные проекты, направленные на повышение уровня благосостояния населения и рост национального богатства.

Создание благоприятных условий для привлечения инвестиций, повышения квалификации персонала, улучшения бизнес-климата позволит обеспечить долгосрочный успех национальных экономик и достижение высоких показателей устойчивого развития. Таким образом, исследование технологического ядра представляет собой актуальную проблему, решение которой обеспечит успешное преодоление трудностей, стоящих перед обществом в условиях перехода к шестому технологическому укладу.

Список литературы

1. Слукина С.А. Инфраструктура и логистика промышленных предприятий: учебное пособие / С.А. Слукина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 88 с. – ISBN 978-5-7996-1451-5. EDN UWOMRJ
2. Грибанов Д.В. Особенности структурирования технологической инфраструктуры региона / Д.В. Грибанов, Н.С. Масленникова // Региональная экономика и управление. – 2019. – №2. – С. 102–111.
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016. – ISBN 978-5-699-90556-0.
4. Тихонов В.Н. Международные индексы оценки инфраструктуры / В.Н. Тихонов, А.Г. Полухин // Журнал исследований мировой экономики. – 2021. – №4. – С. 132–143.
5. SWOT-анализ. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/SWOT-анализ> (дата обращения: 24.02.2026).

ЦИФРОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИМИ ПОТОКАМИ

Ашушкина Дарья Сергеевна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ НА МАРШРУТЕ: КАК НЕЙРОСЕТИ ОПТИМИЗИРУЮТ ПРОЦЕССЫ ЛОГИСТИКИ

Аннотация: актуальность исследования обусловлена экспоненциальным ростом объема перевозок в условиях развития электронной коммерции и урбанизации, что делает традиционные методы диспетчеризации, основанные на человеческом опыте и статических алгоритмах, недостаточно эффективными. В статье рассматривается проблематика внедрения технологий искусственного интеллекта, в частности нейросетевых моделей, в процессы оперативного управления логистическими маршрутами. Методологическую базу исследования составил анализ современных научных публикаций и отраслевых отчетов, посвященных применению графовых нейронных сетей, моделей пространственно-временного внимания, а также мультиагентных систем в логистике. В результате исследования систематизированы ключевые направления, где искусственный интеллект превосходит человека: обработка данных в реальном времени, учет множества динамических факторов (пробки, погода, срочность заказа), предиктивная аналитика и самообучение. Нейросети не просто автоматизируют рутину, а создают принципиально новый уровень управления – проактивный, способный предвидеть сбои и адаптировать маршруты быстрее и точнее, чем это способен сделать диспетчер в условиях информационной перегрузки.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, оптимизация маршрутов, управление логистическими потоками, предиктивная аналитика, графовые нейронные сети, мультиагентные системы, динамическая маршрутизация, последняя миля, цифровизация логистики.

Современная логистика столкнулась с вызовом, который можно охарактеризовать как «тирания сложности». Рост электронной коммерции привел к тому, что потребители ожидают доставку «день в день» или даже в часовые интервалы, при этом сохраняя возможность изменить время и место получения заказа в последний момент. Для диспетчера-человека это означает необходимость одновременно удерживать в голове десятки переменных: текущую загрузку дорог, окна загрузки/разгрузки складов, режим труда и отдыха водителей, срочность каждого заказа и даже погодные условия. В таких условиях человеческий мозг неизбежно перегружается, что ведет к субоптимальным решениям и росту издержек [5].

Искусственный интеллект (ИИ), напротив, способен обрабатывать гигантские массивы данных в реальном времени. Если диспетчер прокладывает маршрут, опираясь на прошлый опыт и знание города, то нейросеть анализирует текущую ситуацию и прогнозирует будущую. Как отмечают исследователи, ключевой тренд последних лет – переход от статической маршрутизации к предиктивной, основанной на самообучающихся алгоритмах [7; 8].

Технологическая база современных систем ИИ в логистике далека от единообразия. Для решения задачи оптимизации маршрутов применяются различные классы нейросетевых архитектур, каждая из которых отвечает за определенный аспект проблемы.

Транспортная сеть по своей природе является графом, где узлы – это точки погрузки/выгрузки, а ребра – дороги между ними. Традиционные алгоритмы видят только «вес» ребра (расстояние или время в покое). Графовые нейронные сети (GNN) позволяют учитывать

контекст узла: загруженность склада, наличие свободных доков, историю задержек именно в этом логистическом узле [6].

Исследования показывают, что GNN способны агрегировать информацию от соседних узлов, формируя векторное представление, учитывающее как локальные, так и глобальные особенности сети [6]. Это позволяет прогнозировать задержки не на всем маршруте, а на конкретных участках, и перестраивать путь до того, как водитель въедет в проблемную зону.

Динамика логистических сетей проявляется в двух измерениях: пространственном (изменение топологии из-за перекрытий дорог или недоступности узлов) и временном (колебания времени и стоимости проезда по одному и тому же маршруту в разное время суток). Для решения этой проблемы исследователями из Гонконга была предложена модель STAR (Spatial-Temporal Attention Reasoning) на основе обучения с подкреплением [4].

STAR уникальным образом комбинирует три модуля: топологически-ориентированную графовую сверточную сеть (TAGCN) для учета структуры сети, рекуррентную нейронную сеть (TCRNN) для анализа временной динамики и модуль иерархического вознаграждения, который учит систему соблюдать требования по времени прибытия и типу транспорта. В экспериментах на реальных кейсах модульного строительства в дельте Жемчужной реки STAR показал способность адаптивно выбирать наиболее экономически эффективные маршруты в условиях быстро меняющейся обстановки [4].

Отдельное направление – автоматизация не только дорожных маршрутов, но и территории склада. Российская практика показывает успешное внедрение мультиагентных систем, где каждый агент (менеджер времени, менеджер ворот, менеджер двора) отвечает за свой участок. Они обмениваются событиями и принимают решения без участия человека: переназначают слоты, открывают въезды, перестраивают очереди на контрольно-пропускной пункт. Система не просто реагирует, а обучается в процессе, обращаясь к оператору только в нестандартных ситуациях для подтверждения корректных действий [2].

Анализ научной и отраслевой литературы позволяет количественно оценить преимущество нейросетей перед человеком-диспетчером.

Системы на базе ИИ демонстрируют способность к многокритериальной оптимизации в реальном времени. Эксперименты с гибридными моделями, объединяющими рекуррентную нейронную сеть LSTM (Long Short-Term Memory) для учета динамики трафика и нейронную сеть прямого распространения FNN (Feedforward Neural Network) для статических характеристик (адрес, вес груза), показали сокращение времени доставки в среднем на 15–20% по сравнению с традиционными методами планирования [10]. В одном из описанных кейсов доставка 10 кг груза в деловой квартал заняла 29 минут при затратах 34 юаня, что было признано высокоэффективным результатом [10].

Критически важным является фактор предсказательности. Диспетчер видит проблему, когда она уже случилась (водитель позвонил и сообщил о пробке). ИИ прогнозирует проблему. Исследования с использованием графовых нейросетей подтвердили, что модели GNN способны с высокой точностью прогнозировать задержки на конкретных участках маршрута, что позволяет системе заранее перенаправить транспорт [6]. Это превращает управление из реактивного в проактивное.

ИИ обеспечивает устойчивость к «человеческому фактору». Диспетчер может устать, заболеть, потерять концентрацию или просто не знать нюансов нового района. Мультиагентная система KONCRIT | YMS, как заявляют разработчики, полностью заменяет операторские действия, адаптируя правила «на лету»: переназначает слоты, меняет приоритеты заказов в зависимости от срочности, перераспределяет поток машин между контрольно-пропускными пунктами [2]. Это не только повышает скорость, но и нивелирует ошибки, связанные с невнимательностью.

Почему же нейросеть «быстрее» диспетчера? Дело не только в тактовой частоте процессора против скорости нервных импульсов. Ключевое различие – в широте охвата данных. Диспетчер, даже самый опытный, оперирует ограниченным числом параметров. Нейросеть, особенно построенная на принципах графовых сетей и механизмов внимания, учитывает тысячи факторов одновременно.

Кроме того, важно понятие «объяснимости». Долгое время считалось, что нейросети – это «черный ящик», и логист не может доверять решению, которое он не понимает. Однако современные системы, такие как мультиагентные платформы, стремятся к объяснимости: каждое решение ИИ-агента может быть проверено и обосновано [2]. Это снимает психологический барьер для внедрения.

Тем не менее, остается ряд ограничений. ИИ требует качественных данных. Для его обучения необходима развитая цифровая инфраструктура (датчики, телематика, системы учета). Также, как показывают опросы, лишь около 20% компаний прямо используют машинное обучение в логистике, хотя интерес к технологии стремительно растет [7]. Это говорит о том, что эпоха тотальной роботизации диспетчерской еще не наступила, но тренд очевиден.

Нейросетевые технологии в управлении логистическими потоками переходят из разряда экспериментальных в разряд промышленных. Такие архитектуры, как графовые нейронные сети и модели пространственно-временного внимания, позволяют решать задачи, непосильные для человека-диспетчера: обрабатывать потоки данных в реальном времени, прогнозировать динамику транспортной сети и адаптировать маршруты под индивидуальные требования каждого заказа.

Однако внедрение таких систем требует перестройки бизнес-процессов и подготовки персонала к работе в связке с «цифровыми агентами». Будущее логистики видится не в полной замене человека машиной, а в создании эффективной системы симбиоза, где ИИ берет на себя рутину и анализ, а человек – стратегический контроль и решение нестандартных задач. К 2027–2030 годам прогнозная маршрутизация, вероятно, станет стандартом отрасли, особенно в сегментах e-commerce и крупном ритейле [7].

Список литературы

1. О перспективах разработки и применения технологии искусственного интеллекта при реализации транспортно-логистических задач в сфере грузовых перевозок / Б.М. Лапидус, А.Т. Осьминин, А.А. Лазарев, А.В. Кабанов // Железнодорожный транспорт. – 2025. – №5. – С. 4–12. EDN HJDXVF
2. Резванов В.К. Прогнозирование сроков доставки товаров в цепях поставок с использованием методов машинного обучения / В.К. Резванов, О.М. Ромакина, Е.В. Зайцева // Advanced Engineering Research (Rostov-on-Don). – 2025. – Т. 25. №2. – С. 120–128. – DOI: 10.23947/2687-1653-2025-25-2-120-128. EDN QBDMMA
3. Machine learning applications for delivery time prediction and freight planning / N.V. Hung, T.T. Huong, N. Tan, T.C. Doan, N.N. Hoang // Информатика и автоматизация. – 2025. – Vol. 24. No. 5. – Pp. 1379–1407. – DOI: 10.15622/ia.24.5.5. EDN LYCFPK
4. Enhancing Last-Mile Logistics: AI-Driven Fleet Optimization, Mixed Reality, and Large Language Model Assistants for Warehouse Operations / S. Ieva [et al.] // Sensors. 2025. Vol. 25. No. 9. 2696. DOI: 10.3390/s25092696. EDN PZYNBU
5. Marino C.A. Improving adaptive large neighborhood search: an evaluation of parallel approaches with deep learning integration // Evolutionary Intelligence. 2026. Vol. 19. Article 7. DOI: 10.1007/s12065-025-01115-w. EDN OEJXIG
6. Lu Z. STAR: spatial-temporal attention reasoning model for dynamic logistics network routing in cyber-physical internet / Z. Lu, Z. Zhao, G.Q. Huang // Advanced Engineering Informatics. 2026. Vol. 69. Part A. 103830. DOI: 10.1016/j.aei.2025.103830. EDN WIFBCS
7. A reinforcement learning approach for the dynamic vehicle routing and scheduling problem with stochastic request times and time-dependent, stochastic travel times / D. Chen, C. Imdahl, D. Lai, T. Van Woen-sel // Transportation Research Part C: Emerging Technologies. 2026. Vol. 182. 105387. DOI: 10.1016/j.trc.2025.105387. EDN OAJAAN
8. A Single AI Platform for the Unification of Railway Transport Logistics Processes / O. Rohovyi, V. Samsonkin, O. Yurchenko, G. Bureika // EDCC-C 2025. 2025. Pp. 96–101.

Григоренко Ольга Сергеевна

преподаватель

Новоятлева Кристина Александровна

студентка

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОТСЛЕЖИВАНИЯ ГРУЗОВ: ВЛИЯНИЕ НА УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КЛИЕНТОВ И ПРОЗРАЧНОСТЬ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЦЕПОЧЕК

Аннотация: статья посвящена исследованию использования цифровых инструментов отслеживания грузов и их влияния на удовлетворенность клиентов. Актуальность темы обусловлена стремительной цифровизацией экономики, ростом электронной коммерции и растущим спросом потребителей на скорость, надежность и открытость информации в процессе доставки.

Ключевые слова: цифровые инструменты отслеживания грузов, логистическая прозрачность, удовлетворенность клиентов, логистические цепочки, цифровизация грузоперевозок, управление цепями поставок.

Современный этап развития мировой торговли и логистики характеризуется углубляющимся противоречием между экспоненциальным ростом объемов грузоперевозок (особенно в секторе электронной коммерции) и растущими требованиями потребителей к скорости, надежности и информационной открытости процесса доставки. Цифровая трансформация, ускоренная пандемией, и изменение поведения потребителей преобразовали характер логистических услуг, сделав прозрачность операций и ориентацию на клиента не просто конкурентными преимуществами, но и основными ожиданиями рынка.

Несмотря на то, что технологический арсенал постоянно расширяется и доступность решений постоянно повышается, глубина и эффективность внедрения цифровых систем мониторинга по-прежнему неравномерны. Основными ограничениями являются фрагментация данных, сложность интеграции устаревших систем, инвестиционные затраты и неизменная деловая культура некоторых подразделений, которые недооценивают стратегическую ценность прозрачности. В то же время игнорирование оцифровки процессов отслеживания может привести к возникновению операционных рисков – потере товаров, неэффективному управлению активами и росту расходов на поддержку клиентов, что приведет к ослаблению доверия и лояльности потребителей.

Цель исследования – провести комплексный анализ влияния цифровых инструментов отслеживания грузов на уровень удовлетворенности клиентов и обеспечение прозрачности логистических цепочек.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- классифицировать и проанализировать ключевые цифровые инструменты отслеживания грузов (GPS, RFID, IoT-платформы, блокчейн-решения) по критериям функциональности, глубины интеграции, стоимости внедрения и степени предоставляемой операционной видимости;

- выявить и количественно оценить влияние различных типов систем отслеживания на ключевые метрики удовлетворенности клиентов (CSAT, NPS, уровень повторных покупок), а также на операционные показатели логистической прозрачности (время доставки, точность прогноза, уровень потерь и рекламаций);

– проанализировать факторы, ограничивающие эффективность внедрения цифровых инструментов отслеживания на различных этапах логистической цепочки, включая технологические, организационные, экономические и поведенческие барьеры.

Проведенное изучение позволило выявить комплекс ключевых факторов, влияющих на внедрение и эффективность цифровых инструментов отслеживания грузов, которые были систематизированы в две группы: барьеры и возможности.

К барьерам внедрения цифровых инструментов отслеживания можно отнести.

1. Высокие первоначальные инвестиции и сложность интеграции: затраты на внедрение комплексных систем на основе IoT, RFID или блокчейн-платформ, а также необходимость интеграции с существующими ERP-, WMS- и CRM-системами создают значительный финансовый и технологический барьер, особенно для средних и малых логистических операторов.

2. Фрагментация данных и отсутствие единых стандартов: несовместимость систем отслеживания разных участников цепочки поставок (производитель, перевозчик, склад, курьерская служба) приводит к «информационным разрывам», что снижает ценность сквозной прозрачности и создает дополнительные операционные издержки на консолидацию данных.

3. Сопротивление изменениям и недостаток цифровых компетенций: консервативная организационная культура, особенно в традиционных транспортных компаниях, а также нехватка специалистов, способных работать с современными системами мониторинга и аналитики данных, замедляют процесс цифровизации.

4. Озабоченность безопасностью и конфиденциальностью данных: риски, связанные с кибератаками на системы отслеживания, утечкой информации (маршруты, объемы перевозок) или персональных данных клиентов, заставляют компании ограничивать уровень предоставляемой внешним пользователям видимости.

5. Ограниченная осведомленность о влиянии на клиентский опыт. Многие операторы воспринимают системы отслеживания как операционный инструмент контроля, недооценивая их стратегическую роль в управлении ожиданиями клиентов, снижении нагрузки на службу поддержки и формировании лояльности.

Возможности и стимулирующие факторы.

1. Повышение удовлетворенности и лояльности клиентов: предоставление точной информации о местоположении груза в реальном времени и автоматические уведомления значительно снижают тревожность покупателя, повышают доверие к бренду и напрямую влияют на ключевые метрики.

2. Оптимизация операционных процессов и снижение издержек: возможность прогнозировать сроки доставки, оперативно реагировать на сбои (пробки, поломки), оптимизировать маршруты и уменьшать количество «ложных» запросов в службу поддержки ведет к существенному повышению эффективности и сокращению затрат.

3. Создание стратегического конкурентного преимущества: в условиях рынка, где цена и скорость доставки постепенно нивелируются, прозрачность и качество коммуникации становятся ключевыми дифференциаторами, позволяющими привлекать и удерживать наиболее требовательных клиентов.

4. Развитие новых бизнес-моделей и сервисов: данные, собираемые системами отслеживания, становятся основой для предложения премиальных услуг, динамического ценообразования, аналитических сервисов для поставщиков и страхования грузов на основе фактических данных об условиях перевозки.

5. Стимулирование со стороны рынка и конечных потребителей: крупные ритейлеры и маркетплейсы все чаще требуют от партнеров по доставке обязательной интеграции с их системами отслеживания, а сами покупатели начинают выбирать продавцов, исходя из удобства и открытости процесса доставки.

Выявленные барьеры и возможности свидетельствуют о том, что внедрение цифровых инструментов отслеживания является не только технологическим, но в первую очередь управленческим и стратегическим вызовом. Компании, способные преодолеть первоначальные барьеры и построить на основе данных о грузопотоках клиентоориентированные процессы, получают устойчивые преимущества на конкурентном рынке логистических услуг.

Прежде всего, всесторонний анализ использования цифровых инструментов отслеживания грузов подтвердил, что эти инструменты необходимы для повышения конкурентоспособности логистических операторов. Было определено, что удовлетворенность клиентов и прозрачность цепочки зависят от комплексного взаимодействия технических решений (интернет вещей, блокчейн, большие данные), уровня цифровизации компании и качества коммуникации с конечными пользователями.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31 (1 ч.). – Ст. 3448.
2. Индикаторы цифровизации транспорта и логистики в России. 2023: стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 134 с.

Гуцал Надежда Минаевна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»
г. Красноярск, Красноярский край

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: РАЗВИТИЕ РАСПРЕДЕЛЕННЫХ КОМАНД И ФРИЛАНС-ЭКОНОМИКИ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ УДАЛЕННОСТИ

Аннотация: в статье исследуется процесс цифровой трансформации и его влияние на трансформацию бизнес-моделей в сфере удаленной работы. Анализируются ключевые мировые тренды развития фриланс-экономики, а также особенности их реализации в Красноярском крае. Особое внимание уделяется проблемам логистической отрасли региона в новых цифровых условиях, определяются возможные пути их решения и перспективы дальнейшего развития рынка удаленной занятости.

Ключевые слова: глобализация, интеграция, распределенные команды, фриланс-экономика, логистика.

В реалиях сегодняшнего дня цифровая экономика является флагманом хозяйственной деятельности, в которой ведущими факторами производства являются данные в цифровом виде. Огромный объем информации, несомненно, требует обработки ее способом, который позволяет повысить эффективность производства и рациональность использования ресурсов, а также услуг при выборе потребителем сервисов, которые максимизируют полезность при минимальных затратах и логистики для комплексной оценки результативности управления потоками поставок, скорости поставок и использования ресурсов, и, несомненно, этим высокотехнологичным расчетным механизмом является цифровая экономика.

Для оптимизации производства и бизнес процесса, а также оказания неоспоримого влияния на различные сферы жизни, цифровая экономика удачно трансформировалась и запустила процесс вовлечения и использования инструментов искусственного интеллекта (AI).

Глобализация и интеграция, которая превращает мир в единую взаимосвязанную систему стирают все географические границы, и Красноярский край, который является вторым по площади субъектом РФ расположенном в центре Сибири протяженностью с севера на юг около 3 000 километров, не является исключением. Актуально, что границ не существует и для высококвалифицированного труда, традиционная оценка удаленности на сегодняшний день ушла в прошлое и не является проблемой, так как глобальная цифровизация открывает новые возможности. Поэтому между традиционной оценкой и новой возможностью возникают противоречия, которые нужно разрешать.

Во всем мире модели удаленной работы и фриланс-экономики (gig economy) основывается на цифровых платформах, где сотрудники обеспечены гибким гибридным графиком работы, независимостью, аутсорсинг IT-специалистов (с высокими доходами, например, до 250 тыс. руб. у Data Scientist) и проектный фриланс. Гибридная модель, которая стала стандартом работы дома и в офисе является стандартом для многих компаний. Многие компании нанимают высококвалифицированных специалистов из других стран. Используется модель «Цифровые кочевники», когда профессионалы работают из любой точки мира и часто меняют локации.

Удаленная работа в сфере логистики после пандемии востребована. Многие компании поняли, что многие процессы можно организовать дистанционно.

Неравномерное развитие регионов страны, транспортной и логистической инфраструктуры, большие расстояния между промышленными районами, высокая востребованность логистических услуг в отсутствие научно-обоснованных методов размещения логистического центра определяет актуальность и перспективность решения поставленной проблемы.

Перед Красноярским краем тоже стоит проблема высоких логистических издержек, несмотря на то что для красноярских специалистов доступен широкий выбор фриланс-платформ, как российских, так и международных, позволяющих находить удаленную работу, проекты и подработку в сферах IT, дизайна, маркетинга, копирайтинга и технической поддержки. Ключевые площадки включают FL.ru, Kwork, Профи.ру и Habr Freelance.

Тем не менее Красноярский край логистически крайне перспективен. По оценке экспертов, Красноярск находится в десятке приоритетных городов для развития сетевого проекта. За минувший год грузопоток на красноярском рынке значительно увеличился. Однако эксперты констатируют: спрос на услуги логистических операторов практически не вырос. Компании по-прежнему занимаются перевозкой и хранением грузов самостоятельно и не спешат отдавать логистику на аутсорсинг. Логистика остается больной темой для экспортеров и импортеров региона. По данным Красноярской таможни, за первое полугодие 2025 года внешнеторговый оборот региона составил почти \$5 млрд. И доля экспорта в этой цифре в четыре раза превышает импорт. На сегодня город Красноярск является крупным транзитным узлом, расположенным в самом центре Евразийского континента, располагающим всеми видами транспорта: воздушным, наземным, водным и железнодорожным.

Последние пару лет логистические компании находятся в постоянном поиске решений для оптимизации своей деятельности в целях экономии. Все это происходит на фоне растущих затрат на ФОТ, ГСМ, запчасти и транспорт.

Развитию фриланса логистической деятельности в Красноярском крае мешают в первую очередь правовые барьеры, которые должны регламентировать отношения между фрилансерами, работодателями и платформами, которые являются посредниками между исполнителями и заказчиками. Несмотря на то, что Трудовой кодекс РФ регулирует труд дистанционных работников, в законодательстве до сих пор нет понятия фриланс и формат такой работы не предусмотрен. Удаленно можно работать по трудовому договору или гражданско-правовому договору, но для заказчика он может иметь отрицательные последствия, согласно ст. 19.1 ТК РФ отношения могут признать трудовыми [1].

Образовательных барьеров фактически не существует. Дистанционное обучение работника без отрыва от производства законодательством РФ не запрещено. Такое обучение может проходить в рабочее время, за которое выплачивается зарплата.

Инфраструктурные проблемы, в основном касаются налогов. В отношении доходов физических лиц, не являющихся налоговыми резидентами Российской Федерации, налоговая ставка устанавливается в следующих размерах:

- 13 процентов – если сумма соответствующих доходов за налоговый период составляет менее 5 миллионов рублей или равна 5 миллионам рублей;
- 650 тысяч рублей и 15 процентов суммы соответствующих доходов, превышающей 5 миллионов рублей;
- если сумма соответствующих доходов за налоговый период составляет более 5 миллионов рублей [3].

Еще одна проблема, которая стоит перед работодателем, это коммуникация внутри распределенной команды, когда в команду входят люди из разных городов и стран. Работникам сложно работать, если им сложно связаться друг с другом. Поэтому нужно создать чаты не только для работы, но и для общения друг с другом, указав часовые пояса работы их коллег.

Анализ вакансий логиста, показал, что логисты, для работы удаленно, в Красноярские компании почти не требуются, если требуются, то с опытом работы 1–3 года или с обучением на договорной основе. Рекомендации для работодателей: развивать фриланс -логистику, это даст компаниям возможность найма сотрудников в регионах на первом этапе с более низкой зарплатой на испытательном сроке, с последующим повышением, а также плюсом является отсутствие географических ограничений при наборе команды, так как в сложившемся кадровом дефиците легче найти сотрудников по всей России, чем в городе, где ты находишься, отсутствие арендной платы за офис является немаловажной деталью.

14 мая в стране отмечается День фрилансера. В Красноярске по подсчетам аналитиков «Авито Услуг», спрос на удалённых работников, которым можно поручить отдельные задачи, вырос на 16%.

Наиболее востребованы специалисты из сфер IT, рекламы и маркетинга. К ним бизнес стал обращаться на 61% чаще. Также на аутсорсинг отдают задачи бухгалтерам (+38% к прошлому году) и юристам (+17%).

Рост интереса к загородному строительству обусловил высокий спрос на проектировщиков и дизайнеров – +65% за год [5].

Популярность фриланса связана с поиском гибкого графика и дополнительного дохода. Средняя зарплата в регионе достигла 101 тыс. руб.

Конечно, наибольший заработок фрилансеров-программистов. По статистическим данным на сегодняшний день на сайте HH/RU 27 вакансий с заработной платой до 240 тысяч рублей.

Таким образом, подводя итоги по анализу данной темы, можно резюмировать, что удаленная работа на сегодняшний день, позволяет создавать новые рабочие места и часто является приоритетной для молодежи, и с развитием цифровизации за этим будущее. Работник может трудиться дистанционно на постоянной основе (в течение срока действия трудового договора) либо временно. В последнем случае он может работать дистанционно непрерывно в пределах шести месяцев. Можно определить срок дополнительным соглашением.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон №197-ФЗ: принят 30 декабря 2001 года. – Ст. 91, 129, 312.1, 312.4.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон №117-ФЗ: принят 5 августа 2000 года: с изменениями и дополнениями.
3. Об НДФЛ с вознаграждения нерезидента РФ за выполнение трудовых или иных обязанностей, выполненную работу, оказанную услугу, совершение действия в РФ и за выполнение трудовой функции дистанционно: письмо Минфина России №03-04-06/4193 от 19 января 2024 года.

4. Будрина Е.В. Экономика транспорта: учебник и практикум для вузов / под ред. Е.В. Будриной. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 390 с.
5. Карапетянц И.В. Логистика и управление цепями поставок на транспорте: учебник для вузов / под ред. И.В. Карапетянц, Е.И. Павловой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 410 с.
6. Конотопский В.Ю. Логистика: учебник для вузов / В.Ю. Конотопский. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 139 с.

Кузьмина Анна Михайловна

студентка

ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»

г. Самара, Самарская область

ЛОГИСТИЧЕСКИЕ ТУПИКИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК (НА ПРИМЕРЕ ХВОРОСТЯНСКОГО РАЙОНА)

Аннотация: в статье исследуются проблемы пассажирского транспортного сообщения в сельских территориях Самарской области. На материале Хворостянского района рассматриваются факторы формирования «логистических тупиков» – ситуаций полной или частичной недоступности регулярных перевозок. Представлены результаты анализа инфраструктурных диспропорций и пространственного расположения населенных пунктов. Сформулирован комплекс мер, направленных на оптимизацию маршрутной сети и повышение транспортной мобильности сельского населения. Эмпирическую базу исследования составили геоданные и информация о действующих маршрутах.

Ключевые слова: логистика, пассажирские перевозки, Самарская область, Хворостянский район, транспортная инфраструктура, сельские территории, мобильность населения, оптимизация маршрутов, логистические тупики.

Введение.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью реализации положений Доктрины продовольственной безопасности и стратегии пространственного развития РФ, которые подразумевают равный доступ населения к социальным и экономическим благам вне зависимости от места проживания. Самарская область, являясь одним из промышленно развитых регионов Поволжья, сталкивается с парадоксальной ситуацией: при высокой плотности транспортных потоков в областном центре и крупных городах (Тольятти, Сызрань), периферийные муниципальные районы испытывают острый дефицит регулярного пассажирского сообщения.

Транспортная доступность напрямую влияет на качество жизни сельского населения, возможность получения медицинских услуг, образования, трудоустройства. В соответствии с Транспортной стратегией Российской Федерации на период до 2030 года, приоритетом государственной политики является обеспечение транспортной связанности территорий, особенно в сельской местности. Однако на практике многие населенные пункты Самарской области оказываются изолированными из-за отсутствия рентабельных маршрутов.

Целью данной работы является выявление ключевых логистических проблем внутриобластных пассажирских перевозок в Самарской области и разработка предложений по их устранению для повышения эффективности транспортной системы региона. Объектом исследования выступает транспортная система Хворостянского района Самарской области.

Методология и методы исследования.

Теоретической базой послужили работы в области региональной логистики и пассажирского транспорта. Методологическая основа исследования включает анализ нормативно-

правовой базы (Указ Президента РФ №20, Транспортная стратегия РФ), картографический анализ территории, метод сравнительного анализа и метод полевых наблюдений (анализ доступности маршрутов). Информационной базой стали данные о населенных пунктах, входящих в состав муниципального района, и сведения о текущем состоянии транспортной инфраструктуры, предоставленные администрацией района, а также открытые источники (расписания автобусов, карты автомобильных дорог).

Анализ логистических проблем Хворостянского района.

1. Географическая и инфраструктурная специфика.

Муниципальный район Хворостянский включает в себя 11 сельских поселений, объединяющих более двух десятков сел, деревень и поселков (Абашево, Владимировка, Липовка, Масленниково, Новокуровка, Прогресс, Соловьево и др.). Особенностью географического положения является значительная удаленность малых населенных пунктов (деревень Толстовка, Гремячка, Высотино, Чувичи) друг от друга и от административного центра – села Хворостянка.

Рассмотрим подробнее транспортную доступность каждого поселения. Село Абашево расположено в 35 км от райцентра, регулярное автобусное сообщение отсутствует, дорога имеет гравийное покрытие на отдельных участках. Поселок Масленниково находится в 20 км от Хворостянки, автобус ходит два раза в неделю. В селе Новотулка автобусное сообщение осуществляется только в летний период. Таким образом, около 40% населенных пунктов района не имеют круглогодичного сообщения с районным центром.

Анализ транспортной инфраструктуры показал, что связь между поселениями осуществляется преимущественно по дорогам регионального или местного значения, состояние которых не всегда удовлетворительное. Значительная часть дорог (около 60%) не соответствует нормативным требованиям по ровности покрытия, что увеличивает время в пути и износ автотранспорта.

2. Выявление «логистических тупиков».

Под «логистическим тупиком» в контексте данного исследования понимается ситуация, при которой населенный пункт оказывается отрезанным от регулярного транспортного сообщения, либо стоимость и время доступа к транспорту становятся критически высокими. В научной литературе это явление также характеризуется как «транспортная дискриминация» сельских жителей.

В ходе исследования был проведен модельный расчет. При попытке построения альтернативного маршрута между отдаленными селами (например, с. Липовка – пос. Тополек) с использованием общественного транспорта выявляется его отсутствие. Единственной доступной альтернативой становится такси, стоимость которого составляет 2500 рублей в одну сторону. Для среднестатистического жителя сельской местности (среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве региона около 25 000 руб.) такая стоимость поездки является неподъемной, что фактически блокирует его мобильность (трудовые поездки, визиты к врачу, поездки в административные органы).

Дополнительно было проанализировано время ожидания транспорта на существующих маршрутах. В среднем интервал движения автобусов на маршрутах, связывающих села с Хворостянкой, составляет 3–4 дня. Это означает, что житель, пропустивший рейс, вынужден ждать несколько суток либо пользоваться попутным транспортом, что не всегда безопасно и надежно.

3. Ключевые проблемы и факторы.

На основе анализа текущей ситуации были выделены следующие системные проблемы:

– низкая частота движения: автобусные маршруты (там, где они есть) ходят 1–2 раза в день или реже, что не позволяет жителям планировать гибкий график;

- территориальная недоступность: остановки общественного транспорта зачастую находятся на значительном удалении от мест проживания. В некоторых деревнях (например, Чувичи) ближайшая автобусная остановка расположена в 7 км;
- деградация инфраструктуры: отсутствие автопавильонов, плохое освещение, неудовлетворительное состояние дорожного полотна;
- отсутствие стыковки расписаний: прибытие автобусов в райцентр не согласовано с расписанием междугородних автобусов и поездов на станции Чагра, что вынуждает пассажиров проводить много часов в ожидании.

Ключевыми факторами, вызывающими данные тупики, являются:

- экономическая нецелесообразность для перевозчиков: малочисленность населения делает рейсы убыточными, что отпугивает частных перевозчиков;
- разобщенность населенных пунктов: большие расстояния при малой плотности населения увеличивают себестоимость перевозки в расчете на одного пассажира;
- отсутствие централизованной системы подвоза: в районе не развита система «социального такси» или муниципальных маршрутов, субсидируемых из бюджета;
- сезонность: в весенне-осенний период грунтовые дороги становятся непроезжими, что полностью изолирует некоторые деревни.

4. Социально-экономические последствия логистических тупиков.

Недоступность транспорта приводит к целому ряду негативных последствий: сокращение трудовой миграции (жители не могут устроиться на работу в райцентре), снижение доступности медицинской помощи (особенно для пожилых людей), отток молодежи в города, упадок местной экономики. По данным опросов, проведенных среди жителей Хворостянского района, более 60% респондентов указали транспортную проблему как главную причину, по которой они рассматривают переезд.

Выводы и предложения по оптимизации.

Для преодоления выявленных «логистических тупиков» в Самарской области и, в частности, в Хворостянском районе, предлагается следующий комплекс мер.

1. Оптимизация маршрутной сети: необходимо проведение ревизии существующих маршрутов и создание новых, связывающих отдаленные деревни с центральными усадьбами поселений и районным центром. Важно внедрение логистического принципа «мультимодальности».

2. Модернизация инфраструктуры: ремонт дорог и строительство современных остановочных пунктов с навесами и освещением.

3. Экономическое регулирование: введение субсидирования тарифов для жителей удаленных районов из областного бюджета, чтобы сделать поездки доступными. Заключение муниципальных контрактов с перевозчиками на социально значимые маршруты.

4. Развитие альтернативных сервисов: внедрение модели «сельского такси» на базе муниципальных предприятий или дачных кооперативов с оплатой, частично покрываемой за счет субсидий, что снизит финансовую нагрузку на жителя. Например, можно организовать диспетчерскую службу, принимающую заявки от жителей, и по мере накопления группы формировать рейс микроавтобуса.

5. Цифровизация учета: разработка способа массового подвоза на заказ (по предварительной записи через приложение или диспетчерскую), что позволит перевозчикам видеть реальный спрос и эффективно планировать рейсы. Создание мобильного приложения или сайта с возможностью отслеживания транспорта в реальном времени и оплаты проезда также повысит привлекательность общественного транспорта.

6. Использование школьных автобусов: в часы, когда школьные автобусы не задействованы в перевозке детей, их можно использовать для перевозки взрослых жителей по социальным маршрутам (при соответствующем юридическом оформлении).

Закключение.

Проблема пассажирских перевозок в сельских районах Самарской области носит системный характер. «Логистические тупики», выявленные на примере Хворостянского района, приводят к социальной изоляции населения и снижают качество жизни. Решение проблемы требует не просто точечного улучшения дорог, а комплексного подхода, сочетающего в себе государственное субсидирование, оптимизацию логистики и внедрение современных цифровых инструментов управления перевозками. Реализация предложенных мер позволит не только повысить мобильность сельских жителей, но и будет способствовать устойчивому развитию территорий, закреплению населения и росту экономической активности в регионе.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. №20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».
2. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 22 ноября 2008 г. №1734-р).
3. Данные администрации муниципального района Хворостянский Самарской области. – URL: <http://hvorostyanka.ru/> (дата обращения: 02.03.2026).
4. Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» (утв. постановлением Правительства РФ от 31 мая 2019 г. №696).
5. Куликов Ю.Н. Региональная логистика: учебное пособие / Ю.Н. Куликов. – М.: Инфра-М, 2021. – 250 с.

Максимова Елена Валерьевна

канд. социол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет

туризма и сервиса»

пгт Черкизово, Московская область

DOI 10.31483/r-154412

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ТУРАГЕНТСТВ

Аннотация: условия цифровой эпохи диктует бизнесу новые вызовы. Конкуренция в туриндустрии в последние десятилетия становится более острой, что является актуальной темой для исследования рынка туристических услуг с целью выявления положительных и отрицательных тенденций в конкурентоспособности туристических агентств. Цифровые технологии меняют рынок туриндустрии, позволяя совершенствовать качество сервисного обслуживания и туристические услуги в целом.

Автором исследуются такие вопросы, как конкурентоспособность турагентств и применение ими цифровых инструментов, направленных на продвижение туристических услуг. Анализируя способы трансформации технических возможностей в управлении турагентствами, делаются выводы об успешном применении цифровых инструментов турагентствами в целях повышения конкурентоспособности. Предложены рекомендации, направленные на комплексный подход в стратегии прогнозирования поведенческих особенностей потребителя туристского продукта. В выводах отмечается оценка конкурентоспособности турагентств и предлагаются методики по совершенствованию практик в туриндустрии.

Ключевые слова: цифровизация сферы туризма, потребитель, конкурентоспособность, оптимизация бизнес-процессов, современные технологии, искусственный интеллект.

Современная туриндустрия – это динамично развивающаяся среда, где потребительский опыт зависит не только от качества услуг, но и от способности компаний применять

технологичные решения в целях повышения своей конкурентоспособности. Появление онлайн-бронирования и систем управления транспортом стало первоначальным этапом цифровой трансформации, расширив возможности планирования и контроля туристских потоков. Такой подход позволяет открывать новые возможности для туристического бизнеса, который с каждым годом становится более ориентированным на потребности клиентов. В новых экономических условиях развитие национальных цифровых сервисов и интеграция государственных услуг в электронный формат позволяет совершенствовать развитие внутреннего туризма в России.

Инновационные технологии играют ведущую роль в формировании предпочтений и спроса на туристические продукты и услуги. С активным развитием в начале XXI века Интернета и мобильных приложений сложилась тенденция внедрения цифровых технологий в сферу туризма. Цифровые инструменты стали частью жизни путешественников, так как удобны при планировании поездок. Туристы стали более самостоятельны при организации своих путешествий. В ходе анализа было установлено, что туристы предпочитают использовать интерактивные платформы для выбора наиболее подходящего продукта, а также делиться впечатлениями в социальных сетях [1, с. 677–678].

Интеграция новых технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн и Интернет вещей, способствуют созданию более гибких и сложных моделей управления, направленных на оптимизацию транспортно-сервисных потоков [5, с. 59]. В условиях цифрового управления выделяется новый тип – интеграционный поток. Его отличительная особенность – повышенный уровень взаимосвязей и координации между разными субъектами международных и национальных туристских систем. В больших туристических продуктах при использовании цифровых платформ и инструментов принципы интегрированной логистики направлены на стабильность управления такими потоками.

Благодаря взаимодействию агентств, отелей, транспортных компаний и других участников туриндустрии, создаются туристские экосистемы, где платформенные решения интегрируют услуги для разных акторов туристского рынка. В числе внедряемых технологий – системы управления гостиничным хозяйством и бронирования поездок. Такие системы упрощают процессы управления поездками. Туристические агентства способны предложить клиентам широкий спектр услуг и временные рамки для путешествий. Также активно используются интерактивные технологии при создании виртуальных туров, которые привлекают аудиторию [7, с. 155].

В текущих условиях существует большое количество онлайн-платформ и приложений, которые способны обеспечить мгновенный доступ к необходимой информации и услугам. В свою очередь формируется новый тип клиента-потребителя с его индивидуальными особенностями. Это делает вызов туристическим компаниям, который направлен на персонализацию услуг и решений в условиях жесткой конкурентной среды [6, с. 108].

Цифровое управление выходит за рамки технических задач и становится комплексным инструментом в развитии туристической отрасли. Цифровизация логистики в туриндустрии является важной экономико-социальной составляющей при формировании устойчивых ценностей между туристами и объектами посещения, позволяющей эффективно управлять потоками, усиливая культурное взаимодействие с историческим наследием [2, с. 257].

Успешные примеры туристических агентств показывают, что цифровая трансформация способствует созданию уникального клиентского опыта и повышению конкурентоспособности. Ключевым направлением является персонализация с использованием аналитики данных. Интеграция в бизнес-процессы систем, анализирующих предпочтения пользователей позволяет создавать и предлагать индивидуализированные предложения. Туристские агентства интегрировавшие комплексные каналы коммуникаций обслуживания клиентов, предлагают потребителю единый бесшовный опыт. Это создает возможность для клиентов

взаимодействовать без потери контекста с брендами через веб-сайты и мобильные приложения, социальные сети, что позволяет увеличивать доступность информации и туристических услуг [1, с. 678].

Необходимо отметить, что успешные примеры цифровой трансформации туристской отрасли способствует конкурентоспособности и устойчивому развитию туризма в условиях цифровой экономики [3, с. 23].

Но вместе с тем, переход на цифровые сервисы связан и с определенными рисками. Например, высокая вероятность кибератак. Возрастающая зависимость от цифровых инструментов формирует вероятность нарушения безопасности данных и утечки информации. Такая проблема требует комплексного подхода к обеспечению защиты и управлению данными, что подразумевает финансовые затраты, изменения в корпоративной культуре, повышение квалификации работников. Учитывая эти факты, компаниям необходимо создавать охрано-способные киберпространства с системной защитой данных. Такой подход позволит повышать доверие потребителей и их желание взаимодействовать в условиях цифровизации. Стоит отметить, что и недостаточная подготовка персонала снижает эффективность внедрения цифровых инструментов, ухудшает клиентский опыт.

Стремительный рост желающих путешествовать и индивидуализации потребительских предпочтений требует новых подходов в маркетинге. Применение инновационных моделей в туристическом бизнесе позволяет оптимизировать внутренние и внешние процессы. Но не все турагентства обладают необходимыми ресурсами для инвестирования в технологичные решения. Это снижает процессы взаимодействия некоторых компаний с клиентами, что исключает улучшение качества клиентского сервиса [8, с. 248–249].

В оценке конкурентоспособности турагентств для выявления слабых сторон актуально применение SPACE и SWOT анализа. Применяя эти методы в условиях экономической нестабильности, существует возможность конструировать стратегии, направленные на повышение качества услуг.

Оценивая конкурентоспособность клиентского сервиса турагентств необходимо учитывать изменения, вызванные цифровизацией. Оценочный подход может включать три ключевых этапа.

1. Оперативный (оценка конкретных услуг) – проведение опросов клиентов-потребителей туристских услуг с применением традиционных и современных технологий анализа данных.

2. Тактический (оценка положения на рынке) – выявление интегральных показателей состояния туристских компаний и их эффективности в финансовой, хозяйственной, трудовой деятельности.

3. Стратегический – анализ роста стоимости компаний в долгосрочной перспективе в целях привлечения инвестиций и дальнейшего развития.

Используя такой подход, турагентства смогут не только оценить свои сильные и слабые стороны, но и разрабатывать стратегии для укрепления своих позиций на туристическом рынке. Например, анализ потребностей клиентов-туристов позволит создавать позитивный социально-психологический климат и формировать положительный имидж, повышая клиентскую лояльность.

Реализуя регулярную оценку конкурентоспособности, включающей мониторинг индикаторов и анализ изменений на туристическом рынке, турагентства смогут своевременно реагировать на вызовы современности и адаптироваться в стремительно меняющемся цифровом ландшафте.

В итоге, реализуя вышеобозначенные рекомендации, турагентства смогут повышать качество своих услуг, укрепляя свои позиции на рынке, тем самым улучшая финансовые показатели, что актуально в условиях глобализации и цифровизации. Резюмируя, можно сделать

вывод что конкурентоспособность турагентств определяется способностью адаптироваться на рынке, используя цифровые технологии в своих бизнес-процессах.

Список литературы

1. Алексахин А.Н. Цифровая трансформация в сфере туризма: тенденции и перспективы развития / А.Н. Алексахин, Е.Н. Нохтуева, Л.С. Байтимерова // Вестник Академии знаний. – 2024. – №3 (62). – С. 674–678. EDN CRVNCT
2. Арбатская Е.В. Совместное использование цифровых логистических сервисов потребителям и производителям туристских услуг / Е.В. Арбатская, Л.В. Хорева, В.В. Щербакова // Экономика и управление. – 2020. – Т. 26. №3. – С. 255–263.
3. Григорьева Т.И. Современные тенденции спроса на рынке туристских услуг в условиях цифровой экономики / Т.И. Григорьева // Сервис в России и за рубежом. – 2019. – №4 (86). – С. 18–19. DOI 10.24411/1995-042X-2019-10402. EDN NZHPREB
4. Мещерова Т.С. Факторы обеспечения конкурентоспособности в туристической индустрии / Т.С. Мещерова // Вестник Российского нового университета. Серия: человек и общество. – 2022. – №1. – С. 84–89. DOI 10.18137/RNU.V9276.22.01.P.084. EDN MYQPIK
5. Мольков В.И. Цифровая трансформация в индустрии туризма / В.И. Мольков // Научные междисциплинарные исследования: материалы II Международной научно-практической конференции. – М., 2020. – Т. 1. Ч. 1. – С. 58–62. EDN TWDKIG
6. Овчаренко Л.А. Цифровизация как новая парадигма управления развитием туризма / Л.А. Овчаренко, Э.М. Лебезова // Век качества. – 2021. – №4. – С. 106–126. EDN PWKZKB
7. Цёхла С.Ю. Цифровые сервисы в туризме: применение и перспективы / С.Ю. Цёхла, Е.В. Плугарь // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2024. – Т. 20. №3. – С. 152–158. EDN MSKHIU
8. Черевичко Т.В. Парадокс цифровизации туризма / Т.В. Черевичко, Т.В. Темякова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. – 2023. – Т. 23. №3. – С. 246–254. DOI 10.18500/1994-2540-2023-23-3-246-254. EDN DXOGAS

Марега Самба

студент

Научный руководитель

Костенко Елена Геннадьевна

канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма»
г. Краснодар, Краснодарский край

ЦИФРОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИМИ ПОТОКАМИ В СИСТЕМЕ СПОРТИВНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Аннотация: в статье рассматриваются подходы к цифровому управлению логистическими потоками в спортивной индустрии в контексте спортивного менеджмента. Проанализированы возможности применения цифровых платформ, аналитических систем и информационных технологий для оптимизации ресурсного обеспечения и управленческих решений. Показано, что цифровизация логистических процессов повышает эффективность управления спортивными организациями и качество менеджмента в сфере физической культуры и спорта.

Ключевые слова: спортивный менеджмент, цифровое управление, логистические потоки, спортивная индустрия, информационные технологии, управление ресурсами.

Современная спортивная индустрия характеризуется высокой степенью организационной и экономической сложности, что обусловлено ростом масштабов спортивных мероприятий, диверсификацией источников финансирования и усложнением инфраструктурных процессов. В этих условиях спортивный менеджмент всё в большей степени ориентируется на использование цифровых технологий для повышения эффективности управления ресурсами и процессами [2; 4].

Особое значение в системе спортивного менеджмента приобретает управление логистическими потоками, включающими материальные, финансовые, информационные и кадровые ресурсы. Цифровизация данных процессов позволяет обеспечить согласованность управленческих решений, повысить прозрачность деятельности спортивных организаций и снизить операционные издержки [10].

Целью исследования является обоснование роли цифрового управления логистическими потоками как инструмента повышения эффективности спортивного менеджмента.

В исследовании использованы методы теоретического анализа научных источников по проблемам спортивного менеджмента, цифровой экономики и логистики, системный и структурно-функциональный анализ, а также обобщение практики управления в спортивных организациях. Методологическую основу составили концепции цифровой трансформации управления и процессного подхода в менеджменте [7].

В спортивных организациях логистические потоки охватывают обеспечение тренировочного процесса, организацию соревнований, эксплуатацию спортивных объектов и взаимодействие с партнёрами и спонсорами. Эффективность управления данными потоками напрямую влияет на финансовые показатели, качество услуг и устойчивость спортивной организации [3].

В условиях цифровизации спортивного менеджмента логистика рассматривается не только как вспомогательная функция, но и как стратегический инструмент управления.

Цифровое управление логистическими потоками в спортивной индустрии осуществляется на основе информационных систем планирования ресурсов, цифровых платформ учёта и мониторинга, а также аналитических инструментов обработки данных [1; 5]. Использование таких решений позволяет автоматизировать процессы закупок, распределения ресурсов, контроля запасов и планирования мероприятий (табл. 1).

Таблица 1

Цифровые инструменты логистики в спортивном менеджменте

Цифровой инструмент	Назначение	Применение в спортивном менеджменте	Управленческий эффект
ERP – системы (планирование ресурсов)	Интеграция и управление ресурсами организации	Планирование закупок спортивного инвентаря, учет материальных ресурсов, бюджетирование спортивных мероприятий	Повышение прозрачности управления, снижение издержек
Системы управления запасами	Контроль и оптимизация складских запасов	Учет экипировки, инвентаря, расходных материалов спортивных объектов	Сокращение потерь, рациональное использование ресурсов
Цифровые платформы мониторинга	Сбор и анализ данных в режиме реального времени	Контроль загрузки спортивных сооружений, логистика соревнований и тренировочных процессов	Оперативность управленческих решений
Аналитические и BI – системы	Обработка и визуализация данных	Анализ затрат, прогнозирование потребности в ресурсах, оценка эффективности мероприятий	Повышение обоснованности управленческих решений
Облачные сервисы	Доступ к данным и совместная работа	Координация работы менеджеров, тренеров и административного персонала	Гибкость управления и снижение административных затрат
Цифровые платформы взаимодействия	Коммуникация с партнерами и поставщиками	Управление контактами, логистика поставок, взаимодействие со спонсорами	Повышение качества деловых процессов

Представленные в таблице цифровые инструменты логистики имеют не только прикладное значение для деятельности спортивных организаций, но и важную образовательную функцию

в системе подготовки спортивных менеджеров. В условиях цифровой трансформации спортивной индустрии владение инструментами цифрового управления логистическими потоками становится составной частью профессиональной компетентности выпускников управленческих направлений в сфере физической культуры и спорта [6].

Включение цифровых логистических инструментов в содержание образовательных программ по спортивному менеджменту позволяет формировать у обучающихся системное представление о ресурсном обеспечении спортивной деятельности. Изучение ERP-систем, аналитических платформ и цифровых сервисов мониторинга способствует развитию навыков планирования, контроля и анализа управленческих процессов, что соответствует требованиям профессиональной деятельности спортивного менеджера [8].

Особое значение имеет использование практико-ориентированных заданий, основанных на моделировании логистических процессов спортивных организаций. Работа с цифровыми платформами в учебном процессе позволяет студентам осваивать методы принятия управленческих решений на основе данных, оценивать эффективность использования ресурсов и прогнозировать потребности в материально-техническом обеспечении [9].

Таким образом, интеграция цифровых инструментов логистики в образовательный процесс обеспечивает связь теоретической подготовки с практикой спортивного менеджмента, способствует формированию цифровых и управленческих компетенций и повышает качество подготовки специалистов для современной спортивной индустрии.

Выводы: управление логистическими потоками является ключевым элементом системы спортивного менеджмента; цифровые технологии позволяют повысить эффективность и прозрачность логистических процессов в спортивной индустрии; использование аналитических и информационных систем способствует снижению издержек и повышению качества управленческих решений; цифровое управление логистическими потоками должно быть интегрировано в профессиональную подготовку спортивных менеджеров.

Список литературы

1. Альаджам М. Цифровая трансформация прогнозирования в спортивной индустрии / М. Альаджам // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2024. – С. 172–173. EDN ZALJKQ
2. Игнатенко А.П. Основные составляющие маркетинговой деятельности спортивной организации / А.П. Игнатенко, Е.Г. Костенко // Вопросы социально-гуманитарных наук и культурное воспитание общества: сборник научных статей. – Ульяновск, 2024. – С. 324–327. EDN NTAQPN
3. Костенко Е.Г. Цифровизация спортивной экономики в России: проблемы и перспективы / Е.Г. Костенко // Векторы социально-экономического развития России: современные вызовы и возможности: монография. – Чебоксары, 2025. – С. 105–113.
4. Костенко Е.Г. Информатизация индустрии спорта средствами цифровых технологий / Е.Г. Костенко // Актуальные вопросы естественнонаучных и технических дисциплин: сборник материалов XXI-ой международной очно-заочной научно-практической конференции. – М., 2023. – С. 8–9. EDN TLWWTA
5. Костенко Е.Г. Информационное моделирование и прогнозирование в спортивной индустрии / Е.Г. Костенко // Актуальные вопросы экономических наук, права и менеджмента: сборник материалов XX-ой международной очно-заочной научно-практической конференции. – М., 2023. – С. 35–36. EDN UDGXQO
6. Костенко Е.Г. Проблемы цифровизации индустрии спорта современной России / Е.Г. Костенко // Приоритетные научные направления 2024: сборник материалов XLVII-ой международной очно-заочной научно-практической конференции. – М., 2024. – С. 149–150. EDN WWFNCE
7. Костенко Е.Г. Цифровая трансформация спортивной индустрии / Е.Г. Костенко // Приоритетные научные направления 2024: сборник материалов XLVII-ой международной очно-заочной научно-практической конференции (Москва, 21 февраля 2024 года). – М., 2024. – С. 71–73. EDN WTGDUI
8. Костенко Е.Г. Цифровая экономика в индустрии спорта / Е.Г. Костенко // Научные исследования и разработки 2024: гуманитарные и социальные науки: сборник материалов XLVI-ой международной очно-заочной научно-практической конференции. – М., 2024. – С. 106–108. EDN GGKKPN

9. Костенко Е.Г. Цифровые платформы и экосистемы индустрии спорта / Е.Г. Костенко // Принципы построения новой экосистемы: экономические, юридические и социальные аспекты. – Чебоксары, 2024. – С. 136–144. EDN GOSJGO

10. Попова Д.Р. Цифровизация спортивного бизнеса / Д.Р. Попова, Е.Г. Костенко // Цифровая трансформация в науке, образовании и спорте: сборник материалов II Всероссийского конкурса научных статей (Краснодар, 15 ноября 2024 года). – Краснодар, 2024. – С. 100–102. EDN CANTTG

Минаков Андрей Владимирович

д-р экон. наук, профессор, профессор

ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя»

г. Москва

DOI 10.31483/r-153591

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ СИСТЕМ В УПРАВЛЕНИИ ГРУЗОВЫМИ АВТОМОБИЛЬНЫМИ ПЕРЕВОЗКАМИ

Аннотация: обеспечение успешного развития сферы грузовых автомобильных перевозок в России не представляется возможным без более широкого применения цифровых систем. Целью исследования является выявление особенностей и проблем применения цифровых систем в управлении грузовыми автомобильными перевозками. Исследование показало, что, несмотря на регулярное обновление стратегических направлений в области цифровой трансформации транспортной отрасли РФ, рост объемов онлайн-рынка грузовых автомобильных перевозок остается недостаточным для обеспечения высокого уровня онлайн-проникновения. В сфере грузовых автомобильных перевозок широкое применение нашли геоинформационные системы, облачные технологии, цифровые платформы. Для более эффективного использования цифровых систем рекомендуется сосредоточиться на создании прототипов беспилотных грузовых автомобилей пятого уровня автоматизации, запуске Национальной цифровой транспортно-логистической платформы, расширении применения решений на основе искусственного интеллекта, электронных навигационных пломб, смарт-контрактов.

Ключевые слова: цифровые системы, искусственный интеллект, транспортная отрасль, грузовые автомобильные перевозки, геоинформационные системы, цифровые платформы, навигационные пломбы.

Обеспечение динамичного развития грузовых автомобильных перевозок в условиях турбулентности требует от транспортных компаний и регулятора внедрения новых подходов, позволяющих успешно противодействовать внешним вызовам, оптимизировать издержки, связанные с оказанием транспортных услуг, максимизировать вклад отрасли в обеспечение положительных темпов роста экономики России, поддержание экономической безопасности страны. Все большее значение приобретают цифровые системы, внедрение которых становится не только источником формирования конкурентных преимуществ на автотранспортных предприятиях, но и необходимым условием их выживания, достижения поставленных целей и удержания позиций на рынке грузовых автомобильных перевозок. Возникает необходимость исследования как теоретических аспектов применения цифровых систем в управлении грузовыми автомобильными перевозками, так и практики цифровизации деятельности российских грузоперевозчиков для выявления «узких мест», препятствующих совершенствованию функционирования отрасли, успешного достижения национальной цели развития «цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы». Целью исследования является выявление характерных особенностей и проблем применения цифровых систем в управлении грузовыми автомобильными перевозками в Российской Федерации.

Вопросы применения цифровых систем в грузоперевозках вызывают значительный интерес со стороны российских и зарубежных исследователей. Как замечают Н.С. Максимов и Е.Б. Покровская, благодаря цифровизации в сфере грузовых автомобильных перевозок нашли широкое применение цифровые платформы (транспортные биржи), в значительной степени упрощающие взаимодействие грузоотправителей и перевозчиков, а также позволяющие построить оптимальный маршрут и подобрать наиболее выгодное предложение [5, с. 538]. О.Ю. Смирнова и Ю.А. Эртман указывают на возможности моделирования перевозочного процесса с применением геоинформационных систем, что позволяет не только выявлять возможные риски, но и предотвращать их проявление [11, с. 241]. Важны цифровые системы и для обеспечения прозрачности сферы грузовых автомобильных перевозок, что находит выражение в контроле с помощью спутниковых систем, установке навигационных пломб, цифровой маркировке перевозимых грузов. А.А. Изюмский, С.Л. Надирян, С.В. Коцурба подчеркивают потенциал планирования перевозок на основе искусственного интеллекта для уменьшения углеродного следа, предотвращения негативного влияния «человеческого фактора» и рационального управления автопарком [3, с. 122]. Н.А. Атрохов и О.П. Тураева считают, что значительные возможности улучшения управления грузовыми автомобильными перевозками на макроуровне связаны с внедрением электронного документооборота, автоматизацией управления движением, функционированием информационных систем взимания платы за проезд и мониторинга движения транспортных средств [2, с. 30]. На микроуровне цифровые системы применяются для дистанционного контроля за движением грузопотоков, бесшовной логистики, снижения транспортных расходов и ускорения доставки грузов [1, с. 178].

Однако применение цифровых систем в управлении грузовыми автомобильными перевозками носит комплексный характер и, с нашей точки зрения, основывается на концепции «Логистика 4.0». Имплементация цифровых технологий становится одним из ключевых трендов транспортной сферы [12, с. 34]. В годовом отчете Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) за 2025 г. подчеркивается, что цифровые технологии позволяют не только сделать грузоперевозки более эффективными, безопасными, экологичными, но и способствуют их персонализации. Автотранспортные предприятия, реагируя на изменения во внешней среде, не только внедряют процессные и продуктовые инновации, но и трансформируют бизнес-модели [17]. В качестве основных направлений применения цифровых систем в автомобильных грузоперевозках в зарубежных исследованиях выделяются [16; 18]:

- 1) повышение уровня автоматизации грузоперевозок путем организации скоординированного движения колоннами, создания беспилотных грузовых автомобилей;
- 2) применение интеллектуальных транспортных систем для управления движением грузовых транспортных средств и их отслеживания в режиме реального времени;
- 3) внедрение цифровых платформ для подбора грузов и перевозчиков;
- 4) формирование интегрированной экосистемы перевозок за счет упрощения перемещения грузов между различными видами транспорта;
- 5) появление новых бизнес-моделей в транспортном секторе (например, логистика как услуга, мобильность как услуга, микроцентры выполнения заказов).

Направления влияния цифровых систем на управление грузовыми транспортными перевозками по уровням представлены в таблице 1.

Направления влияния цифровых систем на управление грузовыми
транспортными перевозками по уровням

Уровень	Влияние цифровых систем
Уровень автотранспортных предприятий	Изменения бизнес-моделей и отдельных процессов. Появление новых продуктов и услуг
Уровень отрасли автомобильных грузоперевозок	Упрощение взаимодействия через цифровые платформы. Возникновение альянсов, партнерств, совместные проекты для обслуживания крупных клиентов
Уровень интегрированной экосистемы перевозок грузов	Появление новых участников рынка. Более широкое применение мультимодальных перевозок. Рост притока инвестиций в цифровые инновации на транспорте, увеличение вклада грузоперевозок в ВВП

Источник: составлено автором на основе [16; 18].

Все чаще участники сектора грузовых автомобильных перевозок не ограничиваются фрагментарным использованием цифровых систем в отдельных процессах для снижения затрат и улучшения качества оказываемых услуг. Востребованными становятся инновационные бизнес-модели, предполагающие перестройку всех процессов на основе следующих цифровых технологий [6, с. 38–41, 15]:

1) искусственный интеллект (ИИ). Решения на основе ИИ применяются для оптимизации маршрутов движения грузов и транспортных средств, снижения затрат на оказание транспортных услуг, персонализации услуг и улучшения взаимодействия с клиентами;

2) блокчейн. Технология дает возможность оперативно отслеживать поставки, сделать деятельность перевозчиков более прозрачной, упростить заключение контрактов с грузоотправителями;

3) аналитика данных. Цифровые системы, применяющие аналитику данных, позволяют участникам рынка грузовых автомобильных перевозок не только принимать более обоснованные решения, но и осуществлять сценарное прогнозирование, внедрять проактивный подход к управлению бизнесом, предупреждая негативные последствия проявления различных рисков;

4) облачные вычисления. Участники рынка грузовых транспортных услуг за счет облачных решений избегают затрат на приобретение и обслуживание физической инфраструктуры, при необходимости оперативно привлекают дополнительные вычислительные ресурсы;

5) радиочастотная идентификация (RFID), позволяющая не только отслеживать местоположение перевозимого груза, но и вести мониторинг его состояния.

Комплексный характер применения цифровых систем, как упоминалось выше, влияет не только на деятельность отдельных перевозчиков, но и на сферу грузовых автомобильных перевозок в целом, создавая принципиально новые возможности для ее развития, что актуально и для Российской Федерации.

Для проведения исследования использовались следующие материалы: результаты исследований РБК, посвященные развитию цифровой логистики в России [10], отраслевое исследование Керт «Обзор российского онлайн-рынка автомобильных грузоперевозок и прогноз его развития» [9], статистические сборники Высшей школы экономики (ВШЭ) «Индикаторы цифровой экономики» [4] и «Цифровая экономика» [14]. Использованы методы: анализа, синтеза, сравнения, дедукции, экономико-статистические.

Применение цифровых систем в управлении грузовыми автомобильными перевозками актуально как для участников транспортного рынка России, так и для государства в целом. В 2021 г. была начата реализация шести проектов цифровой трансформации транспортной отрасли, среди которых наибольшее значение для грузовых перевозок автомобильным

транспортом имеют проекты «Бесшовная грузовая логистика», «Цифровые двойники объектов транспортной инфраструктуры» и «Цифровое управление транспортной системой РФ».. С осени 2022 г. начала работать государственная информационная система электронных перевозочных документов (ГИС ЭПД), продолжается совершенствование деятельности системы взимания платы за проезд по федеральным трассам «Платон», все более востребованной становится и система «ЭРА-ГЛОНАСС», взаимодействие которой с региональными подразделениями МЧС России дает возможность существенно ускорить прибытие экстренных служб при дорожных происшествиях [13].

В соответствии с принятым в 2023 г. распоряжением Правительства РФ «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года» [7], действовавшим до 2026 г., предусматривалось ускорить переход на электронный документооборот, расширить применение цифрового профиля перевозчика, более активно применять искусственный интеллект для координации грузовых потоков. Созданы индустриальные центры компетенций, специализирующиеся на разработке цифровых решений для грузового транспорта, также следует отметить формирование Национальной цифровой транспортно-логистической платформы «ГосЛог», призванной упростить взаимодействие российских компаний с партнерами из дружественных стран и обеспечить более высокую прозрачность мультимодальных перевозок грузов. В 2023 г. начата эксплуатация роботизированных грузовиков «КАМАЗ» и грузовых беспилотников «СберАвтоТех», все более активно используются электронные навигационные пломбы, в т.ч. в международных перевозках.

Соответственно возрастает и спрос на цифровые решения со стороны участников рынка грузовых автомобильных перевозок. Наиболее ярко это проявляется в сегменте Full Truck Load (перевозка груза выделенным автотранспортом). В сегменте работают следующие поставщики цифровых услуг [10]:

1) доски объявлений с подписной моделью работы, являющиеся аналогами традиционных сервисов объявлений. Дополнительные услуги в сфере цифровой логистики для грузоотправителей и перевозчиков недоступны;

2) комплексные системы управления перевозками, позволяющие не только устанавливать деловые взаимоотношения, но и отслеживать движение грузопотоков, расходы на перевозки, вести документооборот, принимая на себя функции аутсорсера как для грузоотправителей, так и для перевозчиков;

3) цифровые платформы, позволяющие взаимодействовать грузоотправителям и транспортным компаниям. Также цифровые платформы могут предоставлять дополнительные услуги участникам рынка грузовых автомобильных перевозок.

По данным Kert, в структуре онлайн-рынка выделяются три сегмента: цифровые экспедиторы (связывающие грузоотправителей и перевозчиков на цифровой платформе), TMS-площадки (оказывающие услуги по проведению аукционов, управлению перевозками и логистикой), дополнительные услуги (топливные программы, авансирование) [9]. Определяющую роль играет сегмент TMS-площадок, наиболее известными участниками которого являются Atrucks, Logistpro, Trucker, «Умная логистика», ATI.SU. Основными клиентами в сегменте являются грузовладельцы. Количество заявок, исполняемых TMS-площадками России, превышает 2 млн. в год. В сегменте цифровых экспедиторов, в свою очередь, действуют 11 участников, в т.ч. «Монополия», «Каргомент», Atlas Chain, xPlanet и другие. Основными клиентами в сегменте являются перевозчики, однако количество исполняемых заявок на перевозку грузов в сегменте ниже, чем на TMS-площадках. Динамика онлайн-рынка автомобильных грузоперевозок в России приведена на рисунке 1 [9].

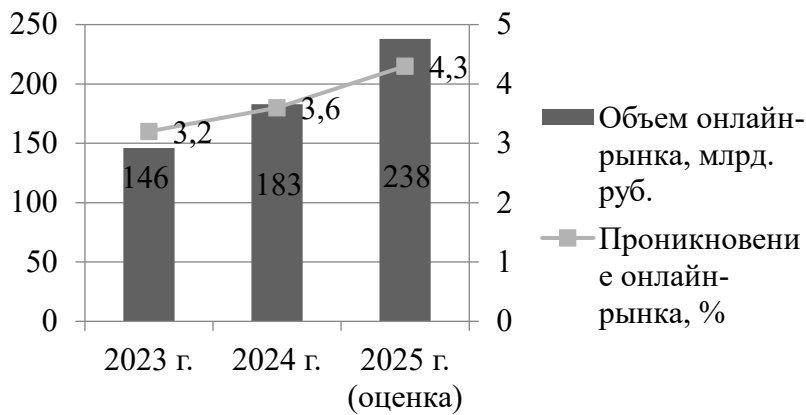

Рис. 1. Динамика онлайн-рынка автомобильных грузоперевозок в России
Источник: составлено автором на основе [9].

Темпы роста объемов онлайн-рынка автомобильных грузоперевозок в России растут, однако уровень проникновения онлайн-рынка остается низким и свидетельствует о сохраняющемся настороженном отношении участников сферы грузоперевозок к цифровой трансформации. Только к 2030 г., по оценкам экспертов Kert, проникновение онлайн-рынка автомобильных грузоперевозок превысит 10%, а среднегодовые темпы прироста объемов онлайн-рынка ожидаются на уровне 29,6%. Существенное положительное влияние на востребованность цифровых систем оказывает также реализация федерального проекта «Цифровая трансформация транспортной отрасли», в рамках которого, как ожидается, будут успешно созданы, государственная информационная система «Транспортно-экономический баланс РФ» и Национальная цифровая транспортно-логистическая платформа, разработка которой ведется в течение нескольких последних лет.

В то же время, как показывают статистические данные, вклад организаций сферы транспортировки и хранения в формирование общих затрат на внедрение и использование цифровых технологий и связанных с ними товаров и услуг составляет только 290,9 млрд руб. или 7,2% общей величины [4]. Данные об использовании цифровых технологий в организациях сферы транспортировки и хранения представлены в виде таблицы 2 [14].

Таблица 2

Использование цифровых технологий в организациях сферы транспортировки и хранения в России, %

Технологии	Организации транспортировки и хранения	В среднем по России
Облачные сервисы	18,2	26,7
Цифровые платформы	19,6	17,1
«Большие данные»	18,2	15,3
Геоинформационные системы	19,2	12,2
Интернет вещей	14,8	11,1
RFID	16,8	9,1
Искусственный интеллект	4,9	4,9
Цифровой двойник	1,4	1,5

Источник: составлено автором на основе [14].

Как видно из таблицы 2, в сфере транспортировки и хранения существенно большее распространение получили решения на основе Интернета вещей, технологии RFID, «больших данных», геоинформационные системы, цифровые платформы. В то же время не в полной мере задействован потенциал искусственного интеллекта, технологии «цифровой двойник», что свидетельствует о необходимости дополнительных мер, направленных на расширение применения цифровых систем.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о динамичном развитии онлайн-рынка грузовых автомобильных перевозок России, активно реализуется ряд проектов в области цифровизации транспортной отрасли, непосредственно затрагивающих исследуемую сферу. Актуальными видятся следующие направления применения передовых цифровых технологий:

- 1) выстраивание системы сквозного обмена электронными перевозочными документами в ЕАЭС, участие в экосистеме цифровых транспортных коридоров;
- 2) использование смарт-контрактов на основе технологии блокчейн для отслеживания движения грузов;
- 3) значительное увеличение масштабов использования беспилотных транспортных средств для грузоперевозок; к 2028 г. будет создано не менее двух прототипов пятого уровня автоматизации;
- 4) увеличение количества перевозок грузов с применением навигационных пломб до 500 тыс. ежегодно;
- 5) запуск индустриальными центрами компетенций новых проектов, позволяющих импортозаместить зарубежные цифровые продукты и решения, используемые в сфере грузовых автомобильных перевозок [8].

В результате сфера грузовых автомобильных перевозок в России будет динамично развиваться, негативное влияние санкционных вызовов снизится, также следует ожидать ускоренного роста проникновения онлайн-рынка, что даст возможность укрепить устойчивость перевозчиков и улучшить финансовые результаты их деятельности, обеспечив одновременно прозрачность движения потоков грузов.

В заключение проведенного исследования необходимо отметить, что применение цифровых систем для управления грузовыми автомобильными перевозками в России является объективно необходимым как на национальном уровне, так и в отдельных компаниях. Регулярно обновляются стратегические направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли России для отражения трендов цифровизации.

По итогам 2024 г. объем онлайн-рынка автомобильных грузоперевозок достиг 183 млрд руб., однако проникновение онлайн-рынка остается низким. Наблюдается отставание в применении транспортными компаниями решений на основе технологий искусственного интеллекта, цифрового двойника, в то время как облачные решения, цифровые платформы, геоинформационные системы активно применяются в перевозках грузов автомобильным транспортом. Перспективными направлениями применения цифровых систем является рост объемов перевозок беспилотным транспортом, запуск Национальной цифровой транспортно-логистической платформы, использование смарт-контрактов для отслеживания перевозок грузов, более активное применение электронных навигационных платформ.

Список литературы

1. Альшинецкий И.М. Реализация политики цифровизации, необходимость цифровой трансформации транспортной отрасли / И.М. Альшинецкий // Вестник МФЮА. – 2023. – №3. – С. 174–185. DOI 10.52210/2224669X_2023_3_174. EDN LNCCPK
2. Атрохов Н.А. Цифровизация грузовых автомобильных перевозок / Н.А. Атрохов, О.П. Тураева // Евразийское научное объединение. – 2019. – №7–1. – С. 29–32. EDN JCRKOC

3. Изюмский А.А. Цифровизация – единственный путь развития автомобильных перевозок / А.А. Изюмский, С.Л. Надирян, С.В. Коцурба // International Journal of Advanced Studies. – 2023. – Т. 13. №4. – С. 118–127. DOI 10.12731/2227-930X-2023-13-4-118-127. EDN DTCBRL
4. Индикаторы цифровой экономики 2025: стат. сб. / ВШЭ. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1026726402.pdf> (дата обращения: 26.01.2026).
5. Максимов Н.С. Совершенствование процесса перевозок грузов автомобильным транспортом путем применения цифровых технологий / Н.С. Максимов, Е.Б. Покровская // Московский экономический журнал. – 2023. – №3. – С. 535–545. DOI 10.55186/2413046X_2023_8_3_158. EDN HCVOCT
6. Маликова Ю.А. Цифровая трансформация транспортно-аналитических систем поставок / Ю.А. Маликова // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2024. – № 1. – С. 37–44. DOI 10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.1.85.005. EDN CMHRJO
7. О стратегическом направлении в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 3 ноября 2023 г. №3097-р (утратило силу) // СПС «КонсультантПлюс».
8. О стратегическом направлении в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 19 декабря 2025 г. №3887-р // СПС «КонсультантПлюс».
9. Обзор российского онлайн-рынка автомобильных грузоперевозок и прогноз его развития. – URL: <https://kept.ru/news/obzor-rossiyskogo-onlayn-rynka-avtomobilnykh-gruzoperevozok-i-prognoz-ego-razvitiya> (дата обращения: 26.01.2026).
10. Погорельский А. Отрасль стремительного роста: в чем феномен цифровой логистики / А. Погорельский // РБК Тренды. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/658294209a79475a12cba098> (дата обращения: 26.01.2026).
11. Смирнова О.Ю. Цифровые технологии при организации перевозки сверхнормативных грузов автомобильным транспортом / О.Ю. Смирнова, Ю.А. Эртман // Вестник СибАДИ. – 2022. – Т. 19. № 2. – С. 236–245.
12. Фадеева Н.В. Цифровизация бизнес-процессов транспортной инфраструктуры: современные методы управления / Н.В. Фадеева // Экономика строительства. – 2022. – №12. – С. 33–40. EDN WFCZQO
13. Цифровая трансформация на транспорте. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_трансформация_на_транспорте (дата обращения: 26.01.2026).
14. Цифровая экономика 2025: крат. стат. сб. / ВШЭ. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/995751983.pdf> (дата обращения: ...).
15. Dimaano R. Digital Technologies for Freight Transportation / R. Dimaano. URL: <https://publication.sipmm.edu.sg/digital-technologies-for-freight-transportation> (дата обращения: 26.01.2026).
16. Wang Y. Emerging digitalization technologies in freight transport and logistics: Current trends and future directions / Y. Wang, J. Sarkis // Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review. 2021. Vol. 148. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S136655452100065X> (дата обращения: 26.01.2026).
17. WIPO Technology Trends: Future of Transportation. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/wipo-technology-trends-future-of-transportation/en/index.html> (дата обращения: 26.01.2026).
18. Zhang R. Digitalization in Transport and Logistics Services: A Case for Data Flows. URL: https://www.wto.org/English/res_e/reser_e/ruosi_zhangs_presentation_data_flow_in_transport_and_logistics_services.pdf (дата обращения: 26.01.2026).

ИНТЕГРАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО СЕКТОРА

Аннотация: статья посвящена вопросу роли искусственного интеллекта в современной практике транспортно-логистического комплекса. Приведены примеры практического использования методов искусственного интеллекта при оптимизации путей перемещения грузов, прогнозировании покупательского спроса, управлении складскими ресурсами, предупреждении технических сбоев и других решений. Выделены основные цели, преимущества внедрения ИИ-технологий, подчеркнута важность искусственного интеллекта для долгосрочного устойчивого развития отраслей транспорта и логистики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, транспортно-логистическая отрасль, оптимизация маршрутов, прогнозирование спроса, управление запасами, беспилотные транспортные средства, предиктивное обслуживание, клиентский сервис, большие данные, аналитика.

Тема внедрения методов искусственного интеллекта в современную практику транспортно-логистического комплекса приобретает особую значимость ввиду того, что искусственный интеллект стал одним из ключевых факторов, способствующих трансформации различных отраслей экономики, включая транспорт и логистику. Возрастание объемов перевозок и усложнение цепочек поставок приводят к возникновению таких проблем, как дорожные заторы, аварийные ситуации, экологические риски, необходимость обработки больших массивов отраслевых данных, обеспечение социальной удовлетворенности граждан и оптимизация затрат. Для решения указанных проблем использование искусственного интеллекта становится не просто экономически эффективным решением, а необходимым шагом для создания интеллектуальной и безопасной транспортной инфраструктуры [2].

Искусственный интеллект – это совокупность передовых технологий и программного обеспечения, позволяющих достигать результатов, сопоставимых с деятельностью человека, и применяемых для решения практических задач с помощью систем компьютерного зрения, обработки естественного языка, распознавания и синтеза речи, интеллектуальной поддержки принятия решений, а также систем, основанных на перспективных методах [1].

Рассмотрим примеры эффективного применения искусственного интеллекта в транспорте и логистике, а также их воздействие на развитие индустрии и влияние на качественное преобразование рассматриваемого сегмента рынка.

Одной из приоритетных областей применения искусственного интеллекта выступает оптимизация маршрутов транспортировки грузов. Машинные алгоритмы способны анализировать огромный объем данных, включающих информацию о загруженности дорог, погодные условия и прочие факторы, что позволяет выбрать оптимальный путь следования. Благодаря этому удается существенно сократить продолжительность перевозки, сэкономить средства на топливе и одновременно уменьшить негативное воздействие на окружающую среду.

Другое значимое направление применения искусственного интеллекта связано с предвидением потребительских запросов. Анализируя накопленные ранее данные, учитывая временные тенденции и рыночные обстоятельства, бизнес получает возможность своевременно реагировать на изменение нужд покупателей. Такая стратегия помогает поддерживать

оптимальное соотношение между спросом и предложением, эффективно планировать производство и поставки, избегать излишков на складах и дефицита востребованной продукции, что способствует снижению операционных расходов и повышению конкурентоспособности.

Еще одной важной задачей, решаемой с использованием искусственного интеллекта, является управление запасами продукции и совершенствование внутренних производственных процедур. Автоматизированные системы контролируют наличие товара на складах, координируют размещение продуктов и оптимизируют процедуры комплектования заказов.

Особого внимания заслуживает разработка беспилотных транспортных средств, основанная на ИИ-технологиях. Данный технологический прорыв способен коренным образом преобразовать всю инфраструктуру грузоперевозок. Помимо существенного увеличения прибыли за счет снижения эксплуатационных расходов и повышения производительности, автономные автомобили обеспечат значительное повышение безопасности дорожного движения путем исключения человеческих ошибок. Одновременно такое решение обеспечит бесперебойную работу дорожных сетей даже в периоды пиковых нагрузок, стимулируя тем самым экономический рост и стабильность транспортной системы всей страны.

Особенно важным направлением использования искусственного интеллекта является применение технологий предиктивной диагностики технического состояния транспортных средств. Основываясь на глубоком анализе поступающей телеметрической информации, датчиков и прочих диагностических данных, современные системы заблаговременно предупреждают о потенциальных сбоях и дефектах оборудования задолго до наступления реальных отказов. Эта превентивная мера позволяет заранее организовать необходимые ремонтные мероприятия и техническое обслуживание, минимизируя риск незапланированного выхода техники из строя и практически исключая вынужденные простои автомобилей и другого подвижного состава, что позитивно сказывается на уровне операционной надежности и экономической эффективности перевозчиков.

Помимо прочего, искусственный интеллект играет ключевую роль в повышении качества обслуживания клиентов в транспортно-логистическом секторе. Использование интеллектуальных чат-ботов и виртуальных персональных помощников обеспечивает круглосуточную доступность оперативной информации для заказчиков, позволяя быстро получать сведения о местонахождении и состоянии доставляемых грузов, устранять возможные затруднения в режиме реального времени и легко инициировать оформление новых заявок. Такие цифровые инструменты коммуникации делают взаимодействие с клиентами прозрачнее, удобнее и эффективнее, формируя положительный опыт клиента и укрепляя доверие к брендам, работающим в сфере логистики и транспортных услуг.

Таким образом, выделяя ключевые цели интеграции современных технологий искусственного интеллекта в деятельность транспортно-логистического сектора, можно обозначить следующие приоритеты:

- повышение эффективности и автоматизации рабочих процессов;
- обеспечение повышенной степени безопасности участников транспортного процесса;
- улучшение качества сервиса для конечного потребителя;
- совершенствование аналитики данных и прогнозирования;
- сокращение негативного воздействия на окружающую среду;
- рост общей экономической эффективности отрасли.

Уже сегодня наблюдается значительный социально-экономический эффект от активного внедрения технологий искусственного интеллекта в различные сферы жизни общества. Применительно к транспортной и логистической отраслям интеграция демонстрирует заметные положительные сдвиги, отражающиеся в ускорении процессов, снижении издержек и повышении общего уровня безопасности. По оценкам экспертов, внедрение новейших цифровых

решений на основе искусственного интеллекта окажет существенное влияние на экономику государств. Так, к 2035 году общий эффект от применения технологий искусственного интеллекта во всех сегментах экономики России составит около 46,5 трлн рублей. Наиболее весомый вклад в формирование данного экономического результата окажут такие важные отрасли, как транспортировка и хранение, обеспечивающие порядка 2,6 трлн рублей от общего прироста валового внутреннего продукта [3].

Таким образом, успешная реализация проектов по цифровизации данных секторов станет важным фактором роста национальных экономик и укрепления глобальной конкурентоспособной позиции соответствующих рынков.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.04.2020 №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных».
2. Белая книга: искусственный интеллект в сфере транспорта и логистики. – URL: <https://ict.moscow/static/686177da-7794-5663-9d98-5e9df294aa3d.pdf> (дата обращения: 28.02.2026).
3. Экономический эффект от внедрения технологий искусственного интеллекта в России. – URL: <https://issek.hse.ru/news/1022068478.html> (дата обращения: 28.02.2026).

Рябова Полина Александровна

студентка

ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»

г. Самара, Самарская область

РАЗРАБОТКА МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ОЦЕНКИ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ДЛЯ ЭКОТУРИЗМА И РЕЛОКАЦИИ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ МЕТОДАМИ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА

Аннотация: в условиях реализации государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» актуальна задача выявления факторов, определяющих привлекательность сельских поселений для экотуризма и релокации городских жителей. Исследование направлено на анализ влияния социальных, экологических, экономических и логистических характеристик на стоимость жилья, рассматриваемую как интегральный индикатор привлекательности сельской местности. Эмпирической базой послужили результаты анкетирования потенциальных мигрантов и последующая статистическая обработка данных с использованием корреляционного анализа и метода главных компонент. Выделены группы факторов, поразному влияющих на привлекательность поселений для экотуризма и постоянной релокации, включая удалённость от города, качество дорожной сети, наличие природных рекреационных ресурсов, социальную и торговую инфраструктуру, медицинское обслуживание и возможности сбыта местной продукции. Установлено, что структура ключевых факторов меняется в зависимости от типа миграционного поведения, что важно учитывать при разработке мер государственной поддержки и территориального планирования.

Ключевые слова: сельские территории, привлекательность сельского поселения, экотуризм, релокация городских жителей, стоимость жилья, социальная инфраструктура, экологические факторы, экономические факторы, логистические факторы, анкетирование, территориальное планирование, государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий».

Проблема сохранения сельских территорий является одной из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. Правительство активно поддерживает программы комплексной модернизации деревень и сел, направленные на улучшение условий жизни, стимулирование экономического роста и повышение уровня социального благополучия. Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» (Постановление Правительства РФ №696 от 1 июля 2019 г., с изменениями на 2025 г. позиционирует сельские районы как драйвер устойчивого экономического роста через оптимизацию земельных ресурсов и диверсификацию занятости. Однако негативные демографические тенденции – старение населения, сокращение трудоспособных сельчан на 15% и миграционный отток молодёжи в города – приводят к кризису ресурсов: человеческих, финансовых, технических.

Противоположные тренды – экотуризм (рост на 24% в 2023–2025 гг.) и релокация горожан (в т.ч. на дачи или PUE – постоянно используемые участки) – остаются случайными и слабо управляемыми. По данным Рос реестра, сделки с сельским жильём выросли на 37% в 2024 г., но факторы спроса мало изучены.

Управление и стимулирование процессов переселения городских жителей в сельскую местность требует глубокого понимания механизмов формирования предпочтений горожан. Стоимость жилья выступает ключевым индикатором привлекательности территории и отражает комплекс социальных, инфраструктурных, природных и хозяйственных характеристик местности.

На начальном этапе исследования было организовано и проведено масштабное анкетирование горожан, потенциально готовых к переселению в сельскую местность. В ходе обработки и анализа полученных данных были идентифицированы и систематизированы ключевые показатели, способные оказать существенное влияние на решение городских жителей о переезде в сельскую местность. Эти показатели сгруппированы по четырём основным категориям:

- социальные (наличие школы, ФАП-фельдшерско-акушерского пункта, статус райцентра, наличие магазинов, пунктов доставки, качество мобильной связи, возможность подключения проводного Интернета);
- экологические (лес, водоем, отсутствие вредных производств, урожайность почвы);
- экономические (фермерские хозяйства, количество КРС у населения);
- логистические (дороги, междугородний транспорт, удаленность от города) факторами и стоимостью жилья факторов до 10–12 методом главных компонент.

В случае постоянной релегации определяющим становится ФАП, междугородний транспорт, наличие рынка и магазинов сельского поселения, наличие храма, доступность покупки сельскохозяйственной продукции местного производства, рельеф, плодородие почвы и наличие мест рекреации (лес, река, пруд, озеро). С целью уточнить и проранжировать предпочтения потенциальных сельчан нами был разработан и размещён в сервисе «Яндекс Формы» опрос, в котором приняли участие более 50 человек, социально демографические характеристики выборки представлены на рисунках 1–5. Ниже размещены входные данные, касающиеся проходящих анкетирование.

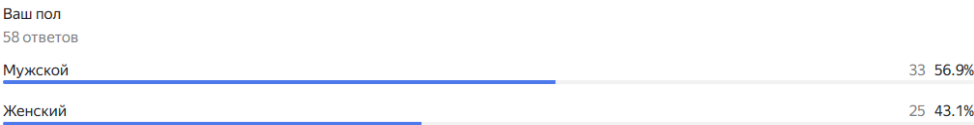

Рис. 1

Сколько вам лет?

58 ответов

18-25	36	62.1%
25-45	13	22.4%
45-60	8	13.8%
Больше 60	1	1.7%

Рис. 2

Вы учитесь или работаете?

57 ответов

Учусь и работаю	19	33.3%
Только учусь	18	31.6%
Только работаю	17	29.8%
Ни учусь, ни работаю	3	5.3%

Какое у вас образование ?

57 ответов

Высшее образование	28	49.1%
Среднее общее образование	19	33.3%
Среднее профессиональное образование	10	17.5%

Рис. 3

Есть ли у вас сейчас дача или дом в деревне?

57 ответов

Да, есть.	24	42.1%
Нет, и пока не планирую.	24	42.1%
Нет, но планирую приобрести в ближайшие 1–2 года.	9	15.8%

Если вы ищете или планируете купить дачу/дом, укажите ориентировочные сроки.

42 ответа

Пока просто присматриваюсь, без конкретных сроков.	23	54.8%
Более чем через 3 года (отдалённая перспектива).	13	31%
Через 1–3 года.	4	9.5%
В течение года.	2	4.8%

Рис. 4

Какой тип объекта вы ищете?

57 ответов

Готовый дом с участком.	33	57.9%
Участок без построек (под строительство).	14	24.6%
Дом с участком, требующий ремонта.	10	17.5%

Рис. 5

Приведенные данные демонстрируют достаточную репрезентативность выборке по возрастным группам и уровню образования. Для оценки значимости факторов респондентам задавались вопросы вида «Насколько для вас важно, чтобы больница, фельдшерско-акушерский пункт (ФАП) и другие медицинские учреждения находились поблизости? Оцените по шкале от 0 до 10, где: 8–10 – очень важно иметь поблизости больницу; 4–7 – достаточно иметь поблизости ФАП; 0–3 – наличие медицинского учреждения поблизости не является приоритетным».

Полученные результаты сведены в таблицу 1. При этом для удобства используются сокращённые наименования факторов.

Таблица 1

Оценка значимости факторов и их разброс по результатам анкетирования

Фактор	Среднее	СКО	Вариация
Связь	9,228	0,948	10,27%
Экология	8,825	1,433	16,24%
Магазины	8,649	1,391	16,08%
Почва	8,456	1,612	19,07%
Дороги	8,333	1,450	17,40%
Интернет	8,228	1,557	18,93%
Медицина	8,070	1,517	18,80%
Лес	7,368	2,209	29,97%
Водоем	7,158	2,185	30,52%
Цена участка	6,789	1,983	29,21%
Пункт выдачи	6,772	2,030	29,97%
Транспорт	6,456	2,920	45,22%
Удаленность	6,368	2,862	44,95%
Фермеры	6,351	2,345	36,92%
КРС	4,351	2,580	59,30%

По результатам анкетирования выделены семь факторов, обладающих наибольшей значимостью для респондентов: связь, экология, магазины, состояние почвы, качество дорог, доступность интернета и уровень медицинского обслуживания. Средний показатель их важности превышает 8 баллов, а коэффициент вариации не превышает 20%. Это свидетельствует о высокой согласованности оценок среди всех групп опрошенных и подтверждает универсальную важность данных факторов. Остальные параметры демонстрируют более высокий разброс мнений.

В отдельную группу факторов вошли: наличие лесных массивов поблизости, близость водоемов, стоимость самого дачного участка и близость пунктов выдачи. Среднее значение их оценки составляет от 6 до 8 баллов, однако коэффициент вариации превышает 20%. Это указывает на определённую неоднородность мнений респондентов и позволяет предположить, что участники анкетирования могут быть распределены на отдельные группы с различающимися приоритетами.

К наименее важному фактору опрошенные отнесли: доступность междугороднего общественного транспорта, удалённость дачи от города, наличие рядом с дачей фермерских хозяйств и поголовье крупного рогатого скота (КРС) у местных жителей. Их средняя оценка варьируется в диапазоне от 4 до 7 баллов, при этом коэффициент вариации составляет более 45% и достигает 60%. Такой высокий разброс данных свидетельствует о существенном расхождении мнений респондентов. Это требует проведения углублённого анализа с последующим разбиением опрошенных на отдельные группы для выявления причин различий в оценках.

Коррекционная матрица таблица2 свидетельствует о том, что между различными факторами существует статически значимая взаимосвязь что послужит нам предпосылками проведения факторного анализа методом главного компонента.

Таблица 2

Корреляции	Медицина	Пункт выдачи	Магазины	Связь	Интернет	Лес	Водоем	Экология	Почва	Фермеры	КРС	Дороги	Транспорт	Удаленность	Цена участка
Медицина	1														
Пункт выдачи	0,366	1													
Магазины	0,364	0,522	1												
Связь	-0,068	0,322	0,075	1											
Интернет	0,148	0,14	0,294	0,252	1										
Лес	0,36	0,232	0,064	-0,14	0,13	1									
Водоем	0,198	0,14	0,021	-0,097	0,14	0,763	1								
Экология	0,199	0,13	0,084	-0,065	0,001	0,517	0,569	1							
Почва	0,085	0,007	-0,032	0,045	0,052	0,463	0,474	0,366	1						
Фермеры	0,338	0,169	0,06	-0,034	0,316	0,516	0,477	0,405	0,254	1					
КРС	0,367	0,06	0,11	-0,068	0,318	0,472	0,343	0,236	0,313	0,653	1				
Дороги	0,249	0,218	0,165	0,226	0,051	0,299	0,316	0,155	0,294	0,072	0,168	1			
Транспорт	0,074	0,303	0,123	0,143	0,262	0,223	0,191	0,132	0,394	0,147	0,221	-0,038	1		
Удаленность	0,122	0,3	0,12	0,369	0,221	0,071	0,083	0,09	0,326	0,088	0,17	0,012	0,763	1	
Цена участка	0,209	0,254	0,141	0,028	0,02	0,021	-0,003	0,073	0,172	0,087	0,211	0,113	0,378	0,361	1

Таким образом, становится очевидно: приток горожан в посёлки – важный фактор развития сельских территорий. Рост численности населения запускает цепочку позитивных изменений. Повышается спрос на продукты питания, бытовые товары и строительные материалы, что, в свою очередь, стимулирует развитие сферы услуг и поддерживает местные производства. Активнее развивается торговля, растёт число малых предприятий – в частности, фермерских хозяйств и объектов агротуризма.

С увеличением производства растёт число рабочих мест, что улучшает ситуацию с трудоустройством для местных жителей и способствует появлению новых объектов инфраструктуры. Вместе с тем рост населения повышает заинтересованность людей в сохранении и улучшении качества среды обитания. Это может стать стимулом для общественных инициатив: озеленения населённых пунктов, очистки водоёмов, защиты лесных массивов и других природоохранных мероприятий.

Для дальнейшего исследования целесообразно: провести кластерный анализ для выделения естественных групп респондентов, сопоставить результаты с социально-демографическими характеристиками.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. №696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».
2. Социально-экономическое положение сельских территорий: статистический сборник. 2020–2025 гг. / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – М.: Росстат, 2020–2025.
3. Минсельхоз России. Доклады и аналитические материалы по развитию сельского туризма и сельских территорий на период 2020–2025 гг. / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – М., 2020–2025.

Шестакова Маргарита Владимировна

преподаватель

Красноярский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»

г. Красноярск, Красноярский край

**ПЛАТФОРМЫ ОНЛАЙН-ДОСТАВКИ И ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ:
ВЛИЯНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМ НА РОСТ E-COMMERCE**

Аннотация: статья посвящена вопросу анализа трансформации российского рынка электронной коммерции под влиянием развития логистических платформ. Рассматривается роль инновационных решений в управлении доставкой на этапе «последней мили», оценивается их вклад в масштабирование e-commerce и изменение паттернов потребительского поведения. На основе данных российского рынка выделяются ключевые факторы эффективности современных логистических экосистем.

Ключевые слова: платформы, рынок, онлайн-доставка, маркетплейсы, e-commerce, логистические платформы.

Российский рынок электронной коммерции демонстрирует устойчивый рост, который в значительной степени обусловлен развитием инфраструктуры доставки. Логистические платформы, такие как Яндекс.Лавка, СберМаркет, Ozon, Wildberries и агрегаторы (Delivery Club, Yandex.Eda), стали драйверами трансформации потребительских привычек и городской логистики.

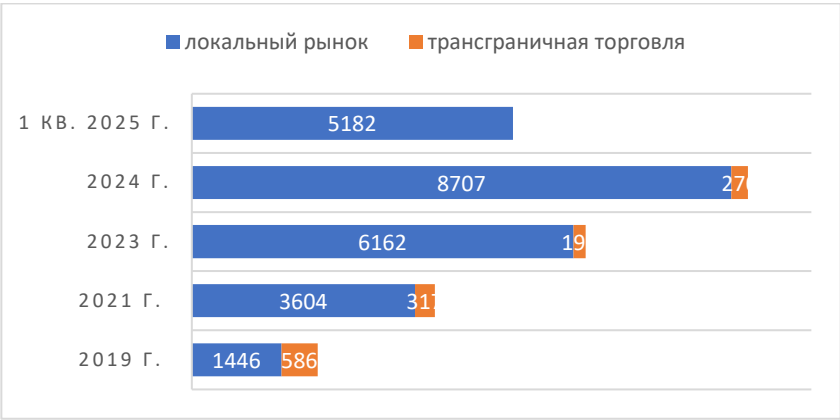

Рис. 1. Российский рынок интернет-торговли за 2019–2025 гг., млн руб.

В последние годы российский рынок e-commerce демонстрирует двузначные темпы роста, что обусловлено не только цифровизацией ритейла, но и качественным скачком в логистических технологиях. Логистика перестала быть просто вспомогательной функцией и превратилась в ключевое конкурентное преимущество. Центральное место в этой трансформации занимают платформенные решения, которые интегрируют продавцов, курьерские службы и конечных потребителей в единую цифровую экосистему.

Средний показатель проникновения e-commerce в общую розницу составил 16,2%, однако в отдельных субъектах РФ цифровые продажи развиты гораздо сильнее. Лидерами по доле онлайн-покупок стали Чукотский АО (38%), Республика Алтай (26%) и Магаданская область (25%). В Камчатском крае, Калужской, Мурманской областях, Карачаево-Черкесии и Тыве этот показатель достигает 23%, а в Вологодской, Владимирской областях и Карелии превышает 20%.

Рис. 2. Региональное распределение интернет-торговли за 1 полугодие 2025 г.

Состав десяти крупнейших регионов по объемам продаж остается стабильным, хотя вклад мегаполисов постепенно снижается из-за роста активности в провинции. За первое полугодие 2025 года Москва удерживает первенство, но ее доля сократилась до 17,2% (против 17,7% ранее). Московская область занимает вторую позицию с 7,9%, а Санкт-Петербург замыкает тройку лидеров с показателем 6,3%. В список крупнейших рынков также входят Краснодарский край (4,7%), Ростовская (2,8%) и Свердловская (2,8%) области, а также Нижегородская, Самарская области, Татарстан (около 2% каждый) и Красноярский край (1,9%).

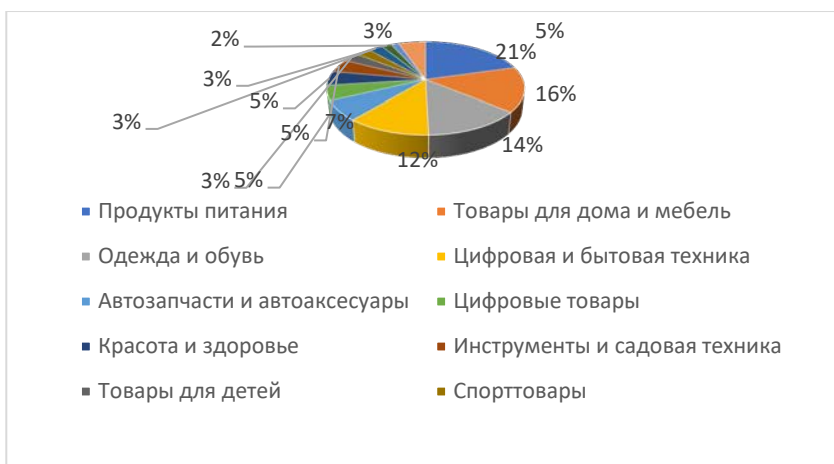

Рис. 3. Распределение по товарным категориям на локальном рынке за 1 полугодие 2025 г.

Наиболее популярные категории у российских покупателей: продукты питания 21%, товары для дома и мебель 16%, одежда и обувь 14%. В категорию прочие (менее 1,5%) вошли зоомагазины, ювелирные изделия и часы, прочие товары, подарки и цветы и составили 5,3%

Платформы доставки в e-commerce можно условно разделить на четыре класса:

- маркетплейс-логистика (integrated fulfillment): платформа хранит товары (fulfillment), принимает заказ, комплектует и доставляет (частично собственными силами, частично через партнеров);

- агрегатор доставки: платформа соединяет продавца и перевозчика/курьера, предоставляя IT-инструменты (назначение, трекинг, SLA, платежи), но не обязательно владеет складом;

– Q-commerce: ультрабыстрая доставка (обычно 15–60 минут) за счет городской сети микроскладов (dark stores) и высокочастотных курьерских операций;

– омниканальная доставка ритейлера: интеграция магазинов как мини-складов (ship-from-store), самовывоз, постаматы и доставка «день-в-день».

Маркетплейсы – главный канал сбыта на российском рынке электронной коммерции.

Российские маркетплейсы (Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет) и специализированные сервисы доставки (СберМаркет/Купер, Самокат) создали инфраструктуру, которая позволила малому и среднему бизнесу выйти на федеральный уровень.

Что касается распределения по обороту продаж, на трех ведущих маркетплейсах страны сосредоточена основная масса торговой деятельности. Среди 486 тысяч активных продавцов наиболее востребованной платформой для ведения бизнеса остается Wildberries, которую предприниматели чаще всего указывают в качестве своего базового канала продаж.

Логистические платформы решают проблему «барьера входа», предоставляя готовую цепочку поставок. Это привело к децентрализации торговли: товары стали доступны в отдаленных регионах с той же скоростью и стоимостью, что и в крупных мегаполисах. Платформенная модель управления запасами и распределения заказов минимизирует издержки на хранение и транспортировку.

Развитие логистических платформ сформировало новые стандарты потребления:

– эффект мгновенного удовлетворения: сокращение сроков ожидания сделало онлайн-покупки альтернативой походу в ближайший магазин;

– требование прозрачности: возможность отслеживания заказа в реальном времени (real-time tracking) стала обязательным условием лояльности клиента;

– гибкость возвратов: упрощенная процедура возврата через платформенные решения снизила риск покупки в интернете, увеличив средний чек и частоту заказов.

Несмотря на успехи, сектор сталкивается с рядом вызовов: дефицит кадров в сегменте линейного персонала (курьеры, складские рабочие), рост стоимости складской недвижимости и необходимость экологической трансформации (утилизация упаковки).

Перспективным направлением является дальнейшая автоматизация и роботизация складов, а также использование беспилотных технологий (роверы-доставщики), которые уже проходят тестирование в крупных российских городах.

Логистические платформы являются фундаментом современного российского e-commerce. Эффективное решение проблем «последней мили» не только стимулирует рост товарооборота, но и радикально меняет городскую инфраструктуру и социальные привычки населения. Дальнейшее развитие рынка будет зависеть от способности платформ балансировать между скоростью доставки, операционной эффективностью и удержанием стоимости услуг для конечного потребителя.

Список литературы

1. Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ). Статистика российского рынка электронной коммерции за первое полугодие 2025 года. – М.: АКИТ, 2025.
2. Смирнова Е.В. Модели доставки в e-commerce: от маркетплейсов до q-commerce: монография / Е.В. Смирнова. – М.: Инфра-М, 2024.
3. Яковлев А.А. Логистические платформы как драйвер роста электронной коммерции / А.А. Яковлев, С.И. Петров // Логистика и управление цепями поставок. – 2023. – №4. – С. 45–58.
4. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Розничная торговля и электронная коммерция в России: статистический сборник. – М.: Росстат, 2025.

Научное электронное издание

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ РЕГИОНА:
ЧЕЛОВЕК И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Материалы
Международной научно-практической конференции
(Красноярск, 26 февраля 2026 г.)

Научный редактор *Т. А. Шпет*
Компьютерная верстка *Е. В. Кузнецова*

Подписано к использованию 06.03.2026 г.
Объем 4,85 Мб. Тираж 20 экз.
Уч. изд. л. 26,29.

Издательский дом «Среда»
428023, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>